

В.П. ДАРКЕВИЧ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ ВОСТОКА

VIII—XIII вв.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ТОРЕВТИКИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
И ЗАУРАЛЬЯ

Rb 5.33

В книге исследованы изделия из серебра и бронзы, выполненные в средневековых мастерских Востока и найденные на европейской территории СССР. Произведения художественного ремесла рассмотрены в связи с общим процессом развития средневекового искусства Востока, а также как важный исторический источник, характеризующий экономические, политические и культурные связи восточных славян, волжских булгар и угро-финских племен со странами Азии. Книга богато иллюстрирована; снабжена обширной библиографией.

Ответственный редактор

Т. В. НИКОЛАЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Поэтому-то науки развиваются беспредельно, так как последний находит то, чего не находил первый, и так до неограниченной цели, до неустановленного предела.

АЛ-МАСУДИ

Иногда это может огорчить, но все же радостно думать, что возможности изучения прошлого — не только для нас, но и для последующих поколений — столь же безграничны, как и возможности ученых, работающих в области естественных наук.

Р. ФРАЙ. Наследие Ирана

С образованием Арабского халифата народы Восточной Европы вошли в тесный контакт с мусульманским миром: Средней Азией, Ираном, Ираком, Восточным Средиземноморьем. Объединяя самые отдаленные области халифата, арабская торговля IX—XIII вв. выходила далеко за его пределы. Она вовлекала в орбиту своего влияния охотничьи племена северо-востока Европы, восточных и западных славян, население Скандинавии. Предприимчивые мусульманские купцы, информацию которых использовали арабо-персидские географы, подчас добивались до побережья Балтики, достигали Праги и Венгерской равнины, хотя отлично знали, что путь сквозь «страну славян» нелегок, — он вел «по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса» (Ибн Русте)¹. Опасности дальних дорог не останавливали и торговцев русов, которые привозили товары на верблюдах в Багдад. Здесь они встречали славянских переводчиков и славян, служивших в гвардии халифа. Низами в поэме «Искандер-наме» среди добычи, захваченной Александром Македонским у русов, упоминает одеяния из льна, бесчисленные шкуры бобров, черных соболей и горностаев, «шкурки белок, отличавшиеся своим прекрасным отливом, и меха лисиц, имевшие оттенок рубина», — т. е. типичные товары, сбываемые русами на Восток². В свою очередь русский летописец точно описывает волжский путь, которым эти товары поступали: «Из этого же леса (Оковского) течет Волга на восток и впадает семьдесятю устьями в море Хвалиское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима. . .» (т. е. в восточные страны от Бактрии и Индии до Сирии и Аравии)³. Через обширные территории восточнославянского мира проходили сухопутные и водные пути, соединявшие Европу с отдаленными странами Азии.

С конца XVIII в. проблема связей Восточной Европы с Востоком неизменно привлекала внимание русских ориенталистов (от Х. М. Френа и А. Я. Гаркави до А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера и А. П. Новосельцева) и видных зарубежных востоковедов (В. Ф. Минорский, Т. Левицкий)⁴. К ней неоднократно обращались и историки Древней Руси (А. Л. Монгайт, Б. А. Рыбаков). Интенсивность 200-летних исследований привела к тому, что письменные источники практически оказались исчерпанными, а перспективы их пополнения невелики. Поэтому особое значение приобретают археология и нумизматика, которые непрерывно пополняются новыми фактами. Если изучение обращения куфических монет в Восточной Европе имеет в русской науке давнюю традицию и усиленно продолжается (труды П. С. Савельева, А. К. Маркова, Р. Р. Фасмера, А. А. Быкова, В. Л. Янина, С. А. Яниной, В. В. Кропоткина), то этого нельзя сказать об археологических материалах. Правда, за последние годы появились статьи и публикации, посвященные таким категориям восточного импорта на Русь, как поливная и стеклянная посуда (Н. Н. Бусятская, Ф. Д. Гуревич, Т. И. Макарова, М. Д. Полубояринова, Ю. Л. Шапова), шелковые ткани (М. В. Фехнер), бусы (З. А. Львова, М. В. Фехнер). Каждая из таких работ оперирует ограниченной группой вещей, что определяет некоторую источниковедческую узость. Синтеза источников в едином историческом исследовании пока не существует.

В IX—X вв. основное место в восточноевропейской торговле с Азией занимало серебро. «Серебро легче перевозить, чем те необходимые предметы, которые на него можно купить»⁵. Его ввозили не только в виде монет, но и вещей. Импорт произведенной торевтики наряду с тканями занимал домини-

¹ А. Я. Гаркави, 1870, стр. 264.

² М. Тебельков, 1896, стр. 69—71.

³ ПВЛ, стр. 207—208.

⁴ Историкографию литературы (от начала XIX в. до современности), анализирующей свидетельства арабских источников о славянах и Восточной Европе, см.: Т. Lewicki, 1958, стр. 61—66.

⁵ Бируни, 1963, стр. 30.

рующее положение. Серебряные сосуды, привозимые торговыми караванами, охотно принимали в обмен благодаря их материальной и художественной ценности. Наряду с современными вещами купцы привозили и старые, вышедшие из употребления, например сасанидские. С XVIII в. количество памятников восточной торевтики, обнаруженных на Урале и в прилегающих областях, непрерывно возрастает.

Материалом для данной книги⁶ послужили найденные в Восточной Европе произведения художественного ремесла Ближнего и Среднего Востока (VIII—XIII вв.): изделия из серебра и реже — из бронзы. Преобладают вещи из обихода светской знати, выполненные в различной технике (литье, чеканка, тиснение, гравировка, инкрустация, золочение, чернь). Это пиршественная утварь (блюда и блюда, чаши, кружки, кувшины, ведерки, подносы, бутылки), светильники, серебряные украшения (поясные накладки, медалионы). К менее дорогим бронзовым предметам относятся ступки, курильницы и др.

Произведения прикладного искусства Ирана и сопредельных стран обладают не только самостоятельной познавательной ценностью, что убедительно продемонстрировано в работах И. А. Орбели, К. В. Тревер, Р. Гиршмана, К. Эрдмана, С. П. Толстова, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля, В. Г. Луконина, Б. И. Маршака и других⁷. Они являются ценным историческим источником при исследовании экономических и культурных связей народов Восточной Европы со странами Азии. Их привлекали советские археологи при изучении древних финно-угорских племен Урала (А. В. Шмидт, О. Н. Вадер, А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, В. Ю. Лещенко)⁸, так как основная часть вещей происходит из уральских кладов. Однако тема выходит далеко за рамки проблемы торговых связей с Уралом. Вместе с потоком кувфических монет предметы импорта распространялись по всей Восточной Европе — от границ Скандинавии на севере до крымских портов на юге. Если проблемы восточного серебра на Урале нашли достаточно полное отражение в работе В. Ю. Лещенко⁹, то для Древней Руси подобная сводка отсутствует. Одна из задач книги — восполнить этот пробел. В совокупности с другими видами источников художественный металл дополняет и уточняет картину связей Руси с государствами Азии.

Структура книги определена индуктивным методом исследования: от частного к общему, от отдельных фактов и наблюдений — к историческому осмыслению художественных направлений. Глава I содержит анализ единичных вещей со стороны их формы и содержания. Так как между отдельными областями культуры не было жестких и неподвижных границ, конкретный памятник можно понять только во взаимосвязи со смежными областями. Наиболее перспективный путь — не узкоспециальное вещеведение, а работа на стыках отдельных наук. Исследование вещественных памятников должно активно вводить их в круг широких историко-культурных проблем.

⁶ Она логически завершает две предыдущие монографии автора об импортных произведениях западноевропейского и византийского прикладного искусства X—XIII вв. (В. П. Даркевич, 1966; *Он же*, 1975).

⁷ Об истории изучения восточной торевтики см.: В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, 1964; Б. И. Маршак, 1971, стр. 5—12.

⁸ Критический обзор литературы см.: В. Ю. Лещенко, 1971а.

⁹ В. Ю. Лещенко, 1971а; *Он же*, 1971б.

Отсюда частое обращение к литературе, эпосу, мифологии, истории религии, этнографии и т. д. Специфика материала диктует и свои особые приемы исследования (см. начало главы I). Нередко даже те детали, которые вначале казались несущественными и случайными, при углубленном анализе служат ключом к пониманию. Глава II носит синтетический характер: отдельные вещи вписаны в более широкие ареалы. По связям между ними выявлены территориально-хронологические группы художественного металла. На примере последних можно проследить процесс развития искусства Ближнего и Среднего Востока с VIII по XIII в. Всесторонний анализ художественного импорта позволяет перейти к следующей ступени — ступени исторического построения (глава III). Предметы импорта выступают как источник, характеризующий экономические, политические и культурные связи Восточной Европы с государствами Азии. Они важны и для выяснения историко-экономической обстановки внутри областей и стран — участников обмена. Наконец, их изучение помогает определить вклад Востока в искусство ряда европейских народов IX—X вв. (Приложение 1) и роль «восточного серебра» в культовых представлениях аборигенного населения Урала (Приложение 2).

Хронологические рамки работы охватывают определенную культурно-историческую эпоху. VIII—IX века в истории Ирана и Средней Азии — переходный период, насыщенный борьбой нового со старым. В социально-экономическом аспекте он ознаменован переходом от культуры раннефеодальных городов и замков к культуре феодальных торгово-ремесленных городов, в идеологическом — введением мусульманской религии, наложившей отпечаток на всю духовную жизнь эпохи. С VIII в. начинается постепенное отмирание доисламских сюжетов и внедрение новых принципов художественного творчества. На рубеже VIII—IX вв. устанавливаются связи Восточной Европы со странами ислама. Верхняя хронологическая граница определяется монгольским нашествием, которое привело к резким изменениям в экономической и культурной жизни завоеванных народов.

Географические рамки продиктованы самим местонахождением привозных вещей. Большинство из них обнаружено на территории европейской части СССР, включая Приуралье и собственно Урал. Для полноты картины в книгу введены сосуды, найденные в Зауралье и Нижнем Приобье.

В работу вошли вещи из собраний Эрмитажа (их подавляющее большинство), Государственного исторического музея, Киевского исторического музея, Киевского музея западного и восточного искусства, Горьковского историко-археологического музея, Пермского, Чердынского и Херсонесского музеев. Привлечены публикации и описания вещей, рассеянные в десятках изданий, и архивные материалы ЛОИА, в частности архив Я. И. Смирнова, где имеются описания сосудов, попавших в зарубежные собрания или утраченных. Используются негативные фонды ЛОИА и Отдела Востока Эрмитажа.

Автор пользуется случаем, чтобы принести благодарность сотрудникам Отдела Востока Эрмитажа, в особенности Б. И. Маршаку, за помощь в работе и полезные консультации, а также профессору Московского государственного университета Г. А. Федорову-Давыдову, заново прочитавшему кувфические надписи на сосудах.

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА

Затем с человеком, запрятавшим клад, могут произойти разные случаи, и клад навеки останется под землей и может быть обнаружен лишь случайно или же благодаря таким событиям, как силь (грязевой поток) и другие явления [природы], которые могут указать на него.

БИРУНИ

Памятники искусства — своеобразные документы мыслей и верований человека Средневековья. Особенно тесно связано с жизнью и мироощущением людей прикладное искусство. Каждый памятник восточной торевтики нельзя понять вне всей культуры данной эпохи. Нередко он отражает взаимодействие и борьбу отдельных сторон культуры в пределах этой эпохи.

Стремясь к возможной точности в атрибуции произведения искусства, не следует замыкаться в одной эпохе его создания. Своим содержанием и формой оно зачастую уходит корнями в далекое прошлое. В результате длительного и сложного развития возникает «многослойность» смысловой и художественной структуры произведения. Полнота того или иного сюжета раскрывается только в «большом времени», в ходе которого он обогащается новыми значениями. Так, на примере хорезмийских чаш VII—VIII вв. можно попытаться выделить последовательные семантические напластования, связанные с эволюцией религии на протяжении тысячелетий. В памятниках прикладного искусства, менее зависящего от канонов официальных религий, явственно выступают могучие глубинные течения народной культуры, до сих пор почти не раскрытые наукой.

Характерный для средневековой культуры традиционализм, жизнь вещей в «большом времени» зачастую ведет к ошибкам в их датировках. Так, «бактрийские» чаши, первоначально отнесенные на основе сюжетов к раннеэллинистическому времени, оказались выполненными в IV—V вв.¹ Особенно трудны для определения произведения, которые представляют собой синтез разнородных элементов. Взаимодействие и скрещение различных художественных принципов — свидетельство сложности исторической и духовной жизни эпохи. Как правило, стилистические и иконографические признаки таких изделий восходят к разным традициям и школам. Отсюда

обилие точек зрения на их происхождение и хронологию. Нередко так же не учитывают, что в практике средневековых мастерских было распространено копирование более ранних моделей — носителей освященной временем иконографии. Поэтому архаизм композиций — еще не доказательство ранней датировки. Иногда только второстепенные детали из числа вновь появившихся признаков, например орнамент, помогают в атрибуции конкретной вещи (см. анализ блюда из Григоровского, стр. 26—28).

Определение вещей затрудняется и размещением находок вдалеке от районов их изготовления. Датировка по комплексу клада недостаточна, так как нередко он включает сосуды, отличающиеся по старшей и младшей дате на три-четыре века. Особенно велик хронологический интервал между старшим по дате импортным сосудом и местными украшениями, например гривнами глазовского типа. Шаманские рисунки IX—X вв. наносили на сосуды много времени спустя после их изготовления (разрыв от одного до трех веков)². Археологические находки в твердо датированных слоях (такие случаи редки) позволяют определить только позднее время бытования вещей.

В данной главе вещи сгруппированы по бассейнам рек — древним путям сообщения Восточной Европы. Описание включает общий порядковый номер, год, место и обстоятельства находки, место хранения, литературу.

Каждая вещь исследована с точки зрения ее назначения, происхождения, датировки, содержания и символики изображений. Атрибуция (дата и географическая принадлежность) устанавливается путем сравнения с кругом аналогичных памятников, т. е. по месту в группе родственных вещей (о принципах выделения групп см. главу II). Если вещь не входит ни в одну из групп, она получает «паспорт» по комплексу технических и стилистических при-

¹ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 67 и сл.

² В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 136.

знаков. Особенно важен анализ надписей, орнамента, иконографии сцен и бытовых реалий, дата появления которых известна. Палеографическое изучение надписей (среднеперсидских, согдийских, тюркских, рунических, хорезмийских, куфических) дает приблизительную хронологию в пределах нескольких столетий. Надписи часто наносил не мастер или за-

казчик, а последующий владелец сосуда, т. е. спустя много времени после его изготовления³.

Многие приведенные атрибуции вещей носят предварительный характер, что вызвано недостатком сравнительного материала. Они будут уточняться по мере накопления новых данных.

УРАЛ

БАССЕЙН ВЯТКИ И ЧЕПЦЫ

Вихаревский клад

Найден в 1890 г. на нови в полверсты от дер. Вихарево Малмыжского у. Вятской губ. (ныне дер. Вихарево Кильмезского р-на Кировской обл.) на правом берегу р. Кунжек — левого притока р. Вала. В состав клада входили кружка и пять серебряных шейных гривен глазовского типа (конец IX—середина XI в.). Кружка и две гривны хранятся в Эрмитаже, остальные гривны — в ГИМ⁴.

1. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка, позолота. Средняя Азия (?). Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 8, 7, 8)

Кружка массивная литая со слегка вогнутыми стенками⁵. Диаметр 8,5 см, высота 6 см. Кольцевая ножка с окаймлением из перлов припаяна (диаметр 4,5 см). На перстневидной ручке — горизонтальная накладка с фестончатыми контурами. Тулово украшено позолоченным фризом из пальметт двух типов, близким орнаменту кружки табл. 8, 1—3. Изогнутые каннелюры на щитке ручки ср. с кувшином табл. 7⁶ и кружкой из коллекции К. Кемпе⁷. Выделение декора позолотой на гладком (а не пунсонном) фоне появляется в танском металле к середине VIII в.⁸

Рябиновский клад

Выпахан в 1883 г. в дер. Рябиновская Порезской вол. Глазовского у. Вятской губ., на левом берегу р. Лумпунь — правого притока р. Кильмезь. Кроме серебряного медальона и металлических украшений местной работы (в том числе шейной гривны глазовского типа), клад содержал саманидские и зийаридские монеты второй половины X в.⁹ Медальон хранится в Эрмитаже.

2. Медальон с изображением царской охоты. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Иран. IX—X вв. (табл. 6, 2)

Диаметр 8 см¹⁰. Тонкий лист серебра чеканен с оборота. Фигуры, исполненные в низком и плоском рельефе, детализированы гравировкой. Фон позолочен. Медальон окаймлен ободком с поперечными насечками.

А. А. Спицын считал композицию варварским подражанием саманидской охотничьей сцене¹¹. В. Ю. Лещенко выделил такие саманидские признаки, как конь в «летающем галопе», кисти над его крупом, поза всадника, бахромы на шароварах, почти вертикально висящий меч. Для саманидских «охотничьих» блюд характерны поза вздыбленного зверя, в которого царь посылает стрелу, круглые фалары на срубе (ср. блюдо с Шапуром II)¹². Однако ряд деталей противоречит датировке саманидским временем (высокая лука седла, трактовка хищника семейства кошачьих, как в росписях Самарры и на поливной керамике IX—X вв.)¹³. Охотничий барс (?), преследующий травоядное, — нововведение мусульманского искусства с его пристрастием к сценам звериного гона. Саманидские царские регалии переданы механически. Форма украшения напоминает буидские медали X в., на которых обычны сцены охоты повелителя¹⁴.

Ягошур

3. Кувшин. Серебро. Восточные районы Средней Азии (Фергана?). VIII в. (табл. 20, 1, 2)

Найден в 1867 г. при распашке поля у починка Ягошурского Кестымской вол. Глазовского у. Вятской губ. (ныне дер. Ягошур Базелинского р-на Кировской обл.) в верховьях небольшого левого притока р. Юнда — левого притока р. Чепца¹⁵. В кувшине лежали серебряный слиток весом 18 золотников и около 1500 дирхемов. По определению В. Г. Тизенгаузена, младшие из них чеканены Тахридами (самые поздние 843/4 г.)¹⁶, т. е. клад скрыт не ранее середины IX в. Кувшин хранится в Эрмитаже.

Высота кувшина 26,5 см¹⁷. У него гладкое грушевидное тулово, узкое горлышко с вытянутым сливом, низкий кольцевой поддон, припаянный вместе с дном. Граненая ручка с трехлепестковой пальметтой внизу приклепана к тулову. Верхняя ее часть с граненой пишечкой проходит через отверстие на венчике.

Аналогичный кувшин найден в кургане у с. Покровского Чуйской долины (табл. 20, 3, 4)¹⁸. По подражаниям византийским крестообразным клеймам он датируется концом VII—VIII в.¹⁹ Как отметил

³ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 157, 163.

⁴ ОАК за 1890 г., стр. 117, рис. 69; И. А. Талицкая, 1952, стр. 22.

⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 117.

⁶ В. И. Маршак, 1971, стр. 33.

⁷ Там же, Т 25.

⁸ Там же, стр. 48.

⁹ А. А. Спицын, 1895, стр. 247—248, табл. XXXII, 4;

А. К. Марков, 1910, стр. 6; И. А. Талицкая, 1952, № 86.

¹⁰ Я. И. Смирнов, 1909, рис. 6.

¹¹ А. А. Спицын, 1895, стр. 248.

¹² И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 6.

¹³ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 192.

¹⁴ М. Bahrami, 1952.

¹⁵ И. А. Талицкая, 1952, стр. 43.

¹⁶ В. Г. Тизенгаузен, 1869, стр. 55; А. К. Марков, 1910, стр. 8.

¹⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 124.

¹⁸ В. М. Гордеевский, 1926, стр. 79—80, рис. 4—6; К. В. Тревер, 1940, стр. 110—112, табл. 34.

¹⁹ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 102, стр. 275.

Б. И. Маршак²⁰, этот тип кувшинов характерен для Средней Азии VII—VIII вв. (согдийская и семиреченская керамика²¹, согдийские амулеты-кувшинчики²², живопись Пянджикента²³). Похожий кувшин из хакасского кургана в Калбак-Шат в Туве (вторая половина IX—начало X в.)²⁴ привезен из Средней Азии. Пальметты с волютообразными нижними лепестками на ручках сосудов известны с VII в. (золотой кувшин из ГИМ)²⁵.

Седьяр

4. Кувшин. Серебро. Восточные районы Средней Азии. VIII в. (табл. 20, 5, 6)

Найден в 1884 г. при пахоте близ почивка Седьярского Балезинской вол. Глазовского у. Вятской губ. (ныне дер. Седьяр Балезинского р-на Кировской обл.) на правом берегу р. Чепца. В 1884 г. приобретен Археологической комиссией и в 1894 г. передан в Эрмитаж²⁶.

Сосуд поврежден сохой: отломано дно, ручка (была припаяна) разбита на три куса, причем средний утрачен. Диаметр дна 13,3 см, диаметр горла с напаянным округлым валиком 9,5 см²⁷. На ручке вырезана тюркская руническая надпись VIII в., прочитанная П. М. Мелиоранским: «За младшую дочь Герюнчу, невесту, подарок»²⁸. Сходные кувшины см. в живописи Пянджикента²⁹. Судя по тюркской надписи, он изготовлен на востоке Средней Азии. Это подтверждает и форма поддона, которая находит аналогии в тюркских кружках VII—VIII вв.³⁰

Чуринский клад

Найден в 1887 г. при корчевке пней на поле близ дер. Чуринская Ключевской вол. Глазовского у. Вятской губ. (ныне Глазовский р-н Кировской обл.) на правом берегу р. Убыть — левого притока р. Чепца. В 1887 г. клад приобретен Археологической комиссией и в 1891 г. передан в Эрмитаж³¹. В его состав входили:

Сасанидское серебряное блюдо с изображением фазана. VI—VII вв.³²

5. Блюдо с изображением богини с оленем. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 22, 1, 2)

Блюдо большое, низкое и совершенно плоское. Диаметр 38,5 см, высота 2 см³³. Отогнутый под прямым углом бортик шириной 3,6 см ограничен рельефными ободками. Как и блюдо табл. 11, 3, первоначально имело три припаянные ножки. Рисунок, гра-

вированный тонкими линиями, позолочен, а фон заполнен пунсонными кружками. Возле бортика маленькое отверстие для подвешивания блюда.

В сасанидской атрибуции сомневался уже Я. И. Смирнов³⁴. По Ф. Зарре, блюдо — «сасанидско-эллинистического стиля»; женщина с оленем — «греческого типа», а звери находят параллели в восточноазиатском искусстве (китайские шелка VIII в.)³⁵. По мнению М. Диманда, техника исполнения и стиль орнамента указывают на центральноазиатский центр IX—X вв.³⁶ Б. И. Маршак показал связь растительного орнамента с тремя выделенными им школами согдийского серебра. Расположение сюжетов он возводит к позднеантичным и раннесредневековым сиро-египетским образцам, а фигуре богини находит аналогии в омейядском искусстве, в росписях Самарры и коптской скульптуре³⁷.

Павлин в завитке среднего пояса похож на павлинов кружки салтовского времени (табл. 54, 1)³⁸. Некоторые пальметки с заостренными лепестками близки пальметкам растения между павлинами.

Богиня с оленем напоминает Артемиду — покровительницу диких зверей и охоты. Ее атрибутом и жертвенным животным был олень (лань), которого обычно изображали рядом с ней³⁹. Некоторые животные на бортике блюда также относились к культуре владычицы зверей: лев и пантера⁴⁰, кабан (вепрь)⁴¹, охотничья собака (или волк?)⁴². Артемиде посвящали и коз, которых содержали при ее храме в Икаре и приносили в жертву богине⁴³. По-видимому, при господстве фетишизма Артемиду представляли в облике этих животных, на стадии антропоморфизма она превратилась в охранительницу стад и дичи. О древнем культе Артемиды как богини деревьев и растительности напоминает изобилие растительного декора.

Обнаженная богиня, кормящая оленя, отличается от античной Артемиды, которую изображали не нагой, а в коротком хитоне⁴⁴. Вместо полумесяца (Артемиду почитали богиней луны) на голове — шляшон в форме пальметки. По-видимому, богиня на блюде близка иранской Анахите (ср. Анахиту с рогатым зверем на рис. 3). Азиатскую Артемиду чтили как покровительницу плодородия; Артемиду Эфесская — это мать-кормилица со множеством сосцов. Функционально она сближалась с азиатской Велпкой Матерью. В Армении позднеселевкидского времени Анахита была отождествлена с Артемидой⁴⁵. В храме Анахиты в Ерзизе армянские жрецы водрузили греческую статую Артемиды⁴⁶.

На блюде к символам Анахиты относятся павлин, собака, голуби (?), лотос, виноград. Дионисийскому циклу принадлежит лиса с гроздьем винограда в зубах (на бортике). Лисьи шкуры носили вакханки.

²⁰ Б. И. Маршак, 1961, стр. 191, табл. 8.

²¹ Г. В. Григорьев, 1946, стр. 103; Л. И. Ремпель, 1957, стр. 104—105; В. И. Распопова, 1960, стр. 150.

²² Б. Я. Ставиский, 1950, табл. 39, 4.

²³ Живопись древнего Пянджикента, табл. VIII; А. М. Белевичский, 1973, илл. 15.

²⁴ Л. Р. Кызласов, 1969, стр. 99, табл. III, 6.

²⁵ А. И. Смирнов, 1946.

²⁶ ОАК за 1882—1888 гг., стр. LVI; И. А. Талицкая, 1952, стр. 44.

²⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 168.

²⁸ П. М. Мелиоранский, 1902, стр. 021—022.

²⁹ Живопись древнего Пянджикента, табл. XXIX.

³⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 52.

³¹ МАВГР, I, 1893, стр. 82—83; И. А. Талицкая, 1952, стр. 36.

³² Я. И. Смирнов, 1909, № 90.

³³ Я. И. Смирнов, 1909, № 111.

³⁴ Там же, стр. 7.

³⁵ F. Sarre, 1923, стр. 72, табл. 124.

³⁶ M. S. Dimand, 1941, стр. 200.

³⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 35—36, 62, 89.

³⁸ Ожерелье с тремя подвесками в клюве павлина восходит к сасанидской иконографии (Я. И. Смирнов, 1909, № 90).

³⁹ Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 267.

⁴⁰ Там же, стр. 217—218.

⁴¹ Там же, стр. 268.

⁴² Там же, стр. 228.

⁴³ Там же, стр. 266.

⁴⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 65.

⁴⁵ Р. Фрай, 1972, стр. 211.

⁴⁶ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1959, стр. 171—172.

У фракийцев лисицу посвящали Дионису: в этом падком на виноград животном видели воплощение демона вина⁴⁷. Лису в винограднике изображали на тех сасанидских сосудах, орнамент которых связан с вакхическим культом в его иранской версии⁴⁸.

Декор среднего пояса и бортика напоминает «парадиз» — охотничий парк, где на воле разгуливают дикие животные и царственные птицы — павлины. Фауна не имеет отношения к Средиземноморью. На бортике показана травля хищниками травоядных (сверху вниз, против часовой стрелки): лев преследует кабана и зайца; волк (или собака) и хищная птица — трех джейранов; две птицы охотятся на зайцев; две птицы с виноградными гроздьями в клюве; тигр гонится за тремя дикими козлами; барс — за двумя куланами; лисица с виноградом; лев преследует трех косуль. Похожие звери и птицы, но более крупные, — в завитках среднего пояса. Животный мир близок среднеазиатскому, но характерен для разных природных зон. Крупный олень с большими ветвистыми рогами напоминает марала, распространенного на Тянь-Шане, Алтае, в Южной Сибири до Байкала⁴⁹. Кабаны — обитатели низменных долин по берегам рек. Тигры водились в камышах тугайных зарослей по рекам Чу, Сырдарья, Амударья, Вахш, Пяндж, Кафирниган, а также на Балхаше и в Туркмении по р. Атрек⁵⁰. В сравнительно недавний исторический период в Южном Туркменистане и в некоторых районах севернее Амударья встречались львы⁵¹.

Турушевский клад

В 1927 г. пастушок из дер. Турушева (Омутнинский р-н Кировской обл., верховья р. Вятка) провалился ногой в яму на опушке леса. Разрыв ее, он достал серебряное ведро, в котором лежали другие вещи⁵². Клад хранится в Эрмитаже. В его состав входили:

Сасанидское серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II (309—379)⁵³.

Серебряное блюдо с изображением Бахрам Гура и Азадэ (Иран, VII—VIII вв.)⁵⁴. На дне — среднеперсидская курсивная надпись: «Собственность Mihr-bōzēt'a. 250 весовых драхм»⁵⁵.

Византийское серебряное блюдо с розеткой в центре 629/630—641 гг.⁵⁶

Византийское серебряное блюдо с черневым крестом в венке из плюща. 641—651 гг.⁵⁷

Серебряные шейные гривны глазовского типа (копец IX—середина XI в.). По данным А. В. Шмидта их было две.

6. Ведро. Серебро. Чеканка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в.

Вес 1926 г. На дне — розетка, нанесенная чеканом снаружи. Ср. табл. 12; 13.

7. Светильник с изображениями животных. Серебро. Чеканка, гравировка. Средняя Азия. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 9, 4—8)

Высота 11,2 см, диаметр тулова 15 см, диаметр дна 8,6 см⁵⁸. На тулове имеются вмятины, из четырех припаянных рожков сохранился один. Горло низкое, квадратное в плане (сторона 9,2 см). На литой накладке ручки — свернувшийся хищник в рельефе. Рельефные изображения на тулове выполнены чеканкой изнутри и проработаны резцом с лицевой стороны. В четырех медальонах — верблюд⁵⁹, олень, косуля (?) и конь. Между медальонами — гранатовые деревья на «скалах». На дне снаружи процарапана хорезмийская надпись с указанием веса сосуда (сообщено В. Г. Лукониным).

По Б. И. Маршаку в светильнике сочетаются признаки согдийских школ А и В. Чешуйчатые бордюры медальонов близки кружке табл. 8, 1—4. Лепестковый орнамент под горлом (после середины VIII в.) и фриз из пальметт с тремя точками на стебельке в каждом лепестке (выгравирован на горле) характерны для сосудов табл. 11—14. Светильник сходен с ними трактовкой животных (ср. табл. 9, 8 и табл. 11, 3)⁶⁰. Рельефные полупальметты, прижатые к краям медальонов, и форма шарфа у оленя сближают светильник с кувшином табл. 10.

Символика животных и растений связана со среднеазиатскими культами плодородия, имевшими много общего с культами Ирана, Китая и античного Средиземноморья. Гранат — эмблема брака и плодородия, отвращающая дурной глаз. В древней Греции гранатовое дерево связывали с Афродитой и Герой⁶¹, в Иране — с Анахитой⁶². Цветок и плод граната — атрибуты этих богинь (на сасанидских геммах⁶³ и в торевтике⁶⁴ — символ Анахиты). Плод граната вписывали в орнамент среднеазиатских вышивок, которые готовили для приданого⁶⁵. В Китае, как и в древней Греции, изображение граната знаменовало надежду семьи на многочисленное потомство⁶⁶.

Пантера (?) на ручке светильника — культовое животное Диониса-Вакха, на котором он иногда восседает⁶⁷. В сасанидской торевтике пантера сопровождает Вакха и пляшущих менад (или жриц Анахиты — ее почитание в Иране ассоциировалось с дионисийским культом). Пантера, пьющая из кув-

⁴⁷ Е. Г. Казапов, 1913, стр. 226—227.

⁴⁸ R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 10, 13.

⁴⁹ Д. Н. Кашкаров, 1931, стр. 335.

⁵⁰ Там же, стр. 188—189.

⁵¹ М. Е. Массон, 1971.

⁵² А. В. Шмидт, 1933, стр. 25, примеч. 3; Н. Н. Бортовин, 1935, стр. 3—13.

⁵³ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 6.

⁵⁴ Там же, табл. 12; Ф. А. Розенберг, 1930, стр. 137—144, табл. 1.

⁵⁵ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 164.

⁵⁶ Л. А. Мацулевич, 1940, стр. 140—142, рис. 3, табл. I;

Е. Cruikshank Dodd, 1961, № 72.

⁵⁷ Л. А. Мацулевич, 1940, стр. 143—144, табл. II, 1, 3; Е. Cruikshank Dodd, 1961, № 76.

⁵⁸ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 55.

⁵⁹ Ср. верблюда на иранском (?) ларце из слоновой кости X—XI вв. в частном собрании в Брюсселе (R. Ghirshman, 1962, рис. 449).

⁶⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 30.

⁶¹ Е. Г. Казапов, 1913, стр. 162.

⁶² L. I. Ringbom, 1957.

⁶³ SPA, IV, 1938, табл. 256, j.

⁶⁴ L. I. Ringbom, 1957; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 47, 67.

⁶⁵ Г. П. Суварев, 1969, стр. 198.

⁶⁶ С. А. S. Williams, 1960, стр. 329.

⁶⁷ Е. Г. Казапов, 1913, стр. 218. Пантеру среди вакхических атрибутов изображали на римском серебре II—III вв. (B. Svoboda, 1972, рис. 18).

шпава, — известный по римскому искусству символ Вакха⁶⁸.

Двугорбого длинношерстного верблюда («бактрийского») издавна почитали в Средней Азии (в Иране Малой Азии, Аравии и Африке чаще встречается одnogорбый верблюд-дромадер). Верблюд символизировал оплодотворяющее начало; в Авесте он воплощает Вретрагну — божество войны и победы:

*И в четвертый раз предстал ему Вретрагна
В образе верблюда . . . ,
Который из оплодотворяющих самцов
Наибольшей силой обладает,
Наибольшей мощью . . .
Стоит, поглядывая во все стороны,
Как мощный правитель⁶⁹*

В Авесте верблюд — злое и мощное животное. На светильнике у него оскаленная морда. Узорчатая повязка охватывает оба горба, указывая на его священную природу. Верблюд олицетворял и Хварну — «благодать», «удачу», «победу», даруемые царям свыше⁷⁰. К представлениям о символической связи образа верблюда с царским могуществом восходят его изображения на сасанидских геммах⁷¹, бухарских монетах V—VI вв., в живописи Варахши, где он служит трон⁷². В эпоху Хань в западных провинциях Китая атрибутом знатности и праведности служили жезлы с изображением верблюда. В китайской поэзии верблюд связан с сакральными силами плодородия и культом воды. Верили, что к западу от Хотана на горе стоит статуя верблюда, с которой стекает очистительная вода⁷³. По свидетельству хроник династии Тан, в Куче на новогодних торжествах увеселялись боем баранов, лошадей и верблюдов, «чтоб по их драке отгадать, урожаен или неурожаен год будет»⁷⁴. В Средней Азии до недавнего времени к верблюду относились как к дарующему плодovitость. В Хорезме женщины, у которых запаздывали роды, пролезали под верблюдом. Его шерсть использовали как амулет. Той же цели служил хорезмийский орнамент «туя куз» («верблюжий глаз»). Под термином «араллар», который применяли к верблюдам в Хорезме, понимали и святых, и духов, управлявших течением рек и каналов⁷⁵. Герой узбекского эпоса Алпамыш стал богатырем после того как выпил молока верблюдицы⁷⁶. Об архаичности поверий о верблюде свидетельствуют хорезмийские бронзовые амулеты времени Кушан⁷⁷.

В домусульманских верованиях Средней Азии большое место занимал конь⁷⁸. На светильнике он показан пьющим из водоема, у берегов которого растет камыш. Уже в греческой мифологии конь тесно связан с культом воды. В конском обличи Посейдон (первоначально божество подземной влаги) вступает в брак с Деметрой. В жертву Посейдону

лошадей бросали в море⁷⁹. На стадии фетишистской мифологии самого бога почитали в облике коня. Лошадью рисовалась и Деметра — божество созревания хлеба⁸⁰. В Авесте в виде коня предстает «дождевая звезда» Тиштрия («белый конь»), дарующая влагу посевам⁸¹. В честь речного бога парфянский царь Тиридат III (30-е годы I в. н. э.) совершил заклание белого коня на берегу Тигра (*Тацит*, VI, 37). Представления о речных богах и духах ручьев в образе коня были распространены в Средней Азии. Ибн Хордадбех (IX в.) упоминает «коней из источника», от которых произошла порода хутталых скакунов. Таджикскому фольклору известен «водяной конь», живущий в озерах. Согласно легенде о гибели Ездигерда I (399—421), лошадь, ставшая причиной его смерти, вышла из источника и туда же вернулась⁸². «Водяного коня» упоминает «Бундахишна»⁸³. Иранские герои посвящали коня Ардвисуре Анахите — подательнице животворной воды⁸⁴.

Образ коня ассоциировался с солнцем. Геродот сообщает о массагетах: «Солнцу они приносят в жертву коней, полагая, что смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» (I, 216). В индоиранской мифологии конь посвящен Митре, который является людям в виде жеребца⁸⁵. Белого коня пожертвовал Митре парфянский царь Вардан I⁸⁶. О соляной природе коня напоминает вихревая розетка на его лошадке (табл. 9, 7).

Связь коня с водой и светоносной стихией воплотилась в полиморфном образе крылатого коня-змея (гиппокампа). Сведения о культе «небесных коней» содержатся в Ши-цзи и Цянь-Хань-шу, в отчете о путешествии Чжан-цзяна, согласно которому ферганские «потокровные» лошади происходили от небесных коней. История династии Тан сообщает, что в Тухоло (Тохаристан) в пещере на горе Поли живет божественный конь. «Жители пригоняют к горе пасти кобылиц, и от этих кобылиц происходят потокровные лошади»⁸⁷. Историю города Хазараспа (юг Хорезмского оазиса) связывали с мифом о крылатых конях, укрощенных пророком Сулейманом⁸⁸. С. П. Толстов предположил, что образ гиппокампа в искусстве Средней Азии вдохновлен водяными конями «Бундахишна»⁸⁹. Существа с головой и передними ногами лошади, с крыльями и змеиным закрученным хвостом (иногда он заканчивается плавниками) встречены в пнджикентских росписях, в живописи «пещеры гиппокампов» около Кызыла (VI—VII вв.?)⁹⁰, на хорезмийских печатях⁹¹ и серебряном подносе VII—VIII вв. из Пермской губ. (рис. 1, I)⁹². Протомой крылатого коня с рогом на лбу укра-

⁷⁹ Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 238—239.

⁸⁰ Там же, стр. 240—243.

⁸¹ А. О. Маковельский, 1960, стр. 68—70.

⁸² А. М. Веленицкий, 1948, стр. 163—164.

⁸³ С. П. Толстов, 1948а, стр. 208.

⁸⁴ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1959, стр. 204—205.

⁸⁵ А. О. Маковельский, 1960, стр. 75.

⁸⁶ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1959, стр. 204.

⁸⁷ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 321.

⁸⁸ Г. П. Снесарев, 1969, стр. 323.

⁸⁹ С. П. Толстов, 1948а, стр. 304.

⁹⁰ А. Grünwedel, 1912, рис. 237, б.

⁹¹ С. П. Толстов, 1948а, стр. 208, табл. 83, 10.

⁹² Я. И. Смирнов, 1909, № 152. Четыре фигурки гиппокампов (по сторонам соляных розеток) приклепаны одновременно с изготовлением самого блюда (под ними нет покрывающей фон позолоты). Кроме гиппокампов изобра-

⁶⁸ R. Ettinghausen, 1967—1968, стр. 39, рис. 4, 14, 15, 17.

⁶⁹ Восток, 1924, стр. 7 (перев. Е. Э. Бертельса).

⁷⁰ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, стр. 37.

⁷¹ Там же, № 753, 754.

⁷² В. А. Шишкин, 1963, стр. 161, 203, рис. 76.

⁷³ Е. Е. Кузьмина, 1963, стр. 43.

⁷⁴ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 296—297.

⁷⁵ Г. П. Снесарев, 1969, стр. 317—318.

⁷⁶ В. А. Шишкин, 1963, стр. 204.

⁷⁷ С. П. Толстов, 1948б, рис. 36, б.

⁷⁸ С. П. Толстов, 1948а, стр. 208; Г. П. Снесарев, 1969, стр. 323.

Рис. 1

«Гиппокампы» в искусстве VII—VIII вв.

1 — серебряный поднос; 2 — деталь ручки золотого кувшина; 3 — шток Варахши

шена ручка золотого кувшина (VII в.?), найденного в Сибири (рис. 1, 2)⁹³. Рог напоминает об одном

жены птицы по сторонам розетки и головки вебрей. Вепри находят аналогии на шелковой ткани из Астаны (VII в.), в пещерных росписях Туюк Мазара (VII—VIII вв.), Кызыла (VI—VIII вв.), Бамiana (VI—VII вв.), в живописи Варахши (Н. В. Дьяконова, 1969, стр. 93, рис. 7), на сасанидских геммах (SPA, IV, 1938, табл. 255, HH) и геммах из Средней и Центральной Азии (А. Stein, 1907, табл. XLIX), на среднеазиатском бронзовом перстне VI—VIII вв. (Эрмитаж) и позднесасанидской чаши из галереи Уолтерса в Балтиморе (F. Sarre, 1923, табл. 3). Вепри в иранской мифологии связаны с небесными и солнечными божествами. В зороастризме вепрь — инкарнация Вретрагны (Ph. Askerman, 1938a, стр. 880; Н. В. Дьяконова, 1969, стр. 93). Распространен в сасанидской государственной эмблематике и искусстве.

⁹³ А. П. Смирнов, 1946; Он же, 1947.

из воплощений Вретрагны в образе коня, «прекрасного, золоторогого, золотым чепраком покрытого»⁹⁴. Среди терракот Хорезма известны напоминающие коней фигурки с длинной шеей и роговидным выступом на лбу⁹⁵. Бируни рассказывает, что «правитель Исфиджаба подарил в 379 году хиджры Нуху ибн Мансуру, владыке Хорасана, коня с двумя рогами»⁹⁶. Гривы гиппокампов (на подносе и кувшине) с круглыми завитками переданы так же, как у рогатого чудовища в резном штоке Варахши (рис. 1, 3)⁹⁷.

⁹⁴ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, стр. 34.

⁹⁵ С. П. Толстов, 1948a, стр. 206, табл. 80, 3.

⁹⁶ Бируни, 1957, стр. 237.

⁹⁷ В. А. Шишкин, 1963, рис. 105.

Комбинация головы оленя и плодов граната известна на амулетах парфянской эпохи. На древнем Востоке (ассирийские медицинские тексты) и в античном мире (Аристотель, Плиний) знали о тонизирующей силе лекарства из рогов оленя (пантов). Вплоть до Средневековья частицы оленьих рогов носили как оберег от злого глаза, болезней и всех видов вреда⁹⁸. У китайцев олень — символ долголетия; верили, что только он способен найти священный гриб бессмертия. Лекарства из оленьих рогов занимали важное место в древнекитайской медицине⁹⁹.

8. Светильник с изображением слона. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 17, 1, 2)

Высота 5,5 см, диаметр 8,4 см. По форме, размерам и орнаменту (изогнутые листья с прожилками) аналогичен светильнику табл. 18, 5, 6. Все ручки и треугольный в сечении поддон отломаны. На дне — резная позолоченная фигурка слона (ср. слона в живописи «пещеры гипсокампов» около Кызыла)¹⁰⁰. Похожа стилизация ушей и хобота слона на табл. 15, 2, на византийских шелковых тканях X—XI вв.¹⁰¹, имитирующих иранские VII—IX вв.

В Китае слон — символ силы, смекалки и благоразумия; верили, что он понимает человеческую речь. Это священное животное буддистов¹⁰².

Карасевский клад

Найден в 1890 г. крестьянином на левом берегу р. Жаба — притоке р. Чепца, в 50 саженях от с. Карасево Нижнеуканской вол. Глазовского у. Вятской губ. (ныне с. Карасево Глазовского р-на Кировской обл.). Вещи вымыло из земли при половодье. Клад хранится в Эрмитаже¹⁰³. В его состав входили:

Серебряная шейная гривна глазовского типа.

Византийское (?) серебряное блюдо с волнистым бортиком, без орнамента¹⁰⁴. Византийское блюдо середины VII в. с таким же фестончатым краем найдено в 1953 г. у дер. Мартынова Пермской обл.¹⁰⁵

9. Ведро. Серебро. Чеканка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 14, 1, 2)

Ведро кованое тонкостенное, сильно помято. Низкий корпус слегка суживается книзу¹⁰⁶. Диаметр дна 31 см. Край ведра отогнут под прямым углом. Ручка утрачена. На дне в технике незамаскированного чекана снаружи выбита восьмилучевая розетка (ср. табл. 13).

10. Тулово кувшинчика с куфической надписью. Серебро. Гравировка, позолота, чернь. X—XI вв. (табл. 36, 5—7)

Горло и ручка кувшина обломаны. Высота тулова 7 см, диаметр 9 см, диаметр горла 6 см¹⁰⁷. Глубокие линии гравировки заполнены чернью.

Под горлом фестончатый позолоченный бордюр с заштрихованным краем (ср. штриховку на кувшине табл. 32). Круговая надпись почерком процветший куфи:

بركه و يمن و سرور و غبطة و سعادة من الله لصاحبها

«Благословение, и благополучие, и удовольствие, и наслаждение, и счастье от Аллаха владельцу сего» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Пропущено в последнем слове. М. ван Бершем отнес надпись к XII в.¹⁰⁸ В нижней части тулова — позолоченный пояс с волнистым побегом на пунсонном фоне. На дне снаружи выгравировано кольцо с дуговидными перехватами и короткими продольными черточками между ними. Ср. ленты на горле кувшина табл. 32, 1. Согласно Б. И. Маршаку, кувшинчик выполнен в Мавераннахре при Саманидах (X в.)¹⁰⁹.

11. Кружка. Серебро. XI—XII вв. (табл. 33, 9)

Диаметр 11,3 см, высота 5,7 см¹¹⁰. У кружки цилиндрическое тулово с утолщенным краем и низкой поддон. Виден след припоя от утраченной ручки. По форме кружка близка сосудам табл. 33, 1—4.

НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ

Репьевский клад

Найден в 1900 г. на р. Батма в с. Репьевка (оно же Архангельское и Батма) Бугульминского у. Самарской губ. (ныне Татарская АССР). В состав клада входили три серебряных блюда. Хранятся в Эрмитаже. А. П. Смирнов датировал их IX—X вв.¹¹¹ По Б. И. Маршаку, они представляют третий, четвертый и пятый этапы согдийского серебра школы В (VIII—IX вв.)¹¹².

12. Блюдо с изображением оленя. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 11, 3)

Блюдо большое плоское. Диаметр 35 см, глубина 2,3 см¹¹³. Три ножки высотой 9,2 см, отлитые в виде конских ног, отломаны (были прикованы тремя крупными заклепками каждая). Для получения пробы серебра вырезана часть бортика. В центральном медальоне диаметром 10 см — чеканенная с оборота фигура оленя, близкая оленю табл. 12, 1 и животным табл. 15, 4, 6 (особенно в трактовке голов). Стилизация оленьих рогов находит аналогию в танском металле¹¹⁴. Над спиной оленя — пятилепестковый цветок с закрученными краями лепестков. Рамка медальона состоит из двух колец с крупными витками и лепесткового орнамента между ними. Радиально расположенными колонками блюдо разбито на 12 ложек, изображенных на плоскости. Базы колонок образованы пирамидами из трех кружков, капители — двумя волнитообразными завитками. По бортику выгравирован растительный орнамент на пунсонном фоне.

Обломок бронзовой ножки сосуда в виде ноги животного найден в пяджикентском жилище первой

⁹⁸ E. Porada, 1970, стр. 112, 113.

⁹⁹ C. A. S. Williams, 1960, стр. 115.

¹⁰⁰ A. Grünwedel, 1912, рис. 238.

¹⁰¹ O. Falke, 1936, рис. 177, 185.

¹⁰² C. A. S. Williams, 1960, стр. 167—168.

¹⁰³ ОАК за 1890 г., стр. 117; И. А. Талицкая, 1952, стр. 35.

¹⁰⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 104.

¹⁰⁵ В. Ю. Лещенко, 1970а, стр. 49—51.

¹⁰⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 122.

¹⁰⁷ Там же, 1909, № 131.

¹⁰⁸ M. van Berchem, 1909, стр. 404.

¹⁰⁹ Б. И. Маршак, 1973, стр. 20—21.

¹¹⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 118.

¹¹¹ А. П. Смирнов, 1957б, стр. 85.

¹¹² Б. И. Маршак, 1971, стр. 26.

¹¹³ Я. И. Смирнов, 1909, № 135.

¹¹⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

четверти VIII в. Из Пянджикента происходит другая бронзовая ножка, похожая на ножки блюда ¹¹⁵.

13. Блюдо с изображением водоплавающей птицы. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 11, 1)

Диаметр 23,3 см, глубина 5,1 см ¹¹⁶. В нескольких местах стенки имеют проломы. В центральном медальоне диаметром 7,3 см выгравирована птица, похожая на гуся, рядом пальметка и две полупальметки. Фон пунсонный. Рамка медальона образована рельефными кружками между двумя гладкими кольцами и лепестковым узором снаружи. Блюдо разбито на восемь декоративных ложков, чеканенных с оборота выпуклыми линиями внутрь. В каждом — килевидная арочка с пирамидкой из трех кружков (образована двумя полупальметками). Промежутки между полупальметками обработаны кружковым пунсоном.

Птица с цветком над ней близка цаплям на ведре табл. 14, 4. Иллюзорная ложчатость стенок и бордюры из выпуклых кружков сближают блюдо с чашей табл. 16, 2, 3.

В китайской символике дикий гусь — эмблема брака, так как эти птицы всегда летают парами. В ритуале династии Чжоу его упоминают в числе подарков при помолвке. Сезонность миграций диких гусей к югу, вслед за уходящим зимним солнцем, объясняет их значение как символа света ¹¹⁷.

14. Блюдо с лепестковым орнаментом. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 11, 2)

Диаметр 26 см, глубина 5 см ¹¹⁸. Центральный медальон диаметром 8 см в рамке из рельефных кружков украшен лепестковым орнаментом. Грубые крупные лепестки заполняют восемь ложковидных выступов вокруг медальона (чеканены с оборота). Возможно, в центре блюда была припаяна какая-то рельефная деталь.

Лепестковый орнамент восходит к средне- и поздне-татарскому. По совокупности признаков блюда Рельевского клада входят в группу сосудов табл. 12—15.

Мелькенский клад

Найден в 1858 г. близ дер. Мелькен в осыпи правого берега р. Ик — левого притока Камы, в 12 верстах от г. Мензелинск Уфимской губ. (Татарская АССР). В состав клада входили семь серебряных сосудов, шесть из которых были проданы и не сохранились. Уцелела только меньшая чашка ¹¹⁹.

15. Чашка с изображением царского пира. Серебро. Гравировка, позолота, чернь. Северный или Северо-Восточный Иран. Вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 38, 1—4)

В 1870 г. чашка принадлежала В. С. Скарятину в Мензелинске. В 1909 г. находилась в музее Общества поощрения художеств в Петербурге. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

По М. ван Бершему, стиль букв надписи характерен для куфи XI в., но декор более поздний ¹²⁰. А. П. Смирнов, сравнив чашку с поливной посудой и бронзовыми изделиями XIII в., априорно отнес ее к Закавказью ¹²¹. Б. И. Маршак датировал сосуд XI в. ¹²²

Чашка в форме сегмента сферы. Диаметр 11,7 см, высота 2,2 см, толщина стенок около 1 мм ¹²³. У края, правее центрального медальона — отверстие от заклепки, которой крепилась ручка (снаружи на этом месте прервана надпись). В медальоне диаметром 6,7 см — пирушественная сцена. Глубокие линии гравировки и некоторые детали фигур заполнены чернью. Фон позолочен. В центре — сидящий по-восточному царь. Волосы и борода выделены чернью, на чалме арабские буквы, может быть «الحيات» (долгая жизнь). Нимб с узорным краем имеет прототипы в IX в. (табл. 7) ¹²⁴. Подпоясанный халат с двойными позолоченными отворотами запахнут слева направо. Черные полосы на нем чередуются с полосами, украшенными меандрами. Рукава с широкими вставками вверху, на одной из которых различима арабская надпись «بركة» (благословение). Правой рукой царь поддерживает позолоченную чашку. Перед ним подставка для посуды (?). По сторонам правителя двое слуг. У одного — опахало на длинной ручке, другой, скрестив руки, ждет приказаний. На слугах небольшие чалмы со спускающимся сбоку концом, подпоясанные халаты с разрезом спереди и сапоги, покрытые чернью (кроме вертикальной полосы шва). У костюма правого слуги двойные отвороты (позолочены) и откидные рукава, которые висят позади рук (надетая поверх халата одежда типа джуббы?) ¹²⁵. Два льва в нижнем сегменте отделены тройной плетенкой (ср. табл. 6, 4, 5). Снаружи в медальоне на дне чаши хищная птица, когтящая другую птицу. Фон черновой. По краю чашки идет двуязычная надпись процветшим куфи:

عز و اقبال و دولة و بقاء و نعمة و
انكس كه بكف بر سيد اين جام غم انجام
شادان زبد خرم بانزهت باكام

(Арабск.): «Слава, и успех, и господство, и долголетие, и благоденствие, и...» (Перс.): «Тот человек, который в полной руке (ладони) держит чашу, оканчивающую скорбь, [пусть] весело живет радостный, с наслаждением, с желанием» (чтение Б. И. Маршак и Г. А. Федорова-Давыдова).

Черневые завитки на фоне надписи, на халатах слуг и лопатках львов позволяют отнести вещь к концу XII — первой половине XIII в. Пирушественная сцена близка рейским стукковым панно (около 1200 г.) ¹²⁶, рейской и кашанской поливной керамике конца XII — XIII в. ¹²⁷, где распространены осевые композиции с фронтальной фигурой на троне и слугами или приближенными по сторонам. Ср. сцену пира на бронзовом кувшине с инкрустацией серебром

¹²⁰ М. van Berchem, 1909, стр. 404.

¹²¹ А. П. Смирнов, 19576, стр. 86.

¹²² Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

¹²³ Я. И. Смирнов, 1909, № 141.

¹²⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 68.

¹²⁵ Ср.: М. В. Горелик, 1972, рис. 3, 6, 8.

¹²⁶ SPA, V, 1938, табл. 517.

¹²⁷ Die Ausstellung, II, табл. 96; SPA, VI, 1938, табл. 659A.

¹¹⁵ В. И. Распопова, 1971, стр. 18.

¹¹⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 137.

¹¹⁷ С. А. S. Williams, 1960, стр. 214.

¹¹⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 138.

¹¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 11, д. 151, л. 44.

1246/7 г. из галереи Уолтерса в Балтиморе¹²⁸. На люстровой посуде Рея и Кашана, исламском металле и миниатюрах XIII в. — общий «тюркский» тип круглых лиц со сходящимися бровями, раскосыми глазами, вытянутыми к вискам, и маленьким ртом. Схож покрой одежд из узорчатых тканей. На мусульманских бронзовых изделиях XII—XIII вв. встречаем плетенку из двух или трех полос, узкие ленты с меандрами.

БАССЕЙНЫ БЕЛОЙ И УРАЛА

Стерлитамак

16. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII в. (табл. 16, 4)

Найдена в 1951 г. в богатом погребении Левашевского могильника в 4—5 км к северу от г. Стерлитамак Башкирской АССР. По инвентарю погребение датируется салтовским временем (вторая половина VIII—IX в.); в нем найден золотой динар 705—706 гг. В других погребениях обнаружены дирхемы 712, 743, 770, 774, 779 гг., использованные как подвески¹²⁹. Из могильника происходит вторая подобная кружка, но без орнамента и несколько большего размера¹³⁰.

Кружка с орнаментом, массивная, литая, цилиндрическая, со слегка вогнутыми стенками¹³¹. Диаметр 8 см, высота 7 см. Кольцевой поддон с окаймлением из перлов припаян. Перстнеобразная ручка снабжена горизонтальной накладкой в виде розетки. На тулове выгравирован фриз из чередующихся больших и малых пальметт на пунсоном фоне. Ср. форму кружки с табл. 8, 8; 16, 5, 7, а орнамент — с табл. 8, 6; 16, 1¹³².

А. П. Смирнов датировал кружку VIII—IX вв., сославшись на венгерские аналогии в орнаменте¹³³. Узор по ее краю близок обрамлению салтовских украшений (табл. 54, 4).

16а. Кувшин. Бронза. Гравировка, инкрустация серебром. Восточный Иран. Конец XII—первая половина XIII в. (табл. 49, 6)

Найден в 1973 г. при раскопках кургана с позднекочевническим погребением в группе VI у дер. Старый Комсомол Баймакского р-на Башкирской АССР¹³⁴.

У кувшина низкое цилиндрическое горло, ограниченное двумя валиками, грушевидное канnelированное тулово и низкий расширяющийся книзу поддон. Ручка утрачена. Эту форму кувшинов встречаем среди бронз Ирана конца XII—XIII в.¹³⁵ На горле выгравирована арабская надпись почерком насх:

والعز والاقبال والدولة والبقاء لصاحبه

¹²⁸ G. D. Guest, R. Ettinghausen, 1961, рис. 11.

¹²⁹ Р. Б. Ахмеров, 1955, стр. 159, 164—166; Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

¹³⁰ Р. Б. Ахмеров, 1955, стр. 162.

¹³¹ Там же, стр. 162, табл. II, I; А. П. Смирнов, 1957б, стр. 48, рис. 5.

¹³² Б. И. Маршак, 1971, стр. 33.

¹³³ А. П. Смирнов, 1957б, стр. 49.

¹³⁴ А. Х. Пшеничнюк, 1974, стр. 172. Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Х. Пшеничнюку за разрешение опубликовать кувшин.

¹³⁵ SPA, IX, 1939, табл. 1317; D. Barrett, 1949, табл. 8.

«И слава, и успех, и господство, и долгая жизнь владельцу сего» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Буквы инкрустированы серебром.

По характеру разработки фона (спирально скрученные стебли с пальметтами) кувшин примыкает к восточноиранским бронзовым сосудам XIII в.¹³⁶ Аналогичны надпись и орнамент фона на гератской (?) бронзовой червильнице из с. Кульбаева Мураса (табл. 49, 5).

СРЕДНЕЕ ПРИКАМЬЕ

Шахаровский клад

В 1886 г. крестьянин дер. Шахарова Златоустовской вол. Красноуфимского у. Пермской губ. (ныне Суксунский р-н Пермской обл.) нашел клад из пяти серебряных сосудов. В 1891 г. он приобретен Археологической комиссией и передан в Эрмитаж. В. Ю. Лещенко установил, что клад обнаружен на правом берегу р. Иргина — левого притока р. Сытва, примерно в 200 м к востоку от дер. Нижне-Шахарова, в местности, называемой «Плотинка»¹³⁷. В клад входили:

Две серебряные чаши без изображений; на одной из них согдийская надпись VII—VIII вв.¹³⁸

Сасанидское блюдо с изображением охоты Шапура III (383—388); на обороте процарапаны среднеперсидская и согдийская надписи (согдийская датируется VII—VIII вв.)¹³⁹.

Сасанидское блюдо второй половины III в. с изображением богини со львом, шесть медальонами с протомами животных и фигурами гладиаторов и согдийской курсивной надписью¹⁴⁰.

17. Чаша с изображением всадника. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Хорезм. VII — начало VIII в. (табл. 25, 1, 2)

Диаметр 14 см, высота 5,5 см¹⁴¹. Выкована из тонкого листа серебра. На внутренней стороне венчика валик. Кольцевой поддон диаметром 8 см припаян. Ложки (ср. рис. 14, I; табл. 25, 3), узор из трех кружков между ними, «чешуйчатое» кольцо вокруг медальона и фигура всадника чеканены снаружи в рельефе, детали выполнены резцом с лицевой стороны. Позолота покрывает фон медальона, нимб всадника и часть ложек в группах по четыре. По верхнему краю вырезана хорезмийская надпись.

Голова всадника дана в высоком рельефе. Он безбород и безус, прямые волосы подстрижены у шеи. Кафтан с узкими рукавами и треугольными двусторонними отворотами украшен внизу широкой позолоченной полосой. Талия туго перетянута золоченым поясом. Штаны для верховой езды стянуты у щиколотки ремешком. Мягкие сапожки-ичиги с острыми удлиненными носками. В такие костюмы

¹³⁶ D. Barrett, 1949, табл. 9.

¹³⁷ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 277.

¹³⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 71, 72; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 172.

¹³⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 58; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 172.

¹⁴⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 36; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 173; В. Г. Луконин, 1969, стр. 95.

¹⁴¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 46; С. П. Толстов, 1943а, табл. 87; G. Azarpay, 1969, стр. 201—202, табл. 9 (автор датирует чашу VII—VIII вв.).

одеты оплакивающие в росписи оссуария Ток-калы (VII—VIII вв.)¹⁴². По С. П. Толстову, двусторонние отвороты — отличие мужской одежды афригидской эпохи¹⁴³. Они встречаются в живописи Восточного Туркестана VII—VIII вв.¹⁴⁴ А. фон Лекок полагал, что размещение отворотов и их форма — не локальный признак, а знак ранга: двусторонние отвороты служили атрибутом высшей власти. В росписи пещеры в Кумтуре в оазисе Куча (VIII в.?) кафтаны князя и княгини — с двумя треугольными отворотами, у их сыновей — с одним¹⁴⁵. На западной стене зала Балалык-тепе в кафтан с двусторонними отворотами одет только царственный участник пира¹⁴⁶. Но в росписях Афрасиаба в таких кафтанах изображены персонажи из царской свиты. На правом бедре всадника — расширяющийся книзу колчан тюркского типа, возникновение которого связывают с Центральной Азией (ср. с колчанами на аниковском блюде — табл. 24)¹⁴⁷. Подобные колчаны встречаем в росписях Восточного Туркестана («пещера Майя» в Кызыле)¹⁴⁸, на барельефе гробницы императора Тайцзуна (637 г.), на Сулекской писанице в Хакасии¹⁴⁹. В правой руке верхового плеть (?). Слева видна рукоять меча с двумя маленькими боковыми выступами, без набалдашника (ср. с мечом на блюде табл. 2). Конский убор составляют уздечка с круглыми фаларами на соединении ремней и позолоченными поводьями, нагрудный и подхвостный ремни, чепрак. Стремян нет, что видно и по положению ступни с оттянутым носком. Отсутствие стремян — аргумент в пользу датировки чаши временем до VIII в. Грива лошади коротко подстрижена, но на нее оставлено два треугольных пучка.

По Я. И. Смирнову, «тип и одежда всадника... находят себе аналогию на монетах китайско-тюркских, относимых к VII—VIII векам»¹⁵⁰. Согласно М. И. Ростовцеву, на чаше (которую он отнес ко II—III вв.) изображен индо-скифский бог-всадник, спутник Великой богини¹⁵¹. С. П. Толстов отождествил юного всадника с Сиявушем — древним божеством растительного царства, мужским спутником хорезмийской Анахиты. Поскольку Сиявуш считался легендарным предком правящей династии, всадник на монетах Хорезма (I—IV и VII—VIII вв.) — эмблема Хорезмийского государства¹⁵².

Кошелевский клад

Найден в 1899 г. крестьянином дер. Кошелева (Усть-Суксунская) Суксунской вол. Красноуфимского у. Пермской губ. (ныне дер. Кошелева Суксунского р-на Пермской обл.)¹⁵³. В 1969 г. В. Ю. Лещенко установил, что клад обнаружен при ломке бутового камня на склоне террасы правого берега

¹⁴² А. В. Гудкова, 1964, стр. 97, рис. 27.

¹⁴³ С. П. Толстов, 1948а, стр. 198.

¹⁴⁴ А. von Le Coq, 1925, рис. 9, 11, 18; J. Hackin, 1938, рис. 23.

¹⁴⁵ А. von Le Coq, 1925, стр. 10, рис. 11.

¹⁴⁶ Г. А. Пузаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 137; Л. И. Альбаум, 1975, рис. 5; 7; табл. VII; VIII.

¹⁴⁷ В. А. Шишкин, 1963, стр. 217.

¹⁴⁸ А. von Le Coq, 1925, рис. 33.

¹⁴⁹ Там же, рис. 99, 100.

¹⁵⁰ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7.

¹⁵¹ М. И. Ростовцев, 1927, стр. 144.

¹⁵² С. П. Толстов, 1938, стр. 140—141; Он же, 1948а, стр. 202 и сл.

¹⁵³ ОАР за 1900 г., стр. 116, рис. 242, 243.

р. Сылва, в местности «Далматова гора»¹⁵⁴. Клад хранится в Эрмитаже. В его состав входили:

Сасанидский серебряный кувшинчик с изображениями птиц в кругах из перлов¹⁵⁵; на дне — среза персидская курсивная надпись с именем владельца¹⁵⁶.

18. Кружка. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. VIII—IX вв. (табл. 18, 2—4)

Кружка восьмигранная, высота 6,5 см¹⁵⁷. Колодевой поддон с окаймлением из перлов припаян. Каннелированные грани тулова окаймлены рубчатыми валиками. На ручке в виде кольца из шариков — литая накладка с двумя рельефными головами лысых стариков. Ср. маску Силеня среди театральных вахических атрибутов на серебряной чаше II в. н. э.¹⁵⁸ Рисунок почти тождественной кружки из альбома Д. Г. Мессершмидта см. в атласе Я. И. Смирнова (найдена в кургане в верховьях Енисея, до 1722 г. хранилась в церкви Караульного Острога Енисейской губ.)¹⁵⁹.

По Б. И. Маршаку кружка относится к раннему этапу школы С (VIII в.), причем она типологически моложе енисейской¹⁶⁰. Он сравнивает форму обоих сосудов с каннелированными кружками Пянджикента и Тали-Барзу V¹⁶¹.

Форма граненых кружек, известная в танекоторевтике VII—VIII вв.¹⁶², центральноазиатского или китайского происхождения (живопись ханского дворца Идикутшари в Турфанском оазисе, IX в.)¹⁶³. Ручка в виде кольца из шариков обычна для тюркского серебра конца VII—VIII вв.¹⁶⁴ Гравированный узор из трилистников близок орнаменту на бляхе из могильника Баян-Хем в Туве (IX—X вв.)¹⁶⁵. Форму трилистника обработан кольцевым пунсоном, что характерно с VII в. для Средней Азии и Китая¹⁶⁶. Косая сетка с кружками в каждом квадрате (известна в Китае задолго до VII в.) украшает подола одежды на кувшине табл. 7. Кувшин сближается с кружкой также и каннелюрами с точками между дужками¹⁶⁷. Изображения силенов, которые восходят к позднеэллинистическим или византийским прототипам, известны вплоть до Хотана¹⁶⁸.

Селянино Озеро

19. Флакон с куфическими надписями и изображением зайцев. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота, чернь. Иран. Вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 34, 5—8)

¹⁵⁴ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 276.

¹⁵⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 87.

¹⁵⁶ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 164.

¹⁵⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 114.

¹⁵⁸ Г. Гоян, 1952, т. 1, рис. 90, IV.

¹⁵⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 115.

¹⁶⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 27.

¹⁶¹ Там же, стр. 47.

¹⁶² B. Gyllensvärd, 1957, рис. 24, 52, табл. 9, с.

¹⁶³ А. Grünwedel, 1912, рис. 665, 666; Б. И. Маршак, 1961, стр. 197, табл. 6 (10). Турфанская восьмигранная чарка с уйгурской надписью найдена в могильнике «Над Поляной» близ с. Батени (левый берег Енисея). Позднетанские аналогии в декоре позволяют датировать ее концом IX — началом X в. (А. А. Гаерилова, 1968).

¹⁶⁴ Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 15.

¹⁶⁵ М. Х. Маннай-оол, 1963, стр. 240, табл. 1, 3; Л. Р. Кизласов, 1969, табл. III, 144.

¹⁶⁶ Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 18.

¹⁶⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 47.

¹⁶⁸ Г. В. Григорьев, 1946, стр. 101, рис. 48.

Найден в 1898 г. в дер. Селянино Озеро Кунгурского у. Пермской губ. (ныне дер. Селянино Кунгурского р-на Пермской обл.) на р. Шаква — правом притоке р. Сылва. Флакон происходит из погребения, обнаруженного на глубине 0,7 м при рытье ям для столбов у двора усадьбы А. Белянкина. Кроме флакона, в нем лежали железное стрема и поломанная серебряная чашка без орнамента¹⁶⁹. Погребение относится к могильнику сыженской культуры (IX—XV вв.), который расположен на территории деревни у дороги в дер. Плеханова. В 1899 и 1901 гг. могильник исследовали Н. Н. Новокрещенных и А. А. Спицын. М. В. Талицкий датировал его XI—XII вв.¹⁷⁰ Флакон хранится в Эрмитаже.

Он грушевидный, с двумя колечками, вдетыми в припаянные петли. Высота 9 см, наибольший диаметр 5,5 см¹⁷¹. Орнамент и надписи выгравированы и оттенены чернью. Фон обработан кольцевым пуносоном и позолочен. В среднем широком поясе тонкие стебли образуют ромбовидные фигуры и завитки с пальметками внутри. Средний лепесток пальметок покрыт сетчатой штриховкой. На горле и в нижней части флакона — круговые надписи почерком процветший куфи¹⁷². Надпись на горле не читается. В нижнем поясе:

الامير الخليل ابو عى الحسن بن
يعقوبى الصلطان... مولى امير المؤمنين

«Эмир возлюбленный Абу Али Хасан ибн Якуби ас-Салту, клиент повелителя правоверных». Лишний *лям* после *алифа* в слове *амир* в титуле халифа. Имя «ас-Салту» возможно читать иначе.

М. ван Бершем отнес почерк к XI—первой половине XII в., что не согласуется с датировкой по орнаменту.

На дне флакона — три рельефных позолоченных зайца, бегущих по кругу. Их сросшиеся уши образуют равнобедренный треугольник. Тот же мотив встречаем на донцах штампованных сосудов Мерва (с XII в.)¹⁷³. На металлических изделиях колеса из животных появляются со второй половины или с конца XII в.: на иранских бронзовых подносах в центральном медальоне — четыре «вращающихся» зайца¹⁷⁴. «Солнечное колесо» из животных — астрологический символ. Четыре зайца в беге друг за другом знаменовали единство четырех времен года¹⁷⁵. В центре бронзового блюда XIV в. с инкрустацией серебром (ГИМ) — четыре сросшихся ушами зайца, а вокруг них 12 знаков Зодиака. Круг из трех зайцев символизировал три фазы солнца в течение дня¹⁷⁶.

20. Кружка с куфической надписью. Серебро. Гравировка, чернь. Иран (?). Вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 33, 6—8)

Найдена в 1901 г. в одном из раскопанных А. А. Спицыным погребений могильника Селянино

Озеро¹⁷⁷. Хранилась в Археологической комиссии в Петербурге.

Диаметр кружки 8 см, высота 4,5 см¹⁷⁸. Она повреждена: часть надписи утрачена, отломана ручка. У кружки полусферическое тулово, на котором выгравированы медальоны с растительным орнаментом, и низкий поддон. Надпись процветшим куфи:

عز و اقبال و دولة و كرامة... و غبطة و نعمة... لصاحبه

«Слава, и успех, и господство, и честь, и наслаждение и благоденствие, и... владельцу сего» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Дата кружки определена по черневым завиткам фона надписи.

Бартым

21. Чаша с изображением оссуария на львах. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Хорезм. Первая половина VIII в. (табл. 26, 6, 7)

Найдена в 1951 г. на поле у дер. Бартым Березовского р-на Пермской обл. Находка локализуется на площадке Бартымского I селища раннего этапа сыженской культуры (конец VIII—XI в.)¹⁷⁹. Хранится в ГИМ.

Первоначально О. Н. Бадер отнес чашу к VII—VIII вв., отметив ее сходство с чашами № 42—47, 120, 286 по атласу Я. И. Смирнова¹⁸⁰. Хорезмийские надписи позволили О. Н. Бадеру и А. П. Смирнову определить сосуд как среднеазиатский, но датировка без достаточных оснований была изменена на VI в.¹⁸¹ Хорезмийское происхождение чаши очевидно¹⁸². Смысл изображений раскрыт Ю. А. Рапопортом: на троне с ножками в виде львов стоит дарский оссуарий. Сцена рисует поклонение останкам правителя, установленным на престоле¹⁸³. Подобные обряды в государстве Ши (Ташкентский оазис) описаны в китайских хрониках IV—VII вв.: «По юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлено седалище. В 6-е число первой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владельца, потом обходят вокруг престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды»¹⁸⁴. Возможная связь обряда с празднествами в честь сбора винограда объясняет появление подобной сцены на пиршественной чаше.

Диаметр чаши 13 см, высота 4,5 см. Она выкована из тонкого листа серебра; на венчике — утолщенный валик. Низкая кольцевая ножка диаметром 8 см припаяна. Чаша была разломана на несколько частей, которые при реставрации удалось соединить; утрачено $\frac{2}{3}$ поддона с надписью. В надписи по верхнему краю уничтожена часть даты (на 1,8 см). Наиболее вероятные восстановления: «год 703» или «год 713»¹⁸⁵. Маленькие кружки под венчиком и вокруг медальона, орнамент из широких листьев на стенках и рельефные фигуры выполнены чеканом с оборота. С лицевой стороны изображения прора-

¹⁶⁹ ОАК за 1899 г., стр. 134; Я. И. Смирнов, 1909, № 143.

¹⁷⁰ И. А. Талицкая, 1952, стр. 102.

¹⁷¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 142.

¹⁷² Перевод см.: ОАК за 1899 г., стр. 134; М. van Berchem, 1909, стр. 405. В тексте приводим чтение Г. А. Федорова-Давыдова.

¹⁷³ С. Б. Лунина, 1962, стр. 322.

¹⁷⁴ R. Ettinghausen, 1957, стр. 343, рис. L (в тексте) и 21.

¹⁷⁵ Там же, стр. 351.

¹⁷⁶ Там же. Исламский мотив «вращающихся» зайцев про- ник в готтское искусство XIV—XV вв. (J. Baltrušaitis, 1955, стр. 135—137, рис. 65).

¹⁷⁷ ОАК за 1901 г., стр. 114—115.

¹⁷⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 143.

¹⁷⁹ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 104.

¹⁸⁰ О. Н. Бадер, 1952, стр. 191—192, рис. 4.

¹⁸¹ О. Н. Бадер, А. П. Смирнов, 1954, стр. 15—17, рис. 6.

¹⁸² G. Azarpay, 1969, стр. 200, табл. 7.

¹⁸³ Ю. А. Рапопорт, 1962а; Он же, 1971, стр. 113—114, рис. 56.

¹⁸⁴ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 272—273.

¹⁸⁵ В. А. Лившиц, 1970, стр. 6.

ботаны резцом и кружковым пунсоном. Фон композиции и крышка оссуария позолочены.

На передних лапах львов (ср. табл. 26, 1) — вихревые розетки. Изображения солярных розеток на лопатках животных известны на «бактрийской» чаше из с. Верейно (IV—V вв.)¹⁸⁶. Связанные с почитанием солнца львы имели отношение и к культуре умерших. В раннесредневековой Средней Азии мотив льва распространен на погребальных сосудах и оссуариях. Рельефное изображение льва и растения находим на оссуарии из Миадахкана (Хорезм)¹⁸⁷, львов по сторонам двери — на астадане с Афрасиаба (Эрмитаж)¹⁸⁸. Те же «стражи преисподней» с солнцем и луной по сторонам вписаны в клейма погребальных хумов IX—X вв. некрополя Тараза¹⁸⁹. Оссуарий в форме прямоугольного ящика с четырехскатной крышкой аналогичен керамическим или алебастровым костехранилищам позднеафригидского Хорезма VII—VIII вв.¹⁹⁰ Они были приспособлены для установки балдахина, изображенного на чаше. Эмблема в виде полумесяца с солнечным шаром внутри украшает крышку расписного оссуария Ток-калы¹⁹¹. Солнечная розетка имеется и на боковой стенке этого костехранилища.

22. Чаша с изображением четырехрукой богини. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Хорезм. Первая половина VIII в. (табл. 26, 1, 2)

Найдена в 1952 г. при окучивании картофеля у дер. Бартым Березовского р-на Пермской обл. (близ р. Шаква). находка локализуется на площадке Бартымского I селища раннего этапа сылвенской культуры (конец VIII—XI в.)¹⁹². Хранится в Пермском областном музее. Датирована О. Н. Бадером VII—VIII вв.¹⁹³

Диаметр чаши 12,4 см, высота без поддона 3,4 см. Выкована из тонкого листа серебра. С внутренней стороны венчика утолщенный валик. Поддон высотой 0,9 см, диаметром 7 см сделан из согнутой кольцом полоски серебра (отломан). По краю вырезана хорезмийская надпись с датой: «год 714»¹⁹⁴. Надпись имеется и на поддоне. Медальон на дне выполнен чеканом с оборота, с лицевой стороны детализирован тонкой чеканкой и гравировкой. Рельефные фигуры позолочены. Перед четырехрукой богиней, едущей на льве, — коленопреклоненная фигурка с жертвенной чашей. В верхних руках божества — эмблемы солнца и луны. В левой нижней руке — ложчатая чаша (ср. с хорезмийскими, табл. 25) и жезл с шариком на верхушке, в правой — предмет

в виде трех шариков на Т-образной ручке (погребушка?) На переднем зубце согона *miralis* — полумесяц с тремя кружками внутри. Серьги — в форме кольца с шариком-подвеской. На груди — обруч-пектораль, с драгоценным камнем (?) в квадратной оправе и грушевидной подвеской с круглым камнем или жемчужиной. За спиной богини развевается плащ. Длинная подпоясанная туника из тонкой ткани собрана складками на ногах. На спине льва — ковер с бахромой.

В VI—VIII вв. ареал изображений четырехрукой богини обширен: от Хорезма и Согда до Хотана¹⁹⁵.

23. Чаша с изображением четырехрукой богини. Серебро. Чеканка, гравировка. Хорезм. Первая половина VIII в. (табл. 26, 5)

Найдена в 1957 г. на поле у дер. Бартым Березовского р-на Пермской обл. находка локализуется на площадке Бартымского I селища раннего этапа сылвенской культуры (конец VIII—XI в.)¹⁹⁶. Хранится в Пермском областном музее.

Диаметр чаши около 12 см. У нее гладкие тонкие стенки и широкий валик по внутренней стороне венчика. Была сильно помята, но медальон на дне сохранился полностью¹⁹⁷. Богиня на льве и кольцо вокруг нее чеканены снаружи в рельефе. С лицевой стороны разработаны чеканом, резцом и кружковым пунсоном. По краю чаши идет круговая хорезмийская надпись с датой: «год 700». Богиню венчает зубчатая корона с полумесяцем. Похожая на пелерину накидка украшена мелкими кружками в группах по три. Обшлага рукавов туники и полоса на груди заштрихованы. На шее — гривна-пектораль. В верхних руках богиня поднимает луну и солнце с человеческой личиной. В левой нижней руке — чаша, в правой — предмет в виде расположенных треугольником шариков на длинной ручке. Грива льва обозначена группами параллельных штрихов, шерсть — точечными вдавлениями.

Чаша Британского музея, датированная тем же годом, совпадает с бартымской почти во всех деталях (табл. 26, 3, 4).

Комарово

24. Блюдо с изображением льва, терзающего быка. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. VII—VIII вв. (табл. 4, 2)

В 1903 г. выкопано в огороде в с. Комарово Кунгурского у. Пермской губ. (ныне Кунгурский р-н Пермской обл.) на правом берегу р. Шаква — правого притока р. Сылва¹⁹⁸. При разведке В. Ю. Лещенко в 1969 г. ни обстоятельств, ни места находки уточнить не удалось, что ставит под сомнение истинность сведений, посланных в Археологическую комиссию¹⁹⁹. Блюдо хранится в Эрмитаже.

К. В. Тревер датировала его временем Хосрова I (531—578)²⁰⁰, В. Ю. Лещенко — VII—VIII вв.²⁰¹ Единоборство солнца-льва и быка трактуется как символ весеннего равноденствия.

¹⁸⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 68; Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 72. См. сасанидское блюдо VII в. из Уфимского клада со сценой царской охоты (А. И. Воцинина, 1953; S. Fajans, 1957, табл. 7, 16). Львы с орнаментальными вихревыми розетками на лопатках известны в резаном дереве Пянджикента (А. М. Беленицкий, 1973, илл. 44, 45, 50, 52).

¹⁸⁷ В. Н. Ягодин, Т. Ходжайов, 1970, рис. 54.

¹⁸⁸ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, 1890, стр. 29, рис. 29. Портал мог означать как вход в погребальное здание, так и символические врата в потусторонний мир (А. В. Гудкова, 1964, стр. 106).

¹⁸⁹ Л. И. Ремпель, 1957, стр. 107—108, рис. 41, 3; Т. Н. Сенигова, 1968, стр. 58.

¹⁹⁰ Ю. А. Рапопорт, 1962а, стр. 50, 54, рис. 3; А. В. Гудкова, 1963, стр. 66—67.

¹⁹¹ А. В. Гудкова, 1963, рис. 6.

¹⁹² В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 104.

¹⁹³ О. Н. Бадер, 1954, стр. 125—128, рис. 50; S. Fajans, 1957, рис. 29—31; G. Azagrau, 1969, табл. 4.

¹⁹⁴ Б. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

¹⁹⁵ Н. В. Дьяконова, 1961, стр. 267—268.

¹⁹⁶ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 104, 280.

¹⁹⁷ О. Н. Бадер, 1960, стр. 97—98, рис. 34.

¹⁹⁸ ОАК за 1903 г., стр. 174; И. А. Талицкая, 1952, стр. 103.

¹⁹⁹ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 315.

²⁰⁰ К. В. Тревер, 1934, стр. 190.

²⁰¹ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 206.

Диаметр блюда 21,7 см, высота 3 см²⁰². Низкая кольцевая ножка диаметром 8 см была припаяна. Фон фигур, выполненных в плоском рельефе и гравированных, позолочен. Ср. деревья, передачу шерсти спиралевидными штрихами, воду с рыбами и утками на позднесасанидских чашах из Персеполы²⁰³ и Хомякова²⁰⁴. Листва в виде «перьев» напоминает оперение орла на блюде VII в. из с. Суды²⁰⁵. Те же элементы сохраняются в VIII в. (табл. 1; 2; 4, 1; рис. 4, 3). Аналогию трактовке львиной гривы находим на блюде VIII в. (табл. 2).

Вихревые розетки на лопатках животных указывают на солярную символику сюжета, распространенного на сасанидских геммах²⁰⁶. Образ сакрального быка ассоциировался с солнцем²⁰⁷ и лунным божеством Мах, в колесницу которого он впряжен (блюдо из Климова с астрологическим изображением колесницы луны и солнца)²⁰⁸. В авестийской космологии лев, нападающий на зебу, — символ весеннего равноденствия, Нового года (победа льва-солнца-Митры над земной природой в образе быка)²⁰⁹. В «Бундахшпне» бык — первое творение Ахура Мазды. Из частей тела первозданного быка, убитого Ангро-Майнью, возникают растения и злаки, из его семени — животные. На спине быка Сарсаока люди переправляются через море Вурукаша, чтобы заселить вновь созданные земли. Ряд авестийских гимнов посвящен «духу быка»²¹⁰. В этнографии Средней Азии бык связан с водой, растительностью и плодородием. В Хивинском оазисе существовал обряд его жертвоприношения водной стихии²¹¹.

Декор блюда отвечает зороастрийским представлениям об устройстве вселенной. Сегмент воды с рыбой и уткой — это океан Вурукрта, который, по Авесте, окружает круглую землю подобно широкой реке²¹². Вода обозначала и преисподнюю, откуда на поверхность изливаются речные потоки (рыбы имели хтоническое значение вместилищ душ усопших). Волнистыми линиями показана земная суша с ее растениями. Вместе с мировым деревом, стоящим среди океана, число растений семь, что отвечает представлениям Авесты о делении земли

на семь частей-крашваров. Небесная сфера олицетворена древним астрологическим символом: львом, впившимся в шею мифического быка.

Ковина

25. Чаша с изображением четырехрукой (?) богини. Серебро. Чеканка, гравировка. Хорезм. VII—начало VIII в. (табл. 25, 5)

Найдена в 1840 г. на поле близ починка Плюснина у дер. Ковина (Зародята) Сенькинской вол. Пермского у. (ныне Добрянский р-н Пермской обл.). Место находки расположено на левом берегу ключа, впадающего в р. Малый Туй, на небольшом мысе между логами, где в 1952—1953 гг. В. Ф. Генинг раскопал Зародятское селище ломоватовской культуры (VII—VIII вв.)²¹³. Чаша поступила в коллекцию Строганова в Петербурге, в 1922 г. передана в Эрмитаж.

Диаметр 12,5 см, высота 3,5 см²¹⁴. Часть стенок и дна выломана. Медальон в окаймлении гладкого рельефного кольца чеканен снаружи в плоском рельефе и с лицевой стороны пройден резцом и кружковым пунсоном. Ср. ложки на чашах табл. 25, 1—4. По краю снаружи наколото точками хорезмийская надпись. Богиня с чашей в левой руке сидит на льве. Ее голова и верхняя пара рук не сохранились. Длинное одеяние с узкими рукавами тяжелыми складками спадает к ногам. Плащ с чешуйчатым орнаментом застегнут посредине груди.

Четырехрукое божество на льве отождествляют со среднеазиатской богиней плодородия Наной²¹⁵.

Слудка

26. Блюдо с изображением горного козла. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточный Иран. VIII в. (табл. 5, 4)

Найдено в 1780—1781 гг. в с. Слудка Слудской вол. Пермского у. той же губ. (ныне с. Слудка Ильинского р-на Пермской обл.), на правом берегу р. Обва при впадении ее в Каму. Из того жеклада, возможно, происходит ложчатая чаша VII в. с «индийскими» танцовщицами²¹⁶ и серебряное блюдо с арабскими надписями (табл. 35, 1—4). Близ с. Слудка расположено городище родановской культуры²¹⁷. Блюдо хранится в Эрмитаже.

Диаметр 28 см, высота 1,8 см, диаметр кольцевой ножки 16 см²¹⁸. Бортик шириной 1 см отогнут горизонтально. В медальоне диаметром 16,9 см в технике незамаскированного чекана снаружи изображен горный козел. С лицевой стороны орнамент разработан гравировкой. Фон позолочен. На лицевой стороне врезаны шаманские рисунки IX—X вв.: семь антропоморфных фигур с островерхими головами, два лося и рыба. На краю блюда пробито отверстие для подвешивания.

Блюдо входит в группу сосудов табл. 5 (по Б. И. Маршаку, второй этап согдийского серебра школы А, первая половина VIII в.)²¹⁹.

²⁰² Я. И. Смирнов, 1909, № 289.

²⁰³ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 37; 38.

²⁰⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 76.

²⁰⁵ В. Ю. Лещенко, 1966, рис. 1.

²⁰⁶ SPA, IV, 1938, табл. 256; Г. А. Пугаченкова, 1957, стр. 146; А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, стр. 33—34, № 741 (VI—VII вв.).

²⁰⁷ A. Roes, 1938, стр. 153—160.

²⁰⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 306; Ph. Askerman, 1938b, стр. 796. Предание о быке, влекущем лунную колесницу, передает Бируни: «Это бык из света с золотыми рогами и серебряными ногами; он появляется на некоторое время, потом исчезает. Тот, кому удается его увидеть, сподобится исполнения того, о чем молился, когда смотрел на него. В эту же ночь, как утверждают, на высочайшей горе видны очертания быка, который ревет два раза, если год будет урожайный, и один раз, если неурожайный» (Бируни, 1957, стр. 239—240).

²⁰⁹ В культурах Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Индии, бык олицетворяет производительные силы природы (Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 247). Жертвенный бык, в которого вознает нож солнечный Митра, — икарнация духа хлеба и нивы. На некоторых памятниках хвост быка кончается хлебными всходами, иногда колосья выходят из раны (Д. Фрэзер, 1928, стр. 181).

²¹⁰ С. П. Толстов, 1948а, стр. 294.

²¹¹ Г. П. Снесарева, 1969, стр. 310—312.

²¹² А. О. Маковельский, 1960, стр. 66.

²¹³ В. Ф. Генинг, 1959, стр. 191; В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 68—69, 272.

²¹⁴ J. R. Aspin, 1877, № 618; Я. И. Смирнов, 1909, № 44; G. Azagrau, 1969, табл. 5.

²¹⁵ Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, 1967.

²¹⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 78; V. G. Lukonin, 1967, рис. 217.

²¹⁷ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 102.

²¹⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 107.

²¹⁹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 22.

27. Блюдо с изображением пирующего владетеля. Серебро. Гравировка, чернь. Иран или Средняя Азия. Вторая половина XII—первая половина XIII в. (табл. 35, 1—4)

Хранится в Эрмитаже.

Блюдо большое плоскостное. Диаметр 36 см, высота 3 см²²⁰. Снаружи следы припайки трех ножек. Горизонтальный бортик с валиком по краю. Чернь в глубоких линиях гравировки выкрошилась. В центральном медальоне диаметром 4,8 см — персонаж, пьющий из конического бокала. Его голова окружена нимбом. На волосах, заплетенных в косы, шапочка с отверстиями и маленьким полукруглым верхом. Халат с косым за́лахом справа налево и широкими рукавами, собранными у запястий, стянут узким поясом со свисающими концами. Рукава и подол украшены широкими лентами. На ногах легкие туфли-чуваки (?). Рисунок исполнен в легкой эскизной манере. Надпись почерком насх в трех картушах прервана медальонами с птицами (ср. птиц на табл. 35, 6):

الخاتون الاجل السيد / الع الشايانت غر الدين
انرا اام الله عصمتها

«Хатун почитаемая, госпожа ал-Ниша, дочь Иезад-Дина Онор, да продлит Аллах ее добродетель». (Прочитана М. ван Бершемом, который отнес ее ко второй половине XII—первой половине XIII в.²²¹ и вторично Г. А. Федоровым-Давыдовым.) Возможны варианты в чтении имен «Онор (Унар)», «ал-Ниша». Лишний *و* в конце надписи.

Б. И. Маршак предполагает, что блюдо сделано для дочери одного из эмиров Синджара²²².

На фоне орнамента и надписи — вьющиеся стебли с почковидными выступами и цветами-пальметками, между ними черневые спиральные завитки. Пальметты с длинным средним лепестком, закрученным на конце, и двумя округлыми боковыми. Ср. растительный фон на миниатюрах начала XIII в. из рукописи поэмы «Варка и Гюльшах» (Библиотека Топкапу-Сарай), где пальметты усложнены²²³. Ср. разделку фона на иранских бронзовых изделиях с инкрустацией (XII—XIII вв.)²²⁴. Датировка по черневым спиралам совпадает с эпиграфической.

Оношат

28. Блюдо с изображением львицы со львятами. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. VIII в. (табл. 4, 1)

Найдено в 1892 г. на пашне близ дер. Оношат Сепычевской вол. Оханского у. Пермской губ. (ныне Верещагинский р-н Пермской обл.), в бассейне р. Сепыч — левого притока р. Лысьва²²⁵. Вместе с блюдом обнаружены четыре шейные гривны глазовского типа (конец IX—середина XI в.)²²⁶. Блюдо хранится в Эрмитаже. В компендиуме А. У. Поупа определено как постсасанидское²²⁷.

Диаметр блюда 20,5 см, вес 547,5 г²²⁸. Низкая кольцевая ножка припаяна. Орнамент, пройденный резцом и кружковым пунсоном, выполнен в плоском и низком рельефе. Фон позолочен. На ножке — отверстие для подвешивания блюда; внутри нее прорезана тюркская руническая надпись. Судя по ней, блюдо исполнено не позднее VIII в. (наиболее поздние рунические тексты из Монголии и Восточного Туркестана датируются серединой IX в.)²²⁹. В нижнем сегменте круга — водоем с рыбами и утками (ср. табл. 1; 2; 4, 2), омывающий основание дерева²³⁰. Перед деревом — львица с двумя сосущими ее детенышами, вокруг нее — четыре водоплавающие птицы: две держат в клюве рыб, третья — виноградную кисть.

Оношатское блюдо — неумелая копия позднесасанидского образца (ср. климовское блюдо VI—VII вв. с изображением тигрицы)²³¹. Полосы на теле животного, кружки на лапах и поперечные полоски на хвосте, передача шерсти короткими параллельными черточками, форма и штриховка листьев повторяются на оношатском блюде, но более эскизно. Нарастает стремление к сплошной орнаментальной гравировке. На дереве появляется пунсонный орнамент. Условно трактовка оперения птиц. Усиление декоративности сочетается с примитивностью рисунка. У львицы бесформенные лапы, схематизированная морда en face и длинная, изогнутая шея. По некоторым приемам исполнения В. Ю. Лещенко сблизил оношатское и мальцевское блюда (табл. 4, 3). Одинакова передача плечевой части крыльев орла и птиц над львицей. Лапы орла по форме и оперению похожи на лапки нижней пары птиц. «Бутов» на вершине дерева находят аналогию на блюде VIII в. (табл. 5, 4)²³².

Вода с водной фауной, «дерево всех семян», объединяющее верх и низ вселенной, львица, выкармливающая львят, — мотивы, связанные с идеей изобилия посевов и умножения потомства животных и человека. У народов Средней Азии утка — символ благополучия²³³, в мировом фольклоре — олицетворение семейного счастья и домашнего очага²³⁴. Пара уток с рыбами может означать супружескую чету, так как рыба — символ плодовитости²³⁵. В сасанидской иконографии гусь с гроздьём винограда — солнечная птица²³⁶; водяных птиц с длинными клювами связывали с луной²³⁷. Верхняя пара птиц по сторонам космического дерева, возможно, символизируют солнце и луну (полукруглые части

²²⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 105.

²²⁹ С. Г. Кляшторный, 1964, стр. 49.

²³⁰ Ср. деревья на позднесасанидской чаше из Хомякова.

²³¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 311. Тигрица, по-видимому, связана с местными дионисийскими культами, так как тигра и паятеру посвящали Дионису (Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 218; А. Ф. Лосев, 1957, стр. 42). Иногда Дионис предстает возницей тигров (Вяч. Иванов, 1923, стр. 133). С осенними вакхическими празднествами ассоциируется сцена охоты с собакой в нижней части композиции.

²³² В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 205.

²³³ С. Б. Лунина, 1962, стр. 311.

²³⁴ Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 284.

²³⁵ В Средней Азии еще недавно сохранялись пережитки почитания рыб (водоемы со священными рыбами, наделение их сверхъестественными свойствами). В верованиях Хорезма рыба — оберег от злых духов и болезней (Г. П. Снегачев, 1969, стр. 325—326).

²³⁶ Ph. Ackerman, 1938а, стр. 880.

²³⁷ Там же, стр. 883.

²²⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 151.

²²¹ М. van Berchem, 1909, стр. 410—411.

²²² Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

²²³ Г. Н. Балашова, 1972, рис. 11.

²²⁴ SPA, IX, 1939, табл. 1288, 1291, 1307, 1310, 1320.

²²⁵ ОАК за 1892 г., стр. 94; И. А. Талицкая, 1952, стр. 130.

²²⁶ Архив ЛОИА, ф. АК, д. 177/1892, л. 2 (рисунки гривен).

²²⁷ SPA, IV, 1938, табл. 232В.

их крыльев позолочены). В пехлевийских текстах птицы Сэн и Камрош обитают на «дереве всех семян» и рассыпают семена над миром²³⁸.

Гутовский клад

В 1891 г. в земле на косогоре близ дер. Гутова Кизвинской вол. Оханского у. Пермской губ. (ныне дер. Гутова Сивинского р-на Пермской обл.), на левом берегу р. Обва — правом притоке Камы — крестьянкой найден клад из двух серебряных сосудов. Хранится в Эрмитаже²³⁹.

29. Кружка с изображением горных козлов. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточный Иран. Вторая половина VIII в. (табл. 8, 1—4)

Высота кружки 11,3 см, диаметр горла 7,8 см, диаметр тулова 12 см, высота 10,3 см²⁴⁰. Ножка с окаймлением из перлов припаяна (высота 1,2 см, диаметр 5,8 см). Изображения двух пар горных козлов и растений между ними чеканены изнутри, а с лица обработаны резцом. Рельеф низкий и плоский. Фон позолочен. Горло отделено валиком с косыми насечками с чешуйчатым орнаментом под ним. На горле выгравирован позолоченный фриз из пальметт на пунсонном фоне. В нижней части тулова между валиками с косыми насечками — гравированный растительный орнамент. Накладка ручки оформлена в виде лысого старика, пьющего из ритона. У него окладистая борода, усы, широкий нос. В ушах серьги с подвеской-гирькой, на обнаженных руках браслеты. Через плечо перекинут бурдюк с вином²⁴¹.

Форма сосуда связана с согдийскими керамическими кружками²⁴². Аналогичные козлы, бутоны и полупальметты на блюде (табл. 5, 1 (по Б. И. Маршаку, этап АЗ согдийской торевтики, первая половина VIII в.)²⁴³. Тожественный «Силена» на кружке табл. 8, 5, 6. Похожий фриз из пальметт украшает кружку табл. 8, 8. Пирамидки из трех маленьких кружков на изогнутом стебельке — признак среднеазиатских сосудов (по Б. И. Маршаку, школа В), но там они помещены в лепестках пальметт.

Образ постоянно хмельного, веселого и добродушного Силена свидетельствует о стойкости эллинистических традиций в раннесредневековом искусстве Ирана и Средней Азии. Культ воспитателя Диониса, участника его оргий, любителя музыки и пения был развит в египетском царстве Птолемея (искусство Александрии). Он распространился в Западном Средиземноморье, оказав влияние на римскую литературу и искусство (6-я эклога «Буколик» Вергилия, силеновидные карнавалы Серапеума на вилле Адриана в Тибуре)²⁴⁴. Позднеантичные металлические изделия с изображением Силена знали в самых отдаленных районах эллинистического проникновения на восток. Александрийский бронзовый светильник с маской Силена найден в Сиаме²⁴⁵. Медальон от греко-римского (?) серебряного блюда с погрудной

фигурой Силена обнаружен в Таксиле (Пенджаб). Не исключено, что он исполнен местным мастером по западному образцу²⁴⁶. В торевтике VIII в. образ Силена, вероятно, восходит к «византийскому антику» VI—VII вв. Он известен в домусульманском Согде. Среди афрасиабских терракот VI—VIII вв. встречены налепы сосудов в виде голов лысых старцев с усами и широкой бородой²⁴⁷. На городище Кафир-кала (VI—VII вв.) найдены обломки сосуда с аналогичным налепом²⁴⁸. Оттиск подобного штампа известен на керамике из Ак-тепе близ Ташкента²⁴⁹. Образ толстого, как винный мех, лысого старика был популярен в Восточном Туркестане. В армитажной коллекции хотанских терракот собрано около 70 налепов сосудов в виде его лица²⁵⁰. В медальоне на тулове глиняного кувшина из Хотана изображен тучный лысый старик с головой в нимбе. В правой руке он держит ритон в форме головы быка, в левой — чашу²⁵¹. Его сходство с персонажами на серебряных кружках дало основание И. А. Орбели отнести последние к Хотану²⁵². В гандхарской скульптуре в облике силеновидного старика иногда выступает противник Будды Девадатта²⁵³.

Козлы по сторонам растения или виноградной лозы — древневосточный мотив (сиро-хеттские цилиндры-печати²⁵⁴, ахеменидская глиптика и т. д.), сохранившийся в парфянском (печати Нисы II в. н. э.)²⁵⁵ и сасанидском искусстве (геммы²⁵⁶, штучная панель²⁵⁷, торевтика²⁵⁸, ткань из района Хотана²⁵⁹). В авестийской мифологии козлы и дерево — символ лунного божества; дикий козел — одно из воплощений Вретрагны²⁶⁰. По В. Г. Луконову, козлы на гутовской кружке — ипостась Хварны — воплощение державной славы Ирана²⁶¹. Присутствие Силена противоречит такой интерпретации. Козел играл видную роль в мифологии Диониса, сатиров, Пана, Приапа. Зевс превратил юного Диониса в козленка, которого Гермес отнес к нимфам в Нису. Козел — священное животное дионисийского фиаса. О его роли в праздничной обрядности свидетельствует обломок терракотовой плитки VI—VIII вв. с Афрасиаба. На нем сохранились голова козла и кисти рук музыкантов с лютней и арфой (?)²⁶². До включения в дионисийский цикл козел мог быть атрибутом женского божества (женская статуэтка из Намазга-тепе, на которой нарисован козел, III тысячелетие до н. э.)²⁶³.

У таджиков и туркмен вплоть до XX в. существовали верования, связанные с горным козлом. В кишлаках долины Хингоу в Таджикистане верили, что изображения горного козла-пахчира на наружных

²⁴⁶ К. В. Тревер, 1961, стр. 101—102, рис. 9.

²⁴⁷ С. Trever, 1934, табл. III, 44; XIII, 194; В. А. Мешкерис, 1962, рис. 12, 2; табл. XXII, 358, 359.

²⁴⁸ Г. В. Григорьев, 1946, рис. 46, 1.

²⁴⁹ А. И. Тереножкин, 1948, рис. 24.

²⁵⁰ Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, 1960, табл. 16.

²⁵¹ SPA, IV, 1938, табл. 186; Г. В. Григорьев, 1946, рис. 48.

²⁵² J. Orbeli, 1938, стр. 757.

²⁵³ А. Grünwedel, 1920a, стр. 85—86, рис. 34, 1.

²⁵⁴ Н. Д. Флиттнер, 1939a, стр. 27, 35, табл. VI, 1.

²⁵⁵ Г. А. Пушаченкова, 1957, стр. 146.

²⁵⁶ А. Я. Борисов, В. Г. Луконов, 1963, № 408.

²⁵⁷ SPA, IV, 1938, табл. 177E.

²⁵⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 76.

²⁵⁹ Ph. Ackerman, 1938c, рис. 249.

²⁶⁰ А. Я. Борисов, В. Г. Луконов, 1963, стр. 34.

²⁶¹ В. Г. Луконов, 1967, рис. 159.

²⁶² Г. А. Пушаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 162, рис. 162.

²⁶³ Б. А. Литвинский, 1972, стр. 54.

²³⁸ К. В. Тревер, 1937a, стр. 10 и сл.

²³⁹ И. А. Талицкая, 1952, стр. 130.

²⁴⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 109.

²⁴¹ Ср. эллинистическую статую Силена из дома Диониса в Делосе (Ф. Баумгартен, Ф. Поланд, Р. Вагнер, 1914, рис. 136).

²⁴² Б. И. Маршак, 1961, табл. 2 и 4.

²⁴³ Б. И. Маршак, 1971, стр. 22.

²⁴⁴ Ch. Picard, 1955, стр. 140.

²⁴⁵ Там же.

стенах жилищ приносят дому благосостояние: лучше будет дойти молочный скот и увеличатся стада²⁶⁴. То же значение придавали рогам диких козлов, вывешиваемым на домах и мазарах. В туркменских сказках козел — помощник человека²⁶⁵. В таджикских легендах о святом Бурхе — повелителе горных козлов эти животные связаны с почитанием деревьев. Деревья в горах, где водятся козлы, считали заповедными, так как их якобы стережет сам Бурх. В таджикском фольклоре пастухами нахчиров выступают прекрасные духи-пари, проводящие время в песнях и танцах²⁶⁶.

30. Чаша с изображением розетки. Серебро. Чеканка. Хорезм. VII—начало VIII в. (табл. 25, 3, 4)

Диаметр 12 см, высота 5,4 см, диаметр дна 7,4 см²⁶⁷. Ниже венчика с гладким утолщенным краем — ряд выпуклых кружков. Ложчатость и орнамент из трех кружков сближают сосуд с хорезмийскими чашами табл. 25, 1, 2, 5. На дне — восьмилепестковая розетка с колесом внутри, выполненная чеканкой с оборота (ср. розетку на согдийской чаше V—VI вв. из Чилекского клада)²⁶⁸. Кольцо вокруг медальона и фон между лепестками покрыты пунсоными кружками. В среднеазиатской торевтике подобное заполнение фона стали применять не ранее VII в.

Солярные знаки находим в орнаментации хорезмийской керамики и оссуариев²⁶⁹. До последнего времени их помещали на внешних глинобитных стенах и деревянных воротах хорезмийских усадеб хаули. Круги с разнообразным заполнением и характерные для Хорезма вихревые розетки связывали со стремлением предохранить себя от «дурного глаза»²⁷⁰.

Стан

31. Чаша с лепестковым орнаментом. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в.

Найдена около 1923 г. при пахоте в урочище Сыренка у дер. Стан (Юсьвенский р-н Пермской обл.) у ручья Сивашер — правого притока р. Юсьва — правого притока р. Иньва. Обломки чаши находчик поделил с крестьянином другой деревни, уехавшим в Сибирь. С. Г. Щербинин, сын находчика, показал М. В. Талицкому в 1938 г. три обломка чаши с чеканным медальоном на дне. «Основной элемент орнамента этого медальона — надвигающиеся одна на другую чешуи. По стенке, огибая сосуд, — зигзаги или, может быть, извивающаяся веточка»²⁷¹. По М. В. Талицкому, аналогичный лепестковый орнамент на сосудах табл. 11.

32. Пешнигортский клад

В 1853 г. при пахоте у с. Пешнигорт (Кудымкарский р-н Пермской обл.) найден клад серебряных сосудов²⁷². В 1968 г. В. Ю. Лещенко установил, что клад обнаружен на левом пойменном берегу р. Иньва,

в 600 м к юго-юго-западу от Пешнигортского II селца родановской культуры²⁷³. Клад был продан вятчанам-скупщикам и погиб. Обломок ручки одного из сосудов хранился в коллекции Теплоуховых (табл. 19, 2)²⁷⁴. Со слов свидетелей находки А. Я. Теплоухов составил описание клада²⁷⁵. В его состав входили:

а) «Сосуд. . . серебряный, вышиною вершков 8 и в диаметре вверху до 10 вершков, формою походил на обыкновенный крестьянский котел с ручкою и закрыт был крышкою с колючком. . . Он был гладкий, без всяких изображений. . . , обернут кожей или чем-то подобным, разрушившимся от прикосновения». Один из свидетелей сравнил его с «крестьянской шляпой». Судя по описанию, это было ведро (ср. табл. 12 и 14). Из него вынули остальные вещи, в том числе:

б) «Ваза, похожую на обыкновенную бутылку, вышиною около 7 вершков, узкогорлую. . . , с ручкою, похожей на двугранную кружечную, которая была приделана к широкой части. Бока ее были гладкие; только на дне, которое ломалось при ничтожном усилии, были видны какие-то фигуры, вероятно письмена». Они состояли из черточек, расположенных в разных направлениях. Описание не дает представления о форме сосуда. Если к нему относился обломок кольцевидной ручки («похожей на двугранную кружечную», что, вероятно, означает продольный валик посередине — табл. 19, 2), то тогда «ваза» входит в группу «тюркских» сосудов VIII в. (табл. 19). Тонкостенность, отсутствие орнамента и тюркские рунические надписи (?) сближают ее с сосудами из катадинских погребений на Алтае и в Туве.

в) «Две синеватые гладкие чарки с ручками, которые, будучи поставлены вверх дном, могли изобразить усеченный конус. По величине и даже виду походили на металлические (медные) стаканы, употребляемые в крестьянском быту». Усеченно-коническая форма и отсутствие орнамента сближает «чарки» с тюркскими кружками VIII—IX вв., известными по находкам в Туве (Калбак-Шат)²⁷⁶, на изваяниях Семиречья²⁷⁷ и Южной Сибири²⁷⁸. Ср. кружки из Шадринска (№ 81).

г) «4 небольшие одномерные и однофасонные овальные (кругленькие) чашечки с ручками».

д) «Ковш весом около двух фунтов. . . с гладкою плоской ручкою, шириною почти в вершок, а длиною в 4 вершка. . . Против ручки, по обе стороны ее, на наружной стороне ковшика, были изображены чеканной работы по три рыбки, похожие на карасей». Л. А. Мацулевич отождествил его с византийским ковшом 641—651 гг. с изображением рыбной ловли и Нептуна. Ковш поступил в Эрмитаж в 1927 г. из Антиквариата (Москва); в 70-х годах XIX в. находился в собрании М. А. Оболенского²⁷⁹. Однако приведенное описание не подтверждает предположения Л. А. Мацулевича.

е) Семь серебряных шейных гривен глазовского типа (конец IX—середина XI в.).

²⁶⁴ Н. А. Кисляков, 1934, стр. 186—187.

²⁶⁵ С. В. Лунина, 1962, стр. 316.

²⁶⁶ Н. А. Кисляков 1934; Б. А. Литвинский, 1964, стр. 148.

²⁶⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 120.

²⁶⁸ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, рис. 12.

²⁶⁹ Ю. А. Рапопорт, 1962б, стр. 78—79, рис. 6; *Он же*, 1971, стр. 51, 104 и сл., рис. 13 и 51; В. Н. Ягодкин, Т. Ходжайов, 1970, стр. 131.

²⁷⁰ Г. П. Снесарев, 1969, стр. 229—230.

²⁷¹ И. А. Талицкая, 1952, стр. 140.

²⁷² Записка о находке близ с. Кудымкорского. . . , стр. 306.

²⁷³ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 307—308.

²⁷⁴ А. А. Спицын, 1902, табл. II, 17; Я. И. Смирнов, 1909, № 125.

²⁷⁵ Записка о находке близ с. Кудымкорского. . . , стр. 306—308.

²⁷⁶ М. Х. Маннай-оол, 1963, табл. II, 6.

²⁷⁷ Я. А. Шер, 1966, рис. 14; Б. И. Маршак, 1961, табл. 6, 3.

²⁷⁸ Л. А. Ештолова, 1952, рис. 63.

²⁷⁹ L. Matzulewitsch, 1929, стр. 6, 65—71, 75, табл. 12—15.

Таким образом, в Пешнигортском кладе преобладали неорнаментированные сосуды «тюркских» форм (VIII—IX вв.).

Климовский клад

Найден в 1907 г. в 1 версте от дер. Климова Кудымкарской вол. Соликамского у. Пермской губ. (ныне дер. Климова Кудымкарского р-на Пермской обл.). Идя по тропе из дер. Климова в дер. Большая Серва, крестьянка услышала металлический звук под своим багатом. Раскопав землю, она нашла серебряное ведро с четырьмя серебряными блюдами внутри. Через несколько дней в том же месте при прощупывании земли железным ломиком извлекли еще три серебряных блюда. Обе группы сосудов находились на расстоянии не более 0,9 м друг от друга, на склоне террасы «Нюр-гэп» высотой 4—5 м²⁹⁰. Разведкой В. Ю. Лещенко в 1968 г. выяснено, что место находки расположено приблизительно в 1 км к востоку от ул. Дзержинского Кудымкара и около 1 км к северу от дер. Климова (фактически слившейся с Кудымкаром). Примерно в 1 км к юго-западу расположены Плотниковские I и II селища родановской культуры²⁸¹. Клад хранится в Эрмитаже. В его состав входили:

Византийское серебряное блюдо с изображением пастуха среди стада. 527—565 гг.²⁸²

Византийское серебряное блюдо с черневым изображением креста в венке. 602—610 гг.²⁸³

Византийское серебряное блюдо с черневым изображением креста в венке. VII в.²⁸⁴

Сасанидское серебряное блюдо с Шапуром III (383—388), поражающим мечом леопарда²⁸⁵.

Сасанидское серебряное блюдо с изображением тигрицы. VI—VII вв.²⁸⁶

Иранское серебряное блюдо с изображением колесницы солнца и луны. VII—VIII вв.²⁸⁷ Подражание более раннему образцу.

33. Ведро. Серебро. Чеканка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 12, 4)

Ведро кованое тонкостенное, слегка суживается книзу. Дно выпуклое. Диаметр 27 см, высота 18 см²⁸⁸. Край отогнут наружу. Полукруглая плоская ручка с крючками на концах продета в ушки, приклепанные к верхней части корпуса. На дне — чеканенная снаружи восьмилепестковая розетка. Тождественно ведру табл. 12, 5.

34. Блюдо с розеткой на дне. Серебро. Чеканка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 13, 1)

Диаметр 39,5 см²⁸⁹. По краю внутри идет гладкий валик. На дне — чеканенная снаружи позолоченная розетка в ободке из мелких кружков. Ср. чаши табл. 13, 2, 3.

²⁸⁰ ОАК за 1907 г., стр. 120—121, рис. 123—126; И. А. Талицкая, 1952, стр. 145.

²⁸¹ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 99, 304—305.

²⁸² L. Matzulewitsch, 1929, стр. 4, 112 и сл., табл. 31, 32; E. Cruikshank Dodd, 1961, № 9.

²⁸³ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 36.

²⁸⁴ Там же, № 100.

²⁸⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 308.

²⁸⁶ Там же, № 311.

²⁸⁷ Там же, № 306.

²⁸⁸ Там же, № 312.

²⁸⁹ Там же, № 314.

Климовский комплекс включает вещи разновременные — от IV до VIII в. Он укрыт не ранее IX в., так как связан с поселениями родановской культуры.

Мальцевский клад

Найден в 1878 г. при перепашке поля на левом берегу р. Кува—левого притока р. Иньва — правого притока Камы, в 1 км от дер. Мальцева Кувинской вол. Соликамского у. Пермской губ. (ныне дер. Мальцева Кудымкарского р-на Пермской обл.). Клад обнаружен на берегу ручья Калгановка, протекающего по низкой местности Нюр-дор («Край болота») ²⁹⁰. Клад купил Ф. А. Теплоухов, передавший его графу С. Г. Строганову. Из коллекции Строгановых поступил в Эрмитаж.

В состав клада входили:

Иранское серебряное блюдо с изображением царской охоты на тигров. VII—VIII вв.²⁹¹ На внешней стороне — среднеперсидская курсивная надпись: «Собственность Рёгозъа'а. Вес 244»²⁹². Блюдо подражает оригиналу IV в. с Шапуром II²⁹³.

Византийское серебряное блюдо с изображением Силена и менады. 613—629/630 гг.²⁹⁴

Византийское серебряное блюдо с черневым изображением креста в венке. 613—629/630 гг.²⁹⁵

Фрагмент похожего блюда. 613—629/630 гг.²⁹⁶

Десять серебряных шейных гривен глазовского типа.

35. Кувшин с изображением крылатых верблюдов. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Согд. Конец VII—первая половина VIII в. (табл. 10)

Высота 39,5 см, вес 2021,5 г²⁹⁷. Тулово уплощено с боков (большая ширина 26 см, меньшая — 13,9 см). Горлышко, ножка диаметром 10,5 см и ручка припаяны. Орнамент на тулове чеканен с оборота и пройден резцом с лицевой стороны. Фон позолочен. Крылатые верблюды показаны в позе полета, с развевающимся шарфом. Между медальонами — растения на «скалах». Орнамент на горлышке и ножке гравирован на пунсонном фоне и частично позолочен. Слив кувшина прикрыт крышечкой на шарнире. Ручка украшена скульптурной звериной головой, а в нижней расклепанной части — гравированной и частично позолоченной пальметтой. В хорезмийской надписи на ножке (VI—VIII вв.) указан вес кувшина — 467²⁹⁸.

Я. И. Смирнов относил кувшин к первым векам хиджры²⁹⁹. Ф. Зарре, ссылаясь на Э. Херцфельда, — к аббасидскому времени³⁰⁰. Сасанидская атрибуция (И. А. Орбели)³⁰¹ опровергнута М. Димандом, связавшим растительный декор с раннеисламской и танской орнаментикой³⁰². М. Диманд и А. Я. Бори-

²⁹⁰ ОАК за 1878 и 1879 гг., стр. 153—154; И. А. Талицкая, 1952, стр. 147.

²⁹¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 60.

²⁹² В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 161.

²⁹³ F. Sarre, 1923, стр. 70, табл. 108; K. Erdmann, 1936, стр. 220—222.

²⁹⁴ L. Matzulewitsch, 1929, стр. 18—24, рис. 3, табл. 2;

E. Cruikshank Dodd, 1961, № 70.

²⁹⁵ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 55.

²⁹⁶ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 51.

²⁹⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 84.

²⁹⁸ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

²⁹⁹ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXXI.

³⁰⁰ F. Sarre, 1923, стр. 71, табл. 120.

³⁰¹ J. Orbell, 1938, стр. 738.

³⁰² M. S. Dimand, 1941, стр. 199—200.

сов сравнили растения между медальонами с бия-найманскими оссуариями VI—VII вв. (рис. 10, 2)³⁰³. Открытие крылатого верблюда в живописи Варахши³⁰⁴ и Пянджикента (в 1967 и 1969 гг.)³⁰⁵ также свидетельствует в пользу согдийского происхождения кувшина. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель отметили сходную трактовку «земли» в пянджикентских росписях, а близкие полупальметты — в керамике Мавераннахра VII—IX вв.³⁰⁶ К согдийским памятникам раннего этапа школы А (рубеж VII—VIII вв.) отнес сосуд Б. И. Маршак. Он сравнил его формы с глиняными кувшинами Средней Азии конца VII—начала VIII в. и с золотым кувшином из Сибири³⁰⁷.

Мотив крылатого верблюда не только согдийский. Двугорбый верблюд с птичьей головой украшает корону царя на хорезмийских монетах VIII в.³⁰⁸ Протома крылатого верблюда известна на сасанидских геммах³⁰⁹ и в качестве пробирных клейм на монетах омейядских правителей конца VII в.³¹⁰ В Согде образ верблюда-птицы получил особое распространение как символ бухарской династии и связанного с ней культа (свидетельство китайских хроник о золотом престоле владетелей Аньси³¹¹, подтверждаемое варахшским изображением ножек трона). Крылатый верблюд на кувшине близок верблюду в росписи Варахши (ср. крылья с загибающимися концами перьев)³¹². Важны согдийские параллели в растительном орнаменте (рис. 10, 2)³¹³.

Кувшин сближается со светильником табл. 9, 4—8 пальметтами и полупальметтами, каждый лепесток которых разделен продольной гранью, а также трактовкой шарфов и «скал». У Сенмурва табл. 5, 3 такой хвост и крыло с полупальметтой в основании. Аналогичен фриз из пальметт на кружке табл. 8, 8.

Образ крылатого верблюда был распространен в домусульманских верованиях Ближнего и Среднего Востока. В искусстве Средней Азии это — эмблема правителей и их мифический патрон. Он служит основанием престола бухарских владетелей или парит в воздухе в сцене жертвоприношения (Варахша). В росписях Пянджикента верблюд-птица подлетает к пирующим³¹⁴, заменяя то крылатых коней со змеиным хвостом³¹⁵, то сенмурвоподобных существ³¹⁶. Он мог олицетворять славу и удачу повелителя (соответствие иранскому Хварне). В китайских хрониках в названии «верблюд-птица» смешались представления о страусах (водились в Южной Туркмении)³¹⁷, которых среднеазиатские по-

солства привозили в дар императорам Поднебной³¹⁸, и о мифических существах «Запад-края»: «Есть птица, имеющая подобие верблюда, снабжена двумя крыльями, но не может высоко взлетать, питается растениями и мясом; даже может проглатывать людей»³¹⁹. По словам ал-Мукаддиси (X в.), один мусульманский богослов «охотнее слышал истории о верблюде, который летал, чем о верблюде, который бредет по земле, и более интеллигентно совался вымышленным образом, чем точно установленным фактом»³²⁰. Когда герой узбекской поэмы «Гор-Оглы» в поисках красавицы отправляется в путь, его уносят поднявшиеся в воздух черные верблюды³²¹.

36. Блюдо с изображением орла, когтящего туловище вояджное животное. Серебро. Гравировка. Иран. VIII в. (табл. 4, 3)

По В. Г. Луконину, блюдо позднесасанидское. На основании сходства с онопатским блюдом (табл. 4, 1) В. Ю. Лещенко датировал его VIII в. Диаметр 20,3 см, высота вместе с кольцевой ножкой 4 см³²⁴. Фигуры, исполненные в плоском и низком рельефе, покрыты обильной гравировкой.

Орел с джейраном, оленем или горным козлом в когтях встречается в сасанидской тюретике VI—VII вв.³²⁵ и на геммах³²⁶. Сходство заметно в композиции и таких деталях, как передача оперения хвоста и крыльев, гривна на шее птицы, поперечные полоски крыльев, орнамент бордюра³²⁷. Однако сасанидский образец скопирован крайне примитивно: крылья как будто искусственно приклеены к груди и спине, не на месте бесформенные лапы, у птицы слишком толстая шея, массивное туловище, большая голова со схематично переданным глазом и слишком короткий хвост. Терзаемое животное неопределимо (джейран или антилопа?). В детализации туловищ преобладают короткие параллельные штрихи.

Блюдо имеет общие детали с бронзовым кувшином с павлинами по сторонам «древа жизни» (поступило в Эрмитаж из собрания А. А. Бобринского). Аналогичны перья птиц в виде заштрихованных ромбов, оперение нижней части крыльев, точечный орнамент на голове, есть сходство в форме лап. Согласно Ф. Зарре, этот поздне- или постсасанидский кувшин изготовлен в Северном Иране или на Кавказе³²⁹. И. А. Орбели отнес его к раннеисламской месопотамской школе³³⁰. М. Диманд отметил сходство кувшина с сасанидскими, высказав гипотезу, что родина группы раннеисламских бронз с инкрустацией медью — Хорасан³³¹. К. В. Тревер датировал кувшин VI—VII вв., считая его дагестанским³³².

³⁰³ А. Я. Борисов, 1940, стр. 47.

³⁰⁴ В. А. Шишкин, 1963, стр. 159—160, 204, табл. XIV; XV.

³⁰⁵ Б. И. Маршак, 1971, рис. 3; А. М. Беленицкий, 1973, илл. 39.

³⁰⁶ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1960, стр. 157—158; Они же, 1965, стр. 152.

³⁰⁷ Б. И. Маршак, 1961, стр. 192—193, табл. 8; Он же, 1971, стр. 29, 41, 46, 47.

³⁰⁸ А. В. Гудкова, 1964, стр. 112, рис. 33.

³⁰⁹ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, № 770.

³¹⁰ J. Walker, 1941, табл. VII, 1.

³¹¹ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 272, 282.

³¹² В. А. Шишкин, 1963, табл. XIV, XV.

³¹³ А. Strelkov, 1938, стр. 452—453; Б. И. Маршак, 1971, стр. 41.

³¹⁴ А. Беленицкий, Б. Маршак, 1973, стр. 62.

³¹⁵ Живопись древнего Пянджикента, табл. VII, IX, XII, XXXIX.

³¹⁶ В. А. Шишкин, 1963, табл. XIV; А. М. Беленицкий, 1959, рис. 18, 19.

³¹⁷ М. Е. Массон, 1971, стр. 51.

³¹⁸ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 321.

³¹⁹ Там же, стр. 261.

³²⁰ А. Мец, 1966, стр. 166.

³²¹ В. А. Шишкин, 1963, стр. 204.

³²² V. G. Lukonin, 1967, рис. 196, 197.

³²³ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 205.

³²⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 162.

³²⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 88, 288; А. И. Воиновича, 1953, рис. 1—4; В. Ю. Лещенко, 1966.

³²⁶ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, № 594, 595.

³²⁷ Ср. бордюр на блюде VII—VIII вв. из Британского музея (рис. 4, 3). См.: O. M. Dalton, 1964, табл. XL, 210.

³²⁸ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 72.

³²⁹ F. Sarre, 1923, табл. 135.

³³⁰ J. Orbeli, 1938, стр. 766—767.

³³¹ M. S. Dimand, 1941, стр. 204.

³³² К. В. Тревер, 1959, стр. 317—320, табл. 30, 31.

Наиболее аргументированная датировка принадлежит Б. И. Маршаку — VIII—IX вв.³³³

В Иране мотив орла, когтящего оленя, — астральный символ, о чем напоминают вихревые розетки на лопатках животного. В нем видят орла Митры, который несет на небеса Хаому — персонификацию воды и растительности³³⁴. В ведийской мифологии орел Индры приносит напиток бессмертия из сока растения сома («Ригведа», IV, 18). Орел с газелью или другим животным — символ осеннего равноденствия, праздника урожая. Животное в когтях орла заменяет сому³³⁵. В Авесте хищная птица Варган — одно из воплощений божества победы Вретрагны (заменившего ведийского Индру):

*И в седьмой раз предстал ему Вретрагна
В образе птицы Варган,
Хватающий снизу (добычу) когтями,
Клюющей ее сверху,
Из всех птиц быстрейшей,
Проворнейшей из летающих*³³⁶.

В облике хищной птицы может выступать божество царской удачи Хварна³³⁷.

ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ

Половодово

37. Блюдо с изображением льва, когтящего лань. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточный Иран. VIII в. (табл. 5, 2)

Найдено в 70-х или 80-х годах XIX в. на пашне близ с. Половодово Половодовской вол. Соликамского у. Пермской губ. (ныне Соликамский р-н Пермской обл.), на правом берегу р. Усолка — левого притока Камы. По другим сведениям, блюдо найдено в дер. Васева на пути из Соликамска на с. Осокино через с. Городищенское. В 1893 г. поступило в Эрмитаж³³⁸.

Диаметр блюда 27,5 см, вес 1103 г³³⁹. Имелась припаянная кольцевая ножка диаметром 14,3 см. В центральном медальоне диаметром 16 см в технике незамаскированного чекана с оборота изображен лев, терзающий лань. Низкий и плоский рельеф дополнительно пройден резцом. Фон позолочен. Рельефная рамка медальона покрыта косыми насечками. На краю блюда — отверстие для подвешивания.

Против сасанидской принадлежности вещи возражал М. Диманд³⁴⁰. Б. И. Маршак отнес ее к четвертому этапу согдийской торевтики школы А (вторая половина VIII в.)³⁴¹. Ср. львов на блюде табл. 6, 4.

Редикорский клад

Найден в 1883 г. при вспашке нови близ с. Редикор Пятежской вол. Чердынского у. Пермской губ. (ныне Чердынский р-н Пермской обл.). В 1894 г.

³³³ О раннеисламских бронзовых кувшинах с рельефным орнаментом см.: Б. И. Маршак, 1972, стр. 80 и сл.

³³⁴ М. S. Dimand, 1941, стр. 198.

³³⁵ В. Ю. Лещенко, 1966, стр. 319.

³³⁶ Восток, стр. 7 (перев. Е. Э. Бертельса).

³³⁷ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, стр. 35, 37.

³³⁸ И. А. Талицкая, 1952, стр. 154.

³³⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 106.

³⁴⁰ М. S. Dimand, 1941, стр. 199.

³⁴¹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 22.

А. А. Спицын установил, что клад обнаружен на левом берегу р. Верхотинье — правого притока р. Лобановка — левого притока Вишеры, сбоку от проходящего здесь проселка³⁴². По данным В. Ю. Лещенко, клад локализуется приблизительно в 1,5 км к востоку от Редикорского городища и Горбуновского селища родановской культуры³⁴³. Вещи хранятся в ГИМ. В состав клада входили:

34 серебряные шейные гривны глазовского типа. Конец IX—середина XI в. Были вложены в ведро.

38. Ведро. Серебро. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 12, 5)

Ведро кованое тонкостенное, цилиндрической формы. Диаметр 28 см, высота 19 см, вес 1493,5 г³⁴⁴. Округлое дно сплющено, частично выломано, имеются трещины на стенках. Бортик ведра шириной 1 см отогнут наружу под прямым углом. Плоская ручка с крючками на концах продета в ушки, которые приклепаны четырьмя заклепками каждая. Ср. с ведрами табл. 12 и 14.

Лысьва

39. Кувшин с фигурками птиц. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Иран. X — начало XI в. (табл. 27)

Найден в 1880 г. (?) при пахоте у дер. Лысьва Пыскорской вол. Соликамского у. Пермской губ. (ныне Усольский р-н Пермской обл.), в устье р. Лысьва — правого притока Камы. Вблизи этого места когда-то стоял Пыскорский монастырь³⁴⁵. Кувшин хранится в Эрмитаже.

Высота 17 см, диаметр горла 8,5 см³⁴⁶. Три литые ножки в виде перевернутых фигурок птиц и ручка с птичкой припаяны. Шаровидное тулово украшено 12 литыми фигурками сидящих в два ряда птиц. Орнамент чеканен изнутри и с лицевой стороны проработан резцом. Фон пунсоновый позолоченный. Позолота сохранилась на буквах надписи, гладком ободке между туловом и горлом и ручке. На горле в образованных плетенкой³⁴⁷ четырех картушах — Сенмурв, павлин и две птицы. Тулово украшено симметричными стеблями с пятилепестковыми пальметтами и полупальметтами³⁴⁸. На кольцевидном выступе под горлом выгравирована надпись процветшим куфи:

برية من الله و يمن و سرور الحسين بن علي

«Благословение Аллаха, и благополучие, и удольствие ал-Хусейну ибн Али»³⁴⁹.

По М. ван Бершему, кувшин месопотамский конца X — начала XI в.³⁵⁰ М. Диманд отнес его к саманидским изделиям Хорасана или Мавераннахра³⁵¹, Б. И. Маршак — к саманидской торевтике X в. (Хорасан)³⁵². Кувшин входит в одну группу с сосу-

³⁴² Архив ЛОИА, ф. I (АК), 1894, д. 95, л. 14.

³⁴³ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 93.

³⁴⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 123.

³⁴⁵ Ф. А. Теплоухов, 1895, стр. 266; И. А. Талицкая, 1952, стр. 153.

³⁴⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 123.

³⁴⁷ Ср. плетенку на кувшинах Севт-Миклошского клада (N. Mavrodinov, 1943, табл. VII, VIII).

³⁴⁸ Ср. пальметты капителей второй половины VIII в. из Сирии (M. S. Dimand, 1937, рис. 21—25).

³⁴⁹ ОАК за 1895 г., стр. 70; M. van Berchem, 1909, стр. 403.

³⁵⁰ M. van Berchem, 1909, стр. 403.

³⁵¹ M. S. Dimand, 1941, стр. 201.

³⁵² Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

дами табл. 28 (ср. павлинов с листиками в клювах, похожи проработка оперения и лапки птиц). О X веке свидетельствуют черты сходства с золотым пракским кувшином с именем буидского правителя Из ад-даула Бахтияра³⁵³. Близки форма кувшинов, массивные пальметты, поперечная штриховка стеблей, пунсоновый фон. Но в целом стиль декора кувшина из Лысьвы далек от буидского. Скорее его можно отнести к Хорасану, где позднее — в XII—XIII вв. — изготовляли бронзовые подсвечники и кувшины с поясами из скульптурных фигурок львов и птиц³⁵⁴. Ср. пальметты на блюде VIII—IX вв. (табл. 21, 4, 5)³⁵⁵.

Григоровское

40. Блюдо с евангельскими сценами. Серебро. Литье, гравировка, позолота. Семиречье. IX—X вв. (табл. 23)³⁵⁶

Найдено в 1897 г. при пахоте близ с. Григоровское Соликамского у. Пермской губ. В 1899 г. поступило в Эрмитаж.

Диаметр 23 см, глубина 2,7 см, вес 977 г. Изображения исполнены при литье в плоском рельефе и детализированы резцом и пунсонами. Фон и отдельные части фигур позолочены. Снизу припаяна кольцевая ножка. В трех переплетающихся медальонах представлены Вознесение, Жены у гроба и Распятие, в промежутках — Даниил во рву львином, Отречение Петра и стража гроба господня. В центре блюда вырезан крест.

Блюдо было издано в 1899 г. с обстоятельным описанием и подробными комментариями Я. И. Смирнова, Д. А. Хвольсона и Н. В. Покровского³⁵⁷. Его признали несторианским, изготовленным христианами, жившими на территории сасанидских владений в VI—VII вв. Такое истолкование вызвало возражения П. К. Коковцева и В. В. Стасова³⁵⁸. В. В. Стасов считал, что блюдо исполнено среднеазиатскими (семиреченскими) несторианами в XIII—XIV вв. Вернувшийся к этому вопросу Я. И. Смирнов отверг датировку В. В. Стасова как слишком позднюю, однако перестал настаивать на VI—VII вв. и допускал дату «не позднее IX—X вв.»³⁵⁹. В последующей литературе встречаются как ранняя дата, так и VIII—IX вв.³⁶⁰ и IX—X вв.³⁶¹, без подробной аргументации.

Как показали Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов, в основе композиций лежит сиро-палестинская иконография VI—VII вв. (ампулы Монцы). Сходство с ампулами проявляется в выборе сюжетов, их последовательности и расположении в медальонах. Построение и некоторые детали композиций также родственны ампулам. В Распятии разбойники ростом значительно меньше Христа; «благоразумный» разбойник смотрит на него, «злонравный» отвернулся.

³⁵³ SPA, IX, 1939, табл. 1343.

³⁵⁴ Там же, табл. 1323—1326; M. S. Dimand, 1941, стр. 208—209; Он же, 1947, стр. 140—141, рис. 81.

³⁵⁵ Ср. сенмурвов на иранском (?) ларце из слоновой кости X—XI вв. (R. Ghirshman, 1962, рис. 449).

³⁵⁶ Раздел о несторианских блюдах написан совместно с Б. И. Маршаком.

³⁵⁷ Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский, Я. И. Смирнов, 1899.

³⁵⁸ В. В. Стасов, 1905.

³⁵⁹ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7.

³⁶⁰ А. В. Банк, 1966, стр. 298.

³⁶¹ E. Coche de la Perle, 1958, стр. 103.

На ампулах и на двух золотых энколпиях Монцы Христос одет в безрукавную тунику-колобий (до VI в. распятого Христа изображали нагим). На энколпиях Монцы, как и на блюде, по сторонам казенного стоят Лонгин с копьем и другой воин с губкой на древке. С VI в. в Распятии включают солдат, деющих одежды Христа³⁶². Воины на коленях у подножия Голгофы соответствуют двум коленапреклоненным персонажам ампул. Тип Воскресения в сиро-палестинской редакции отличает присутствие двух жен-мироносиц: на ампулах Мария Магдалина и другая Мария приближаются к гробнице слева. Их встречает ангел с жезлом вестника. В центре композиции — храм над гробом господним, близкий зданию на блюде вытянутой вверх формой и конической крышей. На мелких культовых предметах эта постройка воспроизводит ротонду внутри церкви Воскресения, построенную императором Константином над местом погребения Христа³⁶³. Та же ротонда изображена на блюде. За широко распахнутыми дверями стоит крест на престоле, покрытом тканью. Престол толковали «как символ трона господня, как символ воскресения, как символ гробницы»³⁶⁴.

Влияние сиро-палестинской иконографии сцен «паломнического цикла» легко объяснимо, так как ампулы, бронзовые кадила, кольца, браслеты, амулеты и другие скромные сувениры, сделанные для паломников в Святую землю, вместе с ними расходились по всему христианскому миру. Их находят в Египте, Сицилии и Италии, Крыму и Закавказье³⁶⁵. В Ургуче близ Самарканда найдена типичная сирийская бронзовая кадельница IX—X вв.³⁶⁶ Подобные предметы проникали и в среду персидских христиан³⁶⁷. Видимо, прототип блюда был создан в пределах Сасанидского государства (в Месопотамии — центре несторианских общин?)³⁶⁸. В VI в. в Иране целые корпорации сирийских мастеров занимались художественной обработкой металла. Влияние поздней и постсасанидской тюреттики VI—VIII вв. сказалось в отдельных элементах, выделенных уже Я. И. Смирновым. К их числу относятся передача Голгофы в духе схематизированных «скал»; ангелы в Вознесении, близкие сасанидским крылатым гениям; петух в сцене Отречения Петра; условная разработка мускулатуры лап у львов; заполнение рамок медальонов пунсонным орнаментом³⁶⁹; узор из треугольников, образованных маленькими кружками³⁷⁰. Жест адорации у стражей гробницы, обозначение складок на мафориях святых жен также находят аналогии в поздне-сасанидском серебре³⁷¹. При ре-

³⁶² Н. В. Покровский, 1892, стр. 370.

³⁶³ J. Villette, 1957, стр. 72 и сл. табл. XXXV.

³⁶⁴ В. Н. Лазарев, 1960, стр. 24.

³⁶⁵ G. Jerphanion, 1939, стр. 311; J. Villette, 1957, стр. 78—79.

³⁶⁶ В. Н. Залесская, 1971, стр. 87—89; Она же, 1972.

³⁶⁷ В сасанидской глиптике выделяется группа памятников персидских христиан. Таковы эрмитажные геммы с изображением Даниила во рву львином (А. Я. Борисов, 1939, стр. 238; А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, № 188, 189).

³⁶⁸ Почитание Даниила особенно распространилось у христиан Месопотамии и Западного Ирана, где он пророчествовал и где позднее во имя его строили церкви (Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский, Я. И. Смирнов, 1899, стр. 14). Даниил изображен на блюде как ветхозаветный прообраз воскресения Христа.

³⁶⁹ Ср.: R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 17.

³⁷⁰ Ср.: Я. И. Смирнов, 1909, № 40, 56 и др.

³⁷¹ Там же, № 40.

продуцировании в персидской мастерской в конце VI или скорее в VII в. восточнохристианский образец (или серия образцов) подвергся коренной переработке, в результате которой было создано не находящее параллелей произведение. Оно послужило прототипом григоровского блюда. Последнее, как отметили многие исследователи, представляет собой грубую копию, причем копию мастера, который делал орфографические ошибки в неродном для него, как показал П. К. Коковцев, сирийском языке. Копирование производилось не механически, снятием слепка, а путем изготовления новой формы. При этом были искажены и огрублены первоначальные композиции и мотивы, но сохранена ранняя, восходящая к VI—VII вв. иконография. Вместе с тем мастер григоровского блюда внес в произведение и поздние детали³⁷². Мандорла в сцене Вознесения и фронтон храма в композиции Жены-мироносицы у гроба господня обрамлены полупальметтами. Этот мотив, находящий прототип в танском искусстве³⁷³, на Среднем Востоке стал популярным с конца VIII и особенно в IX—X вв. (буидские медали³⁷⁴, серебряные сосуды — табл. 11, 1; 12, 1). Полупальметты по краю мандорлы соответствуют такому же обрамлению края нимба в изображениях на серебряном кувшине IX в. (табл. 7)³⁷⁵. Другая характерная деталь — одежда ангела, разделанная теми же перьями, что и его крылья, причем дуги краев перьев направлены не вниз, а вверх. Разработка поверхностей перьями известна как теряющий свой первоначальный смысл орнаментальный мотив по иранской керамике IX—XI вв. (габри)³⁷⁶, по серебряным сосудам того же времени с куфическими надписями (табл. 27; 28) и по среднеазиатской серебряной посуде конца VIII—IX в. (табл. 11). Таким образом, вероятной датой блюда можно считать IX—X вв.

Однако приведенные аргументы не дают оснований для локализации, так как названные мотивы в IX—X вв. были равно характерны как для Ирана, так и для Средней Азии, а в Иране IX—X вв. существовали несторианские общины. Ч. Уилкинсон опубликовал серию керамических сосудов IX—X вв. из Нишапура с почти такими же крестами, как на блюде, и даже в одном случае — с сирийской надписью³⁷⁷.

Для локализации григоровского блюда в пределах Семиречья важно другое серебряное блюдо, найденное в 1909 г. в дер. Больше-Аниковская (табл. 24). На первый взгляд они совершенно не сходны, но более глубокий анализ показывает их близость во многих отношениях (см. стр. 103)³⁷⁸.

В истории Семиречья конец VIII—первая половина X века характеризуются успехами христианства. Несторианский клир добился обращения в христианство царя карлуков, правивших в этой стране, и образования особой карлукской митрополии³⁷⁹. Во время мусульманского наступления в конце IX—

начале X в. наиболее подходящими для превращения в мечети зданиями семиреченских городов оказались стоявшие в них церкви³⁸⁰. Одна из церквей была раскопана Л. Р. Кызласовым на городище Ак-Бешим³⁸¹. Т. Н. Сенигова издала небольшой несторианский (?) рельеф из Семиречья, дата которого остается неясной³⁸². В Семиречье и Восточном Туркестане несторианство сохранялось и в XII—XIV вв. (известия Марко Поло и Рубрука, кладбища с надгробиями тюрок-несториян).

Раннехристианская иконография григоровского блюда исследована Я. И. Смирновым с почти исчерпывающей полнотой. Сцена Вознесения, в которой пропущена обязательная фигура Богоматери среди апостолов, была объяснена как отражение несторианской догматики. По евангельскому тексту вознесение произошло в присутствии апостолов, а Марии не было с ними. Традиционная в православной иконографии этой сцены Богоматерь восходит ко времени борьбы против несториан, которые считали Марию матерью не бога, но только Христа-человека. Однако более ранняя, соответствующая евангельскому рассказу традиция сохранена некоторыми памятниками. Из них к приведенным Я. И. Смирновым можно добавить одну из ампул Боббио³⁸³, что особенно интересно, поскольку «ампулы Святой земли» были иконографическими прототипами блюда. Вознесение с 12 смотрящими в одну сторону апостолами, среди которых нет Богоматери, на миниатюре рукописи начала XVIII в., хранящейся в халдейской (сиро-католической) патриархии в Мосуле³⁸⁴, также может восходить к несторианскому образцу. Халдейские переписчики XVII—XVIII вв. унаследовали несторианскую форму письма³⁸⁵. Возможно, что несторианская иконография повлияла на иллюстрации к халдейским рукописям.

Официальным языком несториан, на котором шла литургия, был сирийский³⁸⁶. Анализ сирийских надписей на блюде, выполненных шрифтом эстрангело, привел П. К. Коковцева к выводу, что «большое разнообразие палеографических форм указывает на отсутствие в писавшем всякого навыка. . . в сирийском письме»³⁸⁷. Датировка надписей вызывает расхождения. Д. А. Хвольсон сближал их с сирийскими рукописями V—VI вв.; П. К. Коковцев — с почерком на семиреченских несторианских надгробиях XIII—XIV вв. («присутствие курсивных начертаний не говорит в пользу большой древности»). Оба ученых признавали, что палеография не дает оснований для датировки блюда. По-видимому, надписи, скопированные с прототипа, были модернизированы.

³⁸⁰ В. В. Бартольд, 1964, стр. 287.

³⁸¹ Л. Р. Кызласов, 1959, стр. 231—233.

³⁸² Т. Н. Сенигова, 1968, стр. 62—63, рис. 3. К VI—VIII вв., видимо, относится сирийская надпись на сосуде из Тараза (А. Я. Борисов, 1948).

³⁸³ А. Grabar, 1958, табл. XLVII; LV; стр. 40—41.

³⁸⁴ J. Leroy, 1964, стр. 406, табл. 146, 2.

³⁸⁵ Там же, стр. 109.

³⁸⁶ Знаменитая несторианская стела 781 г. из Сяньфу написана на сирийском и китайском языках. Она свидетельствует о распространении христианства в танском Китае при императоре Тайцзуне (626—649).

³⁸⁷ В. В. Стасов, 1905, стр. 14. Согласно Рубруку, китайские несториане «произносят свою службу и имеют священные книги на сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты» (Карпини, Рубрук, стр. 132).

³⁷² В. П. Даркевич, Б. И. Маршак, 1974, рис. 2.

³⁷³ В. Gyllensvärd, 1957, рис. 78, k; 80, o; табл. 3, 14.

³⁷⁴ М. Bahrami, 1952, табл. 1, 4.

³⁷⁵ Отголосок этой традиции прослеживается вплоть до XII в. (табл. 38, 1).

³⁷⁶ SPA, VI, 1938, табл. 583—585.

³⁷⁷ Ch. Wilkinson, 1970.

³⁷⁸ В. П. Даркевич, Б. И. Маршак, 1974, рис. 4.

³⁷⁹ С. Г. Кляшторный, 1959, стр. 168 (приведена литература).

Форма четырехконечных крестов с расширяющимися концами, удлиненной нижней ветвью и маленькими кружками на концах особенно характерна для несторианских памятников. Бронзовый крест подобной формы найден на Афрасиабе (VI—начало VIII в.?)³⁸⁸. Похожий крест вырезан на стеле из Сяньфу (781 г.). Такие же кресты преобладают на тюркских несторианских надгробиях Семиречья³⁸⁹. Некоторые исследователи связывают происхождение крестов этой формы с восточным христианством³⁹⁰.

Свидетельства о несторианских обычаях могут помочь в объяснении странных положений рук Даниила и апостолов в сцене Вознесения. Их обращенная к зрителю ладонь, а также поднятая правая и опущенная левая ладони одного из апостолов находят параллели в буддийской иконографии³⁹¹, хотя неумелость рисунка на блюде не позволяет настаивать на этом сравнении. Возможно, что здесь изображена специфическая культовая поза средне- и центральноазиатских несториан, которые, как сообщает Рубрук, под влиянием идолопоклонников (буддистов) «не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью»³⁹².

Не исключено, что в Распятии умышленно опущены орудия страданий Христа (если это не влияние раннехристианской иконографии). Отсутствует крест, ноги не пригвождены, а стоят на двойной подножной доске, копьё Лонгина превратилось в короткий обрубок. «Армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным к кресту», — отмечает Рубрук³⁹³.

Среднеазиатская светская традиция отразилась в типе лиц, в одежде, оружии и орнаментальных деталях григоровского блюда (см. стр. 103).

Аниковский клад

В 1909 г. близ дер. Больше-Аниковская Чердынского у. Пермской губ. выпахан клад из трех серебряных сосудов, трех серебряных шейных гривен и двух крупных слитков серебра весом 537 и 346 г. Вещи были сложены вместе и накрыты блюдом³⁹⁴. По данным разведки В. Ю. Лещенко в 1967 г. клад обнаружен на левом берегу р. Усть-Шугор, в 80 м к северу от восточного конца дер. Больше-Аниковская и примерно в 200 м к западу от края террасы р. Вишера. В 300 м к западу от места находки расположено Больше-Аниковское III селище родановской культуры (IX—XI вв.). Комплекс находок сосудов в деревнях Аниковских, возможно, связан со святилищем, которое находилось в пределах древнего поселка или рядом с ним. Судя по гривнам глазкового типа, клад скрыт в конце X—XI в.³⁹⁵ Все сосуды хранятся в Эрмитаже.

41. Блюдо с изображением взятия крепости. Серебро. Литье, гравировка, позолота. Семиречье. Копия IX—X вв. по оригиналу VIII в. (табл. 24)

³⁸⁸ А. И. Тереножкин, 1950, рис. 72, 2.

³⁸⁹ С. С. Слуцкий, 1889; А. Н. Бернштам, 1948, рис. 9, а—в.

³⁹⁰ А. Я. Борисов, 1939, стр. 238.

³⁹¹ См., например, вэйские статуи, хранящиеся в Восточноазиатском музее в Стокгольме (В. Gyllensvärd, 1963, стр. 50—51, 54, 55).

³⁹² Карпини, Рубрук, стр. 127—128.

³⁹³ Там же, стр. 150.

³⁹⁴ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 227—228, рис. 268—271; И. А. Галицкая, 1952, стр. 160.

³⁹⁵ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 83, 173—174, 235.

Блюдо вызвало многочисленные комментарии. Вначале его априорно считали сасанидским (даже раннесасанидским)³⁹⁶, а сюжет трактовали как занятие крепости иранцами и внос священного огня³⁹⁷. Теперь благодаря успехам археологии Средней Азии доказано среднеазиатское происхождение сосуда. После исследования Беркуткалинского оазиса А. И. Тереножкин высказал мысль, что блюдо хорезмийское, так как на нем показан типичный для Хорезма замок-кёшк VI—VII вв.³⁹⁸ Это мнение было поддержано С. П. Толстовым, который истолковал сцену взятия замка как месть Кей-Хосрова за убийство Сявуша³⁹⁹. Между тем раннефеодалные кёшки с гофрированными стенами строили не только в Хорезме, но и в Южном Туркменистане (Мерв, Термеа), Бухарском оазисе (Варахша) и Семиречье (Тараз)⁴⁰⁰. Сходство архитектурных элементов с согдийскими оссуариями позволило Г. А. Пугаченковой отнести блюдо к Согду VI—VII вв. Композицию на блюде она объясняет как осаду тюрками кёшка согдийского владетеля⁴⁰¹. В пользу среднеазиатской атрибуции высказались М. М. Дьяконов⁴⁰² и А. М. Беленицкий, сопоставивший замок с изображением в пиянджикентской росписи⁴⁰³.

Б. И. Маршак доказал, что на блюде представлены эпизоды книги Иисуса Навина, видоизмененные в среднеазиатской среде. Отлитое в IX—X вв. по слепку, снятому с блюда примерно VIII в., оно, как и блюдо из Григоровского (табл. 23), предназначалось для несториан Семиречья⁴⁰⁴.

Диаметр блюда 23,5—23,9 см. После отливки поверхность отшлифовали, но в некоторых углублениях рельефа (таких, как косяки ворот) сохранились следы гравировки оригинала. Затем блюдо было пройдено резцом и пунсоном. Получившийся рисунок отличается от первоначального грубостью и четкостью. Рельеф плоский, более выпуклы только головы людей. Фон фигур покрыт позолотой. Позолочены солнце и луна, оружие и пояса воинов, ковчег, семь роговых труб, фигуры на балкончиках и архитектурные детали (зубцы, перспективные арочки над полуколоннами-гофрами, арочное обрамление входа). Позднее к блюду приделано ушко для подвешивания.

Реалии, привнесенные при расчеканке (прежде всего конский убор), относятся к IX—X вв., тогда как реалии, переданные отлитым рельефом, восходят к VII—VIII вв.⁴⁰⁵ Длинные прямые мечи с прямым перекрестьем, ножны, подвешенные к набор-

³⁹⁶ Die Ausstellung, II, табл. 122; F. Sarre, 1923, стр. 53, 69, табл. 105; O. Reuther, 1938, стр. 530.

³⁹⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 20. Неудачна попытка И. Соваже атрибутировать блюдо как сельджукидское (конец XI—XII в.). Искусственны и его толкования сюжета — представление султана своей армии или подавление заговора против султана Санджара в Мерве (J. Sauvaget, 1940, стр. 38—45; Он же, 1951, стр. 128—131).

³⁹⁸ А. И. Тереножкин, 1939.

³⁹⁹ С. П. Толстов, 1948а, стр. 193—194, 205.

⁴⁰⁰ В. Л. Воронина, 1947, стр. 40—46; Г. А. Пугаченкова, 1950, стр. 51—52; В. А. Нильсен, 1966, стр. 200.

⁴⁰¹ Г. А. Пугаченкова, 1950, стр. 52—54; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1950, стр. 99; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 146—147.

⁴⁰² М. М. Дьяконов, 1954, стр. 139.

⁴⁰³ А. М. Беленицкий, 1959, стр. 51—53.

⁴⁰⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 11, 61; В. П. Даркевич, Б. И. Маршак, 1974.

⁴⁰⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 11.

ному поясу наклонно на двух ремнях, сложные луки, чулкообразные налучья, расширенные книзу колчаны, копы со стягами и бунчуками на древках, небольшие круглые щиты, вытянутые шлемы с напечниками и закруженными сверху шишаками, длинные без рукавов панцири из прошнурованных пластин (ламельный доспех), кольчужные рубахи, наручи из мелких пластинок находят аналогии в живописи Пянджикента ⁴⁰⁶, Варахши ⁴⁰⁷ и Восточного Туркестана (Кызыл) ⁴⁰⁸, на глиняных статуэтках воинов «шакья» из Кызыла в Кучарском округе и Шорчука в Карашаре ⁴⁰⁹, в согдийских терракотах и наскальных рисунках Сулека на Верхнем Енисее ⁴¹⁰. Боевой топорик с клевцом, булавы с шаровидными навершиями, подпоясанные пластинчатые доспехи, форма щитов сближают аниковское блюдо с кулагышским (VII—VIII вв.) ⁴¹¹. Вплоть до VIII в. турки почти не употребляли боевых топоров. На памятниках VIII в. в Сибири они встречаются редко, еще реже — в аварских могилах VI—VII вв. ⁴¹² Возможно, топор служил знаком отличия вождей: на аниковском блюде им вооружен предводитель, который выделяется и «трехрогим» шлемом ⁴¹³. Общее тюркам и согдийцам снаряжение тяжелой кавалерии VII—VIII вв. отличия от снаряжения сасанидских всадников, теснее связанного с Передней Азией ⁴¹⁴. Стрижка гривы, способ подвизывания хвостов, высокие и стройные кони не встречаются на сасанидских памятниках. Не открыты пока в Иране и замки типа кёшков. Правда, на рубеже VI—VII вв. и в иранском комплексе вооружения стало заметным тюрко-согдийское влияние (конная статуя Хосрова II в Так- и Бостане) ⁴¹⁵.

Согласно Б. И. Маршаку, сюжет блюда — иллюстрация к книге Иисуса Навина. Внизу осада Иерихона. Женщина в окне — Раав, принявшая двух лазутчиков Иисуса Навина. Ее окно в городской стене упомянуто в Библии. Следующий эпизод — вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с «рогами юбилейными». Выше — взятие какого-то ханаанского города. Падение стен Иерихона от трубного звука пропущено иллюстратором. Самый верхний эпизод — Иисус Навин, подняв руку к небу, останавливает солнце и луну.

Иерихон с запертными воротами, фигурой Раав на городской стене и двумя отрядами осаждающих справа и слева от города показан на мозаике V в. в римской церкви Санта Мария Маджоре. В том же простенке на нижнем поле помещена отдельная композиция выноса Ковчега Завета, причем трубящие жрецы расположены симметрично по отношению к Ковчегу. В этом цикле мозаик есть и фигура Иисуса Навина с рукой, поднятой к небу, на котором стоят луна и солнце ⁴¹⁶. На сирийской миниатюре VII—VIII вв. Иисус Навин стоит в той же позе,

а небо со светилами передано таким же сегментом, как на аниковском блюде ⁴¹⁷.

Аниковское блюдо отражает связь с буддийской иконографией, хорошо известной в Семиречье, где находилось много буддийских храмов ⁴¹⁸. Точки над переносицей у трубящих жрецов и сама композиция, напоминающая, по наблюдениям Н. В. Дьяконовой, переосмысленную «осаду Кушинары», восходит к буддийскому искусству. В многочисленных «осадах Кушинары» из Восточного Туркестана воины, одетые в местные доспехи, с двух сторон подъезжают к воротам города, тогда как над стеной показаны божества с реликвариями в руках ⁴¹⁹. Сходная композиция, существовавшая в местном искусстве, позволила мастеру аниковского блюда сильнее отступить от раннехристианских образцов, чем это мог сделать мастер григоровского блюда. В свою очередь буддийские художники опирались на традиции батального жанра в светском искусстве Средней и Центральной Азии.

42. Чашка с изображением человеко-птицы. Серебро. Гравировка. Мавераннахр. X в. (табл. 29)

Чашка в форме сегмента сферы. Диаметр 15 см, высота 4,5 см. Внутри покрыта гравированным орнаментом на пунсонном фоне. В центральной медальоне — человеко-птица с виноградной лозой в руках. Гроздь ягод изображена вне связи с растением. Такой же вьющийся стебель с завитками и виноградными листьями — в среднем поясе. Дополнительные лопасти создают видимость нескольких листьев, наложенных друг на друга. Круговая надпись почерком процветший куфи персидско-таджикская (Б. И. Маршак). На обороте врезана арабская надпись с именем Хамертегина эль Дори ⁴²⁰. Б. И. Маршак отождествил упомянутое лицо с казначеем Хумартегином, что позволило ему отнести чашку к саманидской тюретике X в. (Мавераннахр) ⁴²¹.

Виноградная лоза уже отходит от реалистической трактовки VIII в. (штук Варахши ⁴²², резное дерево Пянджикента ⁴²³, фасад Мшатты ⁴²⁴, штучные панели дворца в Кирбат-ал-Мафьяр в Палестине) ⁴²⁵. Она напоминает некоторые варианты лозы в дереве Пянджикента, где лопасти листьев разделены жилками, а грозди, как на омейядских памятниках и в штуче Самарры, показаны с отдельными ягодами ⁴²⁶. Только в Пянджикенте встречаем виноградные листья с сильно заостренными долями. В орнаментике Средней Азии и Ближнего Востока преобладают листья с округлыми лопастями ⁴²⁷.

«Сирена» отличается и от человеко-птиц Варахши и Пянджикента с женской головой и грудью ⁴²⁸, и от птице-дев мусульманского искусства XII—XIII вв. Птице-девы обычно показаны в короне или

⁴¹⁷ J. Leroy, 1964, табл. 44, 1.

⁴¹⁸ А. Н. Бернштам, 1949, рис. 18—20; Л. Р. Кыласов, 1959; Л. П. Зяблин, 1961.

⁴¹⁹ А. von Le Coq, 1925, рис. 87; А. Grünwedel, 1920b, табл. XLVI—XLIX и др.

⁴²⁰ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 227—228, рис. 269.

⁴²¹ Б. И. Маршак, 1973, стр. 20.

⁴²² В. А. Шишкин, 1963, рис. 97, 98.

⁴²³ В. Л. Ворокина, 1959, стр. 133 и сл.

⁴²⁴ М. S. Dimand, 1937, рис. 36.

⁴²⁵ R. W. Hamilton, 1947, рис. 31, 51, 61.

⁴²⁶ В. Л. Ворокина, 1959, рис. 22, 24.

⁴²⁷ Там же, стр. 134.

⁴²⁸ В. А. Шишкин, 1963, рис. 89, 90; А. Беленицкий, Б. Маршак, 1973б, рис. 2.

⁴⁰⁶ Живопись древнего Пянджикента, табл. V, XXV, XXXIII, XXXV; Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. III, IV, V, VII.

⁴⁰⁷ В. А. Шишкин, 1963, стр. 214—215, табл. XVII.

⁴⁰⁸ А. von Le Coq, 1925, рис. 32, 33.

⁴⁰⁹ Там же, рис. 62, 64, 67.

⁴¹⁰ Там же, рис. 100.

⁴¹¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 50.

⁴¹² С. А. Плетнева, 1967, стр. 158.

⁴¹³ С. П. Толстов, 1948а, стр. 198, 201.

⁴¹⁴ Там же, стр. 215—218.

⁴¹⁵ В. И. Распопова, 1971, стр. 14.

⁴¹⁶ Н. Карр, 1966, табл. 138, 153.

шапочке, их священное начало подчеркивают нимбы (табл. 37, 9). Человеческий торс сближает человекоптицу на чаше с сиренами в византийской редакции. Согласно античной традиции их изображали с непокрытой головой и без нимба, иногда со струнными инструментами (книжные миниатюры XI в.)⁴²⁹. Детализация туловища находит параллели в раннеисламской орнаментике (ср. полосы из мелких кружков на грифонах Мшатты⁴³⁰; птичьи лапки, украшенные кружками, — ср. с табл. 27; 28; оперение — ср. с лентами на кувшине табл. 32, 1). С кувшинами табл. 27; 28 чашку роднят пунсонный фон и палеография. близкая надписям X—начала XI в.

Сохранались мелкие детали, характерные для торевтики востока Средней Азии VIII—IX вв.: полупальметки на фоне надписи, прижатые к ободку (ср. табл. 11, 1; 12, 1), три маленьких кружка на изогнутом стебельке внутри листьев (ср. табл. 11; 12; 14). Имеется сходство с орнаментом светильников табл. 17, 1, 2; 18, 5, 6 (прожилки листьев, пунсонное заштрихование сердцевин долек листьев). Важны общие признаки с семиреченским несторианским блюдом табл. 23. «Сирийский» тип лица сирены близок лицам на блюде (ср., например, Даниила). Одинаковы большие глаза со зрачками из концентрических кружков, крупный нос, маленький рот. Полупальметты на мандорле в Вознесении и на фронтоне храмка ср. с листьями на фоне надписи у края чаши. На обоих сосудах излюбленный мотив — маленькие концентрические кружки (на чаше — гроздь винограда и ленты на «сирене», на блюде — декор одежды).

43. Кружка с куфической надписью. Серебро. Гравировка, чернь. Иран или Средняя Азия. XI в. (табл. 33, 1—5)

Диаметр 11 см, высота 7,5 см⁴³¹. У кружки почти вертикальные стенки, низкий поддон и кольцевидная ручка с горизонтальной накладкой. По краю пояска с надписью процветшим куфи:

اليمين والبركة والسرور والسعادة والسلامة والكرامة والنعمة والخطة لصاحبه

«Благополучие, и благословение, и удовольствие, и счастье, и здравие, и честь, и благоденствие, и наслаждение владельцу сего» (прочитана Г. А. Федоровым-Давыдовым). В букве *син* в слове *السرور* не хватает одного зубца. Перед первым словом лишний ствол *ляма*.

На тулове кружки — три медальона с птицами (ср. птиц на табл. 35, 3, 6).

По характеру фона надписи и орнамента (завитки на черном фоне) кружка датируется XI в. и входит в группу сосудов табл. 30—32. Этому не противоречат почерк надписи и форма ручки (не моложе XI в.).

Мало-Аниковская

44. Кувшин с куфическими надписями. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота, чернь. Иран или Средняя Азия. XI — начало XII в. (табл. 32)

Найден в 1959 г. при рытье ямы на скотном дворе дер. Мало-Аниковская Чердынского р-на Перм-

ской обл. (на глубине около 0,6 м). Находчики разломали кувшин на части. В 1967 г. В. Ю. Лещенко установил, что кувшин обнаружен на правом берегу р. Усть-Шугор, в 80 м к востоку от тракта в с. Редикор и в 60 м к западу от края террасы р. Вишера. Культурного слоя на этом месте нет⁴³².

В Чердынском краеведческом музее хранятся три фрагмента кувшина — горло, ручка и половина цилиндрического тулова. Дно утрачено. Высота кувшина около 22,5 см, диаметр горла 9,5 см, диаметр тулова 13 см. Он украшен чеканными каннелюрами с заштрихованными краями. На горле выгравированы ленты с дуговидными поперечными полосками и короткими продольными черточками (ср. табл. 36, 6; 39, 1). Ручка восьмигранная полая с шаровидным навершием, вставленным в отверстие. Узкие ленты между гравированными полосами и перехват в нижней части ручки позолочены. Надписи почерком процветшим куфи прочитаны Г. А. Федоровым-Давыдовым.

В верхней горизонтальной части тулова:

اليمين والبركة

«Благополучие, благословение», после каждого слова декоративная лигатура *لا*.

Кольцевая надпись сверху:

اليمين والبركة... والنعمة والهدوء والنعمة لصاحبه

«Благополучие, и благословение, ... благоденствие, и господство владельцу сего».

В слове *صاحبه* буквы *ح* и *ب* пропущены из-за недостатка места. Остальные буквы в скобках не видны из-за дефекта предмета.

Внизу: والسلامة والنصر (?) والهدوء والنعمة لصاحبه «... и здравие, и победа (?)... и господство владельцу сего».

Слово *نصر* сомнительно из-за дефекта сосуда, в слове *دولة* лишний ствол *ляма* на предпоследнем месте, перед словом *صاحبه* лишний *вав*.

На ручке: كل فشرب هنتا مارء

«Ешь и пей на здоровье».

По характеру фона надписей кувшин входит в группу табл. 30; 31; 33 (XI—начало XII в.), что согласуется со стилем букв.

Губдорский клад

Найден в 1907 г. крестьянином с. Губдор Чердынского у. Пермской губ., на левом берегу р. Кольна — левого притока р. Язьва — левого притока р. Вишера. Клад обнаружен на пашне под выкорчеванным пнем в урочище Большое Поле. В состав клада входила серебряная чаша с розеткой на дне и сложенные в нее поясные бляшки (вес клада около 400 г). Чашу и часть накладок отослали в Археологическую комиссию. Ныне местонахождение вещей неизвестно⁴³³.

Чаша⁴³⁴ исполнена не ранее второй половины XIII в. (по аналогии с чашами монгольского времени с Северного Кавказа⁴³⁵ и из Саратовского музея⁴³⁶, но поясной набор старше.

⁴²⁹ J. Strzygowski, 1899, табл. II; В. Н. Лазарев, 1948, табл. 144.

⁴³⁰ M. S. Dimand, 1937, рис. 62. Ср. полосы на туловищах и крыльях зверей и птиц Ахтамарского храма (915—921 гг.) в армянских миниатюрах XI в. (Армянская миниатюра, табл. 9).

⁴³¹ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 227—228, рис. 270.

⁴³² В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 297.

⁴³³ И. А. Талицкая, 1952, стр. 161.

⁴³⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 315.

⁴³⁵ Там же, № 248.

⁴³⁶ А. А. Спицын, 1914, стр. 104, рис. 40.

45. Накладки от поясного набора. Серебро. Тиснение, чернь, позолота. Иран или Средняя Азия. XI в. (табл. 39, 13—20)

В момент находки их было свыше 30. На таблице в атласе Я. И. Смирнова (негатив в фотоархиве ЛОИА) только девять накладок⁴³⁷. Они оттиснуты из тонкого листа серебра. На лицевой стороне — позолоченный орнамент в рельефе, его детали выделены чернью. Боковые стороны накладок отогнуты под прямым углом. На обороте припаяны загнутые проволоочки для крепления к ремню (табл. 38, 18, 19).

а) Наконечник длиной 8 см с заострением на одном конце. Орнамент — ромбы и сердцевидные фигуры (табл. 39, 13).

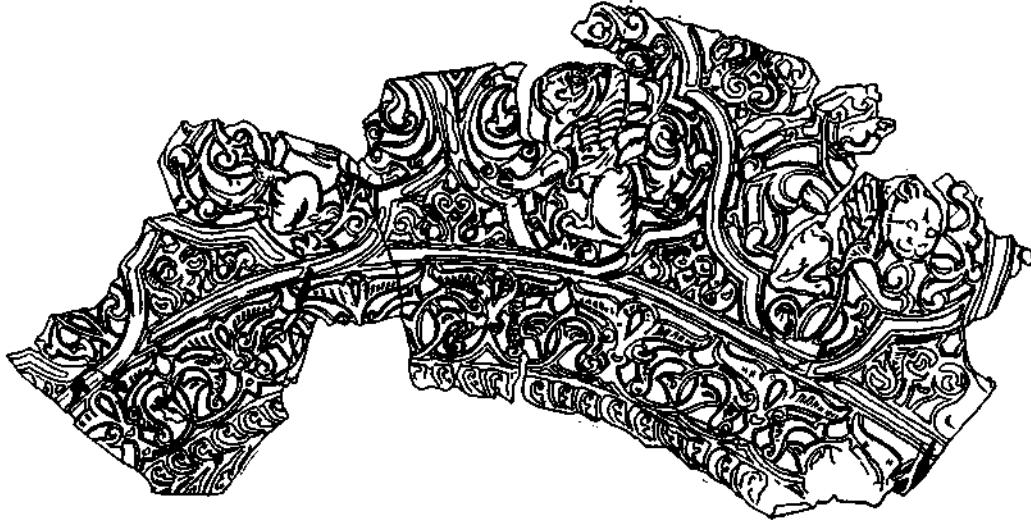

Рис. 2

Фрагмент кувшина из с. Губдор
(прорисовка)

б) Накладки с изображением двух животных (3 экз.). Между ними растение с прямым стволом и «шишечкой» на конце. Размеры 2,7×3 см. Имеют подвижное колечко, продеваемое в ушко (табл. 39, 15—17).

в) Такая же накладка, но без кольца (табл. 39, 18).

г) Похожая накладка. Размеры 2,7×3,7 см (табл. 39, 14).

д) Накладки округлые (2 экз.). Орнамент — пальметка в сердцевидном стебле (табл. 39, 19).

е) Скоба прямоугольная. Размеры 2,1×1,1 см. Орнамент — вьющийся стебель (табл. 39, 20).

Ср. накладки клада из с. Мышеловка (табл. 40; 41). Сходство прослеживается в форме (прямоугольные с трехлопастным завершением, маленькие прямоугольные скобы) и в таких мотивах, как пальметка в сердцевидном обрамлении (ср. табл. 41, 13—16); стебель, образующий сердцевидные узлы и разделенный продольными линиями (ср. табл. 39, 20 и 41, 4); сопоставленные животные (ср. табл. 40, 2, 8). Одинаково применена чернь (глаза зверей и пятна на их лопатках).

⁴³⁷ Я. И. Смирнов, 1909, рис. 61—69.

46. Кувшины с изображением сфинксов и крылатых львов (два фрагмента). Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Малая Азия. Конец XII — первая половина XIII в. (табл. 43, 1—3)

Найден в 1913 г. в с. Губдор. Хранился в музее Чердыни, где в 1925 г. Н. М. Токарский выполнил прорисовку орнамента (рис. 2).

В настоящее время находится в Эрмитаже.

Ленточная плетенка на тулове образует четырехлопастные медальоны с крылатым львом и сфинксами на растительном фоне (сгруппированы парно). Трехлепестковые пальметты с волкотообразными нижними лепестками и острым верхним,

вьющиеся стебли со спиральными короткими усиками аналогичны орнаменту на кликийском ковшике (табл. 42, 6). Длинные, частично свернутые листья, закрученные на конце и заштрихованные, характерны для сельджукского орнамента Малой Азии (резные по дереву подставки для корана и двери из Коньи, XIII в.)⁴³⁸. Ср. растительные узоры на глиняной фляжке со сфинксом из Национального музея в Дамаске (XIII—XIV вв.)⁴³⁹, на изразцах медресе Сиржали в Конье (1242 г.)⁴⁴⁰ и особенно в сельджукской резьбе по дереву (мимбары XIII—XIV вв.). Пальметта в сердцевидной рамке из «сельджукских» листьев (на кувшине — между медальонами) украшает бронзовую гирию из частной коллекции в Конье⁴⁴¹. Тот же мотив част в резьбе мимбаров.

Над медальонами шел поясик с благопожелательной(?) надписью почерком насх. Сохранился маленький фрагмент:

[س]لطان[س]

⁴³⁸ Burchard Brentjes, табл. 119, 121. Ср. орнамент кликийских миниатюр середины XIII в. (Древнеармянская миниатюра, табл. 27).

⁴³⁹ Burchard Brentjes, табл. 84; E. Baer, 1965, стр. 18.

⁴⁴⁰ T. Talbot Rice, 1961, рис. 35, 37.

⁴⁴¹ Там же, табл. 48.

«Власть»(?). Последняя буква и часть первой утрачены, поэтому чтение предположительно.

Похожие профильные сфинксы по сторонам дерева представлены на шелковой ткани, которую определяют как иранскую XII в. (Вашингтон, Музей тканей)⁴⁴². Как и на кувшине, в основании их крыльев — лист с завитком на конце. Ту же деталь встречаем у фантастических животных на рельефах из стен цитадели Коньи (около 1221 г.)⁴⁴³, на исламских работах по металлу (бронзовый поднос из Газни⁴⁴⁴, зеркала XIII—XIV вв.).

Создания с человеческой головой в короне, львиным туловищем и крыльями распространились в мусульманском искусстве с конца XII в.⁴⁴⁵ В сельджукском декоре Малой Азии сфинксы и крылатые львы⁴⁴⁶ в роли благожелательных существ зависимы от образотворчества Древнего Востока. Хеттскому искусству известен мотив крылатой «химеры» с туловищем льва и двумя головами — человеческой и львиной. Крылатые львы олицетворяли ассирийских божеств. Образы крылатого льва и сфинкса встречаем в Сиро-Финикии. Крылатых сфинксов в мусульманской иконографии обычно связывают с легендой о ночном вознесении Мухаммеда на летающей кобылице Бураке.

Чигиробский клад

Найден в 1914 г. на пашне близ с. Чигироб Мошевской вол. Чердынского у. Пермской губ. (ныне Чердынский р-н Пермской обл.), в верховьях р. Нелим — левого притока р. Язва — левого притока р. Вишера⁴⁴⁷. В состав клада, переданного в Эрмитаж, входили:

Китайский ямб с иероглифической надписью, прочитанной В. М. Алексеевым: «Пятнадцать унций серебра»⁴⁴⁸.

Серебряный слиток, близкий шестиугольным киевским (вторая половина XI — первая половина XIII в.).

47. 12 мелких обломков от сосудов. Серебро. Гравировка, чернь. XI—XII вв. (табл. 36, 4)

На трех фрагментах — обрывки благожелательных (?) куфических надписей⁴⁴⁹. Р. Р. Фасмеру, отнесшему их к XII в., удалось прочесть слово «здоровье»⁴⁵⁰. Круговые надписи располагались в узких поясах на фоне растительного орнамента с чернью. На одном из обломков круглый медальон с птицей (ср. птиц на кружке табл. 33, 1—3). Клад скрыт не позднее XII—начала XIII в.

Мало-Шакшерский клад

Найден в 1931 г. при вспашке поля в 1 км от дер. Малая Шакшера и в 0,5 км от дер. Матвеева Чердынского р-на Пермской обл. (правый берег Камы). Кроме чаши, перевернутой вверх дном и закрывав-

шей остальные вещи, в его состав входили три серебряных слитка, близких «киевским» гривнам (вторая половина XI — первая половина XIII в.), и две шейные гривны глазовского типа. В 1932 г. клад похитили из Чердынского музея. Н. А. Прокошевым изданы плохие фотографии вещей⁴⁵¹.

48. Чаша с арабской надписью. Серебро. Гравировка. XI—XII вв. (табл. 33, 10)

По сведениям И. А. Лунегова, чаша большая (диаметр примерно 36—40 см, высота 16—18 см). Стенки плавно закругляются книзу, дно плоское. По наружному краю выгравирована круговая надпись почерком процветший куфи⁴⁵².

Сыпучи

49. Фрагмент сосуда с изображением слуги. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Район Рея или Хорасан. Вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 38, 5)

Найден в Сыпучинской вол. Чердынского у. Пермской губ. (ныне с. Сыпучи Чердынского р-на Пермской обл.), на левом берегу Вишеры⁴⁵³. Хранился в коллекции Теплоуховых, ныне — в Пермском областном краеведческом музее.

Обломок кувшина (?) первоначально был выпуклым (при выпрямлении треснул). Фигуры чеканены в рельефе и детализированы гравировкой с лицевой стороны⁴⁵⁴. Фон обработан кружковым пунсоном и позолочен. В правой руке слуги, идущего к трону (?), — продолговатый плод, в левой — жезл телохранителя (Низам ал-Мульк, персидский везир сельджукских султанов Алп-Арслана и Маликшаха, выражал пожелание, чтобы в распоряжении начальника дворцовой стражи было не менее 50 ликторов с золотыми и серебряными палицами)⁴⁵⁵. Нимб стражника позолочен. Ср. полусферические «сельджукские» шапочки с треугольным околышем в росписях рейской керамики начала XIII в.⁴⁵⁶ Нарядный кафтан с косым запахом перетянут широким кушаком, завязанным узлом на животе и свисающим до колен (позолочен)⁴⁵⁷. Остроносые сапоги — без каблуков, с расширяющимися кверху голенищами.

Фигура слуги входила в типичную для XII—XIII вв. композицию царского пира (табл. 38, 1), которую разработали уже в IX—XI вв. (табл. 6, 4, 5). Близки слуги с теми же атрибутами на штучной панели из Рея (около 1200 г.)⁴⁵⁸. Кафтан одного из них украшен такими же завитками (ср. завитки на одежде персонажей в люстровой посуде Рея и Кашана конца XII—XIII вв.)⁴⁵⁹. Похожи фигуры слуг в пиршественной сцене на кувшине со штампованным декором (XII—начало XIII в.) из раскопок на городище Хауз-хан в Туркмении — месте остановки караванов, которые следовали из Ниша-

⁴⁴² E. Baer, 1965, стр. 9, табл. VI, 11.

⁴⁴³ T. Talbot Rice, 1961, табл. 57, 59.

⁴⁴⁴ R. Ettinghausen, 1957, табл. 10, 32.

⁴⁴⁵ E. Baer, 1965, стр. 14.

⁴⁴⁶ Ср. крылатого льва на сельджукском каменном рельефе (T. Talbot Rice, 1961, рис. 45).

⁴⁴⁷ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 215—216, рис. 265, 266; И. А. Талицкая, 1952, стр. 166.

⁴⁴⁸ N. Вагел, стр. 3.

⁴⁴⁹ Там же, табл. IV.

⁴⁵⁰ Там же, стр. 3.

⁴⁵¹ Н. А. Прокошев, 1946, стр. 86, рис. 43, 6.

⁴⁵² Там же, рис. 43, а.

⁴⁵³ Ф. А. Теплоухов, 1895, стр. 254—255, табл. II, 3; И. А. Талицкая, 1952, стр. 167.

⁴⁵⁴ А. А. Спицын, 1902, табл. III, 8; Я. И. Смирнов, 1900, рис. 17.

⁴⁵⁵ Спасет-намэ, стр. 143.

⁴⁵⁶ М. В. Горелик, 1972, рис. 9, 16.

⁴⁵⁷ Ср. костюмы на сирийских и западноиранских рах XII—XIII вв. (Там же, рис. 4, 13, 14)

⁴⁵⁸ SPA, V, 1938, табл. 517.

⁴⁵⁹ Н. И. Веселовский, 1910, рис. 9.

пура в Мерв через Серахс⁴⁶⁰. Производство подобной штампованной керамики связывают с Нишапуром. По стилю она близка живописи начала XIII в., в частности миниатюрам рукописи поэмы Айуки «Варка и Гюльшах» (Библиотека Топкапу-Сарай)⁴⁶¹.

Мартыновский клад

В 1957 г. в 2 км от дер. Большой Пальник около дер. Мартынова (Кочевский р-н Коми-Пермяцкого нац. округа), у выкорчеванного пня выпалили два серебряных сосуда. На том же поле, примерно в 200 м к югу, в 1953 г. найдено византийское серебряное блюдо 651—668 гг. На месте находок, по-видимому, существовало святилище: сосуды употребляли в качестве объектов поклонения. Клад хранится в Коми-Пермяцком окружном музее Кудымкара⁴⁶².

50. Чаша с изображением розетки. Серебро. Чеканка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 13, 3)

Диаметр 22,5 см, высота 4 см⁴⁶³. Стенки чаши разорваны плугом, утрачен кольцевидный поддон диаметром 9 см. На дне — чеканенная с оборота восьмилепестковая розетка в круге диаметром 10,5 см. На лицевой стороне прочерчена фигура ревущего быка (?).

Издатели датировали чашу VII—VIII вв.⁴⁶⁴ По розетке в рамке из рельефных кружков она входит в группу сосудов табл. 11—14. Аналогична чаше табл. 13, 2.

51. Блюдо с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Средняя Азия. VIII—IX вв. (табл. 21, 3)

Диаметр 30 см, глубина 2 см⁴⁶⁵. Кольцевой поддон диаметром 8 см утрачен. По краю бортик шириной 1 см. В центре на расстоянии 4 см друг от друга вырезаны два концентрических круга (диаметр большего 11 см). Между ними выгравирован волнистый стебель, от которого отходят завитки с трилистниками и почковидными отростками. Фон заполнен круглыми вдавлениями. На лицевой стороне у края прочерчена личина шамана. У бортика — отверстие для подвешивания.

Первоначально блюдо датировано XI в.⁴⁶⁶ Впоследствии на основе датировки антропоморфной личины (IX—X вв.) и параллелей виноградной лозе в среднеазиатском архитектурном орнаменте IX—X вв. В. Ю. Лещенко отнес его к IX в.⁴⁶⁷

Ср. блюдо табл. 21, 1, 2. По форме оба блюда — кованые, плоские, с гладкими бортиками — близки блюдам с розетками (табл. 13).

Кайгородское

52. Блюдце с орнаментом из пальметт. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Средняя Азия. VIII—IX вв. (табл. 21, 4, 5)

Найдено до 1890 г. Находилось в церковной ризнице с. Кайгородское Слободского у. Вятской губ.

(ныне г. Кайгород Кировской обл.) на левом берегу Камы⁴⁶⁸. Хранится в ГИМ.

Диаметр блюдца 16,2 см, глубина 2 см⁴⁶⁹. По краю внутри — гладкий валик. Медальон на дне диаметром 8 см выполнен в технике незамаскированного чекана с оборота и проработан резцом с лица. Изогнутые стебли несут три пятилепестковые пальметты, которые чередуются с меньшими трехлепестковыми. Фон внутри медальона позолочен. У края блюдца отверстие для привешивания.

Рамка медальона с косыми насечками, отходящие от нее стебли с пальметтами и детали пальметт сближают блюдце со среднеазиатскими сосудами VIII—IX вв. (табл. 9; 11, 3)⁴⁷⁰.

Афанасьевский клад

В 1932 г. в 7 км от с. Афанасьево Афанасьевского р-на Кировской обл., на берегу Камы на пашне найден клад из семи серебряных сосудов. Хранится в Горьковском историко-археологическом музее⁴⁷¹. В его состав входили:

53. Ведро с изображениями цапель. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 14, 3—6)

Ведро кованое цилиндрическое с округлым дном. Диаметр 18 см, высота 15 см, толщина стенок 3 мм. Ручка с крючками на концах соединялась с коргузом приклепанными пальметтовидными пластинками (сохранилась одна из пальметт). Орнамент гравирован глубокими линиями, а фон заполнен пунсоновыми кружками. Край ведра украшен волнистым побегом с пальметтами. Тулово разбито четырьмя прямоугольниками, в которых чередуются птицы с длинными шеями и длинными ногами и S-видные побеги с пышными пальметтами. Птицы похожи на цапель или аистов. Растительный орнамент идентичен бордюру края, но построен вертикально. На дне ведра в технике незамаскированного чекана (выпуклыми линиями внутрь) выбита восьмилучевая розетка (ср. табл. 13).

Похожих цапель см. в орнаментации одежд Так-и Бостана⁴⁷², на позднеасанидском кувшинчике с Нижегородской ярмарки⁴⁷³, на горлышке золотого кувшина клада из Надь-Сент-Миклош (вторая половина IX в.)⁴⁷⁴, в живописи Самарры (836—839 гг.)⁴⁷⁵. По манере рисунка аналогична птица на блюде табл. 11, 1, совпадают и пальметты возле птиц. Такие же пальметты — на бортике светильника табл. 9, 5—8. Ведро сближается с ведром табл. 12, 1, 2 формой, размещением узора, применением кружкового пунсона, стилем орнамента, розетками на дне.

В Средней Азии, как и во многих других странах, белого аиста считают священной птицей. Огромные гнезда со стоящими в них аистами можно видеть на куполах мечетей и медресе, на мазарах и старых деревьях возле хаузов. «Все его манеры полны

Г. Н. Балашова, 1972, стр. 91, рис. 3 и 4.

¹ Там же, стр. 103, рис. 11.

² Лещенко, 1970а, стр. 51.

³ Лещенко, В. А. Оборин, 1966, рис. 1.

стр. 243.

ис. 2.

р. 243.

...го, 1971а, стр. 137, 209—210.

⁴⁶⁸ И. А. Талицкая, 1952, стр. 185.

⁴⁶⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 100.

⁴⁷⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 31.

⁴⁷¹ В. П. Даркевич, В. Ф. Черников, 1971.

⁴⁷² E. Herzfeld, 1920, рис. 34; Taq-i Bustan, 1969, табл. LIII.

⁴⁷³ Я. И. Смирнов, 1909, № 89.

⁴⁷⁴ N. Mavrodinov, 1943, табл. XI—XIV.

⁴⁷⁵ E. Herzfeld, 1927, табл. LVI.

достоинства. Он ходит медленной и размеренной поступью. Летит медленным красивым полетом. Иногда машет крыльями, иногда парит. И нередко можно видеть стаю аистов, распластавших крылья и винтообразно поднимающихся в воздухе на очень большую высоту. Стоя на гнезде или в другом месте, аист также весьма элегантен»⁴⁷⁶. В Иране во время праздника «зазывания весны» юноши ходили от дома к дому с букетом ранних цветов на шесте. Они пели хвалу весне, цветам, аисту, принесшему с собой весну, и с шутками просили вознаграждения⁴⁷⁷. Те же мотивы (аист, цветы, солярная розетка) находим в декоре ведра.

54. Кружка с изображением джейранов и оленей. Серебро. Литье, гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 15)

Кружка массивная, литая, с округлым туловом и припаянной кольцевой ножкой. Диаметр 11,6 см, высота 4,5 см, толщина стенок 2 мм. Орнамент отделен от гладкого венчика кругом перлов. Он выполнен при литье в плоском рельефе и дополнен гравировкой. Фон позолочен.

На тулове — два оленя и два джейрана-самца по сторонам четырех растений. Животные показаны в позе покоя — с подогнутыми ногами и повернутой назад мордой⁴⁷⁸. У джейранов рога лировидные с кольцеобразными утолщениями. У оленей по одному рогу с тремя утолщениями на конце, как у оленя в живописи храма Безеклик в Муртуке⁴⁷⁹. Подобная стилизация оленьих рогов находится аналогии в танском металле⁴⁸⁰. Джейраны — типичные обитатели полупустынь и пустынь — были распространены в Средней Азии (Семиречье), Иране, Закаспии и Восточном Туркестане.

Пальметты образованы тремя парами меньших пальметт с перехватом у основания. Они соединены побегом с промежуточными трехлепестковыми пальметтами. Аналогичные пальметты с волжубообразными нижними лепестками и заостренным верхним см. на табл. 8, 1, 3 и др.

В кольцевой ободок поддона вписана мужская голова в профиль. Ср. голову на печати согдийского документа из замка на горе Муг (начало VIII в.)⁴⁸¹. Центральный медальон с профильным изображением помещен на некоторых «бактрийских» чашах IV—VII вв., ареал которых включал не только Бактрию, но и земли к югу от Гиндукуша⁴⁸².

Припаянная ручка состоит из массивного кольца и треугольной накладки с рельефными изображениями. Накладка оформлена в виде лица лысого старца — Силена — с двумя головами слонов по сторонам. Так же выглядит щиток ручки на кружке

из коллекции К. Кемпе (найдена в Китае), но без изображения старика. Она имеет тюркскую руническую надпись и по канелюрам сближается с кружкой табл. 18, 2—4⁴⁸³. У старика широкая борода, усы, короткий нос, оттопыренные заостренные уши. «Силена», пьющего из ритона, см. на ручках чаш табл. 8, 4, 5. Спутниками вакхического божества выступают слоны. Их короткий хобот загнут, так что видны наружные носовые отверстия. Из верхней челюсти выходят прямые бивни. Макушка покрыта оголовьем. Для иранской и среднеазиатской иконографии характерна стилизация ушей слона. Начинаясь наверху завитком, они спускаются тремя продольными фестончатыми складками. Так же переданы уши боевых слонов на двух бактрийских (?) серебряных фаларах⁴⁸⁴, в живописи Пянджикента⁴⁸⁵ и Варахши⁴⁸⁶, на светильнике табл. 17, 1, на серебряной статуэтке из остяцкого святилища на р. Сосьве⁴⁸⁷ и на каменной — из собрания Э. Херцфельда⁴⁸⁸, на фигурном глиняном сосуде их Хотана⁴⁸⁹, в гандхарской скульптуре⁴⁹⁰.

Согласно античному мифу, Силен принимал участие в походе Диониса на Индию. Триумф Вакха — покорителя Индии — излюбленная тема в искусстве императорского Рима. Триумфатора в колеснице, запряженной слонами, пантерами или кентаврами, в окружении пляшущих сатиров и вакханок изображали на римских саркофагах и мозаиках, на коптских тканях IV—V вв.⁴⁹¹ На монетах Никеи времени Антонина Пия колесницу Вакха везут четыре слона⁴⁹². Определенное место в вакхическом cortege занимал толстоброхий хмельной Силен: неуверенным шагом он сопровождает триумфатора или поддерживаемый сатирами едет на осле. Иногда Силена изображали с ланью или слонами⁴⁹³. По Лукиану, в индийском походе у Диониса было два помощника: Пан и «приземистый старик, несколько тучный, пузатый, курносый, с большими торчащими кверху ушами, с неверной походкой, опирающийся на дроковую трость и почти все время верхом на осле развезжающий». Как и Дионис, он «в плаще шафранного цвета и, по-видимому, как военачальник пользуется чрезвычайным доверием верховного вожды» («Про Диониса») ⁴⁹⁴. Во время битвы с индийцами Силен командовал правым крылом войска. Во главе отдельных отрядов были поставлены сатиры⁴⁹⁵. О военных услугах Силена пишет и греческий поэт V в. Нонн Панопольский в своей огромной поэме «Деяния Диониса»⁴⁹⁶. Отсюда и происходит изображение Силена со слонами.

Возможно, на дне кружки представлен сам Дионис, которого в Бактрии и Индии изображали борода-

⁴⁷⁶ Д. Н. Кашкаров, 1931, стр. 157.

⁴⁷⁷ Литература Востока в средние века, стр. 37. Как солнечную птицу цаплю почитали солнцепоклоуники Гелиополиса (О. Ф. Группе, 1906, стр. 795).

⁴⁷⁸ Ср. оленей на ложчатой чаше из Слудки (Я. И. Смирнов, 1909, № 78) и позу козла в живописи «пещеры гипсокампов» около Кызыла (А. Grünwedel, 1912, рис. 238). Животные с подогнутыми ногами и повернутой назад мордой характерны для скифского звериного стиля (С. И. Руденко, 1961, табл. VII, 3). В фигурах животных на чаше заметны традиции степного искусства I тысячелетия до н. э.

⁴⁷⁹ А. Grünwedel, 1912, рис. 533, а.

⁴⁸⁰ В. Gyllensvärd, 1957, рис. 71.

⁴⁸¹ А. Ю. Якубовский, 1951, стр. 217.

⁴⁸² Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 71, 74.

⁴⁸³ Б. И. Маршак, 1971, стр. 33, 50, Т 25.

⁴⁸⁴ К. В. Тревер, 1940, стр. 45—48, табл. 1—2. Ср. слонов на греко-бактрийских монетах Деметрия (там же, стр. 123—125, табл. 36).

⁴⁸⁵ Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. XII.

⁴⁸⁶ В. А. Шижкин, 1963, табл. I, VII, X.

⁴⁸⁷ Я. И. Смирнов, 1909, рис. 16.

⁴⁸⁸ SPA, IV, 1938, табл. 169B.

⁴⁸⁹ Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, 1960, табл. 2, 40.

⁴⁹⁰ Н. Ingholt, 1957, рис. 6, 26, 183, 450, 451.

⁴⁹¹ К. С. Ляпунова, 1940, стр. 150; V. F. Lenzen, 1960, стр. 5, 8.

⁴⁹² V. F. Lenzen, 1960, стр. 18, табл. 9, b.

⁴⁹³ Ch. Daramberg, E. Saglio, IV, 2, 1908, стр. 1099.

⁴⁹⁴ Лукиан, 1935, стр. 691.

⁴⁹⁵ Там же, стр. 692.

⁴⁹⁶ Ch. Picard, 1955, стр. 141.

тым («Индийский Дионис») ⁴⁹⁷. Таким он показан на «бактрийском» кувшинчике из Башкирии ⁴⁹⁸.

В орнаменте кружки слились элементы позднеэллинистические (в византийской передаче?) и среднеазиатские (олени, джейраны, пальметты). На ее создание мог повлиять прототип из серии «бактрийских» чаш IV—VII вв., отражавших воздействие греко-римской иконографии.

Формой пальметт и трактовкой животных кружка сближается с сосудами табл. 11—14.

55. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII в. (табл. 16, 5—7)

Кружка массивная, литая, цилиндрическая, со слегка вогнутыми стенками. Диаметр 8,7 см, высота 6 см, толщина стенок 1,5 мм. Поддон с окаймлением из перлов припаян. Вся поверхность снаружи покрыта гравированным узором в виде волнистого стебля с ответвлениями из пальметт и полупальметт. Фон заполнен пунсонными кружками. На позолоченном медальоне щитка ручки грубо процарапаны знаки древнетюркского письма. Тюркская руническая надпись VIII в. нацарапана и на дне снаружи. Ср. орнамент на кружке табл. 18, 7.

56. Чашка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII в. (табл. 16, 1)

Чашка в форме сегмента сферы. Диаметр 16,8 см, высота 4,7 см, толщина стенок у края 2 мм. Снаружи покрыта сплошным гравированным узором. Фон пунсонный. На дне снаружи — восьмилучевая розетка в круглом ободке. Стенки украшает фриз из пальметт. Ср. орнамент на кружке табл. 16, 4.

Чаши сходной формы изображены в живописи Пянджикента ⁴⁹⁹ и Хотана ⁵⁰⁰, на каменных изваяниях Семиречья и Тувы ⁵⁰¹. Их употребляли до монгольского времени включительно. По форме близки гладкостенным чашам с согдийскими надписями ⁵⁰².

57. Чашка с розеткой на дне. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 16, 2, 3)

Чаша полусферическая. Диаметр 11,5 см, высота 3,8 см, толщина стенок у края 2 мм. На венчике — фриз из гравированных треугольников. Треугольники и боковые каемки позолочены. Стенки чаши снаружи разделены чеканкой на 16 декоративных ложков. Внутри позолоченные ложки чередуются с оставленными в серебре. На дне — чеканная снаружи 16-лучевая розетка в круге перлов (позолочена). Ср. кайму из треугольников на кружке табл. 17, 4—6.

При раскопках городища Кува (Ферганская область) в комплексе второй половины VII—начала VIII в. найдено настенное керамическое блюдо. В центре блюда аналогичная розетка с восемью

ромбическими лепестками. Ферганское блюдо подражало металлическому ⁵⁰³. Восьмилепестковые розетки в кругах украшают кафтаны в росписях Балалык-тепе ⁵⁰⁴, они распространены в танском текстиле ⁵⁰⁵.

Розетка в круге из рельефных кружков, иллюзорная ложчатость позволяют включить чашку в группу сосудов табл. 11—14.

58. Кружка. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. VIII в. (табл. 19, 1)

Кружка тонкостенная. Высота 10 см, диаметр горла 6 см. У нее шаровидное тулово с каннелюрами, невысокое суживающееся кверху горло и вертикально профилированный поддон. Кольцевая ручка напаяна на сердцевидную пластинку, окаймленную выпуклыми кружками (приклепана к корпусу). Тулово ограничено поясками из рельефных кружков между двумя валиками с косыми насечками. Тожественна кружке № 73.

Сосуды подобной формы характерны для раннетюркских памятников Алтая (Катанда ⁵⁰⁶, Туяхта ⁵⁰⁷), Минусинской котловины (Уйбатский чаатас ⁵⁰⁸), Тувы (Калбак-Шат ⁵⁰⁹, Монгун-Тайга ⁵¹⁰). Их высекали на каменных изваяниях Тувы и Саяно-Алтайского нагорья ⁵¹¹. В кургане-кенотафе в Монгун-Тайге вместе с кружкой найдена китайская монета 713—741 гг. Кенотаф сооружен до середины VIII в., так как в 745 г. Восточнотюркский каганат был разгромлен уйгурами ⁵¹². На Алтае вещи катадинских типов появились с конца VII в. и бытовали в течение VIII в., что совпадает с периодом второго тюркского каганата (680—745 гг.) ⁵¹³. В IX в. исчезают согдийские глиняные кружки с округлым корпусом, связанные с влиянием тюрок ⁵¹⁴. В Семиречье (некрополь Тараза) аналогичные кружки употребляли в VII—VIII вв. ⁵¹⁵ Датировку VIII веком подтверждают тюркские рунические надписи на серебряных сосудах Алтая ⁵¹⁶.

В отличие от гладкостенных кружек Алтая и Тувы афанасьевская украшена каннелюрами и «горочатым» орнаментом, что напоминает керамику из областей расселения согдийцев, в том числе из Чаца и Семиречья ⁵¹⁷. Если для глиняной посуды тюркских кочевников характерно отсутствие декора, то согдийская керамика VII—VIII вв. украшена резным, наклепным и штампованным орнаментом ⁵¹⁸. Согдийские глиняные кружки имеют овальные вдавления и узкие каннелюры в подражание работам по металлу ⁵¹⁹.

⁵⁰³ Д. П. Варготова, 1964, стр. 312—314, рис. 1.

⁵⁰⁴ Л. И. Альбаум, 1960, рис. 106, 107, 117, 118.

⁵⁰⁵ А. А. Иерусалимская, 1972а, рис. 22, 6.

⁵⁰⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 169.

⁵⁰⁷ С. В. Киселев, 1951, табл. LII, 5.

⁵⁰⁸ С. А. Теплоузов, 1929, табл. II, 25.

⁵⁰⁹ М. К. Маннай-оол, 1963, табл. II, 12.

⁵¹⁰ А. Д. Грач, 1960, рис. 88.

⁵¹¹ Л. А. Евтюхова, 1952, стр. 107; А. Д. Грач, 1961, стр. 66—67.

⁵¹² А. Д. Грач, 1960, стр. 139, 147.

⁵¹³ А. А. Гаврилова, 1965, стр. 105—106.

⁵¹⁴ Б. И. Маршак, 1961, стр. 200.

⁵¹⁵ Л. И. Ремпель, 1957, стр. 104—106.

⁵¹⁶ С. Г. Кляшторный, 1964, стр. 53.

⁵¹⁷ В. И. Распопова, 1960; Б. И. Маршак, 1961, стр. 177—178.

⁵¹⁸ А. Н. Бернштам, 1949, стр. 366; Б. И. Маршак, 1961, стр. 185.

⁵¹⁹ В. И. Распопова, 1960, стр. 145—146; Б. И. Маршак, 1961, стр. 185.

⁴⁹⁷ К. В. Тревер, 1940, стр. 36. Иконографический тип бородатого Диониса существовал и в античном искусстве Греции (И. Тревинчи-Вальдафель, 1959, стр. 259). Профильные головы бородатого Ваха находим на римских серебряных сосудах II—III вв. (В. Svoboda, 1972, рис. 21).

⁴⁹⁸ Р. В. Азмеров, 1963, рис. 3.

⁴⁹⁹ Живопись древнего Пянджикента, табл. XXVI, XXVIII, XXXVI.

⁵⁰⁰ О. А. Stein, 1907, табл. LXIV.

⁵⁰¹ А. Д. Грач, 1961, стр. 67; Я. А. Шер, 1966, рис. 14.

⁵⁰² Я. И. Смирнов, 1909, № 71, 72; Б. И. Маршак, 1971 (дополнение).

59. Кувшин. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. VIII в. (табл. 19, 3, 4)

Отличается от № 58 воронковидным горлом и двумя рядами каннелюр на тулове. Высота 14 см, диаметр горла 6,3 см.

По орнаменту и форме горла кувшин отличен от кочевнических конца VII—VIII в., известных по Перещепину⁵²⁰, курганам Алтая (Курай⁵²¹, Гурьевский завод⁵²²) и Минусинской котловины⁵²³, по изображениям на изваяниях Алтая и Тувы⁵²⁴. Кувшинчики из Перещепина и Семиречья (Кочкарская долина)⁵²⁵ относятся к более раннему типу второй половины VII в. У них яйцевидное тулово, низкий отогнутый венчик и ручка в виде кольца из шариков, которая сохраняется и в VIII в. Алтайские изваяния с такими сосудами наиболее ранние⁵²⁶. В VIII в. у населения Саяно-Алтайского нагорья распространяются кувшины без ручки, с округлым в профиле туловом и высоким суживающимся кверху горлом (отделено уступом). Одновременно употребляли кувшины с воронковидным горлом, изображения которых изредка встречаются на изваяниях Южной Сибири⁵²⁷.

Кытманова

60. Блюдо с изображением Сенмурва. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточный Иран. VIII в. (табл. 5, 3)

Найдено в 1873 г. при распашке поля на правом берегу Камы близ дер. Кытманова Глазовского у. Вятской губ. (ныне дер. Кытманова Афанасьевского р-на Кировской обл.)⁵²⁸. Хранится в Эрмитаже.

Диаметр блюда 27 см, глубина 2,2 см, вес 980,2 г.⁵²⁹ Кольцевая ножка диаметром 10 см, высотой 1,5 см припаяна. В медальоне на дне (диаметр 15,7 см) в технике незамаскированного чекана с оборота изображен Сенмурв. Плоский и низкий рельеф с лицевой стороны разработан гравировкой. Фон позолочен. На обратной стороне блюда грубо вырезаны непонятные знаки.

Я. И. Смирнов относил блюдо к первым векам арабского завоевания Персии⁵³⁰, Ф. Зарре — к IX—X вв.⁵³¹ По Б. И. Маршаку, оно представляет первый этап согдийской торовтики школы А (первая половина VIII в.)⁵³². Трактовка крыльев и хвоста Сенмурва, полупальметта в основании крыла, ложновитая рамка медальона сближают блюдо с кувшином табл. 10. Передача перьев точечными наколами, полупальметки на груди, рисунок лап находят параллели в поздне- и постсасанидской торовтике (рис. 4, 1, 3).

В зороастрийских трактатах («Менок-е Храт», «Бундахишн») собака-птица Сенмурв (Симорг) пред-

стает как благожелательное существо, оберегающее от зла. Его облик, сочетающий элементы обитателей всех стихий, — морду собаки, птичьих крылья и рыбий хвост, восходит к древним космологическим концепциям иранцев, связанным с культами плодородия и «мирового дерева»⁵³³. При Сасанидах Сенмурв служил царской эмблемой (на монете Варахрана II помещен на кулаке наследника престола; в Так- и Бостане — на кафтане царя)⁵³⁴. Он мог быть одной из ипостасей Хварны⁵³⁵ — божества царской славы и удачи, способного принимать облик различных животных. Под «хварной» понимали «благодать», осеняющую носителя власти и придающую ему непобедимость. Сенмурвов изображали на скальных рельефах, в резьбе по штуку, на тканях и печатях⁵³⁶. Этот образ сохранил популярность в раннеисламском искусстве. Предания о летающих собаках — спутниках мусульманских святых — сохранялись в Средней Азии до недавнего времени⁵³⁷.

Томызский клад

Найден в 1893 г. при пахоте близ починка Томыз Глазовского у. Пермской губ. (ныне дер. Томыз Кировской обл.). Место находки расположено в 7 верстах от Камы и в 2 верстах от р. Томыз — левого притока Камы, между верховьями речек Кабакшур и Чеплякшур, впадающих в Томыз. В состав клада входили три блюда, в том числе византийское с геометрическим черным рисунком в центре (613—629/630 гг.)⁵³⁸, две чаши, четыре кружки, одна из которых восточноевропейская (табл. 54, 1), 13 обломков ведра и шесть серебряных гривен глазовского типа⁵³⁹, что определяет время укрытия клада — не ранее IX—X вв. Вещи хранятся в Эрмитаже.

61. Блюдо с изображением флейтистки на фантастическом звере. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. VII—VIII вв. (табл. 1)

Я. И. Смирнов, отметивший общность сюжета с блюдом парижской Национальной библиотеки (рис. 3, 1), относил блюдо к VIII в. (по надписи)⁵⁴⁰. По Ф. Зарре, предположившему дату VII—VIII вв., на нем изображена Анахита⁵⁴¹. Согласно К. В. Тревер, вещь изготовлена в VI—VII вв. в Северо-Западном Иране⁵⁴². Она считала флейтистку богиней Наной⁵⁴³, а И. А. Орбели (датировавший блюдо IX в.) усматривал в ней зороастрийское божество Dvāspā на звере, олицетворяющем Тиштрию — Сириус⁵⁴⁴. М. Диманд отнес блюдо к первой половине VIII в.⁵⁴⁵ В. Г. Луконин и К. Эрдманн — к поздне-сасанидским произведениям⁵⁴⁶. Для датировки

⁵³³ К. В. Тревер, 1937а.

⁵³⁴ В. Г. Луконин, 1969, стр. 96, 179.

⁵³⁵ Фурдоуси, 1969, стр. 428 (примеч.).

⁵³⁶ Ph. Ackerman, 1938b, стр. 796; А. А. Иерусалимская, 1972а, рис. 23.

⁵³⁷ Г. П. Снесарев, 1969, стр. 321—322.

⁵³⁸ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 69.

⁵³⁹ Архив ЛОИА, ф. 11, № 151, л. 90 и АК, № 160/1893, л. 27 (рисунки гривен); ОАК за 1893 г., стр. 40—41; И. А. Талицкая, 1952, стр. 189.

⁵⁴⁰ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 6—7.

⁵⁴¹ F. Sarre, 1923, табл. 116.

⁵⁴² К. В. Тревер, 1947, стр. 126—129.

⁵⁴³ К. В. Тревер, 1958, стр. 138.

⁵⁴⁴ J. Orbeli, 1938, стр. 735.

⁵⁴⁵ M. S. Dimand, 1941, стр. 196—197.

⁵⁴⁶ V. G. Lukonin, 1967, рис. 210; К. Erdmann, 1969, стр. 105, табл. 71.

⁵²⁰ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 50, 62.

⁵²¹ С. В. Киселев, 1951, табл. LII, 4, 6.

⁵²² Я. И. Смирнов, 1909, № 181.

⁵²³ Там же, № 170, 171, 182—193.

⁵²⁴ Л. А. Естюгова, 1952, стр. 106—107; А. Д. Грач, 1961, стр. 66—67.

⁵²⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 172.

⁵²⁶ Л. А. Естюгова, 1952, стр. 107.

⁵²⁷ Там же, рис. 43.

⁵²⁸ И. А. Талицкая, 1952, стр. 188.

⁵²⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 49.

⁵³⁰ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXXI.

⁵³¹ F. Sarre, 1923, табл. 121.

⁵³² Б. И. Маршак, 1971, стр. 21, 22.

Рис. 3

Богиня с козлиноголовым зверем

1 — блюдо парижской Национальной библиотеки (деталь); 2 — бронзовый кувшин из Эрмитажа (деталь)

существенна среднеперсидская курсивная надпись внутри ножки (снаружи). По А. К. Маркову, имя заказчика (или позднейшего владельца) Дад-Бурдж-Митро (Даземихр), сын Фаррухана⁵⁴⁷. Этот представитель немусульманской династии Дабвейхидов, или Дабуидов (661—759 гг.), правил одной из областей Гиляна⁵⁴⁸. По Э. Херцфельду, он владет Табаристаном в 708—718 или 728—738 гг.⁵⁴⁹ В. А. Лившиц и В. Г. Луконин прочли надпись как «Собственность Дад(?) бурджмихра, сына Фарруха, сына Хусрава, судьи (города)...»⁵⁵⁰.

Диаметр блюда 22,5 см, высота 4,7 см, вес 459,7 г⁵⁵¹. Кольцевая ножка диаметром 7,8 см и высотой 1,1 см припаяна. Изображения выполнены в плоском, очень низком рельефе и детализированы резцом, иглой, чеканом и пунсонами. Позолочены 11 пар сердцевидных лепестков, рыбы, у чудовища — глаз, грива, хвост, растительный завиток на груди, части крыльев и пальцы лап, у женщины — волосы, ворот и края одежды, обувь, браслеты, флейта. Бордюр обрамлен двумя жгутами с косыми насечками. Промежутки между сердцевидными лепестками заполнены пунсонными кружками. Этот способ обработки фона в металле распространен с конца VII в.

Элементы позднесасанидского орнамента встречаем и при Омейядах (661—750 гг.). Цепочки из сердцевидных листиков имеются не только в иранском

серебре VI—VII вв.⁵⁵², но и в штучном декоре замка Каср ал-Хайр (около 730 г.)⁵⁵³, на мозаиках мечети Скалы в Иерусалиме (691—692 гг.)⁵⁵⁴, в резном штуче Варахши (рубеж VII—VIII вв.)⁵⁵⁵. Похожие водоемы с рыбами и болотные растения представлены в позднесасанидском серебре⁵⁵⁶ и в торефтике VIII в. (табл. 2; 4). Проработка туловища зверя характерна для VII в. Ср. оперение орла на блюде из с. Суда⁵⁵⁷, лапы и верхнюю часть крыльев Сенмурва на кувшине рис. 4, 1⁵⁵⁸. Ср. растительные завитки на туловище Сенмурва и на груди и хвосте зверя томьзского блюда (№ 61). Блюдо с Сенмурвом из Британского музея (рис. 4, 3)⁵⁵⁹ сходно с томьзским не только по форме, способу нанесения орнамента, плоскостности изображений с преобладанием гравировки, но и по передаче оперения, крыльев, лап, полупальметок. Стебли с тремя ягодками на бордюре блюда (рис. 4, 3) аналогичны стеблям в сердцевидных лепестках. На рубеже VII—VIII вв. оба блюда вышли из одного художественного центра. Ср. флейтистку с музыкантами на трех серебряных чашах VII—VIII вв.,

⁵⁵² Я. И. Смирнов, 1909, № 88, 90 (в ободках с косыми насечками), 95; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 15 (на колчане); Н. G. Farmer, 1966, рис. 3 и 4.

⁵⁵³ D. Schlumberger, 1939, табл. XLVII, 4.

⁵⁵⁴ E. Day, 1952, рис. 15.

⁵⁵⁵ В. А. Шишкин, 1947, стр. 239, рис. 24, 25.

⁵⁵⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 66, 95; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 37.

⁵⁵⁷ В. Ю. Лещенко, 1966, рис. 1.

⁵⁵⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 83. Золотой кувшин той же формы найден в Перещепинском комплексе второй половины VII в.

⁵⁵⁹ O. M. Dalton, 1964, табл. XL, 210.

⁵⁴⁷ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 6.

⁵⁴⁸ К. В. Тревер, 1947, стр. 127—128.

⁵⁴⁹ E. Herzfeld, 1932, стр. 150.

⁵⁵⁰ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 165.

⁵⁵¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 48.

найденных в Мазандаране (Археологический музей в Тегеране)⁵⁶⁰. Одинаковы сложные прически с валиками из волос⁵⁶¹, легкие одежды⁵⁶², позы обернувшихся назад фигур. Сосредоточение находок сасанидского и постсасанидского серебра в прикаспийских областях Гиляна, Мазандарана, Иранского Азербайджана (табл. 50, II) позволило К. В. Тревер высказаться в пользу местного происхождения некоторых сосудов (в том числе томьзского блюда)⁵⁶³.

Сюжет связан с культом Анахиты и иранской ипостаси Вахка. Для интерпретации важно блюдо VI—VIII вв. из парижской Национальной библиотеки. Судя по шаманским рисункам IX—X вв., оно найдено в Верхнем Прикаспье⁵⁶⁴. В центре — нагая женская фигура, обращенная к козлиноголовому крылатому зверю — аналогу чудовища томьзского блюда (рис. 3, I). Вокруг четыре пары служителей богини с посвященными дарами — ее культовыми атрибутами. Это те же дары — голубь, цветок, чаша с виноградом, сосуд на высокой ножке, которые несут жрицы Анахиты или танцовщицы-гверодулы при ее храмах на большой группе сасанидских кувшинчиков IV—V вв.⁵⁶⁵ Один из жрецов парижского блюда держит тирс — принадлежность вакхического культа⁵⁶⁶ — и факел (или переносной алтарь огня), так как Анахиту почитали богиней огненной стихии⁵⁶⁷. Голуби постоянно сопровождают ее изображения⁵⁶⁸, так же как цветок граната, лотос, различные плоды⁵⁶⁹. На парижском блюде показаны божества в серпе, так как в эллинистический, парфянский и сасанидский периоды Анахита ассоциировалась с лунарными богинями. Для ее сасанидской иконографии характерен шар, охваченный снизу полумесяцем. По сообщению Абу-Дулефа (X в.), купол храма в Шизе, центре почитания Анахиты, украшал серебряный полумесяц⁵⁷⁰. В послеведийский период культ луны стали связывать с богом Сомой (иранский Хаома) — олицетворением растения сомы⁵⁷¹. На парижском блюде один из жрецов несет ведро со священным наитком из сомы.

На связь богини томьзского блюда с почитанием водной стихии указывает изображение священного потока. По Авесте, храм Анахиты стоял на берегу озера⁵⁷². На бронзовом блюде из Государственного музея в Берлине источник Анахиты представ-

ляет собой четыре растения в вазах с павлинами по сторонам. Композиция вписана в круг с рыбами⁵⁷³. И. А. Орбели усматривал в звере, везущем богиню, одно из воплощений Тиштрия (Сириуса) — гонителя злых духов, распространяющих засуху⁵⁷⁴. Сама Анахита ассоциировалась с планетой Венерой⁵⁷⁵. Козлиноголовость чудовища может указывать на вакхические элементы ее культа⁵⁷⁶. Напомним, что Анахита — покровительница овец и рогатого скота⁵⁷⁷; ей поклонялись как «персидской Артемиде» — «госпоже зверей»⁵⁷⁸. Ср. табл. 25, 6, где подобный зверь служит «зооморфным престолом» богини. Органистический характер культа подчеркивает флейта Анахиты, подобная флейте Кибелы и Диониса — Пана — Марсия. Вместе с бубнами и трещотками флейта — постоянная принадлежность экзотических действий в честь малоазийской Горной Матери и Диониса⁵⁷⁹.

Как на бронзовом кувшине VIII—IX вв. из Эрмитажа (рис. 3, 2)⁵⁸⁰, Анахита изображена богиней вод и растений. Ее облик не совпадает с описанием Авесты, что легко объяснимо. Во-первых, канонизация богини прошла несколько этапов, с чем связаны изменения в ее иконографии и символах. Цветы, плоды, гранат и другие атрибуты получают распространение в искусстве Сасанидов с IV в., когда богиня воинов стала преимущественно богиней любви, вод и растений⁵⁸¹. Во-вторых, на протяжении всей истории сасанидского Ирана сосуществовали разные иконографические воплощения Анахиты. В прокламативном искусстве — на монетах и инвестируемых рельефах (Накш-и Рустам, 293 г.⁵⁸²; Так-и Бостан, около 600 г.⁵⁸³) — она предстает в каноническом образе богини династии, войны и победы, иконографически отождествленной с царицей царей Ирана⁵⁸⁴. Для утвари для пиров и культовых возлияний скорее подходил образ юной покровительницы всего живущего и произрастающего, более близкой народным земледельческим культам.

Декор блюда состоит из трех зон — воды, т. е. мирового океана; земли с ее растениями; светонесной сферы с Великой богиней — воплощающей зороастрийские представления о мироздании. Число растений соответствует понятиям Авесты о делении земного пространства на семь частей.

62. Блюдо с изображением горного козла. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточный Иран. VIII в. (табл. 5, I)

Диаметр 25 см, глубина 3 см, вес 825 г⁵⁸⁵. В медальоне диаметром 15 см в технике незамаскирован-

⁵⁶⁰ R. Ghirshman, 1957, табл. 3—5.

⁵⁶¹ Ср. прическу танцовщиц на постсасанидской ладьевидной чаше из галереи Уолтера в Балтиморе (R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 8, 9).

⁵⁶² Ср. одеяния и прически женщин на серебряном кувшинчике из Калар Дашт в Мазандаране (R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 13).

⁵⁶³ К. В. Тревер, 1947, стр. 128—129.

⁵⁶⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 40; F. Sarre, 1923, табл. 117.

⁵⁶⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 79—81; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 46, 47; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 1, 2, 5, 13.

⁵⁶⁶ Ср. тирс вакхического персонажа на сасанидском кувшинчике из галереи Фрир в Вашингтоне (R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 14). Чашу с виноградом держит едущий в колеснице Вах на сасанидском блюде того же собрания (там же, рис. 17).

⁵⁶⁷ S. Wikander, 1946, стр. 52 и сл.

⁵⁶⁸ L. I. Ringbom, 1957, стр. 6, 15, 17, 18; К. В. Тревер, 1959, стр. 322.

⁵⁶⁹ Ph. Ackerman, 1938b, стр. 794; В. Г. Луконин, 1969, стр. 97; Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 82.

⁵⁷⁰ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 106.

⁵⁷¹ Ригведа, стр. 300 (комментарий Т. Я. Елизаренковой).

⁵⁷² К. В. Тревер, 1969, стр. 48.

⁵⁷³ L. I. Ringbom, 1957, стр. 20—21, рис. 14—16.

⁵⁷⁴ В Яштах Тиштрия выступает в образе золоторогого быка или блистающего коня с алмыи ушами, золотой уздечкой (С. П. Толстов, 1948а, стр. 304).

⁵⁷⁵ Ph. Ackerman, 1938b, стр. 794.

⁵⁷⁶ Бронзовая фигура похожего зверя найдена на р. Хильменд в Афганистане (O. M. Dalton, 1964, табл. XXV).

⁵⁷⁷ Ph. Ackerman, 1938b, стр. 794.

⁵⁷⁸ E. O. James, 1959, стр. 95.

⁵⁷⁹ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 397.

⁵⁸⁰ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 71. Между козлиноголовыми животными помещен цветок лотоса — атрибут Анахиты. Ср. с лотосами на сасанидских печатях (Ph. Ackerman, 1938b, стр. 795, табл. 256H).

⁵⁸¹ В. Г. Луконин, 1969, стр. 97.

⁵⁸² Там же, рис. 17.

⁵⁸³ R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 11.

⁵⁸⁴ В. Г. Луконин, 1969, стр. 84, 146.

⁵⁸⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 108.

ного чекана с оборота изображен горный козел. С лицевой стороны плоский рельеф разработан гравировкой. Фон медальона позолочен. Выпуклая рамка покрыта косыми насечками.

В. Г. Луконин отнес блюдо к позднесасанидским⁵⁸⁶. По Б. И. Маршаку, оно относится к третьему этапу согдийской торевтики школы А (первая половина VIII в.)⁵⁸⁷.

63. Чаша с изображением розетки. Серебро. Чеканка, позолота. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 13, 2)

Диаметр 21,2 см, высота 4 см⁵⁸⁸. Кольцевидный поддон диаметром 8,7 см и высотой 0,5 см припаян. На дне в круге диаметром 8,5 см — чеканенная с оборота восьмилепестковая розетка (позолочена).

По розетке в рамке из рельефных кружков чаша входит в группу сосудов табл. 11—14. Аналогична чаше табл. 13, 3.

64. Чаша с изображением виноградной лозы. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Средняя Азия. Вторая половина VIII—IX в. (табл. 22, 3, 4)

Диаметр 16,3 см, высота 3,5 см⁵⁸⁹. Диаметр припаянной кольцевой ножки 6,7 см, высота 0,5 см. Чаша тонкостенная, с широким валиком по внутренней стороне венчика. Орнамент нанесен чеканом снаружи, где получился углубленный рисунок. Фон густо заполнен мелкими выпуклыми кружками (снаружи вдавлены) — техника, как на некоторых византийских сосудах⁵⁹⁰. Орнамент позолочен. Он представляет собой стебель, образующий восемь завитков с виноградными листьями и продолговатыми гроздьями (без обозначения ягод). В медальоне на дне — композиция из четырех пальметок внутри замкнутых стеблей, соединенных перехватами.

Б. И. Маршак отметил сходство виноградной лозы на блюде табл. 22, 1 и пальметок с перехватами в основании на сосудах табл. 9, 4—8; 11, 1⁵⁹¹. Мотив виноградной лозы, популярный в эллинистическом и раннехристианском искусстве, в раннеисламской орнаментике все более стилизуется. В искусстве Восточного Средиземноморья и Месопотамии (например, на резных деревянных панелях второй половины VIII в. из Такрита)⁵⁹² варианты лозы далеки от орнамента на чаше.

65. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка, позолота. Средняя Азия. Вторая половина VIII—начало IX в. (табл. 8, 5, 6)

Диаметр горла 12,5 см, высота 9,3 см, вес 453,4 г⁵⁹³. Ножка диаметром 6 см с окаймлением из перлов припаяна. На тулове выгравирован фриз из восьми пальметт на пунсонном фоне, на горле — пальметки с длинными волнистыми стеблями (переработанный танский мотив «облаков»)⁵⁹⁴. Припаянная ручка состоит из массивного кольца и горизонтальной на-

кладки с рельефным изображением пьющего «Силена» (ср. табл. 8, 4).

Орнамент сочетает черты различных школ. По фигуре «Силена» кружка примыкает к сосудам табл. 5 и 8. Похожие фризы из пальметт см. на табл. 16. Позолоченный орнамент на гладком фоне (горло кружки) появился в танском металле к середине VIII в.⁵⁹⁵

66. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—начало IX в. (табл. 17, 7, 8)

Высота 53 см, диаметр 9 см, диаметр поддона 4,5 см⁵⁹⁶. Край имеет утолщенный валик. Шестигранный поддон с окаймлением из перлов припаян. Тулово разбито на 12 заостренных книзу ложчатых лопастей (по шесть в ряду). Они украшены трехлепестковыми цветками с отходящими от них побегами. Фон заполнен мелкими кружками. Такой же орнамент на щитке перстневидной ручки.

67. Кружка с изображением птиц и растений. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—начало IX в. (табл. 17, 3—6)

Высота 6,7 см, диаметр 10 см⁵⁹⁷. Шестигранный поддон с кругом перлов припаян. Тулово состоит из 12 ложков с гравированным и позолоченным орнаментом на пунсонном фоне. По краю выгравирован фриз из треугольников. Между ложками позолоченные полосы. В верхних шести ложках (от ручки по часовой стрелке): 1) две птицы, летящие к растению; верхние ветки — с виноградными гроздьями; 2) виноградная лоза; 3) две птицы, летящие к растению; 4) птица, защищающая от змеи гнездо с двумя птенцами; 5) две птицы, летящие к растению; 6) растительные мотивы. В нижних шести ложках: 1) птица над веткой; 2) две птицы друг над другом; 3) три летящие птицы; 4) птица со змеей в клюве; 5) идущая птица; 6) летящая птица. Такие же одиночные птицы на дне кружки и в медальоне накладке перстневидной ручки.

Согласно В. Г. Луконину, кружки № 66 и 67 восточноиранские VIII в. (исполнены под центральноазиатским влиянием)⁵⁹⁸. По Б. И. Маршаку, они укладываются в типологические ряды танского серебра, хотя манера декора отлична от китайской, а форма близка панджикентским кружкам VIII в. В ту же школу С согдийской торевтики Б. И. Маршак включил светильник табл. 18, 5, 6⁵⁹⁹. При Средней Тан (755—820 гг.) становится обычным применением позолоты для выделения орнамента на гладком фоне (птица на дне)⁶⁰⁰. Вписанные в пейзаж летящие птицы — мотив, излюбленный в танском металле⁶⁰¹. В символическом орнаменте Китая две птички — символ супружеского согласия.

68. Фрагменты ведерка с лепестковым орнаментом. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 11, 4)

⁵⁸⁶ В. Г. Луконин, 1967, рис. 144.

⁵⁸⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 22.

⁵⁸⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 103.

⁵⁸⁹ Там же, № 121.

⁵⁹⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 62. Ср. византийскую чашу VII—начала VIII в., найденную в 1838 г. в Залесье Тернопольской обл. (E. Cruikshank Dodd, 1961, № 101).

⁵⁹¹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 36, 55.

⁵⁹² М. С. Дитанд, 1937, стр. 294, рис. 3.

⁵⁹³ Я. И. Смирнов, 1909, № 110.

⁵⁹⁴ В. Gyllensvärd, 1957, рис. 54.

⁵⁹⁶ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

⁵⁹⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 112.

⁵⁹⁸ Там же, № 113.

⁵⁹⁹ В. Г. Луконин, 1967, рис. 153, 155.

⁶⁰⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 27, 47.

⁶⁰¹ Там же, стр. 48.

⁶⁰² В. Gyllensvärd, 1957, рис. 62, p—u; 67.

От ведра уцелели мелкие обломки верхней части корпуса и центральная часть дна⁶⁰². В Эрмитаже сосуд частично реставрирован⁶⁰³.

Ведро кованое, тонкостенное, цилиндрической формы. Диаметр около 20 см. Снаружи по краю выгравирован растительный орнамент на пунсонном фоне. Ниже гладкий валик, а под ним бордюр из трех рядов крупных лепестков. Они чеканены с оборота и снаружи заштрихованы. На дне — рельефная восьмилепестковая розетка в рамке из выпуклых кружков.

Б. И. Маршак отнес ведро к четвертому этапу школы В согдийской торевтики⁶⁰⁴. По лепестковому орнаменту — вариации танского — оно изготовлено после середины VIII в. Входит в группу сосудов табл. 11—14.

ПРИКАМЬЕ

(без точной локализации)

69. Блюдо с изображением царя, охотящегося на львов. Серебро. Гравировка, позолота. Восточный Иран. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 6, 1)

Поступило в Эрмитаж из собрания Строганова. Фигура шамана с саблями, врезанная на оборотной стороне⁶⁰⁵, а также история строгановской коллекции, в основном составленной из находок в его имениях, свидетельствуют, что блюдо происходит из Верхнего Прикамья (найдено до 1860 г.) Антропоморфная фигура в позе ритуального танца входит в группу шаманских рисунков, которые по саблям салтовского типа датируются IX—X вв. (см. Приложение 2).

Диаметр блюда 25,7 см, высота 3,5 см⁶⁰⁶. Кольцевой поддон припаян (диаметр 10,6 см, высота 0,9 см). Фигуры выполнены техникой снятия серебра в плоском низком рельефе и разработаны резцом и кружковыми пунсонами. Фон позолочен. Над головой царя — отверстие для подвешивания блюда.

Я. И. Смирнов отнес его к VIII—X вв.⁶⁰⁷ По Ф. Зарре, это — индийское или центральноазиатское подражание сасанидской модели⁶⁰⁸. Согласно К. Эрмманну, в основе композиции лежит сасанидский прототип, прошедший несколько стадий переработки. По короне с крыльями (появилась при Варахране II, 276—293) он восходит к III в., а копия едва ли старше VIII—IX вв. Об образце отдаленно напоминают завитая колечками борода, волосы, собранные в шар, серьги, широкие штаны, большие кисти на конской сбруе. Для сравнения с сасанидскими композицию следует перевернуть зеркально⁶⁰⁹. Ср. позу коня на блюде Британского музея (Варахран V на львиной охоте)⁶¹⁰, расположение фигур — с композицией на блюде с Шапуром II (309—379)⁶¹¹. По И. А. Орбели, на блюде,

которое он датировал IX—X вв., представлен подвиг Бахрам Гура⁶¹². М. М. Дьяконов считал его произведением Согда (VII в.)⁶¹³; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель — среднеазиатским (IX—X вв.)⁶¹⁴. К пятому этапу согдийской торевтики школы А (рубеж VIII—IX вв.) отнес блюдо Б. И. Маршак⁶¹⁵.

Некоторые детали сближают его с восточноиранскими блюдами рубежа VII—VIII вв. (табл. 2; 3). Ср. позу, трактовку гривы и хвоста льва со львом табл. 2. Вихревые розетки и та же передача завитков гривы у льва табл. 4, 2.

О послесасанидском времени свидетельствуют стрелы. Серьги с подвеской-стерженьком, на который насажены бусы, напоминают серьги салтовского типа (VIII—IX вв.)⁶¹⁶. Чередование в конской сбруе крупных бубенчиков и кистей (сильно искаженных) характерно для центральноазиатского снаряжения VII—VIII вв. и Копенского чаатаса⁶¹⁷. На сасанидских охотничьих блюдах нагрудный и подхвостный ремни украшены крупными фаларами. Большой круглый чепрак см. на буидской медали с соколиной охотой (вторая половина X в.)⁶¹⁸. В отличие от сасанидской моды грива коня не подстрижена зубцами, а хвост не завязан узлом.

70. Блюдо со сценой царского пира. Серебро. Гравировка, позолота. Восточный Иран. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 6, 2)

Как и предыдущее, найдено до 1860 г. при неизвестных обстоятельствах. Поступило в Эрмитаж в 1911 г. в качестве дара княгини М. Г. Щербатовой — наследницы Г. С. Строганова⁶¹⁹. Строганов приобрел блюдо у купца в Петербурге. Судя по шаманским рисункам IX—X вв. (две антропоморфные фигуры, лось, медведь и персонаж с мордой зверя и конечностями человека)⁶²⁰, оно происходит из Верхнего Прикамья (по данным И. Р. Аспелина, из Перми)⁶²¹.

Диаметр блюда 25,8 см, глубина 3,1 см, диаметр кольцевой ножки 10,8 см⁶²². Фигуры выполнены в технике снятия серебра, с лицевой стороны детализированы резцом и кружковыми пунсонами разного размера. Фон был позолочен. Над головой царя — отверстие для подвешивания блюда.

Царь с чашей (ср. царя на блюде табл. 6, 1) сидит по-восточному на узорчатом ковре. На крылатой короне полумесяц. Волосы, перевязанныеazole ушей, свободно спадают на плечи. На царе подпоясанный кафтан из плотной материи; нижняя более тонкая одежда собрана трубчатыми складками (ср. складки на блюде табл. 6, 1). Грудь и плечи покрывает «пелерина» (ср. «пелерины» в таких же складках на хорезмийских чашах табл. 26). Нимб — наследие сасанидской иконографии (по Б. И. Мар-

⁶¹² J. Orbeli, 1938, стр. 729.

⁶¹³ М. М. Дьяконов, 1954, стр. 139.

⁶¹⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 153.

⁶¹⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 23.

⁶¹⁶ С. А. Плетнева, 1967, табл. IV; А. К. Амброс, 1971а, рис. 8, 28.

⁶¹⁷ Л. А. Естюхова, С. В. Киселев, 1940, стр. 36, рис. 17, 18; Б. И. Маршак, 1971, стр. 88.

⁶¹⁸ М. Bahrami, 1952, рис. 1.

⁶¹⁹ Н. Макаренко, 1911, стр. 35.

⁶²⁰ А. А. Спицын, 1906, стр. 47, рис. 21—23, 25, 26.

⁶²¹ J. R. Aspelin, 1877, № 608.

⁶²² Я. И. Смирнов, 1909, № 64.

⁶⁰² Я. И. Смирнов, 1909, № 313.

⁶⁰³ Б. И. Маршак, 1971, рис. 17.

⁶⁰⁴ Там же, стр. 26.

⁶⁰⁵ А. А. Спицын, 1906, стр. 49, рис. 51.

⁶⁰⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 63.

⁶⁰⁷ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXX.

⁶⁰⁸ F. Sarre, 1923, табл. 113.

⁶⁰⁹ К. Erdmann, 1936, стр. 226; Он же, 1951, стр. 97.

⁶¹⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 54.

⁶¹¹ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 6.

шаку, влияние буддийской)⁶²³ — символизирует «божественную благодать», осеняющую властителя. Однако нимбы у остальных фигур свидетельствуют о частичной потере этим атрибутом религиозного значения, что произошло в аббасидское время⁶²⁴. В сасанидской иконографии второстепенные персонажи всегда без нимбов. Львы под тронном аналогичны львам на блюде табл. 6, 1. Двое предстоящих царю даны в условной позе, ставшей шаблоном в исламском искусстве. Вряд ли это слуги⁶²⁵. Хотя они простоволосы, но в остальном одеты, как и царь. У одного из них длинный шарф, аналогичный шарфу на поясе царя блюда табл. 6, 1. Пояса прислуживающих снабжены подвесными ремешками. Правый подносит плод граната и кувшин, левый — какой-то предмет на ручке, похожий на ковш. Ниже сидят двое музыкантов. Один играет на четырехструнной грушевидной лютне с коротким грифом с сильно отогнутой головкой. Лютневидные инструменты, распространенные на античном Востоке, сохранили популярность и в мусульманском мире. О четырехструнной лютне пишет Халид ибн ал-Файяд (рубеж VII—VIII вв.)⁶²⁶. Другой музыкант перебирает пальцами по боковым отверстиям продольной флейты. По совокупности признаков блюдо ближе всего к блюду табл. 6, 1.

Д. И. Смирнов датировал его VIII—X вв.⁶²⁷, Я. Стржиговский — сасанидским временем (отметил влияние тюрок Центральной Азии)⁶²⁸.

По И. А. Орбели, оно постсасанидское (VIII—IX вв.?)⁶²⁹. Согласно М. Диманду, тип лиц, особенно и одежд и «китайский» орнамент ковра указывают на центральноазиатское происхождение⁶³⁰. По мнению Р. Гиришмана, корона, хотя и состоит из сасанидских элементов, чисто фантастическая, с сильной деформацией крыльев. Положение ступни царя напоминает о буддийской иконографии, а орнамент ковра — дальневосточный⁶³¹. На основании сравнений с пянджикентской живописью М. М. Дьяконов связал блюдо с Согдом⁶³². В пользу среднеазиатской атрибуции высказались и другие исследователи⁶³³. Б. И. Маршак включил его в число созданных в пятом этапе школы А⁶³⁴.

О времени не ранее VIII в. говорят совпадения в росписях Пянджикента («пелерины» и близкие салтовским серьги, крылатые короны с перьями-завитками)⁶³⁵. Танские параллели цветам на ковре (рис. 5, 7) могли появиться с конца VIII в.⁶³⁶ Форма кувшина с отогнутым вверх носиком относительно поздняя. Отмечено сходство лиц придворных и му-

зыкантов с лицами в живописи Самарры (836—839 гг.)⁶³⁷. Совпадают и такие принадлежности костюма, как «пелерины»⁶³⁸. Тип лица царя, крылатая корона отдаленно напоминают портрет буидского правителя Адуд ад-даула (949—983) на медали 970 г., чеканенной в Фарсе⁶³⁹. Об аббасидском времени свидетельствует и композиция в той же схеме, как на медалях Аббасидов и Буидов и примыкающих к ним медальонах X в.⁶⁴⁰

Сюжет напоминает касиду Рудаки (около 860—941): «Пир надо устроить царственный, украшенный розами, жасмином и яркими цветами! Золотая парча, изысканные ковры, лучшие ароматные травы, троны в изобилии. . . Царь восседает на троне на почетном месте, царь царей мира, эмир Хорасана. . .»⁶⁴¹. По-видимому, пир устроен в честь праздника осеннего равноденствия—Михраджана (Мехргана). «После Ноуруза нет праздника больше этого; так же как существует Ноуруз простонародья и Ноуруз знати, имеется Мехрган простонародья и Мехрган знати, и праздник этот справляют шесть дней. . . Цари в этот день надевали золотые короны, на которых были изображены знаки величия. . . И люди, которые в этот день первыми приходили к царю, были жрецы, приносящие с собой угощение, состоявшее из сахара, помаранцев, яблок, айвы, гранат, ягоды аннаб, белого винограда, потому что персидский обычай таков, что в этот день каждый должен поесть этих плодов, и помазаться маслом, и обрызгать себя и друзей розовой водой, и от него в этом году отстранятся различные бедствия и напасти. . .»⁶⁴². Науруз (Ноуруз) и Михраджан — два зороастрийских праздника, разрешенных исламом. Их символика продолжала жить вполне «официально». Царь — главная фигура обоих празднеств. В обрядности Михраджана особое значение имел гранат — эмблема плодородия. «Кто отведал гранаты и понюхает розовой воды в день Михраджана, отстранит от себя много горя»⁶⁴³. Большой плод граната лежит слева от царя. Гранат и кувшин (с розовой водой?) подносит приближенный. Возможно символическое значение цветка лотоса под ковром.

71. Кувшин с изображением музыкантов. Серебро. Гравировка. Восточный Иран. Вторая половина VIII—IX в. (табл. 7)

Найден до 1873 г. в Пермской губ. С 1890 г. хранится в Археологическом музее Лиона.

Высота кувшина около 30 см⁶⁴⁴. Стилистически и по мелким деталям примыкает к блюду табл. 6, 4. Горло и нижняя часть тулова каннелированные. Ручка припаяна. Фигуры музыкантов и растения в трех медальонах выполнены в плоском рельефе и детализированы гравировкой. В двух треугольных промежутках между медальонами (внизу) — коленапреклоненный мужчина с чашей (?) и цветком (или плодом).

Я. И. Смирнов считал кувшин раннеисламским подражанием сасанидскому⁶⁴⁵. По Б. И. Маршаку,

⁶²³ Б. И. Маршак, 1971, стр. 59.

⁶²⁴ Г. Stchoukine, 1936, стр. 135.

⁶²⁵ Слуг в сценах пира сасанидской редакции изображали со скрещенными на груди руками и завязанным ртом (Я. И. Смирнов, 1909, № 66; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 16).

⁶²⁶ Н. С. Farmer, 1966, стр. 20, рис. 5.

⁶²⁷ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXX.

⁶²⁸ J. Strzykowski, 1917, стр. 157—158.

⁶²⁹ J. Orbeli, 1938, стр. 731.

⁶³⁰ M. S. Dimand, 1941, стр. 200.

⁶³¹ R. Ghirshman, 1953, стр. 59—60, рис. 11.

⁶³² М. М. Дьяконов, 1954, стр. 139.

⁶³³ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 152 (датировали блюдо IX—X вв.).

⁶³⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 23.

⁶³⁵ М. М. Дьяконов, 1954, стр. 139; Б. И. Маршак, 1971, стр. 39, 41.

⁶³⁶ Там же, стр. 48.

⁶³⁷ R. Ettinghausen, 1942, рис. 22.

⁶³⁸ Н. С. Farmer, 1966, рис. 17.

⁶³⁹ M. Bahrami, 1952, рис. 2.

⁶⁴⁰ Там же, рис. 1, а; 3, а; 4, а.

⁶⁴¹ Е. Э. Вертельс, 1939, стр. 27.

⁶⁴² Садек Хедаят, 1958, стр. 312.

⁶⁴³ К. А. Иностранцев, 1908, стр. 199.

⁶⁴⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 65.

⁶⁴⁵ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXX.

он относится к шестому этапу школы А (начало IX в.), локализующейся в Средней Азии или Восточном Иране. Он сопоставил декор с омейядским и аббасидским, а каннелюры — с орнаментом на кружке табл. 18, 2—4⁶⁴⁶.

В одном из медальонов — лютнистка, играющая плектром на четырехструнной лютне. Напротив женщина с духовым инструментом типа шана. Он состоит из чашеобразного корпуса, длинного изогнутого мундштука для вдувания воздуха и семи звучащих трубок. Нежные певучие звуки шана хорошо гармонировали с камерным звучанием лютни. С таким же ручным органом изображена музыкантша на чаше VII—VIII вв. из Мазандарана⁶⁴⁷; он известен в рельефах Так-и Бостана⁶⁴⁸ и в росписях Турфанского княжества⁶⁴⁹. В другом медальоне арфистка перебирает струны угловой арфы. Массивный резонатор арфы, плавно загибаясь, заостряется к концу. Рядом флейтистка с продольной флейтой. В третьем медальоне — барабанщица с двусторонним барабаном, висющим на ремнях. Барабан состоит из двух полых усеченных конусов (один больше, другой меньше), соединенных меньшими окружностями. На концевые раструбы наложена кожаная мембрана, край которой загнут на корпус и перехвачен кожаными браслетами. Мембрана равномерно натянута ремнями, идущими к срединному перехвату. Ранее изображение двустороннего барабана см. в росписях Топрак-калы (рубеж III—IV вв.), они многочисленны в раннефеодалном искусстве Ирана⁶⁵⁰, Средней Азии и Восточного Туркестана⁶⁵¹. Напротив барабанщицы женщина с гранатовым яблоком и кувшином. У всех фигур нимбы с узорными краями.

Наряду с мужскими истари известны на Востоке женские инструментальные ансамбли (топраккалинское трио девушек-музыкантш); смешанных составов не было⁶⁵². Оркестр включает пять струнных, ударных и духовых инструментов, каждый из которых имеет длительную предысторию. Судя по памятникам искусства, подобный ансамбль особенно характерен для VII—IX вв., когда сходные типы инструментов бытовали от Сирии до Китая. На всем протяжении «Великого шелкового пути» происходил интенсивный взаимообмен в области материальной и духовной культуры. Изобретения, возникавшие в определенном регионе, за короткий срок становились всеобщим достоянием. Внешние воздействия способствовали прогрессу стран и областей, подготовленных к усвоению достигнутых другими успехов. В тот период музыкальная культура Востока развивалась вне локальных границ, чему немало способствовали странствующие группы певцов, музыкантов и скоморохов⁶⁵³. Мужские и женские ансамбли, сходные по составу инструментов, выступали перед шаханшахами позднесасанидского Ирана (рельефы Так-и Бостана, чаши из Мазандарана)⁶⁵⁴, на пирах согдийских дикхан (живопись Пянджи-

кента)⁶⁵⁵, перед омейядскими халифами (фрески Каср ал-Хайр ал-Гарби в Сирии)⁶⁵⁶ и владельцами Турфанского княжества (росписи Восточного Туркестана)⁶⁵⁷. Те же инструменты были популярны в танском Китае.

Торевт акцентировал внимание на высотном интонировании звуков. Арфистка перебирает короткие, близкие к углу инструмента струны, которые дают высокое звучание. Лютнистка укорачивает струны там, где звучание их высоко, — в месте соединения грифа с корпусом. Барабанщица ударяет ладонью по мембране меньшего диаметра, которая издавала высокий звук. Аналогичные наблюдения по отношению к топраккалинской росписи привели Р. Л. Садокова к выводу, что музыканты, ведущие партию в унисон, достигли кульминации в исполнении музыкального произведения, которая всегда выражается наиболее высоким звуком или системой их⁶⁵⁸. Музыка, вероятно, сопровождает празднование Михраджана. Пирующий и девушка в медальоне поднимают плод граната — атрибут этого праздника.

72. Блюдо с растительным орнаментом. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии (?). VIII в. (табл. 18, 1)

По сведениям И. Р. Аспелина, блюдо происходит из Перми⁶⁵⁹. Куплено Г. С. Строгановым у московского купца Сироткина. В 1911 г. подарено митажу княгиней М. Г. Щербатовой⁶⁶⁰.

Диаметр блюда 22,2 см, высота 5 см⁶⁶¹. Диаметр припаянной кольцевой ножки 9,6 см, высота 2,7 см. Орнамент в центре дна чеканен снаружи в плоскости рельефе, с лицевой стороны проработан резцом и позолочен.

Загнутые листочки у центрального цветка-розетки и наружные листья «облака» на двойных прогнутых стеблях близки узорам танской керамики и металла⁶⁶². Построение узора также находит такские параллели (рис. 5, 10)⁶⁶³.

Клад из Коми-Пермяцкого нац. округа

По акту от 9 сентября 1935 г. Эрмитаж получил из окружного музея в Кудымкаре три серебряных сосуда, переданных в Отдел Востока. По-видимому, они найдены на территории Коми-Пермяцкого нац. округа.

73. Кружка. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. VIII в.

Тождественна кружке табл. 19, 1.

Высота 12,5 см, диаметр горла 6,5 см. Кружка погнута, фрагменты стенок и ручка утрачены.

74. Кружка с изображением джейрана. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней

⁶⁴⁶ Б. И. Маршак, 1971, стр. 23, 33, 65.

⁶⁴⁷ R. Ghirshman, 1957, стр. 77, табл. 5, 10.

⁶⁴⁸ Taq-i Bustan, 1969, табл. XCVI.

⁶⁴⁹ A. Grünwedel, 1912, стр. 212, рис. 664.

⁶⁵⁰ На рельефах Так-и Бостана (Е. Н. Рокк, 1969, табл. V).

⁶⁵¹ Р. Л. Садоков, 1970, стр. 103—107.

⁶⁵² Там же, стр. 122—123.

⁶⁵³ Н. И. Конрад, 1966, стр. 355—356.

⁶⁵⁴ Н. Г. Фармер, 1966, рис. 1—4; R. Ghirshman, 1957.

⁶⁵⁵ Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. XI. Изображены дуговая арфа, лютня и флейта Пана — инструменты, которые перечисляет Хроника Бейши (VII в.) у жителей Кана (Самарканда): «Есть большие и малые бубны, гитара, пятиструнные гусли, флейта» (Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 271).

⁶⁵⁶ Н. Г. Фармер, 1966, рис. 16.

⁶⁵⁷ A. Grünwedel, 1912, стр. 212, рис. 664.

⁶⁵⁸ Р. Л. Садоков, 1970, стр. 124.

⁶⁵⁹ J. R. Aspelin, 1877, № 616.

⁶⁶⁰ Н. Макаренко, 1911.

⁶⁶¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 99.

⁶⁶² Б. И. Маршак, 1971, стр. 49.

⁶⁶³ B. Gyllensvärd, 1957, рис. 96, n; табл. 20, b.

Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 18, 7)

Диаметр кружки 9,5 см, высота 4,5 см. Корпус разделен на шесть ложков, украшенных растительным орнаментом. Поддон утрачен. От ручки сохранилась горизонтальная накладка с медальоном. Аналогичный гравированный узор на пунсонном фоне см. на табл. 16, 5—7. На дне — гравированная и позолоченная фигура лежащего джейрана.

В. Г. Луконин отнес кружку к VIII в.⁶⁶⁴, Б. И. Маршак — к школе С (VIII в.)⁶⁶⁵. По форме близка кружкам и светильникам табл. 17; 18, 5, 6.

Следы почитания джейрана сохранились у белуджей. Череп джейрана вешали над дверью в жилой комнате; в виде его рогов изготавливали женские амулеты; целебными свойствами наделяли и шкуру животного.

75. Кружка с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—IX в.

Высота кружки 6,8 см, диаметр 9,2 см. Она массивная, цилиндрическая, со слегка вогнутыми стенками и выпуклым дном. Поддон утрачен. В верхней части тулова — гравированный фриз из листьев на пунсонном фоне. На щитке перстневидной ручки — рельефное изображение лежащего льва.

По форме близка кружкам табл. 16, 4—7, по орнаменту — ложчатым кружкам и светильникам табл. 17; 18, 5, 6.

76. Светильник с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка, позолота. Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан). Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 18, 5, 6)

Приобретен Эрмитажем в 1904 г. у А. С. Вельяминовой-Зерновой. Найден в Бятской губ.

Высота светильника 5,8 см, диаметр сверху 8,6 см⁶⁶⁶. Он массивный, литой, ложчатый (благодаря трем выступающим рожкам). Между рожками припаяны три кольцевидные ручки (одна отломана). На фигурных накладках ручек — позолоченные медальоны с гравированными птицами. Треугольная в сечении ножка с окаймлением из перлов припаяна. Снаружи светильник покрыт сплошным растительным орнаментом на фоне из мелких кружков (был позолочен). На дне — такой же гравированный и позолоченный узор с двумя летящими птицами. На двух накладках ручек процарапаны знаки тюркского рунического письма (?).

По танским аналогиям Б. И. Маршак отнес светильник к рубежу VIII—IX вв.⁶⁶⁷ Лепестковый орнамент распространился после середины VIII в. По сравнению с кружками табл. 17, 3—8 происходит усложнение трехлепесткового цветка, из-за которого выходят расходящиеся побеги⁶⁶⁸. Зубчатый край лепестков, заполнение мелкими кружками их середины сближают светильник с сосудами табл. 6, 4; 7 (рис. 5, 7, 8).

77. Кувшин с изображением павлинов. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. X—начало XI в. (табл. 28, 2—4)

Вероятно, найден в Пермской губ. Около 1870 г.

приобретен на Нижегородской ярмарке. Поступил в Эрмитаж из собрания Строганова.

Высота кувшина 16 см, диаметр горла 9 см, диаметр тулова 11 см⁶⁶⁹. На нем много вмятин и трещин, отдельные куски склеены при реставрации. У кувшина шаровидное тулово, расширенное кверху горло и низкий поддон с закраиной. Ручка отломана. Орнамент выгравирован на позолоченном фоне. Глаза птиц и кружки на лапках выполнены пунсоном. В медальонах, образованных лентами плетенки, — павлины с листьями в клювах. В верхней части тулова — круговая надпись почерком процветший куфи:

ابو سعيد عراق بن الحسين مولى امير المو منين

«Абу (?) Саид Арак ибн ал-Хусейн, клиент Повелителя Правверных» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Слово «Арак» может быть прочтено по-другому: Азак, Азаф и т. п. Первое слово «Абу» неясно. Перед «ал-Хусейн» пропущен *алиф*, то же перед титулом халифа.

М. ван Бершем, сравнивший стиль букв с сирогипетскими надписями IV—V вв. хиджры, отнес кувшин к середине аббасидского периода⁶⁷⁰. М. Диманд, сопоставив его форму со стеклянными кувшинчиками из Нишапура, пришел к выводу, что кувшин исполнен не позднее X в. в Иране (Хорасане?)⁶⁷¹. Э. Кюнель сближил его с будскими золотыми кувшинами второй половины X в.⁶⁷² Аналогичные формы известны в бронзе (кувшинчик из коллекции Кеворкяна в Нью-Йорке)⁶⁷³ и среди поливной посуды X в.⁶⁷⁴

Кувшин входит в одну группу с сосудами табл. 27; 28, 1. С подносом табл. 28, 1 его сближают ленточные плетения и треугольники с «перьями» (между медальонами). Все три сосуда объединяет перистый орнамент на бордюрах и на туловищах зверей и птиц — модификация танского (см. ниже рис. 11).

78. Поднос с изображением сенмурвов. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. X—начало XI в. (табл. 28, 1)

Судя по шаманскому рисунку рыбы, поднос найден в Прикамье. С 1890 г. хранился в собрании М. П. Боткина в Петербурге. Ныне находится в Исламском отделении берлинских музеев.

Поднос восьмиугольный. Размеры 35,8×35,8 см, высота 3 см⁶⁷⁵. Между горизонтальным бортиком и дном полукруглый валик с перистым орнаментом. С оборота края подноса укреплены толстой серебряной пластиной на заклепках. Более поздняя петелька для подвешивания. Контуры фигур вырезаны глубокими линиями, в их заполнении преобладают «перья». Ленточная плетенка образует центральный круг с Сенмурвом и восемь переплетающихся вокруг него медальонов, в которых чередуются сенмурвы и растения. По бортику выгравированы 24 одинаковых сенмурва. Фон в центральном медальоне и вогнутая полоса между бортиком и валиком позолочены.

⁶⁶⁴ В. Г. Луконин, 1967, рис. 162.

⁶⁶⁵ Б. И. Маршак, 1971 (дополнение).

⁶⁶⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 291.

⁶⁶⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 47 со ссылкой на кн.: В. Gyllensvärd, 1957, табл. 12, с; 20, а.

⁶⁶⁸ Б. И. Маршак, 1971, стр. 27.

⁶⁶⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 127.

⁶⁷⁰ М. van Berchem, 1909, стр. 403.

⁶⁷¹ М. S. Dimand, 1941, стр. 201. Ср. стеклянный кувшинчик IX—X вв. из Эрмитажа (Культура и искусство народов Советского Востока, рис. на стр. 44).

⁶⁷² E. Kühnel, 1956, стр. 84.

⁶⁷³ R. Ettinghausen, 1940, рис. 21.

⁶⁷⁴ SPA, VI, 1938, табл. 576B.

⁶⁷⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 126; SPA, IV, 1938, табл. 238.

По аналогии с кувшином табл. 28, 2—4 Я. И. Смирнов датировал поднос XI—XII вв.⁶⁷⁶ По Ф. Зарре, он исполнен в VIII—X вв. как подражание сасанидскому образцу⁶⁷⁷. К. Эрдманн сблизил стиль декора с иранской керамикой типа габри IX—XI вв.⁶⁷⁸

Я. И. Смирнов считал, что поднос и кувшин табл. 28, 2—4 вышли из одной мастерской⁶⁷⁹. Тожественны плетения и детализация зооморфных фигур, растений и лент: «перья», частая штриховка (в местах соединения медальонов), скобовидный орнамент, пунсонные кружки. Похожи птичьей головы на кувшине и под крыльями сенмурвов в меньших медальонах.

Мотив стилизованной сосновой шишки (в четырех медальонах) унаследован аббасидским орнаментом от омейядского (Мшатта). В резьбе по дереву шишки сосны комбинировали в различных сочетаниях или помещали на листьях (мимбар мечети Сиди-Укба в Кайруане конца VIII в.; панели, найденные в Такрите, севернее Багдада, второй половины VIII в.; панели из Египта конца VIII в.). В исламской орнаментике мотив шишки пинии наиболее популярен между VII и IX вв.⁶⁸⁰ На подносе он выродился в схему, далекую от исходного прототипа.

Омертвлением форм отличаются и фигуры сенмурвов, что связано с забвением их семантики. Части тела полиморфного монстра предельно искажены, так как мастер копировал не сасанидский, а какой-то промежуточный образец. У центральной собаки опущен нос. Оба поднятых крыла имеют общее круглое основание. Лишен смысла завиток позади крыльев. Беспорядочные лапы на месте лопаток переходят в петли. На брюхе сенмурвов в меньших медальонах — выступ в виде перевернутой птичьей головы. К орнаментальной схеме сведены мелкие сенмурвы на бортике.

79. Чаша с изображением четырехрукой богини. Серебро. Чеканка, гравировка. Хорезм. Первая половина VIII в. (табл. 26, 3, 4)

Куплена на Нижегородской ярмарке в 1875 г. Очевидно, найдена на Урале. Принадлежала княгине Гагариной в Москве. В 1877 г. приобретена Британским музеем.

Диаметр 12,5 см, высота 4,4 см⁶⁸¹. Выкована из тонкого листа серебра. У венчика с внутренней стороны широкий валик. К округлому дну был припаян кольцевой поддон диаметром 8 см. Богиня на льве и кольцо вокруг нее чеканены в рельефе и детализированы с лицевой стороны тонкой чеканкой и гравировкой. Снаружи по краю чаши вырезана хорезмийская надпись с датой: «год 700. . .»⁶⁸².

В основании среднего зубца сокола *tigalis* лежит полумесяц с тремя кружками внутри, на боковых зубцах — стреловидные бойницы⁶⁸³. Одевание включает накидку, подпоясанную тунику с широкими рукавами и нижнюю рубаху, закрывающую ступни. На шее гладкий обруч-гривна с тремя медальонами. Вероятно, это камни в оправках, как на золотых нагрудных цепях из Глодосского погребения (рубеж VII—VIII вв.)⁶⁸⁴. К центральному медальону подвешена круглая бляшка, ниже — драгоценный камень или жемчужина в конической трубочке. Подобные украшения находим в живописи Пянджикента и Афрасиаба (VII в.)⁶⁸⁵. Серьги в виде кольца с подвеской-шариком также находят аналогии в пянджикентских и афрасиабских росписях. В верхних руках божества — солнце и луна, в правой нижней руке — рукоять с тремя шариками, в левой — чаша. Богиня сидит на лежащем льве. Ср. четырехрукую богиню на хорезмийских чашах (табл. 26, 1, 5). Э. Херцфельд полагал, что изображенная богиня подобна Анахите-Нане, но по-индийски переосмыслена⁶⁸⁶.

ЗАУРАЛЬЕ

БАССЕЙН ТОБОЛА

Широково

80. Ведро с изображениями оленей. Серебро. Чеканка, гравировка. Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII — первая половина IX в. (табл. 12, 1—3)

Найдено в 1886 г. близ ключевого оврага Марай при вспашке поля в 1 версте от с. Широковское Шадринского у. Пермской губ. (ныне с. Широково Тюменской обл.), на р. Мостовка — левом притоке р. Исеть⁶⁸⁷. Хранится в Эрмитаже.

Ведро кованое, цилиндрическое, с закругляющимся дном. Диаметр 21,4 см, высота 19,3 см⁶⁸⁸.

Фон гравированного орнамента пунсонный. По краю идет кайма из пальметт, ниже, под широким узором, — три ряда лепестков (в танском металле лепестковый орнамент распространялся с середины VIII в.)⁶⁸⁹. В двух прямоугольниках на тулове ведра — олени с лентами на шее (известны на сасанидских геммах)⁶⁹⁰, в двух других — S-видные ветки с массивными пальметтами. На дне — чеканенная снаружи розетка.

⁶⁸² В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

⁶⁸³ У Сасанидов зубчатая корона, введенная Шапуром I, — символ Ахура Мазды и Анахиты (К. Erdmann, 1951, стр. 88, 94).

⁶⁸⁴ А. Т. Смиленко, 1965, табл. I, II.

⁶⁸⁵ Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. XIII, XIV; Л. И. Альбаум, 1975, табл. XXIV и др.

⁶⁸⁶ E. Herzfeld, 1927, стр. 17.

⁶⁸⁷ ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXIII; И. А. Талицкая, 1953, стр. 310.

⁶⁸⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 134.

⁶⁸⁹ B. Gyllensvärd, 1957, стр. 134—135.

⁶⁹⁰ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, № 635—680. В зороастрийской мифологии самец оленя с острыми рогами — одно из воплощений Вретрагны (Ph. Ackerman, 1938b, стр. 791), в искусстве Китая олень символизирует желанье чинов, знатности, долголетия.

⁶⁷⁶ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7.

⁶⁷⁷ F. Sarre, 1923, стр. 74, табл. 141.

⁶⁷⁸ K. Erdmann, 1937, стр. 17—18.

⁶⁷⁹ Архив ЛОИА, ф. 11, д. 331.

⁶⁸⁰ M. S. Dimand, 1937, стр. 308, 332.

⁶⁸¹ J. R. Aspelin, 1877, № 620; Я. И. Смирнов, 1909, № 43; О. М. Dalton, 1964, № 203, табл. XXXII; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 152, илл. 126; G. Azagrau, 1969, табл. 1 и 2.

Ведро аналогично ведрам табл. 14, 3—6 и томьзскому (табл. 11, 4), с которым сближается лепестковым бордюром. По орнаменту входит в группу сосудов табл. 11—15. Похож олень на блюде табл. 11, 3⁶⁹¹.

Шадринск

81. Две кружки. Серебро. Семиречье (?). VIII—IX вв.

Поступили в Эрмитаж из Шадринского музея в 1930 г.⁶⁹²

У кружек слегка расширяющееся кверху тулово и четко выделенный поддон. В нижней части корпуса стенки образуют уступ и, плавно изгибаясь, переходят в опрокинутый усеченный конус. В месте уступа припаяна кольцевидная ручка с горизонтальной накладкой.

В. И. Распопова отметила близость этих кружек к глиняным кружкам VIII—IX вв. из согдийских поселений Семиречья (Ак-Бешим). Для городищ Согда этот тип менее характерен⁶⁹³. Он находит аналогии в тюркских памятниках VIII—IX вв. (кружка из кургана Калбак-Шат в Туве⁶⁹⁴, каменные изваяния Семиречья⁶⁹⁵ и Южной Сибири⁶⁹⁶).

82. Кувшинчик с куфической надписью. Серебро. Гравировка, позолота, чернь. Северный или Северо-Восточный Иран. Вторая половина XII—первая половина XIII в. (табл. 36, 1—3)

Найден до 1894 г. между Ишимом Тобольской губ. и Шадринском Пермской губ. Из музея Тюмени передан в Эрмитаж.

По М. ван Бершему, почерк надписи XI в.⁶⁹⁷ Согласно М. Диманду, кувшинчик иранский, сельджукского времени (XI—XII вв.)⁶⁹⁸.

Его высота 12 см, диаметр шаровидного тулова 11 см, диаметр цилиндрического горла 7,8 см⁶⁹⁹. Полоса между утолщенным краем и надписью позолочена. Ручка (была припаяна к тулову) отломана. Надпись выполнена процветшим куфи:

بركة واولالة داحمة و سلامة و غبطة

«Благословение, и господство вечное, и здравие, и . . . , и наслаждение» (прочитана Г. А. Федоровым-Давыдовым). Пропущены و в слове دولة и | в третьем слове. В последнем слове ٠ написана как *мин*.

Атрибуция дана по аналогии с кувшинчиком табл. 37. Дату определяет обработка фона надписи черневыми завитками. Аналогичные формы кувшинов известны в иранской поливной керамике XII—XIII вв.⁷⁰⁰

⁶⁹¹ Приведем описание Сюань Цзавом (около 630 г.) урочища Мынг-булак — охотничьего заповедника тюркского кагана: «Хан тюрков каждый год приезжает сюда, спасаясь от летней жары. Здесь попадает много оленей, украшенных маленькими колокольчиками и колечками. Они привыкли к людям и не убежали, увидя их» (А. Н. Бернштам, 1950, стр. 76).

⁶⁹² В. И. Маршак, 1961, табл. 6, 1, 2.

⁶⁹³ В. И. Распопова, 1960, стр. 143, рис. 2, 11—16.

⁶⁹⁴ М. Х. Маннай-оол, 1963, табл. II, 6.

⁶⁹⁵ В. И. Маршак, 1961, табл. 6, 3; Я. А. Шер, 1966, рис. 14.

⁶⁹⁶ Л. А. Евтюхова, 1952, рис. 63.

⁶⁹⁷ М. van Berchem, 1909, стр. 407.

⁶⁹⁸ М. S. Dimand, 1941, стр. 241, рис. 8 и 9.

⁶⁹⁹ А. Heikel, 1894, табл. XX, 5; XXI, 2; Я. И. Смирнов, 1909, № 149.

⁷⁰⁰ SPA, VI, 1938, табл. 636A.

Барсов городок

83. Кружка с куфической надписью. Серебро. Гравировка. IX—рубеж IX—X вв. (табл. 36, 8, 9)

Найдена в погребении 20 при раскопках в 1891 г. шведским археологом Ф. Мартином могильника Барсов городок в 10 км к западу от г. Сургут (б. Тобольская губ., ныне Ханты-Мансийский нац. округ). Могильник расположен в 0,5 км от самого западного из шести городищ, которые тянутся здесь на протяжении 4 км на северном берегу протоки Утошла⁷⁰¹. Кроме кружки, которая хранится в Историческом музее Стокгольма, в погребении обнаружены местные изделия IX в. (оронтурский этап культуры Приобья, по В. Н. Чернецову): железные ножи и стрелы, бронзовые фигурки коня, козла и птицы⁷⁰². Б. И. Маршак считает сосуд иранским X в.⁷⁰³

Кружка серебряная полусферическая. Диаметр 10,3 см, высота 5,7 см⁷⁰⁴. Бронзовая ручка состоит из кольца и горизонтальной накладки длиной 4,6 см. Внутри на дне — два маленьких концентрических круга. В верхней части тулова — круговая надпись процветшим куфи:

بركة و نعمة و سلامة و سعادة و اصل [2]

«Благословение и благоденствие, и здравие, и счастье, и надежда (?)» (прочитана Г. А. Федоровым-Давыдовым). В последнем слове вместо *лям* — *та-марбута*.

На фоне букв мелкие кружки с точкой в середине, которые встречаются на исламских бронзовых изделиях IX—X вв. (басрийский кувшин⁷⁰⁵, блюдо табл. 44). Дате IX в. не противоречит почерк надписи⁷⁰⁶. Ср. ручку на табл. 33, 3. Поливная кружка аналогичной формы (Иран?) из погребения в приходе Гемсе на Готланде попала в землю около 900 г.⁷⁰⁷

НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ

Ямгортские юрты

84. Блюде с изображением царя на троне. Серебро. Литье, чеканка, гравировка, позолота. Хорасан. Рубеж X—XI вв. (табл. 6, 5)

В 1951 г. приобретено Эрмитажем в с. Мужы Ямало-Ненецкого нац. округа. Происходит из клада, обнаруженного в 1946 г. около Ямгортских юрт на р. Сын — левом притоке р. Малая Обь. Вещи, якобы найденные на поверхности земли, были открыты двумя железными котлами.

В 1953 г. еще шесть серебряных и бронзовых предметов X—XIII вв. из того же клада, в том числе изделия местной работы, куплены Эрмитажем: подвески в виде медведя и коня; полая фигурка медведя (ручка сосуда); навершие в форме головки

⁷⁰¹ И. А. Талицкая, 1953, стр. 249—250; В. Н. Чернецов, 1957, стр. 198.

⁷⁰² Т. J. Arne, 1935, стр. 26—27, 75, 77, рис. 51—55.

⁷⁰³ В. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁷⁰⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 145; Т. J. Arne, 1935, стр. 26, рис. 49, а, б.

⁷⁰⁵ В. И. Маршак, 1972, рис. 4.

⁷⁰⁶ Т. J. Arne, 1935, стр. 77.

⁷⁰⁷ Т. J. Arne, 1914, стр. 197, рис. 331; Он же, 1935, стр. 77.

кона с зайцем на шее; браслет, аналогичный древнерусским; болгарская топорикивидная подвеска. Остальные вещи, среди которых большое серебряное блюдо, остались у ямгортских хантов. По вещевому комплексу клад скрыт в XII—XIII вв.⁷⁰⁸

Диаметр блюда 10,3 см, глубина около 2 см, вес 158 г. Под утолщенным краем — бордюр из крупных шариков. Изображения в низком рельефе пройдены резцом и кружковым пунсоном. Фон покрыт позолотой. Позолочены царские регалии (крылатая корона с полумесяцем, пояс, шейная гривна, булава с навершием в форме человеческой головы), у прислуживающих — восьмилепестковый цветок, кубок и кувшин⁷⁰⁹. Значки царя выделены чернью. На оборотной стороне блюда врезаны шаманские изображения четырех «тетеревов» (XI—XII вв.)

К. В. Тревер определила блюдо как эфталитское VI—VII вв.⁷¹⁰ По Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпель, оно выполнено тюрко-согдийским мастером в VIII—IX вв. в северных районах Мавераннахра⁷¹¹. Наиболее аргументированная атрибуция принадлежит Б. И. Маршаку⁷¹². Он отметил, с одной стороны, детали, сближающие вещь с блюдами табл. 6 (школа А согдийского серебра), с другой — сходство с памятниками X—XI вв. (буидские медали и медаль из Нишапура, месопотамская керамика). Монголоидность лиц и реалии, характерные для газневидского придворного искусства (росписи Лашкари-Базара, бронзовая чаша XI в.)⁷¹³, позволили отнести блюдо к произведениям мастеров династии Газневидов.

Царь на «львином» троне (Махмуд Газневи, по предположению Б. И. Маршака) в окружении приближенных⁷¹⁴ — не просто пиршественная сцена, ставшая общим местом в искусстве и поэзии мусульманского Ирана, а скорее праздничная церемония. Цветок в качестве подарка, возможно, связан с влиянием буддийской иконографии. Оно должно было сказаться в дворцовом искусстве при Махмуде Газневи, который проник в бассейн Ганга до городов Муттра и Канаудж и на полуостров Катхиявар, где разорил храм в Сомнате. Индийская добыча Махмуда включала «идолов» из золота и серебра⁷¹⁵.

Сосьвинский городок

85. Бутыл с куфическими надписями. Серебро. Гравировка, чернь. Иран или Средняя Азия. XI—начало XII в. (табл. 31)

⁷⁰⁸ В. Мизинова, 1958, стр. 57—59.

⁷⁰⁹ Ср. бронзовые кувшины «сасанидского типа» с открытым устьем IX—XII вв. (Б. И. Маршак, 1972, рис. 12).

⁷¹⁰ К. В. Тревер, 1960.

⁷¹¹ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, стр. 153—154, илл. 134.

⁷¹² Б. И. Маршак, 1971, стр. 66—68, рис. 29.

⁷¹³ К перечисленным Б. И. Маршаком реалиям добавим «золотые тысячные» или «злато-серебряные» (т. е. наборные) пояса (Абу-л-Фазл Бейхаки, 1962, стр. 257, 270, 274).

⁷¹⁴ Вероятнее, придворные, а не слуги (нимбы, одежда, близкая костюму владельца). При газневидском дворе двурогие шапки носили не только телохранители-гулямы, но также вельможи и правители областей (Абу-л-Фазл Бейхаки, 1962, стр. 274).

⁷¹⁵ А. Ю. Якубовский, 1934, стр. 82. «Фихристом» (X в.) зафиксирован обычай подношения верховному правителю базилики (Б. Н. Загородер, 1967, стр. 179).

Найдена в 50-х годах XIX в. в Сосьвинском городке на р. Северная Сосьва Березовского у. Тобольской губ. Хранится в Эрмитаже.

М. Диманд отнес бутыл к иранским изделиям XI—XII вв.⁷¹⁶

Ее высота 21 см, диаметр 11 см, диаметр горла 5 см⁷¹⁷. На горле и в верхней части сферического тулова круговые надписи почерком процветший куфи, впервые прочитанные М. ван Бершемом⁷¹⁸. Полный перевод принадлежит Г. А. Федорову-Давыдову.

На горле:

اليمن والبركة

«Благополучие и благословение и. . .»

Перед словом اليمن два ствола *алифа* — декоративные.

На тулове:

دولة وسعادة وغبطة [و] اليمن والبركة والسرور والسلامة صاحبه الشيخ ابو الفضل شاهه بن علي اطال الله بقاءه و. . .

«Господство, и счастье, и наслаждение, (и) благополучие, и благословение, и удовольствие, и здравие владыку сего шейху Абу Фазль Шаху ибн Али, да сохранит Аллах его долголетие, и. . .» После третьего слова пропущен [و]. Последнее слово непонятно.

На тулове выгравированы три медальона: в двух — львы, в третьем — птица, клюющая зайца. Верхняя плоская часть тулова украшена переплетающимися стеблями. Волнистый побег с листьями образует пояс над низким поддоном.

Дата определяется по характеру фона орнамента и надписей. Ей соответствует и начертание букв⁷¹⁹. Бутыл входит в группу сосудов табл. 30; 32; 33. На табл. 30, 4 похожи львы в медальонах. Ср. ленту на туловище льва с лентами на табл. 32, 1. Известны иранские металлические и керамические [бутыли аналогичной формы (XI—XIII вв.)⁷²⁰.

Район Березова

86. Бутыл с куфическими надписями. Серебро. Гравировка, чернь (?). Иран или Средняя Азия. XI—начало XII в. (табл. 30)

Найдена до 1889 г. в Березовском у. Тобольской губ. Хранится в Эрмитаже.

М. Диманд включил бутыл в число иранских изделий XI—XII вв.⁷²¹

Ее высота 25 см, диаметр цилиндрического тулова 16 см⁷²². На усеченно-коническом горле — плоский круг диаметром 8 см с семью круглыми углублениями. Дно припаяно. Орнамент и надписи почерком процветший куфи выгравированы мелкозубчатыми линиями. В верхней горизонтальной части тулова надпись в трех картушах:

اشيخ العنيد السيد ابو/علي احمد بن محمد بن سادار

«Шейх величавый Саид Абу Али Ахмед ибн Мухаммед бен Садар (?). Последнее слово можно читать по-разному. В конце второй части надписи декора-

⁷¹⁶ М. S. Dimand, 1941, стр. 211—212, рис. 10—12.

⁷¹⁷ А. Heikel, 1894, табл. XX, 3, 6, 7; XXI, 1, 5; Я. И. Смирнов, 1909, № 148.

⁷¹⁸ М. van Berchem, 1909, стр. 407.

⁷¹⁹ Там же, стр. 407.

⁷²⁰ SPA, VI, 1938, табл. 645; IX, 1939, табл. 1350.

⁷²¹ М. S. Dimand, 1941, стр. 211, рис. 13—18.

⁷²² Я. И. Смирнов, 1909, № 147.

тивная лигатура у. Надпись прерывается медальонами со львами и зайцем.

На тулове выгравированы три медальона и надпись из тонких букв:

الدولة... لة [أو] البركة و يمن // وسعادة و دولة و سرور //
اليمين و البركة و الاقبال و ...

«Господство (?), (и) благословение, и благополучие, и счастье, и господство, и удовольствие; благополучие, и благословение, и успех, и...» Последнее слово непонятно. Пропущен و после первого слова. Слово دولة в первом случае имеет дополнительные неясные знаки между و и لة, поэтому его чтение несколько сомнительно. Интересно, что не все слова имеют определенные артикли (чтение и комментарий Г. А. Федорова-Давыдова).

В двух медальонах — розетка в растительном обрамлении, в третьем — львы по сторонам розетки. На горлышке — пальметты в трех клеймах.

М. ван Бершем датировал почерк началом XII в.⁷²³ По характеру фона орнамента и надписей бутылка входит в группу сосудов табл. 31—33. Ср. животных в медальонах с табл. 31, пальметты на горле — с табл. 32. Б. И. Маршак полагает, что сосуд изготовлен для Абу Али Ахмеда ибн Шадана, визира в Балхе в середине XI в.⁷²⁴

Бассейн р. Сын

87. Поднос с именем хорезмшаха Абу Ибрахима. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота, чернь. Средняя Азия. XI—XII вв. (табл. 35, 5, 6)

Найден до 1896 г. на р. Сын — левом притоке Малой Оби в Березовском у. Тобольской губ. (ныне Ямало-Ненецкий нац. округ). В 1897 г. приобретен Археологической комиссией в с. Мужки⁷²⁵. Хранится в Эрмитаже.

Поднос прямоугольный плоский. Размеры 37,5 × 24 см⁷²⁶. Средняя часть со скошенными стенками углублена на 3 см. На горизонтальном бортике шириной 4,5 см — два отверстия для привешивания. На позолоченном фигурном рельефе в центре выгравирован медальон с цветком на черневом фоне. В углах подноса — каплевидные медальоны с птицами на фоне из зигзагообразных насечек (для сцепления черневой массы с поверхностью). Чернью были заполнены контуры гравированных рисунков и буквы надписи на бортике:

و علاء [أو] امر و بركة و دولة // الامير السيد الملك العادل تاج
الامة و // سراج الملة خوارزم شاه // ابو ابر [أ] هيم ولي امير
المومنين اطال الله بقاءه

«Высокое положение, и повеление, и благословение, и господство (.) Эмир, господин, царь справедливый, корона народа и лампа религии хорезмшаха Абу Ибрахим, друг Повелителя Правоверных, да продлит Аллах его долголетие».

[أو] вместо того, чтобы быть после первого слова, стоит перед ним, а после него — еще лишний алиф. В слове «Ибрахим» нет алифа (чтение и комментарий Г. А. Федорова-Давыдова).

В. Г. Тизенгаузен, прочитавший надпись, отнес ее к XIII в.⁷²⁷, М. ван Бершем — к XII или концу XI в.⁷²⁸ В этот период в Хорезме правила династия Ануш-тегина (около 1077—1231 гг.), первоначально в качестве наместников Сельджукидов, позднее — как независимые государи Средней Азии и Ирана. В списке наследственных правителей этой династии Абу Ибрахим отсутствует. М. ван Бершем отметил, что в надписи нет титула султана, обычного на моментах хорезмшахов. По его предположению, упомянут представитель какой-то малой династии, продолжавшей царствовать в Хорезме в XII в. параллельно с династией Ануш-тегина⁷²⁹, но это маловероятно.

Новая трактовка надписи предложена Б. И. Маршак. На основании сходства с сосудом табл. 30 и титулатуры в надписи он определяет поднос как изготовленный для одного из сыновей хорезмшаха Алтунташа, правивших в 1034—1041 гг.⁷³⁰

Известны среднеазиатские бронзовые подносы аналогичной формы (Эрмитаж). Один из них найден на городище Пянджикент в 1898 г.⁷³¹ Другой поднос с арабской надписью происходит из Газни (музей Кабула). Он украшен чеканными фигурами сфинксов и зайцев (XII—XIII вв.)⁷³². Сходство этих подносов с сынским состоит в расположении надписей и медальонов, но не в стиле декора. Ср. птиц на табл. 33, 1—3; 35, 3, а почерк надписи — на табл. 30.

ПРИБОЬЕ

(без точной локализации)

88. Кувшинчик с охотничьими сценами. Серебро. Гравировка, позолота, чернь. Северный или Северо-Восточный Иран. Вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 37)

В 1776 г. прислан в Кунсткамеру из Тобольска. Хранился в Азиатском музее в Петербурге, ныне в Эрмитаже.

М. ван Бершем датировал стиль букв XI — первой половиной XII в.⁷³³, но характер декора более поздний.

Высота кувшинчика 19 см, диаметр горла 10,5 см, диаметр тулова 15 см⁷³⁴. У него цилиндрическое горло с позолоченным валиком (под ним маленькое отверстие), шаровидное тулово, сплюснутое сверху, и поддон с припаянной нижней пластиной. Ручка утрачена. Орнамент выгравирован глубокими линиями, которые заполняла чернь (кроме сетки фона). Чернью были выделены скобки на боках животных, миндалевидные фигуры на их лопатках, пятна гепардов. Сетчатый фон позолочен. На горле фриз с надписью процветшим куфи:

عز و اقبال و دولة و سرور و سعادة و بعمه

«Слава, и успех, и господство, и удовольствие, и счастье, и благоденствие» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова).

⁷²⁷ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 6.

⁷²⁸ М. ван Бершем, 1909, стр. 408—409.

⁷²⁹ Там же, стр. 409—410.

⁷³⁰ Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁷³¹ ОАК за 1898 г., рис. 131.

⁷³² R. Ettinghausen, 1957, табл. 10, рис. 32.

⁷³³ М. ван Бершем, 1909, стр. 411.

⁷³⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 316.

⁷²³ М. ван Бершем, 1909, стр. 406.

⁷²⁴ Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁷²⁵ И. А. Талицкая, 1953, стр. 247.

⁷²⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 150.

«Зверинный гон» распадается на четыре сцены. Несмотря на черты стилизации, животные переданы очень живо и реалистически. Учтены особенности охоты с гепардами и борзыми собаками. Справа налево: 1) собака в ошейнике преследует двух зайцев; у нее вытянутая морда, уши вислые остроконечные; 2) лев гонится за диким ослом-куланом; куланы — обитатели пустынных, бедных растительностью пространств, были распространены в Иране и по всей Средней Азии; 3) гепард травит дикого козла; гепарда легко узнать по длинным ногам, поджарому туловищу, круглой (а не продолговатой, как у леопарда) морде, небольшим черным пятнам, которыми покрыто почти все животное; в прошлом водился в прикаспийских странах, в пределах Средней Азии особенно часто встречался в Туркмении; 4) гепард преследует газель (мастер знал, что гепард — самое быстрое млекопитающее: борзая собака не в состоянии догнать газель, а гепард ее легко настигает⁷³⁵).

На тулове кувшинчика — три медальона. В одном — косуля с растительным завитком перед мордой, в другом сидит на задних лапах лев. Вероятно, поза хищника заимствована из охотничьей сцены, где гепард en face сидит на крупе лошади охотника (как на мусульском бронзовом кувшине 1232 г.)⁷³⁶. Из композиции охоты скопирована и оглядывающаяся косуля. В третьем медальоне — сказочное существо мусульманского фольклора: птица с человеческой головой в том иконографическом типе, который в керамике и металлических изделиях Восточного Ирана появился не ранее середины XII в. На рубеже XII—XIII вв. этот образ широко распространился в иранском искусстве⁷³⁷. «Гарпии» в геральдических парах часто выступают в связи с темой двор-

цовых празднеств и развлечений⁷³⁸. Подобно крылатым сфинксам они стоят перед тронном правителя или по сторонам всадника⁷³⁹. На месопотамском подсвечнике из Британского музея человеко-птицы связаны с фигурами лютниста, барабанщика, танцора и пирующего⁷⁴⁰. На кувшинчике из Тобольска «гарпия» ассоциируется с охотой. В сцене придворного быта ее могли включать в качестве атрибута царственности. Это отзвук древневосточной темы мифологических животных — стражей трона, на которую наслоился символизм Симурга⁷⁴¹. В Иране и Средней Азии мотив птицы-женщины слился с образом приносящей счастье птицы «Хумá», или «Симурга». Узбекский фольклор знает чудесную птицу, тень которой, падая на человека, делает его счастливым и достойным царской власти⁷⁴².

Кувшин датируется по проработке фона (из черневых завитков и сетчатый). Похожие фигуры зверей украшают медные и бронзовые изделия Ирана второй половины XII—XIII в.⁷⁴³ На ларце из частной галереи в Нью-Йорке (Иран или Месопотамия, около 1200 г.) и на ларце из Этнографического музея Анкары (Иран, то же время)⁷⁴⁴ сходны собаки, догоняющие зайцев. На последнем собака также впилась в спину обернувшегося зайца. Лопатки животных декорированы миндалевидными фигурами⁷⁴⁵. Аналогичные собаки и зайцы выгравированы на дне хорасанской бронзовой чаши из музея Виктории и Альберта в Лондоне⁷⁴⁶.

Кувшинчик сходен с чашей табл. 38, 1—4 техникой декора (чернь в линиях гравировки и деталях фигур), рисунком льва (в охотничьем фризе), почерком и фоном надписи. Лицо человеко-птицы напоминает лица слуг.

ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ (Волжская Булгария)

Булгары

89. Чаша с изображением всадников. Бронза. Гравировка, инкрустация золотом и серебром. Мусульманская школа. Вторая половина XIII в. (табл. 48; 49, 1—4)

Случайная находка в 1891 г. на Болгарском городище в с. Булгары (Успенское) Спасского у. Казанской губ. (ныне Куйбышевский р-н Татарской АССР)⁷⁴⁷. В 1893 г. чаша куплена Эрмитажем, в каталогах которого фигурирует как иранская XIII в.

Высота чаши 11 см, диаметр горла 18,5 см, диаметр тулова 26,5 см⁷⁴⁸. Внизу выломаны часть тулова и дно, большой фрагмент которого сохранился отдельно. Золотом инкрустированы медальоны с Y-образным заполнением, детали снаряжения всадников, буквы надписи. Остальной орнамент, фигуры

животных и наездников, композиция на дне инкрустированы серебром. Декор состоит из круговых полос: 1) кружки, образованные плетенкой (на венчике); 2) собаки и барсы, преследующие зайцев; 3) плетенка из трех ленточек и волнистый стебель; 4) меандровый узор; 5) скрученный в тугие витки стебель; 6) благопожелательная арабская надпись почерком насх (в отдельных картушах); 7) спирально вьющийся стебель; 8) меандровый узор; 9) пальметты, соединенные переплетающимися лентами. Горизонтальный край чаши украшен плетенкой, как в полосе 3. Полосы 5, 6, 7 прерываются восемью фестончатыми медальонами с фигурами всадников. Их последовательность (по часовой стрелке): а) игрок в поло — в правой руке палка, загнутая на конце (саульджан); б) всадник стреляет из лука назад; в) игрок в поло — в левой руке палка в форме молоточка; г) охотник с соколом; д) игрок в поло;

⁷⁴⁰ Там же, рис. 70, 71.

⁷⁴¹ Там же, стр. 53—56.

⁷⁴² В. А. Шишкин, 1963, стр. 212.

⁷⁴³ SPA, IX, 1939, табл. 1288В.

⁷⁴⁴ D. S. Rice, 1958, табл. VI, VIII, IX.

⁷⁴⁵ Там же, рис. 18, В.

⁷⁴⁶ A. Grohmann, 1959, рис. 10.

⁷⁴⁷ OAK за 1891 г., стр. 125.

⁷⁴⁸ SPA, IX, 1939, табл. 1363А.

⁷³⁵ Д. Н. Кашкаров, 1931, стр. 13, 15, 32.

⁷³⁶ D. S. Rice, 1954, рис. 13.

⁷³⁷ E. Vaer, 1965, стр. 13—14.

⁷³⁸ Там же, стр. 51 и сл.

⁷³⁹ Там же, рис. 67, 69.

е) игрок в поло — в правой руке мяч (?), в левой — палка; ж) игрок в поло; з) игрок в поло. Всадники в узорных кафтанах до колен с боковым разрезом и косым запахом. Рукава над локтями украшены вставками. Кушаки узкие, со свисающими спереди концами. На головах (окружены нимбами) низкие округлые шапочки. Сапоги без каблуков, с острыми носами. Снаряжение верховых коней включает ремни оголовья, поводья, широкий нагрудный и подхвостный ремни, чепрак. Хвосты подвязаны длинными лентами. Внутри на дне чаши рыбы и утки образуют концентрические круги, в центре — солнце с человеческой личиной и 12 лучами.

Элементы орнамента характерны для мосульских изделий (меандровые полосы, спиральные стебли с треугольными листьями, ряды кружков, образованных плетенкой, плетения из тонких ленточек ⁷⁴⁹, звериный гон, всадники) ⁷⁵⁰. Типичны для традиций Мосула фестончатые медальоны ⁷⁵¹ и круглые медальоны с Y-образным узором (восемь раз прерывают орнамент в полосах 2, 3, 5, 7). К датирующим признакам относится инкрустация золотом (со второй половины XIII в.) ⁷⁵². Каждый игрок в поло вписан в отдельный медальон, как на чаше конца XIII в. из музея Бенаки в Афинах. В более ранних сценах игроки объединены в группы или образуют длинный фриз ⁷⁵³. Композицию из рыб вокруг розетки встречаем на дне бронзовых чаш конца XIII—XIV в. (Сирия и Иран) ⁷⁵⁴. Этот древний символ означает чередование дня (солнце) и ночи (рыбы ассоциируются с морем, в которое садится солнце) ⁷⁵⁵

Кульбаева Мурса

90. Чернильница. Бронза. Гравировка, инкрустация серебром. Восточный Иран (Герат?). Конец XII—первая половина XIII в. (табл. 49, 5)

Найдена в конце XIX в. в с. Кульбаева Мурса Чистопольского у. Казанской губ. ⁷⁵⁶ Хранится в Эрмитаже.

Чернильница почти цилиндрическая. Высота 6 см, диаметр внизу 8 см, вверху — 7,5 см. Крышка утрачена. В три приклепанных ушка продевалась цепочка для подвешивания. Декор состоит из трех полос. В крайних на фоне больших спирально скрученных стеблей с пальметтами — арабская надпись почерком насх с пожеланиями славы, успеха, могущества и т. д. ⁷⁵⁷ В образованных плетенкой медальонах среднего пояса — розетки из семи маленьких кружков — «марка» хорасанских медников ⁷⁵⁸. Орнамент и буквы инкрустированы серебром. Снаружи на дне и в верхней части чернильницы выгравированы волнистые стебли с пальметтами.

⁷⁴⁹ Плетенка из четырех или более ленточек типична также для иранских и сиро-египетских металлических изделий XIV в. (А. А. Иванов, 1972, стр. 114).

⁷⁵⁰ SPA, IX, 1939, табл. 1331, 1334, 1342; D. Barrett, 1949, табл. 12, 15С; E. Baer, 1965, табл. XXXVI, 64.

⁷⁵¹ R. Harari, 1939, стр. 2495.

⁷⁵² А. А. Иванов, 1969, стр. 32.

⁷⁵³ D. S. Rice, 1952, стр. 572, рис. 3—5.

⁷⁵⁴ Там же, стр. 572—573, рис. 1; R. Ettinghausen, 1957, рис. В, табл. 13, 39, 40.

⁷⁵⁵ R. Ettinghausen, 1957, стр. 345.

⁷⁵⁶ ОАК за 1899 г., стр. 119, рис. 227.

⁷⁵⁷ Ср. фон надписи на инкрустированной серебром восточно-иранской фляжке XIII в. из Британского музея (D. Barrett, 1949, табл. 9).

⁷⁵⁸ M. S. Dimand, 1947, стр. 141.

Известна похожая чернильница гератской работы ⁷⁵⁹. Иранская чернильница с той же системой декора (но без розеток из кружков) хранится в Британском музее ⁷⁶⁰.

Альметьево

91. Фигурка птицы с человеческой головой. Бронза. Литье, гравировка, позолота. Иран. Вторая половина XII—XIII в. (табл. 46, 5, 6)

Происходит из с. Альметьево Чистопольского у. Казанской губ. Хранится в ГИМ.

Фигурка цельнолитая, высота 5,2 см. Детали проработаны резцом (в углублениях — следы позолоты). У птицы мужская голова с ровно подстриженными у шеи волосами, в конической шапочке с шариком. Туловище покрыто перьями. В плечевой части рельефных крыльев — спиральный завиток. Концы лапок и хвост обломаны.

Фигурка «гарпии» — деталь бронзового сосуда. Она венчала крышку (как на курильнице XII—XIII вв. из Берлинского музея) ⁷⁶¹ или оформляла верх ручки, в которую переходил птичий хвост (ср. табл. 46, 1). Бронзовая фигурка человеко-птицы (Британский музей) могла быть ручкой сосуда ⁷⁶². Такой же фигуркой украшена ручка восточноиранского бронзового светильника XII—XIII вв. (Чикаго, Институт искусств) ⁷⁶³. Фриз из птиц с человеческими головами (в высоком рельефе, головы скульптурны) расположен под горлом иранского бронзового кувшина XII в. (галерея Эсте в Модене) ⁷⁶⁴.

Сказочные птицы с человеческими лицами — обитатели отдаленных земель, редко посещаемых людьми, — мотив исламской литературы и фольклора ⁷⁶⁵. Подобно Симургу эти существа якобы приносят счастье человеку.

Татарский Толкиш

В 1907 г. близ дер. Татарский Толкиш Чистопольского у. Казанской губ. (ныне Татарская АССР) найден клад, в составе которого арабские дирхемы 875—984 гг., два свернутые в трубочку куски серебра и обломки серебряных ножен с растительным орнаментом. Монеты и вещи находились в бронзовом кувшине с залитым воском горлом ⁷⁶⁶. 186 монет и часть вещей, в том числе кувшин, хранится в Эрмитаже.

91а. Кувшин. Бронза. Гравировка. Мавераннахр (?). Вторая половина IX—X в. (табл. 45, 7)

Высота около 27,5 см, диаметр цилиндрического тулова около 16 см. Тулово состоит из трех склепанных частей. Отдельно приклепаны цилиндрическое горло и ручка. В верхней части горла выгравирован очень неясный орнамент ⁷⁶⁷.

Несколько сосудов аналогичной формы (но без ручки) найдено в Швеции и Финляндии. Один из них

⁷⁵⁹ Там же, рис. 82.

⁷⁶⁰ D. Barrett, 1949, табл. 5, b.

⁷⁶¹ SPA, IX, 1939, табл. 1278В.

⁷⁶² E. Baer, 1965, табл. XVI, 28.

⁷⁶³ Там же, табл. XVI, 27.

⁷⁶⁴ Там же, табл. XV, 25.

⁷⁶⁵ Там же, стр. 48.

⁷⁶⁶ ОАК за 1907 г., стр. 119—120, рис. 118—122.

⁷⁶⁷ T. J. Arne, 1932, стр. 100—101, рис. 69, 70.

обнаружен в кургане 1 могильника в Аске Фрельзе-горд (Эстергётланд). Погребение датировано по инвентарю второй половиной IX в.⁷⁶⁸ Идентичный сосуд с куфическими монетами 739—890 гг. найден в 1876 г. на Аландских островах около дер. Бердбю в приходе Салтвик. Определили 650 монет, из них 156 — аббасидские, чеканенные в Багдаде⁷⁶⁹. Выгравированный по плечикам сосуда орнамент включает подражания арабским надписям и маленькие концентрические кружки, характерные для раннеисламских бронз (ср. табл. 44). В цилиндрическом бронзовом сосуде с пятилепестковой рельефной розеткой на дне найден монетный клад в приходе Биёрке на мызе Фельгаген на Готланде. Кроме преобладающих саманидских дирхемов (893—970 гг.), он содержал западноевропейские монеты (до 1002 г.)⁷⁷⁰.

По-видимому, бронзовые с цилиндрическим туловом и горлом сосуды, в которых перевозили дирхемы, происходят из разных ремесленных центров Ирака (экземпляр из Иракского национального музея в Багдаде)⁷⁷¹, Ирана и Мавераннахра. Изданный Т. Арне кувшин, хранившийся в Самаркандском музее, имел ручку, как кувшин из Татарского Толкиша. Он был найден в 1928 г. в Рават-Ходжа в Узбекистане вместе с семью другими бронзовыми сосудами⁷⁷².

БАССЕЙН ОКИ

Каширский клад

Найден крестьянином около 1807 г. близ г. Кашира Тульской губ. (ныне в Московской обл.). Клад, состоявший из серебряных украшений и куфических монет (среди них два аббасидских дирхема VIII или начала IX в.), не сохранился. В его состав входил:

92. Серебряный перстень с изумрудом. IX—X вв.

По мнению А. И. Черепнина, видевшего перстень, он восточного происхождения⁷⁷³. Копи изумруда разрабатывали в Египте, откуда его доставляли на Ближний Восток, в Иран, Индию. На Востоке верили, что изумруд отгоняет смущающие дух сны. Этому красивому зеленому камню приписывали и другой волшебный дар: при взгляде на него у ядовитых змей якобы вытекают глаза.

БАССЕЙН Р. ЦНА

Лядинский могильник

93. Ведро с куфической надписью. Бронза. Гравировка. X—XI вв. (табл. 45, 1—3)

Найдено в 1888 г. в одном из раскопанных В. Н. Ястребовым погребений мордовского Лядинского могильника в 12 верстах от Тамбова близ р. Ляда⁷⁷⁴.

Хранится в Эрмитаже.

⁷⁶⁸ Т. J. Arne, 1932, стр. 75, 112, рис. 20, 21.

⁷⁶⁹ Там же, стр. 101—102, рис. 72.

⁷⁷⁰ А. К. Марков, 1910, стр. 81; Т. J. Arne, 1932, стр. 103, рис. 73.

⁷⁷¹ М. Stenberger, 1958, рис. 103.

⁷⁷² Т. J. Arne, 1932, стр. 105, рис. 74.

⁷⁷³ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 80—81.

⁷⁷⁴ В. Н. Ястребов, 1893, стр. 45—46, рис. 17; 25, а, б.

Ведро кованое цилиндрическое диаметром 18 см. Нижняя часть обломана. Фон выгравированных арабских надписей и орнамента пунсонный. В верхней части тулова поясик надписи почерком процветший куфи, впервые прочитанной В. Г. Тизенгаузенom: *بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ بَرَکَةٌ مِنَ اللّٰهِ وَبِیْمَنِ وَ سُرُوْرٍ وَ عَزْوٍ غِبْطَةٌ وَ بَقَاءٌ لِّصَاحِبِهِ*

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, благословение Аллаха, и благополучие, и удовольствие, и слава, и наслаждение, и долгая жизнь владельцу сего» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Ошибка: *ق* написан, как *ع*, в слове *بَقَاءٌ*.

Под надписью волнистый стебель. На ручке надпись, прерванная медальоном с розеткой:

بَرَکَةٌ وَ بِیْمَنِ وَ سُرُوْرٍ وَ عَزْوٍ وَ بَقَاءٌ لِّصَاحِبِهِ

«Благословение, и благополучие, и удовольствие, и слава, и долгая жизнь владельцу сего».

Маленькие концентрические кружки (на буквах и стебле) встречаем на исламских бронзовых изделиях IX—X вв. (табл. 44 и басрийский кувшин IX в.)⁷⁷⁵.

ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

Белогостицкий клад

Найден в 1836 г. при сооружении Ярославской дороги между Росовом и дер. Новоселки, в 2 верстах от с. Никольское, возле Белогостицкого монастыря на р. Устье. Клад, спрятанный в горшке, состоял из нескольких сот дирхемов (из них уцелел саманидский Нуха II ибн Мансура, 982 или 985 г.), подражаний саманидским дирхемам (2 экз.), русских серебряных украшений X—XI вв. (зерновые лунницы, полусферические медальоны, бусы, ромбошитковые и браслетообразные височные кольца, крупные кольцевые пряжки и др.) и поясных серебряных накладок с арабскими надписями. Часть вещей (108 экз.) хранилась в Азиатском музее Академии наук, часть — в собрании С. Г. Строганова⁷⁷⁶. В начале XX в., когда клад издал А. А. Спицын⁷⁷⁷, некоторых предметов в Азиатском музее не доставало. Ныне местонахождение вещей клада неизвестно. По Г. Ф. Корзухиной, он был зарыт на рубеже XI—XII вв.⁷⁷⁸

94. Бляшки от поленого набора с куфическими надписями. Серебро. Гравировка, чернь. XI в. (табл. 39, 4—12)

Первоначально в Азиатском музее было 70 бляшек; к моменту изучения клада А. А. Спицыным их осталось 31. По словам С. Г. Строганова, его собрание включало «несколько серебряных оконечников (сохранивших остатки ремня) и запонок с арабскими надписями, сходными с письмом XI века». Надписи следующие: «Берекет» (по-видимому, на луннице), «Алла» (на наконечниках) и «Лиллаги» (на многолопастных бляшках).

а. Бляшки круглые (три), со штифтами; орнамент — звездочка (табл. 39, 7).

б. Бляшка круглая с четырьмя почковидными выступами; орнамент — узелок (табл. 39, 4).

в. Бляшки пятиугольные с позолотой (?) и чернью (43). Надпись «Аллах». На обороте — по два

⁷⁷⁵ Б. И. Маршак, 1972, рис. 4.

⁷⁷⁶ С. Г. Строганов, 1841, стр. 453—455, табл. VII, VIII.

⁷⁷⁷ А. А. Спицын, 1905, стр. 154—159, рис. 112—133.

⁷⁷⁸ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 40, 103—104.

штифта, у некоторых — куски кожи от ремня (табл. 39, 9).

г. Бляшки пятиугольные с подвижным колечком, протетым в ушко (пять) (табл. 39, 11).

д. Бляшки многолопастные близкой к овалу формы, с чернью (восемь). Надпись «Лиллагн» («в честь»). На обороте — по одному штифту (табл. 39, 8).

е. Бляшка в форме неправильного четырехугольника с чернью и надписью «Лиллагн» (табл. 39, 6).

ж. Бляшки-скобочки с четырехугольным верхним щитком, с чернью (шесть). Надпись «Эль-султан» (табл. 39, 5).

з. Наконечник ремня длиной 8,8 см с заострением на конце. На нем многократно повторено слово «Аллах» (табл. 39, 12).

и. Бляшки длинные, типа предыдущего наконечника, но без заострения (три). На обороте — три штифта с обрывками кожи.

к. Наконечники ремня длиной 4 см с надписями «Аллах» (два).

л. Подвески-лунницы с сомкнутыми рожками (три). Они полые, внутри горошина. На черневом фоне неразборчивая арабская надпись. Х. М. Френ читал ее как «сын Тюкле», но допускал иной перевод (табл. 39, 10)⁷⁷⁹.

Растительные завитки на черневом фоне в промежутках между буквами (на лунницах) позволяют отнести накладку к XI в. Остальные вещи и монетыклада подтверждают эту датировку. Ей не противоречат и почерк надписей (процветший куфи). Ср. накладки сходной формы на табл. 39, 13—20; 40; 41.

Пекуновский могильник

95. Накладка с растительным орнаментом. Серебро. Тиснение, чернь, позолота. XI в. (табл. 39, 1)

Найдена в 1972 г. в кургане 40 Второго Пекуновского могильника (Верхневолжская экспедиция, отряд К. И. Комарова), в 2 км от дер. Пекуново Кимрского р-на Калининской обл. Курган, датированный по инвентарю XI в., содержал тройное захоронение: дружинника с боевым топором и двух женщин. Накладка лежала в верхней части груди женского костяка (возможно использование украшения не по назначению)⁷⁸⁰.

Накладка — от одежды или пояса — сердцевидная, выпуклая снаружи. Размеры 3,6×3,4×0,5 см. Оттиснута из тонкого листа серебра на матрице. Сзади припаяно три штифта, выступающих на 0,8 см. Вьющийся стебель в центральной части оттиснут вглубь (на обороте рельефный рисунок) и заполнен чернью. Промежутки в виде спиральных завитков оставлены в серебре. Бордюры и пальметка в центре выполнены в рельефе на позолоченном фоне. Часть круглого ушка отломана.

По характеру черневого узора накладка изготовлена не позднее XI в. Орнамент бордюра из дуговидных перехватов с продольными полосками между ними встречаем на «сельджукском» серебре XI в. (табл. 32, 1; 36, 6). Растительный орнамент близок декору восточных изделий.

⁷⁷⁹ А. А. Спицын, 1905, стр. 155—156, рис. 122, 124, 127—129, 131—134; Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 104.

⁷⁸⁰ К. И. Комаров, 1974, стр. 255, рис. 2, 11.

БАССЕЙН ВОЛХОВА

Новгород

96. Кувшин. Бронза. Литье, гравировка. Средняя Азия. X—XI вв. (табл. 46, 1)

Найден в 1951 г. на Неревском раскопе, на полу погребца, связанного с 20-м строительным ярусом (конец XI—начало XII в.). Хранится в ГИМ⁷⁸¹.

Высота кувшина 16 см. У него грушевидное тулово с четырьмя параллельными желобками посередине. Низкое горло отделено такими же бороздками. Поддон высокий, конический. Литая ручка с птичкой сверху припаяна. По определению М. Е. Массона и М. М. Дьяконова, кувшин среднеазиатский IX—X вв.⁷⁸²

БАССЕЙН ЛОВАТИ

Великие Луки

97. Кувшин с туловом в виде женской головы. Бронза. Литье, гравировка. Иран или Средняя Азия. IX—X вв. (табл. 46, 2)

Случайная находка возле Великих Лук (до 1881 г.). Хранился в коллекции А. С. Уварова, который относил кувшин к произведениям Востока⁷⁸³.

Женское лицо напоминает светильник табл. 45, 4—7. Зрачки углублены (были инкрустированы?). Над лицом — валик кос, пряди которых обозначены гравировкой. Отдельные элементы формы в тех или иных сочетаниях (грушевидное тулово, валик между ним и низким горлом, высокий конический поддон, S-видная ручка с выступом наверху) встречаем у литых бронзовых кувшинов IX—XII вв., для которых характерно развитие декора при стабильности формы⁷⁸⁴. Ср. также ранневизантийские фигурные сосуды V—VII вв.⁷⁸⁵

ВЕРХОВЬЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Торопец

98. Блюдо с растительным орнаментом. Бронза. Гравировка. Ирак (?). IX—X вв. (табл. 44)

Найдено в 1960 г. в разрушенном экскаватором небольшом песчаном холме на берегу оз. Зеликовье близ Торопца. Из того же холма происходят аббасидские дирхемы второй половины VIII—IX в., скандинавская овальная фибула X в. и железный стержень с двумя бусинами на конце. Блюдо хранится в Эрмитаже.

Вещевой комплекс из Торопца датирован Г. Ф. Корзухиной второй половиной IX—второй половиной X в. Корни орнамента блюда она предложила искать на арабском Востоке⁷⁸⁶.

Диаметр блюда 50 см. Оно смято, имеет трещины, большой кусок утрачен. Орнамент на внутренней

⁷⁸¹ А. В. Арциховский, 1953, стр. 386, рис. 24; S. Fajans, 1957, стр. 68, табл. 1, 2.

⁷⁸² А. В. Арциховский, 1953, стр. 368.

⁷⁸³ А. С. Уваров, 1910, стр. 104, табл. XXXIII, 96.

⁷⁸⁴ Б. Н. Маршак, 1972.

⁷⁸⁵ Early Christian and Byzantine Art, табл. XL, 276; W. F. Wolbach, 1954, табл. 7.

⁷⁸⁶ Г. Ф. Корзухина, 1964, стр. 305—312, табл. 4, 1.

стороне вырезан глубокими линиями. Прямой стебель, выходя из вазы, делит круглое поле на две равные части. От стебля в обе стороны отходят изогнутые побеги с листьями и цветами-розетками. Еще в древности трещины на блюде укрепили с обратной стороны девятью пластинками на гвоздиках. Заплатки украшены набором пунсонов (до починки блюда служили оковкой какого-то предмета). Подобная орнаментация была распространена в Северной Европе и на северо-западе Восточной Европы до XI в. включительно ⁷⁸⁷.

Ряд признаков сближает блюдо с раннеисламским металлом. Ср. орнамент в виде «елочки» на бортике с блюдом табл. 6, 4. С бронзовым кувшином из Басры IX в. блюдо сходно мотивом маленьких кружков (на кувшине — в завитках листьев ⁷⁸⁸, на блюде — в заполнении фона), поясками из точечных вдавлений (ср. также бронзовый кувшин X в. из коллекции Левизона) ⁷⁸⁹, формой листьев. На бронзовом кувшине из погребения халифа Марвана II ал-Химара (744—750) между арками вверху выгравированы амфоровидные вазы с растениями, внутри арок — розетки ⁷⁹⁰. Не оставлено свободных от гравированного орнамента участков на бронзовом блюде Берлинского музея ⁷⁹¹. Сходство здания в центральном медальоне с бухарским мавзолеем Исмаила Самани рубежа IX—X вв. дало основание датировать его временем Саманидов ⁷⁹². Ср. кувшины под колоннами постройки, лотосы по сторонам портала (на блюде из Торопца лотос в сердцевидном стебле под вазой), листья растений в радиальных аркадах и мотив распахнутых крыльев в основании павильона и верхушках деревьев под арками.

На блюде из Торопца сильно стилизованные распахнутые крылья заполняют бордюр. Этот мотив, восходящий к сасанидской иконографии ⁷⁹³, стал общим местом в искусстве Омейядов и Аббасидов ⁷⁹⁴: мозаика купола мечети Скалы в Иерусалиме, где изображения «распахнутых крыльев» скомбинированы с виноградными лозами в вазах ⁷⁹⁵; фриз Мшатты первой половины VIII в. ⁷⁹⁶). Близки пальметты раннеаббасидского времени в форме пары крыльев (люстровый изразец IX в. из Большой мечети в Кайруане ⁷⁹⁷; керамика и штук Самарры IX в. ⁷⁹⁸). В штукном декоре Самарры обычны трехлопастные листья, аналогичные листьям на блюде, а в стеновых росписях — розетки (на одеждах фигур) ⁷⁹⁹. Только в раннеисламской орнаментике пальметки в виде крыльев сочетаются с растительными формами.

⁷⁸⁷ Г. Ф. Корзухина, 1964, стр. 308.

⁷⁸⁸ Б. И. Маршак, 1972, рис. 4, 3.

⁷⁸⁹ Там же, стр. 65, 69, рис. 5, 6.

⁷⁹⁰ F. Sarre, 1934, стр. 14, рис. 5.

⁷⁹¹ SPA, IV, 1938, табл. 237.

⁷⁹² J. Sauvaget, 1940, стр. 22 и сл. По мнению Б. И. Маршака, берлинское и торопецкое блюдо — месопотамские аббасидского времени (до середины X в.). В композиции на блюде из Берлина он видит «осознанный зороастрийский сюжет».

⁷⁹³ Крылья на коронах сасанидских царей (с Варахрана II, 276—293) связаны с Вретрагнией. Одно из его воплощений — хящная птица Варган (К. Erdmann, 1951, стр. 87, 97).

⁷⁹⁴ Б. И. Маршак, 1972, стр. 80.

⁷⁹⁵ G. Migeon, 1927, рис. 101.

⁷⁹⁶ M. S. Dimand, 1937, стр. 326, 331.

⁷⁹⁷ Там же, рис. 56.

⁷⁹⁸ Там же, рис. 57; E. Herzfeld, 1923, рис. 66.

⁷⁹⁹ E. Herzfeld, 1927, табл. XLIII.

Ваза, из которой «вырастает» растение с листьями и цветами, ветвь граната или виноградная лоза, — мотив, известный в римском и сасанидском искусстве ⁸⁰⁰. В живописи Пянджикента он имел отношение к осенним празднествам плодородия ⁸⁰¹. Мотив «вазарастения» особенно распространен в мусульманском искусстве (мозаика мечети Скалы в Иерусалиме конца VII в. ⁸⁰²; среднеазиатские глиняные очажки X—XII вв. ⁸⁰³; бронзовые блюда из Дагестана ⁸⁰⁴ и т. д.). Он сохранил свое значение до XV—XVII вв. (среднеазиатские мраморные надгробия, мозаики медресе Шир-дор в Самарканде и медресе Абдулазисхана в Бухаре и т. д.). Бьющиеся стебли с цветами-розетками украшают ткани и поливную керамику X—XIII вв. ⁸⁰⁵

Л. И. Рингбом полагает, что в сасанидской иконографии ваза означала источник Ардвисуры Анахиты. В центре бронзового блюда Берлинского музея представлен «парадиз» в виде четырех крестообразно расположенных ваз с тремя ростками в каждой и с павлинами по сторонам. Другие атрибуты Анахиты — гранат, виноград, плющ — занимают радиальные аркады ⁸⁰⁶. Композиция «ваза-букет» звучна древнеарабскому культу священных деревьев, который не исчез и при исламе. Верили, что душа человека после его смерти воплощается в дереве или растении. В Сирии и Палестине могилы святых располагались под каким-нибудь деревом — обиталищем души умершего ⁸⁰⁷.

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

Гнездовский могильник

99. Светильник в форме женской головы. Бронза. Литье, гравировка. Иран (Хорасан?). IX—X вв. (табл. 45, 4—6)

Найден в 1874 г. при раскопках М. Ф. Куспинского в Гнездове. В кургане с трупосожжением, кроме светильника, обнаружены три бронзовые «шумящие» подвески с утиными лапками на цепочках. Светильник хранится в ГИМ. В. И. Сизов отнес его к изделиям Персии ⁸⁰⁸.

Длина светильника 16,5 см, высота 6,5 см, толщина стенок 1,5—2 мм. На нем имеются вмятины и сквозные отверстия. Отлит по способу потерянной формы — следовательно, в единственном экземпляре. У светильника два рожка, средняя часть в виде женской головы. Волосы, брови, ресницы выполнены гравировкой. Красивое лицо восточного типа: большие миндалевидные глаза, тонкий нос слегка заострен к концу, рот маленький. В сквозное отверстие в носу вставлен шарик бирюзы ⁸⁰⁹. На месте зрачков круглые углубления (были инкрустированы?).

⁸⁰⁰ R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 10.

⁸⁰¹ А. М. Беленицкий, 1960, стр. 44, рис. 2.

⁸⁰² E. Diez, 1915, рис. 81.

⁸⁰³ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1965, илл. 228.

⁸⁰⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 64, 65.

⁸⁰⁵ G. Marçais, 1962, табл. V; SPA, VI, 1938, табл. 698A.

⁸⁰⁶ L. I. Ringbom, 1957, стр. 20, рис. 14—16.

⁸⁰⁷ И. Н. Визников, 1930, стр. 374—375.

⁸⁰⁸ В. И. Сизов, 1902, стр. 60—61, табл. VIII, 4.

⁸⁰⁹ Согласно Бируни, «полусферические, округлые, похожие на виноградины» камни любили хорасанцы и индийцы, тогда как жители Ирака предпочитали плоские камни (Бируни, 1963, стр. 158).

Крупные разработки лучшей в мире темно-голубой бирюзы находились возле Нишапура в Хорасане. «Бирюзу находят только около Нишапура» (Ас-Саалиби, XI в.)⁸¹⁰. Отсюда ее вывозили «во все окраины мира» (ал-Макдиси, конец X в.)⁸¹¹. Об Илякском руднике бирюзы в долине Ангрена (между Ташкентом и Ходжентом) Бируни сообщает как об исыакшем⁸¹². По свидетельству Марко Поло, бирюзу добывали в Кермане⁸¹³. Бируни называет ее «камнем победы, камнем «от сглаза» и камнем сана»⁸¹⁴. «А родов перстней — много, но царей достойны лишь два. Один яхонт. . . А другой — бирюза, из-за его названия («пируз» — победа. — В. Д) и из-за приятности и сладостности его цвета. А свойство его — предохранять от дурного глаза и от страха во время сна» («Ноуруз-наме», XI в.)⁸¹⁵.

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

Киевский клад 1889 г.

Найден рабочими, рывшими яму в усадьбе У. Ф. Раковского по Рейтарской ул. Вещи, в том числе два перстня, были сложены в небольшом медном котелке шарообразной формы с остроконечной крышкой. Судя по комплексу русских украшений, клад зарыт между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Местонахождение вещей ныне неизвестно⁸¹⁶.

100. Перстень с арабской надписью. Золото. Гравировка. XII—XIII вв. (табл. 39, 21)

На щитке почерком куфи вырезано искаженное подражание слову «Аллах» (в обратном начертании). По мнению В. А. Крачковской, элементы письма восходят к X в. Но спиральный орнамент по сторонам щитка как будто более поздний.

На другом золотом перстне (табл. 39, 22) орнамент из элементов арабских букв составил чисто декоративную композицию.

Киевский клад 1936 г.

Найден при раскопках Киевской археологической экспедиции северо-восточнее Десятинной церкви, на склоне рва, окружавшего довлاديمиров Киев (на глубине 3 м). Кроме русских украшений, в состав клада, зарытого между 70-ми годами XII в. и 1240 г., входили три перстня. Вещи хранятся в Киевском историческом музее⁸¹⁷.

101. Три перстня. Серебро. Гравировка, позолота, чернь (?). Вторая половина XI—первая половина XIII в.

а. Перстень ажурный диаметром 2 см (табл. 39, 23). На квадратном (1,5×1,5 см) щитке шрифтом XII—XIII вв. вырезано по-армянски имя «Арзен» (надпись прочитана Р. М. Джанполадян). Круглые утолщения по краю щитка позолочены.

б. Перстень с растительным орнаментом на черном (?) фоне (табл. 39, 24). Судя по форме и узору,

близкому орнаменту сосудов XI—XII вв. (см. ниже рис. 15, 3—5), он восточной работы.

в. Перстень с геометрическим орнаментом (табл. 39, 25). Отсутствие древнерусских аналогий позволяет предположить его восточное происхождение.

Киев

102. Крышка курильницы в форме головы барса. Бронза. Литье, гравировка. Иран (?). XII—первая треть XIII в. (табл. 46, 3, 4)

Найдена в Киеве (?). Хранилась в собрании Ханенко⁸¹⁸.

Головка барса с прорезанными глазами и пастью поляя. На шее — растительный орнамент.

Бронзовые курильницы XII в. в виде стоящего зверя семейства кошачьих хранятся в Лувре⁸¹⁹, Эрмитаже⁸²⁰ (надпись с именем мастера Али ибн Мухаммада ат-Таки датирована М. М. Дьяконовым второй половиной XI—первой половиной XII в.)⁸²¹, Археологическом музее Тегерана⁸²². Все три экземпляра хорасанской работы⁸²³ сближают с киевским флора откидной крышки и ажурный орнамент. Но киевская головка меньшего размера и примитивнее. Отсутствует инкрустация (эрмитажная курильница инкрустирована медью, в глаза барса из Лувра вставлена бирюза), схематичнее трактована голова с прижатыми (а не стоячими) ушами, узор на шее упрощен, хотя и включает сходные пальметты. Вещь могли выполнить вне границ Ирана (подобно курильнице в виде барса, крышка от которой найдена в Дманиси в слоях XII—XIII вв.⁸²⁴).

Сахновка

103. Ступка. Бронза. Литье, гравировка. Малая Азия или Армения. Первая треть XIII в. (табл. 47, 5)

Найдена на городище Девица в с. Сахновка Каневского у. Киевской губ., в нижнем течении р. Рось. Хранилась в коллекции Ханенко⁸²⁵.

Ступка восьмигранная с миндалевидными выступами. На гранях выгравированы арочки с растительным узором по сторонам. В нижней части видна арабская надпись (или подражание ей). Аналогична ступкам табл. 47, 1—4.

Ржищев

103а. Блюдо с изображением львов. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Малая Азия или Сирия. Вторая половина XII—первая половина XIII в. (табл. 43, 4, 5)

Найдено в окрестностях с. Ржищев Киевского у.⁸²⁶ Хранится в Киевском музее западного и восточного искусства.

Блюдо в форме сегмента сферы. Диаметр 17,5 см, высота 6 см. Дно плоское. Внутри в позолоченном медальоне диаметром 8 см (имеет пробойну) — два льва и львенок. Фигуры чеканены в рельефе и раз-

⁸¹⁰ Там же, примеч. на стр. 456.

⁸¹¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 203.

⁸¹² Бируни, 1963, стр. 159.

⁸¹³ Книга Марко Поло, стр. 66.

⁸¹⁴ Бируни, 1963, стр. 158.

⁸¹⁵ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, 1963, стр. 10.

⁸¹⁶ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 32, 117, табл. XXXVII.

⁸¹⁷ Там же, стр. 32, 108, табл. XXIX.

⁸¹⁸ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. X, 257.

⁸¹⁹ SPA, IX, 1939, табл. 1297.

⁸²⁰ Там же, табл. 1304А.

⁸²¹ М. М. Дьяконов, 1947а, стр. 166.

⁸²² А. Godard, 1962, табл. 172.

⁸²³ А. А. Иванов, 1969, стр. 31.

⁸²⁴ Л. Мусхелишвили, 1940, стр. 281, рис. 12.

⁸²⁵ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, табл. XXIII, 358.

⁸²⁶ Там же, табл. XXVI, 401.

работаны гравировкой с лицевой стороны. От медальона расходятся шесть радиальных позолоченных полос с пальметтами внутри вьющегося стебля. Снаружи три концентрические позолоченные полосы без орнамента.

В изображениях львов находим сходство со львами малоазиатского металла первой половины XIII в. (ср. пунсонную проработку туловища на табл. 42, 6; трактовку морд и лап на табл. 42, 7). На сельджукской штукатурной плите из Диярбакыра (Амида) вырезан геральдический лев, хвост которого, как и на блюде, оканчивается звериной головой⁸²⁷. Для атрибуции блюда важен серебряный ларец XII в. из кафедрального собора св. Вацлава в Кракове — так называемый реликварий св. Станислава (табл. 43, 6, 7)⁸²⁸. По М. Соколовскому, его выполнил мусульманский мастер для владельца-христианина в одном из центров, завоеванных крестоносцами (Антиохия, Эдесса, Иерусалим)⁸²⁹. К изделиям крестоносцев относят ларец Б. И. Маршак⁸³⁰. С блюдом ларец сближает ряд мелких деталей. Ср. передачу морды и гривы льва, которого убивает герой, и моделировку львиных лап (табл. 43, 6). Трилистники в промежутках между арочками близки лепесткам пальметт и свернутым листьям над львами блюда (ср. также табл. 43, 1, 2). Хвосты сфинкса и дракона на боковой стенке ларца заканчиваются звериными головками. Лист в основании крыла сфинкса ср. с кувшином табл. 43, 1, 2. Этот сфинкс находит аналогию на глиняной паломнической фляжке XII в. из Сирии⁸³¹. По черневым завиткам фона куфической надписи краковский ларец датируется временем не ранее второй половины XII в. На обоих памятниках заметно воздействие искусства Византии. К византийским прототипам восходят пальметты внутри вьющихся стеблей⁸³².

Шпилевский клад

В 1887 г. вырыт крестьянином близ с. Шпилевка Сумского у. Харьковской губ. Вещи находились в глиняном сосуде, прикрытом сверху камнем. Кроме серебряных браслетов с завязанными концами, поясных бляшек и золотого кольца клад содержал 98 дирхемов 896/7—966/7 гг. и византийскую монету 948—959 гг. Зарыт во второй половине X или на рубеже X—XI вв. Клад разошелся по рукам. Часть монет и вещей, в том числе три поясные накладки, хранилась в Петербургском археологическом институте⁸³³. В момент находки клада поясных украшений было много, среди них — одна серебряная пряжка.

104. Три накладки от поясного набора. Серебро. IX—X вв. (табл. 39, 2, 3)

Накладки (две пятиугольные, третья — сердцевидная с подвижным кольцом) украшены пальметтой.

Мышеловка

В 1896 г. в с. Мышеловка Киевского у. при рытье погребка найден клад в круглодонной красноглиняной амфоре. Кроме поясных украшений, в его состав

входили 11 денежных слитков, из них 7 — ромбовидные и 4 — неправильной овальной формы. Клад хранится в Киевском историческом музее⁸³⁴.

105. Наконечники, накладки, скобы, кольца и пряжки от поясов (21). Серебро. Тиснение, гравировка, чернь, позолота. Иран или Средняя Азия. XI в. (табл. 40; 41)

а. Две большие накладки с изображениями слуг (табл. 41, 9, 10). Размеры 2,5×5×0,8 см. На обороте штифты для прикрепления к ремню. Фигуры и надписи выгравированы и позолочены. В промежутках — растительные завитки на черневом фоне. В довольно безграмотных надписях почерком куфи читаются слова «благополучие», «власть». Головы слуг окружены декоративными нимбами. Оба в коротких кафтанах с узкими рукавами. Пояса с подвижными ремешками. Чалмы маленькие, туго свернутые. У одного из слуг руки скрещены на груди (ср. табл. 38, 1), другой держит цветок и бокал (ср. табл. 6, 5).

б. Две большие накладки с надписью «успех» (табл. 40, 5, 6). Размеры 3,2×5,4 см. Между буквами растительные завитки на черневом фоне. На обороте остатки ремня.

в. Накладка с изображением двух зверей по сторонам растения (табл. 40, 2, 8). Размеры 2,3×4×0,5 см. Орнамент рельефный позолоченный. Детали выделены чернью. Форма накладки определила вытянутые пропорции четвероногих. Их сросшиеся хвосты образуют пальметку.

г. Две накладки с изображением льва (табл. 41, 11, 12). Размеры 2,4×2,3×0,7 см. Орнамент рельефный позолоченный. Детали оттенены чернью.

д. Четыре накладки с растительным узором (табл. 41, 13—16). Размеры 1,5×3×0,5 см. На обороте по три штифта. Пальметты вписаны в сердцевидные обрамления с чернью. Фон позолочен. Ср. пальметты на табл. 32, 2.

е. Две пятиугольные пряжки с надписью «благополучие» (табл. 41, 1—3). Размеры 1,3×1,7×1 см. Пряжки двусторонние с двумя петлями. Орнамент выгравирован и позолочен. Между буквами — вьющиеся стебли на черневом фоне. Растительный узор есть и на оборотной стороне с головками трех штифтов.

ж. Накладка с изображением двух сфинксов с общей головой (табл. 40, 1, 7). Размеры 2,9×2,3×2,6 см. Рельефные фигуры с черневыми деталями оставлены в серебре. Фон позолочен. Схематизированные львиные туловища даны в профиль. На передних лапах рельефно выделены пальцы. Хвосты кончатся стилизованной звериной головкой (?)⁸³⁵. Ср. головы животных на табл. 40, 8. В центре большая женская голова обоих сфинксов. Длинные волосы с пробором посредине и два овальных выступа на макушке. Шею охватывает широкий воротник.

Мотив двух сросшихся сфинксов не находит параллелей в искусстве ислама. Отсутствие крыльев, нимба, короны (или шапочки) отличает их от сфинксов, распространившихся в мусульманском приклад-

⁸²⁷ M. van Berchem, J. Strzygowski, 1910, рис. 301.

⁸²⁸ Sztuka polska, 1971, рис. 1029—1032.

⁸²⁹ M. Sokolowski, 1888, стр. 151—160.

⁸³⁰ Б. И. Маршак, 1973, стр. 22.

⁸³¹ Burchard Brentjes, табл. 84.

⁸³² Ср.: А. В. Банк, 1971, рис. 8.

⁸³³ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 23, 86, табл. IX.

⁸³⁴ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 133—134, табл. LVI.

⁸³⁵ Сфинкс со звериной головой на хвосте украшает глиняную паломническую фляжку XIII—XIV вв. из Сирии (Burchard Brentjes, табл. 84). Коронованный сфинкс, хвост которого оканчивается мордой животного, изображен на иранском медном подносе XIV в. (А. А. Иванов, 1967, стр. 100).

ном искусстве с середины XII в.⁸³⁶ В иранской керамике и металле XII—XIII вв. эти существа соединены в геральдические пары. В качестве атрибута царственности они flankируют государя, сидящего на троне, сопровождают его во время охоты или пира⁸³⁷. Человечеколовые четвероногие, сохранившие древневосточное соллярное значение⁸³⁸, связаны и с поверьями о загробной жизни. На погребальных покровах эти небесные создания напоминали правверным о посмертном бытии, воплощая надежду на достижение райского блаженства⁸³⁹. В искусстве ислама сфинкс — благожелательный образ.

з. Накладка-скоба с изображением птиц по сторонам цветка (табл. 40, 3, 9). Размеры 2,6×1×1,5 см. Рельефные фигуры оставлены в серебре и декорированы чернью. Фон позолочен.

л. Две накладки-скобы с растительным орнаментом (табл. 41, 4—6). Размеры 3×1,5×1 см. Узор выгравирован и позолочен. В промежутках растительные завитки на черном фоне. На одной из длинных сторон картуши, образованные ленточной плетенкой, на другой — сердцевидный стебель с пальметками на концах. Короткие боковые стороны украшены пальметками.

к. Фигурная накладка-скоба с растительными завитками на черном фоне (табл. 41, 7). Длина 3,5 см.

л. Два кольца (табл. 41, 8). Диаметр 5 см, толщина 0,6 см. Узор в виде цепочки из колец выгравирован и позолочен.

м. Медная пряжка (табл. 40, 4).

Куфические надписи, прочитанные А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым, отнесены ими к XI—XII вв. По характеру фона орнамента и надписей поясные украшения датируются XI в. Дата подтверждается поясной накладкой из Отрара (XI в.). Так как шестиугольные слитки обращались уже ко второй половине XI в.⁸⁴⁰, нет оснований включать клад в группу закрытых между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (*Г. Ф. Корзухина*). Скорее он спрятан на рубеже XI—XII вв.

КРЫМ

Херсонес

106. Накладка от ручки ковша с изображением львов. Бронза. Литье, гравировка. Закавказье (Армения?). XIII в. (табл. 42, 7)

Найдена близ Херсонеса. Хранится в ГИМ. Пластина массивная, толщиной 1 мм. Размеры 10×6,7 см (с левой стороны обломана)⁸⁴¹.

На ней две медные заклепки для прикрепления накладки к ковшу и два сквозных отверстия от нижней части ручки (утрачена). Профильные львы и дерево между ними исполнены в плоском рельефе и детализированы резцом. Ср. семиплодную с килевидным завершением ручку ковшика табл. 42, 6. Зверь на ней сближается со львом херсонесской накладки отделенными дужкой лапами, передачей

пальцев и хвоста. Гравированные растения фона ср. с орнаментом малоазийско-армянских ступок XIII в. (табл. 47, 1—4).

107. Ступка. Бронза. Литье, гравировка, инкрустация красной медью. Малая Азия или Армения. Первая треть XIII в. (табл. 47, 3, 4)

Найдена в 1903 г. при раскопках в Херсонесе⁸⁴². Хранится в Эрмитаже.

Ступка восьмигранная. Внешний диаметр 11 см, диаметр отверстия 8,5 см, высота 8,5 см. На семи гранях — миндалевидные выступы и резные арочки, на восьмой — ручка в виде головы быка. Сверху и снизу выгравирован волнистый стебель, прерываемый на стыке граней миндалевидными фигурами с инкрустацией медью. Такой же узор на верхнем горизонтальном крае.

Аналогичная ступка с арабской благожелательной надписью и головой быка происходит из раскопок Амберда⁸⁴³. Восьмигранная ступка с ручкой в форме бычьей головы и арабской надписью хранится в Метрополитен-музее Нью-Йорка⁸⁴⁴. Полагают, что подобные ступки изготовляли в Армении. Мотив бычьей головы распространен в армянской архитектуре (особенно в XIII в.) в значении родовых знаков армянских князей⁸⁴⁵. Однако он известен и в сельджукском искусстве Анатолии, в том числе на культовых вещах (бронзовая лампа для мечети, исполненная в Конье в 1280/1 г.)⁸⁴⁶. Рельефные бычьей головы украшают фасад большой мечети Диярбакыра в Месопотамии⁸⁴⁷. Бронзовая ручка в форме головы быка находится в частном собрании в Конье⁸⁴⁸.

108. Ступка. Бронза. Литье, гравировка. Малая Азия или Армения. Первая треть XIII в. (табл. 47, 1, 2)

Найдена в Херсонесе. Хранится в Херсонесском музее.

Ступка восьмигранная. Внешний диаметр 14,3 см, диаметр отверстия 11 см, высота 11 см. На семи гранях — миндалевидные выступы и резные арочки с растительным орнаментом по сторонам. Над ручкой арабская надпись:

العز الدائم الا...

«Вечная слава». По верхнему краю ступки выгравирована тройная плетенка, по нижнему — плетенка и имитация арабской надписи. Аналогична ступкам табл. 47, 3—5.

109. Пенал (калемдан) с арабскими надписями. Бронза. Гравировка. Малая Азия (?). XIII в. (табл. 47, 6—8)

Найден в 1903 г. при раскопках в Херсонесе⁸⁴⁹. Хранится в Эрмитаже.

Калемдан — футляр для письменных принадлежностей с отделениями для тростниковых перьев (каламов) и чернильного порошка. Длина 22,5 см. Прямоугольный в сечении он постепенно суживается к концу. На широкой (от 2 до 4 см) лицевой стороне подвижная крышечка. Она прикрывает фигурный

⁸⁴² К. К. Косцюшко-Валюжинич, 1905, стр. 72, рис. 31.

⁸⁴³ Культура и искусство народов Советского Востока, стр. 121—122 (рис.).

⁸⁴⁴ SPA, IX, 1939, табл. 1280С.

⁸⁴⁵ А. Л. Яковсон, 1950, стр. 260—262.

⁸⁴⁶ D. S. Rice, 1955, стр. 240—241, табл. 1.

⁸⁴⁷ Там же, рис. 2.

⁸⁴⁸ T. Talbot Rice, 1961, табл. 42.

⁸⁴⁹ К. К. Косцюшко-Валюжинич, 1905, стр. 86, рис. 43.

⁸³⁶ E. Baer, 1965, стр. 13.

⁸³⁷ Там же, стр. 51, рис. 63, 65, 66.

⁸³⁸ R. Ettinghausen, 1957, стр. 348 и сл.

⁸³⁹ E. Baer, 1965, стр. 65.

⁸⁴⁰ В. Л. Янин, 1956, стр. 171.

⁸⁴¹ Археологические известия и заметки, 1894, стр. 316—317, рис. 19.

вырез в верхней части пенала. Орнамент — восьми-лучевая розетка и вьющийся стебель с пальметками. На обратной стороне сверху — арабская надпись, ниже — медальон с птицей и шнуровой орнамент. На узких (от 1,5 до 2,5 см) боковых сторонах арабские надписи почерком насх (были инкрустированы медью или серебром):

العز الدائم والاقبال والدولة والسعادة وال...

«Вечная слава, и успех, и господство, и счастье». العز الدائم والاقبال والدولة والسعادة والسلامة

«Вечная слава, и успех, и господство, и счастье, и здравие» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Одинаковые ошибки в обеих надписях: в слове الدائم не читаются последние две буквы, в слове دولة лишняя *alif* перед *lam*, в слове سعادة опущен конечный *ta-marbuta*.

Похожий растительный декор и мотив арки с килевидным верхом известен на малоазийских или закавказских ступках XIII в. (табл. 47, 1—5).

ПРИАЗОВЬЕ

Бердянский клад

Найден в 1892 г. при случайных земляных работах в Бердянке⁸⁵⁰. Хранится в Эрмитаже. В состав клада входили:

110. Ковшик из морской раковины. Ручка с изображением льва серебряная, с чеканкой, гравировкой и позолотой. Киликия. Первая половина XIII в. (табл. 42, 4—6)

И. А. Орбели доказал киликийское происхождение ковшика и датировал его концом XII—началом XIII в.⁸⁵¹

Размеры 13,5×16 см, высота раковины 4,5 см⁸⁵². Она окована полосой позолоченного серебра с армянской надписью из трех букв — началом имени «Шахук»⁸⁵³. На горизонтальной накладке ручки — рельефное изображение хищника среди растений. У него грива льва, но пятна, как у барса. Фон точечный. Форма накладок типична для XIII в. В оформлении окон и тимпанов армянских церквей килевидные арки появляются с XIII в., на хачкарах они распространены в XIV—XV вв.⁸⁵⁴ В центре раковины приклепана серебряная пластинка — имитация киликийской монеты Рубенидов. По технике и стилю она идентична ручке. В центре — фигура барапа (вместо льва на монетах), по кругу — армянская надпись «Шахук, раб бога» (видимо, имя мастера) и крестик⁸⁵⁵.

111. Фрагменты кувшинчика. Серебро. Чеканка, гравировка, чернь, позолота. Киликия. XIII в. (табл. 42, 1—3)

Утраченное тулово кувшинчика было яйцевидным, возможно, вырезано из горного хрусталя (по аналогии с фатимидскими кувшинами X—XI вв.)⁸⁵⁶. Высота верхней части сосуда 6 см, диаметр внизу 6,5 см⁸⁵⁷. На горле — нечитаемое подра-

жание арабской надписи почерком насх XIII в.⁸⁵⁸ Крышечка — с шаровидным «яблоком»-рукояткой и шестью чеканными сердцевидными клеймами. Ажурная часть, которая охватывала тулово, украшена пальметтами и узлами плетенки. Черневой орнамент на поддоне, в пальметтах и клеймах крышки близок узору ручки ковшика табл. 42, 6. В петлю на крышке продета пластинчатая ручка с растительным декором. Ажурный поддон диаметром 5,5 см в верхней части обломан. Узкие ленты с меандрами — заимствование из исламского металла.

112. Две серебряные чашечки на поддоне.

У них ложчатые стенки и фигурный горизонтальный бортик. Диаметр 11 см⁸⁵⁹.

113. Накладки. Серебро. Тиснение, гравировка, позолота. Киликия (?). XIII в.

Несколько десятков бляшек, украшавших какой-то предмет, выбиты из тонкого листа серебра и позолочены: а) большие накладки в виде розеток (2 экз.)⁸⁶⁰; б) большие круглые накладки (4 экз.)⁸⁶¹; в) накладки в форме трехлопастной арочки (2 экз.)⁸⁶²; г) овальные (31 экз.) и круглые (33 экз.) бляшки⁸⁶³.

Для декора накладок характерны узкие формообразующие ленты с частыми поперечными нарезками (имитация зерни). Стиль растительных плетений напоминает сельджукскую резьбу по дереву (Конья, XIII в.) Мотив килевидной арочки распространен в армянском и малоазийском искусстве.

Азов

114. Кружка с изображением горных козлов. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Средняя Азия. VIII в. (табл. 9, 1—3)

Найдена в районе Азова, в устье Дона. В 1927 г. поступила в Эрмитаж.

Диаметр кружки 10 см, высота 7,5 см, вес 217,2 г⁸⁶⁴. В четырех медальонах на тулове — изображения горных козлов, чеканенные изнутри и с лицевой стороны проработанные резцом. Фон фигур позолочен. Между медальонами — рельефные пальметты. На горле — гравированный фриз из позолоченных пальметт на пунсонном фоне. На горизонтальной накладке кольцевидной ручки изображена схватка двух обнаженных борцов.

По классификации Б. И. Маршака, кружка занимает промежуточное положение между школами А и В согдийской торевтики (VIII в.). С первой ее сближают козлы, близкие козлам кружки табл. 8, 1—3, полупальметты на горле (похожие см. на плече Сенмурва табл. 5, 3), «скалы»; со второй — ветка над спиной животного, отходящая от рамки медальона с косыми насечками, и розетка на дне⁸⁶⁵. По форме кружка близка керамике Кафыр-калы, Ферганы и Чача конца VII—начала VIII в. Лежащие козлы и трехчастные розетки между медальонами внизу аналогичны штампам кафыркалинской керамики. Сцена борьбы и трехлепестковые полупаль-

⁸⁵⁸ M. van Berchem, 1909, стр. 404.

⁸⁵⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 246, 247.

⁸⁶⁰ ОАК за 1894 г., рис. 66.

⁸⁶¹ Там же, рис. 64.

⁸⁶² Там же, рис. 65.

⁸⁶³ Там же, рис. 63.

⁸⁶⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 54; V. G. Lukontin, 1967, рис. 160, 161.

⁸⁶⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 29—31.

⁸⁵⁰ ОАК за 1894 г., стр. 43.

⁸⁵¹ И. А. Орбели, 1938а.

⁸⁵² Я. И. Смирнов, 1909, № 139.

⁸⁵³ И. А. Орбели, 1938а, стр. 280.

⁸⁵⁴ J. Baltrušaitis, 1955, стр. 267.

⁸⁵⁵ И. А. Орбели, 1938а, стр. 279—282.

⁸⁵⁶ G. Migeon, 1907, рис. 326.

⁸⁵⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 140.

метты с заостренным изогнутым концом известны в росписях Пянджикента⁸⁶⁶.

Единоборство — один из элементов ритуальных игр на сезонных празднествах в честь божеств плодородия. «История династии Тан» рассказывает об обычаях во время празднования Нового года в Фер-

гане: «Владелец и старейшины разделяются на две стороны. От каждой стороны выходит один человек в латах, и они начинают драку с народом, кидая друг в друга черепками и камнями. Драка оканчивается, когда кто-нибудь будет убит. Это есть гадание: счастлив или несчастлив будет год»⁸⁶⁷.

МЕСТО НАХОДКИ НЕИЗВЕСТНО (Россия)

115. Блюдо с изображением всадника, охотящегося на льва и кабана. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Иран (Хорасан?). Рубеж VII—VIII вв. (табл. 2)

Найдено до 1835 г. Хранится в Эрмитаже.

В дореволюционной литературе блюдо фигурировало как «сасанидское»⁸⁶⁸, хотя уже Я. И. Смирнов усомнился в этом⁸⁶⁹. «Сасанидским» или «парфянским» оно названо в компендиуме А. У. Поупа⁸⁷⁰. И. А. Орбели отнес его к поздне- или постсасанидскому времени⁸⁷¹. Н. Н. Забелина и Л. И. Ремпель усмотрели в охотнике представителя согдийской знати VI—VII вв.⁸⁷², что поддержали другие исследователи⁸⁷³. Центральноазиатские элементы экипировки позволили Р. Гиршману высказать гипотезу, что блюдо изготовили в конце VI в. в Согде (?) для тюркского номада (аварского вождя?)⁸⁷⁴. Вeskих оснований говорить о согдийском происхождении вещи нет⁸⁷⁵. В VII—VIII вв. вооружение всадника и конский убор имели более широкий ареал⁸⁷⁶. Снаружи блюда внутри поддона (отломан) — среднеперсидская курсивная надпись (табл. 2, 2). Чтение Э. Херцфельда: «Этот сосуд из серебряных монет приказал сделать Шарвен Масмоган» (член династии, правившей Демавендом до 758/9 г.)⁸⁷⁷. К. Эрдманн, следуя чтению Э. Херцфельда, считает блюдо североперсидским (около 700 г.)⁸⁷⁸. В. А. Лившиц и В. Г. Луконин прочитали надпись иначе: «Этот сосуд приказал сделать Rgr-i Vahman. 302 весовые драхмы». Персидские имена этого типа распространились не ранее VIII—IX вв. Авторы полагают, что блюдо иранское⁸⁷⁹.

Его диаметр 29 см, вес 1265,5 г⁸⁸⁰. Фигуры чеканены с оборота на двух пластинах в высоком многоплановом рельефе (особенно выпуклы головы). Пластины приклепаны к блюду, на котором «дорисованы»

болотные заросли и водоем с рыбами. При «сборке» могли использовать разновременные части. Так, стрела, ранившая кабана, прилетела со стороны, противоположной той, откуда стреляют. Фон позолочен. Позолотой покрыты «повязка почета» на волосах, шейная гривна, браслеты, отвороты и оторочка кафтана, пояс, меч, колчан со стрелами. Позолочены ремни конской сбруи, фалар и элементы пейзажа: растения, утка, рыбы.

Композиция восходит к сасанидским прототипам IV—V вв. (К. Эрдманн)⁸⁸¹. Ср. дикого кабана и рисунок камышей на штукном рельефе из Ктесифона (V—VI вв.) и наскальных рельефах Так и Бостана (около 600 г.). Передача водоема характерна для иранского серебра VII—VIII вв. (табл. 1; 4, 1, 2); около 1200 г. этот мотив возродился в иранской поливной керамике. В остальном блюдо отлчно от сасанидского прообраза.

Волосы всадника перехвачены узкой лентой⁸⁸² (ср. головной убор пирующего на чаше VII—VIII вв. из Мазандарана)⁸⁸³. Серьги — с грушевидной подвеской. Массивная гривна — с граненым обручем и квадратной корбочкой с медальоном в центре. Браслеты с утолщенной серединой носили в конце VII—первой половине VIII в.⁸⁸⁴ Кафтаны с двойными отворотами известны в пещерных росписях Восточного Туркестана, в живописи Балалык-тепе и Афрасиаба, на чаше табл. 25, 1. У всадника два пояса, что характерно для конца VII—VIII вв.⁸⁸⁵ К стрелковому кожаному поясу слева подвешено налучье, справа — колчан. К верхнему поясу с прямоугольными накладными бляшками прикреплен меч на двух ремнях. Верхний пояс указывает на высокое социальное положение владельца, нижний выполняет служебную роль⁸⁸⁶. Пояс с золотыми бляхами и кованный золотой обруч — отличительные знаки иранской знати. В VI—IX вв. наборные пояса были распространены от Японии до Венгрии. Пояс на блюде раннетюркского типа — с гладкими бляхами-оправами и без декоративных подвесных ремешков. Такие же пояса на изваяниях тюркотов, в орхонских памятниках Кюль-Тегина (732 г.), Бильге-

⁸⁶⁶ Там же, стр. 43—44; А. М. Беленицкий, 1973, рис. на стр. 30.

⁸⁶⁷ Я. И. Бичурин, 1950, стр. 319.

⁸⁶⁸ А. Н. Оленин, 1882, стр. 105; И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, 1890, стр. 77—79.

⁸⁶⁹ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7.

⁸⁷⁰ SPA, IV, 1938, табл. 217.

⁸⁷¹ J. Orbeli, 1938, стр. 759.

⁸⁷² Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель, 1948.

⁸⁷³ М. М. Дьяконов, 1954, стр. 136—137; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, 1960, стр. 151—154; В. А. Шишкин, 1963, стр. 219.

⁸⁷⁴ R. Ghirshman, 1963, стр. 307.

⁸⁷⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 8. Автор отметил сходство лица всадника с лицами царей на поздних сасанидских монетах.

⁸⁷⁶ В. И. Распопова, 1970.

⁸⁷⁷ E. Herzfeld, 1932, стр. 151—154.

⁸⁷⁸ K. Erdmann, 1936, стр. 222.

⁸⁷⁹ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 162—163.

⁸⁸⁰ ОАК за 1867 г., стр. 154—155, табл. III, 1—3; Я. И. Смирнов, 1909, № 61.

⁸⁸¹ K. Erdmann, 1936, стр. 222. Ср. блюда с Шапуrom II (И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 6; Я. И. Смирнов, 1909, № 57).

⁸⁸² Ср. повязки всадников на пластинах Копенского чаатаса (С. В. Киселев, 1951, табл. LVII, 1—4; LVIII, 1, 2). Тюркские каганы обвязывали голову шелковой повязкой (R. Ghirshman, 1963, стр. 298).

⁸⁸³ Я. И. Смирнов, 1909, № 66.

⁸⁸⁴ А. К. Амброз, 1971а, стр. 123.

⁸⁸⁵ В. И. Распопова, 1971, стр. 13.

⁸⁸⁶ R. Ghirshman, 1963, стр. 305.

Кагана (735 г.), Тоньюкука, в росписях Афрасиаба (VII в.), Пянджикента, Варахши, Балалык-тепе и Восточного Туркестана⁸⁸⁷. Прямоугольные поясные бляшки с узкой прямоугольной прорезью для продевания ремешка найдены в верхних слоях Пянджикента (по монетам датированы второй половиной VII в.—70-ми годами VIII в.). Массовое распространение согдийских наборных поясов относится к концу VII—VIII в. и связано с включением Согда в систему Западнотюркского каганата. Бляшки той же формы есть в погребениях Сибири и Семиречья⁸⁸⁸.

В VII—VIII вв. распространился введенный степными народами Центральной Азии наклонный способ подвешивания меча, колчана и налучья. Он позволял воину при необходимости вести бой спешившись⁸⁸⁹. Один из ремней прикреплен к верхней части ножен меча, другой — примерно на одну треть ниже верхнего конца ножен⁸⁹⁰. Форма ножен с двумя Р-образными ушками для ремней характерна для VI—VIII вв. Меч прямой двулезвийный. Фигурная асимметричная рукоять аналогична рукоятям мечей VI—VII вв. из Дейлема (частная коллекция в Женеве)⁸⁹¹. В отличие от дейлемских мечей показан и перекрестье. Меч Пур-и Вахмана ближе иранским (Дейлем, Так-и Бостан), чем согдийским (более узким колющим) и восточнотуркестанским VII—VIII вв. Последние длинные, прямые, двуручные; рукояти у них с большими перекрестьями и грибовидными или круглыми набалдашниками⁸⁹².

Охотник стреляет из сложносоставного лука монгольским способом: тетива натянута большим пальцем, указательный, нажимая сверху на ноготь большого пальца, вместе с ним держит стрелу⁸⁹³. Твердое кожаное налучье с сильно загнутой верхней частью и косо срезанной нижней отлично от «чудлообразных» налучий в росписях Пянджикента⁸⁹⁴, Восточного Туркестана⁸⁹⁵, на аниковском блюде (табл. 24). Иранцы носили лук с натянутой тетивой, а тюрки — в спущенном виде, чтобы сохранить его эластичность⁸⁹⁶. В раннесасанидское время налучья не употребляли. Как свидетельствует рельеф Так-и Бостана, где лук висит на шее царя, его не всегда носили и позднее. На статуе Хосрова II в Так-и Бостане показано налучье, аналогичное изображенному на блюде⁸⁹⁷. В отличие от расширяющихся книзу тюркских колчанов (Алтай, Минусинский край, Восточный Туркестан) колчан расширен в верхней части (стрелы лежат оперением вверх). Этот тип, обычный на иранских «охотничьих» блюдах⁸⁹⁸, изредка встречается в росписях Пянджи-

кента и Восточного Туркестана⁸⁹⁹, в алебастровом декоре Варахши⁹⁰⁰. Высокие сапоги у всадника без каблук, с острым загнутым носком. Голенщик, косо срезанное сверху, образует треугольный подъем для защиты колен. Похожий сафьяновый сапог найден в Хасаутском могильнике близ Кисловодска (VIII—XII вв.)⁹⁰¹. Аналогичные сапоги видим в пещерной живописи Восточного Туркестана⁹⁰². С VI в. их носили в Иране (эрмитажное блюдо с Хосровом I Ануширваном⁹⁰³, блюдо из Чердыни⁹⁰⁴, рельефы Так-и Бостана)⁹⁰⁵.

Мундштучные удила известны по находкам и изображениям в Иране, у боевых коней в пянджикентской живописи, тогда как у тюрков, народов Восточного Туркестана и Юго-Восточной Европы были распространены удила с псалиями. Это связано с разной тактикой боя тяжелой строевой кавалерии Согда и легкой конницы кочевников⁹⁰⁶. Фалар-апотропей в виде мужского лица очень близок найденному в Константинополе серебряному фалару с византийскими клеймами, относящимися ко времени не раньше второй половины VII в. и не позже 726 г.⁹⁰⁷ Стременной ремень расположен у передней луки жесткого арочного седла, как на танских погребальных статуэтках из Восточного Туркестана⁹⁰⁸. О типе стремени судить трудно, так как не видна подножка. По-видимому, в Иране стремя появилось не ранее VII в. На сасанидском серебре всадники без стремян, с опущенными носками. Стремян нет на конной статуе Хосрова II в Так-и Бостане⁹⁰⁹ и «охотничьих» блюдах VII—VIII вв.⁹¹⁰ В охотничьих сценах Так-и Бостана всадники также изображены без стремян⁹¹¹. В стремени на блюде с Пур-и Вахманом видят аргумент в пользу датировки постсасанидским временем⁹¹².

Чепрак украшен «тигриными полосами», как в орнаменте тканей Так-и Бостана⁹¹³. На Востоке шкуре тигра приписывали чудодейственные свойства⁹¹⁴. Нагрудный и подхвостный ремни привязаны к чепраку, что не встречаем в сасанидской иконографии⁹¹⁵. Шея коня перехвачена широким ремнем с двумя рядами круглых бляшек и большими бляхами-оправами. Этот «ошейник», известный в позднесасанидском конском уборе⁹¹⁶, — один из атрибутов высокого ранга седока. Стрижка гривы с оставленными прямоугольными пучками и длинной прядью внизу (чтобы схватить ее левой рукой при прыжке

⁸⁸⁹ В. А. Шишкин, 1963, стр. 216—217.

⁹⁰⁰ Там же, рис. 103.

⁹⁰¹ А. П. Рункич, 1971, рис. 6, 3.

⁹⁰² А. von Le Coq, 1925, рис. 11, 18, 40.

⁹⁰³ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 13.

⁹⁰⁴ К. В. Тревер, 1937, табл. II.

⁹⁰⁵ Е. Н. Пеэк, 1969, стр. 113—114, табл. VI, VII.

⁹⁰⁶ В. И. Распопова, 1970, стр. 90.

⁹⁰⁷ Е. Cruikshank Dodd, 1961, № 99.

⁹⁰⁸ С. И. Вайнштейн, 1966, стр. 70, рис. 5, 6.

⁹⁰⁹ F. Sarre, E. Herzfeld, 1910, табл. XXXVII.

⁹¹⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 309; И. А. Луначев, 1968.

⁹¹¹ Таq-i Bustan, 1969, табл. LXXVII и сл.

⁹¹² J. F. Haskins, 1952, стр. 346.

⁹¹³ Е. Н. Пеэк, 1969, табл. VI.

⁹¹⁴ Э. П. Соколова, 1972, стр. 179.

⁹¹⁵ Кроме блюда из парижской Национальной библиотеки (Я. И. Смирнов, 1909, № 59), которое возникло вне сасанидского придворного круга (К. Erdmann, 1936, стр. 212—216). По мнению В. И. Маршака, на нем изображен один из пяти царей 628—633 гг., монеты которых неизвестны (В. И. Маршак, Я. К. Кривис, 1969, стр. 65).

⁹¹⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 59, 60.

⁸⁸⁷ А. К. Амброз, 1971, стр. 126.

⁸⁸⁸ В. И. Распопова, 1965, стр. 80—82, 89, 91, рис. 1, 1, 2, 23.

⁸⁸⁹ В. И. Распопова, 1970, стр. 88.

⁸⁹⁰ Как на мугском щите (Живопись древнего Пянджикента, табл. V) и рельефах Так-и Бостана (R. Ghirshman, 1963, рис. 16).

⁸⁹¹ R. Ghirshman, 1963, стр. 298, рис. 1—3.

⁸⁹² А. von Le Coq, 1925, стр. 15—16, рис. 8, 9, 11, 17, 85, 86, 88.

⁸⁹³ К. А. Иностранцев, 1909, стр. 70—71; Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель, 1948, стр. 4—5.

⁸⁹⁴ Живопись древнего Пянджикента, табл. V, XXXIII, XXXV.

⁸⁹⁵ А. von Le Coq, 1925, рис. 32, 65.

⁸⁹⁶ R. Ghirshman, 1958, стр. 62—63.

⁸⁹⁷ Таq-i Bustan, 1972, табл. XXXV; XL; В. И. Маршак, 1971, стр. 8.

⁸⁹⁸ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 4, 5, 9, 10, 12, 14, 15.

в седло) скорее иранская («охотничьи» блюда), чем кочевническая. В VII—VIII вв. в Китае, Восточном Туркестане и Южной Сибири лошадей изображали с гривой, подстриженной коротко и ровно или с треугольными пучками⁹¹⁷. Гривы согдийских боевых коней не имели зубцов (Пянджикент). Двойной узел на хвосте ближе сасанидской моде⁹¹⁸.

Снаряжение коня и всадника нельзя назвать ни чисто «тюркским», ни «согдийским». Стрижка гривы, подвязанный хвост, «ошейник» и фалары сохраняют сасанидскую традицию. Ближе к иранским типам меч, колчан и налучье. К нововведениям, пришедшим в Иран с востока не ранее VII в., относятся кафтан с двумя отворотами, два пояса, в том числе наборный, наклонное крепление меча, в связи с чем на ножнах появляются Р-образные ушки (в сасанидском Иране верх ножен прикрепляли к портуpee, свободно охватывающей туловище, и меч висел вертикально), седло с твердым остовом, стремяна. Таким образом, влияние тюркоязычных кочевников сказалось в costume вельможи (головная повязка, кафтан, сапоги) и конской сбруе. То же характерно для охотничьих рельефов Так-и Бостана времени Хосрова II (590—628)⁹¹⁹. Проникновение моды восточных кочевников в Иран, усилившееся при Хосрове I (531—578)⁹²⁰, становится еще заметнее в VII в. и после крушения Сасанидского государства. Процесс смены в VI—VII вв. традиционного комплекса вооружения, похожего на раннесасанидский и кушанский, новым, близким тюркскому, прослежен В. И. Распоповой на материалах Согда⁹²¹.

Возможно, блюдо выполнено в Восточном Иране, куда элементы кочевнической культуры проникли раньше. Браслеты и пояс с гладкими бляхами-оправами датируют его временем от рубежа VII—VIII до середины VIII в. Предпочтительнее начало VIII в., так как судя по фреске в Каср ал-Хайр в Сирии, уже около 730 г. похожее снаряжение имели арабские воины⁹²².

Сходство льва, особенно морды и гривы, со львами на кувшине табл. 3 позволяет включить обе вещи в одну группу.

116. Кувшин с изображением двух пар львов. Серебро. Чеканка, гравировка, позолота. Иран. Рубеж VII—VIII вв. (табл. 3)

Найден до 1846 г. в России (происходит из собрания П. Д. Солтыкова). Хранится в парижской Национальной библиотеке (Кабинет монет и древностей)⁹²³. Ф. Зарре и Р. Гиршман отнесли кувшин к VI—VII вв.⁹²⁴

Высота кувшина 34,5 см, диаметр 15 см, толщина стенок у носика 1 мм. Состоит из нескольких спаянных частей. Вытянутое горло с продолговатым носиком плавно переходит в яйцевидное тулово. Снизу к тулову припаяно дно, а ко дну — высокая ножка. Основание ножки — особая часть, верхний край которой вставлен в расширение валика. Такой же ложновитой валик отделяет горло. Ручка утрачена.

⁹¹⁷ A. von Le Coq, 1925, рис. 32, 33, 50, 69, 99, 100, 135. См. чашу табл. 25, 1.

⁹¹⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 60.

⁹¹⁹ Е. Н. Реск, 1969.

⁹²⁰ Там же, стр. 123.

⁹²¹ В. И. Распопова, 1971.

⁹²² Н. Г. Фармер, 1966, рис. 16.

⁹²³ Я. И. Смирнов, 1909, № 85.

⁹²⁴ F. Sarre, 1923, табл. 128; R. Ghirshman, 1962, рис. 404.

Орнамент чеканен изнутри и разделан чеканом и резцом с лицевой стороны. Высота рельефа доходит до 3—4 мм. Фон покрыт позолотой. Позолочены узкая полоска над верхним валиком и нижний вертикальный край ножки.

По форме близок перещепинскому (не позднее второй половины VII в.)⁹²⁵ и павловскому кувшину⁹²⁶. Изображения подобных кувшинов см. в сасанидской и постсасанидской тореитике⁹²⁷, на инвестиционном рельефе Так-и Бостана⁹²⁸. Орнамент близок позднесасанидскому (ср. дерево на кувшине с капителями Так-и Бостана⁹²⁹, полукруглые «скалы» — с теми же элементами в сасанидском металле), но встречается и в VIII в. (ср. деревья в штуче Каср ал-Хайр ал-Гарби, около 730 г.)⁹³⁰. Аканфовый фриз в верхней части тулова аналогичен штучковым рельефам Самарры⁹³¹, что привело к ошибочной датировке кувшина аббасидским временем⁹³². Подобные композиции из стилизованных листьев см. в резном штуче Варахши (рубеж VII—VIII вв.)⁹³³ и рельефном фризе Мшатты (первая половина VIII в.)⁹³⁴. Кружки и поперечные полоски на лапах зверей см. на табл. 1. Для датировки кувшина существенно сходство львов со львом на блюде табл. 2. Похожи морды, передача гривы и лап. Близость поз зверей позволила предположить, что на кувшине они заимствованы из сцены охоты, но удвоены и скомпонованы крест-накрест⁹³⁵.

Львы по сторонам древа жизни — традиционный древневосточный мотив. Вихревые розетки на лопатках указывают на солнечную природу львов⁹³⁶. В сасанидском Иране лев — зодиакальный знак июля — имел отношение к культуре Митры⁹³⁷. В III—IV вв. он появляется на геммах⁹³⁸. Льва связывали с циклом богинь плодородия — Иштар, Кибелой, иранской Артемидой⁹³⁹.

Деревья между львами переданы по-разному. Одно из них, с шестью ветвями и пальметтоподобной вершиной, покрыто листьями трех видов. Два других дерева вовсе лишены листьев. Они вырастают из воды, показанной волнитообразно изогнутыми линиями⁹⁴⁰. Так воплощена идея сезонности: весенне-летний цикл сменяется осенью и зимой — сезоном дождей.

⁹²⁵ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 61.

⁹²⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 83.

⁹²⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 16; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 21.

⁹²⁸ R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 11.

⁹²⁹ R. Ettinghausen, 1942, рис. 16.

⁹³⁰ D. Schlumberger, 1939, табл. XLVI, 3. Особенно похожи поперечные перехваты стволов.

⁹³¹ E. Herzfeld, 1923, рис. 26а.

⁹³² N. Mavrodinov, 1943, стр. 58.

⁹³³ В. А. Шувкин, 1947, рис. 36.

⁹³⁴ M. S. Dimand, 1937, рис. 36.

⁹³⁵ Архив Я. И. Смирнова в ЛОИА, ф. 11, д. 330, л. 85.

⁹³⁶ Комбинация льва и солнца известна уже в искусстве Шумера (A. Roes, 1938, стр. 160). Символ солнца на лопатке льва встречаем на эллинистических памятниках (К. В. Тревер, 1940, стр. 90).

⁹³⁷ А. А. Ромаскевич, 1939, стр. 213—215.

⁹³⁸ В. Г. Луконин, 1969, стр. 96.

⁹³⁹ Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 217.

⁹⁴⁰ Два священных дерева фигурируют в «Бундахшине»: «И дерево всех семян среди широкого океана было создано, от которого постоянно произрастают все виды растений. . . Рядом с ним создано дерево — белый Хом, противодействующий дряхлости, воскреситель мертвого и делающий бессмертным живого» (К. В. Тревер, 1937а, стр. 17). Вера в священную силу деревьев сохранялась в Иране и после исламизации.

Две пары перекрещенных львов — это четыре фазы солнца, четыре времени года ⁹⁴¹.

Возможно, декор кувшина посвящен двум праздникам, имевшим первостепенное значение в земледельческом Иране. Это Науруз, народный Новый год, день весеннего равноденствия и обновления природы (около 21 марта), и Михриджан (Мехрган), праздник осеннего равноденствия в седьмом месяце древнеиранского календаря, посвященном Митре (около 23 сентября). Тогда две пары львов могут также обозначать день и ночь, которые бывают равны дважды в году ⁹⁴². «[Науруз] с Михриджаном — это два ока времени, как Солнце и Луна — очи неба» ⁹⁴³. Согласно Бируни, в день Михриджана возлагали на себя венец с изображением Солнца и его колесницы ⁹⁴⁴ — образ, эквивалентный солярному льву. «Что же касается толкователей из персов, то они... сделали Михриджан вестником дня воскресения и конца мира, ибо в этот день [все, что] растет, достигает предела, и вещество роста иссыхает и животные перестают плодиться» ⁹⁴⁵. Отсюда изображение голых деревьев. «Точно так же они объявили Науруз вестником о начале мира, так как в [день Науруза] имеют место противоположные [Михриджану] обстоятельство» ⁹⁴⁶. С почитанием солнца связан обычай раскладывать на улицах огонь за несколько дней до Науруза ⁹⁴⁷. Поздравители подносили царю обрядовый стол с приношениями. Среди них было семь чаш, семь древесных ветвей или семь колосьев и семь зерен различных хлебных растений. Каждую из ветвей посвящали одной из семи областей, на которые согласно Авесте делилась земля ⁹⁴⁸. Мироздание также считали состоящим из семи сфер ⁹⁴⁹; астрономы того времени знали семь «блуждающих» светил: пять планет, Луну и Солнце ⁹⁵⁰. Следовательно, дерево с семью ветвями (за седьмую ветвь считаем верхушку) может обозначать и дерево Хом, охватывающее мироздание ⁹⁵¹. Земля показана семью полукруглыми выступами (обычная в сасанидской торевтике трактовка почвы), что соответствует авестийскому учению о семи частях земли — крашварах. Названия шести крашваров были парными и относились к секторам горизонта, ветрам и связанной с ними погоде (дожди, грозы и т. д.). Кроме того, они означали часы дня (утро, вечер и т. д.) и, наконец, сезоны — по два месяца каждый ⁹⁵². По «Шахнаме»,

⁹⁴¹ Число 4 означало и четыре стихии — четыре первоэлемента средневековой восточной философии (вода, земля, воздух, огонь).

⁹⁴² Высказано мнение, что они олицетворяют звезду утреннюю и звезду вечернюю (*R. Mesnil du Buisson*, 1970, рис. 4).

⁹⁴³ *Бируни*, 1957, стр. 224.

⁹⁴⁴ Там же, стр. 233.

⁹⁴⁵ Там же, стр. 234.

⁹⁴⁶ Там же.

⁹⁴⁷ *Садек Хедаят*, 1958, стр. 314.

⁹⁴⁸ *К. А. Иностранцев*, 1906, стр. 032—033.

⁹⁴⁹ *А. О. Маковельский*, 1960, стр. 67. В древней Месопотамии весенний праздник Нового года длился семь дней — цифра, играющая роль в сакральном браке древневосточных земледельческих богов (*Н. Д. Флитнер*, 1939б, стр. 9, 16).

⁹⁵⁰ Другие астрономические значения числа 7: семь звезд Большой Медведицы, семидневные фазы Луны. Дни семидневной недели согдийского календаря были посвящены авестийским божествам, именами которых назывались семь небесных светил (*А. М. Беленицкий*, 1973, стр. 44).

⁹⁵¹ Семь ветвей у дерева на кувшине из Павловки (*Я. И. Смирнов*, 1909, № 83).

⁹⁵² *А. О. Маковельский*, 1960, стр. 66—67.

семь светил и семь крашваров были изображены на ковре Хосрова, который ткали в течение семи лет («подобного этому ковру в мире не было») ⁹⁵³.

В декоре кувшина воплотились не только представления о времени (смена дня и ночи, чередование времен года), но и принятое Заратустрой учение о семичастном делении земного пространства. В основе композиций лежат священные числа 4 и 7 в их смысловой многозначности. «Управляется мир Четырьмя и Семью» (*Омар Хайям*) ⁹⁵⁴.

117. Блюдо с изображением фантастического зверя. Серебро. Гравировка, позолота. Иран. VII—VIII вв. (табл. 6, 3)

Найдено в России до 1843 г., находилось в собрании П. Д. Солтыкова. Хранится в парижской Национальной библиотеке (Кабинет монет и древностей).

Диаметр блюда 24,9 см, высота 3,5 см, глубина 2,6 см ⁹⁵⁵. Оно литое. Кольцевая ножка диаметром 9,4 см припаяна. С краю гладкий валик шириной 0,8 см. Плоский рельеф высотой около 1 мм детализирован гравировкой. Позолочено все туловище зверя, а полосы на нем и кружки на брюхе заполнены чернью. Позолотой покрыты лотосовидные цветы. Мифологическое чудовище — гибрид волка и тигра. Волка напоминают вытянутая морда с раскрытой пастью, острые уши. Но поджарое туловище и длинные когтистые лапы покрыты тигринными полосами. Тонкий хвост с кисточкой на конце. «Пейзаж» составляют вода, «скалы» и два растения.

Ф. Зарре датировал блюдо IX—X вв. ⁹⁵⁶ И. А. Орбели считал его сасанидским (собака и священные лотосы Анахиты) ⁹⁵⁷. К относительно ранней датировке склоняется К. Эрдманн ⁹⁵⁸. На основании параллелей с этапами В1 и В2 согдийской торевтики Б. И. Маршак отнес блюдо к VII в. ⁹⁵⁹ Он указал аналогии «скалам» в росписях Пянджикента и в афранийской живописи VI—VII вв. «Скалы» с углублениями причудливой формы сближают блюдо и с восточноиранскими сосудами VIII—IX вв. табл. 6, 1; 7 (его близость к школе А отмечена Б. И. Маршаком) ⁹⁶⁰.

Композиция восходит к зороастрийской космологии ⁹⁶¹. На сасанидских геммах подобным хищникам иногда сопутствуют астральные символы — шестиконечная звезда и полумесяц рогами вверх ⁹⁶². Это инкарнация какого-то зороастрийского божества. Семь «скал», по которым ступает зверь, — семь областей-крашваров на которые согласно Авесте делится земля. Сушу окружает мировой океан Вурукрта. Число «волн» (7) соответствует ведийской космогонической географии (представление о семи небесных реках) ⁹⁶³. В небесах простерло ветви «дерево всех семян» — источник земного изобилия.

⁹⁵³ *К. В. Тревер*, 1934, стр. 193.

⁹⁵⁴ *Омар Хайям*, 1972, стр. 8.

⁹⁵⁵ *Я. И. Смирнов*, 1909, № 91.

⁹⁵⁶ *F. Sarre*, 1923, табл. 123.

⁹⁵⁷ *J. Orbelli*, 1938, стр. 740—741.

⁹⁵⁸ *K. Erdmann*, 1969, стр. 105, рис. 73.

⁹⁵⁹ *Б. И. Маршак*, 1971, стр. 28—29, 46.

⁹⁶⁰ Там же, стр. 28.

⁹⁶¹ Ср. позднеасанидское блюдо с тигрицей (*Я. И. Смирнов*, 1909, № 311) и трактовку морды и лап грифона на серебряной пластинке, найденной близ Хамалана (*А. Роре*, 1945, табл. 36). Ср. зверя на блюде табл. 1 (*Б. И. Маршак*, 1971, стр. 38).

⁹⁶² *А. Я. Борисов*, *В. Г. Лукокин*, 1963, № 772, 773.

⁹⁶³ Ригведа, стр. 97 (комментарий на стр. 274).

118. Блюдо с растительным орнаментом. Серебро. Гравировка. Средняя Азия. VIII—IX вв. (табл. 21, 1, 2)

Найдено в России до 1867 г. В 1902 г. куплено Ф. Мартином у торговца в Леонтьевском переулке в Москве. По данным Я. И. Смирнова, хранилось в Эрмитаже⁹⁶⁴.

Диаметр 25 см, глубина 3 см. Кольцевой поддон диаметром 7,7 см и высотой 3,2 см припаян. По краю блюда бортик толщиной до 4 мм. В центре вырезано два concentрических круга (диаметр внешнего 7,4 см) со стилизованной виноградной лозой между ними. Фон орнамента обработан кружковым пунсоном.

Аналогичное блюдо см. в Мартыновском кладе (табл. 21, 3).

119. Чаша с изображением лютниста. Серебро. Чеканка, гравировка, чернь. Иран или Средняя Азия. XI в. (табл. 34, 1—4)

Найдена в России. В 1902 г. куплена Ф. Мартином в Москве и находилась в его собрании в Стокгольме. Ныне хранится в Берлинском музее.

Диаметр чаши 13 см, высота 3,5 см⁹⁶⁵. Тулово в форме сегмента сферы с валиком по краю. Плоское дно диаметром 6 см отделено прямым уступом. Утраченная ручка была припаяна таким образом, что державший чашу в правой руке видел лютниста в нормальном положении. Снаружи по краю выгравирован волнистый стебель на черневом фоне. Внутри круговая надпись почерком процветший куфи, впервые прочитанная М. ван Бершемом⁹⁶⁶:

اليمين والابركة و السرور و الدولة الدائمة و الكرامة الغبطة
و السلامة و النهضة و البقاء و النعمة و العز لابو الحسن
على بن محمد زما ه الله و ابقاه

«Благополучие, и благословение, и удовольствие, и вечное господство, и честь, и наслаждение, и здра-

вие, и возрождение, и долголетие, и благоденствие, и слава Абу ал-Хасану Али ибн Мухаммеду да сохранил его Аллах и продлится его жизнь». Пропущен лям в слове البركة (чтение Г. А. Федорова-Давыдова).

Под надписью выгравированы четыре медальона с растительной плетенкой. На дне в круге приклепана фигурка сидящего по-восточному лютниста. Она исполнена в рельефе высотой до 6 мм и проработана резцом. Шапочка с полумесяцем, длинные волосы и обувь лютниста покрыты чернью. Справа от него стоит цветок. Музыкант играет плектром на четырехструнной лютне с грушевидным корпусом и короткой шейкой с загнутой головкой. Головка снабжена колками для натяжения струн (ср. лютни на табл. 6, 4 и 7, 3). Тип инструмента близок описанному среднеазиатским ученым ал-Фараби (870—950).

Оставленные в серебре растительные завитки на черневом фоне заполняют фон надписи и орнамента в медальонах. Они украшают полумесяц возле головы лютниста, невысокое сиденье с фигурными ножками и оба кувшина. По характеру этого декора чаша датируется XI в. и входит в группу сосудов табл. 30—32. Ср. пальметты на внешнем фризе с табл. 30, 3; 32, 2. Предложенной дате соответствует почерк надписи⁹⁶⁷. Отмечено сходство лютниста с играющими на лютне на медалях X в. (золотая медаль халифа ал-Муктадира (908—932); чеканенная в Багдаде в 986 г. медаль с именем буидского правителя Изз ад-даула Бахтийара)⁹⁶⁸. О близости к газневидскому блюду рубежа X—XI вв. (табл. 6, 5) свидетельствуют пропорции фигур, характер рельефа, нимб, не суживающийся к плечам, полукруглый край ковра, обведенные двойной линией плечи⁹⁶⁹. К сходным деталям относятся кафтан с двойными отворотами и ленты головного убора.

⁹⁶⁴ Архив ЛОИА, ф. 11, д. 331, л. 101; Я. И. Смирнов, 1909, № 101.

⁹⁶⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 146; SPA, IX, 1939, табл. 1353B.

⁹⁶⁶ М. van Berchem, 1909, стр. 405.

⁹⁶⁷ М. van Berchem, 1909, стр. 405.

⁹⁶⁸ Там же; Н. G. Farmer, 1966, стр. 40, рис. 20—22; Б. И. Маршак, 1971, стр. 66.

⁹⁶⁹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 66—67.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

*И развязал он бурдюк над чашей, края и дно которой
разукрашены.*

*Изображено на ней войско Хосроя и Хосрой на дне
кубка,*

*А главы войска у стремени Хосроя, с булавами, в ко-
ротких кафтанях*

АБУ НУВАС

Атрибуция предметов импорта и определение художественных центров — та основа, на которой базируются исторические выводы. Со времени выхода атласа Я. И. Смирнова (1909 г.), выделившего отдельные группы сосудов и впервые наметившего их историко-культурную интерпретацию, знания о средневековой культуре и искусстве Ближнего и Среднего Востока неизмеримо возросли. Успехи археологии создали объективные возможности для классификации «восточного серебра». В Средней Азии и Афганистане открыты замечательные настенные росписи. Коллекции музеев пополнились новыми находками. Во много раз увеличился сравнительный материал в других областях художественного ремесла и в нумизматике. Необходимость его привлечения при изучении «сасанидского металла» хорошо иллюстрируют работы И. А. Орбели и К. В. Тревер 20-х—30-х годов.

Между тем проблемы атрибуции по-прежнему вызывают разногласия. Их решение тормозится не только лакунами в наших знаниях, «компилятивностью» декора «вещей-гибридов», но и слабой разработанностью самих методов исследования¹. Поэтому в книге Б. И. Маршака «Согдийское серебро» (1971 г.) большое место уделено методике работы. К изучению торевтики привлечен типологический метод, разработанный в археологии и нумизматике. Эволюционные ряды строятся по малозаметным приемам исполнения, так как, по мнению Б. И. Маршака, именно в формальной стороне выступает специфика ремесленной традиции. «Сходство как в малозаметных приемах выполнения, которые передаются от учителя к ученику, так и в деталях и в целых образах уже достаточно надежно позволяет относить вещи к произведениям мастеров с традицией, восходящей к общим учителям, т. е. мастеров одной школы»². Датированные аналогии, например танские орнаменты, дают опорные точки для убедительных датировок групп вещей.

Привязка школ к определенным районам, основанная на сходстве с известными памятниками, также достаточно аргументирована. Вместе с тем в сводной таблице Б. И. Маршака имеются и уязвимые места. Во-первых, типологические ряды в ряде случаев построены на единичных экземплярах (этапы А1 и А2 включают по одному сосуду, А3 — два). При этом индивидуальные особенности вещи, зависящие от личной манеры мастера, легко принять за этап развития школы, который занимает определенное место в типологии и соответственно получает узкую дату. Вещи соседних «этапов», исполненные на разных уровнях стилизации, могут быть синхронны³. Во-вторых, одинаковыми мелкими приемами пользовались мастера разных школ. Например, тонкостенность, которую Б. И. Маршак считает присущей согдийской школе В, характерна и для хорезмийских чаш. То же относится к таким признакам, как ложчатость, три выпуклых кружка на концах ложков⁴ и т. д. Абсолютизирование мелких признаков иногда приводит к тому, что в одну группу попадают очень разные по всем другим показателям сосуды (между В1, В2 и последующими этапами лежит резкая грань), а вся школа, т. е. «передача опыта в ремесленной среде», растягивается на четыре века. В истории Средней Азии с VI по IX в., полной войн и политических потрясений, передвижений и смешения разнородного населения, в том числе мастеров, такая длительная преемственность вряд ли была возможна. Б. И. Маршак пишет: «При разгроме культурных центров художественные школы не исчезали бесследно. Они возрождались на новом месте и нередко

³ Отклоняя это возражение, Б. И. Маршак в письме ко мне от 13 октября 1972 г. пишет, что развитие школы А «дает последовательное нарастание одной и той же тенденции, которая проявляется во всех элементах декора и в общей композиции». По-видимому, для обоснования стадий школы А нужны дополнительные аргументы.

⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 24, 25, 42.

¹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 6—9.

² Там же, стр. 17.

с новым блеском, впитав в себя новые традиции»⁵. Но на основе мелких признаков проследить такую «кочующую» школу в ее развитии на протяжении четырех столетий — задача, едва ли достижимая. Важная роль малозаметных приемов выполнения при атрибуции вещей несомненна. Но этот метод таит опасность чрезмерной формализации, при которой за мелкими признаками может исчезнуть само произ-

ведение как законченное художественное целое⁶.

При определении происхождения сосудов важна вся сумма черт, в том числе и «бросающихся в глаза» — технических, стилистических, иконографических, так как именно они определяют облик вещи. Одним из основных критериев служит орнамент, который образует заметные локальные варианты.

VIII—IX вв.

ИРАНСКИЕ СОСУДЫ, ВЫПОЛНЕННЫЕ В САСАНИДСКИХ ТРАДИЦИЯХ. КОНЕЦ VII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VIII в. (табл. 1—4)

В 651 г. последний сасанидский царь Иездигерд III погиб в окрестностях Мерва — завоевание Ирана арабами завершилось. Но вплоть до середины VIII в. население страны, особенно сельское, оставалось зороастрийским. Иранские феодалы, оттесненные от власти, также не имели стимулов для перехода в новую веру. «Знатные роды сохраняли героические традиции Ирана; эти традиции пережили атаки ислама, когда сасанидская держава оказалась повергнутой»⁷. Дихкане, покровители искусства и устной поэзии, берегли художественное и эпическое наследие Сасанидов. Политические и религиозные потрясения VII в. далеко не сразу отразились в художественном ремесле Ирана. Монеты омейядских и аббасидских наместников VII—начала IX в. сохранили тип монет Хосрова II⁸. В мастерских Ахваза продолжали изготавливать шелка по сасанидским образцам⁹.

Некоторые серебряные сосуды, причисляемые обычно к сасанидским, могут относиться ко второй половине VII—первой половине VIII в.¹⁰ — темному периоду в истории иранского искусства. Так как в тореvтике грань между VII и VIII вв. ввиду отсутствия критериев трудноуловима, мы анализируем только те вещи, которые по ряду признаков датируются скорее VIII, чем VII в. Они дают достаточное представление о постсасанидском серебре в целом.

Как показал К. Эрмманн на примере «охотничьих» блюд, сасанидские тореvты копировали более ранние образцы, komponуя элементы разных композиций. В VI—VII вв. обращались к прототипам III—IV вв.¹¹; мастера VIII в. следовали позднесасанидским моделям. Они сохраняли традиционные формы блюд и кувшинов и архаичный репертуар образов. Символизм сюжетов связан с религиозными концепциями зороастризма, причем каждый из них мог восприниматься в нескольких смысловых аспектах. Декор

на каждом сосуде — единая система со взаимосвязанными элементами. Львы по сторонам дерева (табл. 3); львица с детенышами (табл. 4, 1); орел с травоядным в когтях (табл. 4, 2); известный уже в рельефах Персеполя лев, напавший на зебу (табл. 4, 2); Сенмурв (рис. 4); объединяющее мифологическое пространство «мировое дерево», которое соединяет верх и низ, небо и землю, — сюжеты, связанные с авестийской космологией и культами плодородия. Звери являются также инкарнациями зороастрийских божеств — Тиштрии, Митры, «первозданного быка». Космологической географией Авесты обусловлена повторяемость числа 7 (семь небесных потоков, семь гор как модель мира). Анахита в ипостаси прекрасной флейтистки на фантастическом звере предстает богиней вод, любви, растений (табл. 1). Как и прежде, мастеров привлекают сцены героической охоты повелителя (табл. 2).

Стиль VIII в. продолжает позднесасанидский с его плоскостностью фигур, преобладанием контурного рисунка, стремлением к сплошному заполнению плоскостей, вырождением складок одежд в орнамент. Эти черты характерны для рельефов Так-и Бостана¹², монет 500—650 гг.¹³ и тореvтики VI—VII вв., где гравировка играет значительно большую роль, чем рельеф¹⁴. На посуде VIII в. сохраняются ландшафтные «скалы». Появившись в IV в.¹⁵, они стали типичными в VI—VIII вв. На бордюре блюда (рис. 4, 2) они превратились в орнамент. Из позднесасанидской иконографии унаследована трактовка воды — сегмента в нижней части круга с рыбами и утками¹⁶. Стилистические тенденции постсасанидского искусства иногда нарушаются. Блюдо с Пур-и Вахманом (табл. 2) отличается живая моделировка, динамизм фигур и своеобразное применение архаического приема накладных пластин (от которого сасанидские тореvты отказались в V в.). Согласно К. Эрмманну, блюдо воспроизводит композицию и стиль прототипа IV в.¹⁷

Разнообразие стилистических направлений объясняется существованием локальных школ с их разными традициями. Для сасанидского периода формирование отдельных школ тореvтики констатирует Б. И. Маршак. Он polemизирует с К. Эрмманном, который на основе стилистического критерия вы-

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ После того как настоящая глава была закончена, вышла рецензия Л. И. Ремпель на работу Б. И. Маршака (Л. И. Ремпель, 1974). Некоторые его критические замечания во многом совпадают с моими.

⁷ Р. Фрай, 1972, стр. 318

⁸ J. Walker, 1941.

⁹ А. А. Иерусалимская, 1969, стр. 107.

¹⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 40, 66, 306 и др.; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 16; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 8, 9, 13 и др.

¹¹ К. Erdmann, 1936; Он же, 1938.

¹² E. Herzfeld, 1920, стр. 92—93.

¹³ К. В. Тревер, 1939, стр. 282—283.

¹⁴ К. Erdmann, 1936, стр. 229—231.

¹⁵ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 7; R. Ghirshman, 1962, рис. 251.

¹⁶ В конце XII—XIII в. этот мотив распространился на иранской поливной керамике (D. Guest, R. Ettinghausen, 1961, стр. 30—31).

¹⁷ К. Erdmann, 1936, стр. 222, 230.

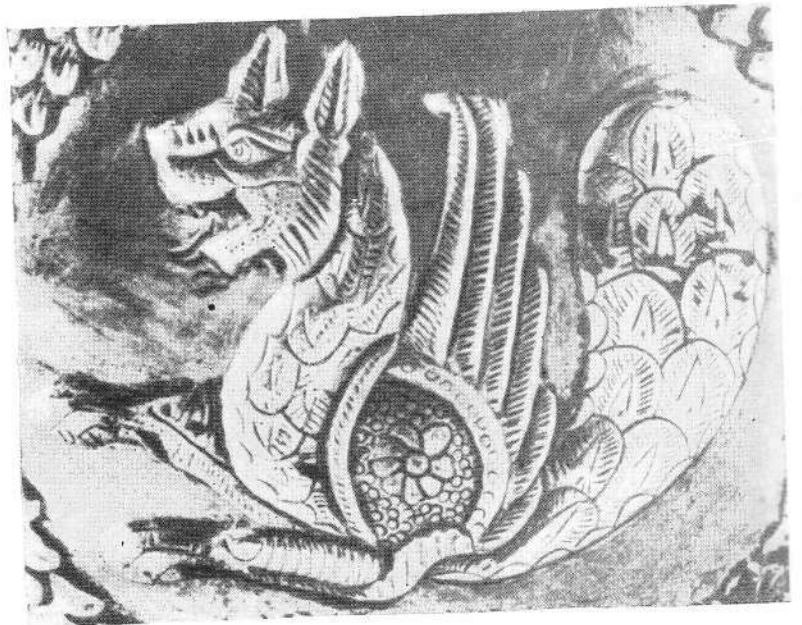
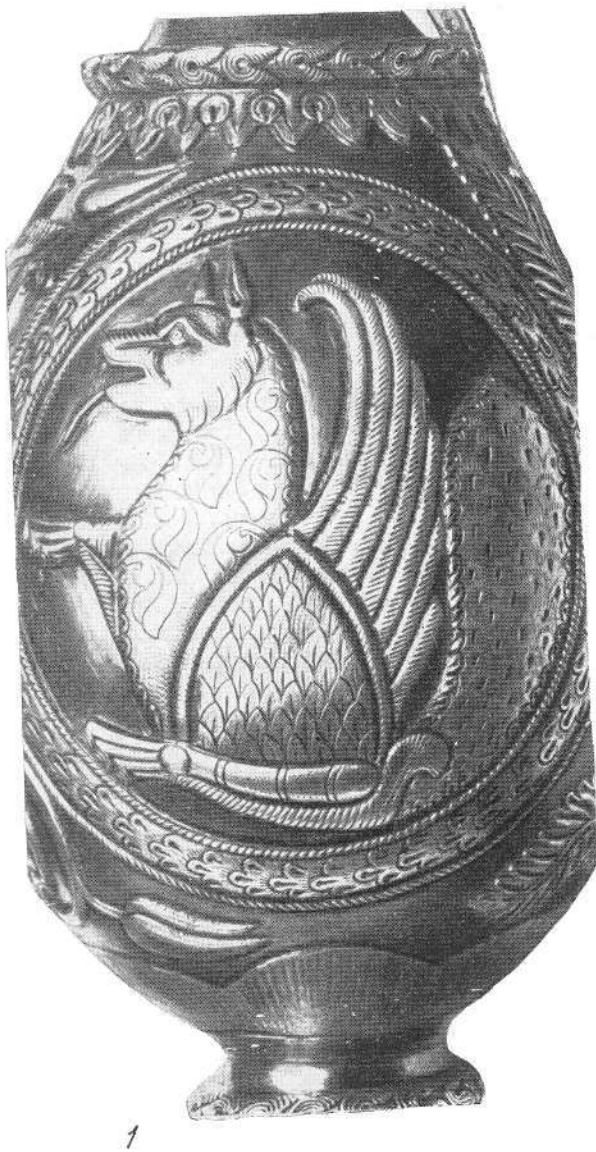

Рис. 4

Симурвы в иранском серебре VII—VIII вв.

1 — кувшин из Павловки (деталь); 2 — кувшинчик из Калар Дашт в Археологическом музее Тегерана (изображение на дне); 3 — блюдо Британского музея

строил все сасанидские «охотничьи» блюда в единый эволюционный ряд. По Б. И. Маршаку, эволюция стиля должна исследоваться не для всего сасанидского искусства, а для отдельных групп связанных между собой вещей. «Вопрос о развитии стиля сасанидского искусства можно будет поставить только после выявления тенденций развития отдельных школ»¹⁸.

Особые школы торевтики еще заметнее в раннеисламский период, когда придворное искусство шаханшахов перестало существовать, но активизировались мастерские периферийных районов, обслужи-

вавшие местную знать. Обособлению школ способствовало ослабление связей между областями Ирана при Омейядах. Небольшое число уцелевших вещей, найденных, как правило, вдали от места производства, затрудняет их локализацию. Среднеперсидские курсивные надписи на сосудах (не старше VI в.) не содержат имен исторических лиц¹⁹. Это письмо употребляли длительное время после арабского завоевания в прикаспийских областях Ирана и в Хорасане, где делопроизводство на пехлеви велось вплоть до 742 г.²⁰

¹⁹ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964.

²⁰ Там же, стр. 157.

¹⁸ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 62.

Таблица 1
Серебряное блюдо
Томыз (№ 61)

2

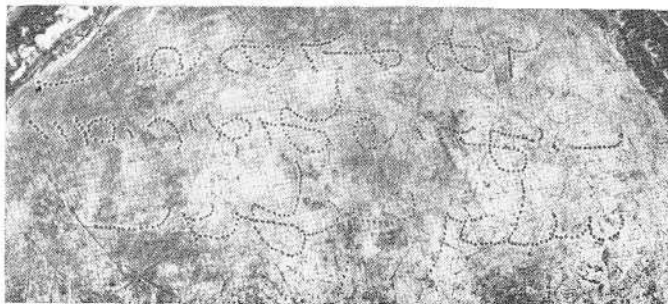

Таблица 2
Серебряное блюдо
место находки неизвестно (№ 115)

Таблица 3
 Серебряный кувшин
 место находки неизвестно (№ 116)
 1, 3-5 — детали; 2 — общий вид

Вероятно, часть постсасанидского серебра будет локализована в Фарсе, где вплоть до X в. «огнепоклонники» составляли большинство сельского населения, а в труднодоступных горных замках по-прежнему пользовались успехом «рассказчики историй о персах и их днях»²¹. Фарс — родина сасанидского официального портрета, традиции которого сохранялись до X в. В 915—916 гг. Масуди видел в Истахре, одном из главных зороастрийских центров, процветавших и при исламе, рукопись с портретами сасанидских царей. «Каждый из них изображен в день его смерти, был ли он старцем или юношей, с убором его, короной его, его бородой и образом его лица. . . В бою каждый царь изображен стоящим, при решении какого-нибудь дела — сидящим, [причем сообщается] жизнеописание каждого из них»²². Возможно, с Фарсом связаны некоторые блюда VII—VIII вв. с традиционной царской охотой — имитация более ранних. Таковы блюда из Нор-Баязета²³, Аниковской²⁴, Мальцева²⁵ (подражание оригиналу IV в.)²⁶, Луковки²⁷, два блюда с Бахрамом Гуром и Азадэ²⁸, которые восходят к образцам VI в.²⁹ Последний сюжет, известный на позднеасанидских печатях³⁰, унаследован мусульманским искусством (рейская поливная керамика XII—XIII вв.)³¹. Тяжеловесные фигуры этой группы блюд, несмотря на легкую рельефность, воспринимаются как гравюры. Царские регалии и детали конской сбруи искажены³².

Одно из блюд с царской охотой, стилистически близкое нор-баязетскому и аниковскому, найдено в Фарсе³³. Единственная в своем роде композиция на нем лишена всякой репрезентативности: царь радостно потрясает луком, под копытами скачущего галопом коня лежат только что убитые животные. Элементы повествовательности, появившиеся в позднеасанидском искусстве, были восприняты в раннеисламский период, когда с крушением государства и официальной зороастрийской церкви каноны прокламативного искусства окончательно уходят в прошлое. В связи с ростом мелкой аристократии к концу Сасанидской державы оживляется интерес к эпическим сказаниям, среди героев которых диканство ищет свой идеал. В конце V—начале VI в. имена героев иранского эпоса становятся популярными даже среди членов царского рода³⁴.

²¹ К. А. Иностранцев, 1909, стр. 4, 8, 9, 29; И. П. Петрушевский, 1966, стр. 36; В. Г. Лукокин, 1969, стр. 20; В. В. Бартольд, 1971в, стр. 368.

²² К. В. Тревер, 1939, стр. 262.

²³ Я. И. Смирнов, 1909, № 309; В. Г. Лукокин, Б. И. Маршак, 1964, стр. 30.

²⁴ И. А. Лунегов, 1968, рис. 1.

²⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 60.

²⁶ К. Erdmann, 1936, стр. 220—222.

²⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 16.

²⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 56; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 12.

²⁹ К. Erdmann, 1936, стр. 219—220. Ср. блюдо из Метрополитен-музея в Нью-Йорке (Е. Н. Реск, 1969, рис. 6, а).

³⁰ Ph. Askerman, 1938b, табл. 256A.

³¹ Географ Ибн ал-Факих говорит, что Бахрам Гур «на изображениях, которые делают персы на своих сосудах, тканях и коврах, всегда представляется едущим на верблюде» (И. Ю. Крачковский, 1928, стр. 123).

³² К. Erdmann, 1936, стр. 220, 224.

³³ R. Ghirshman, 1959. Р. Гиршман датирует его по короне Нарсе (293—302), но эта деталь — явный анахронизм, что подтверждает и техника (литье и резьба). Некоторые исследователи считают блюдо из Фарса подделкой.

³⁴ Р. Фрай, 1972, стр. 315.

Не с этим ли связан интерес к повествовательности в искусстве? На рельефах Так-и Бостана Хосров II (590—628) предстает в облике закованного в броню рыцаря, а охотничьи сцены со множеством мелких фигур обрастают массой реалистических подробностей. Если раннесасанидское искусство III—IV вв. можно сравнить с официальной хроникой, то рельефы Хосрова II, отвечающие эстетике иранского рыцарства, ближе духу эпических повествований, подробно описывающих сражения и охоты. На блюдах с конца V в. тема охоты расширяется в рассказ³⁵, и примерно с того же времени получают распространение эпические сюжеты (Бахрам Гур и Азадэ). Элементы эпики в позднеасанидском искусстве сближают его со среднеазиатской живописью VII—VIII вв. «Основное условие возникновения подобного сходства — существование у самих этих народов рыцарства, появление у них специфического типа рыцаря с характерным для него образом жизни, психологией, мировоззрением»³⁶.

В Северо-Западном Иране (Иранский Азербайджан, Гилян, Табаристан) предположительно локализуется другая группа сосудов VII—VIII вв. В нее входят томьзское блюдо (табл. 1), блюдо Британского музея, купленное в Северной Индии (рис. 4, 3), кувшин из Павловки (рис. 4, 1), кувшинчик из Калар Дашт в Мазандаране (рис. 4, 2)³⁷. Кувшин из Павловки стоит в начале ряда (не позднее VII в. по аналогии с персепинским кувшином и сенмурвами Так-и Бостана). Флейтистка томьзского блюда сближается с музыкантшами на чашах VII—VIII вв. из Мазандарана. Бордюры из сердцевидных лепестков — общий признак этих сосудов, а также кубка, найденного в Урсдонском ущелье (Северная Осетия)³⁸.

Прикаспийские области Ирана — Гилян и Табаристан (Мазандаран), защищенные могучими хребтами Эльбурсских гор, после Урала занимают первое место по числу находок сасанидского серебра (табл. 50, II). Находки здесь сосудов III—IV вв. (Дейлем, Сари)³⁹, возможно, подтверждают сообщение Бируни: «Хосрой во время своего бегства из Ирака в Мерв оставил на хранение у царей Джабала (горный округ между Реем и Табаристаном. — В. Д.) самые ценные из драгоценных камней и наиболее легкие вещи из своих богатств и сокровищ»⁴⁰. Халид ибн Бармак, осаждавший испахбедов Джабала в одной из крепостей Табаристана (при халифе ал-Мансуре, 754—775), после сдачи твердыни нашел там казнохранилище с «сокровищами Хосроев»⁴¹.

В областях Южного Прикаспия было развито и собственное художественное ремесло. Это подтверждают сообщения о несметном количестве золотой и серебряной утвари в сокровищницах местных «владельцев гор». Согласно ат-Табари (род. в 839 г.) по договору 716/17 г. Гурган должен был выслать арабам «400 мужей, на голове каждого бурнус, на

³⁵ К. Erdmann, 1936, стр. 228.

³⁶ Н. И. Конрад, 1966, стр. 336.

³⁷ R. Ghirshman, 1962, рис. 256; A. Godard, 1962, табл. 121.

³⁸ К. В. Тревер, 1947.

³⁹ R. Ghirshman, 1962, рис. 251, 254, 262.

⁴⁰ Бируни, 1963, стр. 65.

⁴¹ Там же стр. 64—65. Ибн ал-Факих упоминает место Так в горах Табаристана, где по преданию со времени мифического Менучехра хранились сокровища персидских царей (В. В. Бартольд, 1971а, стр. 222).

бурнуса поднос, серебряная чаша и шелковый платок»⁴². Историк Ибн Исфендиар (XIII в.) рассказывает: «Однажды... один хорасанский царевич приехал к испахбеду Табаристана с многочисленными дарами и подношениями... Он попросил серебряные блюда и подносы, чтобы расположить на них дары. Слуги принесли ему... 500 серебряных подносов. Хорасанец попросил еще. Тогда... послали к главной жене испахбеда и принесли от нее еще 500 подносов из серебра. Испахбед получил дары из Хорасана на этих 1000 подносах и в ответ послал царевичу 2000 подносов, наполненных подарками»⁴³. В начале IX в. тот же район выплачивал дань халифу Багдада серебряными сосудами⁴⁴.

Географическая и культурная изолированность Прикаспия, этого заповедника старых традиций и обычаев, способствовала тому, что произведения прикладного искусства VIII—IX вв. сохраняли сасанидский облик⁴⁵. Независимые от центральной власти мелкие владетели, для которых работали мастера, до второй половины IX в. исповедовали зороастризм. В Джабале зороастрийцы встречались еще в X в. В культуре местных династий, возводивших свой род к Сасанидам, влияние ислама долго оставалось ничтожным⁴⁶.

Культурная замкнутость прикаспийских провинций сказалась на уровне художественного ремесла. Если вначале торевты работали в стиле позднесасанидских моделей, то с течением времени наступает омертвление форм. К числу «примитивов» VIII в. относятся оношатское и мальцевское блюда (табл. 4, 1, 3). По некоторым признакам они примыкают к группе бронзовых кувшинов с инкрустацией красной медью и рельефным декором⁴⁷, которую уже Я. И. Смирнов относил к VIII—X вв.⁴⁸ Как возможные центры производства последних называют Хорасан и Северо-Западный Иран (Табаристан, Иранский Азербайджан). Здесь сосредоточены основные меднорудные месторождения Ирана, которые разрабатывали еще в древности⁴⁹. В отличие от торговли серебряными сосудами торговля дешевой бронзовой утварью при сложности дальних перевозок в то время была нерентабельна. Поэтому концентрация в определенном районе (Дагестан, Закавказье) бронзовых вещей близких типов помогает в локализации школы. Об употреблении металлических подносов, чаш, кружек и кувшинов владетелями областей в горах Кабх (подчиненными царю Азербайджана) сообщает Ибн Хаукаль (писал в 977—978 гг.)⁵⁰. Сюжеты на кувшинах связаны с культом Анахиты, а в Иранском Азербайджане (Шиз, древ-

ний Ганзак) находилось одно из главных сасанидских святилищ богини — Атур Гушнасп⁵¹.

Форма кувшинов произошла от позднесасанидских золотых и серебряных кувшинов типа найденных в Перецепине⁵² и Павловке⁵³. Они сближаются пропорциями, яйцевидным туловом, высокой, плавно расширяющейся книзу ножкой с перехватом, шейкой, отделенной валиком, и формой ручки. Вместе с тем бронзовые кувшины модифицированы: у них иной слив в виде прямоугольной в сечении трубки, на ручке не шаровидный, а многогранный выступ, ручка иногда разделена поперечными перехватами-бусинами (как на бронзовом кувшине IX в., отлитом в Басре)⁵⁴, низ тулова оформлен в виде цветка, основание ножки граненое или украшенное рельефными кружками. В отличие от сасанидских экземпляров отсутствуют композиции в кругах; орнаментировано не только тулово, но и другие части сосуда. Сюжеты зороастрийские: Анахита-флейтистка в сопровождении рогатого зверя и лотосовидная пальметта — атрибут божества (рис. 3, 2); павлины Анахиты⁵⁵ по сторонам пальмовидного растения. «Дерево всех семян» под аркой построено по сасанидской схеме⁵⁶, но сильно упрощено. Если мотив аркады воспроизводил в миниатюре обнесенные колоннадами храмы Анахиты⁵⁷, то растение можно осмыслить как ее атрибут. Пальметки на плечевой части крыльев и процветшие хвосты зверей — признак, относительно поздний. Один из таких кувшинов по своему рельефному декору близок иранской керамике VIII—IX вв.⁵⁸

Гравированный растительный орнамент на сливе сходен с узорами на группе бронзовых кувшинов, иногда инкрустированных медью, со сферическим туловом, высоким ажурным горлом, волнитообразной ручкой и сливом в виде птицы⁵⁹. Для их датировки VIII—IX вв. важен экземпляр Музея исламского искусства в Каире из гробницы халифа Марвана II ал-Химара (744—750)⁶⁰. Рельефные пальметты с растрепанными лепестками в основании ручек, прототип которых Ф. Зарре усматривал в позднесасанидском «древе жизни»⁶¹, аналогичны пальметте между чудовищами на кувшине с Анахитой (рис. 3, 2). Их лопасти имеют длинные изогнутые окончания и окончания с волнотой. Узор с «растрепанными» пальметтами, распространившийся в евразийских степях в конце VII—VIII в., возводит к орнаменту оседлых областей Средней Азии⁶². «Согдийские пальметты» (см. ниже, рис. 10) появились и на бронзовых кувшинах различных школ омейядского и раннеаббасидского периодов.

Из Восточного Ирана, вероятно, происходят блюдо с Пур-и Вахманом (табл. 2), кувшин из Па-

⁴² О. И. Смирнова, 1970, стр. 268.

⁴³ Р. В. Кимжалов, В. Г. Лукомин, 1960, стр. 12.

⁴⁴ R. Ettinghausen, 1967—1968, стр. 31.

⁴⁵ Табаристанские серебряные полудрагмы Дабвайхидов и сменивших их аббасидских наместников вплоть до конца VIII в. подражали монетам Хосрова II (Ш. Грязневич, 1971, стр. 95).

⁴⁶ К. А. Иностранцев, 1909, стр. 7, 111—113; И. П. Петрушевский, 1966, стр. 36—37.

⁴⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 70—72; SPA, IV, 1938, табл. 243В.

⁴⁸ Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXX. Кувшины этих форм изготавливали еще в XI—XII вв. (Б. И. Маршак, 1972, стр. 77).

⁴⁹ Минеральные ресурсы зарубежных стран, вып. 15, стр. 49—53.

⁵⁰ Н. А. Караулов, 1908, стр. 99.

⁵¹ L. I. Ringbom, 1957, стр. 24—26; E. O. James, 1959, стр. 96.

⁵² И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 61.

⁵³ Восходящих к сасанидским кувшинам IV—V вв. с овальным в сечении туловом (Я. И. Смирнов, 1909, № 79; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 21).

⁵⁴ М. М. Дьяконов, 1947; Б. И. Маршак, 1971, стр. 71—72, рис. 26—28; Он же, 1972, стр. 65 и сл., рис. 3.

⁵⁵ L. I. Ringbom, 1957, стр. 15—17, рис. 9, 12, 13, 15, 16.

⁵⁶ Ср.: Я. И. Смирнов, 1909, № 83, 89.

⁵⁷ L. I. Ringbom, 1957, стр. 22—26; К. А. Тревер, 1969.

⁵⁸ Б. И. Маршак, 1972, стр. 81.

⁵⁹ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 75, 76; SPA, IV, 1938, табл. 245, 246.

⁶⁰ F. Sarre, 1934, стр. 10—14; J. David-Weill, 1948.

⁶¹ F. Sarre, 1934, стр. 13.

⁶² Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 16, 18.

1

2

3

Таблица 4
Серебряные блюда

1 — Онопат (№ 28); 2 — Комарово (№ 24); 3 — Мальцева (№ 36)

рижа (табл. 3) и комаровское блюдо (табл. 4, 2). На первом в роли героического охотника представлен феодальный вельможа, напоминающий эпического героя. Датировка блюда временем не ранее рубежа VII—VIII вв. дает основание отнести всю группу к тому же времени.

О существовании школ торевтики на территории Хорасанского наместничества (которому был подчинен и Мавераннахр) свидетельствует ат-Табари. В связи с событиями 742/3 г. он упоминает о кувшинах из золота и серебра с изображениями и о фигурных сосудах, изготовленных для подарка халифу, но использованных как жалование хорасанскому войску⁶³. Хорасанские торевты знали образцы придворного искусства Сасанидов. Бируни передает рассказ о правителе Хорасана, который нашел «принадлежавшую одному из Хосроев пальму, отлитую из золота, и на ней были нанизаны разнообразные драгоценные камни, которые находились между ветвями подобно зеленым и спелым финикам»⁶⁴. Восточные провинции Ирана при Омейядской династии сохраняли свою доисламскую культуру⁶⁵. «В течение первых веков хиджры мусульмане и зороастрийцы в Хорасане и Исфохане соревновались в фальсификации известий о своем далеком прошлом»⁶⁶. Хорасану принадлежала выдающаяся роль в возрождении иранской эпической традиции.

ТОРЕВТИКА ВОСТОЧНОГО ИРАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

(табл. 5—24)

Необходимость более четкой дифференциации так называемого сасанидского серебра осознавалась уже давно⁶⁷. В 30-х годах XX в. в результате работ советских исследователей (И. А. Орбели, К. В. Тревер, А. Я. Борисов, С. П. Толстов, А. И. Тереножкин) стало очевидно, что многие произведения торевтики исполнены за пределами сасанидского Ирана, в иной этнической и культурной среде. Некоторые локальные варианты торевтики Средней Азии выявлены за последние десятилетия. Очерчен круг хорезмийских чаш (С. П. Толстов), выделены эфталтская и бактрийская (тохаристанская) группы⁶⁸, согдийскому серебру посвящена книга Б. И. Маршака⁶⁹. Параллельно шло уточнение хронологии. Предложены новые даты для Бактрии — Тохаристана (IV—VI вв.)⁷⁰, целые группы сосудов с сасанидскими рудиментами отнесены к раннеисламскому времени (вторая половина VII—IX в.).

По комплексу признаков среднеазиатские сосуды VII—IX вв. разделяются на несколько групп, каж-

дая из которых связана с определенной школой. Предлагаемая классификация по признакам школ и набору вещей в каждой несколько отлична от классификации Б. И. Маршака. Вместе с тем она во многом следует ей.

На основе сходства с керамикой Согда, подражавшей металлу⁷¹, Б. И. Маршак выделил обширную категорию «согдийского серебра». Он признает, однако, что метод сравнения с керамикой еще не дает оснований для твердой датировки и локализации. «Сравнение с керамикой позволило выделить признаки формы и орнамента, которые были популярны в Согде, но это не все согдийские признаки, а лишь наиболее удобные для гончаров; кроме того, они не всегда исключительно согдийские. Мы реконструировали признаки согдийского серебра, но не узнали, что из серебра, хранящегося в музеях, относится к Согду»⁷². Но в таком случае сам термин «согдийский» спорен (может быть, лучше говорить о «среднеазиатском серебре»). Если имеется в виду согдийское культурное влияние, достигавшее границ с Китаем, то в данной категории вещей сам Б. И. Маршак проследил связи не только с Согдом, но и с искусством других районов Средней Азии, Ирана, танского Китая, Византии, омейядским и аббасидским. Не к самому Согду, а к восточным районам Средней Азии и Восточному Ирану (правда, тесно связанным с Согдом) тяготеют основные группы вещей. Керамика VII—VIII вв., которой подражали торевты, была распространена на огромной территории — в Чаче, Уструшане, Таласской и Чуйской долинах, в Северном Тохаристане, округе Мерва, Хорезме⁷³. Тенденции к «согдоцентризму» («Согд был узловым пунктом развития восточной торевтики между сасанидским и аббасидским периодами в VII—VIII вв.») ⁷⁴ способствует лучшая археологическая изученность Согда, особенно открытие живописи Пянджикента, Варахши, Афрасиаба. По памятникам собственно Согда (Пянджикент, Афрасиаб, Тали-Барзу, Кафыр-кала) лучше всего известны слои VII—VIII вв.

Между разными группами вещей VIII—IX вв. нет резкой стилистической грани, для них характерен ряд общих признаков. Некоторые вещи представляют собой синтез разнородных элементов. Сосуды, изготовленные в Восточном Иране, Согде, Семиречье, Восточном Туркестане или Южной Сибири, подобно тканям с «сасанидским» орнаментом⁷⁵, конскому снаряжению, вооружению и частям поясного набора с этих территорий⁷⁶, во многом близки между собой. Причина унификации сюжетов, иконографии и стиля — во взаимообмене культурными ценностями на «великом шелковом пути», проходившем через Среднюю Азию⁷⁷. Его основная трасса шла от Средиземного моря через Нисибин, Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд, Чач, Тараз, Баласагун и через Восточный Туркестан к Чанъани. Вдоль этой караванной магистрали

⁶³ Материалы по истории туркмен и Туркмени, стр. 119. Хорасан имел богатые запасы серебра. В X в. усиленно разрабатывались Пенджикентские рудники (А. Ю. Якубовский, 1954, стр. 71).

⁶⁴ Бируни, 1963, стр. 63.

⁶⁵ К. А. Иностранцев, 1909, стр. 7.

⁶⁶ В. В. Бартольд, 1971в, стр. 369.

⁶⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, стр. XX—XXI.

⁶⁸ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969.

⁶⁹ Б. И. Маршак, 1971. Предшествующие попытки определения изделий Согда (А. Я. Борисов, Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель, Г. А. Пугаченкова, М. Е. Массон, М. М. Дьяконова) не всегда удачны, так как в число «согдийских» включены сосуды явно иранские (см. об этом: Б. И. Маршак, 1971, стр. 7—8).

⁷⁰ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969.

⁷¹ Б. И. Маршак, 1961; *Он же*, 1971, стр. 13—16.

⁷² Б. И. Маршак, 1971, стр. 15.

⁷³ Б. И. Маршак, 1961.

⁷⁴ Б. И. Маршак, 1971, стр. 90.

⁷⁵ Н. В. Дьяконова, 1969, стр. 85 и сл.

⁷⁶ В. И. Распопова, 1965, стр. 83.

⁷⁷ О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (по археологическим данным) см.: Б. Я. Стазиский, 1960а.

располагались главные центры художественной обработки металла (табл. 50, I). В VIII—IX вв. искусство Ирана, Средней Азии и Китая вступило в период наиболее тесных связей⁷⁸. В их сферу вовлекалось и население лесной полосы и степей Сибири, как это было и в I тысячелетии до н. э.⁷⁹ Трансконтинентальные связи «от Чина до Рума» оказывали нивелирующее воздействие на искусство, которое далеко выходило за рамки отдельных этнических групп и временных государственных образований. Параллелизм развития разных народов, единство культуры и эстетики создавали благоприятную почву для переноса изобразительных формул — стереотипов. «При этом самые богатые сосуды в наибольшей степени отражают международные связи, особенно ярко проявлявшиеся всегда в культуре господствующей верхушки»⁸⁰. В смешении художественных традиций играли роль и передвижения мастеров, которые при неблагоприятной перемене обстановки легко переходили с места на место. Ал-Якуби (писал в конце IX в.) сообщает о ремесленниках и купцах рабада ибн Абдуллаха ал-Балхийя в Багдаде: «Жители его — люди Балха, люди Мерва, люди ал-Хуттала, люди Бухары, люди Исфиджаба, люди Иштиханджа, люди Кабулшаха, люди Хорезма»⁸¹.

Усилиями многих путешествующих наводились «мосты» между народами и цивилизациями, происходил взаимный обмен информацией — неременное условие развития общества. Чиновники и купцы, миссионеры различных религий, бродячие ремесленники и актеры распространяли не только идеи и обычаи. Они переносили из страны в страну произведения художественного ремесла, служившие образцами местным золотокузнецам. Изделия танских мастеров по металлу найдены на Верхнем Енисее, в Семиречье, Самарканде и Пянджикенте⁸², фарфор и ранние селадоны Китая — в Ани, Ктесифоне, Самарре и Фостате⁸³, а китайские шелковые ткани и лаковые изделия — в замке на горе Муг и могильнике Моцевая Балка в Прикубанье, через которое проходил путь из Средней Азии в Византию. В том же некрополе обнаружено погребение китайского купца с комплексом предметов танской эпохи⁸⁴. Знакомство с танскими изделиями (или выполненными под их влиянием) объясняет инфильтрацию танского орнамента от Южной Сибири и Восточного Туркестана до Византии (рис. 5). В свою очередь в столице Средней империи Чанъани жили тысячи выходцев из Западного края, в который по традиционным китайским представлениям входили Синьцзян, Средняя Азия, Афганистан и Северная Индия⁸⁵. В числе даров турфанского владетеля китайскому императору упомянуты собачка из Фолини (Рима) и меха

1

2

Рис. 5

Танские растительные мотивы в тюретике Южной Сибири, Средней Азии и Восточного Ирана (вторая половина VIII—IX в.)

1 — золотая тарелка из Копёнского чаатаса (деталь); 2 — золотой кувшин из Копёнского чаатаса (деталь); 3 — № 66; 4 — № 67; 5 — № 76; 6 — № 8; 7 — № 70; 8 — № 71; 9 — № 72; 10 — орнамент на танском бронзовом кувшине

⁷⁸ Б. И. Маршак, 1971, стр. 86 и сл.

⁷⁹ М. П. Грязнов, 1959.

⁸⁰ Б. И. Маршак, 1961, стр. 192.

⁸¹ А. Ю. Якубовский, 1954, стр. 55.

⁸² По сообщению ат-Табари, в 751 г. в сокровищнице владетеля Кеша (Согд) арабы захватили позолоченные китайские сосуды и другие «китайские диковинки» (К. А. Иностранцев, 1917, стр. 144).

⁸³ Б. А. Шелковников, 1954.

⁸⁴ А. А. Иерусалимская, 1967, стр. 71; Она же, 1972а, стр. 7, 11 и сл. Ат-Табари рассказывает, что после взятия арабами «городов купцов» — Пайкенда схваченный в нем старик предложил за себя выкуп в 5 тыс. кусков китайского шелка (О. И. Смирнова, 1970, стр. 197).

⁸⁵ Б. Л. Рифтин, 1960, стр. 124.

чернобурых лисиц (627 г.)⁸⁶. Находки в Китае серебряных сосудов с тюркскими надписями⁸⁷ объясняют среднеазиатское влияние на китайскую тюретику VII—начала IX в.⁸⁸

В искусстве Средней Азии отразились ее связи с Византией, которые стали регулярными во второй половине VI—VII в. Обмен посольствами установил непосредственные контакты между ставкой тюркского кагана и Константинополем. Вместе с дипломатическими миссиями через земли северокавказных

⁸⁶ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 290.

⁸⁷ Б. И. Маршак, 1971, Т16, Т25, рис. 31.

⁸⁸ Там же, стр. 49—50.

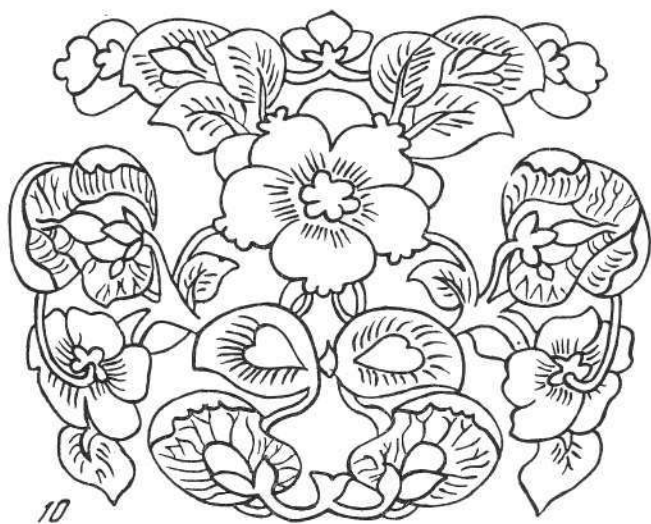
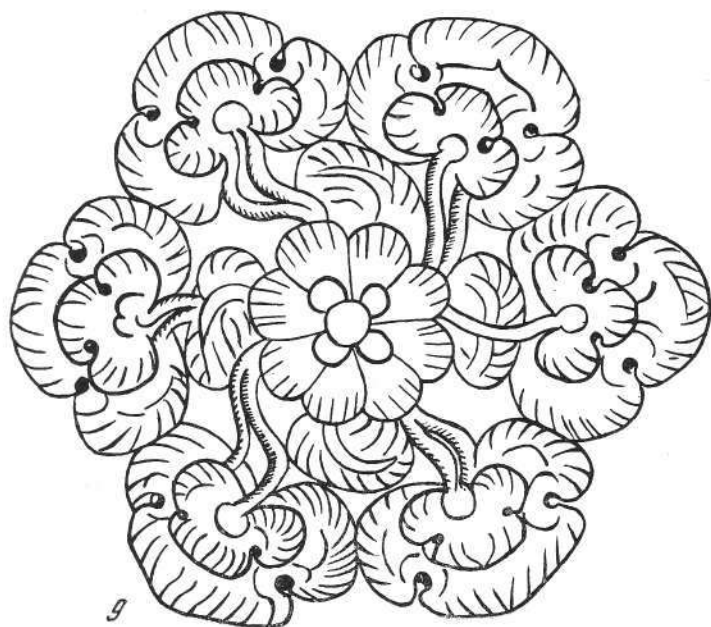
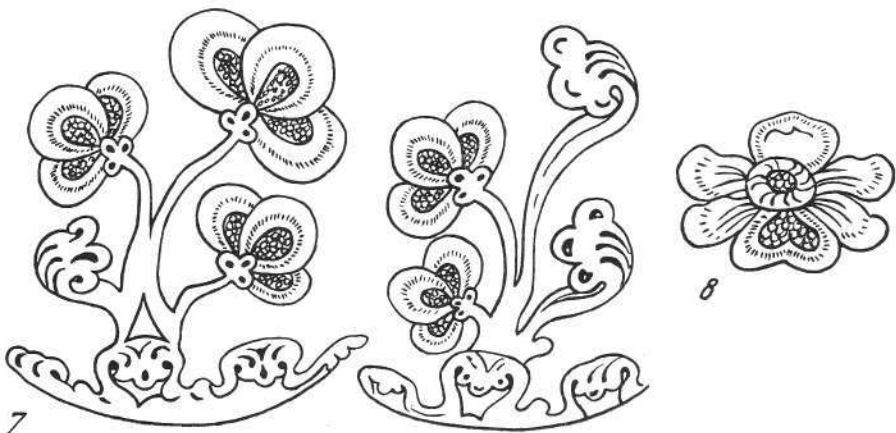
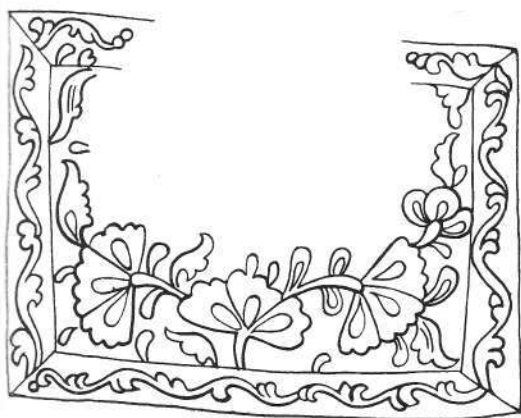
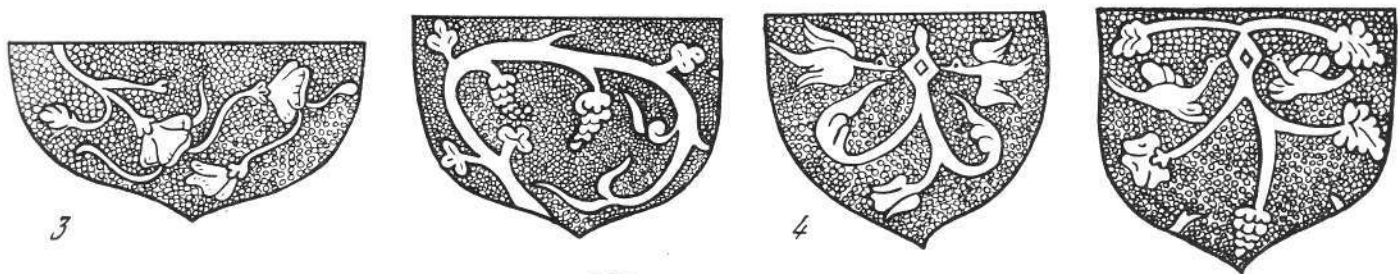

Рис. 5 (окончание)

казских племен движутся караваны с шелком⁸⁹. Византийское влияние отражено в согдийском тексте конца VII—начала IX в.⁹⁰ В Среднюю Азию проникают византийские монеты, брактеаты⁹¹ и бронзовые пряжки⁹². Произведения торевтов Рума в короткий срок достигают Согда и Ферганы. Найденное вблизи Кунгура блюдо с изображением Венеры и Анхиза (около 550 г.)⁹³ имеет согдийскую надпись с именем бухарского государя (не позднее конца VI—начала VII в.)⁹⁴. На серебряный кувшин конца VII—VIII в. из Чуйской долины (табл. 20, 3) нанесены штампы — имитация византийских⁹⁵. Среднеазиатские торевты по-своему перерабатывали сюжеты «византийского антика» VI—VII вв.⁹⁶ Силен на ручках кружек (табл. 8, 4, 5) — персонаж, популярный в византийском серебре⁹⁷. Предметы импорта, подобные итальянскому золотому медальону VI в. из Ахангарана, способствовали появлению сюжета «Капитолийская волчица» в живописи дворца афшинов Уструшаны (VII—IX вв.). Здесь его могли воспринимать как иллюстрацию к мифологической родословной местных владетелей⁹⁸. Пянджикентский золотой брактеат с волчицей, кормящей двух младенцев, сделан по образцу римско-византийской монеты V—VI вв.⁹⁹ Знакомство с «византийским антиком» заметно и в позднесасанидском серебре. Деревя веренинского блюда VI—VII вв.¹⁰⁰ находят аналогии на константинопольских блюдах того же времени¹⁰¹. Дерево, обвитое змеей, вероятно, заимствовано из христианской иконографии¹⁰². В основе сасанидской композиции «шествие Диониса»¹⁰³ могли лежать несохранившиеся византийские модели, которые в X—XI вв. вдохновляли константинопольских резчиков по кости¹⁰⁴.

В раннесредневековой Средней Азии знали копии с произведений эллинистической торевтики. Гипсовые слепки с них могли использовать при изготовлении медальонов на дне чаш. Плиний упоминает о снятии слепков с готовых сосудов¹⁰⁵. При раскопках в кушанской столице Беграме (Кабулистан) найден большой набор гипсовых медальонов I—II вв. н. э. — слепков с александрийских металлических сосудов. В их тематике преобладают персонажи вакхического цикла: Дионис с сатирами и менадами, пьяный Силен на осле, жертвоприношения в честь бога вина, виноградные грозди¹⁰⁶. Модифи-

цированная реплика эллинистической модели — «бактрийская» чаша VI—VII вв. со сценами из драмы Еврипида «Силей»¹⁰⁷. Среди ее персонажей Силен, беседующий с Гераклом.

Созданию местных художественных центров в Средней Азии благоприятствовали политический сепаратизм и распространение здесь различных религиозных систем: зороастризма в его локальных разновидностях, манихейства, несторианского христианства, буддизма. Но объединяющим началом служили родственные дионисизму культы, сосуществовавшие с официальными религиями. Они охватывали огромные пространства от Бишапура и Западного Ирана до Восточного Туркестана. Связанные с хозяйственной деятельностью и потому особенно стойкие культы плодородия, умирающего и воскресающего божества и почитание предков продолжали жить и после исламизации.

О дионисийских культах в Иране и Средней Азии в эпоху Греко-Бактрии, Великих Кушан и Парфии появляется все больше археологических данных¹⁰⁸. Но у земледельческих народов Востока они возникли задолго до эллинизации. Греческие божества, в том числе Дионис, слились со своими восточными «двойниками», а не были искусственно привиты на голом месте. Триумфальное шествие Диониса от «пашен Лидии златой» до Бактрии и склонов Гиндукуша было подготовлено родственными локальными культами. Понятия о боге, который, уничтожая все дисциплинирующие ограничения, одновременно является носителем цивилизации¹⁰⁹, издавна бытовали в Иране, Бактрии, Согде, Фергане, Хорезме. Здесь сложился свой цикл «дионисийских» праздников, имевших отношение к созреванию винограда и производству вина. Сходство мифов и обрядов вызвано не столько греческим влиянием, сколько близостью природных и общественных условий. Поэтому вполне оправдано привлечение античной мифологии к изучению домусульманских культов Средней Азии.

Влияние западного эллинизма проявлялось по-разному в среде туземной знати и в толще народа. Если в культуре склонной к космополитизму верхушки легче прививались грецизированные образы «зевсов», «афродит», «аполлонов», то земледельцы, пастухи и охотники тяготели к архаическим культам (правда, в искусстве народная культура отразилась значительно слабее). В народных массах процветали фетишистские представления, вера в демонов, колдовство и ворожба.

Вместе с тем дионисизм, связанный с древними пластами мировоззрения, в какой-то мере объединял все слои общества. Связь с культурой виноградарства

⁸⁹ Н. Пигулевская, 1951, стр. 204—211; Б. Я. Ставиский, 1960а, стр. 111—112; А. А. Иерусалимская, 1972а, стр. 3 и сл.

⁹⁰ А. А. Иерусалимская, 1972б, стр. 21—24.

⁹¹ М. Е. Массон, 1951.

⁹² В. И. Распопова, 1973, стр. 80.

⁹³ L. Matzulewitsch, 1929, стр. 3, 25—34; табл. 3—5; E. Cruikshank Dodd, 1961, № 16.

⁹⁴ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 167.

⁹⁵ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 102.

⁹⁶ Отмечено влияние «византийского антика» на фрески Кызыла и Кумтуры (М. Е. Массон, 1951, стр. 91).

⁹⁷ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 10, 70.

⁹⁸ Н. Н. Негматов, В. М. Соколовский, 1975.

⁹⁹ А. М. Беленицкий, 1954б, стр. 47, рис. 11.

¹⁰⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 95.

¹⁰¹ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 63; А. В. Банк, 1966, рис. 59, 79, 94.

¹⁰² Ср.: А. В. Банк, 1966, рис. 31.

¹⁰³ А. П. Смирнов, 1957а; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 17.

¹⁰⁴ В. П. Даркевич, 1968, рис. 2.

¹⁰⁵ К. В. Тревер, 1961, стр. 103.

¹⁰⁶ O. Kurz, 1954, стр. 110—140, рис. 274—320.

¹⁰⁷ К. В. Тревер, 1940, стр. 81—87; табл. 18—21; K. Weitzmann, 1943, стр. 303—306, рис. 9—12; Б. Я. Ставиский, 1960б.

¹⁰⁸ К. В. Тревер, 1940, стр. 23—24, 132; М. Е. Массон, Г. А. Пузаченкова, 1959; К. В. Тревер, 1961; Г. А. Пузаченкова, 1971, стр. 38—41, 89, 107.

¹⁰⁹ О цивилизаторской миссии Диониса говорит Арриан: «Когда Дионис пришел сюда (в Индию. — В. Д.) и победил индийцев, он построил им города и для этих городов издал законы; он дал индийцам, как и эллинам, вино и научил засеивать землю, дав им семена. . . Дионис впервые впряг быков в плуг, превратил большинство индийцев из кочевников в земледельцев и вооружил их военным оружием. Дионис научил их поклоняться богам, как другим, так особенно себе, играя на кимвалах и тимпанах, и научил их сатирической пляске. . .» (Античные писатели о древней Индии, стр. 235—236).

объясняет его живучесть в сасанидском Иране¹¹⁰ и Средней Азии VII—IX вв. (сюжеты на серебре). Появление античных реминисценций в искусстве обуславливалось не «новой волной влияния античности»¹¹¹, а непрерывностью культов плодородия, находивших художественное воплощение только в определенных периодах под воздействием чисто внешних импульсов. В сасанидской торевтике вакхические мотивы в их иранской версии (Вакх с пантерой, его победное шествие, танцы менад, виноградные лозы и т. д.)¹¹² получают распространение примерно с V в. (под влиянием римских образцов?). В среднеазиатское серебро VII—VIII вв. они проникают благодаря «византийскому антику».

В дионисийских культах Востока был популярен образ лысого хмельного старика с чашей и винным мехом. В Греции Силена почитали как покровителя источников и гения плодородия. Он способен прорицать будущее и обладает сокровенным знанием природы вещей. Этот полубог «является непосредственным носителем щедрого изобилия земли и бессмертен именно как хранитель этого изобилия»¹¹³. Об индийском походе Диониса, в котором «маленький пьяный старик» выступал в роли военачальника, напоминает изображение Силена со слонами (табл. 15, 2). Возможно, на дне той же кружки в облике бородатого мужа изображен сам «Дионис индийский» (табл. 15, 5). Во фризах ивсийских ритонов подобные головы помещены рядом с участниками дионисийских процессов.

«Артемиды» на чуринском блюде (табл. 22, 1) — местная богиня плодородия, мужским спутником которой было божество, близкое Вакху. Вакхическое значение имеют лисица с виноградом (табл. 22, 1) и козлы (табл. 5; 8)¹¹⁴. К земледельческим культам восходят изображения на турушевском светильнике (табл. 9, 4—8): гранатовые деревья; пантера — эмблема Вакха; верблюд — символ плодovitости; лошадь, связанная с почитанием воды; олень, способный продлить человеческую жизнь. Виноградные лозы, листья и грозди — воплощение самого Диониса (табл. 22). С Мехрганом, ирано-среднеазиатским аналогом дионисийских празднеств, можно связать сюжеты на блюде табл. 6, 4, и кувшине табл. 7. Гранат — символ этого осеннего торжества. К культам плодородия имеют отношение ритуальное единорство (табл. 9, 2) и солярные розетки (табл. 13). Для пиршественных сосудов дионисийская тематика наиболее подходяща.

К числу близких китайским символов долголетия и супружеского счастья относятся олени (табл. 11, 3; 12, 1), аисты (табл. 14, 4), дикий гусь (табл. 11, 1), пара птиц и птица, защищающая гнездо от змеи (табл. 17, 3—6).

Иногда звери отражают космологические представления зороастризма или служат инкарнациями его божеств (табл. 6, 3). Правда, в среднеазиатской торевтике этот семантический слой не получил особого развития. Судя по живописи Пянджикента и Варахши, крылатый верблюд (табл. 10) и Сенмурв (табл. 5, 3) скорее имели значение геральдических эмблем и небесных покровителей. В зависимости

от контекста одни и те же сюжеты имели разный смысл. На кувшинчике из Калар Дашт для пробы молодого вина Сенмурв входит в вакхический цикл (рис. 4, 2)¹¹⁵.

Изображения на сосудах, особенно на днищах и ручках, служили апотропеями, предохраняя содержимое от злых духов и дурного глаза. Вплоть до недавнего времени верили в их магическую силу¹¹⁶.

Восточноиранская (хорасанская) группа.

VIII — первая половина IX в.

(табл. 5—7)

Группа выделена Я. И. Смирновым, который отрицал ее сасанидское происхождение¹¹⁷. И. А. Орбели обратил внимание на дальневосточные связи в орнаменте сосудов¹¹⁸. По М. Диманду, они изготовлены вне Ирана, так как растительный декор находит параллели в центральноазиатском искусстве. Предложенная М. Димандом датировка X в. ком чересчур поздняя¹¹⁹. Б. И. Маршак разделил вещи (по его классификации, школа А) на шесть этапов от VII до середины IX в. Типологический ряд строится на эволюции одного приема: линии, которая кончается ямкой¹²⁰. Он выделил признаки, сближающие школу А с омейядским и аббасидским искусством центров халифата и искусством Ирана¹²¹. Согласно гипотезе Б. И. Маршака, «сложение школы А обусловлено иранской эмиграцией в Мавераннахр и далее на восток после арабского завоевания Ирана»¹²². В VII в. она работала в Согде, в VIII—IX вв. — в Мерве и других городах Хорасана¹²³.

Кроме очевидных черт сходства, для сосудов этой группы характерен ряд мелких деталей: штриховка верхнего края лепестков бутонов, свернутые листья полупальметт, образующие в местах завитков круглые углубления (рис. 6), специфическая форма «скал» (рис. 7, 4—7) и шарфов на шею животных (рис. 8, 3, 4). Как и в сасанидское время, блюда — ведущая форма. К традиционно сасанидским признакам относятся приверженность к композициям в круге, позолоченный (а не пунсонный) фон и такие сюжеты, как Сенмурв, зверь с полоской земли и сегментом воды под ним, козлы с лентами¹²⁴.

В атрибуции школы помогает ее связь с восточноиранскими сосудами рубежа VII—VIII вв., особенно заметная в трактовке львиных морд (рис. 9). Шерсть на груди быка комаровского блюда (табл. 4, 2) стилизована так же, как «скалы» на блюде из Слудки (табл. 5, 4). По сравнению с началом VIII в. нарастает плоскостность изображений, основную роль начинает играть резкая контурная линия, фигуры

¹¹⁵ А. Godard, 1962, табл. 121.

¹¹⁶ При Аббасидах некоторым пиршественным сосудам приписывали особые свойства. Когда на пиру разбился любимый хрустальный кубок сына Харуна ар-Рашида, это сочли предзнаменованием гибели династии (И. Гольдциер, 1938, стр. 89).

¹¹⁷ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7—8.

¹¹⁸ J. Orbell, 1938, стр. 757—761.

¹¹⁹ M. S. Dimand, 1944, стр. 199.

¹²⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 21—23, 73.

¹²¹ Там же, стр. 63 и сл.

¹²² Там же, стр. 84—85.

¹²³ Там же, стр. 86, 90.

¹²⁴ Там же, стр. 38—39. Похожие козероги и сенмурвы на монетах первой половины VIII в. княжеств у юго-восточной границы халифата (Там же, стр. 65, рис. 34).

¹¹⁰ R. Ettinghausen, 1967—1968.

¹¹¹ И. А. Орбели, К. В. Тресер, 1935, стр. XXI.

¹¹² R. Ettinghausen, 1967—1968.

¹¹³ И. Тренчени-Вальданфельд, 1959, стр. 255.

¹¹⁴ Жертвенные козлы Диониса вырезаны на ритонах Нисы.

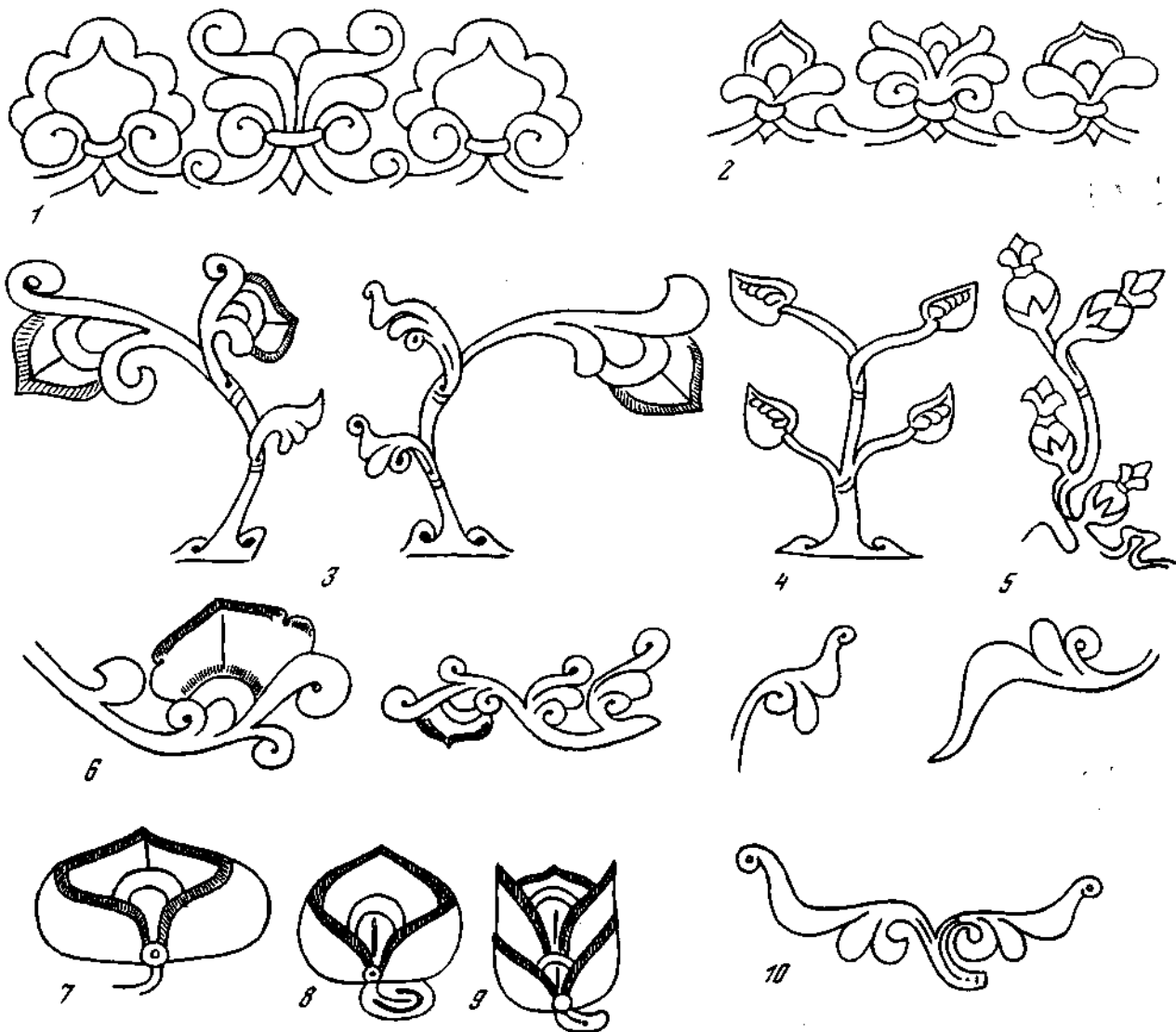

Рис. 6

Растительные мотивы в восточноиранском серебре VIII—IX вв.

1 — № 1; 2—4 — № 29; 5 — № 7; 6 — № 37; 7 — № 60; 8 — № 26; 9 — № 62; 10 — № 37, 60, 62

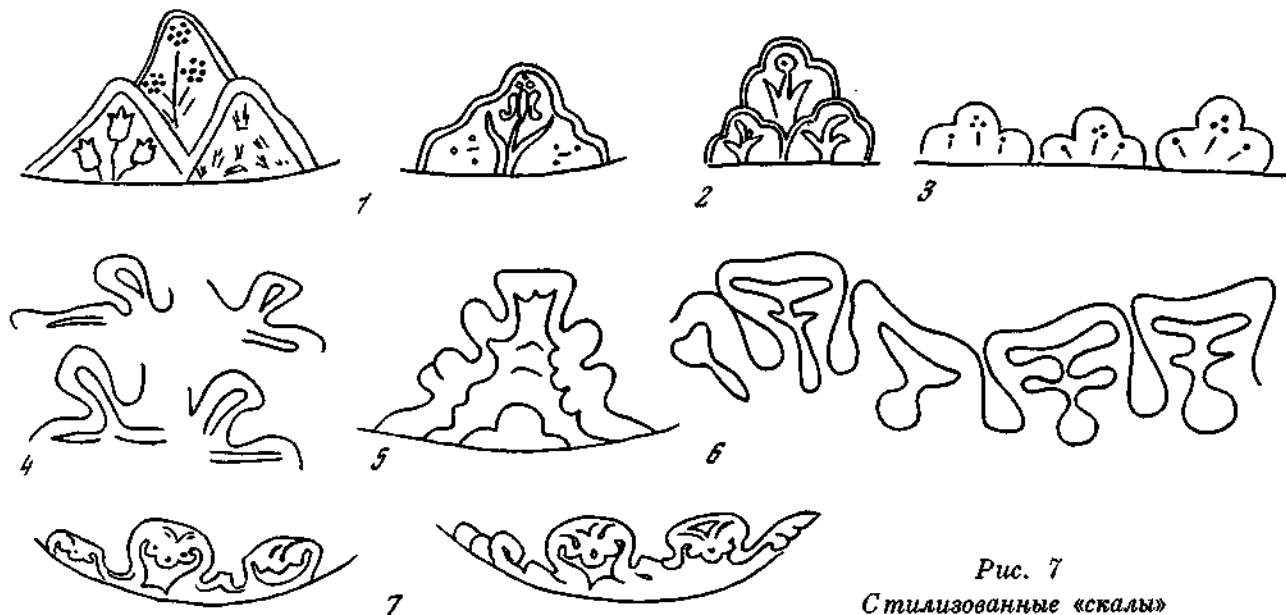

Рис. 7

Стилизованные «скалы»

1 — блюдо с Шапуром III (Я. И. Смирнов, 1909, № 308); 2 — позднеасанидская чаша из Хомякова, VI—VII вв. (там же, № 76); 3 — позднеасанидский кувшинчик VI—VII вв. (там же, № 89); 4 — № 7; 5 — № 69; 6 — № 117; 7 — № 71

зверей даны в обобщенной манере. В более поздних вещах рубежа VIII—IX вв. и IX в. фигуры становятся безжизненнее и возрастает роль декоративных элементов (табл. 6, 1, 4)¹²⁵. Графичность, отсутствие третьего измерения, стремление к симметрии фигур характерны для искусства эпохи Аббасидов¹²⁶.

Отнесение восточноиранской группы к VIII—первой половине IX в. доказывается ее близостью тюркитике Согда и восточных районов Средней Азии, датированной по танским параллелям. Переработанные танские мотивы на сосудах (рис. 5, 7, 8) появились не ранее конца VIII в. и были распространены до Поздней Тан (820 г. — начало X в.)¹²⁷. Как показал Б. И. Маршак, газневидское блюдо рубежа X—XI вв. (табл. 6, 5) еще сохраняет традиции школы А. Хорасанское происхождение школы А подтверждается серебряной медалью, найденной в Нишапуре¹²⁸, — близкой аналогии блюду.

Рассматриваемая группа относится преимущественно к периоду первых Аббасидов (с 749 г.) с их иранской ориентацией. Утверждается персизованный, космополитический ислам вместо узкоарабского, основанного на традициях бедуинов¹²⁹. Теократической природе своей власти Аббасиды искали соответствие в стройной государственной системе Сасанидов¹³⁰. При халифском дворе в Багдаде, где лучшие места занимали иранцы, наследуют придворный церемониал, моды и праздники Сасанидов (Науруз, Мехрган). Иранские ученые переводят с пехлеви на арабский сасанидские хроники и теологические трактаты. В IX—начале X в. в противовес мусульманскому богословию написаны такие канонические сочинения зороастризма, как «Денкарт», «Бундахиши»¹³¹. В Мерве, резиденции арабских наместников Хорасана, вплоть до халифа ал-Мамуна сохранялась библиотека пехлевиийских рукописей¹³². Дворцы первых Аббасидов, вероятно, расписывали иранцы. В рыцарском обществе Восточного Ирана, давшем почву поэме Фирдоуси, культивируют традиции национальной древности. «Понятие „наследие“ — совершенно реальное, и „наследие“ это не только в том, что продолжают оставаться живыми и для новых эпох многие произведения эпох ушедших, но и в том, что эстетические ценности, воплощенные в этих произведениях, обогащают сознание последующих поколений»¹³³. Своего апогея персидское влияние достигло при халифах ал-Хафи (785—786), Харуне ар-Рашиде (786—809) и ал-Мамуне (813—833)¹³⁴.

При Аббасидах провинциальная ограниченность мусульманской культуры уходит в прошлое. Она впитывает влияния эллинизма и сасанидской «классики». Устанавливаются торговые связи с Восточной Европой и Дальним Востоком, с Индией и Черной Африкой. Знакомством с китайским серебром можно объяснить заимствование «танских» орнаментов (рис. 5, 7, 8). Впрочем, они настолько переработаны, что наводят на мысль о промежуточных

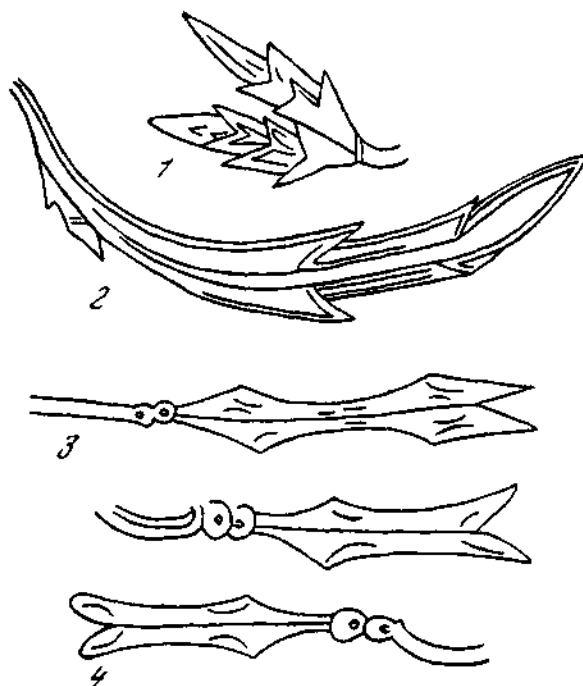

Рис. 8

Ленты на священных животных

1 — № 7; 2 — № 35; 3 — № 62; 4 — № 29

(среднеазиатских?) образцах. Влияние буддийской иконографии заметно в позе царя и лотосе — детали трона на блюде табл. 6, 4¹³⁵. О притягательности искусства сасанидского Ирана, который представляли средоточием легкой и веселой жизни, свидетельствуют стихи Абу Нуваса (ум. в 814 г.). Он описал золотую чашу, «которую одарила разными изображениями Персия»: «На дне у нее Хосрой, а по сторонам антилопы, которых выслеживают с луками всадники»¹³⁶. В другом стихотворении упомянута чаша с Хосроем и его войском (см. эпиграф к главе II)¹³⁷. По-видимому, речь идет о раннеисламских подражаниях сасанидской посуде.

Таким образом, в иранской тюркитике VIII—IX вв. еще живы традиционные темы: охота на антилоп и крупных хищников (табл. 6, 1), царь с «главами войска», пир властелина в окружении вельмож и музыкантов (табл. 6, 4; 7). Для пира разработана новая композиция, которая доминировала в мусульманском искусстве вплоть до конца XIII в.¹³⁸ Однако на востоке Ирана, где сосредоточивалось эпическое творчество и его литературная обработка¹³⁹, направленность освященных традицией тем была иной, чем в официальном искусстве Сасанидов. Олицетворявшая идеалы государственности прокламативность, церемониальная торжественность сцен инвеституры и военных триумфов прославляемого «царя царей» чужды эпике, занимавшей столь большое место в искусстве Восточного Ирана и Средней Азии¹⁴⁰. Эпический жанр, воплотивший идеалы фео-

¹²⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 73.

¹²⁶ I. Stchoukine, 1936, стр. 144—145.

¹²⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

¹²⁸ М. Bahrami, 1952, стр. 19—20, рис. 4, а.

¹²⁹ Р. Фрай, 1972, стр. 16, 332.

¹³⁰ В. В. Бартольд, 1963 д, стр. 255.

¹³¹ Р. Фрай, 1972, стр. 338—339.

¹³² В. В. Бартольд, 1971в, стр. 369.

¹³³ Н. И. Конрад, 1966, стр. 459.

¹³⁴ I. Stchoukine, 1936, стр. 37—39.

¹³⁵ М. Bahrami, 1952; Б. И. Маршак, 1971, стр. 59.

¹³⁶ И. Ю. Крачковский, 1928, стр. 114.

¹³⁷ Там же, стр. 121.

¹³⁸ Б. И. Маршак, 1971, стр. 63—64.

¹³⁹ В. В. Бартольд, 1971б, стр. 383—384; Р. Фрай, 1972, стр. 270.

¹⁴⁰ В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, 1964, стр. 34.

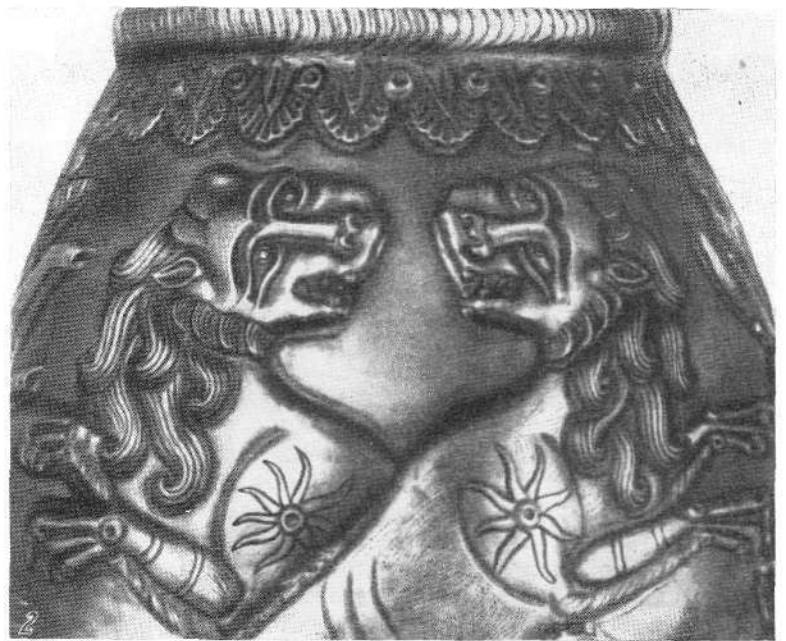

Рис. 9

Львы в восточноиранском серебре VIII—IX вв.

1 — № 115; 2 — № 116; 3 — № 24; 4 — № 37; 5 — № 69

дально-рыцарского сословия, включал и культовые символы индоиранской космологии. Его тесная связь с мифологией отражена в живописи Варахши и Пянджикента ¹⁴¹.

Постепенно происходит вытеснение доисламских эпических и мифологических сюжетов чисто светскими, отражавшими парадные стороны жизни мусульманских владетелей. В искусстве Сасанидов пир — культовое возлияние для умиловления божеств плодородия, где сам шахиншах выступает как их инкарнация ¹⁴². В искусстве халифата — это светский праздник, сопровождаемый музыкой и плясками танцовщиц. Охота сасанидских государей (осо-

бенно на ранних блюдах) — полное драматического напряжения единоборство с хищниками. Повелитель в короне и парадном костюме — воплощение победоносной мощи и величия. Охота в передаче мусульманского художника не подвиг, а жанровая сцена: владетель безопасно развлекается, преследуя дичь с помощью соколов, охотничьих собак и барсов (табл. 6, 2) ¹⁴³. Процесс «обмирщения» придворного искусства царей и знати, начавшийся в позднесасанидский период (Так-и Бостан), в VIII в. охватил Восточное Средиземноморье (Сирия, Иордания). В омейядской дворцовой живописи (Каср ал-Хайр

¹⁴¹ Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, 1960.

¹⁴² Я. И. Смирнов, 1909, № 66; И. А. Орбели, К. В. Тревер, 1935, табл. 16.

¹⁴³ «Если любишь охоту, занимайся охотой с соколами. . . , барсом и собакой, чтобы и охота была, и страха опасности не было, да и добыча была к чему-либо пригодна» (Кабуснамэ, стр. 79).

1

2

3

4

Таблица 5

Медальоны в центре серебряных блюдец

1 — Томыз (№ 62); 2 — Половодово (№ 37); 3 — Кытманова (№ 60); 4 — Слудка (№ 26)

4

Таблица 6

Серебряные сосуды и подвеска

1 — Прикамье (№ 69); 2 — Рябиновская (№ 2); 3 — место находки неизвестно (№ 117); 4 — Прикамье (№ 70); 5 — Ямгортские юрты (№ 84)

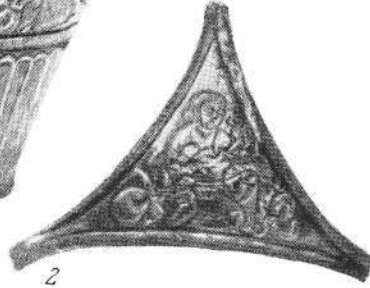
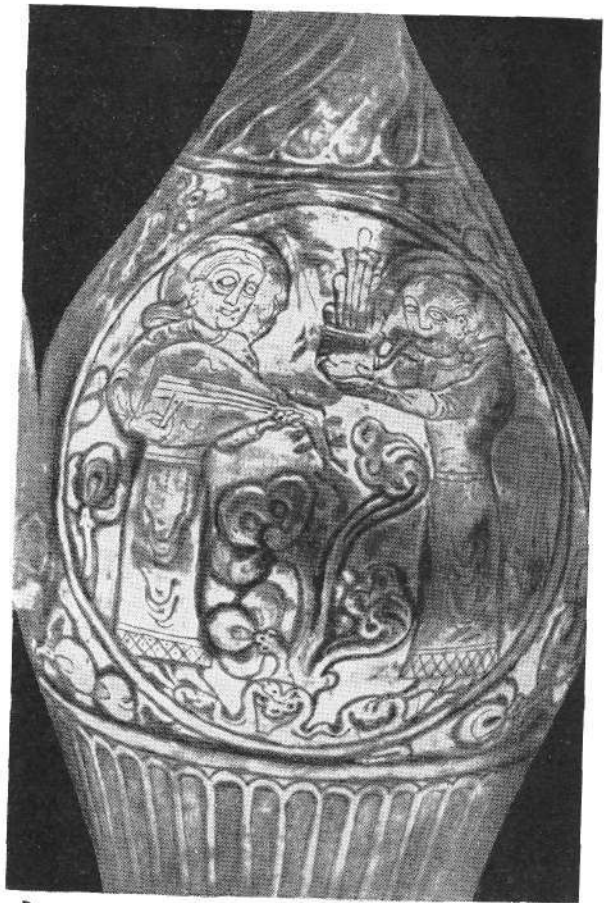

Таблица 7
 Серебряный кувшин
 (Прикамье, № 71) 1 — общий вид; 2—5 — детали

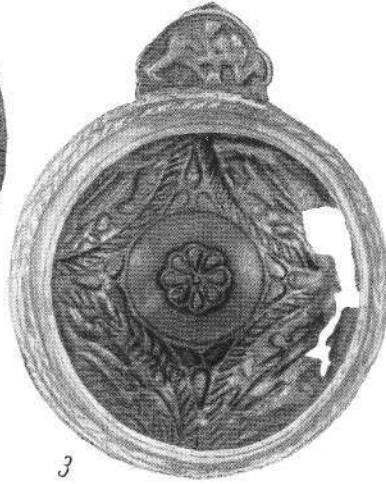

Таблица 8
Серебряные кружки

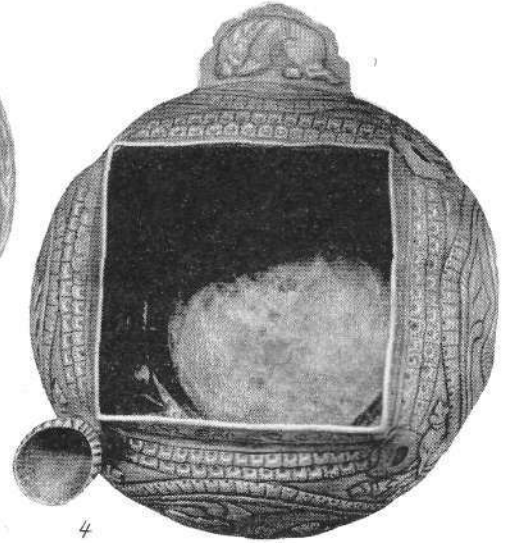
1-4 — Гутова (№ 29); 5, 6 — Томыз (№ 65); 7, 8 — Вихарево (№ 1)

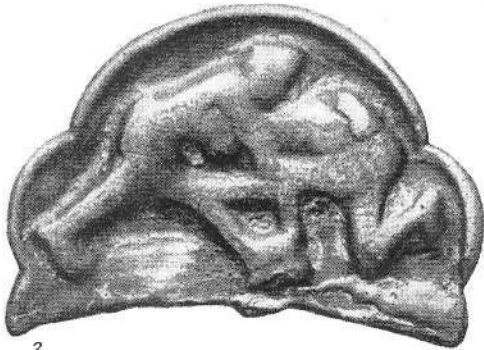
1

3

4

2

5

6

7

8

Таблица 9
Серебряные кружка и светильник
1—3 — Азов (№ 114); 4—8 — Турушева (№ 7)

Таблица 10
Серебряный кувшин
Мальцева (№ 35)

ал-Гарби и Кусейр-Амра, первая половина VIII в.) преобладают развлекательные сюжеты, призванные доставлять чувственную радость зрителям: пир государя, охота на антилопу, музыканты, танцовщицы, купальщицы, дрессированные животные. В IX—XI вв. искусство, проникнутое гедонистическими настроениями, распространяется при дворах Ирака, в Хорасане и Афганистане (живопись Самарры, 836—839 гг.; медали Буидов, возводивших свою генеалогию к Сасанидам; росписи газневидского дворца Лашкари-Базар начала XI в.¹⁴⁴; описания настенной живописи в «Шахнаме»: «и роспись везде на стенах галерей: сраженья, охоты, забавы царей»). Та же тематика постепенно завоевывает место в прикладном искусстве, хотя в VIII—IX вв. еще отчетлива связь пиришественных сцен с праздниками плодородия (табл. 6, 4; 7), а царь по-прежнему предстает героическим львиноборцем (табл. 6, 1). Но в X в. на буидских медалях две главные темы дворцового искусства — пир и охота — даны уже в чисто светской редакции¹⁴⁵. Представляя государя в обстановке, присущей его высокому сану, — на троне в кругу своей семьи и приближенных, во время пира с участием музыкантов и стройных танцовщиц, на войне или охоте, — это искусство прославляло знатность и богатство повелителя. Те же темы характерны для иранской придворной касбды X—XI вв.¹⁴⁶.

Согдийские сосуды (табл. 10)

«Отсюда выходят превосходные художественные вещи», — сообщает китайский хронист о Самарканде VII в.¹⁴⁷ Когда в 87 г. хиджры арабы ибн Кутейбы взяли Пайкенд, «в нем они захватили такое большое количество золотых и серебряных сосудов, что не сосчитать»¹⁴⁸. О золотой и серебряной посуде, употреблявшейся на пирах согдийских дикхан и зажиточных горожан, дают представление пиянджикентские росписи VII—VIII вв. Ведущими формами были большие ложчатые чаши на поддоне, гладкие чаши с поддоном или без него, кувшины с четко выделенным сливом и ручкой, идущей от венчика к плечу (ср. табл. 20, 1—3)¹⁴⁹. Встречаются кружки с округлым туловом, суживающимся вверх горлом и низко посаженной кольцевидной ручкой, а также большие ложчатые блюда¹⁵⁰. Эти формы, имеющие аналогии в керамике¹⁵¹, бытовали не только в Согде, но и в других областях Средней Азии. Были в ходу и фигурные сосуды в виде животных. В истории Самарканды упомянут бухарский золотых дел мастер, который делал «двух газелей из золота и зайца из серебра»¹⁵².

Сосуды V—VII вв. представлены Мунчакским и Чилекскимкладами¹⁵³, ложчатыми чашами из

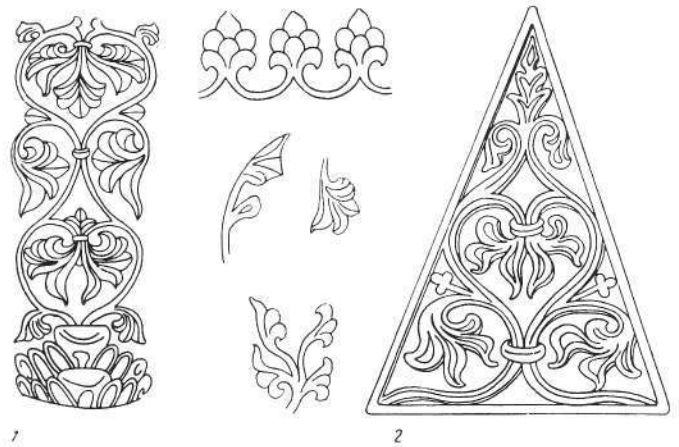

Рис. 10

Растительные мотивы в орнаментике Согда

1 — № 35; 2 — орнамент на бичайманском оссуарии

дер. Волгиной¹⁵⁴ и Больше-Аниковского клада¹⁵⁵. Их согдийская атрибуция доказана Б. И. Маршаком¹⁵⁶. Согдийскую торовитку V—VI вв. отличает «скромный архаический облик, связи с Хорезмом и обособленность от южных и юго-западных художественных влияний»¹⁵⁷. Сложнее выделить согдийские вещи конца VII—VIII в., которые имеют мало общего с вещами V—VII вв., хотя Б. И. Маршак и строит непрерывный типологический ряд (шкала В). С середины VII в., когда образуется государство самаркандских ихшидов и начинается расцвет ремесла и торговли, искусство согдийской аристократии видоизменяется. Оно активно впитывает элементы различного происхождения. Многочисленные иностранные купцы посещают Самарканд. Во второй четверти VII в. возобновляются торгово-политические связи с Китаем¹⁵⁸. «Искусные в торговле» согдийцы отправляют туда караваны в несколько сот человек¹⁵⁹. Они основывают поселения в Семиречье и Восточном Туркестане¹⁶⁰. В Самарканде, Пайкенде и Бухаре концентрируются иноземные товары¹⁶¹. Попадая в Согд, произведения разных стран оказывали влияние на местную торовитку. Отсюда разрыв с традициями предыдущего времени, эклектизм, характерный, например, для кувшина табл. 10. Его датировка рубежом VII—VIII вв. исходит из аналогий в живописи Варахши и Пиянджикента. Фон из пунсонных кружков (на горле) типичен для металла Средней Азии и Китая в VII—VIII вв.¹⁶² Возможно, для согдийского орнамента VII—VIII вв. характерны лепестки с продольной гранью, разделяющей их на две косые плоскости (рис. 10). Б. И. Маршак считает признаком согдийского декора пальметту с «растрепанными» лепестками (рис. 10)¹⁶³.

¹⁴⁴ D. Schlumberger, 1952.

¹⁴⁵ M. Bahrami, 1952.

¹⁴⁶ E. Э. Бертельс, 1939.

¹⁴⁷ Н. Я. Вичурин, 1950, стр. 310.

¹⁴⁸ А. Ю. Якубовский, 1934, стр. 83.

¹⁴⁹ Живопись древнего Пиянджикента, табл. VII, XII, XXVIII, XXXVI и др.; А. М. Беленицкий, 1973, илл. 15, 16, 19, 21.

¹⁵⁰ Б. И. Маршак, 1971, рис. 3.

¹⁵¹ Б. И. Маршак, 1961.

¹⁵² О. И. Смирнова, 1970, стр. 127, 130—131.

¹⁵³ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, рис. 12, 13; Б. И. Маршак, 1971, Т1—5.

¹⁵⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 136; Б. И. Маршак, 1971, Т9.

¹⁵⁵ К. В. Тревер, 19376, табл. 1; Б. И. Маршак, 1971, Т10.

¹⁵⁶ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 76; Б. И. Маршак, 1971, стр. 23—26, 44—46, рис. 11—14.

¹⁵⁷ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 76.

¹⁵⁸ О. И. Смирнова, 1970, стр. 167.

¹⁵⁹ Там же, стр. 251.

¹⁶⁰ В. И. Распопова, 1973, стр. 82.

¹⁶¹ О. И. Смирнова, 1970, стр. 126.

¹⁶² Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 18.

¹⁶³ Б. И. Маршак, 1971, стр. 52; Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 18.

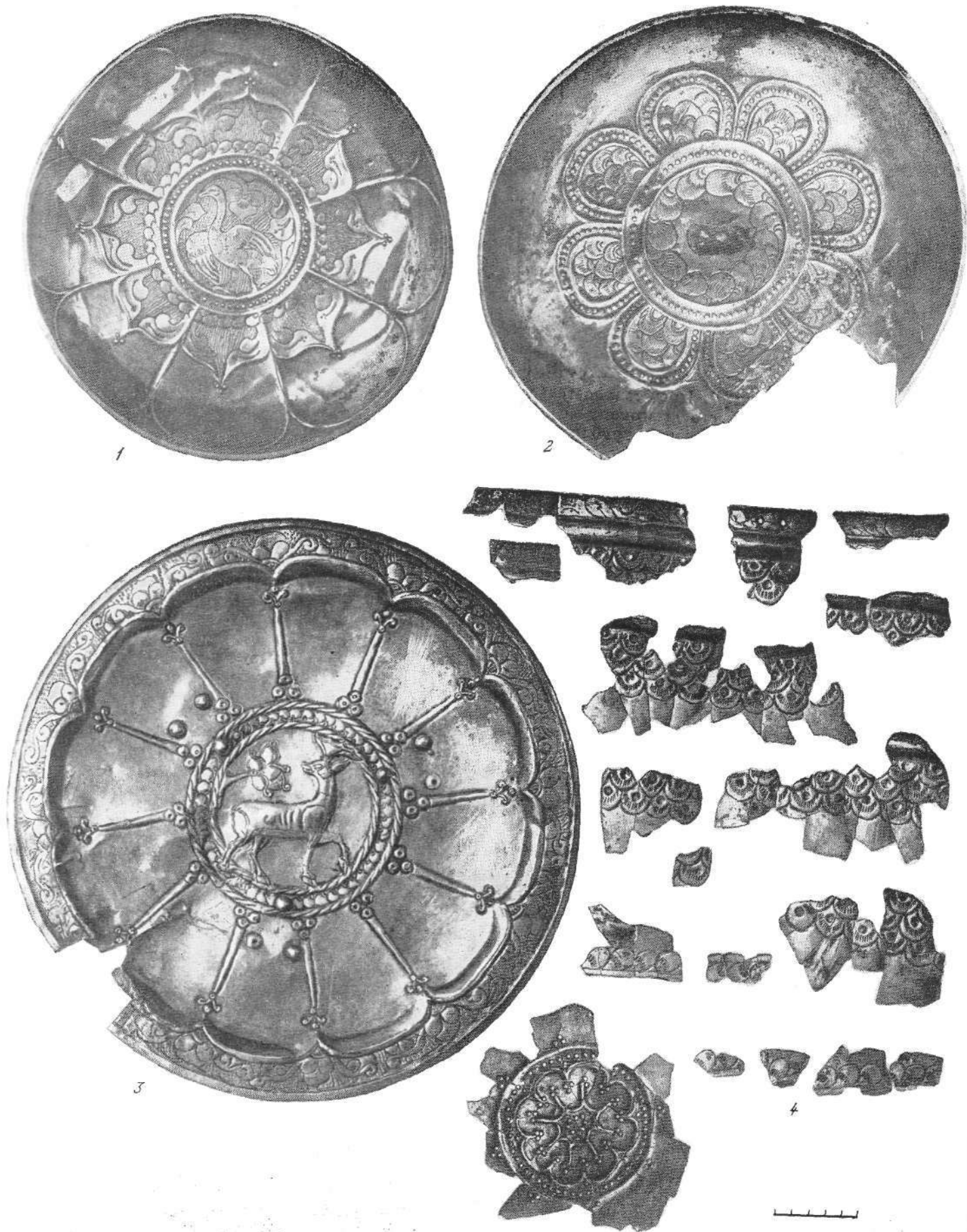

Таблица II

Серебряные блюда и фрагменты ведерка

1 — Репьевка (№ 13); 2 — Репьевка (№ 14); 3 — Репьевка (№ 12); 4 — Томыз (№ 68)

По-видимому, после 712 г., когда Согд выплачивает арабам огромные суммы и серебро уходит из страны¹⁶⁴, производство сосудов, как и чеканка серебряных монет, сократилось, хотя и не замерло окончательно. «В Согде после 712 г. и ограбления храмов оставались большие богатства. В Пянджикенте все клады серебряных монет относятся к 740—770 гг. . . В 740-х годах были восстановлены и расписаны многие дома пянджикентской знати»¹⁶⁵.

После окончательной исламизации Согда носителями домусульманских традиций выступают мастера пограничных со степью восточных областей Средней Азии.

Торевтика восточных районов Средней Азии

VIII—IX вв.
(табл. 11—20)

Несколько групп сосудов локализуется на востоке Средней Азии, в частности в Семиречье. В торгово-ремесленных центрах Таласа и Чу (Тараз, Баласагун и др.) процветала художественная обработка металла, основанная на собственном сырье (серебряные рудники Таласского Алатау¹⁶⁶; с IX в. крупным поставщиком серебра становится Шельджи). Для искусства Западнотюркского каганата (VI—VIII вв.) и карлукского государства (со второй половины VIII в.) характерен синкретизм, сплав элементов Согда, Северного Синьцзяна, Китая, осложненный влиянием кочевников Алтая и Енисея¹⁶⁷. Подобное сочетание признаков отличает и торевтику.

Средняя Сырдарья, Фергана и Семиречье фактически не входили в состав халифата. Их искусство, связанное с оседлым тюрко-согдийским населением, долго сохраняло доисламские мотивы¹⁶⁸. В период арабского завоевания Согда часть мастеров по металлу могла эмигрировать в области отличавшихся веротерпимостью тюркских племен.

Фергано-семиреченская группа. Вторая половина VIII—первая половина IX в. (табл. 11—15). И. А. Орбели предложил локализовать ее в Хотанском оазисе и датировал по танским элементам (к той же категории он отнес восточноиранские блюда табл. 5)¹⁶⁹. Часть сосудов этой группы Б. И. Маршак включил в школу В согдийского серебра, отметив ее близость школе А¹⁷⁰.

Для группы характерны следующие признаки:

1. Восьмилепестковые розетки на дне, чеканенные с оборота, иногда позолоченные (табл. 13). На чашке табл. 16, 3 две розетки с ромбовидными лепестками «наложены» друг на друга. Подобные розетки встречаются в декоративной керамике Ферганы (VIII в.)¹⁷¹, на резной панели из жилого дома IX—X вв. города Сарыча в Семиречье (Краснореченское городище)¹⁷².

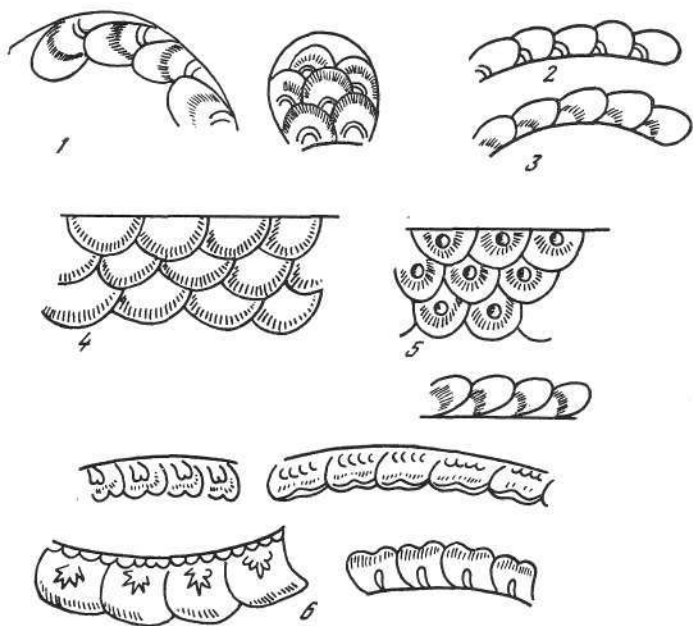

Рис. 11

Лепестковый орнамент

1 — № 14; 2 — № 12; 3 — № 13; 4 — № 80; 5 — № 68; 6 — орнаменты на танском серебре (по Б. Гюллесварду)

На согдийской керамике их нет, хотя, судя по чилекской чаше V—VI вв.¹⁷³, мотив может восходить к Согду. Он находит аналогию и в центральноазиатских орнаментах VII—VIII вв.¹⁷⁴ В народном искусстве Средней Азии розетка — символ солнца и апотропей. По свидетельству старых дувалзанов, делавших глинобитные ограды, розетки на них служили для отвода дурного глаза¹⁷⁵. Розетки с сердцевидными лепестками напоминают лотос — солнечный цветок Анахиты¹⁷⁶. Только при халифе ал-Мутасиме (833—842) был разрушен посвященный солнцу древний храм Каусан в столице Ферганы¹⁷⁷.

2. Орнамент из близко пригнанных и заходящих друг на друга маленьких лепестков (рис. 11, 1—5). Лепестки заштрихованы посередине или по краю. Лепестковый орнамент по краям серебряных чаш и блюд типичен для среднего и позднего периодов династии Тан (755—820, 820—906 гг.). В начале танской династии он не был известен, а распространился около середины VIII в.¹⁷⁸ По сравнению с бордюрами в танском металле, где каждый лепесток имеет выемку по краю и слегка наклонен, лепестки-чешуйки в среднеазиатском серебре более крупные и грубые. Иногда они осложнены дужками или круглыми вдавлениями и расположены не наклонно, а прямо (рис. 11).

3. Растительный узор имеет свои особенности. У пальметт выступающие края лепестков образуют завитки. Характерен мотив трех кружков на коротком стебельке (внутри каждого лепестка)¹⁷⁹.

¹⁶⁴ О. И. Смирнова, 1970, стр. 161.

¹⁶⁵ Письмо Б. И. Маршака от 13 октября 1972 г.

¹⁶⁶ В. В. Бартольд, 1963б, стр. 241.

¹⁶⁷ А. Н. Бернштам, 1950, стр. 82; Он же, 1952, стр. 125—150.

¹⁶⁸ Наиболее раннее известие Ибн ал-Асира о распространении ислама среди тюрков Семиречья и Восточного Туркестана относится только к 960 г. (К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, 1950, стр. 273).

¹⁶⁹ J. Orbeli, 1938, стр. 757—761.

¹⁷⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 23—26, 44.

¹⁷¹ Д. П. Вархотова, 1964.

¹⁷² А. Н. Бернштам, 1950, табл. XII, 2.

¹⁷³ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, рис. 12.

¹⁷⁴ Н. В. Дьяконова, 1969, стр. 94, рис. 8.

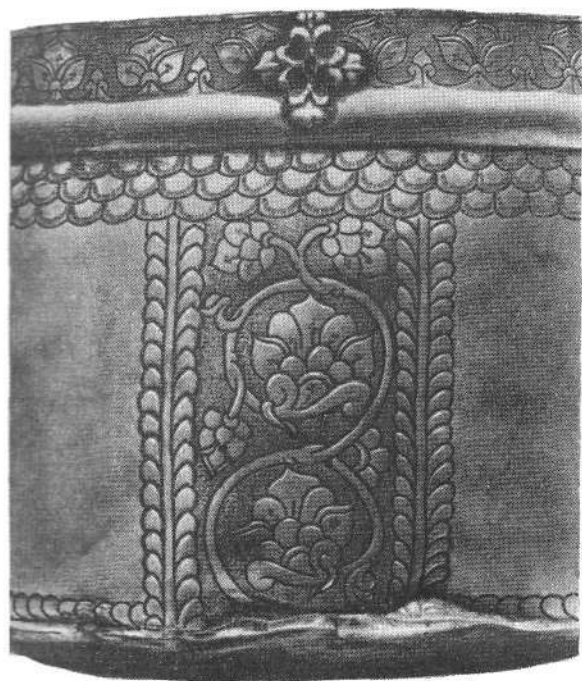
¹⁷⁵ Г. Григорьев, 1937, стр. 141.

¹⁷⁶ Ph. Ackertman, 1938b, стр. 794.

¹⁷⁷ Ю. Д. Баруздин, А. М. Беленицкий, 1961, стр. 27.

¹⁷⁸ В. Gyllensvärd, 1957, стр. 134—135, рис. 81; Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

¹⁷⁹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 25.

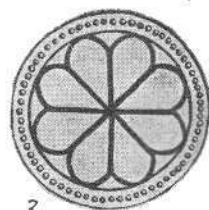
1

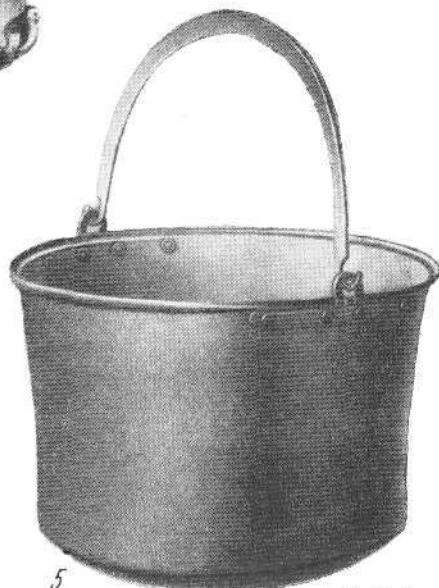
2

4

3

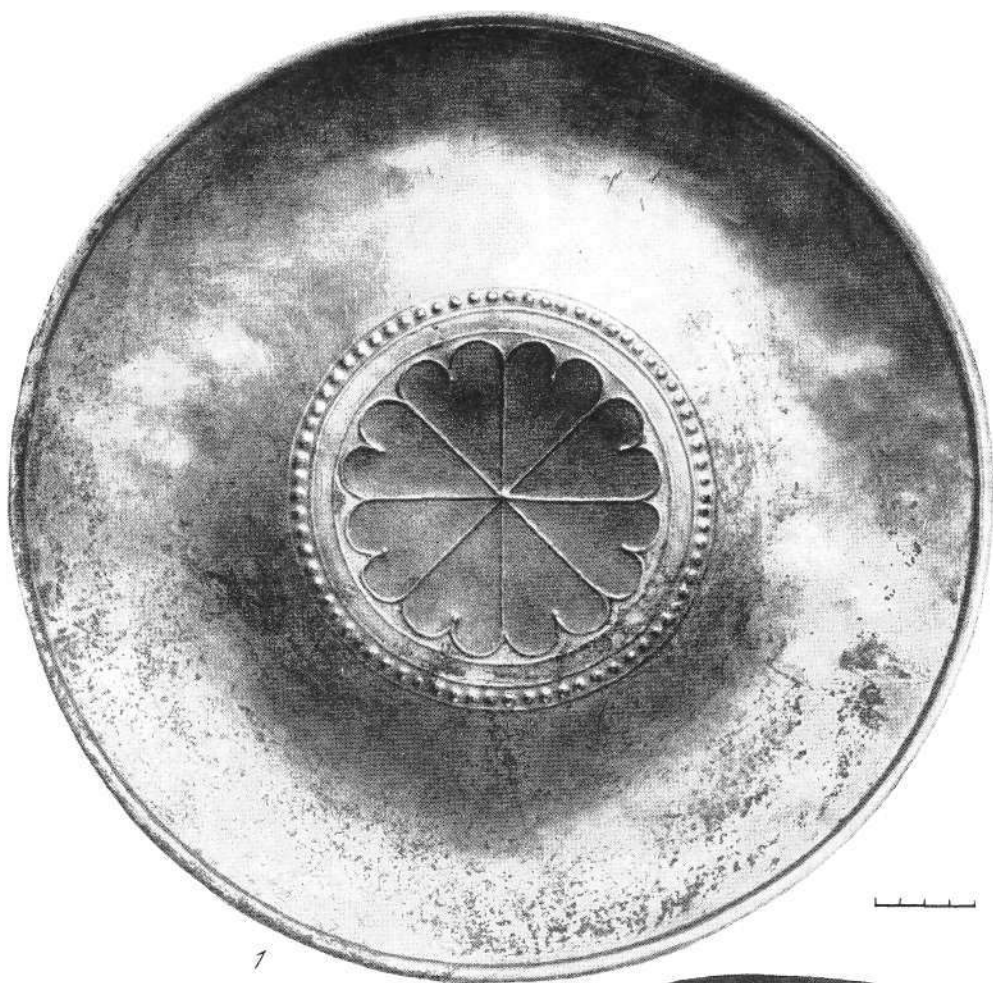

5

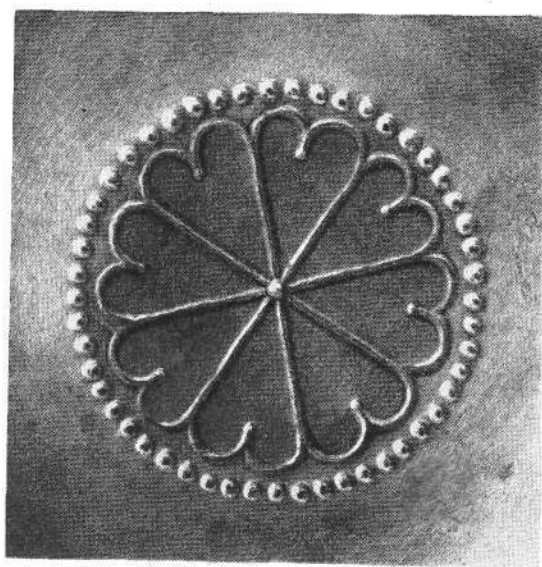

Таблица 12
Серебряные ведра

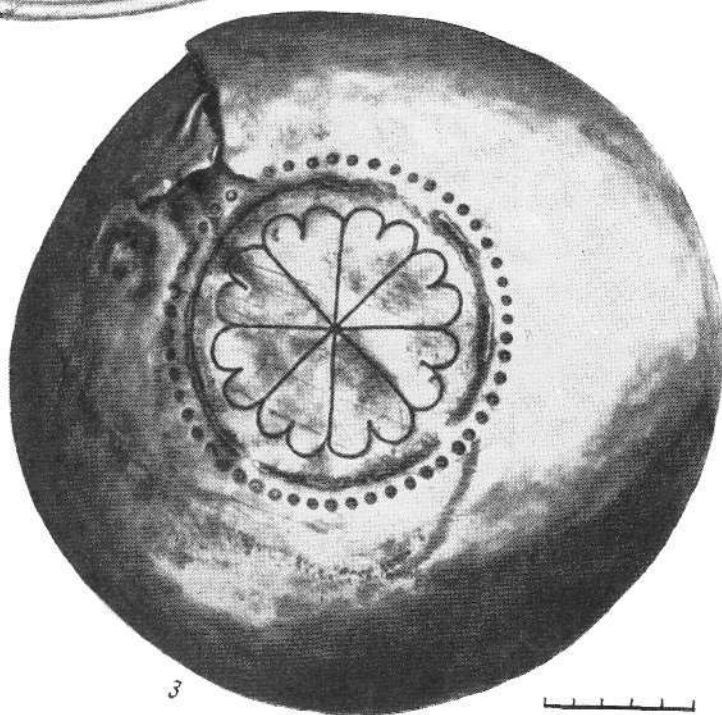
1—3 — Широково (№ 80); 4 — Климова (№ 33); 5 — Редикор (№ 38)

1

2

3

Таблица 13
Серебряные чаши и блюда

1 — Климова (№ 34); 2 — Томыз (№ 63, деталь); 3 — Мартынова (№ 50)

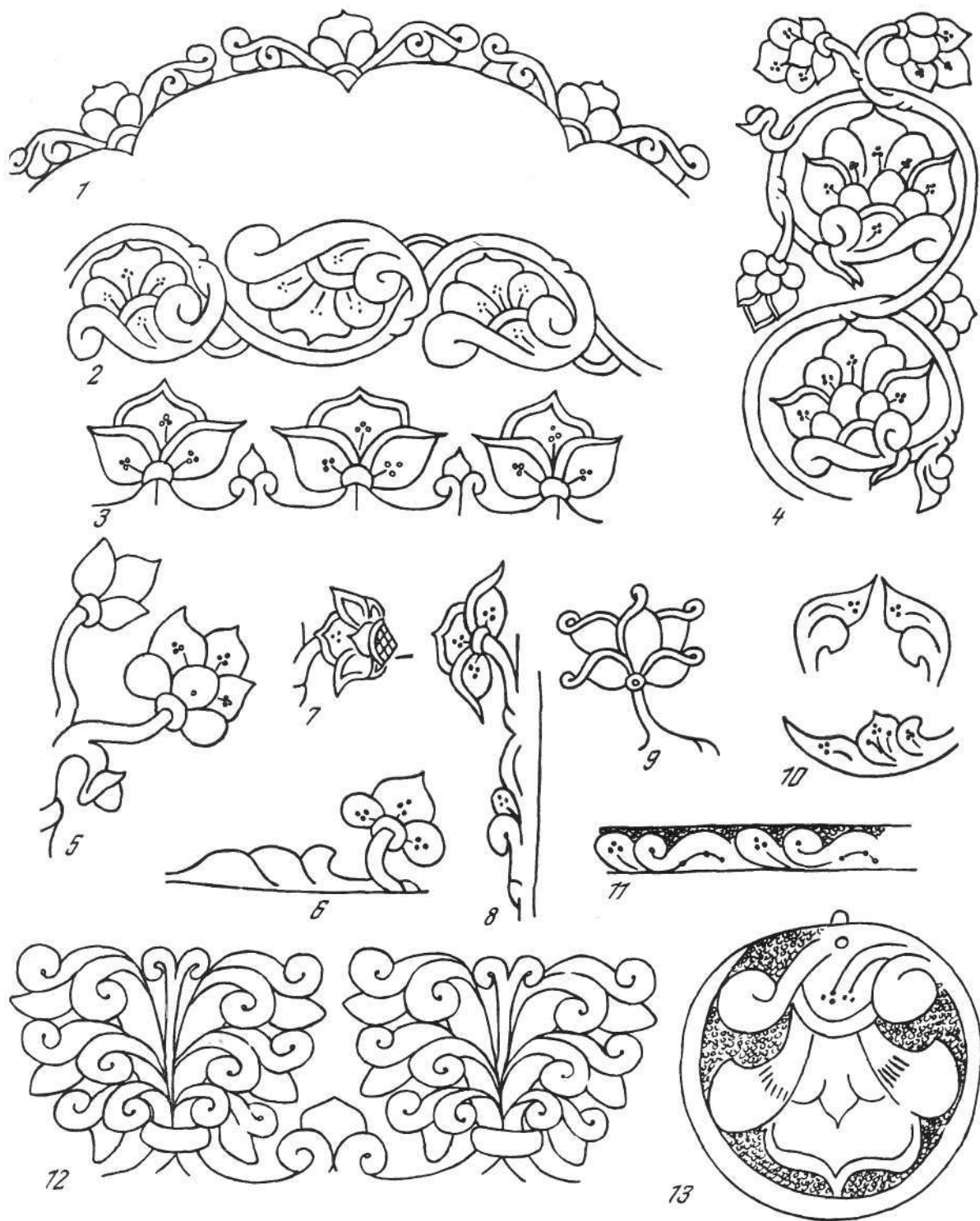

Рис. 12

Растительные мотивы в среднеазиатском серебре VIII—IX вв.

1 — № 12; 2 — № 53; 3—6 — № 80; 7, 8 — № 53, 9 — № 12; 10 — № 13; 11 — № 68; 12 — № 54;
13 — подвеска из Редикорского клада (Эрмитаж)

От волнистых стеблей отходят спиральные завитки с массивными пальметтовидными цветками (рис. 12). Серебряная подвеска с аналогичной гравированной пальметтой происходит из Редикорского клада 1908 г. (рис. 12; 13); ср. табл. 12, 1, 2; 14, 5, 6; рис. 12, 2, 4)¹⁸⁰. Клад включал поясной набор VIII—IX вв.

¹⁸⁰ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 230, рис. 275; Б. И. Маршак, 1971, стр. 54, Т33.

(табл. 54, 3) и арабские монеты 679—722 гг., превращенные в подвески к ожерелью.

4. Медальоны на дне сосудов окаймлены кольцами из мелких выпуклых кружков, чеканенными с оборота¹⁸¹.

5. Характерная форма посуды — ритуальные (?) ведерки, возможно, для пьющего священного на-

¹⁸¹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 25.

питка, подобного авестийской хаоме (древнеиндийской соме). Ритуал его приготовления из растения сомы схож в Индии и Иране: сок выжимали давящими камнями, пропускали через волосное сито, разбавляли водой и разливали по сосудам. На блюде из парижской Национальной библиотеки такое ведро несет жрец Анахиты (рис. 3, 1).

Остальные указанные Б. И. Маршаком признаки (тонкостенность, ложчатость, медальон в рамке «крупного витка», три кружка на концах ложек) свойственны и другим школам. Поэтому генетическая связь согдийских ложчатых чаш V—VII вв. с позднейшими сосудами школы В остается проблематичной. По трактовке животных и пальметт к школе В примыкает кружка табл. 15. Ср. маленькие пальметки, из которых состоят большие (табл. 15, 7), с пальметками по бортику блюда табл. 11, 3.

Сосуды табл. 11—15 можно локализовать в Фергане или Семиречье (сходство розеток). С VII в. главный торговый путь из Западной Азии в Китай проходил по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, Кучу и Аксу мимо Иссык-Куля в долину Чу (табл. 50, 1)¹⁸². По этой магистрали в Восточный Туркестан, Семиречье, Согд и Иран проникали китайские шелковые ткани, изделия из металла и лака. Отсюда усвоение танского лепесткового орнамента. В ряде пунктов Семиречья найдены китайские бронзовые зеркала, на городище Ак-Бешим — танские монеты, по образцу которых чеканили монеты в городах Семиречья¹⁸³. По словам Сюань Цзана, в город Суяб (долина р. Чу) «ежегодно на большие ярмарки съезжались купцы из всех стран»¹⁸⁴.

По лепестковому орнаменту рассматриваемая группа не старше второй половины VIII в. Блюдо с оленем (табл. 11, 3) близко китайскому, изготовленному незадолго до 767 г.¹⁸⁵ Аналогия птице на блюде табл. 11, 1 предположительно относится к началу Средней Тан (755—820 гг.)¹⁸⁶.

Ложчатые кружки и светильники (табл. 17; 18, 5, 6). Сходство с танским металлом особенно заметно в форме и декоре (на пунсонном фоне) двух кружек и двух светильников¹⁸⁷. Ввиду связей со школой В и с Китаем Б. И. Маршак локализует их в Восточном Туркестане или на востоке Средней Азии и относит к школе С, в которую включает и граменные кружки табл. 18, 2—4¹⁸⁸.

Разработанная по датированным вещам хронология танского орнамента¹⁸⁹ позволяет отнести сосуды к рубежу VIII—IX вв.¹⁹⁰ Танский декор оказал воздействие на торовитку енисейских хакасов (Копенский чаатас, середина VIII—IX вв., рис. 5, 1, 2), в трансформированном виде его элементы проникли в среднеазиатский и восточноиранский металл (рис. 5, 3—6).

Кружки с растительным орнаментом. Вторая половина VIII в. (табл. 16, 4—7; 18, 7). По стилю орнамента (рис. 13) три кружки и чаша без поддона

(табл. 16, 1) составляют особую подгруппу. Чередующиеся большие и малые пальметты образуют фризы. Стебли толстые, плавно изогнутые. Для пальметт с перехватами у основания характерен центральный лепесток в виде маленького трилистника. Он отделен от боковых лепестков-полупальметт. Фон обработан кружковым пунсоном. Б. И. Маршак отметил связь стерлитамакской кружки со школой А через посредство кружки табл. 8, 6¹⁹¹.

Для датировки кружек важен экземпляр из Левашовского могильника близ Стерлитамака (последние десятилетия VIII—начало IX в.)¹⁹². На кружке из Афанасьева древнетюркская руническая надпись VIII в. Их наиболее вероятная локализация — Фергана — Семиречье. Кружки табл. 16, 4, 5 по форме близки кружке из кургана в с. Покровском Чуйской долины¹⁹³. Ложчатость кружки табл. 18, 7¹⁹⁴ сближает ее с сосудами табл. 17.

Сосуды «тюркских» форм. VIII—IX вв. (табл. 18, 2—4; 19). Чеканка сосудов из золота и серебра была распространена у тюрков, в среде которых работали искусные ювелиры¹⁹⁵. В числе предметов обмена восточных тюрков с Китаем источники упоминают чаши с семью драгоценными камнями¹⁹⁶.

Некоторые кружки и кувшины находят аналогии в серебряных сосудах из курганов и в изображениях на каменных изваяниях Тувы, Минусинской котловины (Кыргызское государство), Алтая (Восточнотюркский каганат), Семиречья и Ферганы (Западнотюркский каганат). На сосуде Пешнигортского клада (№ 326) была тюркская надпись (?). Руническая надпись процарапана на кружке с каннелированными стенками из коллекции К. Кемпе¹⁹⁷. Синтез тюркских, восточноиранских, согдийских и танских элементов позволяет отнести данные сосуды к Семиречью—Фергане. В VII—VIII вв. на территории Западнотюркского каганата, кроме оседлых тюрков, было много согдоязычных колонистов¹⁹⁸. Связи Согда и Семиречья прослежены по массовому керамическому материалу¹⁹⁹. В основанных согдийцами городах по Таласу, Чу и Или было сильно также влияние кочевого мира. В центры торговли со степью — Отрар, Суяб и Тараз — тюрки пригоняли скот и привозили свои изделия. Сюда же прибывали согдийские и другие купцы для закупки и обмена²⁰⁰. Синкретизм культуры отразился в керамике Семиречья, которая «представляет собой... керамический комплекс Согда с включением в него элементов, характерных для культуры местных тюрков, народов Восточного Туркестана, Китая и особенно чачских культур круга Каунчи»²⁰¹.

Близость некоторых форм серебряной посуды верховьев Енисея и востока Средней Азии объясняется постоянными контактами между этими областями.

¹⁹¹ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48.

¹⁹² А. П. Смирнов, 1957, стр. 48.

¹⁹³ К. В. Тревер, 1940, табл. 34; Б. И. Маршак, 1971, рис. 23А, Б.

¹⁹⁴ Ср.: В. Gyllensvärd, 1957, рис. 21.

¹⁹⁵ А. Ю. Якубовский, 1947, стр. 434; А. Н. Бернштам, 1950, стр. 77—78; Л. Р. Кыласов, 1969, стр. 47.

¹⁹⁶ О. И. Смирнова, 1970, стр. 154.

¹⁹⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 50, 52, Т25.

¹⁹⁸ В. И. Распопова, 1960, стр. 162; С. Г. Кляшторный, 1964, стр. 123, 125.

¹⁹⁹ И. Б. Бентович, 1964, стр. 298.

²⁰⁰ О. И. Смирнова, 1970, стр. 147, 151.

²⁰¹ В. И. Распопова, 1960, стр. 162—163.

¹⁸² Л. Н. Гумилев, 1967, стр. 42.

¹⁸³ Б. Я. Ставиский, 1960а, стр. 110—111.

¹⁸⁴ О. И. Смирнова, 1970, стр. 139—140.

¹⁸⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48 (со ссылкой на кн.: В. Gyllensvärd, 1957, стр. 27, 186—190, табл. 19, b).

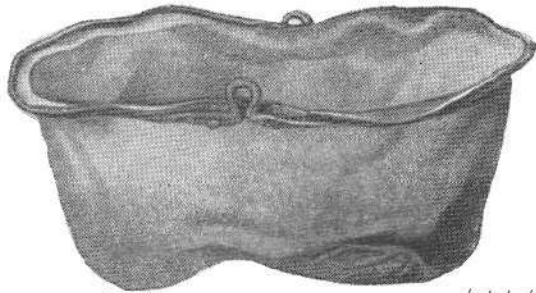
¹⁸⁶ Б. И. Маршак, 1971, стр. 48 (со ссылкой на кн.: В. Gyllensvärd, 1957, табл. 20, a).

¹⁸⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 47.

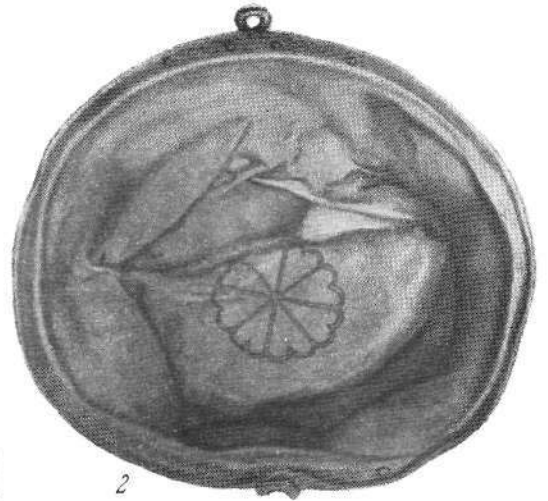
¹⁸⁸ Б. И. Маршак, 1961, стр. 199; Он же, 1971, стр. 27, 50.

¹⁸⁹ В. Gyllensvärd, 1957.

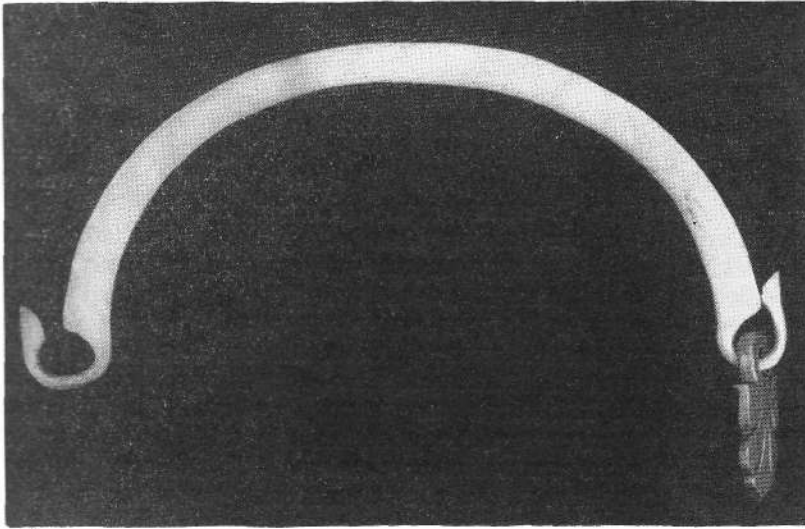
¹⁹⁰ Б. И. Маршак, 1971, стр. 47—48.

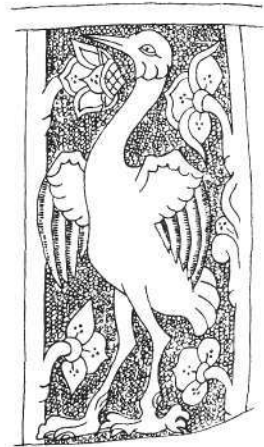
1

2

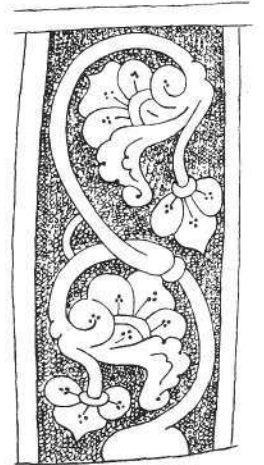
3

4

5

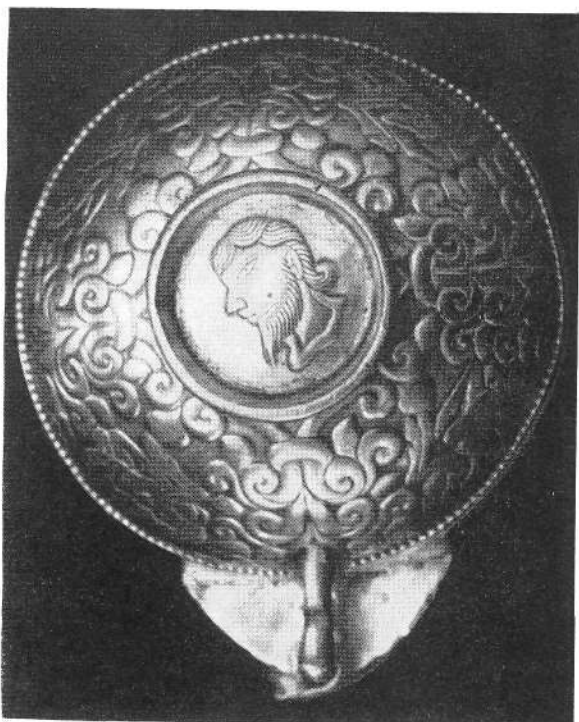
6

Таблица 14
Серебряные ведра

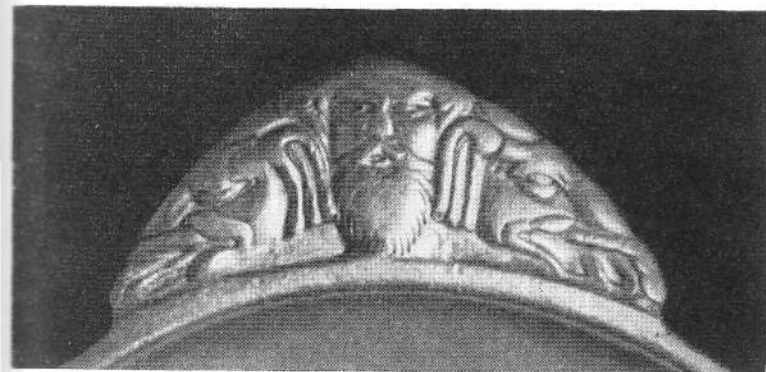
1, 2 — Карасево (№ 9); 3—6 — Афанасьево (№ 53)

1

3

2

4

5

6

7

Таблица 15
Серебряная кружка

Афанасьев (№ 54)

1 — общий вид сбоку; 2, 4—7 — детали; 3 — общий вид снизу

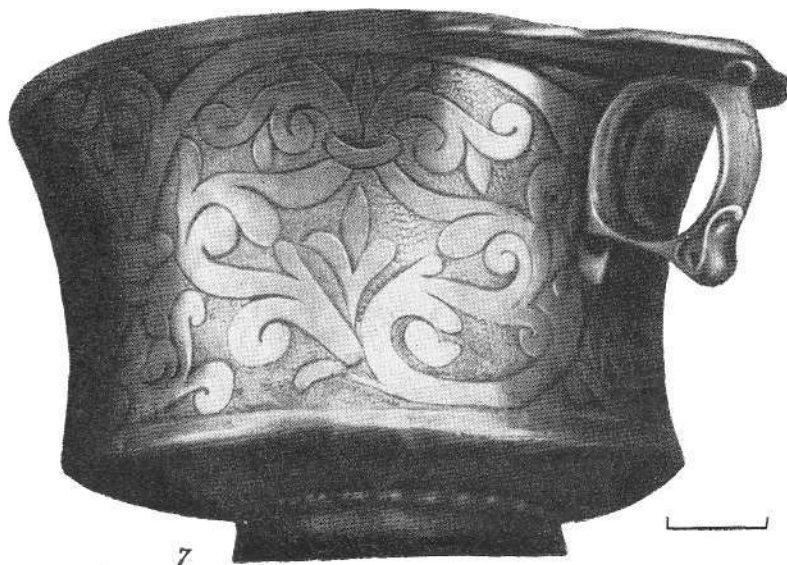
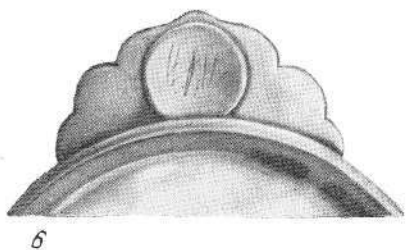
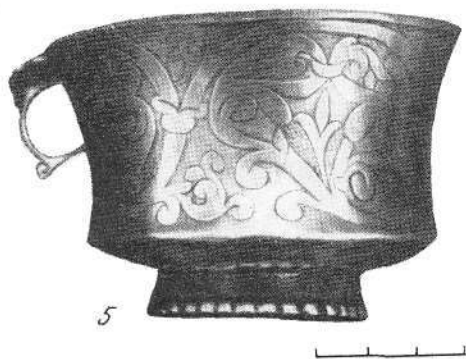
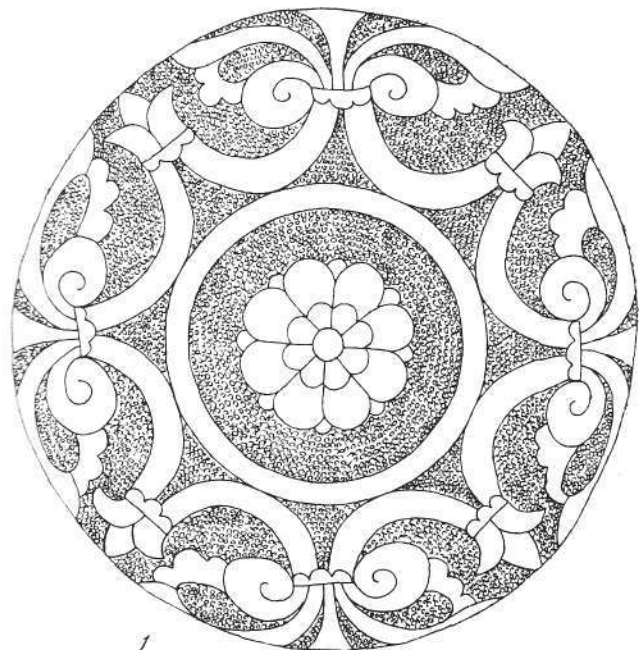
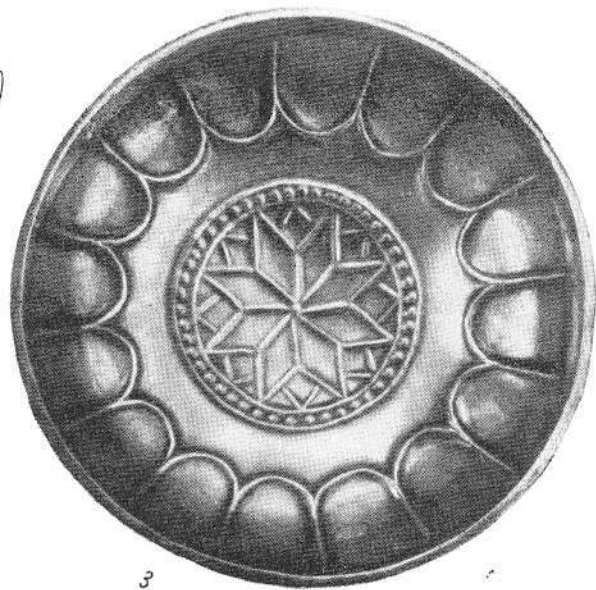
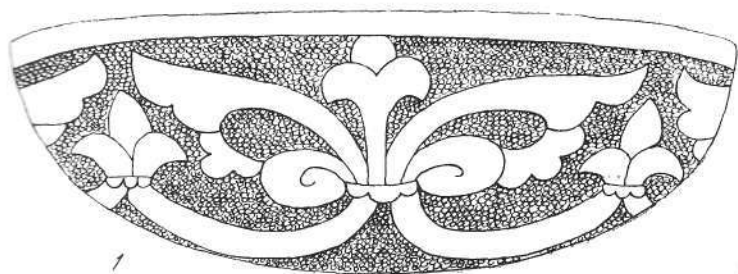

Таблица 16

Серебряные чаши и кружки

1 — Афанасьев (№ 56); 2, 3 — Афанасьев (№ 57); 4 — Стерлитамак (№ 16); 5—7 — Афанасьев (№ 55)

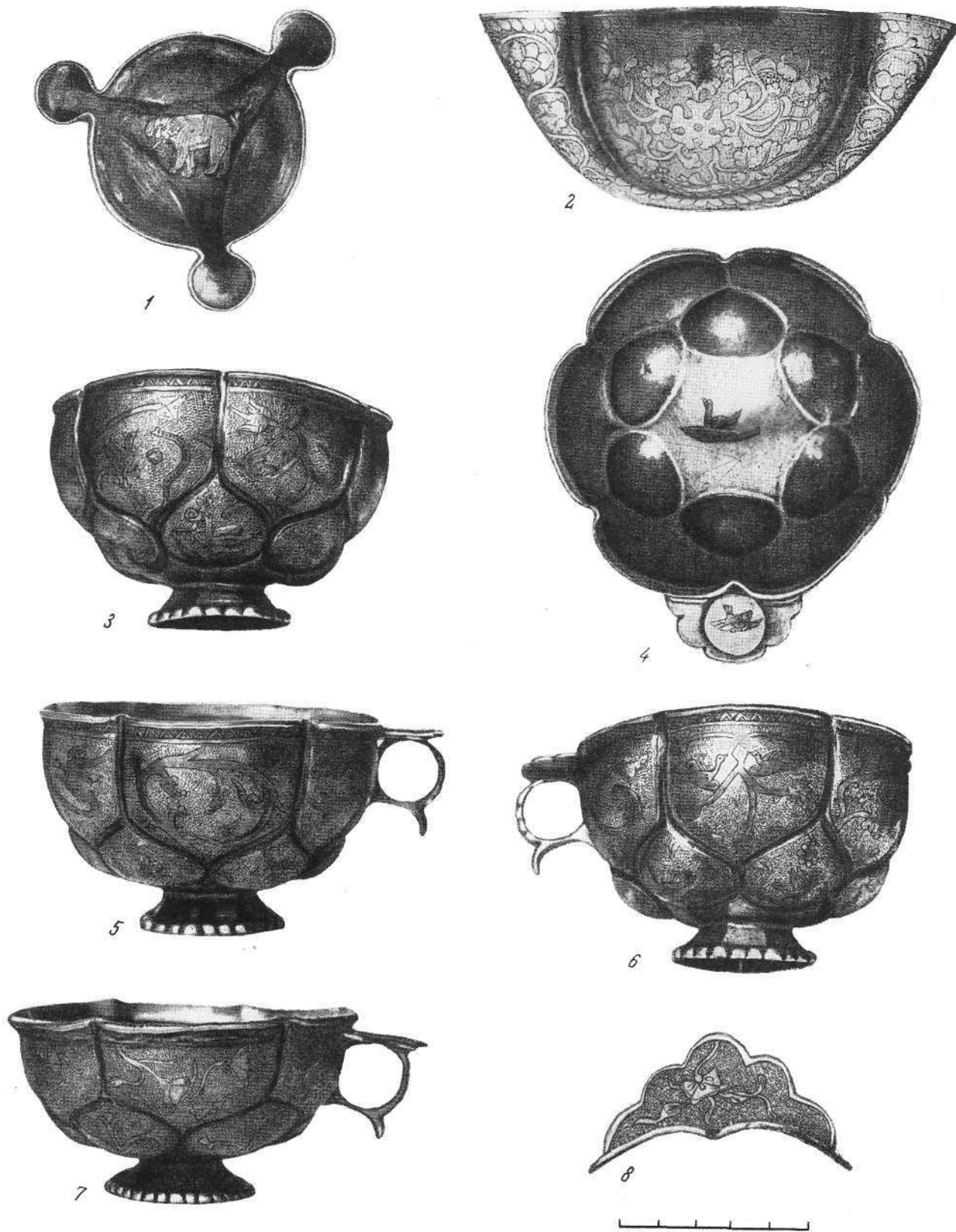
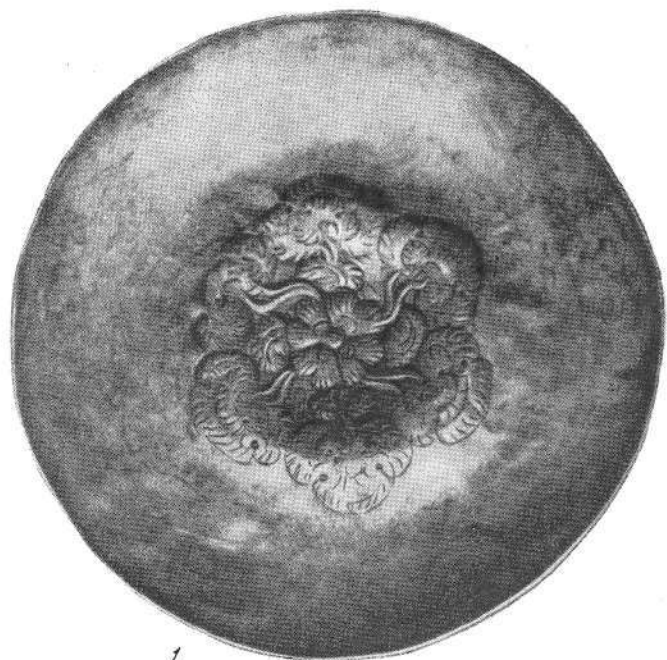

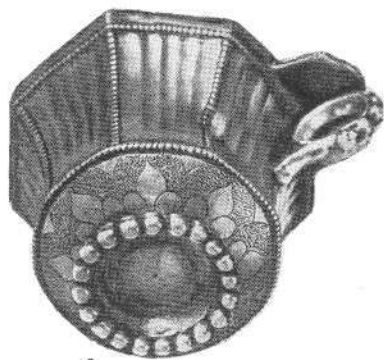
Таблица 17
 Серебряные кружки и светильник
 1, 2 — Турушева (№ 8); 3—6 — Томыз (№ 67); 7, 8 — Томыз (№ 66)

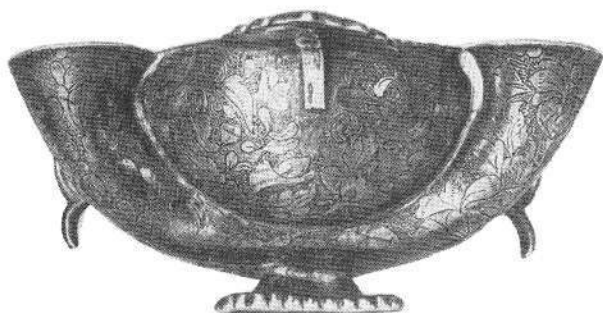
1

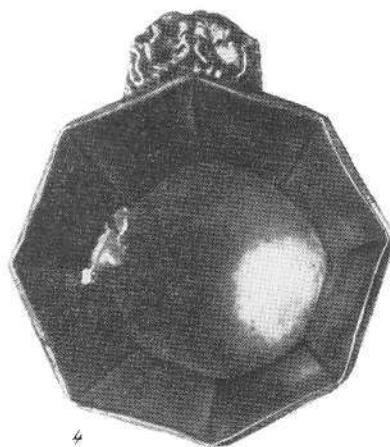
2

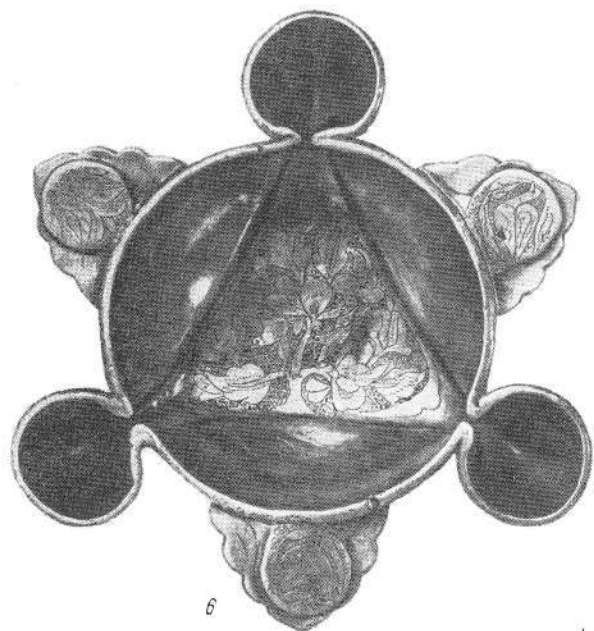
3

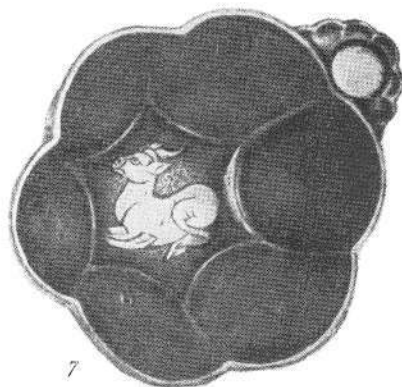
5

4

6

7

Таблица 18

Серебряные кружки, блюдо и светильник

1 — Прикамье (№ 72); 2—4 — Кошелева (№ 18); 5, 6 — Вятская губ. (№ 76); 7 — Коми-Пермяцкий нац. округ (№ 74)

Таблица 19
Серебряные сосуды

1 — Афанасьево (№ 58); 2 — Пешнигорт (№ 32); 3, 4 — Афанасьево (№ 59)

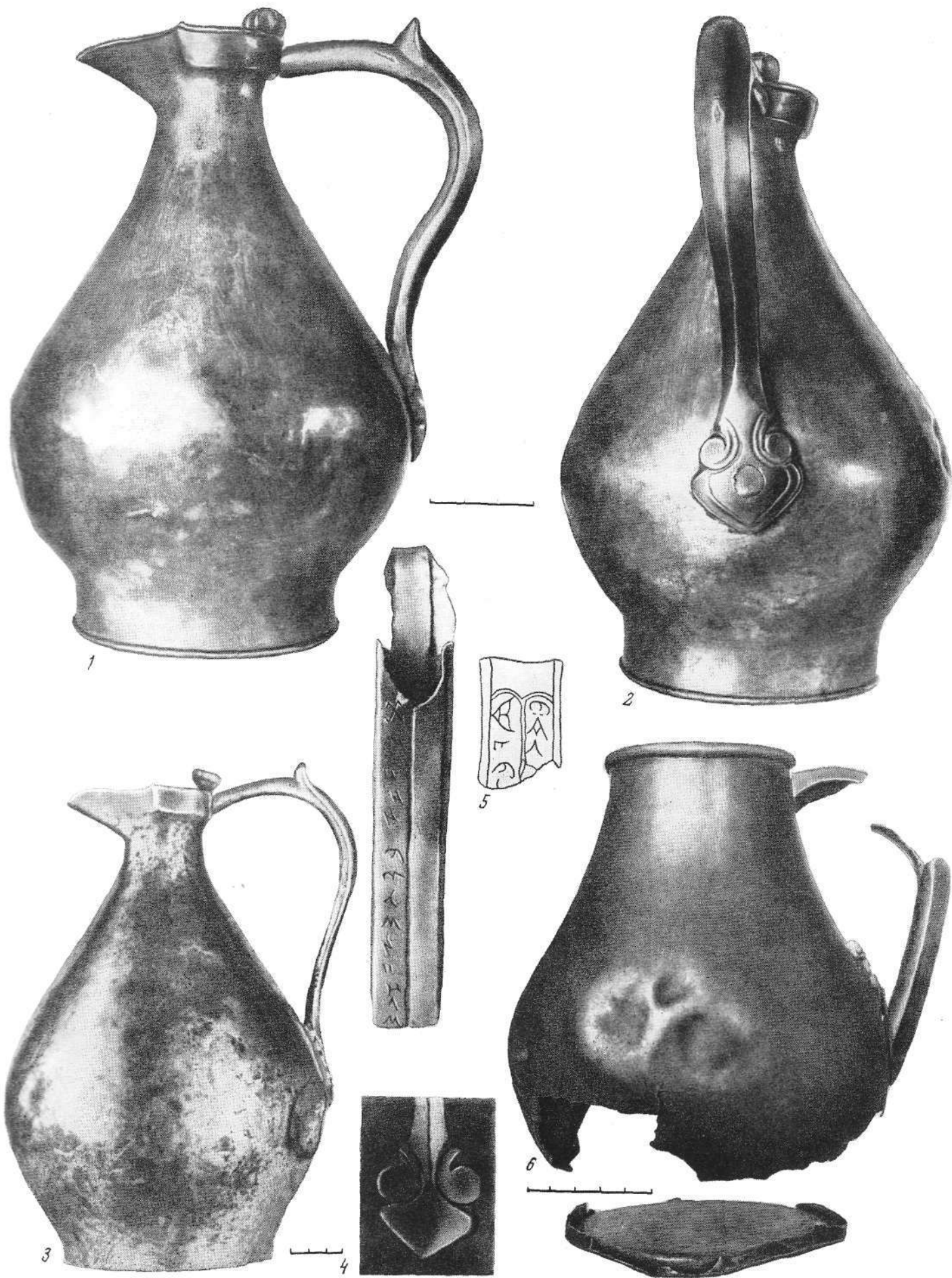
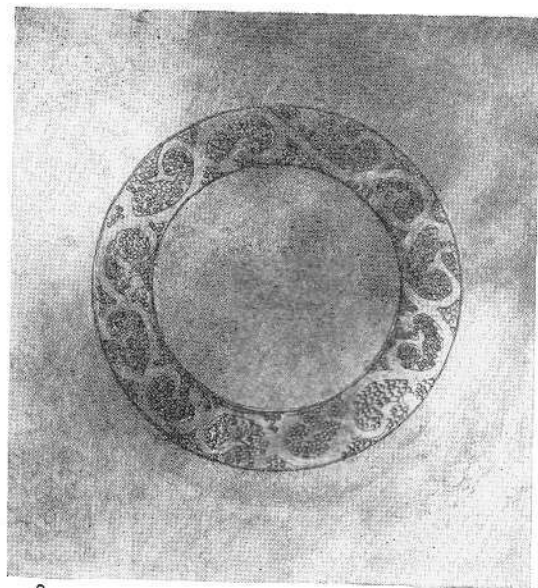

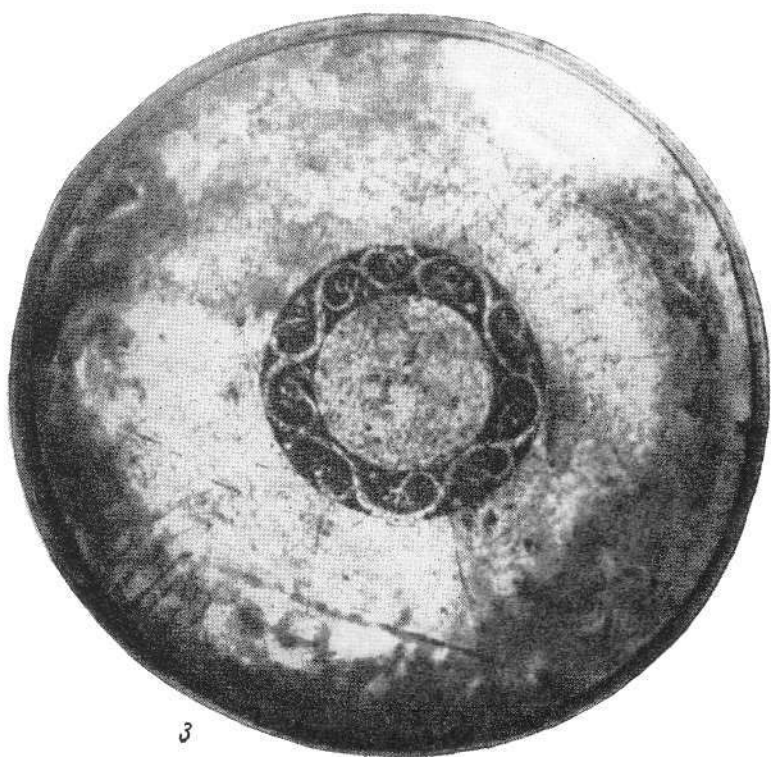
Таблица 20
 Серебряные кувшины
 1, 2 — Ягшур (№ 3); 3, 4 — Покровское; 5, 6 — Седьяр (№ 4)

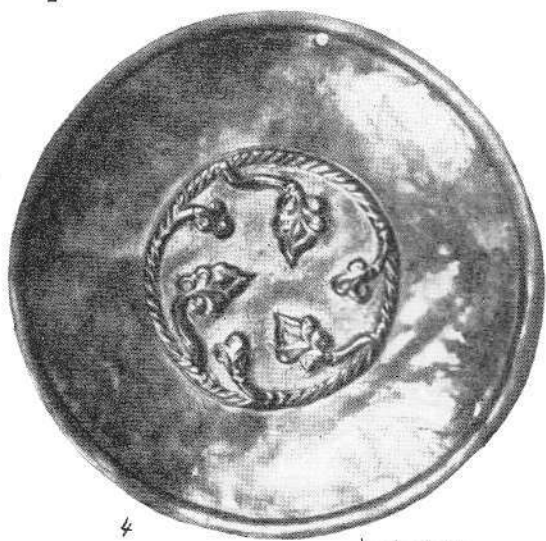
1

2

3

4

5

Таблица 21
Серебряные блюда

1, 2 — место находки неизвестно (№ 118); 3 — Мартынова (№ 51); 4, 5 — Кайгородское (№ 52)

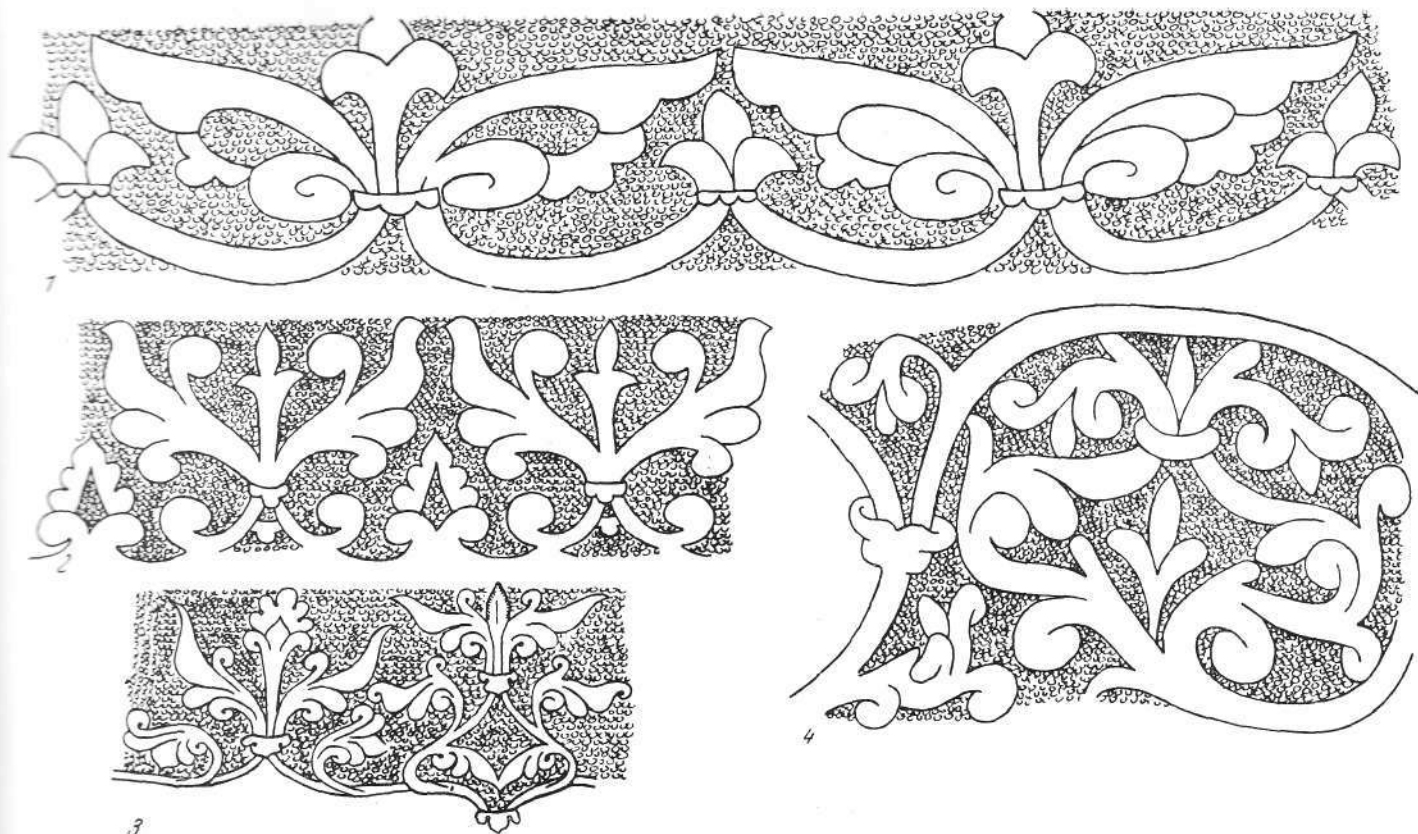

Рис. 13

Растительные мотивы на серебряных кружках VIII в.

1 — № 56; 2 — № 16; 3 — № 65; 4 — № 55

От Тараза и городов Восточного Туркестана отходили пути на Иртыш и к хакасам Енисея²⁰². По китайским источникам, хакасы поддерживали сношения с Даши (как полагает Л. Р. Кызласов, таджиками Средней Азии), с тибетцами (Туфань) и карлуками Семиречья (Гэлу). Из Даши каждые три года к ним приходил караван верблюдов с узорчатыми шелками. По дороге купцы останавливались в земле карлуков, где получали конвой для защиты от нападений уйгуров²⁰³. В кургане могильника Калбак-Шат в Туве (вторая половина IX — начало X в.) найдены кувшин и кружка²⁰⁴, близкие комплексу из кургана в с. Покровском Чуйской долины (табл. 20, 3)²⁰⁵. Они могли попасть в Туву после походов уйгуров в Семиречье и Фергану. Граненая кружка, аналогичная кошелевской (табл. 18, 2—4), обнаружена в кургане на Верхнем Енисее.

Несторианские блюда Семиречья (табл. 23; 24)

Во времени арабского завоевания наиболее влиятельной на Востоке христианской сектой было несторианство. После низложения Нестория и признания его взглядов еретическими (431 г.) начинается массовое движение несториан на восток. Первоначально взгляды ересиарха встретили поддержку

у населения Сирии, затем его сторонники сумели установить свое влияние на персидскую христианскую церковь. Враждебные Византийской империи несторианские общины Ирана пользовались покровительством сасанидских царей (как позднее и арабских правителей). В 499 г. на соборе в Ктесифоне несторианство среди персидских христиан было провозглашено официально. Во главе несториан стал католикос, или патриарх, ктесифонский²⁰⁶. Сирийские миссионеры достигли Средней Азии, Восточного Туркестана и Китая (в первой половине VII в.), где проповедовали свою доктрину и распространяли сирийский язык и письмо. Отличавшиеся особой религиозной сплоченностью, несторианские общины появляются на громадных пространствах от Сирии до Средней империи и от Монголии до Индии и Цейлона.

Письменные источники и археологические открытия последних десятилетий говорят о широком распространении несторианства в Средней Азии²⁰⁷, в частности в Семиречье, где оно сосуществовало

²⁰⁶ О христианских сюжетах в аббасидском искусстве Месопотамии свидетельствует Абу Нувас. Он описал чашу с изображениями крестов и священников, читающих Евангелие (И. Ю. Крачковский, 1928, стр. 123).

²⁰⁷ М. Е. Массон, 1956; Г. А. Пугаченкова, 1967, стр. 86—87. О распространении несторианства среди согдийских колонистов свидетельствуют фрагменты несторианской литературы на согдийском языке, обнаруженные в Восточном Туркестане. О значении христианства в Согде говорят арабские авторы. О христианах во владениях Саманидов сообщает Ибн Хаукаль (В. В. Бартольд, 1964, стр. 274 и сл.; А. М. Беленицкий, 1954а, стр. 36—37).

²⁰² В. В. Бартольд, 1963б, стр. 241—242.

²⁰³ С. В. Киселев, 1951, стр. 593; Л. Р. Кызласов, 1969, стр. 120.

²⁰⁴ М. Х. Маннай-оол, 1963, табл. II, 5, 6.

²⁰⁵ В. М. Городецкий, 1926; К. В. Тревер, 1940, стр. 38, 110—114, табл. 34; Л. Р. Кызласов, 1969, стр. 99.

Таблица 22
Серебряные блюдо и чаша
1, 2 — Чуринская (№ 5); 3, 4 — Томыз (№ 64)

Таблица 23
Серебряное блюдо
Григоровское (№ 40)

с буддизмом. Несториане, патриарх которых жил в Месопотамии, постоянно поддерживали связи со своими единоверцами на территории, некогда принадлежавшей Сасанидам.

В несторианских кругах Семиречья в IX—X вв. были созданы григоровское и аниковское блюда, сохраняющие иконографические традиции VII—VIII вв. Оба сосуда литые, а их декор нанесен с помощью резца и пунсонов. Такая техника отличает их от большинства сасанидских и византийских серебряных сосудов. Ряд мелких деталей в рельефе и расчеканке также обособляет оба сосуда в круге памятников восточной торевтики. Одна группа общих признаков передает особенности оригиналов VII—VIII вв., а другая может отражать как особенности, скопированные мастерами IX—X вв. с более ранних образцов, так и новшества, привнесенные этими мастерами. Признаки прототипа аниковского блюда (табл. 24), находящие аналогии на григоровском (табл. 23), — это сегмент неба с солнцем и лунной, стоящими в небе одновременно; доходящие до пят одежды и доспехи воинов²⁰⁸, а также булавы, которые воины держат на плече. Имеется сходство и в типе округлых лиц с крупными носами. Особенно много общего в деталях расчеканки. Стилизация носа и бровей в виде Т-образного валика, чрезвычайно упрощенная трактовка гравированных лиц и целой фигуры человека с показанной в профиль отрубленной головой на аниковском блюде вполне соответствуют огрубленной стилизации григоровского блюда. Прimitивность художественного мышления копировщика выдают нарисованные на профильной голове коня два точечных глаза и нос между ними²⁰⁹. Разделка поверхностей обоих блюд разнообразна, причем набор элементов и их сочетания очень схожи: перьевидный узор, пятна из трех кружков, ромбические сетки нескольких вариантов, штриховка частыми параллельными линиями, кружки с крупной точкой посередине и др. Одинаковые мотивы применяются и к разного рода одеждам, и к знаменам, и к доспехам воинов. Совпадает и украшение косыми насечками как бы витых стоек архитектурных сооружений, показанных на обоих сосудах²¹⁰. Весь набор малозаметных приемов исполнения характеризует только эти два блюда, что позволяет отнести их к одному производственному центру. Даты их также одинаковы.

Костюм и доспехи находят близкие аналогии в Восточном Туркестане, где, однако, существенно отличная архитектура. Сочетание обоих признаков скорее всего могло иметь место на стыке этих регионов, т. е. в восточных областях Средней Азии и прежде всего в Семиречье. Стилизация носа и бровей напоминает трактовку лиц тюркских каменных изваяний²¹¹.

Оба блюда отразили сложную «гибридизацию» раннехристианских, зороастрийских, светских среднеазиатских и буддийских элементов. Сильный

отпечаток на них отложил и упадок изобразительности, характерный в IX—X вв. для Средней Азии. На мавераннахрской керамике этого периода изображения живых существ сохраняются только на подражаниях привозной люстровой посуде.

Крупные торгово-ремесленные центры Семиречья — Тараз, Мерке, Невакет — располагались на великом караванном пути, который связывал Китай с Западной Азией. На одном из его отрезков путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток, через Чая и Тараз к берегам Чу, оттуда по южному берегу Иссык-Куля и через перевал Бедель в Аксу²¹². По этому пути в города Согда, Семиречья и Восточного Туркестана попадали произведения художественного ремесла Византии, Сирии, Египта, Ирана и Дальнего Востока. Здесь, где встречались запад и восток Азии, создавалась благоприятная почва для взаимопроникновения элементов различных культур. Разнообразие образцов, которыми пользовались среднеазиатские мастера, способствовало созданию синкретических памятников.

Хорезмийские чаши (табл. 25; 26; рис. 14)

Я. И. Смирнов отнес эту группу чаш к «позднейшему периоду индо-скифского царства III—VII вв.»²¹³. На основе сходства их надписей с легендами монет Хорезма С. П. Толстов определил сосуды как хорезмийские. В некоторых группах знаков он справедливо усмотрел числительные²¹⁴. Курсивные надписи на чашах до сих пор не прочитаны. Отмечена их близость к почерку документов из замка Якке-Парсан в Беркуткалинском оазисе (VIII в.) и к надписям оссуариев Ток-калы (вторая половина VII—первая половина VIII в.)²¹⁵.

Чаши выделяются по совокупности следующих признаков: 1) на венчике и иногда на поддоне тщательно выгравированы круговые хорезмийские надписи; 2) сосуды выкованы из тонкого листа серебра, на внутренней стороне венчика широкий валик. Кольцевой поддон, по диаметру равный медальону на дне, припаян. Чаши небольшие: диаметр 12—13 см, высота 4,5—5,5 см, диаметр поддона 7—8 см, на более ранних экземплярах 5—6 см. Орнамент в медальоне нанесен чеканом с оборота, так что внутри рисунок выпуклый, снаружи — углубленный; 3) сосуды отличаются единством стиля и тематики изображений при некоторых различиях между группами. Особенно характерна фигура четырехрукой богини.

Классификация и датировка чаш связаны с проблемой хорезмийской хронологии: на многих из них поставлены даты изготовления или контрольного взвешивания сосуда²¹⁶. Но вопрос о начале хорезмийского летосчисления остается дискуссионным. С. П. Толстов отождествил «хорезмийскую эру» с индийской «эрой Шака», иногда сближаемой с

²⁰⁸ Эта черта (так же, как и тип знамен) не характерна для памятников Мавераннахра, но хорошо известна по изображениям VIII—X вв. из Восточного Туркестана, где находим и засвидетельствованную на аниковском блюде манеру носить щит, закиннутым за спину (А. von Le Coq, 1925, рис. 65, 70, 94, 134).

²⁰⁹ В. П. Даркевич, Б. И. Маршак, 1974, рис. 2.

²¹⁰ Там же, рис. 4.

²¹¹ Я. А. Шер, 1966, стр. 66—67.

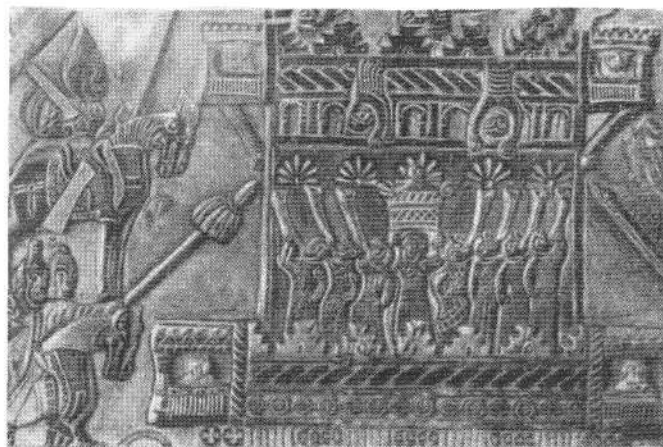
²¹² В. В. Бартольд, 1963 г., стр. 31.

²¹³ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7.

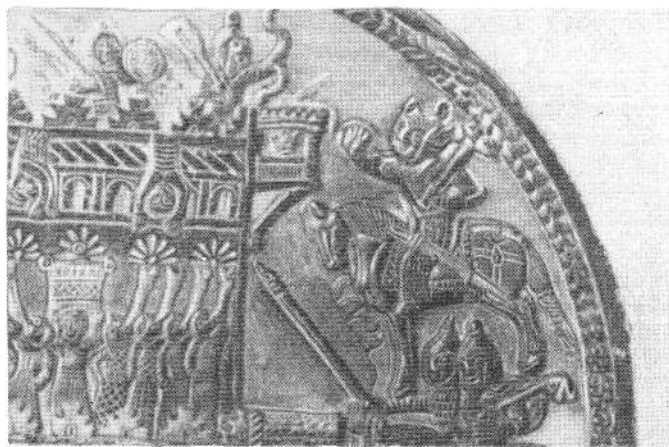
²¹⁴ С. П. Толстов, 1938, стр. 139—144; Он же, 1948а, стр. 193—194.

²¹⁵ С. П. Толстов, 1962, стр. 257—258, С. П. Толстов, В. А. Лившиц, 1964, стр. 68—69; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

²¹⁶ С. П. Толстов, В. А. Лившиц, 1964, стр. 55; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

2

3

Таблица 24
Серебряное блюдо
Больше-Аниковская (№ 41)

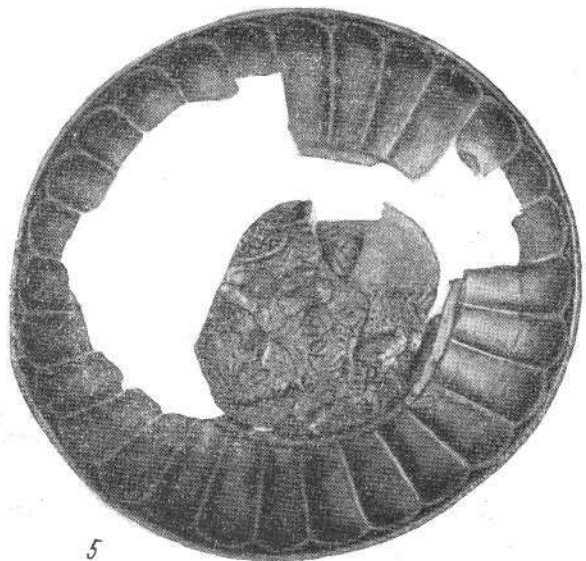
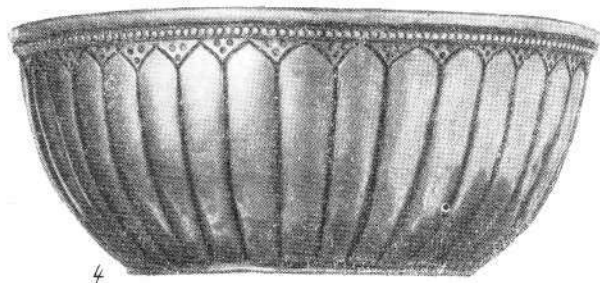
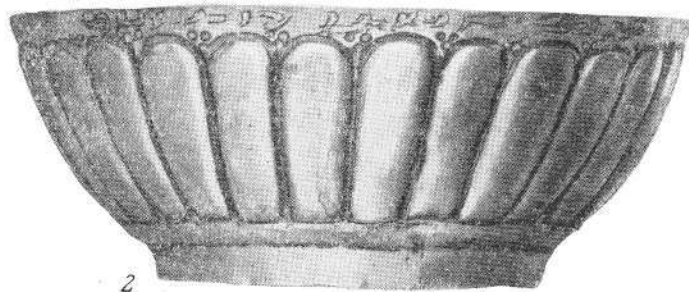
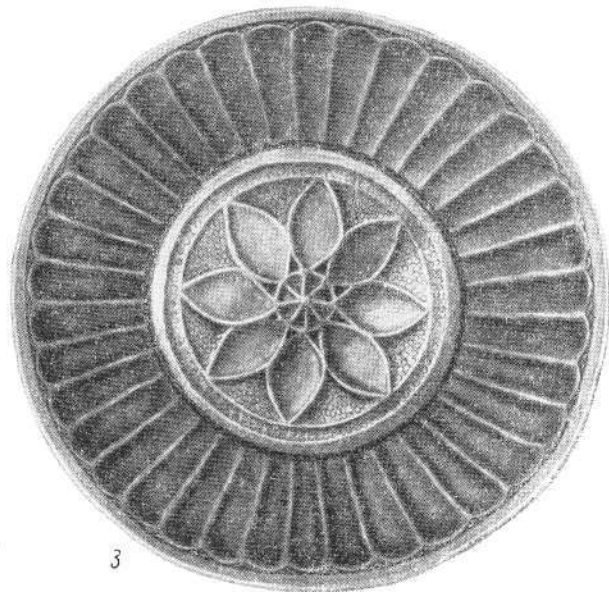

Таблица 25
Серебряные чаши

1, 2 — Шахарова (№ 17); 3, 4 — Гутова (№ 30); 5 — Ковина (№ 25); 6 — Дагестан

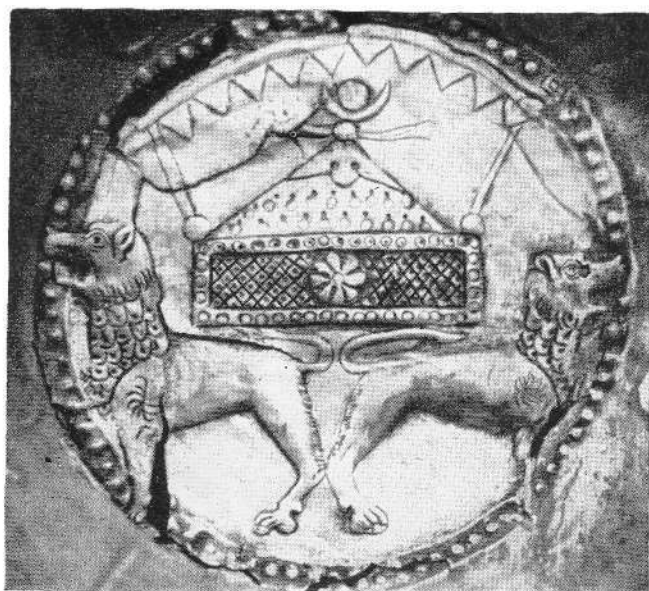
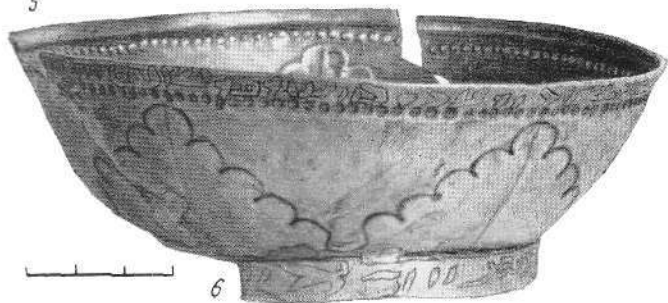

Таблица 26
Серебряные чаши

1, 2 — Бартым, 1952 г. (№ 22); 3, 4 — Урал (№ 79, вид сбоку и медальон на дне); 5 — Бартым, 1957 г. (№ 23, медальон на дне); 6, 7 — Бартым, 1951 г. (№ 21, вид сбоку и медальон на дне)

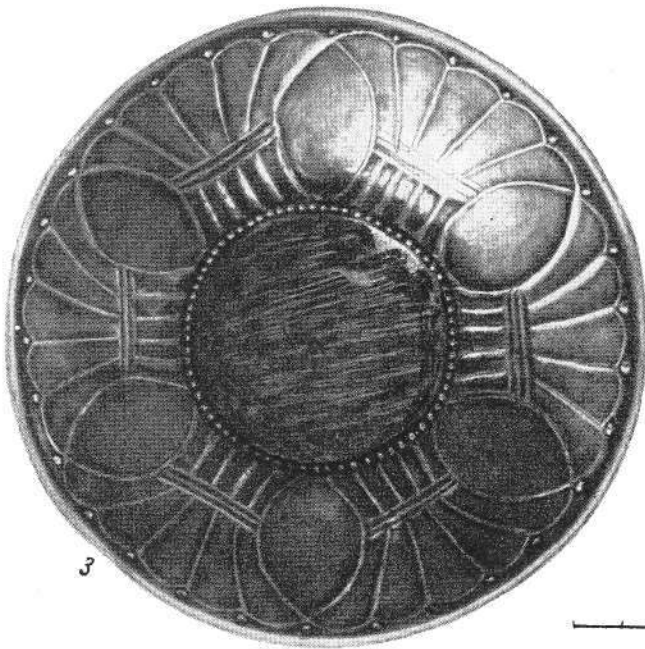
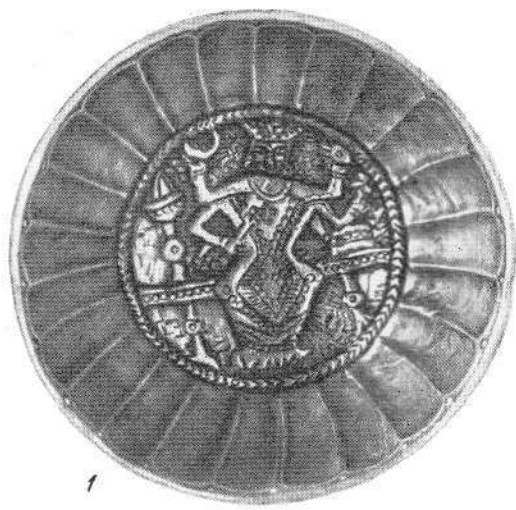

Рис. 14

Хорезмийские чаши VI—VII вв.

1 — чаша из дер. Ковина; 2 — чаша из Верхне-Березовского клада (медальон на дне); 3 — чаша из Верхне-Березовского клада; 4 — место находки неизвестно

кушанской «эрой Канишки». Начало «эры Шака» — 78 г. н. э.²¹⁷ Предложение В. Б. Хеннинга считать начальной датой хорезмийского календаря 42 г. до н. э.²¹⁸ базировалось на ошибочном прочтении позднейшей даты на оссуариях Ток-калы в их первой публикации (в действительности 738, а не 753 г. «хорезмийской эры») и на неверном заключении, что Токкалинский некрополь существовал только до 712 г. н. э. (поход арабов на Хорезм)²¹⁹. Сопоставив стратиграфические и нумизматические данные, А. В. Гудкова и В. А. Лившиц доказали, что позднейшая из токкалинских надписей относится к периоду между 750 и 775 гг. Следовательно, начало

«хорезмийской эры» лежит в пределах 10-х—30-х годов. «Введение местной эры. . . скорее всего было связано с приходом к власти в первой половине I в. н. э. (или в конце I в. до н. э.) царской династии и достижением Хорезмом, ранее, вероятно, входившим в состав Парфянского царства, независимости»²²⁰. Позднее В. А. Лившиц предложил искать начало «хорезмийской эры» между 10—20 гг. н. э.²²¹

Даты позволяют разделить чаши на две различные по стилю подгруппы. Подгруппа I, состоящая из четырех сосудов, относится к концу VI—VII в., что доказывает чаша из дер. Ковина²²² с датой «год 570» (рис. 14, 1)²²³. Та же подгруппа включает

²¹⁷ С. П. Толстов, 1961, стр. 54—71; Он же, 1962, стр. 222 и сл.

²¹⁸ W. B. Henning, 1965, стр. 168—169.

²¹⁹ А. В. Гудкова, В. А. Лившиц, 1967, стр. 4—7.

²²⁰ Там же, стр. 8.

²²¹ В. А. Лившиц, 1970, стр. 11.

²²² Я. И. Смирнов, 1909, № 42.

²²³ С. П. Толстов, В. А. Лившиц, 1964, стр. 55; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 160.

два сосуда из Верхнеберезовского клада (рис. 14, 2, 3)²²⁴ и чашу, приобретенную Оренбургской архивной комиссией (рис. 14, 4)²²⁵. Лотосовидный узор из ложков сближает их с согдийскими чашами V—VI вв.²²⁶ Царь на тахте с цветком в правой руке изображен на блюде из Ривальпинди²²⁷, которое В. Г. Луконин называет «кушано-сасанидским» и относит к 80-м годам IV в.²²⁸ По мнению Э. Херцфельда, прообразом подобной трактовки пирующего властелина послужили монеты первых кушанских царей²²⁹. На реверсе кушанских монет II—III вв. встречается и богиня по имени Нана, сидящая на льве. Она держит чашу и скипетр²³⁰. По-видимому, хорезмийские торевты VI—VII вв. вдохновлялись кушанскими и «кушано-сасанидскими» образцами. Чаши подгруппы I объединяются по ряду деталей: полосатые ленты на маске козла аналогичны лентам царской короны, одинаковы шейные гривны у ряженого²³¹ и у четверорукого божества. На трех сосудах встречаем атрибут в виде цветка (рис. 14, 1, 2, 4). Одежаны и трон богини, кафтан царя и ковер украшены мелкими кружками. Дважды применен скобовидный орнамент (рис. 14, 2, 4). Чаши подгруппы I отличаются архаизмом стиля: фигуры выполнены в низком и плоском рельефе, их контуры угловаты, атрибуты персонажей переданы схематично. При профильном положении головы и ног туловища фронтально развернуты. Одежды, стянутые на талии, напоминают твердые фуляры.

Четыре чаши подгруппы II датированы годами «хорезмийской эры»: 700 (табл. 26, 5), 700 (табл. 26, 3, 4), 703 или 713 (табл. 26, 6, 7), 714 (табл. 26, 1, 2), что соответствует первой половине VIII в. В ту же подгруппу входит чаша из Дагестана (табл. 25, 6). За исключением бартымской чаши 1951 г. для них характерны гладкие стенки. Валик медальона украшен узором из заходящих друг на друга листьев. Рельеф постепенно повышается к середине фигур, что придает им пластичность. Головы более объемны, чем туловища, лица мягко моделированы. Строгая фронтальность исчезает: богиня слегка повернута вправо. Просторные одежды собраны «трубчатыми» складками с волнитообразными краями (ср. складки в росписях Афрасиаба). На чашах подгруппы II одинаковые облачение и атрибуты богини, похожи подчиненные ей хищники.

Промежуточное место между обеими подгруппами занимают три ложчатые чаши (табл. 25, 1—5). С подгруппой I их сближают ложки (ср. рис. 14, 1) и плоскость фигур, с подгруппой II — одежда богини с волнитообразными складками, трактовка льва, элементы пластической моделировки в фигуре всадника.

Двенадцать хорезмийских чаш свидетельствуют о существовании в низовьях Амударьи развитой

школы торевтики, почти свободной от сасанидского влияния. За полтора столетия она прошла путь от линейно-плоскостного до «живописного» стиля: фигуры приобретают «телесность», становятся более экспрессивными. Около середины VIII в. в связи с наступлением ислама эта школа перестала существовать, так как духовный мир ее мастеров был связан с чуждыми мусульманству верованиями. «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали [наукам], существовавшим у хорезмийцев... и стали [эти предания] столь сокрытыми, что нельзя уже узнать в точности, что [было с хорезмийцами даже] после возникновения ислама» (Бируни об арабском походе на Хорезм 712 г.)²³².

*

Изображения на хорезмийских чашах, составляющие семантически целостный комплекс, важны для изучения доисламских культов Средней Азии. В VI—VIII вв. четверорукой богине поклонялись не только в Хорезме (отлиски печатей из замка Тешик-кала)²³³, но также в Согде (пянджикентские росписи)²³⁴, Уструшане (живопись дворца афшинов на Калаи Ках Каха I)²³⁵ и Восточном Туркестане (хотанские деревянные иконки)²³⁶. С. П. Толстов вслед за Э. Херцфельдом усматривает в ней «образ хорезмийской Анахиты афригидской эпохи, прошедшей через этап синкретизации с индо-буддийскими образами в кушанскую эпоху»²³⁷. Считают, что в Средней Азии четверорукая богиня была известна под неираским именем Нано (Нана) или Нанайя²³⁸. Н. В. Дьяконова, отметившая близость иконографии среднеазиатской богини и индуистских божеств (Дурга), ищет ее прототип в верованиях Центральной Азии²³⁹.

Как бы ни называлась богиня Хорезма и каким бы влиянием ни подвергался ее культ (в многорукости видят воздействие шиваитского пантеона, но ведь и к Анахите применяли эпитет «тысячерукая»)²⁴⁰, перед нами восходящий к матриархату образ хтонической богини всего сущего, повелительницы небес, земли и преисподней. Ее мифология и культ играли огромную роль в античную эпоху, особенно на Ближнем Востоке. Великой Матери поклонялись под разными именами, но связанные с нею мифы и обряды по существу одинаковы. Во Фригии ее называли Кибелой и почитали вместе с юным богом Аттисом. В Вавилонии ей соответствовала Иштар со своим супругом Таммузом. В Сирии она известна под именем Афродиты, а ее спутником был Адонис. В период

²²⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 45, 47.

²²⁵ Там же, № 286.

²²⁶ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 76 и примеч. 126; Б. И. Маршак, 1971, стр. 42.

²²⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 39.

²²⁸ В. Г. Луконин, 1969, стр. 148; Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 70.

²²⁹ E. Herzfeld, 1927, стр. 40.

²³⁰ Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, 1967, рис. 3, 3.

²³¹ Б. И. Маршак отметил «кушанскую» позу этого персонажа. Он и одет по кушанской моде: в кафтан и шаровары, заправленные в короткие сапоги. Ср. кушанские и кушано-сасанидские монеты (Н. Ingholt, 1957, табл. III, 2; В. Г. Луконин, 1969, табл. XIII, XIV).

²³² Бируни, 1957, стр. 48.

²³³ С. П. Толстов, 1948а, стр. 142, табл. 54.

²³⁴ Живопись древнего Пянджикента, табл. XIX; XXIII; Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. XX—XXII. Женское четверорукое божество, сидящее на спине фантастического животного, открыто в росписях второго храма Пянджикента (VI в.) (А. М. Беленицкий, 1973, илл. 1, 2).

²³⁵ Н. Н. Негматов, 1973, рис. на стр. 490.

²³⁶ Н. В. Дьяконова, 1961, стр. 268, рис. 4, 1, 2.

²³⁷ С. П. Толстов, 1948а, стр. 200.

²³⁸ К. В. Тревер, 1940, стр. 98; Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, 1967; А. М. Belenitsky, 1968, стр. 218, табл. 127; 133; G. Azarau, 1969, стр. 197—199.

²³⁹ Н. В. Дьяконова, 1961.

²⁴⁰ К. В. Тревер, 1940, стр. 21.

эллинизма в роли «мирадоименной» богини богов выступает Исида: она владычица земли, моря и небесных тел, госпожа преисподней, целительница и подательница плодородия. Исида создает ограды городов и диктует законы²⁴¹.

В облике хорезмийской богини проступают архаические черты грозного всепорождающего и всепоглощающего божества, только позднее ставшего «нежной матерью милосердия». Эта универсальная богиня повелевает решительно всем в мире — дань традициям матриархата²⁴². Она управляет небесными телами (символы солнца и луны в руках, полумесяц с солярным кружком в центре короны, пирамидка из трех кружков внутри полумесяца)²⁴³. Тремя кружочками заканчивается жезл богини²⁴⁴. С солнцем был связан сложный образ льва, имевший отношение и к чисто хтонической мифологии²⁴⁵. В ведении богини находилась и земля, ее животворящие воды, растения и животные.

На стадии производящего хозяйства Великая богиня стала олицетворять плодородие земли и вод. Подобно Кибеле, Рее или индийской Дурге, эта повелительница зверей восседает на льве²⁴⁶. Как да-

²⁴¹ А. Б. Ранович, 1950, стр. 322—323. Много ценного для понимания мифологии Великой Матери находим у Лукреция (II, 594—613):

*Дальше содержит земля и такие тела, из которых
Людам и злаки растит наливные, и роши густые,
И доставляет ручьи, и листья, и тучные пастбы
Диким породам зверей, бродящим по горным высотам.
Матери имя богов потому и дают ей великой,
Матери диких зверей и праматери нашего тела.
Греции древней ее премудрые пели поэты.*

*

*Будто бы парю львов она правит в своей колеснице,
Этим давая понять, что повисла в воздушном пространстве*

*Наша земля, что земля опираться на землю не может.
Львов запрягли потому, что и самые дикие дети
Должны пред силой забот материнских покорно склоняться.*

*Голову ей увенчали венком крепостным, указуя,
Что защищает она города на местах неприступных.
В этом уборе теперь проносят по целому свету,
Ужас вселяя везде, божественной матери образ.
Люди различных племен по старинным священным заветам
«Матерь Идея» ее именуют и толпы фригийцев
В свиту дают ей ватем, что из этого края впервые
Злаки расти на земле, по преданию, начали всюду.*

²⁴² А. Ф. Лосев, 1957, стр. 65.

²⁴³ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 107.

²⁴⁴ Возможно, этот предмет — погремушка или трещотка, подобная сестру Исиды и ее жрецов. Первоначально сестр — принадлежность плакальщиц, провожавших Осириса в загробный мир (Ch. Daremberg, E. Saglio, IV, 2, 1908, стр. 1356). Оглушительная музыка сопровождала экзотические празднества в честь богинь плодородия и их мужских спутников:

*Бубны тугие гудят в их руках и пустые кимвалы,
Хриплые звуки рогов олашают окрестности грозно,
Ритмом фригийским сердца возбуждает долбящая
флейта.*

(ЛУКРЕЦИЙ, II, 618—620).

²⁴⁵ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 42.

²⁴⁶ Связь Великой богини с хищниками характерна для разных народов. По словам Элиана, в ограде храма Анахиты в Суах жили ручные львы (К. В. Тревер, 1940, стр. 98). Согласно Лукриану, изображение «сирийской богини» Гиерапольского храма «во многих отношениях похоже на Рею: богиню несут львы, в руках у нее — тимпан, на голове — башня; подобным образом Рею изображают лидийцы» (Лукриан, 1915, стр. 297). «Во дворе храма

рующая урожай полям и виноградникам богиня держит атрибуты изобилия: чашу для питья, иногда цветов²⁴⁷. Чаша указывает на оргиастический характер ее культа. Подобно мистериям других «Великих Матерей», он включал сложные мистические действия с экзотическими плясками. Отсюда распространение изображений богини на пиршественных сосудах. Венец божества украшают листья (табл. 25, 6), лиственный бордюр окружает его изображение. Рогатого зверя (табл. 25, 6) иногда трактуют как воплощение Тиштрии (Сириуса)²⁴⁸. Звезда Сириус играла важную роль в земледельческом культе; с ее появлением начинался сезон дождей²⁴⁹. В Яштах Тиштрия — противник «дурного года, плохого урожая и голода»²⁵⁰, благодаря ей на полях прорастают злаки и на пастбищах трава.

О хтоническом прошлом богини напоминает то, что она не только мать всего живущего, но и владычица царства мертвых. Статуарные оссуарии Хорезма изображали умерших в образе Ардвисуры Анахиты²⁵¹. Предтечей мужских дионисийских богов было матриархальное божество, которое вместе с природой умирало и возрождалось. Возможно, воспоминание о нем сохранила полузабытая легенда (в передаче Бируни) о хорезмийском празднике Минач-Ахиб («ночь Мины»): «Рассказывают, будто Мина была одной из их цариц или знатных [женщин] и что [однажды] она вышла из своего дворца хмельная, в одежде из шелка, а время было весеннее. Она упала [на землю] вне своего дворца и одолел ее сон, и она заснула, и ударило ее холодом ночи, и она умерла»²⁵².

Мужским спутником хорезмийской Анахиты, по мнению С. П. Толстова, был Сиявуш — «культурный герой» Средней Азии²⁵³. Параллель ему находим в мифологии египетского Осириса, фригийского Атгиса, финикийского Адониса, малоазийского Сабазия, армянского Ара-Гисанэ. В сказаниях о Сиявуше, переданных мусульманскими авторами, можно выделить древнейшее ядро и последовательные напластования, возникшие на разных ступенях религиозного сознания²⁵⁴. Архаические формы его культа на стадии фетишизма (по терминологии А. Ф. Лосева, безраздельное отождествление идеи вещи с самой вещью) раскрываются благодаря ана-

пасутся на свободе крупные быки, лошади, орлы, медведи и львы, никогда не причиняя вреда людям, так как все они приручены и посвящены богам» (Там же, стр. 309).

²⁴⁷ Близки атрибуты Кибелы: в левой руке рог изобилия или скипетр, в правой — чаша-патера. В искусстве императорского Рима Кибелу сопровождают солнце, луна, лучистый нимб (Ch. Daremberg, E. Saglio, 6, 1879, стр. 1687).

²⁴⁸ J. Orbell, 1938, стр. 735; Ph. Ackerman, 1938a, стр. 889.

²⁴⁹ М. М. Дьяконов, 1961, стр. 297. Гимн в честь «дождевой звезды» находим в Авесте: «Тиштрия, светлая блестящая звезда, которая готовит нам прекрасные жилища; звезда, к которой страстно стремятся стада и люди; когда взойдет Тиштрия, белая, святая звезда, когда будут струиться источники с пенящимися волнами?» (Шантени де ля Сосей, 1913, стр. 139).

²⁵⁰ А. О. Маковельский, 1960, стр. 69—70.

²⁵¹ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 82. Кибелу считали богиней пещер, что отразилось в деталях ее культа.

²⁵² Бируни, 1957, стр. 257.

²⁵³ С. П. Толстов, 1948a, стр. 202—205; Он же, 1948b, стр. 83—86; М. М. Дьяконов, 1951.

²⁵⁴ Историческая периодизация форм религии выработана А. Ф. Лосевым на материалах античной мифологии (А. Ф. Лосев, 1957).

лизу так называемых рудиментов. Связь Сиявуша с конем (иконографический рудимент, табл. 25, I) свидетельствует, что вначале само божество представляли в виде коня²⁵⁵. Подобно Аттису, в нем проступают черты астрального божества²⁵⁶. Согласно Казвине, одно из созвездий называлось «Бар Сиявуш»²⁵⁷. Сиявуш мог быть носителем огненной стихии (испытание огнем в «Шахнаме») ²⁵⁸, ассоциируясь с петухом—птицей, посвященной огню и солнцу²⁵⁹. По сообщению Наршахи, в Бухаре на месте могилы Сиявуша еще при Саманидах существовал специальный культ: «Ежегодно, в день нового года, еще до восхода солнца, каждый мужчина, по обычаю, закалывает здесь в память Сиявуша одного петуха»²⁶⁰. Божество, которому приносили жертву, первоначально отождествляли с самой жертвой²⁶¹. Сиявуш был связан с растительным миром. Там, где пролилась его кровь:

*Взошел небывалого вида цветок.
Зовется он «Кровь Сиявуша»; в пути
Ты можешь не раз на него набрести»²⁶².*

Согласно сирийскому автору Теодору бар-Кони, божество растительности Хаома помогала мстителям за убийство Сиявуша. Она завлекла Афрасьяба в сторону Кей-Хосрова, принимая при этом разные облики, в том числе петуха²⁶³. В Яште IX Авесты Хаома и Кави Хусрава молятся о ниспослании им победы над убийцей Сияваршана²⁶⁴. Именем Сиявуша назывались растения. Бируни упоминает растительный краситель с темно-красными цветами под названием «кровь Сиявуша» («согласно верованию персов, что растение это выросло из пролитой на землю крови Сиявуша, сына Кей-Кавуса») ²⁶⁵. О хтонических элементах мифологии божества говорит его связь с культом мертвых. Осуарии в виде всадника могли изображать покойного в облике Сиявуша²⁶⁶. С преисподней связана черная масть его коня²⁶⁷. В эпоху господства фетишизма будущий мифический предок среднеазиатских династий почитался в виде животных и растений, отождествлялся с солнцем и звездами или, подобно Дионису-Аиду, — с мраком преисподней. Это наиболее древняя «стадия первобытной слитности, доходящей до полной нерасчлененности»²⁶⁸, когда не существовало четкого разделения между космосом и человеком.

Мифология страдающих богов возникла уже на стадии раздельно-логического мышления, которое утратило прежний слитный характер. В период производящего хозяйства — земледелия и скотоводства — мифология «оперирует уже не с фетишами, но с де-

монами и богами, т. е. является анимистической»²⁶⁹. Вместо бесчисленных фетишей появляется представление о погибающем, но вечно возвращающемся на землю боге — возлюбленном Великой богини, сочиняются «плачи магов» — песни об убийстве Сиявуша, «известные во всех областях»²⁷⁰. В связи с культом умирающего и воскресающего бога ставят расказ Наршахи о базаре Мах в Бухаре, где дважды в год, в праздник, посвященный Луне, продавали деревянных «идолов»²⁷¹. Возможно, их уничтожали при оплакивании божества, подобно тому как на похоронах Адониса его статуэтки швыряли в море²⁷². Погребение в полях статуй, начиненных семенами, преследовало цель оживотворить хлебные зерна; в могилы их помещали, чтобы воскресить мертвых²⁷³. Как и Дионис, Сиявуш — бог растительности и покровитель виноделия. В Казвине сорт винограда назывался «ал-сиявушан»²⁷⁴. Подобным образом с виноградной лозой связано множество эпитетов Диониса²⁷⁵.

Вплоть до позднего времени образ Сиявуша сохраняет древние рудименты. Подобно Аттису, которого нимфа Нана зачала от плода миндаля, и Адонису, родившемуся от дерева мирры, Сиявуш рождается от найденной в роще прекрасной девы (что в «Шахнаме» истолковано уже вполне рационалистически)²⁷⁶. В датируемой VI в. росписи пняджикентского храма, трактуемой как «описание Сиявуша»²⁷⁷, обращает на себя внимание «женоподобность» облика юноши с длинными, рассыпанными по плечам волосами²⁷⁸. Это дало основание усомниться в его отождествлении с Сиявушем²⁷⁹. Известно, однако, что Дионис — «лидеец женственный» — уже в окончательно сформировавшемся образе сохранил чисто женские черты:

*Вся в золотистых кудрях голова
И ароматных, сам с лица румяный,
И нега Афродиты у него
В глазах. . .*

ЕВРИПИД. Вакханки.
Перевод И. Анненского

«А сам военачальник (Дионис) едет на колеснице, запряженной леопардами, совершенно безбородый, не имея даже признака пушка на щеках» (Лукиан. «Про Диониса») ²⁸⁰. В эллинистическом искусстве бородатый Дионис нередко наряжен в женские одежды, иногда у него и женские формы тела. Образ гермафродита тесно связан с культурами Аттиса и Сабазия²⁸¹. Женщины — постоянные служители культа Диониса. В Греции они приносили свои

²⁵⁵ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 83.

²⁵⁶ С. П. Толстов, 1948а, стр. 223, 318; Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 83.

²⁵⁷ А. М. Беленицкий, 1954а, стр. 79.

²⁵⁸ С. П. Толстов, 1948б, стр. 85; М. М. Дьяконов, 1951, стр. 42.

²⁵⁹ Петух был эмблемой Аттиса у римлян (Ch. Daremberg, E. Saglio, 6, 1879, стр. 1688).

²⁶⁰ Наршахи, 1897, стр. 33.

²⁶¹ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 121, 150.

²⁶² Фирдоуси, 1960, стр. 250.

²⁶³ А. М. Беленицкий, 1954, стр. 78—79.

²⁶⁴ М. М. Дьяконов, 1951, стр. 39.

²⁶⁵ Бируни, 1963, стр. 38.

²⁶⁶ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 83.

²⁶⁷ С. П. Толстов, 1948б, стр. 85.

²⁶⁸ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 149—150.

²⁶⁹ Там же, стр. 151.

²⁷⁰ Наршахи, 1897, стр. 33.

²⁷¹ Там же, стр. 30—31; С. П. Толстов, 1948а, стр. 205, 318. На Делосе ежегодно заказывали деревянное изображение Диониса (Е. Г. Кагаров, 1913, стр. 35).

²⁷² Д. Фрэйер, 1928, стр. 50.

²⁷³ Там же, стр. 91.

²⁷⁴ А. М. Беленицкий, 1954а, стр. 79.

²⁷⁵ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 39.

²⁷⁶ Фирдоуси, 1960, стр. 99 и сл.

²⁷⁷ А. Ю. Якубовский, 1951, стр. 255—256; М. М. Дьяконов, 1951, стр. 37—38; А. М. Беленицкий, 1954а, стр. 78—81.

²⁷⁸ Имя армянского бога Гисанэ в буквальном переводе значит «длинноволосый» (Г. Гоян, 1952, т. 2, стр. 391).

²⁷⁹ А. А. Семенов, 1956, стр. 243—244; С. П. Толстов, В. А. Лившиц, 1964, стр. 51.

²⁸⁰ Лукиан, 1935, стр. 691.

²⁸¹ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1959, стр. 207.

волосы в дар Адонису²⁸². На коптских тканях у Диониса женские груди²⁸³. На поздне-сасанидских блюдах VI—VII вв. «Дионис» похож на женщину²⁸⁴. Сохранение женских признаков у божества обновления природы объясняется тем, что первоначально оно было матриархальным²⁸⁵. В культах плодородия граница между мужскими и женскими божествами, заменяющими друг друга, очень неопределенна. Женственностью образа Сиявуша навеяно предание о его неземной красоте, «о прелести дивной лица и кудрей».

Пянджикентская живопись документально подтверждает связь четверорукой богини с ее мужским спутником. Вместе с истязаемыми себя плакальщицами и плакальщиками она предается скорби. Вокруг головы богини лучистый нимб, в руках — прямоугольный предмет, возможно оссуарий для останков «божественного отрока». Не исключено, что на бартамской чаше показан оссуарий с прахом Сиявуша. Он увенчан полумесяцем с шаром внутри — символом Анахиты-Наны (табл. 26, 7)²⁸⁶. Об отношении умершего к растительному миру напоминают листья на тулове сосуда, а о его солнечной природе — розетка на стенке костехранилища и вихревые розетки на бедрах львов, этих «стражей могилы», связанных с культом солнца и огня, следовательно с Сиявушем²⁸⁷. В пянджикентской композиции у изголовья оплакиваемого стоит «столб» с соляным «колесом» на верхушке. Не исключено, что это древнейший символ Сиявуша, которого, как и Диониса, первоначально могли почитать в виде столба.

По-видимому, в Хорезме существовали обряды, подобные описанным в китайских хрониках для Ташкентского оазиса (см. стр. 17). Весной и осенью на престоле могли выставляться оссуарий с «останками Сиявуша», что означало его ежегодную смерть и возвращение²⁸⁸. Показателен рассказ китайского путешественника Вэй-цзе (начало VII в.) о новогоднем праздничном цикле в Самарканде: «Они поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, одевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут. . . Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу»²⁸⁹. Как при оплакивании Аттиса и Таммуза-Адониса²⁹⁰,

«божественный» ребенок» выступает здесь как божество хлеба, ежегодно гибнущее под серпами жнецов. Обряд призван был умиловать разгневанного бога и обеспечить будущие урожаи²⁹¹. Рассказ о рассеянии останков бога, сходный с мифом об Осирисе, — мифологическое изображение посева²⁹². Позднее ритуал Сиявуша, связанный с культом мертвых (божества растительности, естественно, рассматривались как божества подземного мира), слился с почитанием дарских предков (см. стр. 17). Умерших хорезмийцев чтили в облике Сиявуша, подобно тому как египтян после смерти отождествляли с Осирисом²⁹³.

По-видимому, убийца Сиявуша, Афрасьяб, как и титаны, растерзавшие Диониса-Загрея, первоначально воплощал стихийные хтонические силы. «В персидских книгах говорится, что Афрасьяб жил 2000 лет и был чародей»²⁹⁴. В «Шахнаме», преследуемый Кей-Хосровом, он пытается найти спасение в уединенной пещере (указание на связь с подземным титаническим миром). Но его пленяет отшельник по имени Хум (Хаома — зороастрийское божество растительности). В Авесте Афрасьяб (Франграсьян) — это злой дух, спустившийся на землю, или дракон, не пускающий воду в Иран²⁹⁵.

В возникшем на заре государственности мифе о растерзании Загрея отражен мотив борьбы героя «со всякими безличными и неорганизованными стихийными силами природы и общества»²⁹⁶. Для Средней Азии таким «культурным героем», основателем городов и династий, стал Сиявуш, наделенный и божественностью и царственным званием. Сиявуш — строитель крепости Канга и Сиявушгорода, Самарканда и Бухары, предок хорезмшахов и парфянских Аршакидов²⁹⁷, от его прихода в Хорезм отсчитывались годы «хорезмийской эры»²⁹⁸. Веку мифологии героизма отвечает новый облик Сиявуша: это прекрасный всадник на черном коне (табл. 25, 1).

Резюмируем сказанное. По-видимому, эволюция среднеазиатских божеств следовала общим законам развития религии. Возникновение ее новых форм не означало полной отмены прежних, продолжавших существовать тысячелетиями. Благодаря рудиментам возможно реконструировать древние формы мировоззрения.

1. В эпоху абсолютного фетишизма Великая богиня — универсальное божество, а Сиявуша почитали в форме всевозможных фетишей.

2. На стадии производящего хозяйства, в эпоху анимистической мифологии энеолита, Мать богов приобретает функции богини земледелия²⁹⁹, в отличие от неопределенного образа Земли в хтониче-

²⁸² Лукиан, 1915, стр. 293—294.

²⁸³ V. F. Lenzen, 1960, стр. 2—3, табл. 1, 2, 3б.

²⁸⁴ А. П. Смирнов, 1957а, табл. I; R. Ettinghausen, 1967—1968, рис. 17.

²⁸⁵ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 151.

²⁸⁶ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 106—107.

²⁸⁷ В трагедии Еврипида «Вакханки» Диониса призывают обернуться «львом золотистым» (Еврипид, 1969, стр. 474).

²⁸⁸ В Сирии в дни летнего солнцестояния изображение Адониса помещали на катафалк и под вопли и плач везли через весь город (Г. Гоан, 1952, т. 1, стр. 344). На Крите поклонники Диониса, изображая его страсти, носили ларец с «сердцем бога», (Д. Фрэзер, 1928, стр. 104).

²⁸⁹ Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 296.

²⁹⁰ По словам Лукиана, жители Библи «ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, прекратив удары и плачи, они приносят жертву Адонису как умершему. На следующий день они рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы» (Лукиан, 1915, стр. 293—294). Оплакивание Таммуза у сирийцев Харраи описано

арабским писателем X в.: «Таммуз (июль). Около середины этого месяца справляется праздник «Эль-Бугат», т. е. праздник плачущих женщин. Это праздник Та-уза, в честь бога Та-уза. Женщины скорбно оплакивают участь бога, ибо его господин жестоко убил его, размолот его кости на мельнице и развеял их по ветру» (Д. Фрэзер, 1928, стр. 53).

²⁹¹ Д. Фрэзер, 1928, стр. 53, 68.

²⁹² Там же, стр. 92.

²⁹³ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 83.

²⁹⁴ Наршахи, 1897, стр. 25.

²⁹⁵ Р. Фрай, 1972, стр. 68.

²⁹⁶ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 152.

²⁹⁷ М. М. Дьяконов, 1951, стр. 39—40.

²⁹⁸ Бичурин, 1957, стр. 47.

²⁹⁹ Отсюда примесь зерен пшеницы в глиняном тесте трипольских статуэток (С. Н. Бибиков, 1953, стр. 251, 253).

ских фетишистских представлениях. К богине хлебного поля обращались как к матери всего живущего и растущего, родоначальнице и покровительнице домашнего очага. Ее почитали и богиней мертвых, которые, вливаясь в земные недра, обладали способностью помогать всходам (Гея, Деметра)³⁰⁰. В условиях развивавшихся земледелия и скотоводства идея вечного круговорота жизни и смерти в природе становится ведущей³⁰¹. Вначале ее олицетворяет «Земля Плодородящая»³⁰², с возникновением патриархальных отношений — ее мужской спутник:

*Послушай, сын мой: два начала в мире
Суть главные. Одно — Деметра-мать
(Она ж Земля; как хочешь, называй).
Она сухой лишь пищею нас кормит;
Ее дары дополнил сын Семеля:
Он влажную нам пищу изобрел, —
Тот винный сок, усладу всех скорбей.*

ЕВРИПИД. Вакханки

В аграрных обрядах весны и осени сливаются жертвоприношение земле, культ страдающего божества и номинирование предков.

3. Нарастание отвлеченности скульптурного образа богини-матери, а затем его полное исчезновение в эпоху раннего железа³⁰³ стоит в связи с возникновением патриархально-родового строя и новых богов. В период зарождения классового общества и героической мифологии единая богиня распадается на индивидуализированные женские божества с дифференцированными функциями³⁰⁴. В археологии Средней Азии этот процесс прослеживается только в период эллинизации: терракоты Южного Туркменистана и Хорезма представляют различных богинь³⁰⁵ вместо унифицированного образа энеолита и ранней бронзы. Анахита-Нана — одно из многих божеств, в честь которых строили храмы³⁰⁶; различные города имели своих покровительниц. В эпоху становления государственности на первый план выступает цивилизующий герой-полубог, борец с необузданными чудовищами хтонизма, мифический основатель городов и династий³⁰⁷. Отныне Сиявуш — создатель, поражаю-

щий мир своим творчеством:

*Затратив немало усилий и дней,
Во имя величья державы своей
Построил владыка невиданный град,
Плачущий сердце, ласкающий взгляд.*

ФИРДОУСИ. Шахнаме

С поздней античности видное место в коропластике занимают статуэтки всадников. С I в. до н. э. по VIII в. н. э. образ бога-всадника, отождествляемого с Сиявушем, доминирует в хорезмийской нумизматике³⁰⁸.

4. Утверждение на Среднем Востоке раннефеодальной системы (VI—VII вв.) повлекло за собой изменения в государственных культах афригидского Хорезма и Согда³⁰⁹. На новой основе происходит «реставрация архаики»³¹⁰. По-видимому, во главе хорезмийского пантеона становится Великая повелительница вселенной. Торжественность облика богини, которой поклоняются подданные (табл. 26, 1), атрибуты верховной власти (трон или лев в качестве сиденья, корона, скипетр, нагрудное украшение-пектораль) отвечают ее функциям дарующей победу покровительницы Хорезма и его городов. Согона *mugalis* в виде зубчатой городской стены подобна короне Ахура Мазды, Анахиты³¹¹, Рей-Кибелы. Солнце и месяц на короне символизируют свет вселенной, на которую распространяется власть божества (аналогичны короны на некоторых типах хорезмийских монет VII—VIII вв.)³¹². Своей репрезентативностью богиня на чашах напоминает авестийскую Ардвисуру Анахиту:

*В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
В нарядном плаще
С обильными складками, златопрядном.
Барман в руках у нее должной меры,
Красуется она серьгами,
Четырехгранными, златокованными;
Ожерельем обвила благородная
Ардвисура Анахита
Прекрасную шею. . .
Чело увенчала свое
Ардвисура Анахита прекрасным обручем,
Сотнями самоцветов украшенным, златокованным,
Осьмичастным, словно бы колесница³¹³.*

При создании иконографии «хорезмийской Анахиты» могли вдохновляться кушано-индийскими источниками. Синкретизм облика богини, перегруженность атрибутами, возможно, вызваны тем, что в VI—VII вв. ее культ, имевший древние корни, вновь возродился благодаря какой-то проведенной

³⁰⁰ Б. П. Богаевский, 1916, стр. 97—98, 127—128, 133—135. На заключительных этапах трипольской культуры в погребениях отмечены находки стилизованных фигурок женщин (С. Н. Бибиков, 1953, стр. 259). Женские статуэтки связывались с погребальным культом на Кикладских островах и в материковой Греции (С. Н. Бибиков, 1953, стр. 260).

³⁰¹ А. Ф. Лосев, 1957, стр. 72.

³⁰² С представлением об умирающем и воскресающем божестве связывают фрагментарность женских статуэток на раннеземледельческих поселениях юго-востока Европы (С. Н. Бибиков, 1953, стр. 263).

³⁰³ Г. А. Пугаченкова, 1967, стр. 72.

³⁰⁴ «Гея стала покровительницей браков и моногамной семьи. Деметра — планомерного и организованного земледелия. Афина Паллада — честной, открытой и упорядоченной войны. . . Афродита — богиней любви и красоты. . . Гестия — богиней домашнего патриархального очага» (А. Ф. Лосев, 1957, стр. 71).

³⁰⁵ Г. А. Пугаченкова, 1967, стр. 74, 80.

³⁰⁶ В документах из Нисы I в. до н. э. упомянуто поместье храма богини Нанайи (М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, 1960, стр. 15, 17).

³⁰⁷ В Египте Осирис не только умирающий и воскресающий бог, но и «культурный герой», который вывел египтян из варварства. Он дал им законы, ввел возделывание хлебных злаков, первый научился подпирать виноградную лозу (Д. Фрезер, 1928, стр. 78).

³⁰⁸ С. П. Толстов, 1948а, стр. 202; Он же, 1948б, стр. 86.

³⁰⁹ Близость обрядов согдийцев и хорезмийцев отмечена Бирруни (1957, стр. 256). Культ четверорукой богини был популярен в Пянджикенте (Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, 1967, стр. 83).

³¹⁰ Подобно возрождению архаической мифологии и культа Великой Матери в эллинистическо-римский период (А. Ф. Лосев, 1957, стр. 64).

³¹¹ Например, на скальном рельефе в Накш-и Рустам, 293 г. (В. Г. Лукомин, 1969, рис. 17).

³¹² С. П. Толстов, 1948а, стр. 193.

³¹³ Поэзия и проза Древнего Востока, стр. 525 (перев. И. Брагинского).

свыше реформе, канонизировавшей внешний вид божества. На одну «всебогиню» перенесли атрибуты многих богинь³¹⁴. Не исключено, что введение общегосударственного культа за счет ассимиляции локальных было связано с борьбой хорезмшахов за объединение мелких удельных владений в единое государство. Образцом централизованной державы могло служить Кушанское царство, в систему которого Хорезм мог входить в I—II вв.³¹⁵ Отсюда сохранение некоторых кушанских традиций в искусстве. В VIII в. перед лицом исламской угрозы культ Великой богини какое-то время продолжал сохраняться.

Большое место в государственной религии Хорезма занимал и Сиявуш, основатель династии и символ самого государства³¹⁶. На реверсе монет изображения «хорезмского всадника» чеканят до конца VIII в.³¹⁷ Возможно, уши лошади на коронах Афригидов — иконографический рудимент божества-предка³¹⁸. После арабского завоевания вера в божественность Сиявуша уходит в прошлое. В «Шахнаме» он уже типичный герой дружинного эпоса.

В хорезмийских культах плодородия, во многом сходных с дионисийскими мистериями, экзальтация их участников создавала иллюзию внутреннего единения с богами. Особенно интересна чаша с «козлиноголовым божеством» (рис. 14, 2). Человеческое туловище и четкая линия между козлиной головой и шеей наводят на мысль, что изображено не зооморфное божество, а участник оргиастического маскарада.

Маска козла указывает на дионисийский характер празднеств. В греческой мифологии Диониса представляли в виде различных животных, в том числе козла — древнего хтонического демона. Впоследствии козел стал жертвенным животным и атрибутом антропоморфного бога³¹⁹. Одно из имен Диониса — «живой козленок». «Того, который имеет шкуру черного козла», почитали в Афинах и Гермиконе. Чтобы спасти младенца Диониса от гнева Геры, Зевс превратил его в козленка³²⁰. По Гесихию, на дионисийских оргиях девушки надевали козьи шкуры³²¹. Во время игр, связанных с аграрной магией, общины поклонников Диониса рядились козловидными сатирами — демоническими спутниками бога³²². В его

честь икарийские виноделы плясали вокруг козла³²³. Слово «трагедия» происходит от «трагос» (козел) и «ода» (песня)³²⁴. Козлиные личины мужских служителей Диониса находим среди рельефов Ахтамарского храма³²⁵; гусанов-мимосов в масках козла — среди армянских миниатюр XIII в.³²⁶ Головы сатиров с козлиными ушами найдены среди скульптур Халчаяна (I в. до н. э.)³²⁷. Раскрашенная глиняная скульптура из «зала танцующих масок» Топрак-калы (III в.) изображает танцора в маске с козлиными ушами³²⁸. Среднеазиатские скоморохи — масхаробозы вплоть до наших дней выступали в личинах из козьей шкуры³²⁹.

Связь человека-козла, представленного на чаше, с локальным культом дионисийского круга подтверждают его атрибуты. В левой руке копы с лентами, близкое тирсу-жезлу (охотничьему копыю) Диониса. На тирсах сатиров и менад обычны ленты. На сасанидском кувшинчике из собрания Фрир в Вашингтоне подобное копы держит Дионис-Вакх³³⁰. Аналогичный тирс, увитый лентами, входит в число вакхических атрибутов на серебряной чаше II в.³³¹ В правой руке ряженого букет из листьев (или пучок прутьев священных деревьев), напоминающий барсбм зороастрийских жрецов³³². Пучок молодых побегов, употребляемый при жертвоприношении, — вотивный символ ожившей природы, которую воплощал «дважды рожденный» бог хлебопашцев и виноградарей.

С. П. Толстов видит в «козлиноголовом божестве» Сиявуша³³³. В праздничной обрядности ряженный козлом выступал в роли самого божества, посвященной ему жертвы или его спутника. Жрецы носили личины божеств, которым они служили³³⁴. Вероятно, в государственном культе Хорезма в роли бога смерти и возрождения выступал сам царь, тем самым становясь его земным воплощением. На празднествах божества Луны в доисламской Бухаре «царь выходил на базар и садился на трон... чтобы поощрять людей к покупке идолов»³³⁵. Впо-

³¹⁴ Именно поэтому статуя «Геры» в Герапольском храме в Сирии произвела на Луккиана «какое-то смешанное впечатление»: «Но в общем она все же напоминает Геру, хотя у нее и есть отдельные черты Афины, Афродиты, Селены, Реи, Артемиды, Немезиды и Мойр. В одной руке она держит скипетр, в другой — веретено. На голове ее, украшенной лучами, находится башня и повязка — последним украшают лишь Афродиту-Уранию. Изображение вызолочено и осыпано драгоценными камнями» (Лукиан, 1915, стр. 307).

³¹⁵ С. П. Толстов, 1948б, стр. 151.

³¹⁶ Интересно сопоставить цепь превращений Сиявуша с эволюцией христианского Георгия. Легенда и культ этого святого (первоначально божество плодородия?) содержат разновременные напластования.

³¹⁷ С. П. Толстов, 1938, стр. 131.

³¹⁸ Ю. А. Рапопорт, 1971, стр. 83.

³¹⁹ Жертвенные козлы изображены на ритонах из Нисы (II в. до н. э.).

³²⁰ Д. Фразер, 1928, стр. 106.

³²¹ Вячеслав Иванов, 1923, стр. 105.

³²² Там же, стр. 223, 230, 232. Арханческие дионисийские празднества до последнего времени существовали во Фракии: «Вся деревня собирается к церкви смотреть на ряженных „козлов“... Ряженные изображают свадьбу, убийство человека-козла, плач жены над его телом и, наконец, его оживление. Потом они впрягаются в плуг и,

влача его, молятся об урожае... Женские роли исполняются женатыми мужчинами и холостыми парнями, которых зовут «вестамаи» — *nurhes*. В Северной Фракии справляется подобный же праздник: человек в маске и в козлиной или овечьей шкуре изображает царя; за его телегой идут мальчики-музыканты в девичьем наряде; царский служитель угощает толпу вином, а сам царь сыплет на головы зрителей зерно; потом царя кидают в реку» (Там же, стр. 110).

³²³ Вячеслав Иванов, 1923, стр. 107.

³²⁴ Армянский писатель VI в. Давид Керакан (Грамматик) так определяет слово «вохбергютюн» (вопленне): «Вохбергютюн называется по-гречески *нохазергютюн* (бу-квально — козлопение), так как привносили козла в жертву Дионису, создателю виноградной лозы, — история известная» (Г. Гоян, 1952, т. 2, стр. 401).

³²⁵ Там же, рис. 75, II, У.

³²⁶ Там же, рис. 82, А, В.

³²⁷ Г. А. Пугаченкова, 1971, стр. 35.

³²⁸ С. П. Толстов, 1958, стр. 202, 204, рис. 93, 2.

³²⁹ Г. А. Пугаченкова, 1971, стр. 37.

³³⁰ R. Ettinghausen, 1967—1968, стр. 39, рис. 14.

³³¹ Г. Гоян, 1952, т. 1, стр. 377 и сл., рис. 90, III. На римских серебряных сосудах II—III вв. в числе вакхических атрибутов находим и головы козлов (В. Svoboda, 1972, рис. 18, 19).

³³² Ср. ветки в руках ряженных козлами гусанов на армянских миниатюрах.

³³³ С. П. Толстов, 1948а, стр. 205.

³³⁴ В. В. Латышев, 1899, стр. 234, 289.

³³⁵ Наршахи, 1897, стр. 31.

следствии на месте царского престола был выстроен храм огня, стоявший до VIII в.³³⁶ В этом обычае можно усмотреть пережиток института царей-жрецов, характерный для рабовладельческого Востока. Сидящий на ковре царь (рис. 14, 4) — участник культовой церемонии. Подобно маскированному персонажу, он держит трилистник. Как и маску козла, его корону украшают полосатые ленты, характерные для царских венцов. «Рогатая» корона (рудимент «козлиноголовости» божества?), возможно, напоминает о «сиявушидском» происхождении владыки. С культом плодородия связаны цветки лотоса (атрибут Анахиты), украшающие стенки чаши. Глав-

ный участник «дионисийского» карнавала, царь выступает как потомок божества плодородия и его инкарнация. Это царь-маг, руководитель при жертвоприношениях, который своим вмешательством оказывает благотворное воздействие на природу (ср. описание фракийских обрядов на стр. 113)³³⁷.

Таким образом, в афригидском Хорезме культ предков знати и царей заимствовал выработанные веками обряды в честь умирающего и воскресающего божества (бартымская чаша с изображением оссуария). При погребении земным «родственникам богов» воздавались те же почести, что и самим богам.

X—XIII вв.

ИСЛАМСКОЕ СЕРЕБРО

(табл. 27—38)

Большинство серебряных изделий этой эпохи обнаружено в кладах Урала. Причина их редкости в районах изготовления — не в религиозных запретах, хотя уже омейядский наместник Ирака ал-Хаджадж (660—714) «приказал разломать в странах Ирака и Персии сосуды из золота и серебра и настрого запретил пить из них»³³⁸. Эта мера могла быть вызвана не только борьбой с роскошью, но и неприемлемой для мусульманского ригориста зороастрийской тематикой изображений. Благочестивый халиф ал-Мухтади (869—870) «приказал изъять из сокровищницы золотые и серебряные сосуды, их сломали и начеканили динаров и дирхемов»³³⁹. Один из авторитетов ислама, ал-Газали (1058—1112), считал предосудительным «питье или приготовление розовой воды в серебряных сосудах или в таких, у которых верх из серебра»³⁴⁰. Однако осуждения ортодоксов не приносили желаемого эффекта: в IX—XIII вв. в Ираке, Иране и Средней Азии золотая³⁴¹ и серебряная посуда была широко распространена, хотя ее употребление ограничивалось слоями знати («чтобы такие сосуды имелись только у царей, а не у черни») ³⁴². Переплавка художественной утвари при дворе того или иного государя вызывалась не столько идеологическими, сколько практическими соображениями. Для ее оправдания находили религиозные доводы. Это подтверждает Бируни: «Но у людей... дни благополучия сменяются днями нужды. И вот затрачивается [царем] на такие сосуды то, что следует поделить между его помощниками в расчете на обилие доходов в дни благоденствия; а затем времена меняются, благополучие превращается в свою противоположность, и появляется необходимость переплавлять их [сосуды] и чеканить из них дирхемы и динары»³⁴³.

³³⁶ О. И. Смирнова, 1970, стр. 140.

³³⁷ Миф о Мидасе и балканские сказки о царе с козлиными ушами восходят к представлениям о царях-магах, которые оказывают продуктивное влияние на природу (Е. А. Костюгин, 1972, стр. 105 и сл.).

³³⁸ Бируни, 1963, стр. 246.

³³⁹ О. Г. Большаков, 1969, стр. 147.

³⁴⁰ Там же, стр. 149.

³⁴¹ Например, буидские кувшинчики X в. (Е. Kühnel, 1956, рис. 5 и 6).

³⁴² Бируни, 1963, стр. 32.

³⁴³ Там же.

Ввиду незначительного числа сохранившихся вещей, особенно конца IX—X в., атрибуция их затруднена. Начертания надписей куфи дают приблизительную хронологию. В большинстве случаев они не содержат ни дат, ни имен исторических лиц³⁴⁴. Надежнее датировка по характеру фона орнаментов и надписей (с точностью до столетия).

Сложнее локализовать изделия из металла по причине нивелировки местных черт, которой способствовала общность мусульманской культуры. Благодаря миграциям мастеров и вещей единый стиль охватывал огромные территории. Вместе с тем имелись существенные различия в уровне общественной жизни, культурных традициях и исторической судьбе народов, втянутых в орбиту ислама. С накоплением фактов удается выделить локальные школы торевтики XI—XIII вв., как это сделано для X в. (буидская группа)³⁴⁵ и рубежа X—XI вв. (газневидская группа, табл. 6, 5)³⁴⁶. Пока только немногие вещи можно связать с определенными районами.

Хорасан и Мавераннахр. X в. (табл. 27; 28)

В X в. самой могущественной державой на иранском востоке стало государство Саманидов. Они правили в Хорасане и Мавераннахре и являлись сюзеренами Хорезма, Саффаридов в Систане, местных династий в Афганистане. Стремясь к стабильности экономики в своих владениях, Саманиды обеспечили безопасность караванных путей через Среднюю Азию, содействовали интенсивному росту ее городов, подъему ремесла и торговли.

Эта династия претендовала на происхождение от Сасанидов. Двор в Бухаре стал очагом возрождения новоперсидского языка и литературы (при Саманидах Фирдоуси начал «Шахнаме»). В торевтике еще сохраняются некоторые сасанидские мотивы (сенмурвы, павлины с ветками в клюве), но ленточные плетения, пальметты и шишки линии выполнены в раннеисламском стиле. Фигурки птиц на кувшине табл. 27 сближают эту группу с хорасанскими инкрустированными бронзами XII—XIII вв. Э. Кюнель сравнил кувшин с золотыми чеканными кувшинами

³⁴⁴ М. van Berchem, 1909, стр. 412.

³⁴⁵ Е. Kühnel, 1956.

³⁴⁶ R. Ettinghausen, 1955, стр. 115—116, табл. III, а; Б. И. Маршак, 1971, стр. 66—68.

иракской работы³⁴⁷. На одном из них имя бундского правителя Изз ад-даула Бахтийара (967—978), на другом — Самсам ад-даула Марзубана (983—987). Сходство в форме кувшинов, системе декора и почерке надписей вытекает из их хронологической близости. В стиле орнамента общего мало.

Внедрение новых принципов орнаментики происходило неравномерно в разных районах мусульманского мира. На периферии вплоть до X в. удерживались традиции доисламских торевтов. Чашка табл. 29 отражает влияние торевтики востока Средней Азии (северные окраины Мавераннахра и Фергану окончательно присоединили только Саманиды; в 893 г. Исмаил ибн Ахмад разграбил столицу карлуков Талас). Виноградная лоза на чашке находит параллели в панджикентском резном дереве, а человеко-птица восходит к иконографии византийского круга.

Иран и Средняя Азия. XI—первая половина XIII в. (табл. 30—38)

Около середины XI в. в новой мировой империи Великих Сельджуков, вассалами которых стали государи Средней Азии, складывается новый стиль искусства. Начало блестящей эры исламских работ по металлу ознаменовано появлением новых форм посуды: прямоугольных подносов, узкогорлых бутылей, кувшинов с цилиндрическим туловом, шаровидных кувшинчиков с цилиндрическим горлом, флаконов, кружек с почти вертикальными стенками и др. Преобладает гравированный декор, хотя вплоть до XIII в. применяют и рельефную чеканку. Для выделения завитков фона и деталей фигур используют чернь³⁴⁸.

Характерные черты «сельджукского» стиля в серебре: 1) изображения и надписи расположены в узких поясах и круглых (реже миндалевидных) медальонах; в пределах своего обрамления фигуры плотно примыкают друг к другу; 2) в разделке фона господствует принцип декора без лакун: орнамент заполняет все промежутки; от растительных завитков фон постепенно абстрагируется к геометрическим спиральям; 3) фигуры людей и животных сохраняют самостоятельное значение, не сливаясь с фоном; еще далеко до «беспредметного декоративного стиля».

Архаичные начертания букв могли долго сосуществовать с более поздним орнаментом. Такие случаи отмечены уже М. ван Бершемом³⁴⁹. Поэтому палеография — только дополнительный аргумент при датировке. Важнее характер фона надписей и различных сцен. Схема его эволюции такова (рис. 15):

а) X — начало XI в. Как и в VIII—IX вв., фон гладкий или обработанный кольцевым пунсоном, часто позолочен (табл. 27—29; рис. 15, 1, 2). Пунсонный фон изредка применяют вплоть до первых десятилетий XIII в. (табл. 34, 6; 38, 5).

Около середины XI в. фон начинают заполнять сплошным орнаментом из скрученных в тугие витки стеблей. Как и на бронзовых изделиях Ирана XII—

XIV вв.³⁵⁰, характер передачи стеблей, менявшийся со временем, служит датирующим моментом. По способу обработки фона серебряные сосуды XI—XIII вв. делятся на две группы:

б) Середина XI—начало XII в. Фон состоит из оставленных в серебре растительных завитков. От них отходят трехлепестковые пальметки, листья-полупальметки (или листья с резными краями) и крючковатые усики (табл. 30—33; рис. 15, 3—5). Промежутки между побегами заполнены чернью. Основания для датировки завитков на черневом фоне: 1) их соответствие куфическим надписям XI—начала XII в. (М. ван Бершем); 2) Аниковский клад с кружкой табл. 33, 1—5 спрятан не позднее XI в.; 3) Белогостицкий клад, судя по инвентарю, зарыт не позже рубежа XI—XII вв.; в нем встречены подвески-лунницы с аналогичным фоном вокруг надписи (табл. 39, 10); 4) XI в. датируется чаша с лютнистом (табл. 34, 1—4).

в) Вторая половина XII—XIII в. Около середины XII в. фон начинают покрывать скрученными в спираль черневыми завитками (табл. 36, 1, 2; 37; 38, 1—4; рис. 15, 7). Такой узор появляется и на одеждах фигур (табл. 38, 1; рис. 15, 8). Датировка фона из спиральных завитков обоснована аналогиями в бронзовых изделиях Ирана³⁵¹ и в мусульманской резной кости XII—XIII вв.³⁵² С конца XII в. мотив спиральных завитков широко распространен в люстровой посуде Рея и Кашана³⁵³.

В XII в., а возможно, и раньше, возникает прием выделения фигур с помощью сетчатого фона (табл. 37; рис. 15, 9). На иранских бронзовых изделиях сетчатый фон, известный в XII—XIII вв., особенно популярен в XIV в.³⁵⁴

Некоторые вещи исполнены в округе Рея или в Хорасане (табл. 34, 1—4; 36, 1, 2; 37; 38). Не исключено хорезмийское происхождение подноса табл. 35, 5. Для большинства сосудов остается ирано-среднеазиатская дилемма. На основании отождествления имен, упомянутых в надписях, с историческими лицами Б. И. Маршак связывает сосуды табл. 30; 33, 1—5; 35, 5 с Балхом (и Тохаристаном), который он считает важнейшим центром сереброредия в X—XII вв.³⁵⁵

Серебряные украшения. X—XI вв. (табл. 39—41)

Среди предметов личного убора преобладают мужские поясные наборы — показатель высокого социального положения владельцев поясов. Поясные накладки (особенно типичны с трехлопастным окончанием) крепились к ременной основе при помощи штифтов. Женские металлические украшения восточной работы пока не удается отделить от местных древностей.

Восточные наременные бляшки из серебра в местах их изготовления почти неизвестны. Находки из

³⁴⁷ E. Kühnel, 1956, стр. 84, рис. 5 и 6.

³⁴⁸ Рубеж между двумя стилями в прикладном искусстве во второй половине XI в. прослеживается также на материалах бронзы и поливной керамики (А. А. Иванов, 1970, стр. 104).

³⁴⁹ M. van Berchem, 1909, стр. 403, 404.

³⁵⁰ D. S. Rice, 1954, стр. 25; А. А. Иванов, 1961, стр. 243.

³⁵¹ SPA, IX, 1939, табл. 1289B; 1312D, Е. На иранских бронзовых изделиях второй половины XIII в. фон из вьющихся стеблей с пальметками и крючковатыми усиками и фон из спиралей нередко сосуществуют (D. S. Rice, 1954, рис. 11, табл. 9, а; 13; 15).

³⁵² SPA, IX, 1939, табл. 1435E, F.

³⁵³ SPA, VI, 1938, табл. 645, 700—703, 707—712.

³⁵⁴ А. А. Иванов, 1961, стр. 243; Он же, 1971, стр. 5.

³⁵⁵ Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

Таблица 27
Серебряный кувшин

Лысьва, (№ 39)

1 — общий вид; 2—4 — детали; 5 — прорисовка надписи

1

3

2

4

Таблица 28

Серебряный поднос и кувшин

1 — Прикамье (№ 78); 2—4 — Пермская губ.? (№ 77)

3

4

5

Таблица 29
Серебряная чаша

Больше-Аниковская (№ 42)

1, 2 — общий вид; 3 — деталь; 4, 5 — надписи

1

3

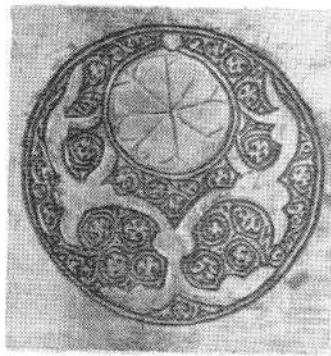
4

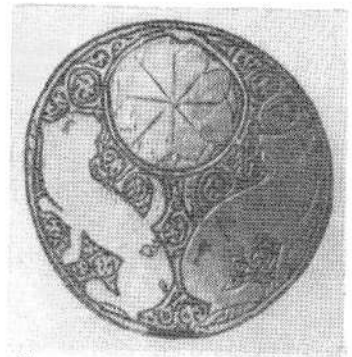
2

5

6

7

8₁

8₂

8₃

Таблица 30
Серебряная бутылка

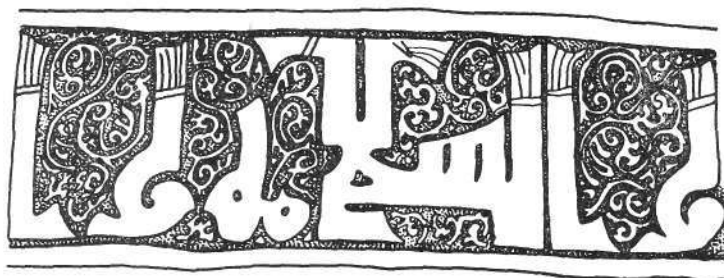
Березовский, у. (№ 86)

1, 2 — общий вид; 3, 4 — медальоны на горле; 5 — вид сверху; 6, 7 — медальоны на тулове; 8 — надпись на тулове

X-начало XI в.

Середина XI-начало XII в.

3

2

4

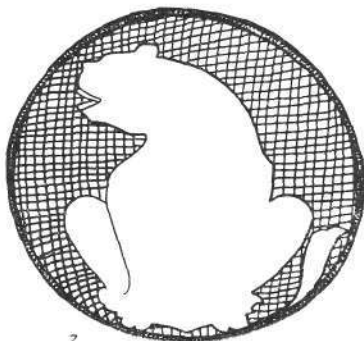

5

Вторая половина XII — первая половина XIII в.

6

7

8

Рис. 15

Эволюция фона в исламском серебре X—XIII вв.

1 — № 77; 2 — № 42; 3 — № 44; 4 — № 86; 5 — № 85; 6 — № 27; 7 — № 82; 8 — № 15; 9 — № 88

Восточной Европы отчасти восполняют этот пробел. В комплексе с другими вещами и монетами они получают определенную дату. Фон орнаментов и кufических надписей, характерный и для сосудов, подтверждает отнесение поясных наборов в основном

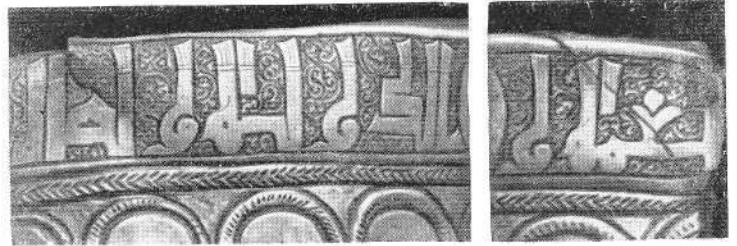
к XI в. Как и на посуде, мелкие детали изображений выделены чернью (глаза и части тел зверей, сердцевина листьев). По-видимому, сосуды и поясные украшения исполняли в одних и тех же мастерских (технико-стилистическая близость этих

1

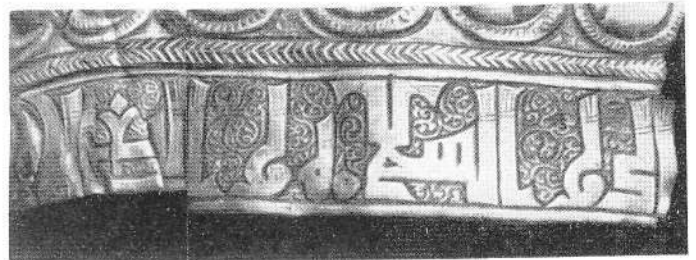
3

4

2

5

Таблица 32
Серебряный кувшин
Мало-Аниковская (№ 44)

1 — общий вид; 2 — надпись на ручке; 3 — надпись в основании горла; 4, 5 — надпись на тулове

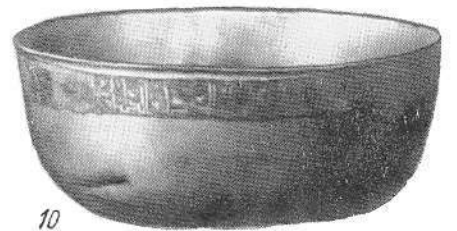
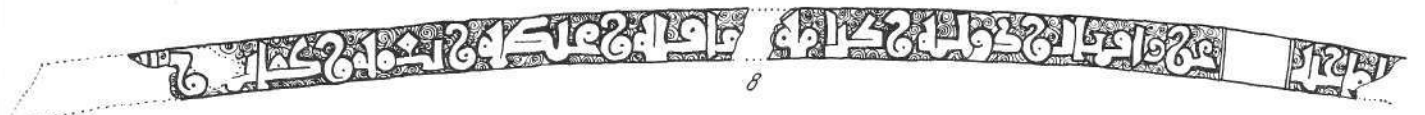

Таблица 33
Серебряные сосуды

1—5 — Больше-Аниковская (№ 43); 6—8 — Селянино Озеро (№ 20); 9 — Карасево (№ 11); 10 — Малая Шакшера (№ 48)

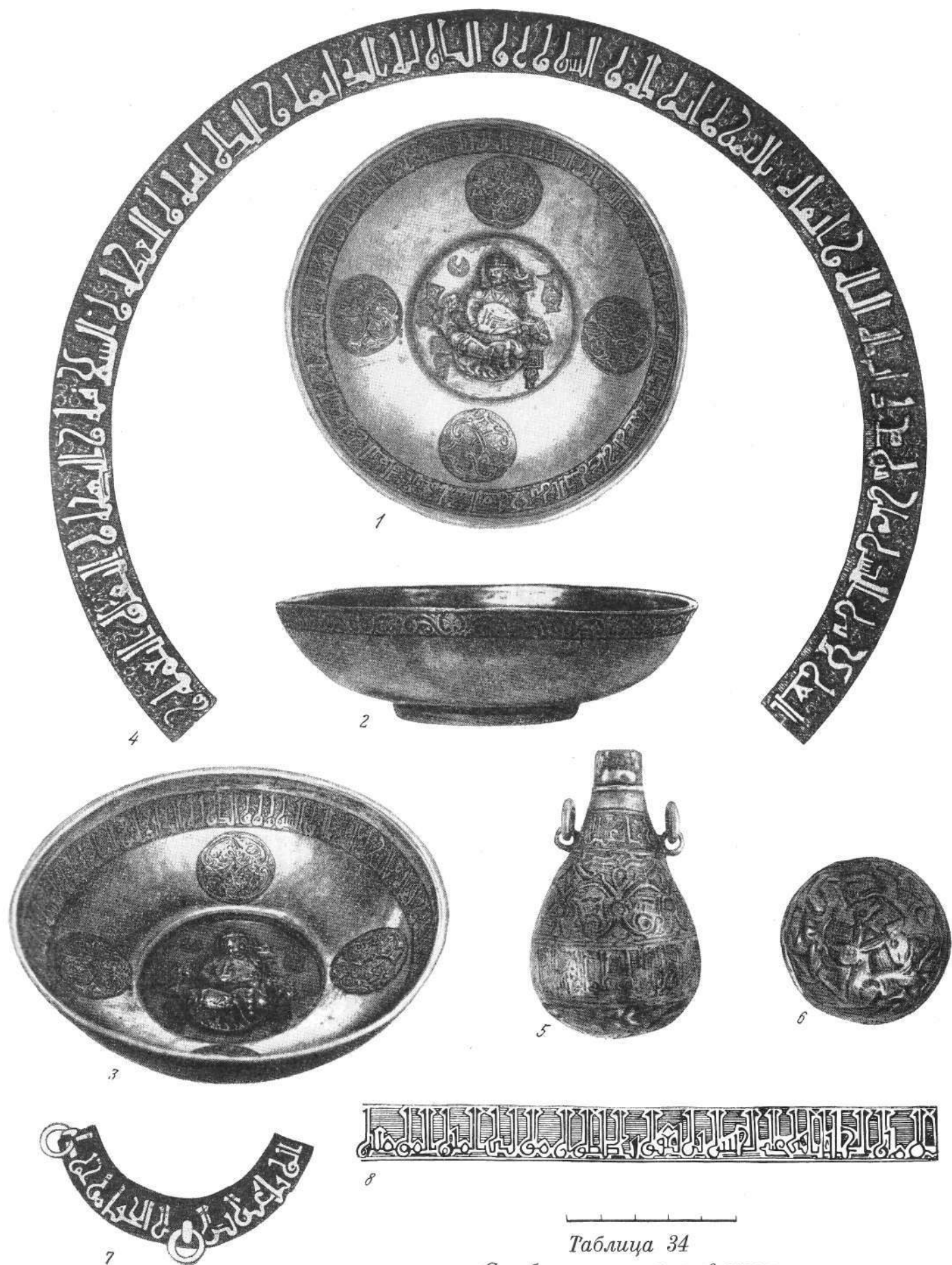

Таблица 34

Серебряные чаша и флакон

1—4 — место находки неизвестно (№ 119); 5—8 — Селяшино Озеро (№ 19)

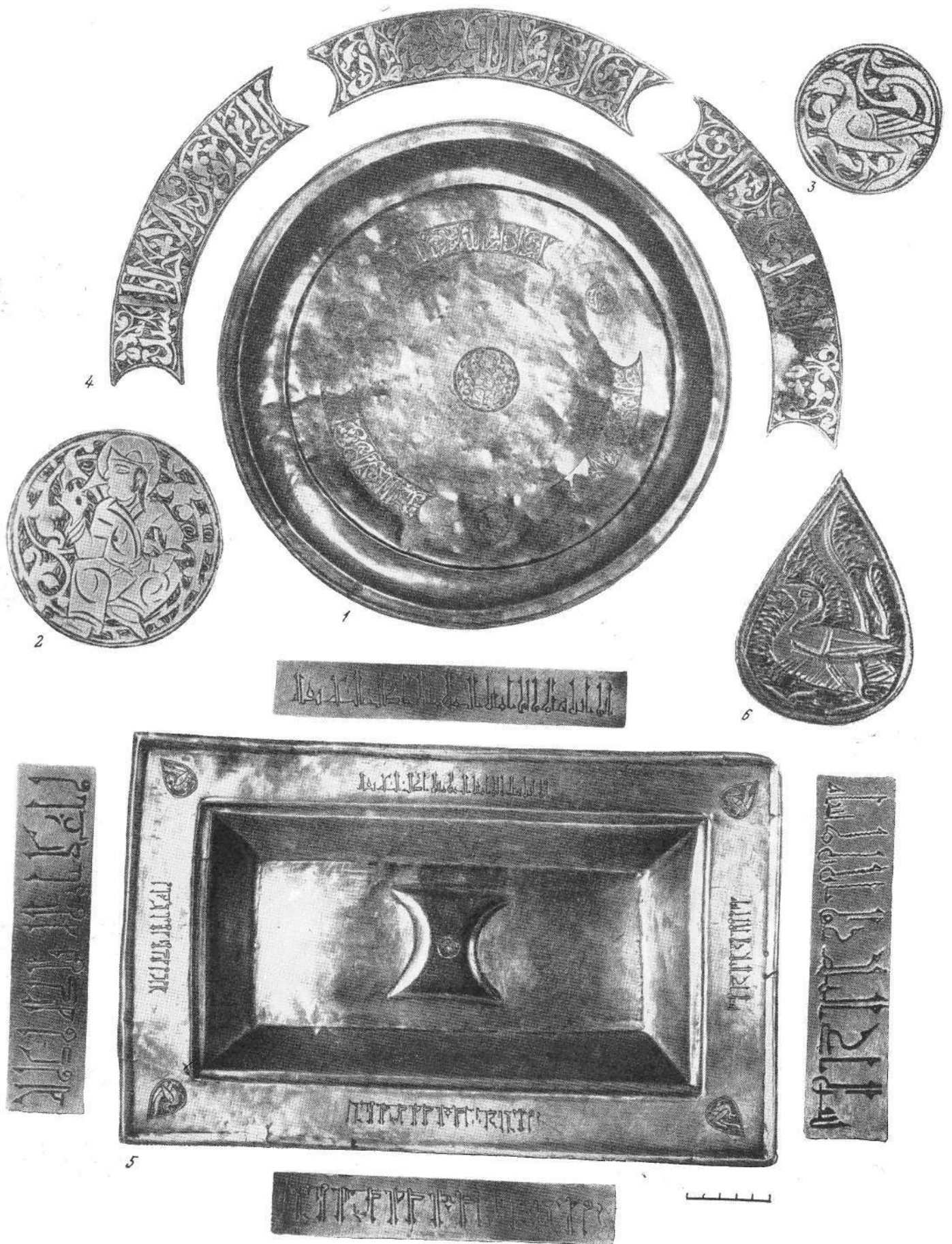
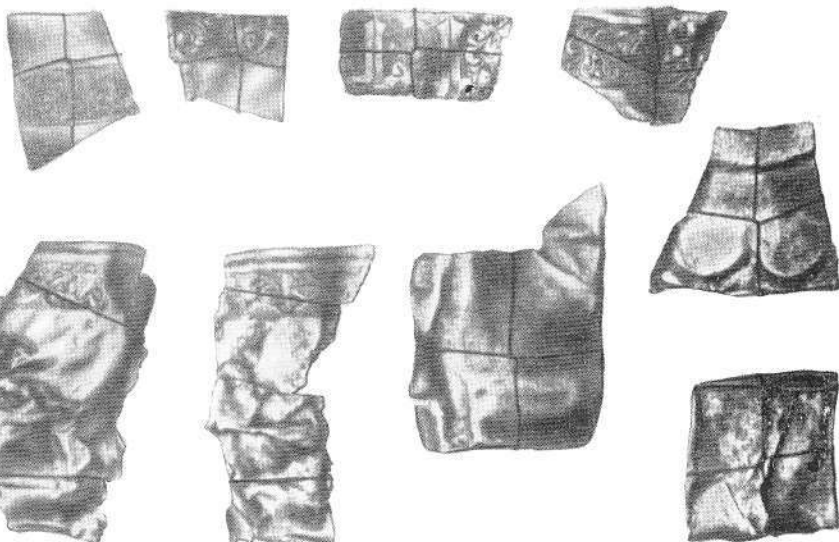

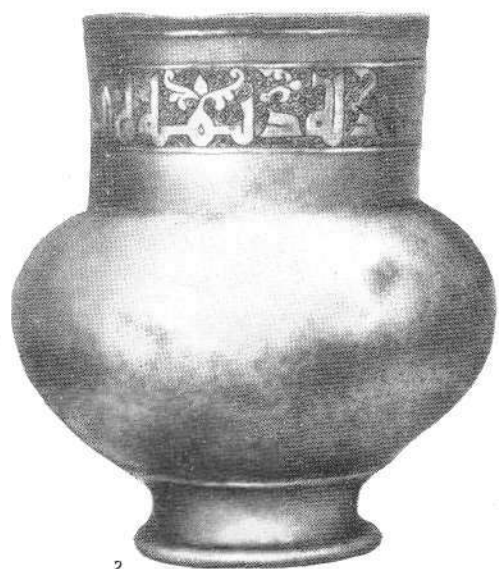
Таблица 35
 Серебряные блюдо и поднос
 1—4 — Слудка (№ 27); 5, 6 — р. Сын (№ 87)

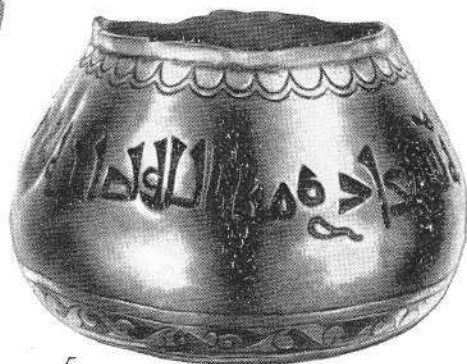
1

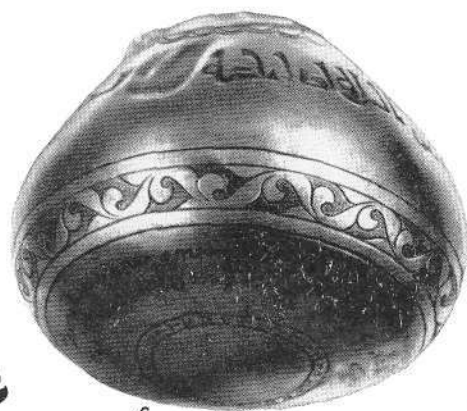
4

2

5

6

7

8

9

9

Таблица 36
Серебряные сосуды

1—3 — между Ишимом и Шадринском (№ 82); 4 — Чигироб (№ 47); 5—7 — Карасево (№ 10); 8, 9 — Барсов городок (№ 83)

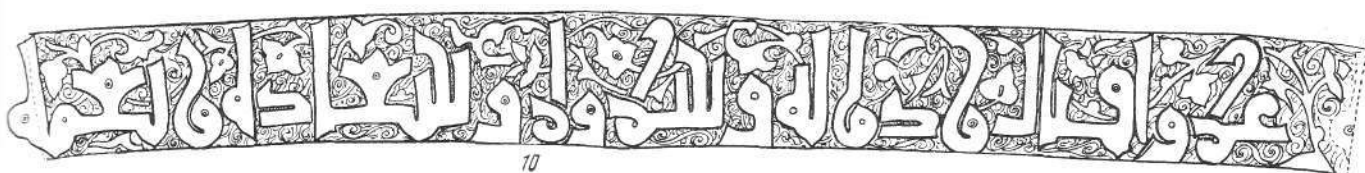
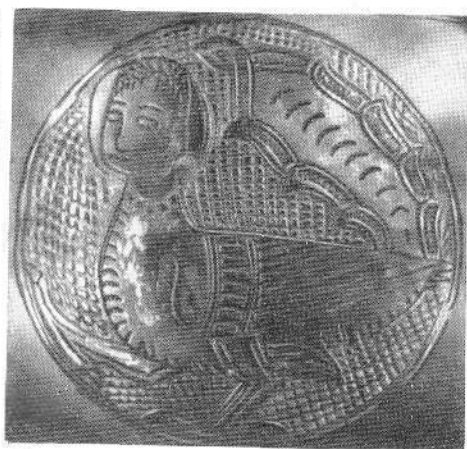
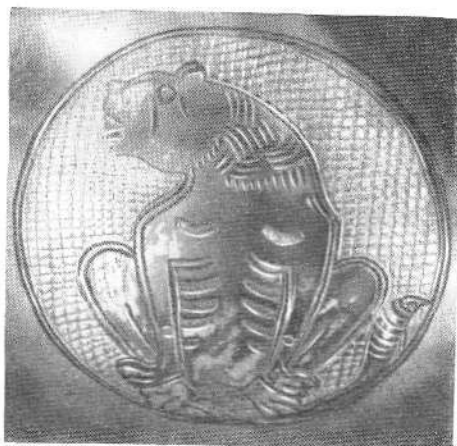
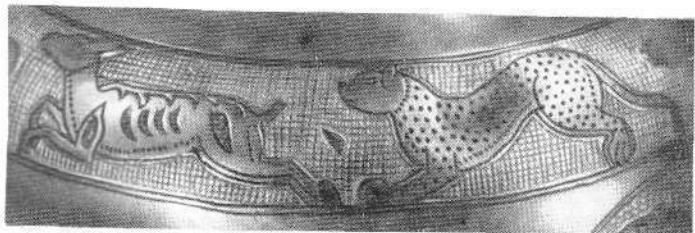
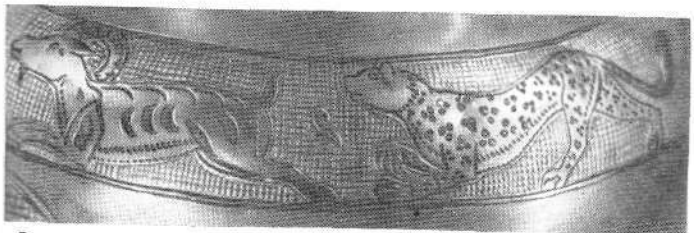
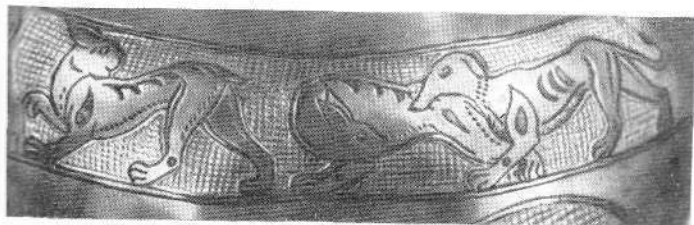

Таблица 37

Серебряный кувшинчик

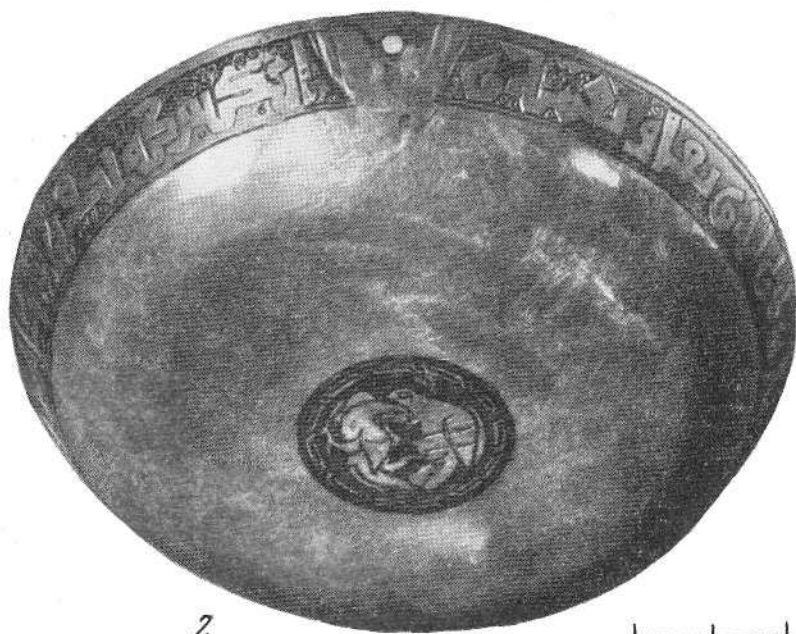
Приобье (№ 88)

1, 2 — общий вид; 3—6 — «охотничий» фриз (в порядке размещения сцен по часовой стрелке); 7—9 — медальоны на тулове; 10 — прорисовка надписи

4

1

3

2

5

Таблица 38
Серебряные чаша и фрагмент сосуда
1—4 — Мелькень (№ 15); 5 — Сыпучи (№ 49)

Таблица 39
Серебряные украшения

— Пекуново (№ 95); 2, 3 — Шпилевка (№ 104); 4—12—Белогостицкий монастырь (№ 94); 13—20 — Губдор (№ 45); 21, 22 — Киев (№ 100); 23—25 — Киев (№ 101)

Таблица 40
 Серебряные поясные украшения
 Мышеловка (№ 105)

Таблица 41
 Серебряные поясные украшения
 Мышеловка (№ 105)

категорий вещей). Фигуры слуг на табл. 49, 9, 10 заимствованы из популярной на посуде сцены придворного пира (ср. табл. 6, 5; 38, 1).

Малая Азия и Киликия. XIII в. (табл. 42; 43)

Произведения серебряников Киликийской Армении от XII в. не уцелели: в середине XIII в. всю старую серебряную утварь переплавили в слитки для монетного чекана³⁵⁶. Оклады Евангелий из монастырских мастерских Ромкла относятся только к середине XIII в. Того же времени ковшик и кувшинчик из Бердянска. Они особенно интересны потому, что от киликийской металлопластики XIII—XIV вв. в основном дошли предметы литургического обихода: оклады книг и складни-реликварии в форме триптиха. Для чеканки Киликии характерно использование армянских надписей, мотива многолопастной арки с килевидным завершением и точечного фона орнамента (ручка ковша). Форма кувшинчика табл. 42, 1—3, псевдоарабская надпись и ленты с меандрами на нем говорят о влиянии исламских изделий из металла. Западноевропейское воздействие могло сказаться в жесткой и графичной манере передачи хищника (табл. 42, 4—6).

Из сельджуцкой Малой Азии происходит кувшин табл. 43 (XIII в.). Он связан с киликийским металлом (ср. табл. 42, 6); в государстве Сельджукидов ювелирами были главным образом армяне. Известно, что султан заказал свадебные подарки в Анталье, где селились христиане — армяне и греки. Славилась ювелиры из Аланьи³⁵⁷. Эти прибрежные города находились недалеко от Киликийского государства. Кувшин сближается растительным орнаментом и листьями в основании крыльев сфинксов с византийскими чашами второй половины XII в. из с. Вильгорт и Чернигова. Сходство объясняется работой малоазийских мастеров в Константинополе или влиянием их произведений³⁵⁸.

БРОНЗОВЫЕ (ЛАТУННЫЕ) И МЕДНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Сосуды IX—X вв. (табл. 44; 45; 46, 1, 2)

Бируни рассказывает, что когда ал-Хаджадж запретил употребление сосудов из золота и серебра, их стали изготовлять сперва из серебра и меди, а затем из сплава меди и свинца. Изделиями из бронзы славилась мастера Систана. Медником был основатель династии Саффаридов Йакуб ибн Лайс ас-Саффар (867—879). «Саффарида занимались этим ремеслом до того как достигли власти»³⁵⁹.

Атрибуция бронзовых изделий первых веков хиджры сложна, так как их сохранилось очень немного. Их выполняли по индивидуальным заказам, массовое производство не было развито. Повсеместное распространение форм аббасидского искусства³⁶⁰ вело к сглаживанию местных черт. Все же,

как показывает статья Б. И. Маршака о литых кувшинах³⁶¹, изучение школ медников IX—X вв. в их развитии и взаимодействии вполне осуществимо.

Для раннеисламских бронз типично преобладание гравированного декора. Гравировка иракского (?) блюда IX—X вв. (табл. 44) следует принципам аббасидского орнамента («ковровое» заполнение украшаемой поверхности, доминирование кривых линий, симметричность, плоскостность, большая роль растительных мотивов). Эти черты свойственны штуку Самарры, в котором встречаем общие элементы с блюдом.

«Лицевые» сосуды (табл. 45, 4—6; 46, 2) свидетельствуют о сохранении в бронзах первых веков ислама античной традиции, переданной через посредство Византии (бронзовые сосуды V—VII вв. в форме человеческих голов).

Курильницы XII—начала XIII в. (табл. 46, 3, 4)

Ал-Газали относил к числу подлежащих уничтожению «сосуды, изготовленные в виде фигуры, так, верх некоторых курильниц бывает в виде птицы»³⁶². Практика отклонялась от религиозной доктрины: хорошо известны литые водолеи и курильницы в виде зверей и птиц, относимые к ирано-кавказскому и фатимидскому центрам³⁶³.

Общий признак курильниц в форме хищника семейства кошачьих — ажурная проработка их поверхности (отверстия для дыма) и повышенная декоративность. Экземпляры из Лувра, Тегеранского музея и Эрмитажа связаны с Ираном (Хорасан). Курильница из Дманиси — закавказской работы. По форме и орнаменту киевская находка ближе иранской традиции.

Бронзовые ступки. Малая Азия и Армения. Первая треть XIII в. (табл. 47)

Массивные литые ступки с миндалевидными выступами, видимо, использовали в фармацевтике для приготовления лекарств. Малоазийско-армянские ступки снаружи восьмигранные, а внутри круглые. Ведущий мотив гравировки — лопастная арка с килевидным завершением. Ручка иногда оформлена в виде бычьей головы. Одна из таких ступок найдена при раскопках в армянском замке Амберд, разрушенном монголами.

Инкрустированные бронзы XII—XIII вв. (табл. 48; 49)

В бурно развивавшихся городах Восточного Ирана и Месопотамии расцвело массовое производство инкрустированных бронз. Оно стимулировалось увеличением спроса: от работы на заказ ремесленники постепенно переходят к работе на рынок. Сокращение выпуска серебряной посуды было обусловлено расчетом на массового покупателя, тогда как запасы серебра оставались ограниченными и

³⁵⁶ И. А. Орбели, 1938б, стр. 268.

³⁵⁷ В. А. Гордлевский, 1941, стр. 104.

³⁵⁸ В. П. Даркевич, 1975.

³⁵⁹ Бируни, 1963, стр. 246.

³⁶⁰ Б. И. Маршак, 1972, стр. 85.

³⁶¹ Там же.

³⁶² О. Г. Большаков, 1969, стр. 149.

³⁶³ М. М. Дьяконов, 1947а.

Таблица 42
 Вещи из Бердянского клада и Херсонеса
 1—3 — Бердянск (№ 111); 4—6 — Бердянск (№ 110); 7 — Херсонес (№ 106)

Таблица 43
Серебряные изделия

1—3 — фрагменты серебряного кувшина (Губдор, № 46); 4, 5 — Ржищев (№ 103а); 6, 7 — ларец из Кракова («реликварий св. Станислава»)

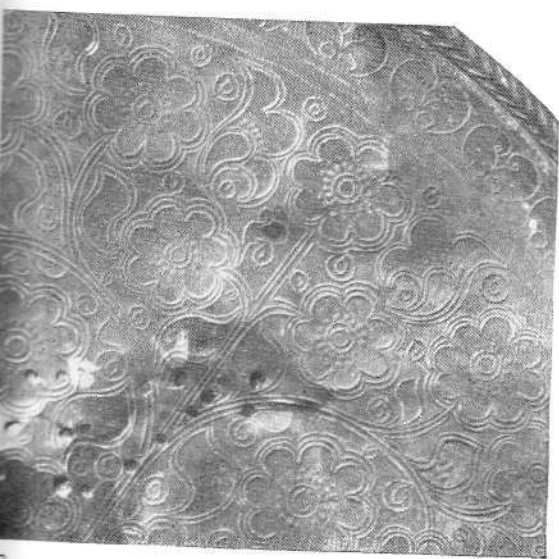
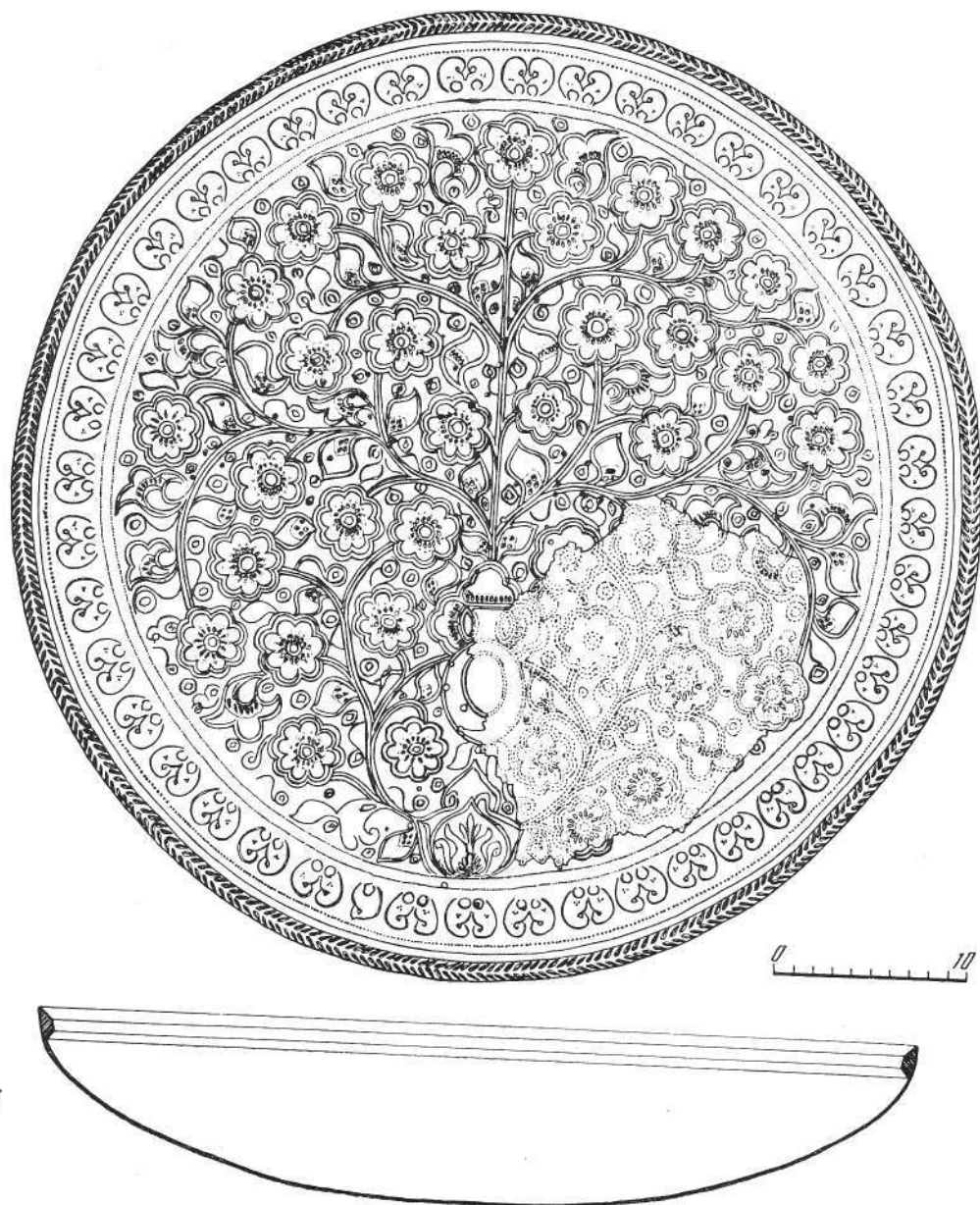

Таблица 44
Бронзовое блюдо

1 — общий вид (прорисовка орнамента); 2, 3 — детали. Торонец (№ 98).

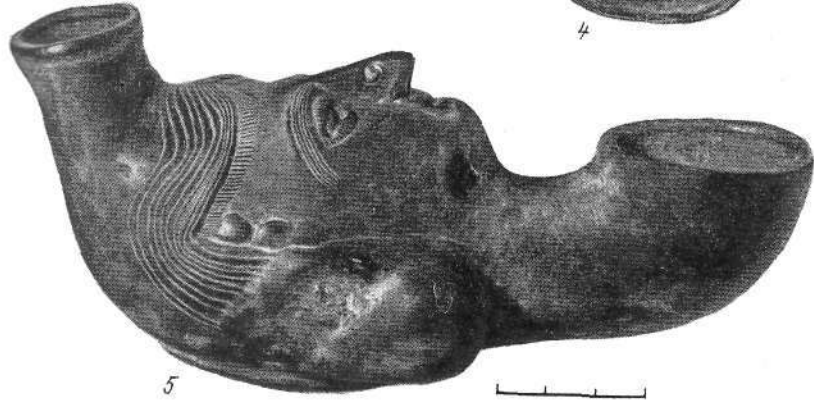
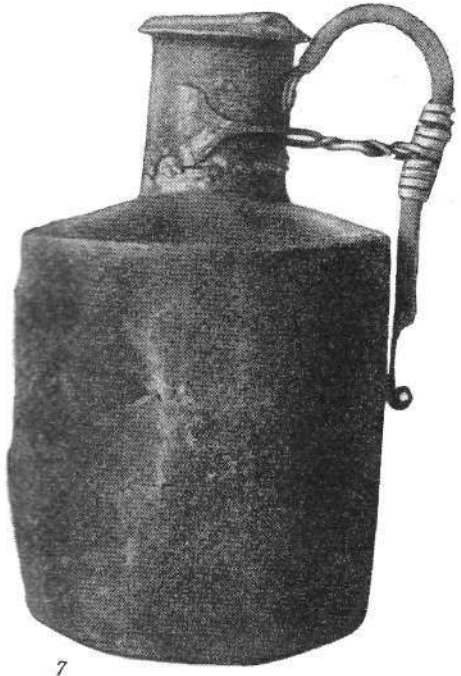
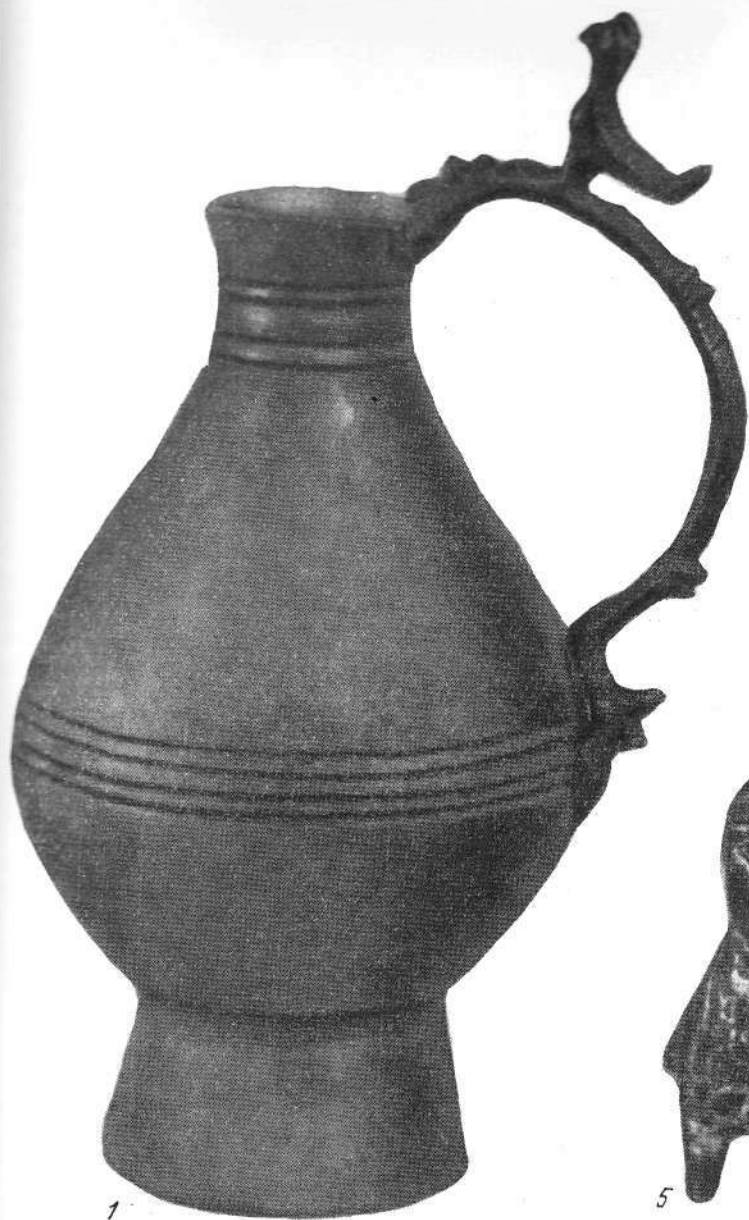

Таблица 45

Бронзовые сосуды

1 — ведро из Лядинского могильника (№ 93); 2 — надпись на ручке; 3 — надпись на тулове; 4-6 — Гнездово (№ 99); 7 — Татарский Толкиш (№ 91а)

1

2

5

3

4

6

Таблица 46

Бронзовые сосуды и их детали

1 — Новгород (№ 96); 2 — Великие Луки (№ 97); 3, 4 — Киев (№ 102); 5, 6 — Альметьево (№ 91)

Таблица 47
 Бронзовые ступки и пенал

1, 2 — Херсонес (№ 108); 3, 4 — Херсонес (№ 107); 5 — Сахновка (№ 103); 6—8 — Херсонес (№ 109)

распыленными. Его начинают использовать преимущественно для инкрустации. Сочетание коричнево-оливковой бронзы, красной меди и серебра (иногда и золота) создавало эффект полихромии, усиленный применением черни.

Около середины XII в. мастерские по изготовлению бронзовой утвари с инкрустацией серебром и медью возникли в Хорасане. «Из Герата вывозятся в другие местности всякого рода диковинки, например медные сосуды, инкрустированные серебром» (Казвини, XIII в.)³⁶⁴. Для выделения хорасанских изделий особенно важен гератский котелок 1163 г.³⁶⁵ Их отличительный признак — розетки из семи кружков (табл. 49, 5). Стиль, созданный медниками Герата, Нишапура, Мерва и Систана, был усвоен на Ближнем Востоке³⁶⁶. В первой половине XIII в. расцвет техники инкрустации связан с Мосулом на севере Месопотамии. К середине столетия его продукция все возрастает и все богаче украшается серебром. В декоре бронз мосульской школы доминируют фигуры людей и животных: всадники, которые играют в поло или охотятся (табл. 48; 49); владетели на пиру, развлекаемые танцорами и музыкантами; знаки Зодиака; звери, бегущие цепочкой друг за другом, и т. д. Фоны покрыты тугими завитками с пальметками и полупальметками или Т-образными фигурами³⁶⁷. Характерны круглые медальоны с Y-образным заполнением, которые встречаем также на иранских бронзовых изделиях XIII—XIV вв.³⁶⁸ Мастера Мосула, спасаясь от монголов, достигли Южного Ирана, Сирии и Египта, где при Мамлюках во второй половине XIII в. организовали производство бронзовых изделий с инкрустацией серебром и золотом. По сравнению с мосульскими их декор модифицировался³⁶⁹.

*

С X по XIII в. в исламском металле нарастает декоративное начало. Происходит усиление роли фона композиций, который эволюционирует от растительных к геометрическим завиткам (рис. 15). Возрастает удельный вес «чистого» орнамента: основные сюжеты неразрывно связаны с «арабесками». Фигуры человека и животных утрачивают монументальность, свойственную, к примеру, сасанидскому серебру. Они не занимают всю поверхность предмета, а вписаны в узкие фризы или медальоны, которые становятся излюбленной формой обрамления. Стилизацию в изобразительном искусстве справедливо сравнивают с литературным стилем XII—XIII вв. (иранская придворная касыда, Низами и т. д.), которому присущи тщательная, изощренная отделка и внешняя декоративность³⁷⁰. Как узор инкрустированных бронз (табл. 48; 49), словесная ткань касыды сплетается из многократного повторения традиционных мотивов³⁷¹.

Повышение роли растительно-геометрических бстракций совпадает с начавшейся в XI в. орто-

доксальной реакцией в исламе³⁷². К этому времени в Иране подавляющее большинство населения стало мусульманским³⁷³. В Сельджукскую эпоху произошел окончательный разрыв Персии с сасанидским преданием³⁷⁴. Исчезают геральдические эмблемы Сасанидов (Сенмурв), механически воспроизводимые еще в X в. (табл. 27, 2; 28, 1). Перестают отливать «лицевые» сосуды (табл. 45, 4—7; 46, 2). Правда, благодаря литературе некоторые светские сюжеты, известные сасанидскому искусству, получили особое распространение в XII—XIII вв. (Бахрам-Гур и Азад на охоте).

Стремление к отвлеченным орнаментальным формулам еще не означало «потери сюжета». В XII—XIII вв. запрет изображать живые существа не распространялся на деятельность художников-миниатюристов, керамистов и ткачей³⁷⁵. В круг допустимых предметов с изображениями входила и металлическая столовая посуда, которую употребляли в быту феодалов и зажиточных горожан. Как и в других видах прикладного искусства, в ее стиле торжествует «синтез конкретного и отвлеченного, натуралистического и декоративного»³⁷⁶. Тематика, отмеченная печатью традиционности, отражает идеалы светской аристократии:

*Арканом и луком владеть, и уздой
И тешиться в поле лихою ездой,
С гепардом и соколом мчаться на лов,
Обряд соблюдать богатырских пиров,
Страной управлять, строить грозную рать.*
ФИРДОУСИ. Шахнаме

Стремление к праздничности бытия, умение наслаждаться отдыхом в созданном на земле «парадизе» отразились в сценах придворных увеселений — пиров с музыкой и танцами (табл. 34, 1; 35, 2; 38, 1, 5) и охот в заповедных парках (табл. 31, 4; 37; 38, 3; 48, 4). В композиции художник следует иконографическому канону. Но как и поэт, который воспекает окружающий мир, он вместе с тем проявляет тонкую наблюдательность, любовь к достоверному воссозданию бытовых мелочей:

*То я с охотничьими барсами ловлю туров и сайг —
То с соколами ловлю куропаток и рябчиков.
Выгнав горного оленя из гор, я направляю на
Равнине на него барса.
Я испытываю соколов против фазанов — я спускаю
псов против туров.*

ФЕХРЕДДИН ГОРГАНСКИЙ. Виса и Рамин³⁷⁷

Со знанием дела показана игра в поло (табл. 48):

*Сошлись две дружины в игре удалой,
И небо от пыли подернулось мглой.
Шум, клики . . . Несутся наездники вскачь,
То мяч у того, то у этого мяч.*

ФИРДОУСИ. Шахнаме

Это искусство, замкнутое пределами дворца, служило прославлению богатства и знатности владетеля, одновременно развлекавая его. Будучи

³⁶⁴ К. А. Иностранцев, 1916, стр. 51.

³⁶⁵ Н. И. Веселовский, 1910.

³⁶⁶ М. S. Dimand, 1947, стр. 138.

³⁶⁷ G. Migeon, 1927, стр. 35.

³⁶⁸ А. А. Иванов, 1967, стр. 102.

³⁶⁹ G. Migeon, 1927, стр. 37.

³⁷⁰ А. Н. Болдырев, 1938, стр. 117.

³⁷¹ Е. Э. Бертельс, 1939, стр. 29.

³⁷² О. Г. Большаков, 1969, стр. 149.

³⁷³ И. П. Петрушевский, 1966, стр. 37.

³⁷⁴ В. В. Бартольд, 1971 г., стр. 372.

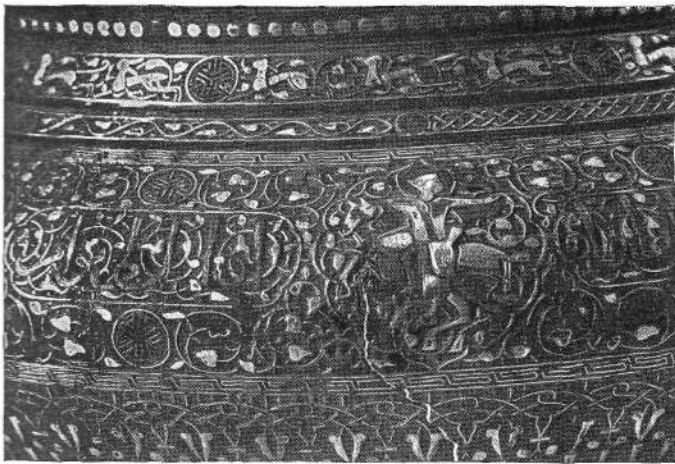
³⁷⁵ О. Г. Большаков, 1969, стр. 151.

³⁷⁶ Т. Х. Еникеева, 1969, стр. 17.

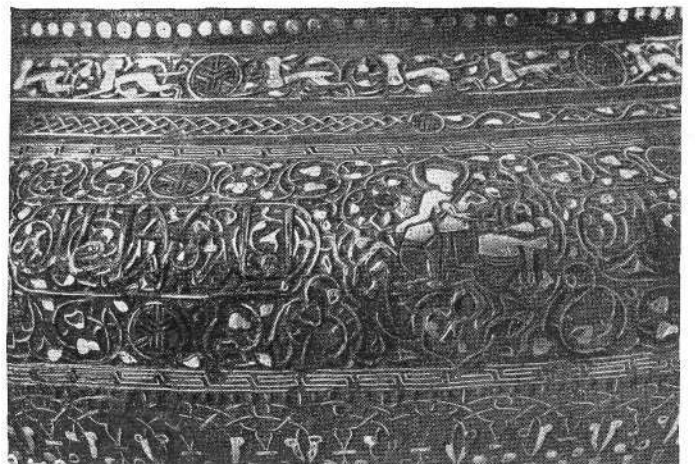
³⁷⁷ А. Е. Крымский, 1909, стр. 426.

1

2

3

4

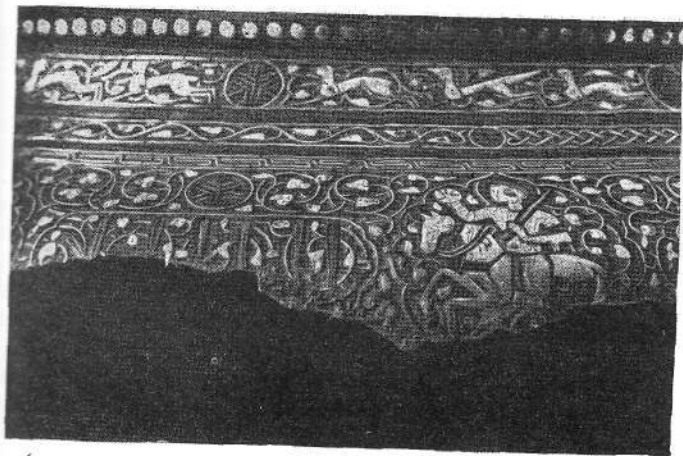

5

Таблица 48
 Бронзовая чаша
 Болгары (№ 89)

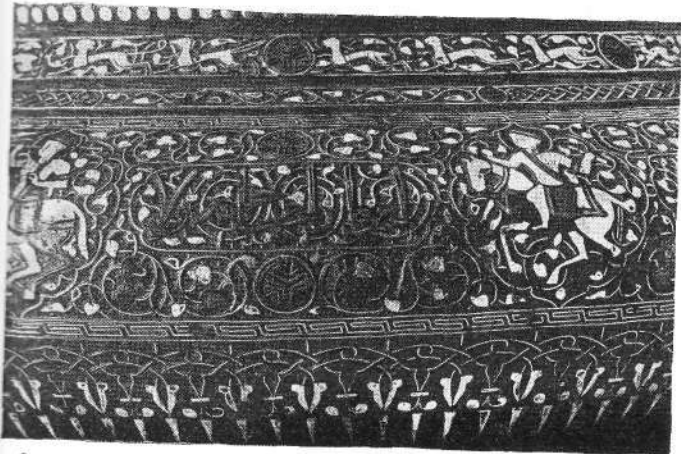
1 — общий вид; 2—5 — детали (в порядке размещения по часовой стрелке)

1

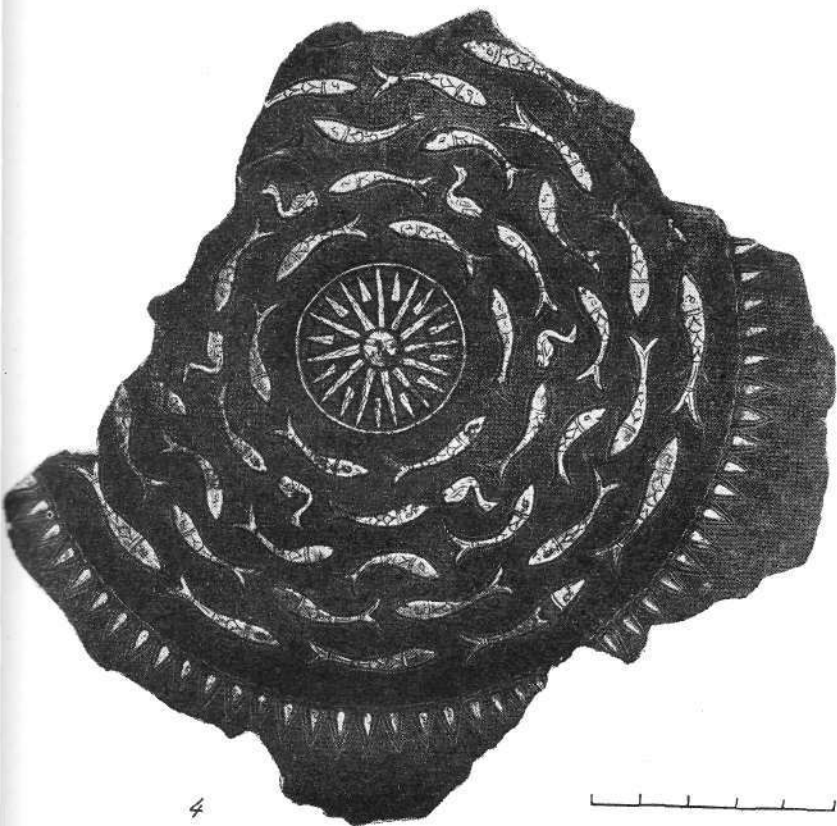
2

3

5

4

6

Таблица 49

Бронзовые чаша, чернильница и кувшин

1-4 — Болгары (№ 89, детали); 5 — Кульбаева Мураса (№ 90); 6 — Комсомольское (№ 16а)

составной частью эстетизированного быта светских феодалов, оно не подчинялось жестким требованиям мусульманских ригористов.

Охоты и пиры сопровождаются знаками сословного отличия — геральдическими львами (табл. 37, 8; 38, 1). Коронованные сфинксы и птицы с человеческими ликами (табл. 37, 9; 43) сулят счастье повелителю. Те же образы на знаменах иранских богатырей у Фирдоуси:

Стяг с образом льва над его головой

А в лапах у льва — добрый меч с булавой. . .

Стяг с птицей Хомай над главой вознесен.

ФИРДОУСИ. Шахнаме

Стремление к жанру и иллюстративности, например в передаче литературных сюжетов в приклад-

ном искусстве и книжной миниатюре XII—XIII вв.³⁷⁸, не исключало символизма некоторых образов, восходящего к доисламским верованиям. В металле процветала астрологическая символика: рыбы и утки вокруг солнца (табл. 49, 4), колеса из сросшихся зайцев (табл. 34, 6), львы по сторонам солярной розетки (табл. 30, 7), знаки Зодиака. Символическую сторону в искусстве ислама нельзя недооценивать, хотя многие художники повторяли традиционные мотивы, не понимая их смысла. Птицы, «сирены», сфинксы и львы на ручках сосудов (табл. 27, 1; 42, 4, 7; 46, 1, 5, 6) и поясных накладках (табл. 40, 4, 9; 41, 11, 12), подобно благопожелательным надписям, играли роль талисманов, дарующих благополучие владельцу вещи.

.....

³⁷⁸ Г. Н. Балашова, 1972.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВРЕМЯ, ПУТИ И ПРИЧИНЫ ПОСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИМПОРТА

Кто из алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь, и тело, и имущество, не страшится разбойников, и бродяг, и пожирающих людей хищников, и небезопасных путей, людям (запада) доставляет блага востока, а людям востока доставляет блага запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это — не кто иной, как купец.

КАБУС-НАМЭ

Все накопленное неизбежно рассеивается, а то, что расходуется, исчерпывается.

БИРУНИ

Археологические материалы — первостепенный источник сведений о торговле с Ближним и Средним Востоком в раннем Средневековье¹. Они делятся на две основные категории: 1. Предметы массового ввоза — монетное серебро, стеклянные и каменные бусы, раковины каури — наиболее важны для изучения экономических связей. Во-первых, они поступали, как правило, в результате торговли, т. е. являлись товаром. Во-вторых, они характеризуют как внешнеторговые контакты, так и повседневный внутренний обмен — показатель экономического развития региона. Массовый импорт имел широкий рынок сбыта во всех слоях общества. В-третьих, массовый материал с большей достоверностью помогает воссоздать направления связей, степень их интенсивности и т. д. 2. Предметы роскоши: утварь из серебра, поливная и стеклянная посуда, шелка — «оксамиты», «фофуды». Ввиду высокой стоимости сравнительно с весом дальняя торговля ими была особенно выгодна при крайней трудности и дороговизне транспортировки. В Восточную Европу «паволоки и сосуды различные» попадали также в числе посольских даров², вместе с иностранными эмигрантами, в качестве торговой пошлины или военной добычи. Драгоценные вещи, характеризующие главным образом международные

связи, оседали в сокровищницах светской знати и ризницах монастырей, превращаясь в «недвижимое имущество». В меньшей степени это применимо к изделиям из серебра, которые при переплавке в денежные слитки или монеты снова вступали в сферу обращения.

Определение родины импортных предметов позволяет установить страны, с которыми велся обмен. Его могли осуществлять транзитом или через страны-посредники, расположенные на главных коммуникациях. Переходя из рук в руки, предметы импорта зачастую перевозились из конца в конец Евразии. Их хронология намечает периоды зарождения, расцвета и постепенного затухания связей с определенным районом. Поскольку значение торговых центров и путей со временем менялось, хронология вещей помогает выявить роль каждого из них в тот или иной период. Топография предметов импорта дает возможность реконструировать пути сообщения. Концентрация находок определяет главные направления и торговые пункты. Наконец, условия находок предметов импорта характеризуют социальный состав участников обмена.

Анализ материала, проведенный в предыдущих главах, позволяет суммировать полученные данные (см. табл. I—IV).

В истории связей Восточной Европы с Ближним и Средним Востоком в домонгольское время можно выделить два периода: VIII—X вв. и XI—первая половина XIII в. Первый период совпадает со становлением феодальных отношений на Руси и в ряде других европейских государств, второй — ранний и начало развитого феодализма. Они различаются интенсивностью обмена (IX—X века иногда на-

¹ О продуктах сельского хозяйства и лесных промыслов, вывозимых на Восток, можно судить только по письменным источникам. Археологически неуловимы также восточные товары, как благовония, пряности, сушеные фрукты. Сравнительно редко сохраняются ткани.

² Среди подарков начальнику войска огузов Ибн Фадлан упоминает мервские одежды, одеяния из парчи и шелка, покрывало, перстень (А. П. Ковалевский, 1956, стр. 129).

Таблица I

Хронология восточного художественного импорта *

Датировка предметов		Количество предметов	
Рубеж VII—VIII вв.	8	IX—X вв.	15
Первая половина VIII в.	5	X—XI вв.	2
VIII в.	13	XI в.	9
Вторая половина VIII—первая половина IX в.	32	XI—XII вв.	7
VIII—IX вв.	12	Вторая половина XII—первая половина XIII в.	17
		XIII в.	6
<i>Итого</i>	126		

* Сосуды до VIII в. (например, сасанидские) в таблицы не вошли, так как поступили не ранее конца VII в., а в основном — позднее. Наборы поясных бляшек в кладе считаем за один предмет.

Таблица II

Происхождение восточного художественного импорта

Место изготовления	Количество предметов	
	VIII—X вв.	XI—XIII вв.
Иран	9	6
Восточный Иран (Хорасан)	8	1
Герат (?)	—	1
Хорасан и Мавераннахр (государство Саманидов)	4	—
Хорасан (государство Газневидов)	—	1
Иран или Средняя Азия	1	8
Средняя Азия	8	1
Согд	1	—
Хорезм	7	—
Семьречье	2	—
Восточные районы Средней Азии	29	—
Восточные районы Средней Азии или Восточный Туркестан	7	—
Ирак	1	—
Мосульская школа	—	1
Малая Азия, Киликия, Армения	—	8
Малая Азия или Сирия	—	1
Происхождение неясно	8	13
<i>Итого</i>	85	41

зывают «арабским периодом» восточноевропейской торговли), статьями ввоза (на первом этапе преобладало серебро) и отчасти направлениями связей. Если вначале основные магистрали — Волга, Дон, Донец, то впоследствии при сохранении волжской коммуникации все большее значение приобретает днепровский путь, возрастает посредническая роль Константинополя и малоазийских гаваней.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Согласно археологическим и нумизматическим данным народы Юго-Восточной Европы довольно рано вошли в соприкосновение с мусульманским миром. Появление восточной серебряной посуды в Дагестане, на Северном Кавказе и Украине на рубеже VII—VIII вв. (табл. 50, II) связано с торговлей и походами хазар, которые завоевали степное Пред-

Таблица III

Распределение восточного художественного импорта

Пути сообщения	Места находок предметов импорта	Количество предметов	
		VIII—X вв.	XI—XIII вв.
Волга—Кама—Вятка	Бассейн Вятки и Чепцы	9	2
	Нижнее Прикамье и бассейны Белой и Урала	4	2
	Среднее Прикамье	20	3
	Верхнее Прикамье	25	7
	Прикамье	11	—
Кама—Белая—Уфа—Исеть или Кама—Чусовая	Бассейн Тобола и Среднее Приобье	4	1
	Нижнее Приобье	—	5
Кама—Вишера—Северная Сосьва	Волга или сухопутный путь из Хорезма	1	3
	Волга—Ока	2	—
Бассейн Верхней Волги—Ловать—Ильмень—Волхов	Верхняя Волга	—	2
	Новгород	—	1
	Бассейн Ловати, верхнее течение Западной Двины и Днепра	1	—
Волга—Верхний Днепр	Торопец	1	—
	Гнездово	1	—
	Среднее Поднепровье	1	7
Керченский пролив—Азовское море—Дон	Херсонес	—	4
	Северное Приазовье	1	3

Таблица IV

Обстоятельства находок восточного художественного импорта

Категория находок	Условия находок		
	в составе кладов	в могильниках	на территории средневековых городов (при раскопках, случайные находки)
Серебряные сосуды	76	4	—
Серебряные украшения	10	1	—
Бронзовая утварь	1	3	8

VIII—X вв.

кавказье и контролировали низовья Дона³. Иранские сосуды происходят из богатых кочевнических погребений рубежа VII—VIII вв. (Перецепино, Глудосы, Павловка)⁴. На Северном Кавказе, в

³ Г. Ф. Корзухина, 1955, стр. 74.

⁴ Судя по наличию уздечки и седла со стременами, комплекс из Павловки — не клад, а погребение (архив ЛОИА, ф. 11, д. 330, № 83). Перецепинским сокровищем, вероятно, владел один из хазарских вождей (Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 8—12).

Подонье и Приазовье, т. е. в пределах Хазарского каганата, обнаружены клады дирхемов, зарытые до 833 г. (табл. 50, II). Соответствуют ареалу серебряных сосудов и отдельные находки куфических монет VIII—начала IX в. (Дагестан, Северная, Осетия, Ростовская, Сумская, Харьковская обл.)⁵. В Саркел ввозили ближневосточную и среднеазиатскую поливную посуду IX—X вв.⁶

Судя по топографии находок (табл. 50, II), иранское серебро VI—VII вв. попадало в степи дорогой, описанной Ибн Хаукалем около 977—978 гг.: «От Абаскуна по левому берегу моря тянутся до земель хазар смежные населенные местности. . . Когда ты начнешь с Абаскуна и пройдешь через территорию Джурджана, Табаристана, Дейлема и Джиля, а затем войдешь в пределы Аррана и когда пройдешь Мукан до пределов Баб-уль-Аббаба (Дербента). . . , то будешь идти до области Семендер 4 дня. . . , а от Семендера до Итиля 7 дней по степи»⁷. От Семендера маршрут шел на север, затем на запад вдоль Терека или Кумы через земли алан, посредников в торговле халифата с Хазарией⁸, потом по Кубани или Маньчу выводил в Приазовье. По пути Багдад—Хамадан—Рей—Закавказье мог попадать на Нижний Дон месопотамский люстр IX—X вв. В Тмутаракани найден фрагмент сосуда с подглазурной росписью кобальтом, аналогичного керамике Самарры (табл. 53, II)⁹.

Дорога на Северный Кавказ через Дарьяльское ущелье документирована находками сиро-египетского стекла IX—XI вв. в Двине, Ани, Дманиси и аланском могильнике у ст. Змейской (табл. 53, II)¹⁰. Из Закавказья через «Аланские ворота» (Дарьяльское ущелье) в долину Терека были направлены походы багдадских полководцев Масламы (727 г.) и Мервана (737 г.). В поисках «стены Гога и Магога» из Самарры через Армению, Тифлис, владения «короля алан» и хазарского царя около 845 г. проследовал Саллам Переводчик, возможно достигший Великой Китайской стены¹¹.

Активно функционировал и морской путь вдоль западных берегов «Хазарского моря». Согласно Масуди (около 895—956), между областями Южного Прикаспия и Итилем постоянно курсировали торговые суда¹². По Каспию плавали «купцы из мусульманских стран в землю хазар и между Арраном, Гилянном, Табаристаном и Джурджаном»¹³.

Среднеазиатские серебряные сосуды VII—VIII вв., в том числе хорезмийский (Дагестан, Азов), могли завезти по тому же ответвлению «шелкового пути», по которому на Северный Кавказ (Мощевая Балка, Хасаут) поступали согдийские и китайские шелка. Трасса вела вдоль Аральского моря к низовьям Волги, затем в «Аланию» и Причерноморье¹⁴. На блюде с Шапуром II из Перещепина нанесены со-

гдийские цифровые знаки¹⁵. В Саркеле обнаружен кусок бумаги из Самарканда, где ее изготовляли до 810 г.¹⁶ К начальному периоду жизни Саркела (IX—X вв.) относится керамика Мавераннахра с люстровидной росписью¹⁷. В Средней Азии или Иране исполнена найденная в Саркеле костяная шахматная фигурка слона с погонщиком (рис. 16)¹⁸. С хазарской таможней в устье Дона связывают находку среднеазиатской кружки в Азове¹⁹.

Не позднее IX в. мусульманские мореходы освоили путь из Черного в Азовское море (через Керченский пролив) и вверх по Дону. Масуди (писал в 40-х годах X в.) использовал информацию купцов, которые отправлялись в страну хазар по морю Майотис — Азовскому²⁰. По названию их исходной гавани Бируни (972—1048) именуется Черное море «морем Трапезунта»²¹. Согласно Масуди, в Трапезунте «ежегодно бывают базары, привлекающие большое число торговцев из мусульман, румийцев, армян и других»²². Маршрут купцов-русов из Черного в Каспийское море описан Ибн Хордадбеком и Ибн ал-Факихом (источник этих авторов относится к 40-м—50-м годам IX в.)²³. Русы вывозили меха и мечи «из крайних пределов славянства» к Румскому (Черному) морю²⁴, где с них брал десятину румский властелин (византийский наместник в Крыму?). Затем они плыли по морю до «Самкуша еврейского» (Тмутаракань?), по Танаису — «реке славян» — и через переволоку попадали в «пролив столицы хазар» (дельта Волги), откуда отправлялись к «Джурджанскому морю» — Каспию. Тем же путем следовали в прикаспийские области военные дружины русов (Масуди о походе, состоявшемся после 912 г.)²⁵.

Сбыт позднеасанидского серебра в Хазарию и зависимые от нее земли связан с идеологическим пересмотром художественных ценностей после арабского завоевания Ирана. Произведения торевтики вывозят из тех же областей (Джурджан, Табаристан, Иранский Азербайджан), откуда, по сообщению Ибн Хаукаля, к хазарам поступали одежды²⁶. Регулярные связи между северными провинциями халифата и Юго-Восточной Европой с рубежа VIII—IX вв. (по находкам куфических монет) не ограничивались Хазарским каганатом. Через земли салтовцев они простирались до верховьев Северского Донца, Верхнего Дона, левых притоков

⁵ В. В. Кропоткин, 1967, стр. 120—124; Он же, 1968, стр. 74—78.

⁶ Т. И. Макарова, 1967, стр. 32—33.

⁷ Н. А. Караулов, 1908, стр. 107.

⁸ Масуди писал об аланских купцах среди печенегов и венгров в середине X в. (Т. Lewicki, 1949—1950, стр. 334).

⁹ Т. И. Макарова, 1967, стр. 34.

¹⁰ Н. Н. Бусятская, 1972, стр. 83—84, 87.

¹¹ Р. Хенниг, 1961, стр. 180 и сл.

¹² Н. А. Караулов, 1908, стр. 50.

¹³ Б. Н. Заходер, 1955, стр. 115; Он же, 1962, стр. 24.

¹⁴ А. А. Иерусалимская, 1967, стр. 72—73.

¹⁵ Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 19.

¹⁶ М. И. Артамонов, 1958, стр. 54.

¹⁷ Т. И. Макарова, 1967, стр. 33.

¹⁸ М. И. Артамонов, 1958, стр. 75, рис. 51, I. Ср. шахматного слона XI в. из Национального музея Флоренции (SPA, IX, 1939, табл. 1435A). Шахматная фигурка слона найдена в 1972 г. при раскопках кушанского городища Дальверзин-тепе (Узбекская ССР).

¹⁹ Г. Ф. Корзунина, 1955, стр. 74. Находки в Средней Азии серег салтовского типа и бронзового салтовского топора — свидетельства контактов с подвластными хазарам землями (Б. Я. Ставиский, 1960а, стр. 117).

²⁰ А. Я. Гаркави, 1870, стр. 127—128; Н. А. Караулов, 1908, стр. 39.

²¹ В. М. Бейлис, 1962, стр. 28.

²² Н. А. Караулов, 1908, стр. 41.

²³ А. П. Новосельцев, 1965, стр. 386.

²⁴ Мечи X в. с надписью Ulfberht найдены на Нижнем Днепре (А. Н. Кирпичников, 1966, стр. 48).

²⁵ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 199; Б. Н. Заходер, 1967, стр. 85.

²⁶ Н. А. Караулов, 1908, стр. 115.

Днепра—Десны с Сеймом, Сулы, Псла и Ворсклы²⁷. На роменско-боршевских городищах найдены ранние клады и много единичных куфических монет (табл. 52)²⁸. В обмен на дирхемы или как дань хазарам («по белке от дыма», согласно Повести временных лет) роменцы, вероятно, поставляли меха. Лесостепь и южная полоса лесной зоны были благоприятны для пушного промысла. Здесь водились бобр, куница, лисица²⁹. Через посредство салтовцев и хазар меха вывозили в халифат. Как транспортную силу использовали двугорбых верблюдов³⁰, караваны которых доходили до Киева³¹. Не исключено, что в район роменско-боршевской культуры иногда проникали и арабские купцы³². Отсюда их хорошее знание Танаиса как «славянской реки» (Ибн Хордадбех, род. около 820 г.³³; Димашки, 1256—1327³⁴). «Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами» (Масуди)³⁵. С печенежским вторжением в Причерноморье в конце IX в. связи по Донцу между славянами лесостепи и народами Юго-Восточной Европы прервались³⁶.

Сасанидские сосуды попадали к хазарской знати и как военные трофеи. С VII в. хазары совершали нападения на Закавказье. В 730—731 гг. они проникли в глубь халифата до Мосула³⁷. К числу награбленных в Иране, вероятно, относятся два золотых сосуда из Перешепина³⁸. Часть серебра могла поступать к хазарам в виде десятины с провозимых товаров³⁹. Серебряную чашу табл. 25, 6, возможно, доставили в Дагестан хорезмийские переселенцы⁴⁰.

ДИНАМИКА СВЯЗЕЙ С ВОСТОКОМ В IX—X вв.

До начала IX в. торговля по великому волжскому пути носила спорадический характер (в Прикамье известны клады сасанидских монет VII в. с монетами V—VI вв.)⁴¹. Большая часть сасанидских сосудов и византийских блюд VI—VII вв. поступила на Урал не ранее IX в.⁴² О запоздалом ввозе свидетельствует и нумизматический материал: сасанидские монеты попадали в Восточную Европу как

Рис. 16

Шахматная фигура слона из Белой Вежи

примесь к куфическим, а монеты VIII в. обильны в кладах второй половины IX в.⁴³ Не ранее IX в. восточный художественный импорт проникает на Оку, Верхний Днепр, в Верхнее Поволжье и Скандинавию (табл. 53, I). Согласно Р. Р. Фасмеру, «кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»⁴⁴. По В. Л. Янину, проникновение дирхема в Европу начинается несколько раньше — в 70-х—80-х годах VIII в.⁴⁵ А. А. Быков относит начало регулярного притока куфической монеты к славянам и финнам приблизительно к 800 г. В Белоруссию и Польшу она поступает не раньше IX в.⁴⁶ В Скандинавию и на Готланд куфическую монету начали ввозить с начала IX в.; там нет ни одной находки VIII в.⁴⁷

В арабоязычной географической и исторической литературе подробная информация о хазарах появляется в первой половине IX в., о славянских племенах и волжских булгарах — со второй половины столетия. Русы известны арабской географии с середины IX в.⁴⁸ К тому же веку относятся первые арабские сообщения о балтийском янтаре⁴⁹. В X в. сведения о славянах стали более подробными (Масуди, Ибн Хаукаль)⁵⁰.

IX—первая половина X века — время подлинного открытия мусульманскими купцами европейского севера. К VIII—X вв. принадлежат 85 предметов художественного импорта из 126 предметов VIII—XIII вв. Из 89 восточных кладов на Урале

²⁷ С верховьев Оскола через волок и по р. Тихая Сосна спускались к Дону (концентрация монетных кладов).

²⁸ И. И. Ляпушкин, 1968, стр. 152.

²⁹ На роменских городищах видное место занимают кости бобра (37,8% диких особей), встречены кости куницы (В. И. Цалкин, 1956, стр. 129). Судя по находкам в Саркеле, бобры были распространены до низовьев Дона (М. И. Артамонов, 1958, стр. 39).

³⁰ Кости верблюда найдены на Большом Боршевском городище (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, 1948, стр. 57) и городище Титчиха (В. В. Кропоткин, 1973, стр. 229).

³¹ Кости верблюда были найдены в Вышгороде под Киевом и в самом Киеве (В. В. Кропоткин, 1973, стр. 230).

³² И. И. Ляпушкин, 1968, стр. 152.

³³ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 147.

³⁴ А. Я. Гаркави, 1870, стр. 55.

³⁵ Там же, стр. 140.

³⁶ И. И. Ляпушкин, 1968, стр. 152—153.

³⁷ А. П. Новосельцев, 1965, стр. 367.

³⁸ Б. И. Маршак, К. М. Скалон, 1972, стр. 42.

³⁹ Г. Ф. Корзугина, 1955, стр. 74.

⁴⁰ О политических связях Хазарии и Хорезма см.: С. П. Толстов, 1948б, стр. 226 и сл.

⁴¹ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 19.

⁴² Я. И. Смирнов, 1910, стр. XXIX; В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 136; Он же, 1971б, стр. 19.

⁴³ Р. Р. Фасмер, 1933, стр. 477.

⁴⁴ Там же, стр. 476.

⁴⁵ В. Л. Янин, 1956, стр. 84.

⁴⁶ А. А. Быков, 1971, стр. 30; Очерки по археологии Белоруссии, стр. 165; R. Kiersnowski, 1960, стр. 495.

⁴⁷ T. J. Arne, 1925, стр. 252; В. М. Потин, 1970, стр. 66.

⁴⁸ T. Lewicki, 1961, стр. 101—102, 105, 106.

⁴⁹ T. Lewicki, 1952, стр. 176.

⁵⁰ T. Lewicki, 1961, стр. 101.

19 датированы концом VII—IX в., 58 — IX—XI вв. К IX—X вв. относится основная часть импорта серебра на Урал (около 110 сосудов)⁵¹. Поступление куфических монет в Восточную Европу также идет по восходящей линии. По требующим дополнительных подсчетам В. Л. Янина, к концу VIII—началу X в. принадлежат 60 кладов, к X в. — 93⁵². Граница распространения дирхема охватывает значительную часть Европы. От начала IX в. до 950—960 гг. он доминирует в монетных кладах Руси, Скандинавии, Польши, на землях полабских славян, в Чехии и Словакии⁵³. Разница в 14 лет между возможной датой сокрытия кладов и временем выпуска младших монет в их составе (по материалам Неревского раскопа в Новгороде) свидетельствует об активности движения товаров в X в. по волжскому пути⁵⁴. Итенсивность торговли Саманидов с севером подтверждают польские клады (между датой выпуска и датой сокрытия — от двух десятков до нескольких лет)⁵⁵.

Начало торговли с севером совпадает с первым столетием господства Аббасидов (вторая половина VIII—первая половина IX в.), когда завершается становление Багдадского халифата как феодального государства. Все большую роль в его экономике начинают играть города (особенно Багдад) с развитой системой ремесел, торговли, денежных отношений. Совершенствуется дорожная служба. Широко поставленная добыча серебра в Иране и горах Гиндукуша служит базой оживленного обмена. В поисках рынков сбыта и источников сырья мусульманские купцы устремляются в «неведомые земли» севера. Преобладание аббасидских дирхемов (чеканены в Багдаде, Хамадане, Нишапуре, Самарканде, Бердаа и др.) в кладах IX в. связано с торговой экспансией халифата в области, богатые пушшиной. С VIII в. спрос на собольи, куньи, горностаевые, бобровые, беличьи меха на мировом рынке чрезвычайно возрос. По словам Масуди, они шли на отделку головных уборов, кафтанов и шуб арабских и неарабских царей⁵⁶. Особенно ценили меха собелей и черно-бурых лисиц. Кроме пушнины, распространявшейся от Испании до Китая, в число восточноевропейских экспортных товаров входили мед, воск, лен, выделанные кожи, дерево халандж (береза?), янтарь, мамонтовая кость и моржовые клыки, мечи. Во множестве вывозили славянских рабов для гаремов и гвардий гулямов. Эквивалентом в торговле служило не только монетное, но и вещевое серебро в виде изделий или лома.

При завоевании арабами Ирана и Средней Азии в их руки попала громадная добыча, в том числе утварь из серебра. Мир ее образов был абсолютно чужд вкусам победителей. Сасанидские, среднеазиатские, византийские сосуды частично были переплавлены как при арабском нашествии⁵⁷, так и самими

владельцами, оказавшимися в тяжелом финансовом положении. Частично сохраняясь в обиходе арабской и туземной знати, они постепенно попадали в руки кушцов. По дешевым ценам они скупали не только устаревшие дирхемы, но и вышедшую из употребления посуду, которая активно вступала в сферу меновой торговли. После того как доисламское серебро исчерпали, начали экспортировать изделия мусульманских торевтов.

В первую очередь серебряная посуда поступала на Урал, где добывали особенно ценных пушных зверей (собелей и др.). Здесь ее использовали в быту, в культовых целях или для изготовления украшений. Восточные металлические сосуды IX—первой половины XI в. распространялись вплоть до Швеции (Готланд, Эстерьётланд, Истриккланд) и Аландских островов (табл. 53, I)⁵⁸. В Волжской Булгарии и на Руси найдена только бронзовая утварь IX—XI вв., если не считать обода серебряной чаши с подражанием куфической надписи из клада у Переяслава Полтавской губ.⁵⁹ За 200-летний интервал между окончанием импорта восточного серебра (рубеж X—XI вв.) и зарытием большинства русских вещевых кладов (от 70-х годов XII в. до 1240 г.) изделия Востока были превращены в денежные слитки и украшения. Как и дирхемы, их принимали на вес и поэтому часто разрезали на куски: клады XI в. на Готланде включают только небольшие фрагменты восточных сосудов. В этот период в денежном обращении Швеции на смену дирхемам приходит весовое серебро. До середины XI в. клады так называемого резаного серебра изобилуют в Польше и Поморье. Кроме целых и разрубленных на части монет, они содержат сломанные украшения, бесформенные кусочки серебра и разнообразные серебряные слитки⁶⁰. Многократные переплавки — главная причина почти полного отсутствия восточной серебряной посуды на Руси. Упоминания о них сохранились в летописях. Так, в 1288 г. князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа сребрянаа и кубьки золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»⁶¹. Культовое использование металлической посуды на Урале отчасти предотвращало уничтожение. Кроме того, при «вторичном импорте» вещевое серебро уходило из Руси на Урал, в Приобье и Скандинавию (см. Приложение 1).

В результате торговли могли попадать на Русь серебряные поясные наборы X—XI вв.⁶² О вывозе ремней из Самарканда упоминает Мукаддаси (около 985 г.)⁶³. Однако только немногие комплекты нарядов связаны с мастерскими Средней Азии и Ирана. С Востока импортировали и другие типы украшений. Серебряные коробочки-капторги польских кладов X—XI вв., возможно, воспроизводят восточные⁶⁴. Б. И. Маршак отметил связи прикладного искусства Руси с ювелирными изделиями Сред-

⁵¹ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 9, 19.

⁵² В. Л. Янин, 1956, стр. 86, 100, 118, 128.

⁵³ E. Stettler, 1966, стр. 223.

⁵⁴ В. Л. Янин, 1973, стр. 69, 72.

⁵⁵ R. Kiersnowski, 1960, стр. 123.

⁵⁶ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 196; Б. Н. Заходер, 1962, стр. 242.

⁵⁷ После взятия Пайкенда Кутейбой (706 г.) арабы расплавили громадное число сосудов. Так же погибли и золотые и серебряные украшения «идолов» при завоевании Самарканда в 712 г. (К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, 1950, стр. 160, 163).

⁵⁸ T. J. Arne, 1914, стр. 168—169, рис. 308—310, 363; Он же, 1932, рис. 20, 21, 72, 73; M. Stenberger, 1947, табл. 227, 8; 230, 14; 251, 3; E. Ozenstierna, 1959, табл. 38; 39.

⁵⁹ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 26, 27, 93, табл. XVI, 10.

⁶⁰ В. М. Потин, 1968, стр. 45.

⁶¹ ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 914.

⁶² По свидетельству Мукаддаси, в темнице Бухары заключенные изготавливали на вывоз ремни для сбруи (В. А. Малья, 1963, стр. 68).

⁶³ В. В. Бартольд, 1963д, стр. 295.

⁶⁴ E. Stettler, 1966, стр. 234.

ней Азии X—XI вв. (клад из Сайрам-су в районе Чимкента — древнего Исфиджаба)⁶⁵. Близкие сайрамские серебряные бусы из польских кладов, если и сделаны на месте, то в подражание привозным⁶⁶.

Малочисленность в Восточной Европе сравнительно дешевой утвари из бронзы объясняется тем, что при сложности дальних перевозок ее массовый ввоз был нерентабелен. Отдельные бронзовые сосуды завозили очень далеко, но в качестве предметов, используемых как тара (для монет и пр.)⁶⁷.

Существенную роль в дальней торговле Средней Азии играли стеклянные и каменные бусы (сердолик, горный хрусталь, аметист), в огромных количествах поступавшие на восточноевропейские рынки (табл. 53, II)⁶⁸. Ибн Фадлан рассказывает о зеленых бусах, которые привозили к русам на кораблях для продажи⁶⁹.

В первой половине X в. торговля Восточной Европы с Востоком достигает апогея. X век — время высшего расцвета культуры ислама и формирования «классической школы» арабской географии. В городах Саманидского государства развивается разнообразная ремесленная деятельность. Местная и международная караванная торговля стала регулярной, организованной и интенсивной. При Саманидах дорожная служба выросла в сложную систему.

Экономика Саманидов в значительной мере базировалась на контактах с Восточной, Северной и Центральной Европой. Отсюда значительный отлив серебра в северном направлении в первой половине X в. Монеты Саманидов (до 90% в кладах X в.) в основной массе уходили за пределы их государства. Вместе с монетным потоком поступали изделия саманидских торговцев. Проникновение на европейские рынки — наиболее выгодная форма сбыта запасов серебра, добыча которого активизировалась (илакские рудники в долине р. Ангрен в Чаче и таласские месторождения Шельджи)⁷⁰. Расцвет волжской навигации с начала X в. подтверждается осведомленностью арабских авторов о Поволжье и связанных с ним народах. Главными информаторами географов выступали купцы. В литературе находим сведения о караванах мусульманских купеческих судов, прибывавших в Булгар (Ибн Русте, не позже 913 г.)⁷¹, о торговле там хазар (Масуди)⁷², о длительности плавания между Итилем и Булгаром (Балхи, писал между 913 и 923 гг.; Истахри, обработал сочинение Балхи в 951 г.)⁷³, о торговых сношениях между русами, булгарами и хазарами (Ибн Русте, Балхи, Истахри, Ибн Хаукаль, Бакри, ум. в 1094 г.)⁷⁴, о славянских и русских колониях

в Итиле (Масуди)⁷⁵, о десятине, которую взимал болгарский царь с товаров Хазарии (Ибн Русте, Ибн Фадлан)⁷⁶.

Масуди, подробно описавший волжско-каспийскую навигацию, сообщает о непрерывном движении судов между землями булгар и хазар⁷⁷. Был открыт и степной путь восточнее Волги, которым прошло посольство Ибн Фадлана (921/2 г.). «Караваны постоянно ходят от них (булгар) в Хорезм, что в хорасанской земле, а из Хорезма к ним, но дорога пересекает (кочевья) других тюрок, и караваны (должны) охраняться от них» (Масуди)⁷⁸. Между булгарами и Хорезмом дорога занимала три месяца (Ибн Фадлан; Марвази, около 1120 г.)⁷⁹.

Экономический подъем Булгарского государства — одна из причин интенсификации обмена в X в. Установление прямых связей Булгарии с халифатом и проникновение в нее ислама стояли в связи с интересами торговли⁸⁰. В X в. у булгар возникли ремесленно-торговые города (постройка Булгара завершилась не позднее 932/3 г.). Тогда же в Булгаре и Суваре начали чеканить собственную монету по образцу саманидской⁸¹. Все клады дирхемов на болгарской территории относятся к X в. (табл. 52).

Развитие восточной торговли в первой половине X в. стимулировалось потребностями раннефеодальных европейских государств в монетном металле. Ареал дирхема охватывает всю территорию восточных славян (табл. 52). Насыщенность восточноевропейского обращения куфической монетой вызвала ее усиленный транзит на запад, главным образом в Швецию⁸². Оживление обмена с Востоком в X в. связано с ростом экономики и политического могущества Руси, сложением ее городов как центров внешней торговли. Возросшие запросы правящей знати способствовали расширению «заморских» связей.

С начала 60-х годов X в. ввоз дирхема в Европу резко сократился и на рубеже X—XI вв. полностью прекратился⁸³. Это приводило к неверному заключению об умирании восточных связей Руси⁸⁴, хотя «серебряный кризис» еще не означал упадка самой торговли. Уменьшение серебряных запасов в Средней Азии к концу X в. с одновременным усилением внутри страны спроса на средства обмена сказались на специфике внешней торговли⁸⁵, которая продолжалась. Правда, под влиянием таких событий, как падение в 90-х годах X в. Саманидского государства под ударами Газневидов (чьи устремления были обращены в сторону Индии), разгром Свято-

⁶⁵ Б. Н. Маршак, 1973, стр. 21.

⁶⁶ А. Szapkwicz, T. Lewicki, S. Nosek, M. Opozda-Czapkiewicz, 1957, стр. 251.

⁶⁷ Согласно Мукаддаси, из Бухары вывозили медные фонари, из Ребинджана — оловянные сосуды, из Самарканда — медные котлы (В. В. Бартольд, 1963д, стр. 294—295). Их сбывали главным образом в близлежащих областях, например на ярмарках Бухарского оазиса (А. М. Белемицкий, И. Б. Бенетович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 287).

⁶⁸ М. В. Фетнер, 1961.

⁶⁹ А. П. Ковалевский, 1956, стр. 141.

⁷⁰ М. Декówna, 1971, стр. 500—501.

⁷¹ А. Я. Гаркави, 1870, стр. 263; Б. Н. Заходер, 1967, стр. 32.

⁷² Б. Н. Заходер, 1962, стр. 102.

⁷³ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 83; Б. Н. Заходер, 1962, стр. 235.

⁷⁴ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 23, 99, 169; А. Я. Гаркави, 1870, стр. 219, 263; Б. Н. Заходер, 1962, стр. 168—169. Ибн Русте: «Хазары торгуют с нами (булгарами) и совершают

сделки, также и русы привозят к ним свои товары, и все те, кто обитает на обоих берегах этой реки, привозят к ним свои товары, как то: соболей, горностаев, белок и другое» (Б. Н. Заходер, 1967, стр. 29).

⁷⁵ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 165—166.

⁷⁶ А. П. Ковалевский, 1956, стр. 140; Б. Н. Заходер, 1962, стр. 102—103; Он же, 1967, стр. 33.

⁷⁷ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 196.

⁷⁸ Там же, стр. 197.

⁷⁹ Б. Н. Заходер, 1967, стр. 36.

⁸⁰ А. П. Смирнов, 1951, стр. 40.

⁸¹ С. А. Янина, 1962, стр. 184, 191.

⁸² В. Л. Янин, 1956, стр. 118 и сл.

⁸³ Там же, стр. 128 и сл.

⁸⁴ П. Г. Любимов, 1923, стр. 14—15; В. Б. Вилинбазов, 1963, стр. 133.

⁸⁵ Е. А. Давидович, 1960, стр. 113; М. Декówna, 1971, стр. 501—502.

славом Хазарского каганата в 965 г. и разрушение им болгарских центров (о чем сообщает Ибн Хаукаль)⁸⁶, произошло временное сокращение торговли.

ГЛАВНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ УТВАРИ

Ввиду огромных расстояний преобладала не прямая транзитная торговля с Востоком, а поэтапная. Караваны совершали путешествия в пределах ограниченных отрезков пути от одного местного рынка к другому. Художественную утварь и монеты в редких случаях ввозили непосредственно с их родины. Торговые операции осуществляли в промежуточных центрах на стыках путей, где встречались болгарские, хазарские, славянские, еврейские и скандинавские купцы. Поэтапный обмен вел к более частым путешествиям на отдельных участках, чем при далеких экспедициях. Тем самым волжская артерия приобретала большую «пропускную способность»⁸⁷. Основными посредниками в торговле с Восточной Европой выступали Хорезм, города Южного Прикаспия, Хазарский каганат и Волжская Булгария. Ибн Хаукаль сообщает, что дальше Булгара восточные купцы не забираются⁸⁸. По этапам вели торговлю и севернее: «Купцы болгарские ездят до Чульмана (район Чердыни? — В. Д.), а купцы чульманские ездят до земель югорских, которые на окраине Севера» (Омари со слов шейха Номан из Хорезма, 1300—1348)⁸⁹.

Все же, несмотря на риск, предприимчивые мусульманские купцы-авантюристы изредка могли добираться до Прибалтики и Северного Ледовитого океана. Абу-л-Фида (1273—1331) упоминает о «неком путешественнике, достигшем Северного моря»⁹⁰. С транзитной торговлей, возможно, связаны необычайно большие клады дирхемов⁹¹. На территории Руси известно не менее четырех кладов дирхемов с количеством свыше 10 тыс. экз. и не менее девяти — от 1 тыс. до 10 тыс. экз.⁹² «Клады-гиганты» размещены на главных коммуникациях от Булгара к Балтике (Муром, Великие Луки, устье Волхова)⁹³.

Скорее всего они принадлежали купцам, которые, предпринимая столь далекую поездку, готовились к обмену в большом масштабе⁹⁴. О степени концентрации дирхемов в их руках дает представление рассказ Ибн Фадлана: рус, который владеет 10 тыс. дирхемов, справляет своей жене один ряд мониста;

после каждых 10 тыс. накопленных монет он прибавляет по одному ряду: «И бывает, что иная женщина будто бы имеет на шее одновременно десять монист [и даже] более»⁹⁵. При дальнейшей транспортировке следовало везти большие массы серебра. О том, что некоторые клады — капиталы иноземных купцов, свидетельствуют их находки в восточных металлических кувшинах (табл. 20, 1, 2; 45, 7; Муромский клад 1868 г.⁹⁶). Аналогичные случаи зарегистрированы в Скандинавии (клады на Аландских островах и в приходе Биёрке на Готланде).

Ирак играл главную роль в экономике Багдадского халифата, был тесно связан с Ираном, Закавказьем и Средней Азией, имел непосредственные контакты с Восточной Европой. По Ибн Хордадбеку, купеческие караваны русов доходили до Багдада, где в роли переводчиков выступали славянские евнухи⁹⁷. На багдадские рынки везли товары из Хазарии (Иакуби, IX в.)⁹⁸. Выехавшее из столицы халифата посольство ал-Муктадира достигло Волжской Булгарии. При этом халифе сын болгарского царя совершил паломничество в Мекку через Багдад (Масуди)⁹⁹. При болгарском дворе Ибн Фадлан встретил портного из Багдада¹⁰⁰. О связях с Ираком говорят аббасидские монеты иракской чеканки, преобладающие в кладах IX в., дирхемы Буидов (Бувейхидов) и Хамданидов Мосула в кладах X в. Из Ирака происходят торопецкое блюдо¹⁰¹, бронзовая кадилница для мечети IX—X вв. из Иестрикланда в Швеции, стеклянный кубок из Бирки¹⁰². В Бувейхидское государство входил Фарс — вероятная родина некоторых сасанидских и постсасанидских блюд. С берегов Персидского залива через Южный Ирак поступали на Кавказ, в Хорезм и Восточную Европу раковины каури¹⁰³. В кладах встречены дирхемы, чеканенные в Васите, Куфе и Басре. Из Басры вывозили йеменский сердолик¹⁰⁴ и мадагаскарский горный хрусталь. Во времена Бируни Басра первенствовала в обработке хрусталя: «Здесь из него выделывают сосуды и другие предметы»¹⁰⁵.

Табаристан. В Каспийском мореплавании доминировали Табаристан и Гурган (Джурджан) с крупными портами Амолем и Абаскуном (Масуди)¹⁰⁶. «Люди приходили из Ирака, Сирии, Хорасана и из пределов Индостана в Амуйль, требуя их товаров» («История Табаристана» Ибн Исфендияра, 1216 г.; автор использовал более ранние источники)¹⁰⁷. По словам Ибн ал-Факиха (писал в начале X в.), товары русов-купцов шли из Джурджана на Рей — «торговый центр мира». Этот город торговал с Арменией, Азербайджаном, Хорасаном и Хазарией¹⁰⁸. В кладах Восточной Европы встречены монеты испег-

⁸⁶ А. Я. Гаркави, 1870, стр. 218.

⁸⁷ R. Kiersnowski, 1960, стр. 113.

⁸⁸ Р. Хенниг, 1961, стр. 255.

⁸⁹ Там же, стр. 258; Б. Н. Заходер, 1967, стр. 61—62.

⁹⁰ Б. Н. Заходер, 1967, стр. 60.

⁹¹ R. Kiersnowski, 1960, стр. 113—115.

⁹² В. М. Потин, 1970, стр. 65.

⁹³ Клад 1973 г. близ дер. Козьянки под Полодком включал 8 тыс. дирхемов.

⁹⁴ Купцы-одиночки были не в состоянии без убытка вести обмен с отдаленными странами. Издавна на Востоке преобладала караванная форма внешней торговли, при которой богатые купцы объединялись в компании. Мусульмане вели торговлю с северными народами крупными экспедициями. Ибн Батутта (1304—1375) рассказывает о путешествиях в «Страну мрака»: «Проникают туда только богатые купцы, из которых у одного по сто повозок (собачьих упряжек. — В. Д.) или около того, нагруженных его съестным, шапками и дровами» (Р. Хенниг, 1961, стр. 257).

⁹⁶ А. П. Ковалевский, 1956, стр. 141, 239.

⁹⁷ А. К. Марков, 1910, стр. 5.

⁹⁸ Б. Н. Заходер, 1967, стр. 85. Славяне служили в гвардии халифа (Т. Lewicki, 1969, стр. 159).

⁹⁹ Т. Lewicki, 1956, стр. 249, 251.

¹⁰⁰ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 197.

¹⁰¹ А. П. Ковалевский, 1956, стр. 135.

¹⁰² По сообщению Б. И. Маршака, обломки похожего блюда найдены в пров. Уппланд (Швеция).

¹⁰³ С. Lamt, 1941, табл. III.

¹⁰⁴ Э. С. Мугуревич, 1965, стр. 58—59, рис. 26.

¹⁰⁵ Бируни, 1963, примеч. на стр. 457.

¹⁰⁶ Там же, стр. 171.

¹⁰⁷ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 59.

¹⁰⁸ В. А. Дорн, 1875, стр. 33.

¹⁰⁹ А. Куник, 1903, стр. 140—143; Б. Н. Заходер, 1967, стр. 88.

бедов, арабских наместников Табаристана (VIII—IX вв.) и Зийаридов (X в.). Некоторые чеканены в Амоле Табаристанском, Джурджане и Сари¹⁰⁹. Из прикаспийских областей Ирана поступал художественный импорт (табл. 50, II). Некоторые серебряные сосуды VII—VIII вв., возможно, исполнены там же. Из Табаристана и Гургана хазарам привозили материи для одежды (Истахри)¹¹⁰.

Армения. В Хазарию и Волжскую Булгарию шли армянские ткани и ковры (Ибн Фадлан, Истахри)¹¹¹.

Хорасан, Мавераннахр. Играли активную роль в торговле с Восточной Европой при Саманидах. Анонимная персидская география «Худуд ал-алам» (около 982—983 гг.) называет эти области «воротами в Туркестан». Культурное влияние саманидского Хорасана достигло Волжской Булгарии. В 1024/5 г. болгарский государь послал деньги и «удивительные дары» в Сабзевар (область Нишапура) на построение соборных мечетей¹¹². Бургасы поставляли Хорасану меха (Масуди)¹¹³ и дерево халандж (Исхак Ибн ал-Хусейн)¹¹⁴. Из Бухары меха шли в отдаленные арабские владения (Балхи)¹¹⁵. В свою очередь города Хорасана и Мавераннахра вывозили в другие страны ислама и в «некоторые из стран многобожия» шелковые и хлопчатобумажные ткани. Славилась бухарские материи, которые экспортировали в Ирак, Фарс, Керман, Индию, Китай¹¹⁶ и Восточную Европу¹¹⁷. Согласно «Худуд ал-алам», из Хорасана «вывозят много одежд, и золота, и серебра, и бирюзы, и москательных товаров»¹¹⁸. Самарканд поставлял на экспорт «изящные кубки» (Мукаддаси)¹¹⁹. В Восточном Иране и Мавераннахре изготовлены многие произведения торевтики VIII—X вв. Отсюда попадали на Урал сасанидские и византийские сосуды с согдийскими надписями VI—VIII вв.¹²⁰, а также наборные пояса среднеазиатских типов¹²¹. Основная масса дирхемов в кладках X в. — продукция саманидских монетных дворов Бухары, аш-Шаша, Нишапура, Самарканда, Герата, Мерва. В IX в. заметно представлены монеты Тахиридов, чеканенные в аш-Шаше, Мерве, Самарканде. Одним из лучших сортов горного хрусталя считали согдийский (Казвини, ум. в 1283 г.)¹²².

Тохаристан. «Бактрийские» сосуды IV—VI вв., найденные на Урале, происходят из Тохаристана и с территорий к югу от Гиндукуша¹²³, на которые простиралась власть Саманидов. В европейских кладках встречены дирхемы Балха, Кабула, Бадахшана¹²⁴. Из Бадахшана и Кашмира шел на вывоз

обработанный и необработанный горный хрусталь¹²⁵. По словам Мукаддаси, Бадахшан экспортировал северные меха¹²⁶. Балх служил перевалочным пунктом для купцов, направлявшихся по маршруту Поволжье—Горган—Мавераннахр—Китай (Ибн Хордадбех)¹²⁷.

Восток Средней Азии. К саманидской торговле, вероятно, имеют отношение сосуды из восточных областей Средней Азии, в частности Семиречья. Некоторые из них могли попасть к Саманидам в числе военных трофеев. В 840 г. был покорен тюркский Исфиджаб. При Насре ибн Ахмаде (864—892) саманидские войска доходили до города Шавгар. В 893 г. Исмаил ибн Ахмад напал на карлуков за Сырдарьей и разграбил их столицу Тараз, обратив в мечеть христианский храм. Добыча Исмаила была так велика, что доля всадника составляла 10 тыс. дирхемов¹²⁸. Тараз служил пунктом торговли с кочевниками на северо-восточной границе Саманидского государства. В поселениях к востоку от него, в том числе городе Мерке, действовали мечети¹²⁹. В конце X в. саманидский военачальник Фаик выстроил в Мерке рабат вне городской стены¹³⁰. В Семиречье купцы могли приобретать старую серебряную утварь.

Китай. Через посредство мусульман достигали Урала, Восточной Европы и Скандинавии изделия мастеров Китая. В состав Чигиробского и Волгинского кладов Прикамья входили сунские ямбы. В Сигулдском могильнике (Латвия), в комплексе первой половины XI в., найдена китайская фарфоровая чашечка¹³¹. Фрагмент китайской шелковой ткани IX—X вв. обнаружен в Бирке¹³². В Китай через Хорезм ввозили прибалтийский янтарь¹³³.

Хорезм. Большую часть товарооборота Саманидов с Восточной Европой и тюркскими кочевниками держал в своих руках Хорезм — связующее звено между городскими цивилизациями Ирана и Средней Азии и северным степным поясом. Хорезмийцы «более всех жителей Хорасана рассеяны [по чужим местам] и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого числа жителей Хорезма» (Истахри)¹³⁴. Находки хорезмийских чаш, хорезмийские надписи на византийских и согдийских сосудах VII—VIII вв. подтверждают значение Хорезма в связях с Уралом. В кладках Восточной Европы изредка встречаются хорезмийские монеты X в.¹³⁵ Грузинский поэт XII в. Иоанн Шавтели упоминает о «хорезмийском сердолике»¹³⁶. В VII—VIII вв. сердолик — основной поделочный камень для бус Хорезма¹³⁷.

Через посредство болгар восточноевропейские товары сначала поступали в Хорезм, откуда широко

¹⁰⁹ С. А. Янина, 1956, стр. 195—196, 202—203.

¹¹⁰ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 169.

¹¹¹ А. П. Ковалевский, 1956, стр. 137; Б. Н. Заходер, 1962, стр. 169.

¹¹² Б. Н. Заходер, 1967, стр. 46.

¹¹³ Н. А. Караулов, 1908, стр. 34.

¹¹⁴ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 110, 241.

¹¹⁵ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 169.

¹¹⁶ Наршахи, 1897, стр. 23, 27.

¹¹⁷ М. В. Фехнер, 1973. Как знаменитые центры производства тканей арабские географы называют Самарканд, Мерв, Нишапур, Фергану, Хорезм (А. Ю. Якубовский, 1954, стр. 71; В. В. Бартольд, 1963д, стр. 294—295).

¹¹⁸ Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 212.

¹¹⁹ В. В. Бартольд, 1963д, стр. 294—295.

¹²⁰ В. А. Лившиц, В. Г. Лукин, 1964, стр. 166—173.

¹²¹ В. И. Распопова, 1973, стр. 81—82.

¹²² Бируни, 1963, примеч. на стр. 460.

¹²³ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис, 1969, стр. 67 и сл.

¹²⁴ С. А. Янина, 1956, стр. 188; Ю. Л. Лимонов, 1961, стр. 59.

¹²⁵ Бируни, 1963, стр. 172.

¹²⁶ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 161.

¹²⁷ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 50; Он же, 1967, стр. 85.

¹²⁸ К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, 1950, стр. 220, 222.

¹²⁹ В. В. Бартольд, 1963в, стр. 125.

¹³⁰ К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, 1950, стр. 273.

¹³¹ Э. С. Музуревич, 1965, стр. 78.

¹³² J. Zak, 1969, рис. 76.

¹³³ T. Lewicki, 1956, стр. 135.

¹³⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 180.

¹³⁵ С. А. Янина, 1956, стр. 203—204.

¹³⁶ Пoesия народов СССР IV—XVIII веков, стр. 167.

¹³⁷ А. В. Гудкова, 1973, стр. 131.

расходились по мусульманскому миру¹³⁸. Сюда везли меха, тюркских и славянских невольников, воск, мед, кожи, рыбий клей, мечи, кольчуги и многое другое (Истахри, Мукаддаси)¹³⁹. По словам Бируни, болгары доставляли в Хорезм «клык рыбы» из «Северного моря» (т. е. моржовые клыки)¹⁴⁰. Меха, добытые в областях русов, болгар и Киева, попадали в Хорезм «по причине частого проникновения хорезмийцев в Булгар и к славянам, причем они (хорезмийцы) нападали на них, грабили их и пленяли их» (Ибн Хаукаль)¹⁴¹. О хорезмийских поселенцах в Булгарии пишет Ибн Фадлан¹⁴². Их фактории имелись и в Хазарии: в торговой части Итиля — Хазаране — проживало свыше 10 тыс. мусульман¹⁴³. «Большинство в этом городе (Итиле) составляют мусульмане, так как из них состоит царское войско. . . Они являются переселенцами из окрестностей Хорезма» (Масуди)¹⁴⁴. В арабских источниках встречаем известие об отправке при князе Владимире посольства русов в Хорезм для изучения возможности принятия ислама (наиболее ранний вариант темы у Марвази)¹⁴⁵.

*

На север поступали изделия торевтов Хазарского каганата (табл. 54), где в VIII—IX вв. чеканили собственную монету¹⁴⁶.

В Волжской Булгарии — крупнейшем сырьевом рынке и центре работорговли — монетное серебро меняло владельцев. Булгары совершали сделки на «белые круглые дирхемы», привозимые ими из стран ислама (Ибн Русте)¹⁴⁷. Часть монет оседала у них, часть поступала в Прикамье, но основная масса шла на запад (табл. 52). Булгария — центр торговли пушшиной для русов и других народов, обитавших по Волге (Ибн Русте)¹⁴⁸. Через булгар попадала в Прикамье и на Русь значительная доля художественного импорта. По сообщению В. Н. Татищева, в 1006 г. «прислали болгары (волжские) послов с дарами многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил»¹⁴⁹. Следы пребывания булгар обнаружены в окрестностях Муром, Ярославском Поволжье и Белоозере (керамика X—XI вв.)¹⁵⁰. Ювелиры Булгарии принимали участие в изготовлении гривен глазовского типа¹⁵¹, которые совместно с дирхемами найдены

в Приладожье и Швеции. Булгарские монеты X в. проникали в земли северян, радимичей, тиверцев, в Верхнее Поволжье, Тверскую, Новгородскую и Псковскую земли, на территорию Эстонии¹⁵².

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

На основе процентного состава монетных кладов некоторые польские исследователи пытаются выяснить происхождение восточного купца и его маршрут вплоть до Польши. Монетный двор, из которого вышло большинство дирхемов, якобы определяет исходный пункт следования, а примеси других монет соответствуют городам, где останавливался владелец капитала. Так реконструируют хорошо документированную источниками (Ибн Хордадбех, Ибн Фадлан) трассу Багдад—Хамдан—Рей (от которого отходило ответвление к Каспию)—Нишапур—Мерв—Бухара—Самарканд—аш-Шаш¹⁵³. Вниз по Джейхуну (Амударье) спускались в столицу Хорезма Кят и Джурджанию (Ургенч), где заканчивали снаряжение караванов и нанимали проводников (Ибн Фадлан) (табл. 50, I).

Однако только в исключительных случаях монетные клады Руси и Польши могли принадлежать выходцам из Багдада. Большое количество аббасидских дирхемов багдадской чеканки в кладах IX в. вызвано тем, что при первых пяти Аббасидах выпустили огромное число монет, превышавшее потребности внутреннего рынка. Их вводили в оборот вплоть до перехода торговли с Восточной Европой в руки Саманидов¹⁵⁴. Уже в Хорезме, а затем на протяжении волжской магистрали монетное серебро и художественный импорт неоднократно меняли владельцев. Большинство кладов со славянских земель — памятники местного денежного накопления. Как правило, их величина не превышает 1 тыс. экз., в основном это небольшие кладки, которые кроме дирхемов часто содержат западноевропейские монеты и украшения местной работы.

В IX—X вв. волжская артерия, соединявшая Каспийское и Балтийское моря, играла главную роль в товарообмене Азии с Восточной и Северной Европой. Кроме пути из Хазарии вверх по Итилю — «Русской реке», которую арабские авторы хорошо знали только в нижнем и среднем течении, существовала караванная дорога к востоку от нее, не облагаемая хазарскими пошлинами. Оба маршрута сливались в Булгаре. Значение сухопутной связи между Хорезмом и Поволжьем нельзя преуменьшать. Путь посольства Ибн Фадлана через пустынное плато Устюрт — «ворота народов» — был не случайным, а постоянно действующим. Его начальный отрезок имел в виду Гардизи (создал труд в 1050—1052 гг.) при описании маршрута к печенегам: «Дорога к ним выходит из Гурганджа на гору Хорезма, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма (Аральскому морю), оставляя озеро по правую руку. оттуда идет до некоей сухой

¹³⁸ Истахри: «Он (Джурджания — Ургенч) — место торговли с гузами. Отсюда выходят караваны в Джурджан, в Хазарию и в Хорасан» (А. Ю. Якубовский, 1954, стр. 56). Согласно «Худуд ал-алам», главный город Хорезма Кят — «ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрк, Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место (стечения) купцов» (Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 216).

¹³⁹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 180, 202.

¹⁴⁰ Бируни, 1963, стр. 195.

¹⁴¹ А. Ю. Якубовский, 1954, стр. 51—52.

¹⁴² А. П. Ковалевский, 1956, стр. 140.

¹⁴³ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 185.

¹⁴⁴ В. Ф. Минорский, 1963, стр. 193—194.

¹⁴⁵ Б. Н. Заходер, 1943; Он же, 1967, стр. 106.

¹⁴⁶ А. А. Биков, 1971.

¹⁴⁷ Б. Н. Заходер, 1967, стр. 34.

¹⁴⁸ А. Я. Гарнави, 1870, стр. 263.

¹⁴⁹ В. Н. Татищев, 1963, стр. 69.

¹⁵⁰ Л. А. Голубева, 1969, стр. 42.

¹⁵¹ В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 43. Через Булгарию в Белоозере, Приладожье, Финляндию и Швецию ввозили прикамские украшения и огнива с бронзовыми рукоятками (Л. А. Голубева, 1964, стр. 132, рис. 1).

¹⁵² В. В. Кроноткин, 1970, стр. 148—149.

¹⁵³ А. Czapkiewicz, T. Lewicki, S. Nosek, M. Opozda-Czapkiewicz, 1957, стр. 254—257; М. Czapkiewicz, F. Kmietowicz, 1960, стр. 149—151.

¹⁵⁴ Р. Р. Фасмер, 1933, стр. 477; В. Л. Яник, 1973, стр. 69—70.

земли и пустыни и следует [по ней] девять дней. Каждый день или каждые два дня доходят до колдпа»¹⁵⁵. Из Джурджании — северо-западного форпоста Хорезма — через Устюрт направлялись в Итиль (с форсированием Нижней Эмбы и Яика) и Волжскую Булгарию (с переправами через Эмбу, Яик, Самару, Кинель, Черемшан) (табл. 50, I). Тем же маршрутом по казахстанским, оренбургским и башкирским степям в XIX в. следовали на Нижегородскую ярмарку бухарские и хивинские караваны¹⁵⁶. Возможно, некоторые сосуды попали в «страну башкир» (клады на Ике, Белой и Уфе — табл. 51, I) при их набегах на северное пограничье Хорезма (в начале X в. башкиры доходили до подножия Северного Чинка)¹⁵⁷ или как дань с купеческих караванов. Серебро могло поступать к тюркам и при мирном обмене в укреплениях на границе со «страной неверных».

Большая часть кладов дирхемов и художественного импорта тяготеет к бассейнам судоходных рек — главным путем сообщения того времени. Вдоль рек и озер располагались города, поселения городского и сельского типа, где происходил обмен¹⁵⁸. Отсюда связь кладов с районами концентрации оседлого населения (табл. 52)¹⁵⁹, причем их скопления наблюдаем в пунктах с широким размахом торговли (Ладoga, Новгород, Киев, Любеч, Владимир-на-Клязьме, Ревель, Рига). Клады куфических монет обнаружены в Муроме, Старой Рязани, Козельске, Москве, Угличе, Ржеве, Пскове, Великих Луках, Торопце, Витебске, Мянске, Гомеле, Курске, Дрогичине, Галиче, а также в Булгаре и Биляре. С городами связано большинство находок поливной керамики и восточных изделий из металла (табл. 53, I, II). В Прикамье удалось установить топографическую зависимость между кладами восточного серебра и поселениями ломоватовской, родановской и сылвенской культур¹⁶⁰.

Клады сосредоточены и у торгово-ремесленных поселений в районах волоков (табл. 52), где местное население извлекало доход из перевозки грузов. Оно обслуживало пути по мелким речкам, предоставляло инвентарь для передвижения ладей посуху. Контроль над волоками осуществляли военные гарнизоны (Гнездово)¹⁶¹. Здесь, на перекрестках торговых путей, могли собираться международные сезонные торжища под наблюдением представителей княжеской администрации — «волочских тивунов». Судя по семи кладам с дирхемами, важными торговыми пунктами на Средней Оке были селища в Борках, удобные для стоянки судов и выгрузки товаров¹⁶², на Верхней Волге — Тимеревское селище (два клада).

¹⁵⁵ В. В. Бартольд, 1963а, стр. 820; Б. Н. Заходер, 1967, стр. 70—71.

¹⁵⁶ П. С. Савельев, 1847, стр. ХСVI—ХСVII.

¹⁵⁷ А. И. Ковалевский, 1956, стр. 27, 130.

¹⁵⁸ Около 65% селищ и курганных могильников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси расположено в бассейнах Волги, Днепра, Западной Двины, Оки (А. В. Успенская, М. В. Фехнер, 1956, стр. 12).

¹⁵⁹ Показательно, что в степной зоне кладов дирхемов почти нет (табл. 52). В. М. Потин констатировал связь между размещением кладов западных денариев X—XI вв. и древнерусскими поселениями (В. М. Потин, 1968, стр. 25 и сл.).

¹⁶⁰ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 10—12.

¹⁶¹ Д. А. Авдусин, 1972, стр. 165.

¹⁶² А. Л. Монгайт, 1961, стр. 156—157.

Из Булгарии вещевое серебро поступало в Среднее и Верхнее Прикамье (табл. 51, I), где по представлениям арабской географии находились истоки Волги. С верховьев Камы следовали на Верхнюю Вятку и Чепцу. Концентрацию серебряных сосудов наблюдаем в бассейнах Сылвы, Чусовой (откуда попадали в верховья Уфы), Обвы, Инвы и в излучине верхнего течения Камы (низовья Вишеры). Часть кладов обнаружена в верховьях Камы и Чепцы (табл. 51, I). Вверх по Чусовой серебро проникало на Средний Урал и в Зауралье до Тобола (табл. 51, II)¹⁶³. В хозяйстве ломоватовских и родановских племен видное место занимал пушной промысел. Меновую торговлю с Прикамьем вели болгары, привозившие оттуда «больших и прекрасных соболей»¹⁶⁴. Кроме серебра они поставляли сабли салтовского типа (появились в Верхнем Прикамье около IX в.). Находки сабель согласуются с сообщениями Абу Хамида ал-Гарнати, который посетил волжских болгар (путешествие 1150—1153 гг.), и Ауфи (до 1236 г.)¹⁶⁵. Ал-Гарнати рассказывает, что в обмен на шкурки бобров кушцы Булгара ввозили в страну Вису клинки без полировки¹⁶⁶. Некоторые исследователи отождествляли народ вису не с белозерской весью русских летописей, а с племенами Верхнего Прикамья¹⁶⁷.

Из Волжской Булгарии монетное серебро везли вверх по Волге и ее притокам. Концентрацию кладов дирхемов наблюдаем в среднем течении Оки (табл. 52)¹⁶⁸. Возможно, Оку имел в виду автор «Худуд ал-алам», говоря о «реке Рус» — притоке Итиля¹⁶⁹. Не исключено, что в IX в. мусульманские купцы, минуя болгарские владения, добивались до Средней Оки, где вели торговлю в районе Муромы и Борковских селищ. На Оке много кладов IX в., тогда как в Булгарии их нет¹⁷⁰. В X в. товарообмен с финно-угорским населением Оки, вероятно, взяли в свои руки болгары (булгарские дирхемы в окских кладах)¹⁷¹. Значение Оки в восточной торговле определялось богатством этой земли мехами¹⁷².

Правыми притоками Оки (Прона, Осетр, Упа, на которых найдены клады дирхемов) попадали в верховья Дона, по которому в IX в. окское население вступало в контакт с салтовцами. В состав Зарайского клада входили ременный наконечник

¹⁶³ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 8, 20—21.

¹⁶⁴ Еще в XVI—XVII вв. соболь водился в Пермской губ. и в восточных частях Вятской, Вологодской и Архангельской губерний (Н. И. Кутепов, 1896, стр. 36). По словам Ибн Фадлана, болгары платили хаарам по шкуре соболя от каждого дома (А. П. Ковалевский, 1956, стр. 140).

¹⁶⁵ Р. М. Джанноладян, А. Н. Кирпичников, 1972, стр. 27.

¹⁶⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. . . , стр. 58—59.

¹⁶⁷ Наиболее развернутую аргументацию см.: М. В. Талицкий, 1951, стр. 76—79; Р. Хенниг, 1961, стр. 265—268. Так же думал и Ф. Вестберг (1908, стр. 410).

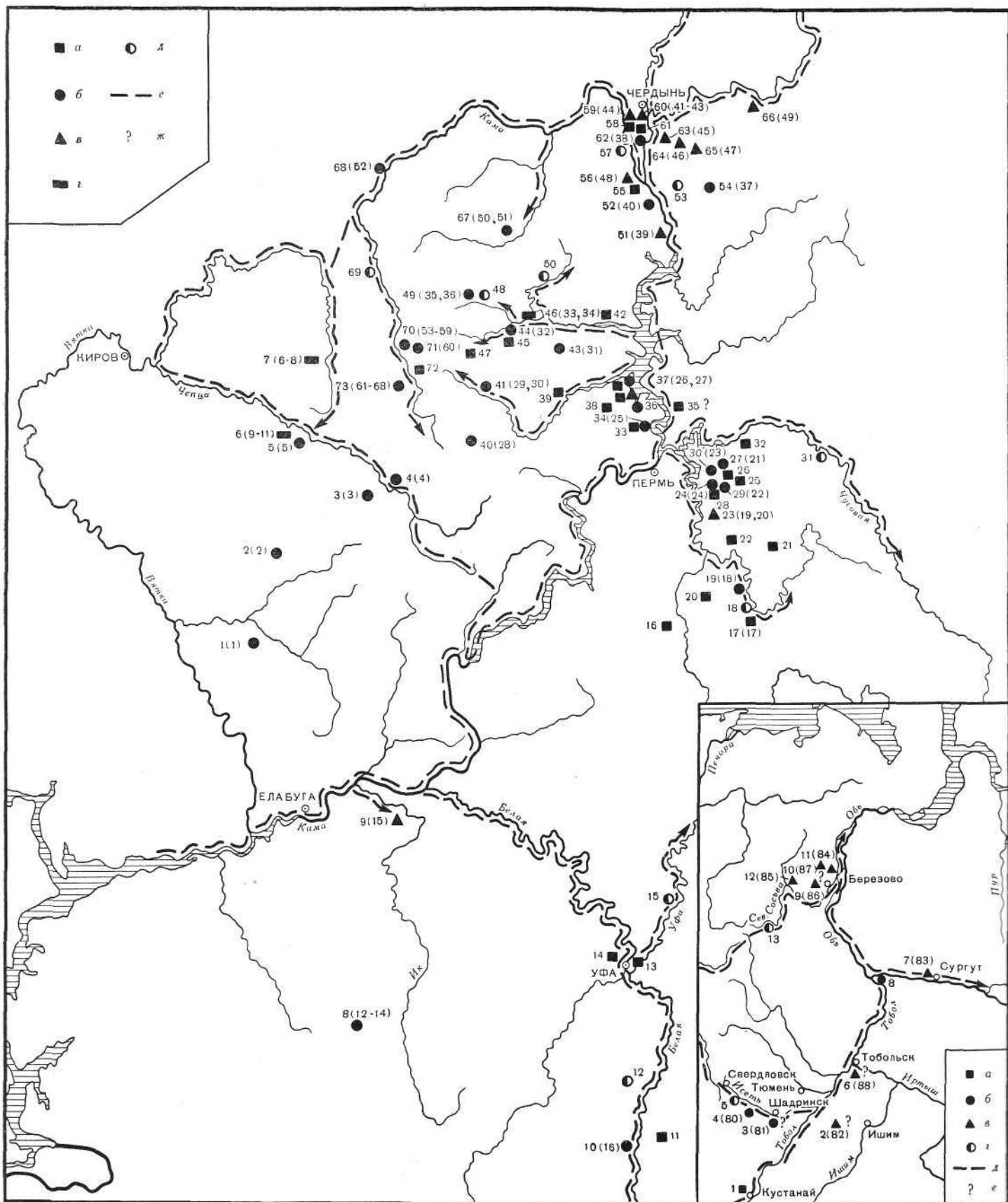
¹⁶⁸ А. И. Черепнин, 1892; В. Л. Янин, 1956, стр. 105; А. Л. Монгайт, 1961, рис. 38.

¹⁶⁹ А. Л. Монгайт, 1961, стр. 104—105.

¹⁷⁰ Р. Р. Фасмер, 1931, стр. 12.

¹⁷¹ В. В. Кротошкин, 1970, стр. 147—148.

¹⁷² Об изобилии мехов у мордвы писал Гильом де Рубрук (Карпини, Рубрук, стр. 110). Венецианец Барбаро (XV в.) упоминает моксов (мордва-мокса), поставлявших пушнину купцам Казанского ханства (А. И. Попов, 1973, стр. 104). В Мордовской земле водились лучшие чернотурные лисцы (Н. И. Кутепов, 1896, стр. 40). До начала XIX в. в лесах Веневского, Каширского и Зарайского уездов встречались соболя, куницы (А. И. Черепнин, 1892, стр. 9—10).

I

II

Таблица 51
Восточное серебро на Урале (I)

a — клады с вещами III—VII вв.; б — клады с вещами VII—IX вв.; в — клады с вещами X—XIII вв.; г — клады с вещами разных периодов; д — утраченные клады с неизвестной датировкой; е — пути сообщения; ж — локализация неточная

салтовского типа (табл. 54, 4) и серьги с подвеской-стерженьком.

От Булгара начинался маршрут к Киеву (Куйбе), из которого, по данным «Худуд ал-алам», «вывозят различные меха и ценные мечи»¹⁷³, мед и воск (Якут)¹⁷⁴. В реках Куйбы много бобров (Истахри)¹⁷⁵. По топографии кладов прослеживается путь Булгар—Киев (табл. 52), который, согласно Истахри, занимал 20 дней¹⁷⁶. С Верхней Оки по переволокам и правым притокам Сейма (Свапа, Тускарь) попадали на Сейм и Десну. На Свапе, в районе Курска, в низовьях Десны и Сожа — скопления кладов дирхемов преимущественно X в. В Киеве все пять кладов датированы X в.¹⁷⁷ — временем активизации трассы Ока—Сейм—Десна. Вероятно, по ней в 964 г. войска Святослава проникли к вятичам на Верхней Оке и дальше — к Булгару¹⁷⁸. В киевских дружинных курганах IX—X вв. найдены ручка от кресала из Верхнего Прикамья¹⁷⁹ и раковины каури¹⁸⁰. Направление связей через болгарский рынок товаров отмечено находками монет болгарской чеканки в верховьях Сейма, Любече и Киеве¹⁸¹. Из-за отсутствия прямых связей арабо-персидские географы осведомлены о Киевской Руси гораздо хуже, чем о Волжской Булгарии.

Великий волжский путь к Балтийскому морю документирован находками кладов дирхемов (табл. 52), художественного импорта (табл. 53, I),

восточных бус (табл. 53, II), раковин каури¹⁸², прикамских огнив (вывозились на запад во второй половине X—начале XI в.)¹⁸³. По Клязьме и Нерли, через оз. Неро, мелкие речки и Которосль попадали в район Ярославля — путь, отмеченный печочкой монетных кладов. В ярославских курганах X—начала XI в. восточные связи отражены находками дирхемов, шелковых тканей, среднеазиатских бус из стекла, сердолика и хрусталя. В кургане Тимеревского могильника обнаружена сердоликовая печатка с арабской надписью «благодать от Аллаха». В некоторых насыпях встречены болгарская керамика и сельскохозяйственный инвентарь¹⁸⁴.

Один из маршрутов к Ладоге вел по Шексне, Белому озеру, Вытегре, Онежскому озеру и Свири. Из раскопок Белоозера происходят восточные стеклянные бусы, болгарская керамика X в., прикамские украшения и огнива¹⁸⁵. Основной статьей местного экспорта являлась пушнина¹⁸⁶.

Монетнымикладами отмечены другие водные пути в Приладожье (табл. 52). Мологой с ее притоками или Твердой следовали на Мсту, которая приводила к Ильменю почти у Новгорода (находки болгарских монет)¹⁸⁷. С Верхней Волги могли плыть на Ильмень иначе: Твердой и Шлиной на оз. Шлино, отсюда волоком в Явону и из нее в Полу, впадающую в Ловать вблизи Ильменя¹⁸⁸. Судя по хронологии кладов, этой дорогой пользовались уже в IX в. По Ильменю и Волхову она приводила в Ладогу — важный торговый узел IX в. (пять кладов дирхемов, ближневосточные мозаичные бусы)¹⁸⁹. В X в. первенство перешло к Новгороду (пять кладов). Из Ильменя вверх по Ловати или ее притокам проникали к вер-

¹⁷³ А. П. Новосельцев, 1965, стр. 412.

¹⁷⁴ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 169.

¹⁷⁵ А. П. Новосельцев, 1965, стр. 403. На городищах Киевщины XI—XIII вв. обнаружено большое количество костей бобра, встречены кости лисиц и куниц (В. И. Цалкин, 1956, стр. 133).

¹⁷⁶ Т. Lewicki, 1956, стр. 149 и сл.

¹⁷⁷ М. К. Каргер, 1958, стр. 116 и сл.

¹⁷⁸ Путь по Сейму был предпочтительнее, так как при Святославе вятичи занимали только Верхнюю Оку, где сосредоточены их курганы VIII—X вв. (В. В. Седов, 1973).

¹⁷⁹ М. К. Каргер, 1958, рис. 39, 1, 2.

¹⁸⁰ Э. С. Мугуревич, 1965, стр. 59.

¹⁸¹ М. К. Каргер, 1958, стр. 119; В. В. Кропоткин, 1970, стр. 147—148.

¹⁸² Э. С. Мугуревич, 1965, стр. 59, рис. 26.

¹⁸³ Л. А. Голубева, 1964, стр. 132, рис. 1.

¹⁸⁴ М. В. Фезнер, 1963, стр. 75—76.

¹⁸⁵ Л. А. Голубева, 1973, стр. 177 и сл.

¹⁸⁶ В Белоозере найдены костные слатки бобров и лисиц (Там же, стр. 191).

¹⁸⁷ В. В. Кропоткин, 1970, стр. 148.

¹⁸⁸ П. Г. Лобозиров, 1923, стр. 34. На Полу выходили и с оз. Селигер (Там же).

¹⁸⁹ З. А. Львова, 1961, стр. 236.

1 — Вихарево;	16 — Суды;	29 — Бартым,	42 — Майкор;	56 — Малая Шак-	63 — Губдор,
2 — Рябинов-	17 — Шахарова;	1952 г.;	43 — Стан;	пешера;	1907 г.;
ская;	18 — Шестакова;	30 — Бартым,	44 — Пешнигорт,	57 — Малые Дол-	64 — Губдор,
3 — Ягошур;	19 — Кошелева;	1957 г.;	1853 г.;	ды;	1913 г.;
4 — Седьяр;	20 — Курилова;	31 — Усть-Койва;	45 — Пешнигорт,	58 — Аников-	65 — Чигироб;
5 — Чуринская;	21 — Кулагыш;	32 — Веренно;	1913 г.;	ковская, 1967 г.;	66 — Сыпучи;
6 — Карасево;	22 — Стрелка;	33 — Ковина,	46 — Климова;	59 — Мало-Ани-	67 — Мартынова,
7 — Турушева;	23 — Селянино	1846 г.;	47 — Квацциле-	ковская,	68 — Кайгород-
8 — Репьевка;	Озеро;	34 — Ковина,	ева;	1959 г.;	ское;
9 — Мелькень;	24 — Комарово;	1840 г.;	48 — Плотникова	60 — Больше-Ани-	69 — р. Пура;
10 — Стерлита-	25 — Бартым,	35 — Луковка;	49 — Мальцева;	ковская,	70 — Афанасьево;
мак;	1947 г.;	36 — Верхне-Бе —	50 — Петухова;	1909 г.;	71 — Клыманова;
11 — Красная По-	26 — Бартым,	резовский;	51 — Лысьва;	61 — Больше-Ани-	72 — Шудьякар;
ляна;	1949 г.;	37 — Слудка;	52 — Григоров-	ковская,	73 — Томыз
12 — Асламбаево;	27 — Бартым,	38 — Ильинское;	ское;	1936 г.;	(в скобках
13 — Уфа;	1951 г.;	39 — Волгина;	53 — Васево;	62 — Редикор,	даны номера
14 — Алкино;	28 — Бартым,	40 — Оношат;	54 — Половодово;	1883 г.;	вещей по
15 — Анненское;	1952 г.;	41 — Гутова;	55 — Керчевая;		каталогу)

Восточное серебро в Приобье (II)

a — клады с ве-	в — клады с ве-	д — пути сообще-	2 — между Ипи-	7 — Барсов го-	10 — р. Сын;
щами III—	щами X—	ния;	мом и Шад-	родок;	11 — Ямгортские
VII вв.;	XIII вв.;	е — локализация	ринском;	8 — Ханты-Ман-	юрты;
б — клады с ве-	г — утраченные	неточная;	3 — Шадринск;	9 — Березовский	12 — Сосвин-
щами VII—	клады с не-	1 — Кустанай-	4 — Широково;	у.;	ский городок
IX вв.;	известной да-	ский у.;	5 — Сосновское;		13 — Яныпауль
	тировкой;		6 — Тобольск;		

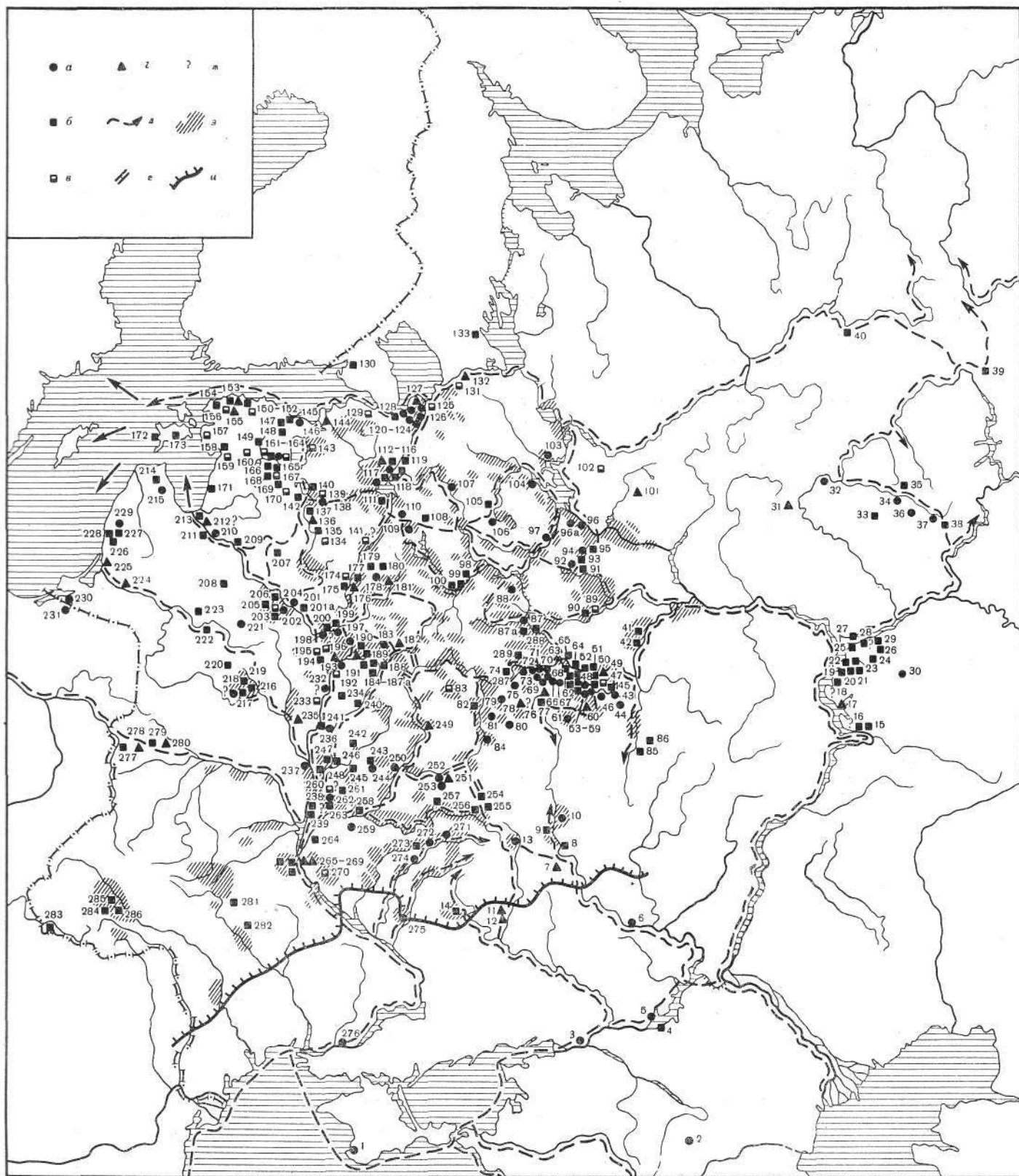

Таблица 52

Клады карачских монет на территории Восточной Европы

а — клады, зарытые в конце VIII—IX в.; *б* — клады, зарытые в X в.; *в* — клады X—XI вв., имеющие в своем составе западноевропейские монеты; *г* — клады неопределенного времени; *д* — пути сообщения; *е* — основные волоки; *ж* — локализация неточная; *з* — районы концентрации славянского населения в VIII—XIII вв.; *и* — граница лесостепи и степи

ховьям Западной Двины и Днепра — через Двину (концентрация кладов у Великих Лук и Торопца). В Новгороде, Великих Луках и Торопце найдены бронзовые сосуды IX—X вв. (табл. 53, 1). На пути по Ловати и Двине к Рижскому заливу преобладают клады X в. Того же времени клады вблизи Пскова, куда ездили с Ильменя по Шелони и рекам, впадающим в Чудское озеро. Псков имел выход на Двину по Великой и притокам Двины. В X—XI вв. действовала проходившая через Эстонию дорога между Чудским оз. и Рижским заливом (р. Эмбах—оз. Виртсу—р. Пярну). Клады сосредоточены в районе Тарту¹⁹⁰.

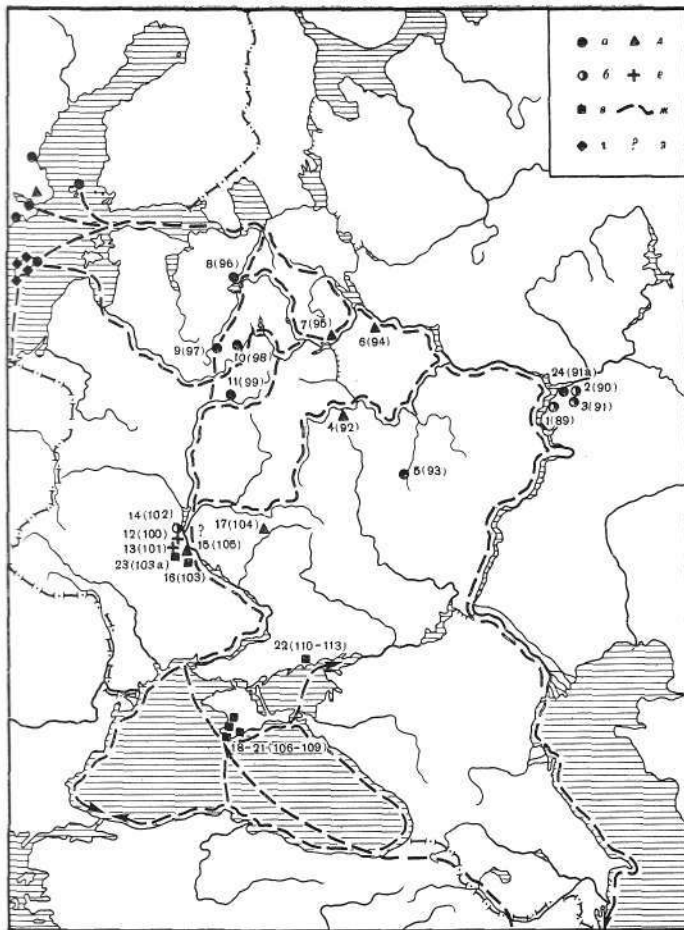
¹⁹⁰ Основной меновой ценностью Северо-Западной Руси была пушнина. По материалам городища Камно, нижних слоев

В IX в. главный путь на Готланд, Аландские острова, в Бирку, Польское Поморье (с центром в Волине), Данию (Хедебу)¹⁹¹ шел через Ладогу, Ладожское оз., Неву и Финский залив (в Латвию

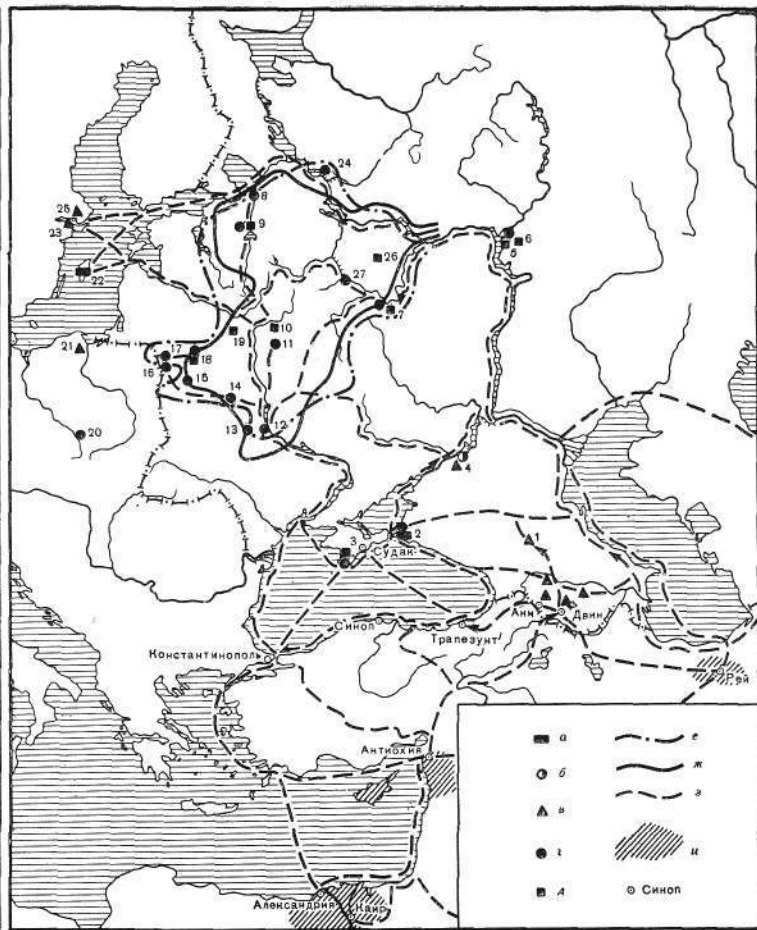
Пскова и Старой Ладоги среди диких животных видное место занимал бобр (В. И. Цалкин, 1956, стр. 131). В XIII—XV вв. пушнина и воск — главные объекты вывоза из северных районов Руси (А. Л. Хорошкевич, 1963).

¹⁹¹ Количество находок кувшинских монет в Европе вне СССР: Финляндия — 33, Аландские острова — 19, Готланд — 358, Швеция — 120, Норвегия — 56, Дания (со Сконе) — 87, Борнхольм — 11, Северное Полабье — 36, Южное Полабье — 5, земли пруссов — 20, Польша — 255. Западная граница массового распространения дирхема охватывает Скандинавию, проходит по Лабе, исключая территорию Чехословакии (В. М. Потин, 1968, стр. 38—39).

1 — Херсонес;	46 — Старая Рязань;	98 — Семенов родок;	147, 148 — Везенберг;	198 — Витебская губ.;	240 — Старый Делит;
2 — Петровское;	47 — Селезнево;	99 — Старицкий у.;	149 — Вейсенштейн;	199 — Витебск;	241 — Литвиновичи;
3 — Кривянская;	48 — Засечик;	100 — Ржев;	150—152 — Ревель (Таллин);	200 — Гарица;	242 — Ивановка;
4 — Цимлянск, 1949 г.;	49 — Конницево, 1839 г.;	101 — Туровское;	153 — Ванамыйса;	201 — Ахремцы;	243 — Медведово;
5 — Цимлянск, 1958 г.;	50 — Конницево, 1880 г.;	102 — Вологодский у.;	154 — Зауе;	201a — Козьянки;	244 — Бобриск;
6 — Вешенская;	51 — Коростово;	103 — Череповецкий у.;	155 — Гельский погост;	202 — Поречье;	245 — Большой Кривец;
7 — Нижне-Покровка;	52 — Дубровичи;	104 — Кузнецкое;	156 — Паункюла;	203 — Красное;	246 — Савин;
8 — Тутчиха;	53—59 — Борки;	105 — Иловец;	157 — Ервис;	204, 206 — Горюляны;	247 — Струпово;
9 — Малое Боршево;	60 — Кораблино;	106 — Загорье;	158 — Пернов;	205 — Дисненский у.;	248 — Гомель;
10 — Девица;	61 — Скопинский у.;	107 — Потерпелцы;	159 — Велла;	207 — Лудзас Эверсмуйжа;	249 — Малфа;
11 — Каменка, 1914 г.;	62 — Сидоровка;	108 — Валдайский у.;	160 — Феллин;	208 — Велайкый;	250 — Нижние Новоселки;
12 — Каменка, 1916 г.;	63 — Озерцы;	109 — Шумилово;	161 — Торма;	209 — Ашерраден;	251, 252 — Моисеево;
13 — Завалишина;	64 — Белый Омут, 1839 г.;	110 — Демянск;	162 — Ратсгоф;	210 — Лифляндская губ.;	253 — Кремлевский;
14 — Безлюдовка;	65 — Белый Омут, 1850 г.;	111 — Подборовка;	163 — Пейпус;	211 — Даугмалес Навессала;	254 — Вторая Воробьевка;
15 — Мусорки;	66 — Кунаково;	112—116 — Новгород;	164 — Вебс;	212, 213 — Рига;	255 — Коренная Пустынь;
16 — Ставропольский у.;	67 — Железницы;	117 — Вылеги;	165 — Тарту (б. Юрьев);	214 — Дундагас Канькуми;	256 — Курск;
17 — Палицыно;	68 — Хитровка;	118 — Собацьи Горбы;	166, 167 — Юрьевский у.;	215 — Либаву Сарай;	257 — Береза;
18 — Казанская губ.;	69 — Ростолец и Остроги;	119 — Новая Мельница;	168 — Веснерсгоф;	216 — Минск;	258 — Сосницкий у.;
19 — Балымер, 1862 г.;	70 — Гручино;	120—124 — Старая Ладога;	169 — Лифляндская губ., близ Юрьева;	217 — Минская губ.;	259 — Паристовка;
20 — Балымер, 1890 г.;	71 — Баскач;	125, 126 — Княчино;	170 — Ваабина;	218 — Ленциковщина;	260 — Рудки;
21 — Маклашевская;	72 — Хитровка;	127 — Ладожское оз.;	171 — Светциема Унгены;	219 — Новый Двор;	261 — Городнинский у.;
22 — Даниловка;	73 — Острогов;	128 — р. Нева;	172 — Лемальс-неза;	220 — Погорельщина;	262 — Ярыловичи;
23 — Болгары;	74 — Тарусский у.;	129 — Ораниенбаумский у.;	173 — Вольде;	221 — Симоны;	263 — Черниговский у.;
24 — Билярск;	75 — Одинцово;	130 — Выборг;	174 — Васильово;	222 — Реше;	264 — Бондари;
25 — Измери;	76 — р. Лесная Веркупа;	131, 132 — Лодейнопольский у.;	175 — Великолукский у.;	223 — Яунонай;	265—269 — Киев;
26 — Татарский Толкиш;	77 — Борозденко;	133 — Петрозаводск;	176, 177 — Великие Луки;	224 — Велюона;	270 — Денисы;
27 — Старо-Альметьево;	78 — Тульская губ.;	134 — Демшино;	178 — Торопецкий у.;	225 — Рудайчай;	271 — Погребное;
28 — Кокрят;	79 — Протасово;	135 — Ерилово;	179 — Торопецкий у.;	226 — Гробинский у.;	272 — Нижняя Сыроватка;
29 — Чистопольский у.;	80 — Лапотково;	136 — Островский у.;	180 — Пальцево;	227 — Гробиня;	273 — Шпилевка;
30 — Элмед;	81 — Мишнево;	137 — Боровиково;	181 — Набатово;	228 — Гробиняс;	274 — Новотроицкое;
31 — Лелеки;	82 — Козельск;	138 — Псковский у.;	182 — Ярцево;	229 — Гробиняс;	275 — Полтава;
32 — Вятка;	83 — Колодези;	139 — Молоди;	183 — Кисляя;	230 — Ильги;	276 — Ново-Лазаревка;
33 — Рябиновская;	84 — Новыли;	140 — Псков;	184 — 187a—Гнездово;	231 — Калнинград;	277 — Брест;
34 — Глазов;	85 — р. Ляда;	141 — Псковская губ.;	188 — Дубровинка;	232 — Прейсш Эйлау;	278 — Кобрин;
35 — Дондинская;	86 — Сядемки;	142 — Булаево;	189 — Смоленский у. (?);	233 — Могилевская губ.;	279 — Автополь;
36 — Ягошур;	87, 87a — Москва;	143 — Прибуж;	190 — Добрино;	234 — Могилевский у. (?);	280 — Дрогичин;
37 — Лесогурт;	88 — Глухово;	144 — Белая Кирка;	191 — Баево;	235 — Староселы;	Полеский;
38 — Богдановская;	89 — Владимир, около 1821 г.;	145 — Эрра-Лива (Кохтла-Ярве);	192 — Поречье;	236 — Веть;	281 — Копиевка;
39 — Аниковская;	90 — Владимир, до 1845 г.;	146 — Кохтель;	193 — Оршанский у.;	237 — Литвиновичи;	282 — Райгородок;
40 — Чудской родок;	91 — Весь;		194 — Прусиничи;	238, 239 — Любеч;	283 — Хуст;
41 — Савково;	92 — Сарское городище;		195, 196 — Стражевичи;		284 — Грабовец;
42 — Муром;	93 — Шелебово;		197 — Лучесы;		285 — Крылос;
43 — Дегтяное;	94 — Угодичи;				286 — Нижнев;
44 — Кривель;	95 — Новоселки (Белогостицкий монастырь);				287 — Кашира;
45 — Гавриловское;	96, 96a — Тимерево;				288 — Коренево;
	97 — Углич;				289 — Клейменово

I

II

Таблица 53

Восточные изделия из металла X—XIII вв. в Восточной Европе (I)

а — бронзовые изделия X—XI вв.; б — бронзовые изделия XII—XIII вв.; в — серебряные и бронзовые изделия Сирии, Палестины, Малой Азии и Армении (XII—XIII вв.); г — серебряные сосуды X—XI вв.; д — серебряные украшения X—XI вв.; е — серебряные и золотые украшения XII—XIII вв.; ж — пути сообщения; з — локализация неточная

1 — Болгары;	5 — Лядинский	7 — Пекуново;	11 — Гнездово;	14 — Киев;	22 — Бердянск;
2 — Кульбаева	могильник;	8 — Новгород;	12 — Киев,	15 — Мышеловка;	23 — Ржицев;
Мураса;	6 — Новоселки	9 — Великие	1889 г.;	16 — Сахновка;	24 — Татарский
3 — Альметьево;	(Белогостиц-	Луки;	13 — Киев,	17 — Шпилевка;	Толкиш
4 — Кашира;	кий клад);	10 — Торопец;	1936 г.;	18—21 — Херсонес;	

Поливная и стеклянная посуда Востока в Восточной Европе (II)

а — поливная посуда Багдадского халифата IX—X вв.; б — среднеазиатская керамика с люстровидной и подглазурной росписью IX—X вв.; в — сиро-египетская стеклянная посуда и посуда с росписью люстром X—XI вв.; г — сирийская (Ракка, Алеппо) и египетская стеклянная посуда XI—XIII вв.; д — фаянсовая посуда с люстровой и люстровидной росписью XII—XIII вв. (Иран); е — территория распространения золото- и серебростеклянных бус в конце X—начале XII в. (по М. В. Фехнер); ж — территория распространения бус из сердолика, горного хрусталя и аметиста в X—XII вв. (по М. В. Фехнер); з — пути сообщения; и — области, откуда вывозилась поливная и стеклянная посуда

1 — Змейская;	5 — Булгар;	9 — Новгород;	14 — Туров;	19 — Лукомль;	24 — Белоозеро;
2 — Тмутар-	6 — Биляр;	10 — Смоленск;	15 — Слоним;	20 — Ополе;	25 — Ушланд;
кань;	7 — Старая Ря-	11 — Мстиславль;	16 — Волковыск;	21 — Гданьск;	26 — Суздаль;
3 — Херсонес;	завь;	12 — Киев;	17 — Гродно;	22 — Готланд;	27 — Москва
4 — Саркел —	8 — Старая Ла-	13 — Городск;	18 — Новогрудок;	23 — Бирка;	
Белая Вежа,	дога;				

в IX в. монеты попадали со стороны моря)¹⁹². Эту речную систему широко использовали и в X в. (табл. 52): в кладах Эстонии много болгарских монет¹⁹³. Судя по топографии византийских монет X в., в сношениях Руси и Скандинавии знали путь с верховьев Днепра на Великую и далее к эстонскому побережью Балтики¹⁹⁴. В X в. возросла роль западнодвинской артерии, по которой, согласно Повести временных лет, плыли в землю варягов¹⁹⁵. Скопление кладов под Полоцком и Лукомлем¹⁹⁶ вызвано их выгодным положением на торговых коммуникациях¹⁹⁷. Даугава стала транзитным путем в Скандинавию, по которому в Латвию поступали дирхемы, ближневосточные стеклянные бусы, раковины каури¹⁹⁸. Эквивалентами в торговле служили меха и янтарь.

В Швеции восточный художественный импорт IX—XI вв. сосредоточен в Бирке и на Готланде (табл. 53, I, II). Удобные речные пути связывали Бирку со Средней Швецией. Морем из нее плыли в северные районы Швеции, на Готланд, в Хедебу и города Польского Поморья. В Швеции найдены стеклянные сосуды Египта и Ирака (Бирка, Баркарбу в провинции Уппланд), глазчатые бусы (Бирка)¹⁹⁹, иранская (?) поливная кружка (Гемсе на Готланде)²⁰⁰, серебряная подвеска с благопожелательной арабской надписью (Уппланд), фрагмент серебряного сосуда с изображением всадника (Готланд, в кладе между 1060—1070 гг.)²⁰¹, бронзовая курильница (Иестрикланд)²⁰². Около 975 г. Бирка прекратила существование; первенство в балтийской торговле перешло к Готланду. В готландских кладах второй половины XI в. встречены обломки серебряных сосудов с куфическими надписями²⁰³. На острове Хельгё, где находился торговый центр Лиллэ, найдена бронзовая статуэтка Будды IX—X вв., возможно среднеазиатского происхождения²⁰⁴. В Швецию и Финляндию попадали поясные бляшки салтовского типа²⁰⁵. Как свидетельствуют исландские саги, часть восточного импорта поступала в Скандинавию через Новгород. Норвежцы покупали в Хольмгарде «драгоценные товары, которые трудно достать здесь в стране»: парадные облачения, шелка, столовую утварь²⁰⁶. Русские скупщики пушнины ввозили в Новгород «меха величайшей ценности», приобретаемые здесь норвежскими мореходами²⁰⁷.

Судя по датам монетных кладов, путь по Днепру приобрел значение в восточной торговле вместе с оживлением русско-византийских отношений,

т. е. с X в. (табл. 52)²⁰⁸. Согласно Константину Багрянородному (913—959), русы из Днепра следовали в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию²⁰⁹. В верховья Днепра попадали с Западной Двины (от Витебска по Лучесе, вдоль которой протянулась вереница кладов²¹⁰, или Каспелей, выведившей к Гнездову²¹¹). Гнездово (пять кладов X в.) — ключевой пункт на днепро-двинской магистрали²¹². Время основной массы курганов военно-торгового населения Гнездова совпадает с датой кладов. Здесь найден иранский бронзовый светильник IX—X вв. К Днепру выходили и с Верхней Волги (клады в районе Ржева)²¹³. В Среднее Поднепровье дирхемы поступали с севера — по Днепру, Сожу и Десне.

На речных путях западнее Днепра куфические монеты появились не ранее X в. (табл. 52). По Березине и Свислочи следовали на Неман и Вилию (скопление кладов под Минском). Вверх по Припяти и Бугу через Дрогичин пролегла дорога из Киевской Руси в Польшу. Судя по размещению кладов, она шла через Пину и Мухавец к Берестью²¹⁴. Другой маршрут, подтверждаемый кладами в Малой Польше и Чехословакии, вел из Киева через Волынь и Червенские города на Краков и Прагу²¹⁵. Киевские и волыньские вещи обнаружены на Верхней Висле, в Силезии, Великой Польше и на Поморье²¹⁶. Монетные клады IX в. в Польском Поморье — свидетельство связей прибалтийских славян со Скандинавией и Восточной Прибалтикой²¹⁷. С севера попадали в Гданьск сироегипетское стекло. Если в IX в. в Поморье и Северную Польшу дирхемы ввозили с севера, то с X в. они поступали в обратном направлении: через Киев и вдоль Вислы или Одры — к Скандинавии. В кладах Швеции встречены серебряные украшения Юго-Западной Руси и Польши, а также венгерские вещи. На Готланде и в Сигтуне найдены овручские шиферные пряслица и писанки XI в.²¹⁸

Клады и отдельные находки куфических монет X в. у Галича в Прикарпатье, в Словакии и Венгрии связаны с дорогой через карпатские перевалы в Среднее Подунавье, которая отходила от трассы Киев—Краков²¹⁹.

Главные пути сообщения Восточной Европы входили в систему трансконтинентальных магистралей между Западной Европой и странами Азии. Ибн Хордадбех привел маршрут купцов, ездивших «с востока на запад и с запада на восток». Они шли за Рум в страну славян, затем до Хамлиджа, хазарской столицы, откуда через Джурджанское море добрались до Балха, Мавераннахра, кочевий тогуз-гузов

¹⁹² Э. С. Мугуревиц, 1965, стр. 26.

¹⁹³ В. В. Кропоткин, 1970, стр. 149.

¹⁹⁴ С. А. Янина, 1956, стр. 184—185.

¹⁹⁵ ПВД, т. I, 1950, стр. 11—12.

¹⁹⁶ Л. В. Алексеев, 1966, рис. 15.

¹⁹⁷ П. Г. Любомиров, 1923, стр. 22.

¹⁹⁸ Э. С. Мугуревиц, 1965, стр. 23, 78, 98.

¹⁹⁹ С. Lamt, 1941, табл. III; XIV; 1—18.

²⁰⁰ Т. J. Arne, 1914, стр. 197, рис. 331.

²⁰¹ E. Ozensterna, 1959, табл. 38.

²⁰² Там же, табл. 39.

²⁰³ Скандинавские торевты подражали привозным образцам.

К их продукции могут принадлежать ложчатые чаши из Швеции, которые Т. Арне называл «восточными» и относил к XII—XIII вв. (Т. J. Arne, 1914, стр. 171, рис. 315—317).

²⁰⁴ E. Ozensterna, 1959, табл. 47.

²⁰⁵ Т. J. Arne, 1914, стр. 119—121, рис. 110—114.

²⁰⁶ И. П. Шаскольский, 1970, стр. 42—43.

²⁰⁷ Там же, стр. 43.

²⁰⁸ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 34; М. К. Каргер, 1958, стр. 124; В. Л. Янин, 1956, стр. 105; Д. А. Авдусин, 1972, стр. 165.

²⁰⁹ ИГАИМК, 1934, вып. 91, стр. 21.

²¹⁰ Л. В. Алексеев, 1966, рис. 15.

²¹¹ П. Г. Любомиров, 1923, стр. 23.

²¹² Д. А. Авдусин, 1972.

²¹³ Смоленская земля, богатая лисцами, куницами, бобрами, вела торговлю мехами. На древнерусских феодальных усадьбах Смоленщины велик процент костей бобра (В. В. Седов, 1960, стр. 77).

²¹⁴ W. Kubiak, 1958, стр. 232.

²¹⁵ По сообщению Ибрагима ибн Якуба (966 г.), в Прагу прибывали «из тюркских земель мусульмане, евреи и турки с товарами» (Р. Хенниг, 1961, стр. 278).

²¹⁶ F. Kmiotowicz, 1968, стр. 78—79.

²¹⁷ E. Slattler, 1966, стр. 205; F. Kmiotowicz, 1968, стр. 80—83.

²¹⁸ H. Arbman, 1948, стр. 435—438.

²¹⁹ В. В. Кропоткин, 1969—1970; Он же, 1972.

и Китая²²⁰. Этот маршрут — часть мирового пути, протянувшегося от Северной Африки и Испании до Китая (Барселона—Тудела—Нарбонн—Лион—Верден—Майнц²²¹—Регенсбург, затем по Дунаю через Венгрию и Галич или через Прагу, Краков и Владимир-Волынский к Киеву). Из Киева, минуя причерноморские степи, следовали в Волжскую Булга-

рию и спускались по Волге — «главной дороге серебра»²²². Дальше начинался путь на закавказское и иранское побережья Каспия. Из Рея проникали в глубь Азиатского континента через Балх, Согдиану или возвращались на запад — в Багдад, Восточное Средиземноморье и Византию.

XI—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII в.

ДИНАМИКА СВЯЗЕЙ С ВОСТОКОМ

После прекращения притока дирхемов волжский товарообмен продолжался. Согласно Ибн Хаукалю, после захвата Итиля русами «прилив торговли» не уменьшился²²³. Бейхаки (XI в.) упоминает о русских судах у Амоля²²⁴. В XI в. получили максимальное распространение золото- и серебростеклянные бусы, бусы из сердолика, горного хрусталя и аметиста²²⁵, по-прежнему импортировали раковины каури, в Новгород ввозили северокавказский самшит²²⁶. Все же в XI в. волжская торговля ослабела. На смену централизованному государству Саманидов — покровителей дальней торговли — пришли Караханиды. Государственное устройство при Караханидах, владения которых простирались от Кашгара до Амударьи, определяли феодальная раздробленность и удельная система. Возросли потребности внутренней торговли за счет внешней. Прекращение вывоза серебра в Европу стабилизировало его абсолютные запасы, используемые на внутреннем рынке²²⁷. В конце XI в. Караханиды окончательно подпали под верховную власть Сельджукидов. После свержения Афригидов политической устойчивости не было и в Хорезме. В 1017 г., когда Мамуниды Гурганджа уступили власть Махмуду Газневи, Хорезм перестал существовать как самостоятельное государство. В 1041 г. его завоевал огузский правитель Шах-Малик из Дженда, почти сразу же свергнутый сельджуками.

Не способствовала волжским связям и ситуация в Восточной Европе: разрушен Итиль; Владимир предпринимает ряд походов на болгар (977, 985, 994, 997 гг.); их торговля и в XI в. терпит большой урон²²⁸. В середине XI в. распадается «империя Рюриковичей»; бывшие владения Хазарии заполняют половцы, вытеснившие печенегов и торков.

Новый подъем волжской торговли со Средней Азией относится ко второй половине XII—первой трети XIII в. Из 35 изделий из металла XI—первой половины XIII в. 24 исполнены после середины XII в. Правда, в связи с «серебряным кризисом» их поступает намного меньше, чем в IX—X вв. На рубеже

XII—XIII вв. усиленно ввозят иранскую и среднеазиатскую поливную посуду; резко увеличивается импорт самшита в Новгород²²⁹. В XII—XIII вв. наблюдается наибольший ввоз раковин каури на территорию Латвии²³⁰. Мусульманские купцы совершают далекие поездки по Восточной Европе: арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати в 1150—1153 гг. побывал в Булгаре, русских землях и Венгрии. «Торговля жителей Табаристана была в Булгаре и Саксине» («История Табаристана» Ибн Исфендияра)²³¹. По сведениям того же источника, в Табаристан завозили льняные одежды. Мухаммед Авфиз (Индия, XIII в.) подробно описал путь по Волге, Волжскую Булгарию и племена славян²³².

Развитию волжских контактов способствовало усиление державы хорезмшахов, которые в начале XIII в. владели огромной империей от границ Индии до границ Анатолии. Активизация международной торговли связана с расцветом городской жизни в Средней Азии и других областях. Становится массовым и серийным выпуск художественных изделий, о чем свидетельствует их стандартизация (бронзовая утварь, ткани, поливная и стеклянная посуда). Художественное ремесло удовлетворяет спрос не только феодальных кругов, но и зажиточной части торгово-ремесленного населения. Излишки ремесленной продукции поступают на внутренние и внешние рынки. Купец с острова Киш в Персидском заливе говорил Саади: «Я хочу повезти в Китай персидскую пемзу, — я слышал, она там в высокой цене, а оттуда повезу китайский фарфор в Рум, румийский шелк — в Индию, индийскую сталь — в Алеппо, алеппское стекло — в Йемен, а йеменские ткани — в Персию»²³³. Вот каковы масштабы мусульманской торговли XIII столетия!

Аналогичные процессы параллельно происходили и в Европе, в том числе на Руси, где с XII в. прогрессирует не только мелкая повседневная, но и крупная международная торговля (преимущественно в западном направлении, откуда поступало серебро в слитках)²³⁴. Развитие феодальной экономики создавало, с одной стороны, возможность, а с другой — потребность в известном расширении внешней торговли. Ее не смогли поколебать ни полицентризм политической системы, ни половецкое владычество в степях²³⁵.

²²⁰ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 31; Он же, 1967, стр. 85.

²²¹ «Космография» Казвини сохранила известие, что в Майнце «имеют хождение самаркандские дирхемы 301 и 302 гг. с именем повелителя и датой чеканки» (Р. Хенниг, 1961, стр. 281).

²²² Т. Lewicki, 1956, стр. 141—148; Он же, 1958, стр. 68.

²²³ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 168.

²²⁴ Абу-л-Фазл Бейхаки, 1962, стр. 410.

²²⁵ М. В. Фехнер, 1961.

²²⁶ Е. А. Рыбина, 1971, стр. 263.

²²⁷ Е. А. Давидович, 1960, стр. 116—117.

²²⁸ А. П. Смирнов, 1951, стр. 43—44.

²²⁹ Е. А. Рыбина, 1971, стр. 263.

²³⁰ Э. С. Музуревич, 1965 стр. 56.

²³¹ Б. А. Дорк, 1875, стр. 33.

²³² Ю. А. Лихонов, 1961, стр. 58.

²³³ Муширрафдин Саади, 1957, стр. 161—162.

²³⁴ В. М. Потин, 1968, стр. 73 и сл.

²³⁵ Половцы пропускали купеческие караваны (ПСРЛ, т. II, 1908, стлб. 635), очевидно, взимая с них пошлину, и сами участвовали в торговле мехами. По сообщению Ибн ал-Асира (ум. в 1293 г.), когда монголы вторглись в половец-

ГЛАВНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ УТВАРИ

Возникают русские купеческие корпорации, совершенствуется сухопутный и водный транспорт. Около середины XII в. наступает «золотой век» городского ремесла. Усиливается специализация ремесел, расширяется номенклатура изделий. От работы на заказ часть мастеров переходит к работе на рынок. Стараются обеспечить массовость удешевленной продукции, они заменяют трудоемкие операции более простыми²³⁶. С конкуренцией местного ремесла отчасти связано отсутствие массового ввоза изделий из металла. Ассортимент восточноевропейских экспортных товаров в XII—XIII вв. остался прежним.

В XII в. восточный импорт перестает поступать в Скандинавию. Это объясняется прекращением походов викингов, вооруженными конфликтами Новгорода со Швецией и перемещением торговли Скандинавии в сторону немецких торговых центров на Балтике и портов Фландрии.

Если связи Волжской Булгарии, Владимиро-Суздальской Руси и Новгорода со Средней Азией по-прежнему реализовались по Волге, то арабские государства Восточного Средиземноморья сползли с южной Русью через Причерноморье и Днепр. Это направление приобретает особое значение с конца XI в., когда после завоевания Иерусалима латинянами (1099 г.) и образования Иерусалимского королевства усиливается паломническое движение русских через Константинополь в Палестину. Вместе с крестовыми походами оживились средиземноморские контакты Запада с Востоком и торговля по Черному морю, которую контролировали венецианцы. В города Северного Причерноморья и Руси поступали сироегипетское стекло, бронзы Малой Азии и Армении, киликийская серебряная утварь (табл. 53, I, II).

Развитие восточной торговли было прервано монгольским завоеванием. Перерезав коммуникации, оно надолго парализовало экономические связи Восточной Европы, а затем направило их по другим руслам. Были разрушены такие цветущие международные рынки, как Самарканд, Бухара, Мерв, Балх, Ургенч, болгарские и русские города. Восстанавливали их с большими трудностями. В послемонгольское время связи со странами Востока осуществляла непосредственно Золотая Орда, в состав которой входил Северный Хорезм. Она вела широкую торговлю с Анатолией и мамлюкской империей в Сирии и Египте. Новые пути, минуя Киев, идут через Средиземное и Черное моря (где ключевые позиции захватили итальянцы), через Крым и половецкие степи в Нижнее Поволжье (маршрут Рубрука). По волжской магистрали Золотая Орда сносила с русскими княжествами. По ней во второй половине XIII—XIV в. на север поступал золотоордынский художественный импорт (поливная керамика, серебряные и бронзовые сосуды).

В XI—XIII вв. при сохранении прежних связей важными поставщиками импорта стали некоторые области Закавказья и Восточного Средиземноморья.

Ирак. Ал-Гарнати встретил в Куйаве «человека из багдадцев» ал-Джаухари²³⁷. В XI в. болгарские паломники большими группами следовали через Багдад в Мекку (Димашки)²³⁸.

Рей, Мазандаран. Из Рея на рубеже XII—XIII вв. импортировали люстровую керамику. Судя по числу фрагментов от разных сосудов из Старой Рязани и Новогрудка вывоз был значительным. В Рей поступало дерево халандж, из которого здесь изготовляли гребни (Казвини)²³⁹. С XII в. важную роль в каспийском судоходстве играет город Саксин в дельте Волги. По словам ал-Гарнати, приплывшего в Саксин из Дербента, «в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба — тысячи, не счесть их числа»²⁴⁰. Он сообщает о большой колонии суварцев и об эмире жителей Булгара в Саксине²⁴¹. С нижней Волги в Булгарию возили соль. Из Саксина отправлялись по морю в Мазандаран и Гурган. Между Саксином и Амолем ежегодно курсировало до 400 судов («История Табаристана») ²⁴². Через Амоль в Саксин прибывали купцы из Ирака, Сирии, Хорасана и Индии²⁴³. По словам Якута (1179—1229), морской дорогой на Мангышлак ездили из Саксина в Хорезм²⁴⁴. Вероятно, этим маршрутом трижды плавал в Хорезм ал-Гарнати²⁴⁵.

Из Северного Ирана (район Рея?), Хорасана и Тохаристана происходят некоторые серебряные сосуды XI—первой половины XIII в. С середины XII в. из Герата начали вывозить бронзовую утварь с инкрустацией серебром. Из горных выработок Бадахшана в Северном Афганистане в Хорасан, Ирак и дальше на запад вывозили лазурит. Из пределов Византийской империи лазуритовые нательные крестики попадали на Русь (находки в Москве, Старой Рязани). Лазуритовые антропоморфные подвески-амулеты часто встречаются в половецких курганах²⁴⁶.

Хорезм. Не исключено, что часть изделий из металла — продукция мастерских Хорезма. Из его столицы Ургенча через Отрар, Талас и Баласагун вели пути в Монголию и Китай, а через половецкие степи — в Саксин, Крым, Волжскую Булгарию и русские княжества. Ал-Гарнати возвратился из «страны славян» через Саксин, Каспийское море и Хорезм, откуда совершил хаджж в Мекку. Он говорит о мамонтовых бивнях, вывозимых из земли болгар в Хорезм и Хорасан, где из них вырезали гребни и шкатулки²⁴⁷. Тот же автор отмечает, что венгерскому королю служили тысячи хорезмий-

²³⁷ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. . . , стр. 37.

²³⁸ П. С. Савельев, 1847, стр. LXXII; Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 89.

²³⁹ Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 183.

²⁴⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. . . , стр. 27.

²⁴¹ Там же, стр. 27, 30.

²⁴² Ю. А. Лимонов, 1961, стр. 58.

²⁴³ Т. Lewicki, 1952, стр. 139.

²⁴⁴ А. Ю. Якубовский, 1932, стр. 29—30.

²⁴⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. . . , стр. 52.

²⁴⁶ Т. И. Макарова, 1962.

²⁴⁷ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. . . , стр. 30.

кие степи, «пресекался было путь (сообщения) с нею (Дешт-Кипчак). . . , и не получалось от (кипчаков) ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось из этой страны» (А. Ю. Якубовский, 1928, стр. 66).

²³⁶ Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 432—433, 521.

цев²⁴⁸. О значительной роли в Венгрии хорезмийских воинов и чиновников свидетельствуют византийские и венгерские источники XI—XII вв.²⁴⁹ В XII в. в Хорезм к знаменитому имаму Баққали булгары отправляли посольство²⁵⁰. По сообщению Платона Карпини, христианская колония в Ургенче накануне монгольского нашествия состояла из хазар, русских и алан²⁵¹. В хорезмшахский период (XII—начало XIII в.) на Устурте при дорогах в Нижнее Поволжье построили караван-сарай с колодцами при них (Белеули, Кос-Булак, Булак и др.). Они располагались на расстоянии дневного перехода каравана (20—30 км) друг от друга. Вдоль Аральского моря на Устурте известны развалины пограничных крепостей и сторожевых башен того же времени²⁵².

Армения, Малая Азия. Серебряные и бронзовые изделия Армении, Киликии и Малой Азии (конец XII—XIII в.) найдены в Херсоне, Приазовье, Сахновке, Киеве, Прикамье. Их появление было обусловлено расцветом черноморской торговли через сельджукскую Малую Азию с начала XIII в. и интенсивным развитием городов Армении, связанных с Трапезунтом. Активное участие в торговле принимали армяне, колонии которых в XI—XIII вв. появились в Крыму, Киеве, Булгаре. Усиление эмиграции из коренной Армении произошло в середине XI в. (нашествия сельджуков) и при монгольском завоевании между 1236 и 1244 гг.²⁵³

Армяне Херсона и Судака играли важную роль в развитии экономики и культуры Крыма²⁵⁴. Они служили посредниками в товарообмене между Закавказьем и Киевом. «И доходят мусульманские купцы из Армении до Куйабя» (Идриси, закончил труд в 1154 г.)²⁵⁵. Киево-Печерский патерик повествует об армянском враче, жившем в Киеве при Всеволоде Ярославиче.

В Прикамье малоазийские вещи могли доставлять через армянскую колонию в Булгаре. О тесных контактах переселенцев со своей родиной говорят находки тканей XIII в., аналогичных арийским, в погребениях на территории колонии²⁵⁶. Тем же путем на Приполярный Урал попала армянская сабля XII—XIII вв. с именем мастера Хачатура²⁵⁷. Согласно ал-Гарнати, булгары возили в Вису и Пуру мечи, которые производили в Зенджане, Абхаре, Тебризе и Исфагане²⁵⁸. По словам Ауфи, на север из стран ислама поступали сабли²⁵⁹.

Египет, Сирия, Палестина. Важное место в ближневосточном импорте XII—XIII вв. занимала стеклянная посуда Сирии (Ракка и Алеппо). Толстостенный бокал с резным орнаментом из Новогрудна исполнен в Египте²⁶⁰. Не исключено александрийское или сирийское происхождение стеклянных бус

с металлической прокладкой²⁶¹. С территорий, завоеванных крестоносцами, вывезли серебряные блюда, найденное в Ржищеве, и краковский «ларец св. Станислава». При описании Никейской битвы 1097 г. в «Истории Иерусалима и Антиохии» упомянуты воины из Польши, Руси и Норвегии²⁶². В конце XI в. при дворе Святослава Давыдовича в Чернигове жил сирийский врач Петр (Киево-Печерский патерик). Художественное стекло могли привозить русские пилигримы в качестве сосудов для мощей, благоволий и лекарств. После завоевания Иерусалима крестоносцами в нем появилось поселение русских монахов. Владения иерусалимского короля Балдуина I посетил черниговский игумен Даниил (в 1104—1106 или 1105—1107 гг.), который встречал в Иерусалиме и «новгородцев и князя»²⁶³. Благочестивые путешествия в Палестину предпринимали с XI в. В 1022 г. Феодосий Печерский видел в Курске паломников из Святой Земли. В 1062 г. на поклонение тамошним святыням ходил Варлаам, игумен Дмитровского монастыря²⁶⁴. Паломничества в Палестину участились в XII в. В 1132 г. в Новгород «принесена бысть доска оконечная гроба господня Дионисием»²⁶⁵. По сведениям летописного сборника XVI—XVII вв., в 1163 г. «ходиша из Великого Новгорода от святей Софии 40 муж калицы ко граду Иерусалиму, ко гробу господню»²⁶⁶. Архиепископ новгородский Антоний упомянул о погребенном в Царьграде русском попе Леонтии, который «трижды в Иерусалим пеш ходил»²⁶⁷. К концу XII в. относится рассказ о путешествии в Палестину полоцкой княжны Предиславы (в монастыре Евфросиньи)²⁶⁸.

Проникновение сирийских стеклянных кубков и флаконов в Херсон²⁶⁹, Тмутаракань²⁷⁰ и русские города²⁷¹ связано с экономическим оживлением средиземноморских государств, с торговлей крестоносцев и итальянских городских республик с Ближним Востоком. Генуя и Венеция, укрепив позиции в Причерноморье, вели активный обмен с Сирией, Палестиной и Киликией. Богатое армянское купечество Киликии сносилось с коренной Арменией и арабскими странами, Западной Европой и Причерноморьем (комплекс киликийских вещей из Бердянска). В торговле по Черному и Средиземному морям участвовали и русские гости. В своем итинерарии Вениамин Тудельский (XII в.) упомянул русские торговые корабли в Александрии²⁷². О связях Руси с Малой Азией свидетельствует сообщение Ибн ад-Асира, что после битвы на Калке «собрались

²⁶¹ М. В. Фехнер, 1961, стр. 49. Ю. Л. Шапова высказала предположение о византийском происхождении золоченых и серебряных бус (Ю. Л. Шапова, 1972, стр. 87—88).

²⁶² В. Т. Пашуто, 1968, стр. 140—141.

²⁶³ Ю. П. Глушакова, 1963.

²⁶⁴ А. Н. Пыпин, 1896, стр. 5; В. М. Данциг, 1953, стр. 190.

²⁶⁵ ПСРЛ, т. II, 1908, стлб. 295.

²⁶⁶ В. М. Данциг, 1953, стр. 191.

²⁶⁷ А. Н. Пыпин, 1896, стр. 5.

²⁶⁸ В. М. Данциг, 1953, стр. 195—196.

²⁶⁹ Л. Г. Колесникова, 1973. В поливной керамике Херсона второй половины XII—XIII вв. отражены влияния Закавказья, Сирии, Месопотамии и Ирана (А. Л. Яковсон, 1950, стр. 226; Он же, 1964, стр. 94).

²⁷⁰ Ю. Л. Шапова, 1963б, стр. 123—124.

²⁷¹ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 32, 111; Ю. Л. Шапова, 1962; Она же, 1974; М. Д. Полубояринова, 1963, стр. 235, 238; Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская, 1968.

²⁷² М. Н. Цетлин, 1964, стр. 173.

²⁴⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати ..., стр. 38.

²⁴⁹ Т. Lewicki, 1958, стр. 71.

²⁵⁰ П. С. Савельев, 1847, стр. LXXIII.

²⁵¹ Карпини, Рубрук, стр. 46.

²⁵² Е. Вижанов, 1967, стр. 9—11.

²⁵³ Я. А. Манандян, 1954, стр. 262, 277—278; А. П. Смирнов, 1958, стр. 330.

²⁵⁴ Отмечено сходство херсонской поливной керамики XIII в. с грузинской и армянской (А. Л. Яковсон, 1950, стр. 223, 226; Он же, 1964, стр. 96).

²⁵⁵ А. П. Новосельцев, 1965, стр. 413.

²⁵⁶ Р. М. Джанполадян, 1972.

²⁵⁷ Р. М. Джанполадян, А. Н. Кирпичников, 1972.

²⁵⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати ..., стр. 33—34.

²⁵⁹ Р. М. Джанполадян, А. Н. Кирпичников, 1972, стр. 27.

²⁶⁰ Ф. Д. Гуревич, 1963.

многие из знатнейших купцов и богачей русских. . . и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские»²⁷³. В Солдае (Судаке) Рубруку посоветовали купить «крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха»²⁷⁴.

*

Посредниками в связях Руси с Ближним Востоком выступали Судак, Херсон, Тмутаракань, а на северном побережье Малой Азии — Трапезунтская империя и Синоп. Через Крым сельджуки Анатолии торговали с половцами и русскими. По словам Рубрука, побывавшего в Судаке в 1253 г., «туда приходят все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумагу (gambasio), шелковые материи и душистые корни»²⁷⁵. В Солдае Рубруку сообщили о предстоящем прибытии сюда послов из Святой Земли в Золотую Орду²⁷⁶. Согласно Идриси, на ярмарку в Матраху (Тмутаракань) «приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев»²⁷⁷. В начале XIII в. торговля Иконийского султаната (Рума) с русскими княжествами и кипчаками шла через Трапезунт. Султаны Рума, которые в 1214 г. овладели Синопом и контролировали прибрежные районы, способствовали развитию транзитного товарообмена через Малую Азию и Черное море. В 1205 г., когда император Трапезунта вышел из повиновения сельджукам, «прекратилась. . . дорога из стран Рума, Руси и кипчаков и других, как сухопутная, так и морская. . . Из-за этого выпал на долю купцов большой вред, так как. . . направлялись к ним купцы из Сирии, Ирана, Мосула, Джезиры и других мест, и собралось их много в Сивасе» (Ибн ал-Асир)²⁷⁸.

На волжской магистрали Булгария оставалась огромным рынком по продаже мехов. Здесь найдены бронзовые изделия Ирана (в том числе Герата) XII—XIII вв. (табл. 53, I). Булгарские скупщики пушнины продолжали ездить на северо-восток. На Чепце, Верхней Каме и Вычегде найдены серебряные украшения булгар²⁷⁹. Изделия их торевтов обнаружены в Верхнем Прикамье и бассейне Тобола²⁸⁰. Не позднее XII в. в погоне за соболиными мехами булгары достигли земель Юры (югры русских летописей) — предков ханты и манси, живших по обоим склонам Северного Урала и в низовьях Оби²⁸¹. Арабские географы этого времени подробно

описали страну «дикого народа» Юра, где «никогда не встает солнце», меновую торговлю и передвижение на санях, «которые тащат собаки по сугробам снега» (Марвази, ал-Гарнати)²⁸². Датировка серебряных сосудов Ирана и Средней Азии с Нижней Оби временем не ранее XI в. (табл. 51, II) говорит о более позднем проникновении в эту «страну мрака», чем в Прикамье.

В XII—XIII вв., несмотря на политические противоречия и войны, булгары активно торговали с русскими княжествами. При Андрее Боголюбском они посещали Владимир²⁸³. У В. Н. Татищева под 1183 г. читаем: «Булгары волские, имея с Белою Русью непрестанной торг, множество привозили яко жит, тако разных товаров и узорочей, продавая в городех русских по Волге и Оке»²⁸⁴. В 1229 г. князь Юрий Всеволодович заключил с булгарами торговый договор²⁸⁵. Керамика болгарского типа найдена в Старой Рязани, Пронске, Переяславле-Рязанском²⁸⁶, Белоозере²⁸⁷, а русские серебряные украшения и шиферные пряслица встречены в пределах Булгарии²⁸⁸.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Для Средней Азии и Восточного Ирана основной оставалась волжская артерия (маршрут Саксин—Булгария). В XI—XII вв. был открыт путь на Северный Урал и в Нижнее Приобье. Из района Чердыни, где сосредоточены сосуды XI—XIII вв. (табл. 51, I), поднимались по Вишере, переваливали северные отроги «Земного Пояса» (Уральского хребта) и попадали в верховья Северной Сосьвы — левого притока Оби.

На Руси в XI—XII вв. сохранялась прежняя система связанных с Волгой речных дорог. Зона распространения каменных и стеклянных с металлической прокладкой бус в XI—начале XII в. совпадает с территорией обращения дирхема (табл. 53, II)²⁸⁹. На Верхней Волге (Ростов Ярославский, Пекуново) и под Киевом (Мышеловка) найдены поясные бляшки XI в., исполненные в Иране или Средней Азии (табл. 53, I). Через Булгар ввозили среднеазиатские шелковые ткани из некрученой пряжи, обнаруженные во Владимиро-Суздальской, Рязанской и Новгородской землях²⁹⁰. Маршрут по Оке с XI в. вел не на Сейм, а на Угру и к верховьям Десны (топография находок бус)²⁹¹. Через Волжскую Булгарию могла поступать в Старую Рязань рейская люстровая посуда. По мнению А. Л. Монгайта, по Оке — «реке славян» — плыл из Булгара в Киев ал-Гарнати, направлявшийся в Венгрию²⁹².

Если Северо-Восточная и Северная Русь была тесно связана с волжским направлением, то Среднее Поднепровье — с Причерноморьем. У западно-

²⁷³ А. Ю. Якубовский, 1928, стр. 66—67.

²⁷⁴ Карпини, Рубрук, стр. 89.

²⁷⁵ Карпини, Рубрук, стр. 88. Ибн ал-Асир писал о Судаке — «главном городе кипчакском»: «Приходят к нему суда с одеждами, и их покупают и вымешивают на невольниц и невольников, черно-бурых лисиц, бобров, белок и другие товары, находящиеся в их земле» (А. Л. Яковсон, 1950, стр. 26).

²⁷⁶ Карпини, Рубрук, стр. 89.

²⁷⁷ А. Л. Яковсон, 1964, стр. 78.

²⁷⁸ А. Ю. Якубовский, 1928, стр. 65—66.

²⁷⁹ А. П. Смирнов, 1951, стр. 146; В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 10.

²⁸⁰ В. Ю. Лещенко, 1970в.

²⁸¹ В XV—XVI вв. термин «югрия» обозначал обитателей Югры, как тогда называлась часть Нижнего Приобья по Сыгве и Сосьве (А. И. Попов, 1973, стр. 148).

²⁸² Б. Н. Заходер, 1967, стр. 60—69; Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати. . . , стр. 32—35.

²⁸³ ПСРЛ, т. II, 1908, столб. 591.

²⁸⁴ В. Н. Татищев, 1964, стр. 128.

²⁸⁵ Там же, стр. 225.

²⁸⁶ А. Л. Монгайт, 1961, стр. 327.

²⁸⁷ Л. А. Голубева, 1973, стр. 179.

²⁸⁸ А. П. Смирнов, 1951 стр. 155 и сл.

²⁸⁹ М. В. Фехнер, 1959, карты.

²⁹⁰ М. В. Фехнер, 1971, стр. 222—224; Она же, 1973, стр. 220.

²⁹¹ М. В. Фехнер, 1959, карты.

²⁹² Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати. . . , стр. 108—110.

мусульманских географов (Идриси, Ибн Халдун) сведения о Восточной Европе тяготеют не к Волге, а к Черному морю²⁹³. Ближневосточная утварь из металла и сиро-египетское стекло поступали в Тмутаракань и Крым по нескольким направлениям (табл. 53, I, II). Обычный морской путь паломников в Святую Землю вел через Константинополь, Эгейское море (вдоль побережья Малой Азии), Родос, Кипр и Яффу на Иерусалим (маршрут игумена Даниила)²⁹⁴. Это подтверждают совместные находки в русских городах сиро-египетского и византийского стекла²⁹⁵. Идриси описал морской путь между Константинополем и Тмутараканью вдоль западных и северных берегов Черного моря²⁹⁶. Из Матрики (Тмутаракани) константинопольские купцы посылали свои лодки до реки Танаида—Дона²⁹⁷. После захвата Константинополя латинянами (1204 г.) в черноморской торговле выдвинулись Трапезунт и Синоп, куда вели дороги через малоазийский полуостров. Рейскую посуду с росписью люстром везли не только по волжской трассе, но и через Армению (Двин, Ани) на Трапезунт и в Крым (фрагмент блюда из Херсона)²⁹⁸. Из Тавриды на Нижний Днепр попадали морем или по «залозному пути» — степью через Перекоп²⁹⁹.

О роли Днепра в связях с Ближним Востоком свидетельствует путешествие еврейского купца Петахи Регенбургского. Около 1175 г. он проследовал по маршруту Прага—Польша—Киев, затем шесть дней спускался по Днепру. Дальнейший его путь лежал через Тмутаракань и «Тюркские ворота» (Трапезунт?) на Нисибин, Мосул и Багдад. По дне-

провской артерии евреи Западной Европы и Киева поддерживали связи с единоверцами в Багдаде³⁰⁰. Находки сирийского стекла лежат на межобластных путях³⁰¹, которые функционировали и ранее (табл. 53, II). Через Киев по Припяти и ее левым притокам (или по Березине и Свислочи) проникали в бассейн Немана (находки в Турове, Слониме, Новогрудке, Волковыске, Гродно)³⁰² и далее в Польшу (Ополе). Вверх по Днепру, Ловати и Волхову восточное стекло поступало в Новгород, Старую Ладугу, Белоозеро. Дорога по Сожу документирована находкой в Мстиславле. По Десне—Оке сиро-египетское и византийское стекло достигало столицы Рязанского княжества³⁰³. Вместе со стеклянной посудой на Русь ввозили иранский и среднеазиатский фаянс (Новогрудок, Лукомль, Новгород³⁰⁴, Старая Рязань).

Уже в домонгольское время проложили дорогу от Киева в Саксин через «страну тюрок» — кипчакские степи. Возможно, по ней из Венгрии возвращался ал-Гарнати³⁰⁵. В 1246 г. из Киева сквозь «страну Команов» в ставку Бату проследовал Плано Карпини. Из Сарая-Бату он направился по Устюрту в Ургенч и далее в Семиречье и Монголию. Путь через Дешт-и-Кипчак связывал Сирию, Палестину и Египет через Крым и Тмутаракань с Нижним Поволжьем и Хорезмом. Особое значение он приобрел в золотоордынский период. Согласно Рубруку, мусульмане Персии и Турции ездили во владения Бату и через «Железные ворота» — Дербентский проход³⁰⁶.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ С ВОСТОКОМ

Говоря о торговле раннефеодальных государств Европы в IX—X вв., нельзя забывать об узости торгового развития этой эпохи, о слабости влияния товарообмена на структуру общества и экономики, которая носила потребительский характер. Задачей крестьянских хозяйств было удовлетворение собственных потребностей, а не товарное производство. На заказ, а не на рыночный сбыт работали общинные и городские ремесленники. Их продукция, выпускаемая в незначительном количестве, не предназначалась для массового покупателя. Объем внутренней торговли — «купли» — не мог быть большим. В этих условиях господствовала дальняя торговля — «гостьба», при которой с Востока ввозили монетное серебро и товары редкого потребления (драгоценную утварь, шелка — «оксамиты», пряности и т. д.) в обмен на рабов или продукты, собираемые в виде дани с подвластного населения (меха, мед, воск и др.). Внешняя торговля, сосредоточенная в административных и торговых пунктах, местах пересечения транзитных путей, затрагивала только феодализирующуюся верхушку — князя с окружением и самих торговых людей. IX—XI века вызвали к жизни характерную фигуру купца, который в зависимости

от обстоятельств легко превращался в профессионального воина или алчного грабителя. Судя по курганным погребениям Руси и Скандинавии, его атрибутами служили не только миниатюрные весы с гирьками для взвешивания серебра, но и меч, боевой топор или копье. Мужественный облик этих людей рисуют исландские саги. Их большие многоплеменные отряды, отличавшиеся необыкновенной подвижностью, по воде и суше иногда проникали в отдаленнейшие уголки Евразии. В опасный путь отправлялись купцы, их дети, родственники и слуги — все вооруженные. Подчас в роли купцов выступали сами военные предводители или рядовые дружинники. В Скандинавии некоторые бонды — владельцы средств транспорта и дружин — являлись одновременно и торговцами³⁰⁷. Способствуя накоплению богатств в руках князей, воинов, княжеского и «земского» боярства, дальняя торговля усиливала военную знать за счет рядовых общинников.

В условиях общей ограниченности обмена его социально-экономическое влияние зависело от характера товара, который определял, какое коли-

²⁹³ Б. Н. Заходер, 1962, стр. 36.

²⁹⁴ Ю. П. Глушак, 1963, карта на стр. 81.

²⁹⁵ Н. Н. Бусятская, 1972, стр. 89.

²⁹⁶ Т. Lewicki, 1956, стр. 104.

²⁹⁷ Карпини, Рубрук, стр. 88.

²⁹⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич, 1906, стр. 27.

²⁹⁹ А. Л. Яковсон, 1964, стр. 79.

³⁰⁰ J. Brutzkus, 1943, стр. 39—40.

³⁰¹ Н. Н. Бусятская, 1972, стр. 88—89.

³⁰² Ф. Д. Гуревич, 1968, стр. 35.

³⁰³ Ю. Л. Шапова, 1974.

³⁰⁴ А. Ф. Медведев, 1963, стр. 270—271.

³⁰⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... стр. 44, 129.

³⁰⁶ Карпини, Рубрук, стр. 117.

³⁰⁷ А. Я. Гуревич, 1966, стр. 57.

Рис. 17

«Восточные» мотивы в художественном металле Руси XII—XIII вв.

1 — медная бляшка из Новгорода; 2, 3 — изображения на иранских бронзовых сосудах XII—XIII вв.; 4 — серебряный браслет из Киева; 5 — птица на браслете из ГИМ

чество людей будет вовлечено (прямо или косвенно) в торговлю, насколько она будет регулярна и т. д.

В IX—первой половине X в. большое значение в экономике имели ввоз и накопление куваческих монет. Потребность в металлических знаках обращения и серебряном сырье вызвала их массовое проникновение к восточным славянам, у которых сложились собственные денежно-весовые системы³⁰⁸. Постоянный транзитный провоз восточного серебра и других товаров через территорию Руси в Скандинавию, Восточную Прибалтику и Польшу стимулировал русскую торговлю и денежное обращение. Крупные клады дирхемов, зарытые в городах, могли принадлежать богатому купцу или боярину (Новгородский клад 1953 г. — собственность владельца усадьбы на углу Великой и Холопьев улич)³⁰⁹. Клады небольших размеров, найденные на территории сельских поселений или вблизи них, отражают отношения города и экономически связанной с ним сельскохозяйственной округи³¹⁰. Те же отношения иллюстрируют курганные находки раковин каури, восточных бус, шелковых и золотых лент для отделки верхней одежды. Этот «мелочной товар» сельские

жители могли приобретать на городских рынках или у бродячих торговцев-«коробейников», разносивших его по деревням и погостам (центрам сельских общин) — зародышам будущих ярмарок. О неразвитости товарно-денежного обращения в условиях натурального хозяйства свидетельствует выпадение части дирхемов из оборота: их использовали как сырье для изготовления украшений и утвари или как украшения³¹¹. Они являлись не только средством обращения и знаками стоимости, но и материальной ценностью, принимаемой на вес. Серебро выступало как средство накопления сокровищ, ибо масштаб распространения денег был ограничен.

Торговля товарами редкого потребления на протяжении IX—XIII вв. не претерпела заметной эволюции. Художественная утварь и дорогие ткани оседали в крупных городах, употребляясь в княжеско-боярском обиходе. Восточное стекло и поливная посуда, находимые при раскопах Новгорода, Старой Рязани, Новогрудка, сосредоточены в районе богатых усадеб. Многие предметы импорта попали в клады вместе с куваческими монетами, денежными слитками или местными серебряными украшениями (Кашира, Ростов Ярославский, Киев, Шпилевка,

³⁰⁸ В. Л. Янин, 1956, стр. 79 и сл.

³⁰⁹ С. А. Янина, 1956, стр. 181.

³¹⁰ В. М. Потин, 1968, стр. 29—30.

³¹¹ В. Л. Янин, 1956, стр. 124; И. И. Ляпушкин, 1968, стр. 147.

Мышеловка). Некоторые обнаружены в погребениях X—XI вв., в том числе дружинных (Лядинский могильник, Пекуново, Гнездово, Торопец). Дешевая бронзовая посуда, поливная керамика, стекло проникали и в среду торгово-ремесленного населения.

После прекращения ввоза дирхемов экономическое значение торговли с Востоком сильно упало. В XII—первой половине XIII в. вместе с подъемом городов и расширением ремесленного производства повышается роль местной внутриобластной и ближней межобластной торговли. В ее основе лежала продажа продуктов сельского хозяйства и местных промыслов, т. е. товаров повседневного потребления. Крестьяне продавали на городском торжище продукты земледелия, приобретая изделия посадских ремесленников. Если внутренний обмен охватывал всю территорию Руси, то внешняя торговля концентрировалась в крупнейших торговых центрах типа Новгорода. Ее влияние сказывалось прежде всего на формировании профессионального купечества (с XI в.).

Связи восточных славян со странами Азии охватывали преимущественно сферу экономики (торговля) и политики (войны, дипломатия, миграции населения, вызванные политическими факторами). В отличие от исламизированной Волжской Булгарии влияние мусульманского Востока на духовную культуру и искусство христианской Руси не было значительным ввиду отсутствия религиозных контактов. Оно не приняло сложных форм, подобных всеобъемлющему византийскому влиянию³¹². Заимствовали лишь отдельные элементы культуры, например шахматную игру. Вывоз шелковых тканей и произведений художественного ремесла, служивших образцами русским мастерам, вел к усвоению пришлых орнаментальных мотивов (в архитектурном декоре, прикладном искусстве, книжной миниатюре) или заимствованию некоторых типов украшений.

Это сравнительно узкое явление — причина некоторых иконографических (но не стилистических) совпадений — носит скорее формальный, чем идеологический характер и касается не искусства в целом, а только отдельных произведений³¹³.

Приведем несколько примеров. В Новгороде в слое конца XII в. найдена медная позолоченная бляшка с гравированным изображением льва и трех лучистых дисков (рис. 17, 1)³¹⁴. С конца XII в. зодиакальный символ льва и солнца появляется на иранских бронзовых сосудах с инкрустацией серебром (рис. 17, 2, 3)³¹⁵. На монетах Сельджукида Рума Гийас ад-дина Кай-Хусрау II (1237—1246) совпадает и расположение трех светил, окружающих льва³¹⁶. Новгородский мастер видоизменил фигуру зверя в стиле русского орнамента. На серебряном браслете Киевского клада 1889 г. вырезана декоративная псевдокуфическая надпись (рис. 17, 4). В романском искусстве Франции, Германии, Англии фриз, подражающие куфическим надписям, распространились тогда же — с XII в., но особенно широко в XIII в. (скульптура, фреска, витраж, книжная миниатюра, лотарингские, рейнские и лиможские эмали и т. д.)³¹⁷. Птица с листиком в клюве на серебряном браслете из ГИМ (рис. 17, 5) находит параллели в саманидской тореветике (табл. 27, 2; 28, 3). «Птичий» орнамент в росписях безымянного храма XII в. за речкой Рачевкой в Смоленске подражает арабским материям³¹⁸. Во всех случаях восточные мотивы переработаны в местной среде как по форме, так и по содержанию.

Говоря об «ориентализмах» в искусстве Руси, следует помнить, что часто моделями служили византийские изделия (шелка, резная кость), впитавшие переднеазиатские традиции. В роли посредника могло выступать и романское искусство, которое сформировалось под сильным влиянием восточных образцов.

³¹² Д. С. Лихачев пишет о недостаточности термина «влияние» для начальных этапов формирования древнерусской культуры. «Во многих случаях... правильнее говорить не о «влиянии» отдельных культурных явлений Византии, а о переносе этих явлений... Не только отдельные произведения, но и целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы» (Д. С. Лихачев, 1973, стр. 21, 22).

³¹³ Что имеет в виду Л. И. Ремпель, когда пишет о «последнем акте перелицовки» сасанидского наследия на Руси в XII—XIII вв. (Л. И. Ремпель, 1969, стр. 75)? Ошибочен его тезис, что «в IX—XI вв. связи со всем Востоком шли в основном через Византию» (Там же, стр. 74).

³¹⁴ Приношу благодарность М. В. Седовой, предоставившей вещь для издания.

³¹⁵ SPA, IX, 1939, табл. 1314A; 1317A.

³¹⁶ Burchard Brentjes, табл. 101, 102.

³¹⁷ K. Erdmann, 1954.

³¹⁸ Н. Н. Воронин, 1965, стр. 27, рис. 12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О НЕКОТОРЫХ ГРУППАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРЕВТИКИ IX—X вв. (к вопросу о восточных влияниях в искусстве Европы)

Период сложения раннефеодальных государств в Восточной и Средней Европе (IX—X вв.) связан с обособлением локальных художественных центров. Их стабильность или эфемерность определялись временем процветания того или иного княжеского двора. В укрепленных резиденциях или при ставках кочевых предводителей организовались мастерские по обслуживанию местной знати, которая стремится запечатлеть свою власть во внешних атрибутах. Спрос на предметы роскоши, в том числе на утварь из золота и серебра, удовлетворялся как изделиями своих ювелиров, так и привозными, попадавшими путем торговли или награбленными в военных походах.

Большинство населения раннесредневековой Европы жило в относительной изоляции. Контакты между областями и населенными пунктами были нерегулярны и довольно поверхностны. Отсюда сильная стилистическая дифференциация в искусстве IX—X вв. Органичного и единого процесса развития не было и в торевтике, которая представляла собой совокупность «обособленных миров»¹. Каждый такой «мир» замыкался в пределах узкого района с несколькими мастерскими или даже с одной мастерской. Это создает особые трудности в атрибуции вещей, так как их число в каждой группе минимально, а найдены они вдали от мест изготовления.

Затрудняет определение памятников и синкретизм стиля торевтики IX—X вв. — времени миграции орнаментальных мотивов и создания «вещей-гибридов». Эти вещи объединяли такие разнородные источники, как позднеримские традиции и искусство Византии, орнаментальное наследие варварских народов Европы и кочевников евразийских степей. В государственных объединениях, подобных Хазарскому каганату, где бок о бок жили представители разных народов и религий, складывался синкретичный стиль. Благодаря диффузии и взаимодействию несхожих элементов искусство становилось более сложным, «гибридным». «Многослойность» художественной структуры произведений² — следствие разнообразия «образцов», среди которых видное место занимали предметы из золота и серебра, легко перевозимые по караванным путям. Так как местное ремесло еще не могло полностью удовлетворить возрастающий спрос, импорт произведений прикладного искусства до оттововакого времени включительно был одним из главных факторов в формировании европейских художественных школ³.

В торевтике Восточной и Средней Европы и в каролингском металле⁴ особенно ошутим «восточный пласт», обычно сводимый к «сасанидскому влиянию». Действительно, наряду с сосудами аббасидского времени привозили сасанидские и постсасанидские изделия Ирана. Однако происхождение восточных черт в европейском искусстве IX—X вв. никак не сводится к однородному воздействию искусства Сасанидов. Механизм заимствований был значительно сложнее. За последние годы выявлена важная роль среднеазиатских школ VIII—X вв., о чем свидетельствует сравнительный анализ орнамента⁵. Элементы художественной культуры Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии и таяского Китая доходили до Европы в сильно трансформированном виде. Они переда-

вались через посредничество степных кочевников Хазарии или европейских копий восточных изделий. Моделями служили и произведения VII—VIII вв., исполненные в мастерских тех народов, которые в ходе миграции из степей Евразии вступали в контакты с народностями иранского происхождения (болгаро-тюрки, венгры). На стыках культур зарождались ее смешанные формы. Таким образом, появление «сасанидских» мотивов — не прямое отражение иранских источников, а воссоздание тех или иных промежуточных звеньев.

Восточные черты сказывались в формах сосудов, технике и системе их декора (преобладание плоского рельефа и гравировки, пунсовый фон), мотивах растительного и звериного орнамента, в иконографии сюжетов.

В табл. 54 сгруппированы произведения торевтов второй половины VIII—IX в., работавших в Хазарском каганате, — посреднике между арабо-иранским и кочевническим миром. Возникновение оседлости и земледелия в Хазарии сопровождалось ростом городов и развитием в них ремесла, в том числе художественного. По-видимому, для хазарской торевтики характерны черты, общие для древнетюркского искусства на всем пространстве евразийских степей. С другой стороны, она подвергалась влиянию среднеазиатского художественного ремесла, шедшему через Хорезм в Юго-Восточную Европу.

Это влияние заметно в форме и орнаменте серебряной кружки из Томынского клада с изображением павлинов по сторонам дерева (табл. 54, 1, 2)⁶. Три пальметки на ее ручке находят аналогию на бляшках салтовской культуры⁷. Деревья на тулове имеют среднеазиатские прототипы (ср. рис. 12). Б. И. Маршак, сравнивший павлинов на сосудах табл. 11, 1; 22, 1, возвел композицию к византийской иконографии⁸. Но тот же мотив известен на сасанидском кувшине из Слудки⁹, в согдийской настенной живописи VII в. (Афраспаб)¹⁰, на глиняных очажках X—XIII вв. Образ павлина в домусульманском искусстве обычно связывают с почитанием Анахиты¹¹ или с культом солнца и огня.

Через степи Нижнего Поволжья и Северного Кавказа проходил путь из Средней Азии в Византию (табл. 50, II). Серебряный ковш, найденный в 1866 г. в Коцком городке в низовьях Оби (табл. 54, 5—9), сочетает византийскую форму¹² с мотивами древнетюркского степного искусства в декоре. Согласно А. А. Спицыну, сосуд исполнен не ранее VIII в.¹³ Я. И. Смирнов отметил, что «характерные деревья на ободке ковша... находят себе аналогии и хронологическое определение во множестве бляшек, относимых к VIII—X вв.»¹⁴. Действительно, тождество стилизованных «деревьев» из трех пальметок на разветвляющемся стволе с поясными бляшками салтовского типа определяет дату и происхождение вещи.

На ручке представлена борьба двух спешившихся всадников (табл. 54, 6). На них костюмы для верховой езды: подпоясанные кафтаны, полы которых перед поединком заправлены за пояс, штаны и невысокие сапоги без каблучков.

¹ P. Skubiszewski, 1965, стр. 220.

² Польский исследователь П. Скубишевский определяет понятие «слой» или «пласт» как монолитное единство стилистических и иконографических признаков, появившихся под влиянием однородных факторов в процессе создания произведения искусства (P. Skubiszewski, 1965, стр. 179).

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 33 и сл.

⁵ Б. И. Маршак, 1971, стр. 55, 62—63, 90.

⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 116.

⁷ Там же, стр. 8; T. J. Arne, 1914, стр. 119.

⁸ Б. И. Маршак, 1971, стр. 36, 63.

⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 79.

¹⁰ В. Шишкин, 1966, рис. на стр. 62; Л. И. Альбаум, 1975, табл. I.

¹¹ L. I. Ringbom, 1957, стр. 6, 15, 17.

¹² Б. И. Маршак, 1971, стр. 63.

¹³ А. А. Спицын, 1906, стр. 45.

¹⁴ Я. И. Смирнов, 1909, стр. 8, № 92.

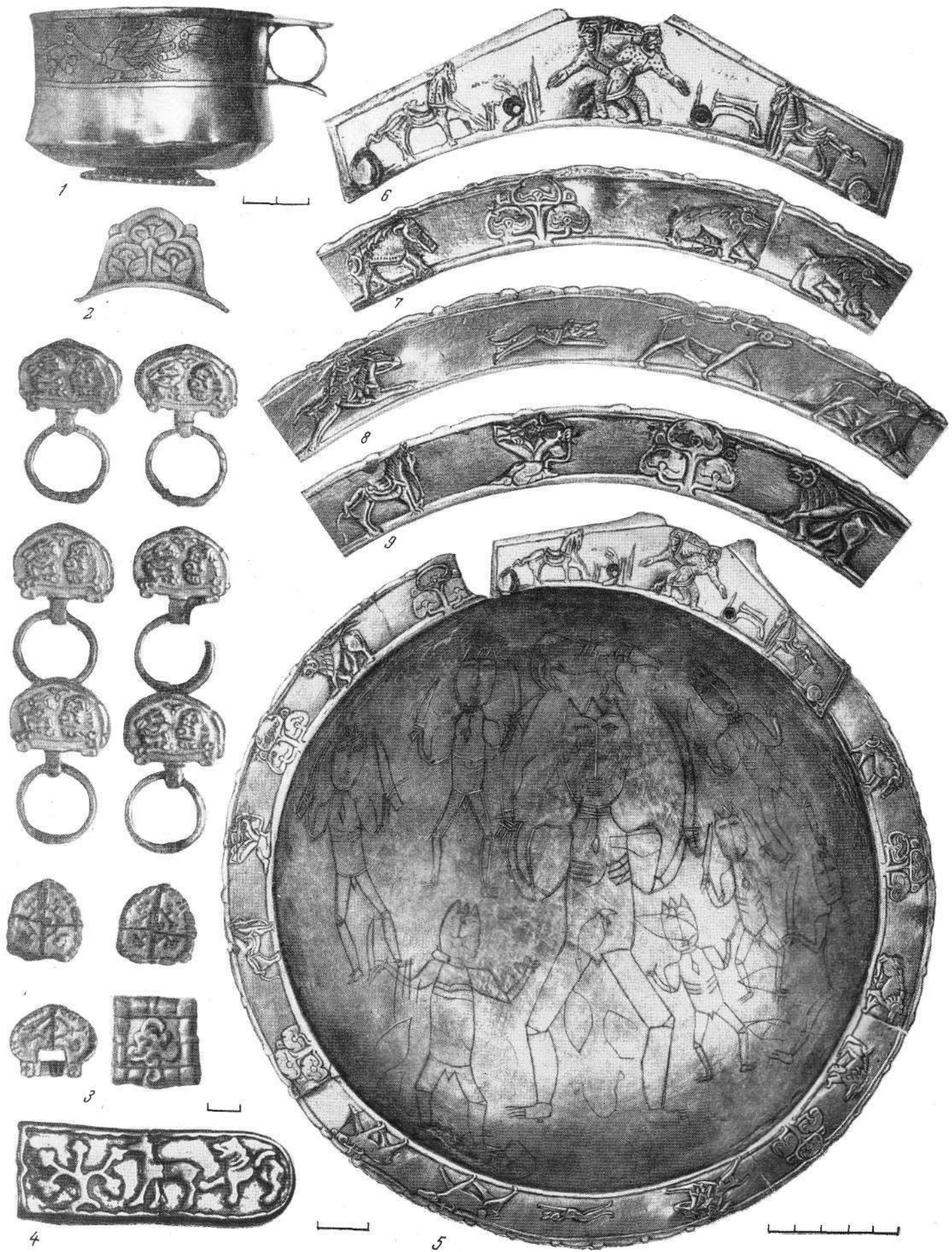

Таблица 54
 Серебряные изделия Хазарии
 1, 2 — Томыз; 3 — Редикор; 4 — Зарайск; 5—9 — Коцкий городок

Борцы различаются типом лиц и прической. Один из них с длинными усами, волосы повязаны развевающейся лентой. Головной убор в виде повязки носила тюркская кочевая аристократия, что отмечали китайские авторы, например Сюань Цзан, при описании владетелей Кучи¹⁵. Всадник в походной шапочке с лентой вырезан на камне с Майцкокого городища¹⁶, ее носит один из персонажей на поясных накладках клада, найденного в 1908 г. близ с. Редикор Пермской обл. (табл. 54, 3)¹⁷. У второго участника поединка волосы заплетены в длинные косы. Хотя у тюркоязычных народов косы носили и мужчины (один из этнических признаков тюрков от юго-востока Европы до Центральной Азии), более вероятно, что здесь изображена девушка (лицо безбородое и безусое). Рядом с каждым из борцов сложено его оружие: кинжал, колчан со стрелами и налучье с луком (аналогично расположенные колчаны и луки в футлярах изображены около спешившихся всадников на «изваянии»-валуне погребения 16 могильника Кудыргэ на Алтае, VII в.)¹⁸. По сторонам богатырей стоят их оседланные кони, привязанные к кольцам. Кони степные, монгольской группы, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. Уздечки показаны с носовым ремнем и ремнем оголовья. Твердые седла близки древнетюркским седлам VIII—X вв. (отличие заключается в отсутствии выреза в нижней передней части полка). Они состоят из деревянных передней и задней луки и двух полок лещика. Полки имеют небольшой овальный вырез в задней части, в результате чего образовалась широкая лопасть (в Китае такие седла были известны уже в 30-е годы VII в.)¹⁹.

По ободку ковша размещены разделенные деревьями сцены богатырских охот. Они идут в такой последовательности (по часовой стрелке): кабан; два медведя (табл. 54, 7); всадник с арканом в сопровождении борзой преследует двух оленей-маралов (табл. 54, 8); далее тот же спешившийся охотник, стоя на одном колене, посылает стрелу в выходящего из-за дерева льва (табл. 54, 9). Лук сложный, 3-образно изогнутый (на Алтае начал применяться в VII—IX вв.)²⁰. За спиной богатыря привязан его конь. От передней части седла на ремнях свешиваются стремена (процарапаны). Возникновение стремей, которые в конце VI в. вместе с аварами проникли в Европу, связано с изобретением седла с твердым остовом²¹.

Сюжетные параллели героической охоте находим в искусстве тюркоязычных племен Саяно-Алтая. Таковы сцены охоты конных лучников, вырезанные на двух роговых накладках от луки седла из Кудыргэ (VI—VII вв.)²², и бронзовые рельефы от луки седла из кургана 6 Копенского чаатаса на Енисее (VIII в.)²³. Накладки из Кудыргэ сближаются с ковшем реалистической манерой рисунка, фигурами оленей и собаки, деталями костюма и вооружения всадников (бахрома, ниспадающая с головного убора, шаровары, лук и налучье).

М. И. Ростовцев усматривал в сцене борьбы на сосуде ритуальное сражение за царскую власть — эпизод иранского эпоса. В «Шахнаме» герои прибегают к борьбе, когда другие способы боя не приносят решительного успеха²⁴. С героическим эпосом южносибирских народов связал сюжеты на ковше М. П. Грязнов, который отметил, что усатый персонаж в шапочке с лентой — главный герой повествования — повторяется во всех сценах. По мнению М. П. Грязнова, представлена целая эпопея: охотничьи подвиги богатыря и его поединок с другим богатырем²⁵.

Анализ изображений на ковше приводит к заключению, что перед нами сцены из эпоса типа сказания об Алпамыше, которое распространилось по бескрайним степям от предгорий Алтая до западных границ передвижения тюркоязычных племен огузов и кипчаков — Средней Волги (Казань), Южного Урала (Башкирия), Закавказья (Азербайджан) и Малой Азии (Анатолия)²⁶. Древняя огузская версия эпоса об Алпамыше представлена «Рассказом о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури», который входит в состав средневекового эпического цикла

«Книга моего деда Коркута», и анатолийскими народными сказками о Бейреке. Согласно В. М. Жирмунскому, отдельные элементы сказаний в форме богатырской сказки восходили у огузов к поре их жизни на Алтае в составе Тюркского каганата VI—VIII вв.²⁷ В IX—X вв. вместе с продвижением огузов к западу их фольклор был перенесен в низовья Сырдарьи, в период сельджукского завоевания XI в. — в Закавказье и Малую Азию.

Как свидетельствуют сцены на ковше, мотивы огузской версии эпоса не позднее IX в. стали известны на территории Хазарского каганата, возможно в смешанной хазаро-огузской среде. Хазары считали себя родственными по происхождению с кочевниками зауральской равнины — огузами (гузами), которые постепенно продвинулись на запад вплоть до Волги. Огузские племена находились под политическим влиянием Хазарии и служили военной опорой хазарских царей. Им (или пенегамам) была поручена охрана Саркела²⁸. В этих условиях легко происходило усвоение пришлых эпических мотивов, их распространение вместе с кочующими тюркскими племенами. Культурные контакты степняков с оседлым населением городов, этническое смешение с ним вели к взаимосвязям в области эпики. Не исключено, что и у самих хазар существовали близкие версии сказания.

Один из обязательных эпизодов «Рассказа о Бамси-Бейреке» — состязание героя-жениха с невестой — богатырской девой. Однажды во время охоты, преследуя дикую козу, Бамси-Бейрек заметил красный шатер, поставленный на зеленом лугу. Это шатер «светлоокой девы» Бану-Чечек, уже с колыбели обрученной с Бейреком. Девушка решила испытать мужество жениха. Назвавшись служанкой Бану-Чечек, она предложила Бейреку три испытания: «Давай выедем вместе на охоту: если твой конь обгонит моего коня, ты обгонишь и ее коня; выпустим тоже вместе стрелы: если ты меня превзойдешь, ты превзойдешь и ее; потом поборемся с тобой: если ты меня одолеешь, то одолеешь и ее». Бейрек побеждает во всех трех состязаниях. После того как он с трудом пересиливает в борьбе, девушка называет героя свое имя²⁹. Богатырские состязания при сватовстве — обязательная часть эпоса об Алпамыше, а образ его невесты с древними чертами амазонки сохранился во всех версиях сказания. Богатырь, побеждая воинственную деву, становится ее мужем, а побежденная лишается богатырской силы³⁰. Эта борьба между женихом и невестой — восходящая к матриархату форма брачных испытаний — и представлена на ручке ковша.

С темой героического сватовства связаны и сцены охоты. В тюркских и монгольских богатырских сказках герой на пути к своей «суженой» сражается с хищниками (в том числе с медведями) и сказочными чудовищами (на ковше их заменил лев). В алтайской сказке «Ак-би» ему поручают привести из трех медведей, что живут за горой Темир-тайга, самого младшего. В другой алтайской сказке отец невесты подвергает жениха несложным испытаниям: он должен победить и привести в ставку одного из трех медведей и из трех сивых быков, тигра, «желтого» жеребца, пасущегося у Желтого моря, а также одолеть неведомого зверя Андалма³¹. В анатолийских сказках героя заманивают в плен оленя, которого он преследует во время охоты³². В эпосе степных кочевников важную роль играет богатырский конь, без которого не обходится ни одна сцена на ковше.

По-видимому, сцены «читаются» в такой последовательности: 1. Поимка оленя (это чудесный, «златорогий» олень, которого нельзя убить, а можно только заарканить) — одно из брачных испытаний героя. За всадником идут кабан и два медведя, с которыми ему предстоит вступить в единоборство. 2. Второе испытание жениха — победа над львом. 3. Борьба с богатырской девой, за которой следует счастливая свадьба. Есть и другой вариант объяснения: приключения героя-охотника на пути к «суженой». Так как все сюжеты объединены темой героического сватовства, можно предположить, что ковш заказали для свадебного подарка.

Стилистически ему близки серебряные поясные накладки из Редикора (VIII—IX вв.) с изображением двух персонажей (мужчины и женщины?), обращенных друг к другу (табл. 54, 3). К той же группе относится серебряный ремешок с наконечником из Зарайского клада (табл. 54, 4)³³. Он сходен с ковшиком

¹⁵ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 148.

¹⁶ М. И. Артамонов, 1962, рис. на стр. 289.

¹⁷ ОАК за 1909—1910 гг., рис. 278.

¹⁸ А. А. Гаверилова, 1965, стр. 21, табл. VI, 2.

¹⁹ С. И. Вайнштейн, 1966, стр. 69, рис. 7.

²⁰ С. В. Киселев, 1951, стр. 511—512.

²¹ С. И. Вайнштейн, 1966, стр. 65—67.

²² А. А. Гаверилова, 1965, стр. 35—36, табл. XVI, 1.

²³ С. В. Киселев, 1951, стр. 622, табл. LVII, 1—4; LVIII, 1, 2;

Б. И. Маршак, 1971, стр. 56—57.

²⁴ М. Rostovtzeff, 1933, стр. 166.

²⁵ М. П. Грязнов, 1961, стр. 10, 17.

²⁶ В. М. Жирмунский, 1960, стр. 10.

²⁷ Там же, стр. 9, 63—66.

²⁸ М. И. Артамонов, 1962, стр. 114, 239, 327, 328, 419.

²⁹ В. М. Жирмунский, 1960, стр. 67—68.

³⁰ В. М. Жирмунский, стр. 70, 71, 74, 86, 221, 258.

³¹ Там же, стр. 226—228.

³² Там же, стр. 80.

³³ Б. А. Рыбаков, 1948, рис. 14.

изображением льва и фигурным бордюром, характерным для салтовских поясных накладок, а с томыской кружкой — деревом с трехлепестковыми пальметками.

*

Через «степной мост» и Византию восточные мотивы проникли в карпато-дунайское искусство.

В торежке Великой Моравии IX в. (табл. 55) раннему-сульманские элементы получили своеобразную интерпретацию³⁴. Птицы на пунсоном фоне в четырех медальонах кружки из с. Клешикино Чердынского у. (табл. 55, 1)³⁵ находят аналогию в декоре великоморавских серебряных и бронзовых пуговиц-«гомбиков» (гомбики из погребений в Старе Место «На Валах»³⁶ и Поганско под Бржецлавом — табл. 55, 2³⁷). Если птицы на пунсоном фоне восходят к восточным прототипам, то S-видная ручка с пальметтой в завитке — византийской формы³⁸. Об использовании ювелирами Великой Моравии византийских образцов свидетельствуют золотые и серебряные украшения³⁹. На них находим и «каролингскую» плетенку⁴⁰. Б. И. Маршак причисляет к тому же художественному кругу серебряные чаши из Эльфкарлебу (провинция Уппланд, Швеция)⁴¹, обычно относимые к «нордической металлопластике». Птица в медальоне дна (табл. 55, 3), обработанный пунсоном фон фигур близки гомбикам (что отмечено Э. Кланницей)⁴² и кружке из Клешикина. Розетку в медальоне на дне чаши из Эльфкарлебу ср. с розетками табл. 13. Аканты-пальметты между медальонами на стенках восходят к рейнской каролингской орнаментике⁴³.

Группа европейских серебряных сосудов IX—X вв. отличается предельно схематизированным стилем гравированных изображений (табл. 55, 4—8). Охотник с соколом (табл. 55, 7)⁴⁴; лев, терзающий оленя (табл. 55, 5)⁴⁵, — восточные мотивы. Псевдокуфическая надпись украшает блюдо из дер. Рублево Свердловской обл. (табл. 55, 8)⁴⁶. Исследователи сравнивают эти блюда с великоморавскими изделиями (возможно, исполнены в X в. после распада Великой Моравии). Декоративные ленты на шее и туловище оленя табл. 55, 7 (блюдо из Томской губ.) находят параллель на серебряной пластинке из погребения в Желенки (вторая половина IX в.). Похожи копыта и рога оленя, пояснок на шее птицы⁴⁷. Головная повязка охотника связана с тюркской средой. Растения вокруг медальона — византийского типа⁴⁸. Заштрихованные ленты, как на пластинке из Желенки, декорируют льва рублевского блюда. Меандровые бордюры, характерные для блюда этой группы, — распространенный иранский и каролингский мотив, известный и на великоморавских вещах⁴⁹. Передаточей морд и лап звери на блюдах из Сосьвинского городка Тобольской губ. (табл. 55, 4)⁵⁰ и рублевском напоминают зверей на чашах из Эльфкарлебу⁵¹. По Б. И. Маршаку, изделия табл. 55, 5—7 происходят из Волжской Болгарии⁵². Но композиции на болгарских серебряных украшениях X—XI вв. (например, на бляхах с охотничьими сценами, отражающими влияние иранских и среднеазиатских образцов)⁵³ имеют мало общего с сокольным блюдом табл. 55, 7.

*

³⁴ К. Benda, 1963, стр. 50 и сл.; J. Bureš, 1964 (о мотиве пальметты типа табл. 16, 4 на великоморавских ювелирных изделиях). По мнению автора, элементы исламской орнаментики проникали на Запад через посредство хазар.

³⁵ Я. И. Смирнов, 1909, № 154.

³⁶ Z. Klanica, 1970, рис. 9, 1.

³⁷ К. Benda, 1966, табл. 49.

³⁸ P. Skubiszewski, 1965, рис. 194—196.

³⁹ В. П. Левашева, 1969, стр. 128. Византийские ювелиры работали в Паннонии уже в VII в. (B. Swoboda, 1953).

⁴⁰ К. Benda, 1966, табл. 23.

⁴¹ T. J. Arne, 1914, рис. 320, 321; P. Skubiszewski, 1965, рис. 165, 177.

⁴² Z. Klanica, 1970, рис. 16.

⁴³ К. Benda, 1966, табл. 56; 57.

⁴⁴ Я. И. Смирнов, 1909, № 159.

⁴⁵ Там же, № 96.

⁴⁶ В. Н. Чернецов, 1957, стр. 244, табл. I, 2.

⁴⁷ К. Benda, 1963, стр. 62—64, рис. 12; Он же, 1966, табл. 59; 60 и текст.

⁴⁸ К. Benda, 1963, стр. 64.

⁴⁹ К. Benda, 1966, табл. 65.

⁵⁰ Я. И. Смирнов, 1909, № 158.

⁵¹ E. Oxenstierna, 1959, табл. 41.

⁵² Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁵³ В. Ю. Лещенко, 1970в.

Венгерские исследователи констатируют влияние «позднего сасанидского стиля» на языческое искусство Венгрии X в. Местные ювелиры — создатели целостной и самобытной орнаментики — столь радикально переработали восточные элементы, что их первоисточник почти невозможно установить (семирноподобные звери у «древа жизни» на пластине от сумки из Тиса-Бездед⁵⁴, священная птица с веткой в клюве на серебряных подвесках из Ракамаза⁵⁵). Ленты с дуговидными перехватами и продольными черточками на подвеске из Тисаберцеля⁵⁶ восходят к раннеисламскому металлу (ср. табл. 32). Штриховые бордюры пальметт, линии с тремя точками внутри их лепестков имеют прототипы в среднеазиатском серебре VIII—IX вв. (ср. рис. 6 и 12)⁵⁷. Следы влияния согдийской торежки школы В прослежены Б. И. Маршаком на серебряной кружке из мадьярского погребения в Земплине (Восточная Словакия)⁵⁸. Истоки венгерской орнаментики X в. пытаются найти в искусстве евразийских степей VIII—IX вв. В этот период древневенгерские мастера могли воспринять иранские и среднеазиатские мотивы (при посредничестве Хазарии?), переосмыслив их по-своему. В X в. образцы художественного ремесла Востока попадали на территорию дунайской Венгрии, где, по сообщениям источников XI—XII вв., обосновались мусульманские переселенцы. Венгерские кушчи-мусульмане ездили в Чехию, Константинополь и Малую Азию⁵⁹.

К венгерской продукции X в., вероятно, принадлежит несколько серебряных блюд с позолотой и гравировкой, найденных на Урале и в Приобье (табл. 56)⁶⁰. На блюде из починка Утемильского Вятской губ. (табл. 56, 4) вырезан конный охотник с соколом и слугой⁶¹. По мнению К. Бенда, рисунок исполнен мастером из тюркской кочевнической среды, который подражал постсасанидскому образцу⁶². По Г. Ласло, чаша сделана для знатного венгра (сходство орнамента конской сбруи и колчана с венгерским)⁶³. Мотив всадника с соколом — восточное заимствование (прикладное искусство Средней Азии и Ирана IX—XIII вв.). Во второй половине IX в. он стал известен великоморавским ювелирам⁶⁴, а в X—XIII вв. получил распространение на украшениях волжских булгар⁶⁵. Позой всадника с соколом на одной руке и с поводьями в другой, положением передних ног коня композиция блюда сходна с иранской тканью X—XI вв. из Дарема в Северной Англии⁶⁶ и с серебряным медальоном второй половины IX в. из Старе Место у г. Угерске Градище в Моравии⁶⁷. Оперешем хвоста сокол сближается с птицами в росписях Самарры (836—839 гг.)⁶⁸.

Детали конского убора относятся к IX—X вв. Стержневые псали с отогнутыми утолщенными концами характерны для VIII—X вв.⁶⁹ Миндалевидные подвесные бляхи (на крупе коня) известны по материалам салтово-маяцкой культуры⁷⁰ и изображениям всадников на камнях из Плиски и Преслава (IX—X вв.)⁷¹. Костюм кочевого предводителя включает войлочную шапку (тюркский «калкак»), кафтан и мягкие сапоги без каблучков с фигурной выкройкой голенищ. Похожий сапог найден в Хасаутском могильнике в окрестностях Кисловодска⁷². «Тюркского» типа колчан расширяется книзу. Ср. пальметки на нем с табл. 8, 8; 16, 4; 56, 1.

⁵⁴ I. Dienes, 1972, стр. 66—67, табл. 10; 11.

⁵⁵ Там же, стр. 70—71, табл. 32—34.

⁵⁶ Там же, рис. 38.

⁵⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 55.

⁵⁸ Там же, стр. 55 (примеч.), рис. 35.

⁵⁹ T. Lewicki, 1938, стр. 112—116; Т. Левицкий, 1960, стр. 131.

⁶⁰ Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁶¹ Я. И. Смирнов, 1909, № 157. Мотив слуги с конем повелителя известен в пяджикентской живописи (А. Беленицкий, Б. Маршак, 1973а, рис. на стр. 64); с конца XII до начала XIV в. — в мусульманском металле и поливной посуде. С аббасидского времени оседланный и взнузданный конь постоянно находился наготове в халифском дворце. Композиция «конь со слугой» означала высокий ранг седока (G. D. Guest, R. Ettinghausen, 1961, стр. 32, 35, 40, рис. 8—27).

⁶² К. Benda, 1963, стр. 54.

⁶³ G. László, 1970, рис. 34 и текст.

⁶⁴ К. Benda, 1963 (с библиографией).

⁶⁵ В. Ю. Лещенко, 1970в.

⁶⁶ К. Benda, 1963, рис. 2 и 3.

⁶⁷ Там же, рис. 1.

⁶⁸ E. Herzfeld, 1927, табл. XLV; XLVI, 1, 3.

⁶⁹ С. И. Вайнштейн, 1966, рис. 10.

⁷⁰ С. А. Плетнева, 1967, рис. 46, 14.

⁷¹ Н. Мавродинов, 1959, рис. 67, 68.

⁷² А. П. Рунич, 1971, рис. 6, 3.

1

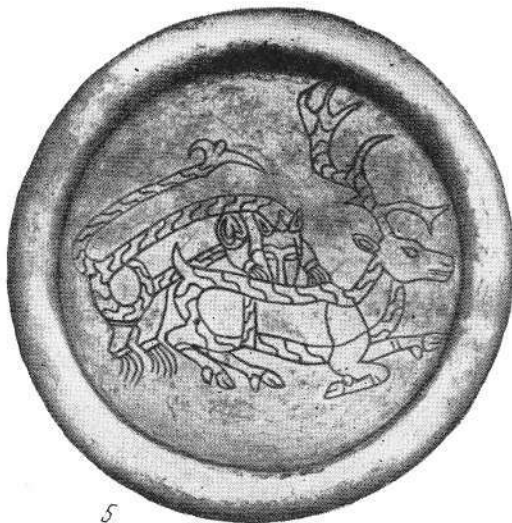
2

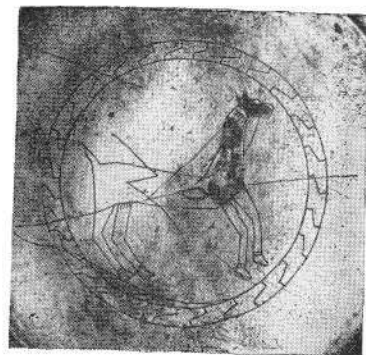
3

4

5

6

7

8

Таблица 55
Европейские серебряные изделия

1 — Клепшино; 2 — Поганско под Бржецлавом; 3 — Эльфкарлебу (деталь); 4 — Сосьвинский городок; 5 — место находки неизвестно (Россия); 6 — Кудесева (деталь); 7 — Томская губ.; 8 — Рублево

1

2

3

4

Таблица 56
 Серебряные изделия «венгерской» группы
 1 — Веселовское; 2 — Мужик; 3 — Кудесева; 4 — Утемплъский

Конный воин в тяжелом доспехе выгравирован на серебряном блюде из с. Мужки Березовского у. Тобольской губ. — стилистической аналогии утемильскому (табл. 56, 2)⁷³. На всаднике шлем конической формы с кольчужной бармицей. Он скелан из четырех (?) листов, швы покрыты полосками железа, нижний край стянут обручем. Азиатские конические шлемы (рисунки на «изваянии»-валуне VII в. из Кудыргэ и Сулекской писанице в Хакасии IX—X вв.⁷⁴) принесены в Европу не позже 900 г. Во второй половине X в. они сменили полушаровидные и полуяйцевидные каски эпохи Меровингов и Каролингов⁷⁵. Наиболее ранние европейские конические шлемы известны по рисункам всадников, вырезанным на камнях, из Плиски и Преслава, по изображениям ковра из Байо (1066—1082 гг.). К X в. относится конический шлем из Гнездова⁷⁶.

На воине кольчужное оплечье (?) с рукавами до локтей (кольчуги появились в Европе в IX в.), а поверх него — подпоясанный безрукавный панцирь из прошурованных пластинок. Налуче сделано по форме лука, но короче его. В левой руке всадника плеть.

Б. И. Маршак обратил внимание на то, что всадник показан отвернувшись от зрителя, нет глаза у коня, нет оружия: даже налуче пустое. Объяснение он находит в поверье о магической силе изображений, якобы имеющих душу, об их способности «сглазить» человека. К примеру, у эскимосской куклы отсутствует лицо, а вместо носа часто пришит птичий клюв: эскимосы боялись, что кукла с лицом приобретет душу и навредит ребенку⁷⁷. Чтобы избежать «порчи», мастер «обезоружил» воина и представил его «безликим». По-видимому, не случайно венгерское искусство X в. не знает изображений человека.

Находка в древнеарийском погребении близ с. Веселовское Марийской АССР пластины от сумки X в. с типичным венгерским орнаментом из пальметт в плетении (табл. 56, 1)⁷⁸ позволяет отнести к импорту из карпато-дунайского бассейна и серебряную чашку из дер. Кудесева Чердынского у. (табл. 56, 3)⁷⁹. Львы на пластине близки льву на чашке своим контуром, трактовкой морд с острым высунутым языком, дугами ребер с кружками на концах, штриховкой живота и лап, полуальметтой на хвосте. Для кудесевской чашки характерен мотив трех точек на конце дуги. Спиральные завитки на лопатках льва ср. с завитками у «сенмурвов» пластины из Тиса-бездед. Львы венгерской орнаментики, возможно, заимствованы из среднеазиатских образцов IX в. (ср. табл. 6, 1).

*

Эклектическими произведениями с ярко выраженным азиатским фоном являются знаменитые золотые сосуды клада из Надь-Сент-Миклош. По мнению Н. Мавродинова, они происходят из нескольких мастерских последней трети IX в. на территории Болгарского царства. Центральноеазиатские традиции, которые принесли тюркские племена болгар, были обогащены на Балканах эллинистическо-византийскими, сасанидскими и раннеисламскими мотивами⁸⁰.

С точки зрения восточных воздействий особенно показательно кувшины 1—7 (по нумерации Н. Мавродинова). Элементы азиатского искусства в их орнаменте неоднородны. Те из них, которые восходят к сасанидскому Ирану, вероятно, усвоены через посредство исламских переработок VIII—IX вв. (форма кувшинов 1, 2 и аканфовые фризы в верхней части их тулова⁸¹; орел с обнаженной женщиной) — параллель поздне-сасанидскому блюду из Чердыни⁸².

Некоторые растительные мотивы могут восходить к среднеазиатской орнаментике. Ср. рис. 13, 4 и вьющиеся стебли с массивными пальметтами и полуальметтами на пунсонном фоне

⁷³ Я. И. Смирнов, 1909, № 156.

⁷⁴ Л. Р. Кыласов, 1969, рис. 41.

⁷⁵ А. Н. Курпичников, 1971, стр. 25.

⁷⁶ Там же, табл. X, 1.

⁷⁷ Г. Дайн, 1971, стр. 18.

⁷⁸ I. Erdélyi, 1961, стр. 95—100, рис. 1 и 2; I. Dienes, 1972, рис. 23.

⁷⁹ Я. И. Смирнов, 1909, № 290. Вместе с чашкой найдены серебряное блюдо с изображением коня — табл. 55, 6 (Там же, № 294) и четыре гривны глазовского типа.

⁸⁰ Н. Мавродинов, 1943; обзор новейшей литературы по кладу см.: К. Venda, 1965.

⁸¹ Ср. иранский кувшин VII в. (Я. И. Смирнов, 1909, № 83).

⁸² К. В. Тревер, 1937, стр. 8 и сл., табл. III.

(венчик кувшина 6⁸³, ручка блюда для фруктов 8⁸⁴). Ср. кольцо из пальметт вокруг медальонов на кувшине 7⁸⁵ и рис. 6, 1, 2 и 13, 1—3, а пальметты на кувшинах 1 и 2 — с табл. 22, 3⁸⁶ и табл. 21, 4, 5. Окаймленный перлами ложчатый венчик кувшина 6 напоминает кружки табл. 17, 3—8. Фон, обработанный кольцевым пунсоном, характерен для изделий Средней Азии и Китая VII—VIII вв.

Орнаментика сентмиклошских кувшинов отражает влияние и раннеисламского металла IX—X вв. Переплетающиеся медальоны со скобовидным заполнением лент (кувшины 2) встречаем в саманидской торевтике X в. (табл. 28). Ее декор включает и цепочки из таких же звеньев, как на кувшинах 3 и 4 (табл. 27, 1)⁸⁷. Ручки с объемными бусинами и форма сближают кувшины 3—6 с бронзовыми кувшинами Ирака, Ирана и Средней Азии, наиболее ранние из которых выполнены в IX—X вв.⁸⁸

Итак, в восточном «пласте» кувшинов из Сент-Миклоша различимы три источника: 1) образотворчество Сасанидов (в раннеисламских версиях VIII—IX вв., когда происходил отбор и видоизменение сасанидских деталей); 2) среднеазиатская традиция в контакте с тюркской степной; 3) орнаментика раннеаббасидского периода. Мастеров, выполнявших заказ болгарского (?) вождя, вдохновляли образцы разного времени и происхождения. В руках тюркской знати скапливались огромные богатства, о чем можно судить хотя бы по Перещепинскому сокровищу (вещи от IV до VII вв.). Об изобилии сосудов из золота и серебра у печенегов сообщает ал-Бакри (XI в.)⁸⁹. Награбленные в различных странах предметы активно влияли на творчество придворных мастеров по металлу.

Б. И. Маршак относит к числу балканских блюда 97, 98 по атласу Я. И. Смирнова⁹⁰. Лев в борьбе со змеей на блюде, найденном близ Базеля, близок льву на рельефе из Стара-Загоры (IX—X вв.)⁹¹. Растительное окончание его хвоста, сходное с орнаментами полихромной керамики Преслава (X в.)⁹², имеет византийские прототипы⁹³. Другая плита из Стара-Загоры со львицей, которая кормит львенка⁹⁴, находит сюжетную параллель на иранском блюде VIII в. (табл. 4, 1). Судя по надписи, оно побывало в руках тюрков — посредников при передаче в Византию и на Балканы ирано-среднеазиатских мотивов. Две львицы со львятами у «древа жизни» на мраморном рельефе VIII—IX вв. из церкви константинопольского Большого Дворца⁹⁵ — также восточное заимствование.

По-видимому, в X в. на Балканах (в богомилской среде?) исполнили парные блюда из с. Укан Вятской губ.⁹⁶ Влияние исламского декора заметно в меандровых ободках, перьевидном узоре на шее грифона и форме его лап, близких саманидской торевтике X в. (табл. 27; 28). Пятна из трех кружков на животных и листья, сходные с растением во рту оленя, встречаем в среднеазиатском серебре VIII—X вв. (табл. 5; 23 и др.). Популярны в Византии сюжеты (особенно грифон в схватке с драконом) отражали дуалистическую идею борьбы церкви и Христа с царством дьявола. На византийских памятниках X—XI вв. изображали похожих драконов со змеиным туловищем и «волчьей» головой. Мотив борьбы грифона со змеевидным драконом известен уже в предвизантийском искусстве (бронзовое украшение пояса VII—VIII вв. из Миккульчи).

*

В VIII—X вв., когда арабские и иранские купцы проникали со своими товарами до внутренних областей Китая (южными морями Индийского океана или по караванному

⁸³ Н. Мавродинов, 1943, табл. X.

⁸⁴ Там же, табл. XV, 2.

⁸⁵ Там же, табл. XI.

⁸⁶ Б. И. Маршак, 1971, стр. 55.

⁸⁷ Н. Мавродинов, 1943, табл. VII; VIII.

⁸⁸ Б. И. Маршак, 1972, стр. 69, рис. 1; 3; 5; 7; 8; 14, 1.

⁸⁹ Б. Н. Заходер, 1967, стр. 74.

⁹⁰ Б. И. Маршак, 1973, стр. 21.

⁹¹ Н. Мавродинов, 1959, рис. 249.

⁹² Там же, рис. 310.

⁹³ А. В. Банж, 1971, рис. 12.

⁹⁴ Н. Мавродинов, 1959, рис. 250.

⁹⁵ Ch. Delvoe, 1967, рис. 87.

⁹⁶ Я. И. Смирнов, 1909, № 132, 133. Подробно о них см.: В. П. Даркевич, 1975, стр. 263, 264, илл. 376—377. Б. И. Маршак отнесит оба блюда к Ирану X в. (Б. И. Маршак, 1973, стр. 21).

Таблица 57

Серебряные сосуды «балканской» группы

1-3 — Плеханова; 4 — ларец из Труа (резьба по кости); 5, 6 — Дуне; 7-9 — Преслав

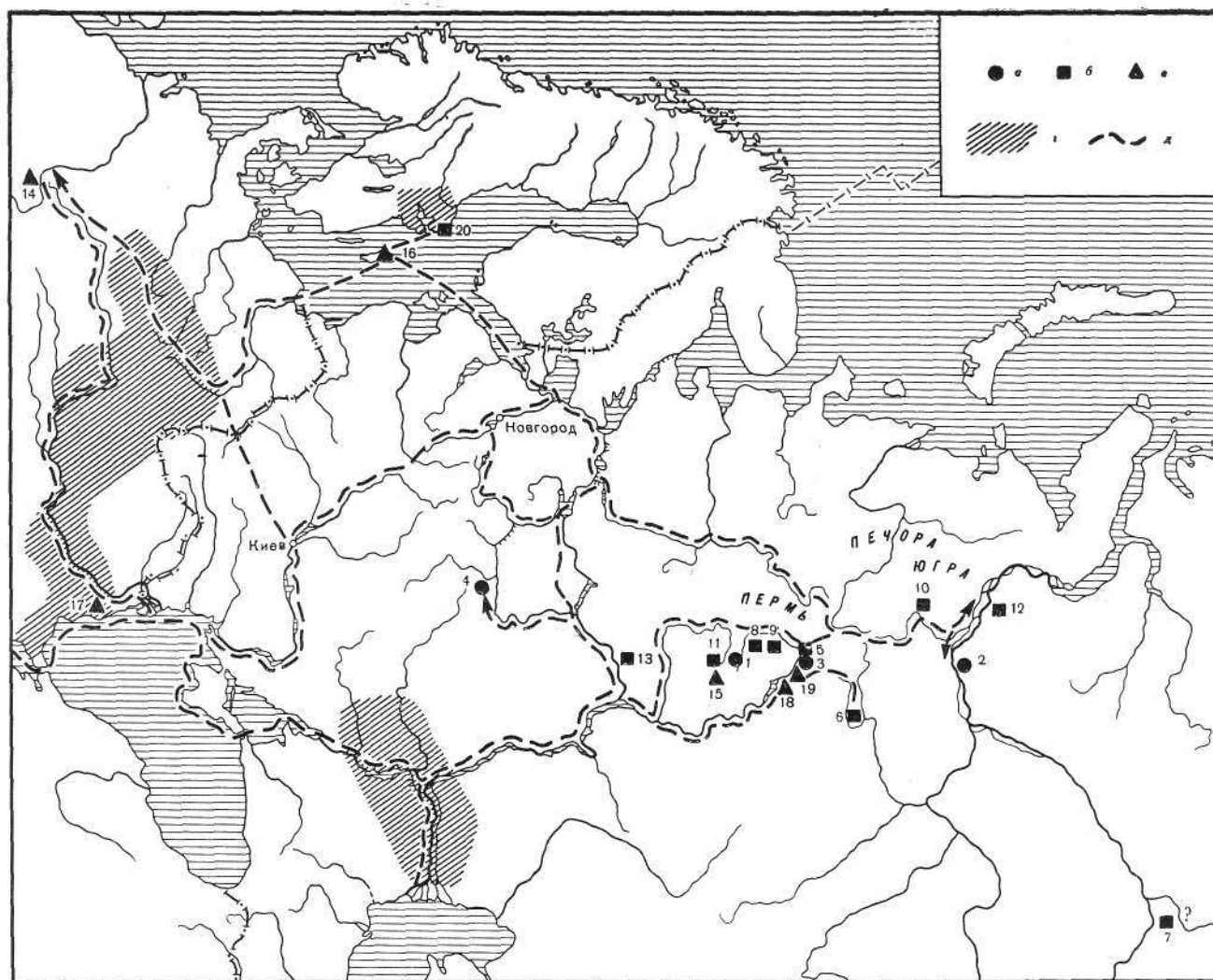

Рис. 18

Распространение европейских серебряных сосудов IX—X вв.

a — серебряные изделия «хазарской» группы; *b* — сосуды Великой Моравии и Венгрии; *c* — сосуды «балканской» группы и Византии; *г* — предполагаемые области изготовления сосудов в IX—X вв.; *д* — пути сообщения
 1 — Томыз; 2 — Коцкий городок; 3 — Редикор; 4 — Зарайск; 5 — Клешикино; 6 — Рублево; 7 — Томская губ.;
 8, 9 — Кудесева; 10 — Сосьвинский городок; 11 — Утемильский; 12 — р. Куноват (с. Мужы); 13 — Веселовское;
 14 — Аугст, около Базеля; 15 — Укан; 16 — Дуне на о. Готланд; 17 — Преслав; 18 — Чушино; 19 — Плеханова;
 20 — Эльфкарлебу

«шелковому пути»), произведения художественного ремесла перевозили на гигантские расстояния. При посредстве купцов халифата китайская фарфоровая посуда, шелка, изделия из металла достигали Византии (через Багдад и Трапезунт, где восточные товары грузили на корабли «румов», или сирийские порты Средиземноморья). Отсюда появление дальневосточных мотивов в византийской торевтике конца IX—XI в.

Рельефный орнамент серебряных с позолотой кружек X в. (табл. 57) отражает влияние танского металла⁹⁷. Одна из них найдена в кладе 1881 г. из селения Дуне на Готланде (табл. 57, 5, 6)⁹⁸. В. Ф. Фольбах, отметив китайский стиль декора, датировал ее XI в.⁹⁹ По мнению А. Н. Грабара, кружка исполнена в константинопольской (?) мастерской около 1000 г., на что указывает форма пальметт¹⁰⁰. Эта атрибуция подтвердилась находкой в 1963 г. в погребении некрополя Преслава похожей кружки с греческой надписью IX—X вв.: «Помоги, господи, Сивину — великому жупану Болгарии» (табл. 57, 7—9)¹⁰¹. По форме тулова и ручки, членению орнамента на горизонтальные пояски и растительному декору к готланд-

скому экземпляру примыкает кружка из клада 1959 г. у дер. Чушино Соликамского р-на Пермской обл. В его состав входили болгарский серебряный браслет и две гривны глазовского типа¹⁰².

Т. Тотев отнес кружку жупана Сивина к болгарским изделиям X в., усмотрев похожие орнаменты в архитектурной резьбе Преслава. По Б. И. Маршаку, кружка из Дуне византийской работы¹⁰³, а кружка Сивина — болгарской. Она, хотя и сближается с готландской (ср. боковые фризы на готландской и средней — на преславской), выполнена грубее, особенно в разработке листьев (табл. 57, 9). Это провинциальная реплика столичной модели.

Листья с загнутыми краями в среднем поясе и на ручке кружки из Дуне аналогичны листьям на константинопольских серебряных изделиях X—XI вв., например, гальберштадтской патене начала XI в.¹⁰⁴ Крылатые львы и фениксы-самцы с гробешками заимствованы из танского серебра¹⁰⁵. Танских фениксов встречаем не только в металле, но и в резной кости Византии X—XI вв. (ларец из Труа, табл. 57, 4)¹⁰⁶.

⁹⁷ Б. И. Маршак, 1971, стр. 63.

⁹⁸ Я. И. Смирнов, 1909, № 295.

⁹⁹ L art byzantin — art européen, № 515.

¹⁰⁰ М. Rydbeck, 1965, стр. 71, 75.

¹⁰¹ Т. Тотев, 1964, Он же, 1966.

¹⁰² В. Ю. Лещенко, 1971а, стр. 215, 301—302; Он же, 1971б, стр. 10.

¹⁰³ Б. И. Маршак, 1971, стр. 63.

¹⁰⁴ А. В. Банк, 1971, рис. 2, 8, 13.

¹⁰⁵ Ср.: В. Gyllensvärd, 1957, рис. 57, 92а. В танском Китае феникс — символ счастья в браке (Там же, стр. 98—101).

¹⁰⁶ D. Talbot Rice, 1970, стр. 349—353.

Ближе танским прототипам серебряная позолоченная кружка, найденная в 1889 г. в дер. Плеханова Соликамского у. Пермской губ. Судьба вещи неизвестна. Ее фотография и прорисовка узора хранятся в архиве Я. И. Смирнова (табл. 57, 1—3)¹⁰⁷. Тулово кружки не усеченно-коническое, а округлое. Поддона нет. Венчик низкий, расширяющийся кверху. В основании кольцевидной ручки с узором из пальметт помещена львиная маска (табл. 57, 2). Орнамент тулова сплошной: внизу крылатые львы и фениксы в четырех сердцевидных стеблях, в верхних округлых завитках того же стебля — листья с загнутыми краями. В ромбовидных промежутках между завитками — по две фигурки львов и птиц на фоне. Крылатые львы, фениксы и листья напоминают декор кружки с Готланда (табл. 57, 5). Пальметты венчика близки узору задней крышки Лимбургской ставроетки середины X в.¹⁰⁸ Сплав византийских и танских элементов позволяет предположить работу византийского мастера, знакомого с дальневосточными образцами.

*

Большинство серебряных сосудов IX—X вв., исполненных в областях карпато-дунайского бассейна и Балканского полуострова, концентрируются в Верхнем Прикамье и на Нижней Оби (рис. 18). Подобно монетному металлу, их использовали для обмена на меха. Часть из них могла попадать на северо-восток через Киев, по Десне, Оке и из Волжской Булгарии в Прикамье.

Судя по ареалу западноевропейских монет XI в., которые в пределах Руси концентрируются на территории Новгородской земли (включая связанные с Новгородом северные районы и земли в бассейне Камы)¹⁰⁹, главным посредником в меховой торговле Западной Европы с племенами Урала был Новгород. С XI в. новгородские купцы монополизировали вывоз пушнины на западноевропейские рынки. К этому времени относятся первые письменные известия об их меновой торговле с населением Северного Урала. В Повести временных лет под 1096 г. передан рассказ новгородца Гюраты Роговича, который послал «отрока своего в Печору, к людям,

дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок... к ним, то от них пошел он в землю Югорскую». От югры он узнал, что в горах «высотой, как до неба», живут люди, которые обменивают меха на изделия из железа¹¹⁰. По сведениям Ипатьевской летописи (1114 г.), ладожский посадник Павел и ладожане поведали, что «еще мужи старин ходили за Югру и за Самоядь»¹¹¹. Под 1187 г. I Новгородская летопись сообщает, что «избыены быша печерские и югорские даньници в Печере»; в 1193 г. состоялся поход новгородцев на Югру. О преобладании в Прикамье политического и торгового влияния Новгорода свидетельствуют находки на Верхней Каме денежных слитков с северным весом (XI в.)¹¹² и близость большинства славянских вещей из Прикамья инвентарю сельских новгородских курганов¹¹³. В Березове найдена византийская серебряная чаша XII в. с пропущенной русской надписью, сходной по почерку с берестяными грамотами. Возможно, в XII в. новгородская экспансия простиралась до Нижней Оби. С этого времени и позднее сюда для обмена на драгоценную пушнину в числе других товаров привозили серебряную посуду («вторичный импорт»).

Два речных пути связывали Новгород с Северным Уралом и Зауральем. Северный вел по Сухоне и Вычегде в бассейн Печоры, а из Печоры ее правыми притоками — за Югру, т. е. в Нижнее Приобье (рис. 18). Он документирован находками западноевропейского денария XI в., которые тянутся от Сухоны до восточного склона Урала¹¹⁴. Славянские вещи встречены на Вычегде (с XI в.)¹¹⁵.

Вторая трасса вела из Новгорода по Мсте и Тверце на Верхнюю Волгу, затем по Нерли, Клязьме и Оке — к волжским булгарам. Отсюда вверх по Каме или Вятке плыли к северу. Оба пути соединялись через Вишеру и Колву с верхними притоками Вычегды и Печоры (рис. 18). Этот южный путь отмечен многочисленными находками западного денария¹¹⁶. Как сообщает «Повесть о стране Вятской», в 1174 г. по нему проплыли новгородские «самовластцы с дружиною своею», «пленяюще остяцкие жилища». Их маршрут проходил по Волге, затем вверх по Каме (где они построили торговую факторию — «градец мал») и вниз по Чепце и Вятке¹¹⁷. К IX—XI вв. относятся отдельные русские украшения, найденные в Прикамье. Славянские вещи XII в. обнаружены на Вятке¹¹⁸.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО СЕРЕБРА НА УРАЛЕ

В. Ю. Лещенко

На Урале найдено в составе кладов больше 170 серебряных сосудов, в основном иранского, среднеазиатского и византийского происхождения. Большинство ученых рассматривали эти сосуды как предметы культа¹. Для подтверждения этого вывода привлекались этнографические сведения об использовании металлической посуды в недалеком прошлом у хантов и манси, а также шаманские рисунки, врезанные поверх основных (первичных) сцен приблизительно на дюжине серебряных сосудов. Почти не изучен состав кладов серебряной утвари — основного источника для решения указанной темы.

Накопление материала привело к дифференцированному подходу в его изучении. На неизбежность такого подхода первым обратил внимание Л. А. Мацулевич. Он полагал возможным выделить из всего количества «византийского антика» в Прикамье массовую продукцию, затем продукцию для ограниченного круга племенной знати и, наконец, продукцию узко культового назначения, связанную с шаманством². Было бы ошибочным полагать, что из факта нанесения на некоторые сосуды врезанных рисунков сам по себе вытекает вывод о культовом назначении этой группы предметов. Только интерпретация семантики образов, следующая за этапом их периодизации, может выявить назначение как рисунков, так и самих сосудов.

А. А. Спицын составил первую сводку врезанных рисунков с их кратким описанием и систематизацией по типам изображений³. К перечисленным им 13 сосудам следует добавить 5 сосудов, найденных в последние десятилетия в основном в Верхнем Прикамье. Таким образом, врезанные рисунки известны в настоящее время на 18 сосудах. Все изображения контурные, линейные. Все они исполнены ножом. Большинство из них едва заметно для невооруженного глаза.

Содержание врезанных рисунков разнообразно. Одну из самых крупных групп составляют антропоморфные фигуры, которые делятся на несколько типов по иконографии (позе, деталям одежды, реалиям).

Тип 1. Фигура, стоящая в фас; ноги слегка согнуты в коленях или прямые, с расставленными в стороны ступнями; руки согнуты в локтях и подняты вверх на уровне плеч, в руках — сабли (рис. 19).

Подтип а. С рогатым головным убором (рис. 20, а; 21, а, б; 22, а; 26—28).

Подтип б. Без головного убора (рис. 20, а).

¹⁰⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 368—369.

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. II, вып. 1, 1923, стлб. 274.

¹⁰⁹ В. Л. Янин, 1956, рис. 48.

¹¹⁰ В. А. Оборин, 1956в, стр. 15.

¹¹¹ В. Л. Янин, 1956, рис. 49; В. И. Канисев, 1962, стр. 154.

¹¹² В. А. Оборин, 1969, стр. 166.

¹¹³ В. Л. Янин, 1956, рис. 49.

¹¹⁴ А. А. Спицын, 1884, стр. 148.

¹¹⁵ В. А. Оборин, 1956в, стр. 8, 9.

³ А. А. Спицын, 1906, стр. 30—32, рис. 5, 7, 9—11, 13—17, 19, 21—23, 25—27, 32, 51.

¹⁰⁷ Архив ЛОИА, ф. 11, д. 353, л. 61.

¹⁰⁸ А. В. Банк, 1971, рис. 3.

¹⁰⁹ В. М. Потин, 1968, стр. 47.

¹ М. В. Талицкий, 1951, стр. 46, 62, 64, 73; В. Н. Чернецов, 1947, стр. 125; О. Н. Бадер, А. П. Смирнов, 1954, стр. 20.

² Л. А. Мацулевич, 1940, стр. 156.

Тип 2. Безоружная фигура в фас; прямые ноги расставлены в стороны; руки спрятаны в «муфту» или опущены вниз (рис. 19).

Подтип а. С рогатым головным убором (рис. 23; 26, а; 29).

Подтип б. С островерхой головой, которая в некоторых случаях может быть трактована как головной убор (рис. 20, а; 23—26; 29).

Подтип в. С округленной сверху головой (рис. 23; 24; 26, б; 33; 37).

Тип 3. Шагающая фигура в профиль, с острым носом и островерхой головой (рис. 19; 21, б; 26, б).

Тип 4. Остроносая голова в профиль, иногда с волосами на затылке, обозначенными двумя-тремя штрихами (рис. 19; 20, б; 21, а; 35, а).

Тип 5. Антропоморфная личина, обозначенная парой глаз и ртом, без контура лица (рис. 19; 22, а; 26).

Тип 6. Остроголовая фигура в фас; руки и ноги расставлены в стороны; в левой руке — копьё (рис. 19; 26, а).

Остальные рисунки представлены фигурами животных, рыб, птиц и мифических существ (табл.). Изображения отличаются сильным схематизмом, однако основные видовые признаки реальных животных переданы довольно точно.

Осмотр врезанных рисунков, а также макрофотография позволили убедиться в неоднородном характере трассировки линий на ряде сосудов. Линии отличались глубиной врезки, шириной, четкостью очертаний. Это наблюдение дало возможность выделить на одних и тех же сосудах группы фигур, отличающихся трассировкой линий. Единство отдельной группы подтверждалось иногда другими данными (например, единством иконографии антропоморфных персонажей). Неоднократно замечено перекрытие одних рисунков другими. Прослеженные при этом разрывы одних линий в месте пересечения их другими наряду с различной степенью их сохранности позволили говорить о разновременном исполнении различных групп рисунков на одних и тех же сосудах.

Блюдо византийское с изображением пасущейся у дерева лошади (рис. 20). На нем врезано 20 фигур, распающихся по характеру трассировки линий на две группы. Ранняя группа включает фигуры 1, 3, 7, 9, 11—13 (рис. 20, а). Поздняя группа включает фигуры 2, 4—6, 8, 10, 14—20 (рис. 20, а, б). Неоднократно случаи частичного перекрытия фигур ранней группы поздними, при этом хорошо видны разрывы ранних линий. Так, крыло луны пересекает правую руку мужской фигуры 3 ранней группы (рис. 20, а, в), фигуры 6, 8 — фигуру 7 ранней группы, фигура 10 — фигуры 9, 11 ранней группы (рис. 20, а, г). «Прическа» одной из остроносых голов перекрывает тамгообразный знак (рис. 20, б).

Блюдо постсасанидское с изображением охоты всадника на медведя (рис. 21). На нем врезано 22 фигуры, составляющие пять разновременных групп (перечислены в соответствии с последовательностью их исполнения). Группы I и II включают по одной фигуре — соответственно 11, 7 (рис. 21, а); группа III — 1, 2, 6 (рис. 21, а); группа IV — 3, 8 (рис. 21, а), 15, 16, 18, 19, 21, 22 (рис. 21, б); группа V — 4, 5, 9, 10, 12 (рис. 21, а), 13, 14, 17, 20 (рис. 21, б). Линия с ромбиком на конце, так называемая линия жизни (рис. 21, а, 7), с трудом видна невооруженным глазом. Она является частью несохранившейся фигуры человека или животного. «Линия жизни» и розетка (рис. 21, а, 11) не пересекаются между собой, но обе фигуры пересекают след стесанной кольцевой ножки. Если предположить, что ножка была стесана специально для нанесения розетки⁴, то фигура 7 была нанесена скорее всего вслед за фигурой 11. Фигура 6 группы III перекрывает обе фигуры предыдущих групп. Фигура 3 группы IV перекрывает фигуру 2 группы III, а фигура 8 группы IV — фигуру 6 группы III. При исполнении фигур группы V изображения группы IV были отчетливо видны, и поэтому фигура 9 группы V нанесена рядом, а не перекрывает фигуру 8 группы IV. Тем самым фигуры 3, 8 группы IV были включены во вновь созданную композицию изображений группы V. В то же время фигуры групп II и III были почти уже незаметны, им не придавали прежнего значения. Этим объясняется нанесение фигуры 12 группы V на фигуру 6 группы III.

Ковш салтовского круга (рис. 22; табл. 54, 5). Врезанные на нем изображения относятся к трем разновременным группам. Первая группа включает семь антропоморфных личин с парой глаз и ртом, но без контуров лица (рис. 22, а)⁵.

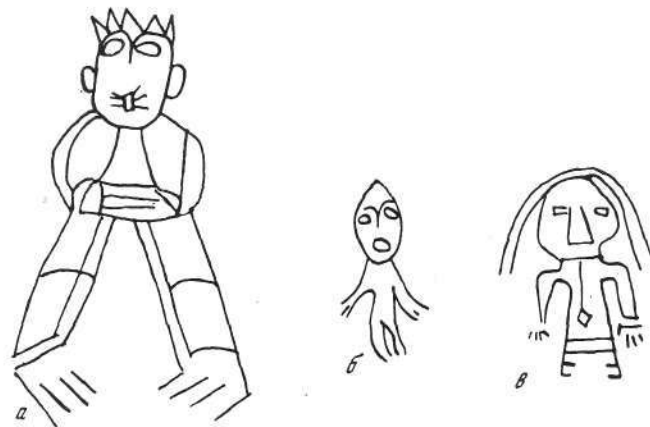
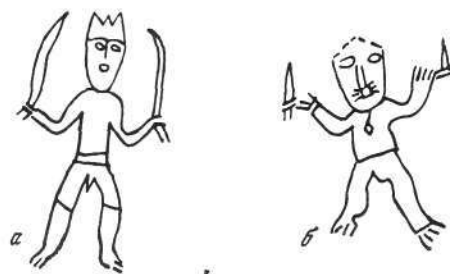

Рис. 19

Типы антропоморфных фигур на врезанных рисунках

I — а, б; II — а, б, в; III—VI

Вторая группа включает 27 фигур неправильной формы, обозначающих, по выражению А. А. Спицына, «камни, облака или что-нибудь иное»⁶, и схематичное изображение птицы в области живота центральной человеческой фигуры (рис. 22). Третья группа включает восемь антропоморфных фигур, из которых семь — с саблями в руках, и фигуру лошади (рис. 22, а). Фигуры второй группы перекрывают пять из семи фигур первой группы. Фигуры третьей группы перекрывают семь фигур, в том числе птицу, второй группы изображений.

Блюдо византийское с крестом в окружении вьющейся ветки (рис. 23). На нем врезано четыре фигуры, которые делятся по последовательности исполнения на две группы. К ранней группе относится фигура 1 — всадник на коне, над его левой рукой — круг⁷. По характеру трассировки этой фигуре близки по времени множество пересекающихся в разных направлениях линий, в которых не удалось выявить какой-то системы. К поздней группе относятся фигуры 2—4, из которых фигуры 2 и 3 перекрывают более ранний слой пересекающихся в беспорядке линий.

Блюдо европейское со стилизованным львом и птицами в медальонах (рис. 24). На лицевой стороне врезано пять фигур, распающихся на две группы по характеру трассировки

⁶ А. А. Спицын, 1906, стр. 45.

⁷ Вследствие слабой трассировки линий А. А. Спицыну удалось выявить из всей этой фигуры только голову человека и круг рядом с ней, понятый им как другая голова (Там же, рис. 10).

⁴ Это кажется наиболее вероятным вследствие сознательного размещения розетки в центре круга.

⁵ Фигуры первой группы не воспроизведены в рисунке А. А. Спицына (1906, рис. 9).

Номера рисунков	Типы рисунков																									
	Типы антропоморфных фигур							лось	мелведь	конь	бык?	собака	птица в профиль	рыба	змея	фигуры геометрического типа			знак солнца	знак луны	человеко-олень	человеко-мелведь	птица с человеческим лицом	«шпир»	«голонастиги»	
	1а	1б	2а	2б	2в	3	4									5	почка	овал								прямо-угольник
20	×	×	×	×			×							×			×	×					×			
21	×						×	×						×				×	×					×		
22	×											×													×	
23			×	×	×						×															
24				×	×									×												
25				×										×												
26	×		×	×	×	×		×	×					×											×	
27	×																									
28	×													×												
29			×	×										×												
30			×																							
31																										
32																										
33					×																					
34																										
35							×			×				×											×	×
36																										
37					×									×												

* Знак × обозначает наличие типа.

линий. Линии ранней группы изображений, включающей фигуры 2—5, слабо врезаны в металл и едва заметны невооруженным глазом. Позже была нанесена фигура 1, отличающаяся глубоко врезанными отчетливыми линиями.

Блюдо постсасанидское с изображением горного козла в медальоне (рис. 25; табл. 5, 4). На лицевой стороне врезано 11 фигур, из которых 10 (7 антропоморфных, 2 лося и рыба) исполнены одновременно. К другому времени, как справедливо предположил А. А. Спицын⁸, относится непонятная по смыслу фигура на стенке блюда, справа от медальона с козлом.

Блюдо постсасанидское с изображением женщины с фантастическим животным в центре (рис. 3, 1). На блюде врезано 33 определенных фигуры, многие из которых явно исполнены в разное время (судя по случаям перекрытия одних фигур другими). Так, человеческая голова с рогатым головным убором изображена в области живота другой человеческой фигуры, а лосиная голова перекрывает лицо этой же фигуры (рис. 26, а). Затем, в кольцевой ножке на туловище человека ясно различимы одна почковидная и семь близких по форме к кругу фигур (рис. 26, б). Однако без изучения подлинника блюда, хранящегося в парижской Национальной библиотеке, невозможно определить изображения ранние и поздние.

Неоднократные перекрытия одних фигур другими свидетельствуют о одновременности врезанных рисунков на блюде из дер. Керчевая (рис. 35). Отличия в манере исполнения различных фигур позволяют, вероятно, сказать то же самое о блюде со сценой кормления змеи (рис. 28).

На каждом из девяти остальных серебряных сосудов врезанные рисунки были исполнены одноактно (рис. 27; 29; 34; 36; 37).

В литературе были высказаны мнения об отнесении врезанных рисунков к III—VI вв.⁹ и ломоватовскому времени¹⁰, но, к сожалению, обе датировки остались неаргументированными. В. Н. Чернецов сравнил между собой некоторые рисунки по стилю и композиции. Рисунки на блюдах восточного происхождения он отнес к I тысячелетию н. э., а на блюдах византийского происхождения — к X—XIV вв.¹¹ Однако отмеченные В. Н. Чернецовым признаки нельзя положить в основу хронологии вследствие сильного схематизма в манере исполнения рисунков.

⁸ А. А. Спицын, 1906, стр. 45, рис. 11.

⁹ Там же, 1906, стр. 30.

¹⁰ М. П. Грязнов, 1956, стр. 136.

¹¹ В. Н. Чернецов, 1953, стр. 138.

И. Хампел обратил внимание на сходство изогнутых сабель, распространенных на огромной территории от Алтая до Венгрии, с изображениями сабель среди врезанных рисунков на двух серебряных сосудах — блюде из Парижской Национальной библиотеки (рис. 26) и ковше из Коцкого городка (рис. 22)¹². Это сходство было отмечено и Б. Поштой¹³.

Антропоморфные фигуры с саблями в руках изображены на шести сосудах (рис. 20, а; 21, а, б; 22, а; 26—28). Изогнутость клинков и скос рукоятей в сторону лезвий позволяет считать, что изображены сабли, а не кинжалы или мечи.

В поисках аналогий саблям на рисунках необходимо обратиться к археологическому материалу Верхнего Прикамья, так как серебряные сосуды с врезанными рисунками найдены только в Верхнем Прикамье и Западной Сибири. Неизвестны места находок только двух блюдов: одного из собрания Строганова (рис. 27; табл. 6, 1), другого — из коллекции П. Д. Солтыкова (рис. 26). Однако образы на них столь типичны для рисунков из Верхнего Прикамья (антропоморфные фигуры с саблями в руках, мифические птицы с человеческими головами), что оба блюда можно без сомнения считать найденными на этой территории. Здесь известно несколько погребений с саблями салтовского типа в раннеродановских могильниках Плесинском, Баяновском, Ильинском и Загарском¹⁴.

Большинство погребений Плесинского могильника датируются IX в. по находкам серебряных брактеатов, подражающих аббасидским дирхемам IX в.¹⁵ По вещевому материалу большинство погребений этого могильника датируется IX—X вв.¹⁶

Основная часть погребений Баяновского могильника, в том числе и погребение с саблями, относится к IX—X вв.¹⁷

Загарский и Ильинский могильники датированы X в.¹⁸ М. В. Талицкий допускал, что сабли салтовского типа употреблялись и в XI в.¹⁹, но в археологическом материале Верхнего Прикамья находки сабель позже X в. неизвестны.

В 1968 г. на Приполярном Урале на берегу речки Малая Тынагота была найдена сабля XII—XIII вв. с армянской

¹² J. Hampel, 1905, стр. 207—210.

¹³ B. Posta, 1905, стр. 70.

¹⁴ А. А. Спицын, 1902, табл. XXVII, 5; В. А. Оборин, 1956а, рис. 38, 5; Он же, 1962, стр. 98, рис. 41, 14.

¹⁵ В. А. Оборин, 1964, стр. 203.

¹⁶ В. А. Оборин, 1962, стр. 99.

¹⁷ В. А. Оборин, 1956а, стр. 112.

¹⁸ А. А. Спицын, 1902, стр. 34; М. В. Талицкий, 1951, стр. 33 сл.

¹⁹ М. В. Талицкий, 1951, стр. 63.

надписью²⁰. К этому времени серебряные сосуды, на которых были врезаны рисунки с саблями (клады IX—XI вв.), вышли из употребления²¹.

Таким образом, сабли салтовского типа из могильников Верхнего Прикамья использовались в основном в IX—X вв. Это дает основание датировать рисунки с саблями в пределах IX—X вв. (рис. 20—22; 26—28).

Характерным признаком фигур типа 1а является наряду с саблями рогатый головной убор. Он же представлен на безоружных фигурах типа 2а, встречающихся на сосудах в нескольких случаях с фигурами типа 1а (рис. 20, а; 26, а). Очевидно, рогатый головной убор — такой же датированный признак, как и сабли. На этом основании рисунки с фигурами типа 2а на трех сосудах можно отнести к IX—X вв. (рис. 23; 29; 31).

Остальные сосуды с врезанными рисунками датируются следующим образом:

Блюдо со сценой борьбы всадника с львами (табл. 6, 1; рис. 27) относится к рубежу VIII—IX вв.

Ковш из Коцного городка (табл. 54, 5; рис. 22) датируется концом VIII—IX в.

Блюдо со сценой охоты всадника на медведей (рис. 21), найденное в дер. Больше-Анпковская, имеет технико-стилистическую пару в блюде конца VII—начала VIII в. из Нор-Баязетского клада²². По характеру декора большеанпковское блюдо типологически старше норбазетского и должно быть отнесено к VII в.²³ Оно найдено в песчаном слое, подстилающем культурный слой раннеродановского селища²⁴.

Блюдо со сценой пира царя (табл. 6, 4; рис. 29) датируется рубежом VIII—IX вв.

Блюдо из дер. Мартынова (табл. 21, 3; рис. 30) примыкает к группе изделий VIII в. по характеру фона, исполненного кружковым пуансоном, и концентрическому орнаменту в виде виноградной лозы (восходит к орнаменту на византийских серебряных блюдах VII в.)²⁵.

Блюдо с изображением креста датируется вторым или третьим десятилетием VII в.²⁶ Поздняя группа рисунков на нем относится к IX—X вв. по рогатому головному убору (рис. 23, 2, 3). К этой группе хронологически близки более ранние рисунки (рис. 23, 1), судя по специфической манере исполнения лица всадника двумя дугами надбровий, переходящими в линию носа. Эта манера имеет аналогию только в поздних рисунках на рассматриваемом блюде (рис. 23, 2, 3), а также на другом блюде, найденном близ с. Слудка (рис. 25). Очевидно, блюдо с изображением креста поступило в Верхнее Прикамье не раньше IX в. и принадлежало населению, оставившему клады серебряной утвари близ Слудкинского городища родановской культуры.

Врезанные рисунки на блюде с изображением козерога (рис. 25) не старше VIII в. Дата рисунков уточняется по следующим признакам: близость манеры исполнения лиц антропоморфных фигур к лицам на блюде из с. Слудка (рис. 23); набор образов, типичный для сцен IX—X вв. — антропоморфных фигур типа 2б, лосей, рыб; топографическая связь блюда со Слудкинским городищем родановской культуры.

Чаша из дер. Мартынова (табл. 13, 3; рис. 30) по восьми-лепестковой розетке на дне примыкает к среднеазиатским сосудам VIII—IX вв. (табл. 12—14). Рисунок быка на мартиновской чаше (рис. 30) можно отнести к IX—X вв. как по дате сосуда, так и по находке его совместно с блюдом VIII в., на котором врезана голова в рогатой короне (рис. 31).

Изображение лося или лосихи на сасанидском блюде (рис. 32)²⁷ можно отнести к IX—X вв. по комплексу Климовского клада с младшими вещами VIII—IX вв. (табл. 12, 4; 13, 1) и топографической связи клада с Плотниковскими селищами родановской культуры.

Некоторые черты позволяют выделить группу рисунков, исполненных раньше IX—X вв. Они имеются на двух блю-

дах — из Керчевой²⁸ и Березова²⁹. На блюде из Керчевой (рис. 35) представлены образы, которых нет среди рисунков IX—X вв. — «ящеры», «головастики», реалистические фигуры медведя. На примере мелкой металлопластики Прикамья В. В. Чарнолуцкий показал, что «ящеры» не являются синкретическими существами, а олицетворяют зверей, хорошо определяемых по видовым признакам³⁰. На блюде из Керчевой невозможно опознать зверей из-за схематичности рисунков «ящеров». Однако сочетание их с фигурами рыб и многочисленных «головастиков» (символизируют рыбный приплод?) позволяет предположить, что в виде «ящеров» изображен пушной зверек выдра, живущий по берегам рек и питающийся рыбой. Рисунки «ящеров» находят многочисленные аналогии в медно-бронзовом литье ломоватовской культуры Прикамья и Печорского края³¹. Такая деталь, как линия фестончиков на шее медведя (рис. 35, а), передает рельефные рубчики — характерный декоративный мотив ломоватовского времени. Блюдо из Керчевой относится к концу IV в.³² Поскольку массовый импорт серебра в Прикамье начался едва ли раньше VII в.³³, то нет оснований полагать, что оно попало в Прикамье раньше. Все сказанное позволяет датировать врезанные рисунки на блюде в пределах VII—VIII вв.

Изображения «сулду» с чертами человеко-олени или человеко-лося на блюде VI в. из Березова (рис. 34)³⁴ — характернейшие образы медно-бронзового литья ломоватовского времени в Прикамье³⁵. Это позволяет отнести рисунки к VII—VIII вв.

Рисунки на блюде из Ямгортского клада (табл. 6, 5; рис. 36) не старше XI в. Остальные предметы из клада³⁶ позволяют уточнить их дату. Зооморфные подвески в виде медведя и коня изготовляли в лесном Зауралье и на Средней Оби в X—XIII вв.³⁷; болгарская топориковидная подвеска датируется XII в. по аналогии с подвеской из Волгинского клада³⁸; серебряный браслет — XI—первой половиной XIII в. по русским материалам³⁹. Сочетание вещей в кладах позволяет отнести его укрытие к XII—XIII вв., а врезанные на блюде рисунки — к XI—XII вв.

Блюдо из дер. Рублево (рис. 24) по элементам декора относится к кругу европейских изделий. Ленты на морде, шее и туловище стилизованного льва восходят к подобным лентам на фигурках оленей, изображенных на подвеске второй половины IX в. из погребения одного из моравских князьков⁴⁰. Орнамент в виде псевдокуфической надписи вокруг центрального медальона блюда находит аналогии на мраморном фрагменте начала XI в., найденном вблизи «башни ветров» в Афинах⁴¹. Приведенные сопоставления позволяют датировать блюдо X—XI вв. Оно попало на Урал едва ли позже XII в. в потоке европейского импорта серебра, пришедшего на смену серебру Среднего Востока. По-видимому, не позже XII в. на блюде врезали раннюю группу рисунков (рис. 24, 2—5). Судя по транспровке линий ранней группы изображений, едва заметных для невооруженного глаза, они почти стерлись в результате продолжительного употребления блюда в каких-то ритуалах. Вскоре после нанесения поздней фигуры (рис. 24, 1), линии которой видны отчетливо и на них сохранились заусеницы, блюдо вышло из употребления⁴².

Дату врезанных рисунков на блюде из Пашкиных юрт (рис. 37)⁴³ определить трудно. Если судить по геометрическому орнаменту в концентрическом бордюре, его могли

²⁸ Там же, № 53.

²⁹ Там же, № 37.

³⁰ В. В. Чарнолуцкий, 1962, стр. 258—266.

³¹ А. А. Спицын, 1906, рис. 100—130 и др.

³² В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, 1964, стр. 170 и примеч. 111;

В. Г. Луконин, 1967, стр. 21, 22, 30, 31.

³³ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 19.

³⁴ Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский, Я. И. Смирнов, 1899, стр. 8.

³⁵ А. А. Спицын, 1906, рис. 113—125 и др.

³⁶ В. Мизинова, 1958, рисунки на стр. 57—58.

³⁷ В. Д. Викторова, 1968, стр. 250, табл. III, 4, 9.

³⁸ Волгинский клад издан, см.: С. Ешевский, 1860, стр. 35—38, рис. 1—8; Волгинский клад можно датировать XII в. по сочетанию в нем китайского ямба с глазовскими гривнами двух типов.

³⁹ Г. Ф. Корзухина, 1954, табл. XIII, 1, 2; XIV, 1—3 и др.

⁴⁰ К. Venda, 1966, илл. 59, 60 и текст.

⁴¹ G. C. Miles, 1954, рис. 1, стр. 24.

⁴² Блюдо, как сообщил мне В. Ф. Старков, было найдено в земле.

⁴³ Я. И. Смирнов, 1909, № 167.

²⁰ Р. М. Джанполадян, А. Н. Кирпичников, 1972, стр. 23—29.

²¹ В. Ю. Лещенко, 1971б, стр. 9—10, 13—14, 19.

²² Я. И. Смирнов, 1909, № 307. О дате норбазетского блюда см.: В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, 1964, стр. 30.

²³ И. А. Лунегов отнес большеанпковское блюдо к середине или концу VI в. на основании сходства короны всадника с короной Хосрова I (И. А. Лунегов, 1968, стр. 258). Однако сочетание элементов, которым представлена корона на блюде, неизвестно на коронах сасанидских царей.

²⁴ В. П. Денисов, В. Ю. Лещенко, 1969, стр. 134.

²⁵ E. Cruikshank Dodd, 1961, № 18, 51, 55, 76.

²⁶ Там же, № 18.

²⁷ Я. И. Смирнов, 1909, № 308.

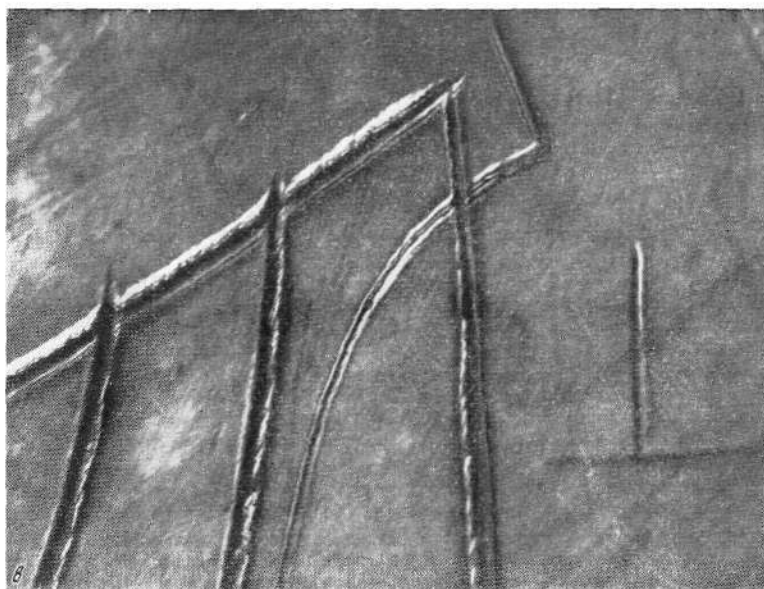
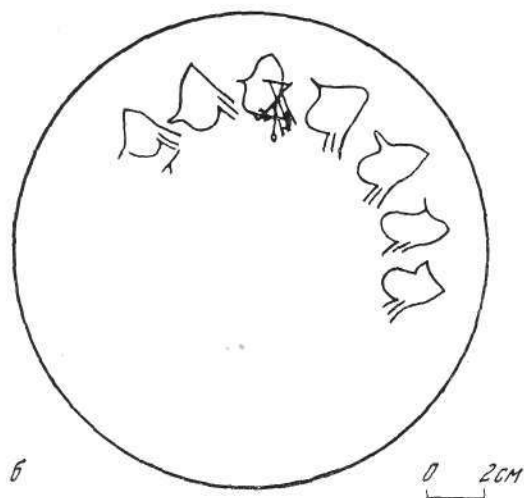
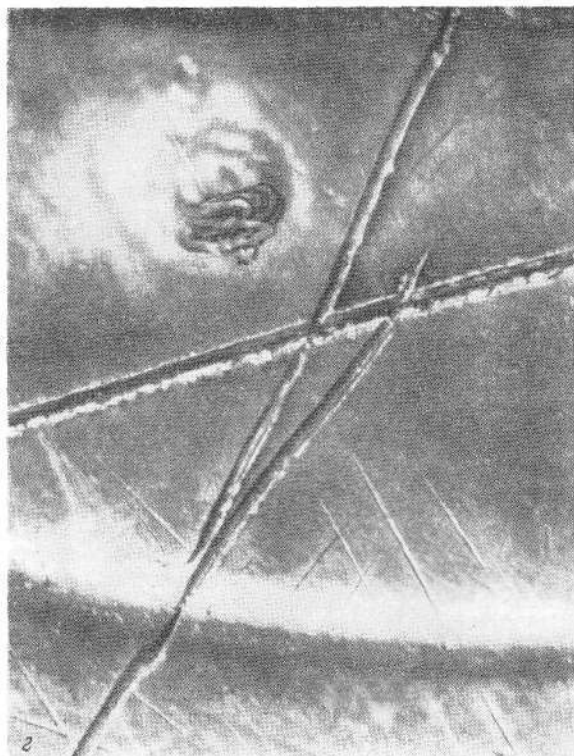
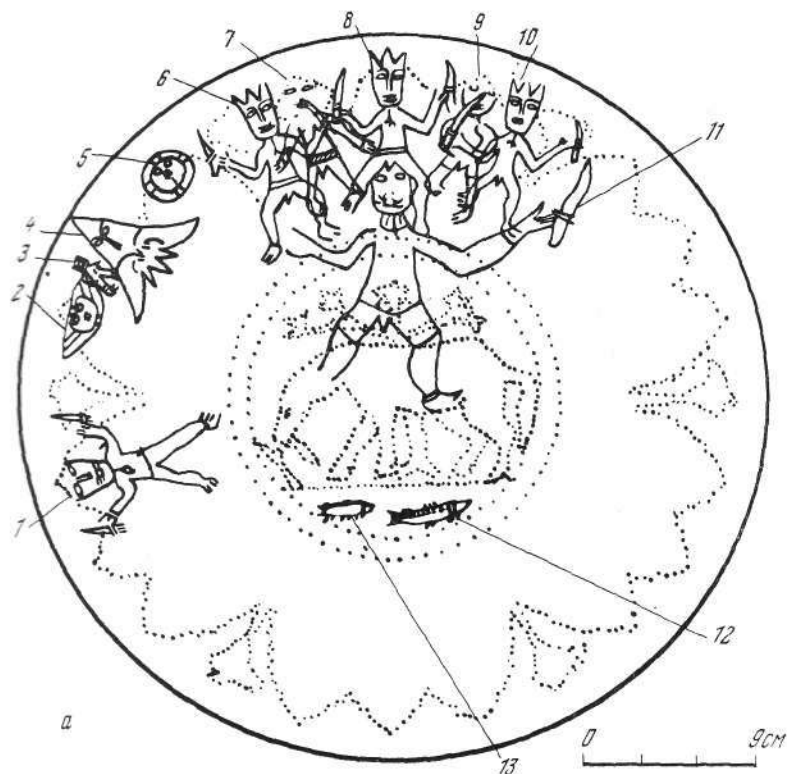

Рис. 20

Блюдо из с. Слудка

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона; в — деталь (пересечение фигурой 2 фигуры 3 (увеличение около 8 раз); г — деталь (пересечение фигурой 10 фигуры 9 (увеличение то же)

исполнить в первой половине II тысячелетия. Сильная схематизация антропоморфных фигур и образ змей позволяют сравнить эти рисунки с ранней группой изображений на блюде из дер. Рублево (рис. 24, 2—5). На этом основании рисунки на блюде из Пашкиных юрт можно отнести к XII—XIII вв.

Блюдо табл. 55, 5 имеет технико-стилистическую пару в блюде европейского круга табл. 55, 4. Пальметтовидное завершение хвоста хищника на нем находит близкую аналогию на кувшине табл. 31 с куфической надписью XI в., а меандровидный бордюр фигур животных повторяется в concentрических бордюрах на блюдах табл. 55, 6, 7. Приведенные параллели позволяют датировать блюдо табл. 55, 5 X—XI вв.,

а врезанную на нем антропоморфную фигуру (рис. 33) — XI—XII вв.

Таким образом, врезанные рисунки на серебряных сосудах делятся на три хронологические группы: на двух сосудах — VII—VIII вв., на двенадцати — IX—X вв.; на четырех — XI—XIII вв.

В каждой из хронологических групп можно выделить характерные для них типы рисунков. Среди рисунков VII—VIII вв. — «ящеры», «сулде» и реалистические изображения медведей. В группе рисунков IX—X вв. — антропоморфные фигуры с саблями в руках и рогатых коронах на голове, лоси, мифические птицы с человеческим лицом. Среди рисунков XI—XIII вв. — фигуры змей, птиц-тетерок.

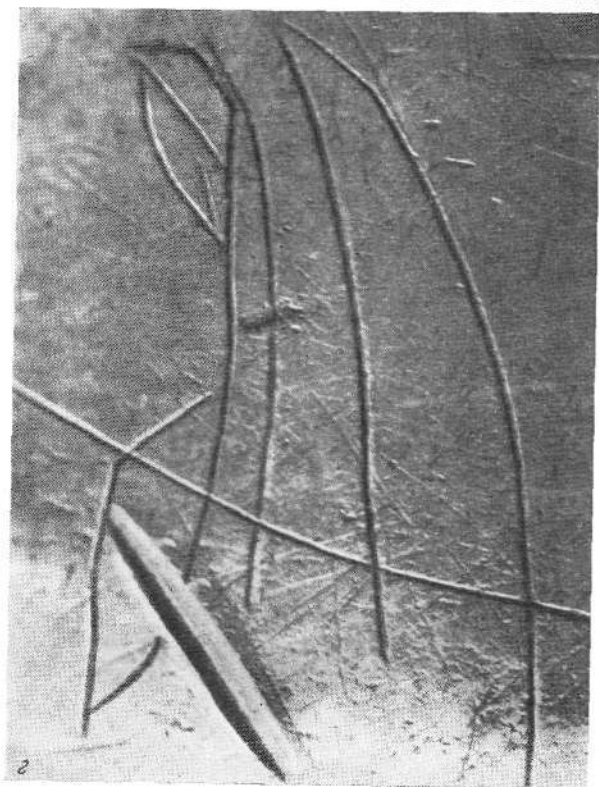
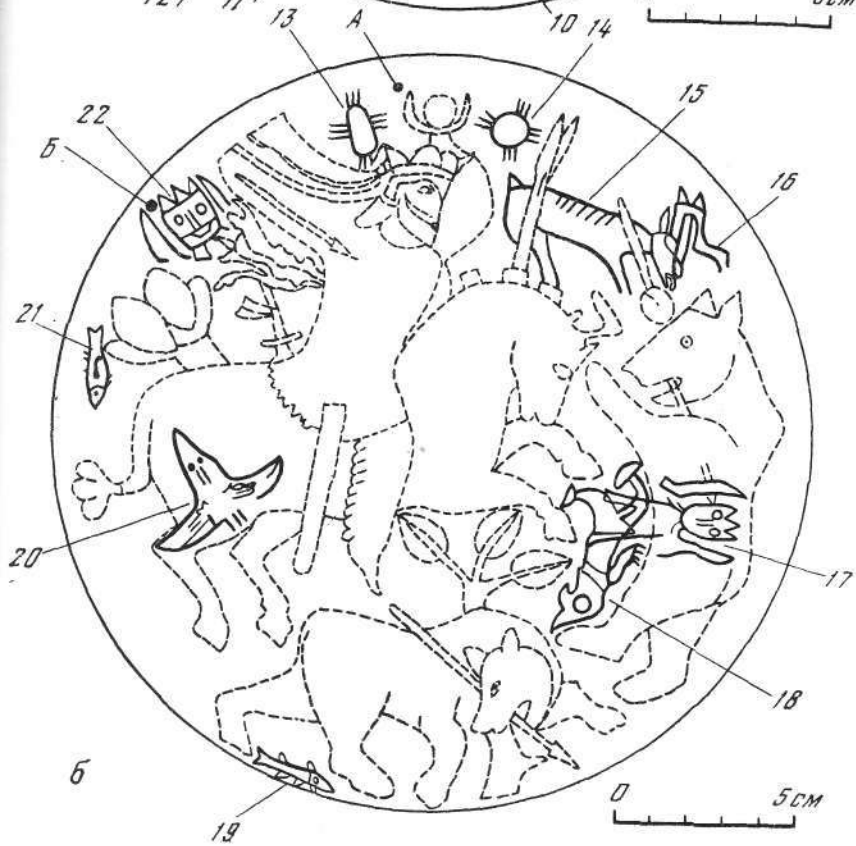
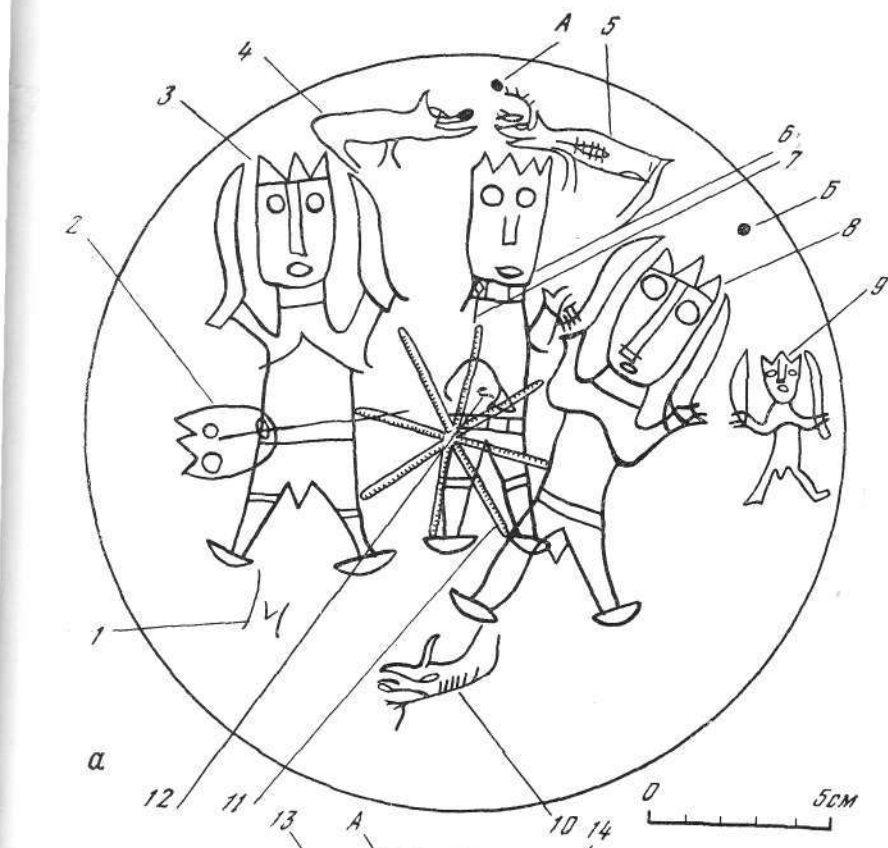

Рис. 21

Блюдо из дер. Больше-Аниковская

а — оборотная сторона; б — лицевая сторона; в — голова шамана (увеличение около 8 раз); г — голова лосихи (увеличение то же)

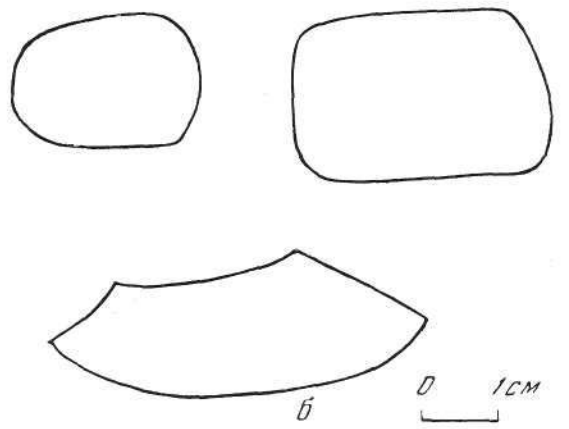

Рис. 22
Ковш из Коцкого городка
а — лицевая сторона; б — фигуры на оборотной стороне

Рис. 23
Блюдо из с. Слудка (?). Лицевая сторона

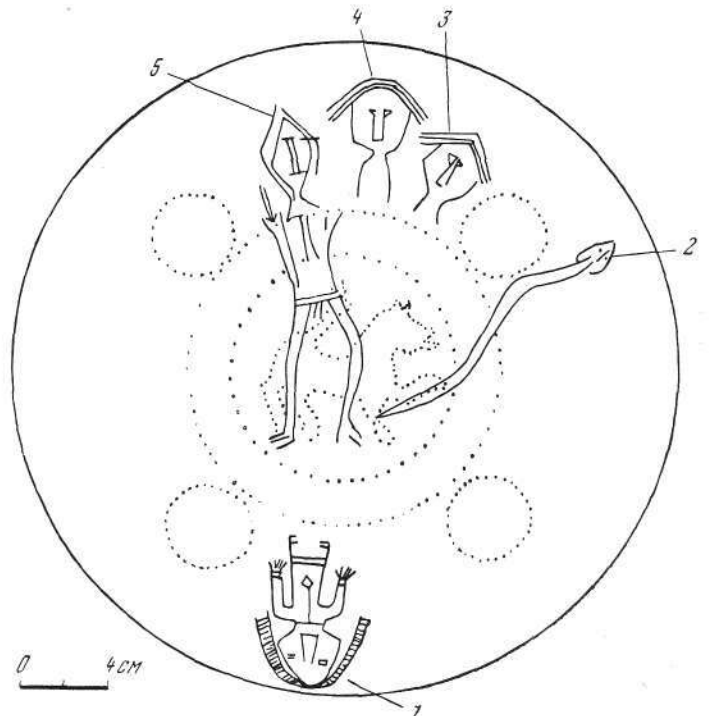

Рис. 24
Блюдо из дер. Рублево. Лицевая сторона

Символика и назначение рисунков

Антропоморфные фигуры типа 1 в композициях нескольких сцен занимают центральное место. По иконографии к ним близки фигуры на бронзовой бляхе из Западной Сибири⁴⁴, истолкование которых предложил В. Н. Чернецов. Он полагал, что на бляхе изображены три менква, т. е. духи сестры Пор, в характерной позе священной пляски с мечами. «Для традиционного изображения менквов, представляющихся в виде существ со смешанными человеческими и медвежьими чертами, характерна трехпалость, отмеченная А. А. Спицыным, медвежьеобразность фигур, остроконечность и многоконечность голов. В угорском фольклоре менквы выступают как одно-, двух- и трехголовые, причем в деревянной скульптуре трехголовость изображается именно в виде трехзубого темени»⁴⁵.

Однако рисунок бляхи, выполненный А. А. Спицыным⁴⁶, и соответственно ее описание неточны. В. Н. Чернецов, последовавший этому описанию, не придал значения деталям головного убора. Над головами трех фигур имеется полоска, разделенная на прямоугольники, которая образует подобие диадемы с тремя возвышающимися над ней зубцами.

Еще А. Хайкель считал, что на головах фигур, изображенных на бляхе, надеты «короны»⁴⁷. Таким образом, основной аргумент В. Н. Чернецова о многоголовости фигур можно считать опровергнутым, и, следовательно, на бляхе изображены не менквы. По утверждению подавляющего большинства исследователей угорской мифологии и фольклора, менквы и не занимали значительного места в религиозных представлениях хантов и манси.

Менква считали представителем демонического мира: у хантов, живших на Иртыше, — злым лесным духом, на Демьянке — его приравнивали к русской бабе-яге, а у се-

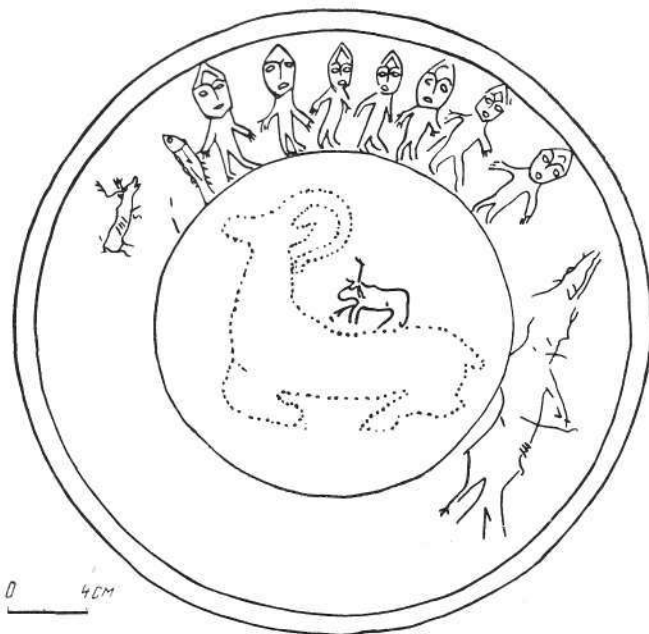

Рис. 25

Блюдо из с. Слудка. Лицевая сторона

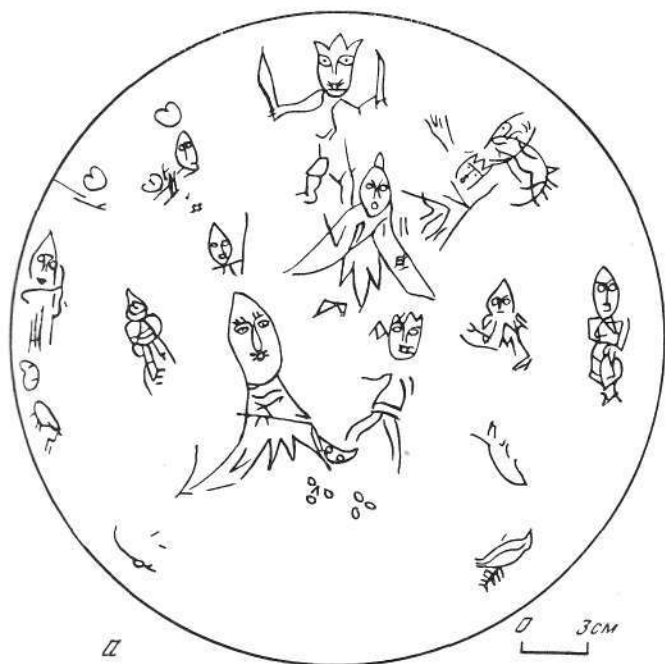

Рис. 26

Блюдо из Верхнего Прикамья.

а — лицевая сторона; б — фигуры на оборотной стороне

верных хантов — это сильный лесной дух, не обязательно злой⁴⁸. В сказках иртышских хантов менква выглядит почти как человек, но он густо покрыт волосами, у него длинный нос и часто несколько голов — от одной до семи⁴⁹. В фольклоре менквы различаются по величине, самые большие из них возвышаются даже над лесом⁵⁰. По тем же источникам они

живут в глухих чащах, а также в подземном мире, где, как и на земле, населяют густые леса⁵¹. К людям менквы в большинстве случаев относятся враждебно⁵². С. Патканов отмечал, что менквы не требуют от людей никакого культа⁵³. Финский исследователь К. Карьялайнен убедительно показал, что достоверные изображения менквов неизвестны и некоторые информаторы (Шавров) и исследователи (Мункачи) принимали за менквов изображения одного из местных духов-хозяев

⁴⁴ В. Н. Чернецов, 1957, стр. 189, табл. XXII, 2.

⁴⁵ Там же, 1957, стр. 189, 190.

⁴⁶ А. А. Спицын, 1906, рис. 4.

⁴⁷ А. Heikel, 1894, стр. 73.

⁴⁸ К. Ф. Karjalainen, 1922, стр. 371.

⁴⁹ S. Patkanov, 1897, стр. 104.

⁵⁰ Н. Л. Гондатти, 1888, стр. 34.

⁵¹ Н. Л. Гондатти, 1888, стр. 34; S. Patkanov, 1897, стр. 104; К. Ф. Karjalainen, 1922, стр. 372.

⁵² Н. Л. Гондатти, 1888, стр. 34; К. Ф. Karjalainen, 1922, стр. 373.

⁵³ S. Patkanov, 1897, стр. 105.

Рис. 27

Фигура на блюде из Верхнего Прикамья

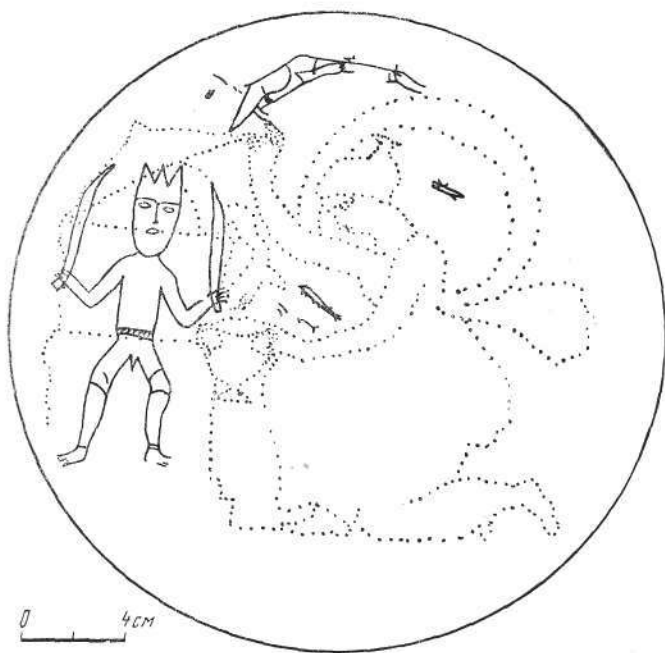

Рис. 28

Блюдо из с. Слудка. Лицевая сторона

(einem ortlichen Geist)⁵⁴. Единственно точными данными о жертвоприношении менквам К. Карьялайнен считал сообщение о кондинских хантах. Когда охотник из них отправлялся на охоту к своей лесной избушке, он ставил на окно чашку чая и кусок хлеба и говорил: «Менк Старик! Я поставил тебе чашку чая, не делай мне вреда, не пугай меня, ешь и пей здесь»⁵⁵.

Таким образом, менквы, относясь к третьеразрядным духам, не играли существенной роли в представлениях, связанных с хозяйственной жизнью древнего населения Западной Сибири. Этим можно объяснить отсутствие изображений менквов, отмеченное К. Карьялайненом.

⁵⁴ К. F. Karjalainen, 1922, стр. 371—375.

⁵⁵ Там же, стр. 375.

Непрерывная этническая традиция коренного населения Верхнего Прикамья, Северного Зауралья и Нижнего Приобья с раннего Средневековья и до наших дней позволяет привлечь для истолкования врезанных рисунков любопытные этнографические факты, описанные на этой территории в XVIII—XX вв.

Обратимся к анализу головных уборов в виде трех острых верхних зубцов на антропоморфных фигурах типа 1 и 2а. С неолита их изображения известны на огромном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Европы. В литературе они получили название рогатых корон. Их значение на разных территориях и в разные исторические эпохи не было, естественно, одинаковым.

Большинство археологов и этнографов не сомневаются в том, что фигуры в рогатых головных уборах-«коронах» на наскальных писаницах и в мелкой металлопластике изображают шаманов⁵⁶. Еще полвека назад у енисейских хантов (остяков) железная «корона» с рогами служила одной из главных и почетных частей шаманского костюма⁵⁷. По этнографическим материалам XIX—начала XX в. известны шаманские железные венцы с рогами у кетов, селькупов, бурятов⁵⁸.

С. В. Иванов отметил, что на бурятских онгонах чаще всего встречаются человеческие фигуры с тремя торчащими вверх отростками. По его мнению, отождествление отростков с рогами железной «короны» едва ли возможно, так как на «коронах» только два рога, а на рисунках их три. Он предположил, что отростки действительно изображают шаманский головной убор, но не «корону», увенчанную рогами оленя, а мягкую шапку, украшенную перьями⁵⁹.

Вооруженным фигурам типа 1 близко вырезанное из ровдуги крупное изображение человека, пришитое к верхней парадной части удгейского костюма шамана из с. Джингали на р. Хор. Эта фигура олицетворяла умершего отца шамана, бывшего, судя по атрибутам, также шаманом. На груди у него — две фигуры духов-покровителей, пояс состоит из двух змей, соединенных головами, в каждой руке — по кривому мечу⁶⁰. Поза шамана повторяет позу фигур типа 1 на серебряных сосудах.

Характерная танцующая поза персонажей и их атрибуты в виде сабель позволяют связать содержание рисунков с обрядовыми воинственными танцами хантов, описанными в прошлом столетии. Со слов информатора-очевидца А. М. Кастрен привел одно из таких описаний. По его сведениям, главным торжеством у хантов был осенний праздник, когда народ возвращался с летних промыслов. Праздник начинался вечером и продолжался далеко полночь. Для отправления обрядов все собирались в предназначенной для этого юрте. Когда все были в сборе, «шаман начал шуметь саблями и железными копьями, принесенными еще прежде в юрту и положенными перед идолом, потом каждому из присутствующих, кроме женщин, стоявших за перегородкою, дал в руки саблю и копьё, а сам взял в каждую руку по сабле и стал спиной к идолу. Остальные остяки расположились со своим оружием в ряд, один посредине, другие по сторонам. Потом все они вместе повернулись три раза, с протянутым вверх оружием. Шаман забил друг о дружку своими саблями, потом, по его знаку, все закричали «Хай», причем они кланялись то в одну, то в другую сторону». Танец продолжался около часа, затем оружие сдали шаману и он сложил его на прежнее место. После плясок и представлений шаман опять раздал всем сабли, и танец продолжался⁶¹.

Около середины XIX в. подобный обряд был описан Н. А. Абрамовым⁶². Во втором десятилетии XVIII в. Г. Новицкий глухо упомянул о том же ритуале. Он состоял из жертвоприношения рыбы одному из наиболее почитаемых духов-хозяев Старикю Обскому и священного танца: «снешде, по обычаю своему, вместо благодарения палками машут на воздух»⁶³.

Приведенные сведения позволяют считать фигуры в рогатых «коронах», врезанные на серебряных сосудах, изображениями шаманов. Их частое повторение (по сравнению с другими персонажами) не случайно, если вспомнить, что шаманов считали посредниками между людьми и покровительствующими духами. В мифах сибирских народов шаманы

⁵⁶ А. П. Окладников, 1948, стр. 203—225; М. Р. Залесский, 1955, стр. 284.

⁵⁷ В. И. Анучин, 1914, стр. 36, 67.

⁵⁸ Е. Д. Прокофьева, 1971, рис. 11, 13, 55.

⁵⁹ С. В. Иванов, 1954, стр. 709.

⁶⁰ Там же, стр. 340, рис. 195, 196.

⁶¹ А. М. Кастрен, 1858, стр. 308.

⁶² Н. А. Абрамов, 1857, стр. 343.

⁶³ Г. Новицкий, 1884, стр. 56.

выступали как существа с полузвериной, получеловеческой природой, от действий которых зависит успех в охоте, рыбной ловле и других промыслах, занимавших важное место в хозяйстве угорских племен Западной Сибири и Прикамья.

Обряды эвенков, населяющих Западную Сибирь, помогают понять назначение врезанных рисунков. А. Ф. Анисимов исследовал у них церемонии охотничьей магии, связанной с так называемыми шингкэнами. Шингкэнами могли быть не только звериные шкурки, мордочки, зубы, челюсти, но и лишайники, сучки, камни, имеющие какое-либо сходство с частями тел животных. Представления эвенков о шингкэнах нашли отражение в магическом обряде, называемом шингкэлавун. У енисейских эвенков он совершался шаманом и состоял из двух частей. Первая часть посвящалась походу шамана к духу-хозяину тайги, вторая — очищению охотников. После похода шамана к духу за добычей (шерстинками животных) начиналось зазывание (призывание) зверей. Это зазывание заключалось в красочном охотничьем танце-пантомиме, подражавшем характерным повадкам зверей. Затем среди «тайги», которую имитировали прутья и молодые листовенницы, расставляли фигурки зверей и птиц из бересты. Рядом с лосихами помещали фигурки телят, что символизировало приплод животных. Последняя часть обряда состояла

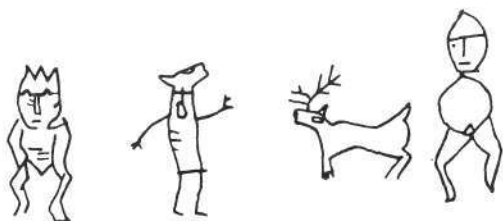

Рис. 29

Фигуры на блюде из Верхнего Прикамья

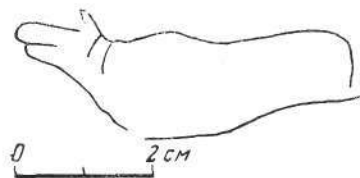
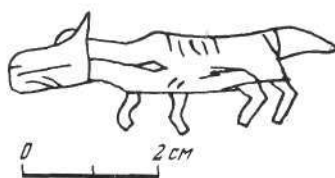

Рис. 30

Фигура «быка» на чаше из дер. Мартынова

в пантомиме коллективной охоты; церемонии очищения, следовавшую за этим, совершал шаман. Смысл шингкэлавуна заключался в стремлении охотников позвать реальных зверей под выстрел или в ловушку.

В обрядах охотничьей магии шингкэны замещали реальных зверей⁶⁴. Представления о шингкэнах были характерны не только для эвенков. Части тела животных выступали в качестве фетишей — источников удачи у всех народов Севера и Сибири⁶⁵, что отвечало определенному этапу в развитии первобытной религии. Соответствие большинства врезанных рисунков представлениям о шингкэнах вытекает из частого сочетания в одних и тех же сценах изображений животных (чаще всего лосей), рыб, птиц и шаманов. Сходны содержание и время обрядов: шингкэлавун — у эвенков и ритуального танца с саблями — у хантов. По данным Г. М. Василевич, у енисейских хантов шингкэлавун совершали перед началом промысла⁶⁶. У хантов жертвоприношение духу-хозяину Старика Обскому, сопровождавшееся ритуальным танцем, происходило в связи с уходом зимы и наступлением весеннего промысла рыбы⁶⁷. Иногда этот обряд приурочивали к возвращению охотников и рыбаков с летних промыслов.

Таким образом, шаманы с саблями и другие антропоморфные фигуры в сочетании с изображениями зверей и птиц на серебряных блюдах были связаны с охотничьей магией населения раннего этапа родановской культуры (IX—XI вв.)⁶⁸.

В этот период еще велика была роль охоты как постоянного источника существования раннеродановского населения Верхнего Прикамья и одновременно ему населения Западной Сибири. Значительное большинство врезанных рисунков на серебряных сосудах оказалось составной частью ритуалов охотничьей магии.

В сценах с ритуальными танцами шаманов особый интерес вызывают мифические птицы с человеческим лицом и распростертыми в стороны крыльями (рис. 20, а; 24, б; 26, а). Если исходить из общего содержания сцен, то они могут быть истолкованы как шаманские души — «харги» — главные исполнители воли шаманов у западносибирских народов. Так,

по представлениям енисейских хантов, мир состоит из трех небес, на каждом из которых есть шаманское дерево; на дереве сидят духи в виде птиц. Если сам шаман не в состоянии достигнуть следующего неба, они поднимаются выше и узнают все нужное шаману⁶⁹. Птицы с человеческими лицами, врезанные на блюдах, носят облик хищных и, по-видимому, изображают орлов, что находит прототипы в медно-бронзовом литье домоватовской культуры Прикамья. По А. В. Шмидту, такая деталь, как головы животных на крыльях, — характерный признак домоватовского времени — VI—VIII вв.⁷⁰ Судя по многим находкам литых птицевидных идолов, орлы и другие хищные птицы в шаманском культе народов Верхнего Прикамья играли большую роль. По верованиям енисейских хантов, орел не только обучил шаманству их первого мифического шамана, но никогда с ним не расставался, оберегая его от врагов и помогая сражаться с ними, а затем вместе с шаманом улетел на небо⁷¹.

С охотничьей магией можно связать сцены на блюде из дер. Керчевая (рис. 35). Иначе трудно объяснить обилие рыб и различных зверей на обеих его сторонах. Не противоречат этому толкованию изображения «ящеров», которых, как говорилось выше, можно отождествить с выдрами.

Отсутствие промысловых зверей на блюдах из дер. Рублево

(рис. 24) и Пашкиных юрт (рис. 37) и изображение на них змей в сочетании с антропоморфными фигурами позволяют говорить об особой символике рисунков. Енисейские ханты считали змею священным животным⁷². По их преданиям, орел, посылаемый шаманом, обращается за советами к змее, которая хранит тайны земли и подземного мира⁷³. Человек, съевший порошок из высушенной змеи, якобы получает дар предвидения. В одной из сказок орел, посланный шаманом, взял с собою змею⁷⁴. Таким образом, по повериям енисейских хантов, змея обладала мудростью, знанием сокровенных тайн, даром ясновидения и была советчицей и спутницей орла — исполнителя воли шамана. Рисунки с фигурами змей на двух блюдах (рис. 24; 37) можно отнести к сценам шаманского камлания.

Антропоморфная фигура на блюде (рис. 33) — вероятное изображение умершего. Это подтверждают его поза (сложенные на животе руки) и атрибут в виде лицевой маски. Такие маски найдены в Верхнем и Среднем Прикамье в могильниках позднемомоватовского и раннеродановского времени⁷⁵.

Изображение четырех птиц на блюде из Ямгортского кладбища (рис. 36) сближается с родовыми знаками (тамгами) рода Тетери. Ю. Б. Симченко установил по тамгам хантов XVII в., что ядро рода Тетери находилось на Лумпуколье и среднем течении Югана, а периферийные роды Тетери — в низовье Назыма и на севере Белогорья, на Казыме, Северной Сосьве и на юге Сосьвинской волости⁷⁶. Специфичность тамг на блюде позволяет предположить, что оно вместе с другими вещами кладбища принадлежало члену рода Тетери, по-видимому, обитавшего здесь уже в XII в. Исполнение на блюде тамг связано с закреплением его в качестве предмета личной собственности.

К космогоническим представлениям местного населения Урала восходят знаки солнца и луны, нанесенные на блюда.

⁶⁹ В. И. Анучин, 1914, стр. 64.

⁷⁰ А. В. Шмидт, 1927, стр. 147.

⁷¹ В. И. Анучин, 1914, стр. 54.

⁷² S. Patkanov, 1897, стр. 133.

⁷³ В. И. Анучин, 1914, стр. 76.

⁷⁴ Там же, стр. 76.

⁷⁵ И. А. Талицкая, 1952, стр. 110; В. А. Оборин, 1953, стр. 165; Он же, 1956а, рис. 1, 85; Он же, 1962, стр. 99; В. Ф. Гелинг, 1964, стр. 101.

⁷⁶ Ю. Б. Симченко, 1965, стр. 173—174 и карта на стр. 170.

⁶⁴ А. Ф. Анисимов, 1958, стр. 22, 27—33.

⁶⁵ Д. К. Зеленин, 1939, стр. 91.

⁶⁶ А. Ф. Анисимов, 1958, стр. 27.

⁶⁷ Г. Новицкий, 1884, стр. 56.

⁶⁸ О выделении раннего этапа родановской культуры см.: В. А. Оборин, 1956б.

Солнце представлено в четырех вариантах: в виде круга (рис. 34), круга с четырьмя тройными пучками лучей (рис. 21, б, 14) или четырьмя двойными пучками лучей (рис. 20, а, 5), многолучевой розетки (рис. 21, а, 11). Луну изображали полукругом (рис. 34), овалом с четырьмя тройными пучками лучей (рис. 21, б, 13), почковидной фигурой с крыльями по бокам (рис. 20, а, 2). В последнем рисунке нас не должна удивлять «усатость» луны, так как в первобытных верованиях многих народов луну отождествляли с мужчиной, а солнце и огонь — с женщиной.

В литературе часто приводятся сведения информаторов и исследователей XIX в. о связи использования серебряной утвари хантами и манси с культом духов Мастера, Оорта и Мир сусне хума⁷⁷.

Работами этнографов конца XIX—начала XX в. установлено, что Мир сусне хум, Мастер и Оорт — один и тот же дух-хозяин, известный под несколькими именами⁷⁸. Изучение эпических преданий, сказок и шаманских песен позволило выявить, что у хантов и манси Мир сусне хум связан с культом солнца⁷⁹, являясь его олицетворением на земле. Применение импортной серебряной утвари (а за неимением серебряной — просто металлических блюд) в культе Мир сусне хума (Мастера, Оорта) объясняется простой ассоциатив-

ванные следы припоя на двух сосудах из Мартыновой говорят о непреднамеренности поломки⁸⁰. Только блюдо с изображением охоты на медведей (рис. 21) дает пример предумышленного удаления поддона: лучи розетки, вырезанной местным охотником внутри круга, пересекают следы припоя.

К вопросу о святилищах

В литературе не раз ставился вопрос об использовании серебряной утвари на древних святилищах Урала. По этнографическим материалам Западной Сибири известно, что святилища хантов, манси, селькупов располагались на холмах, по протокам или урочищам, в лесных рощах, тайге, вблизи от жилищ или далеко от них⁸¹.

Выделение группы сосудов культового назначения и особенности топографии некоторых находок в Верхнем и Среднем Прикамье позволяют поставить вопрос о существовании в тех местах святилищ. О. Н. Бадер исследован Бартымский комплекс из семи находок серебряной утвари, определенный им как святилище. Свой вывод О. Н. Бадер обосновал отсутствием связи сосудов с культурным слоем поселения или с могильником, их разбросанностью и неглубоким зале-

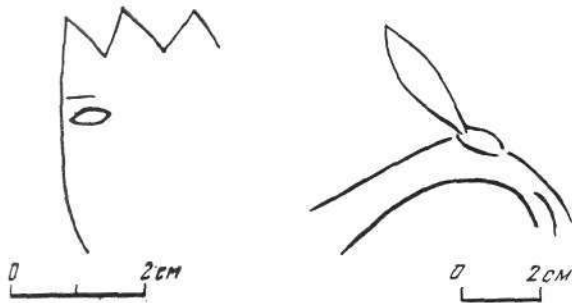

Рис. 31

Голова шамана на блюде из дер. Мартынова

Рис. 32

Голова лося на блюде из дер. Климова

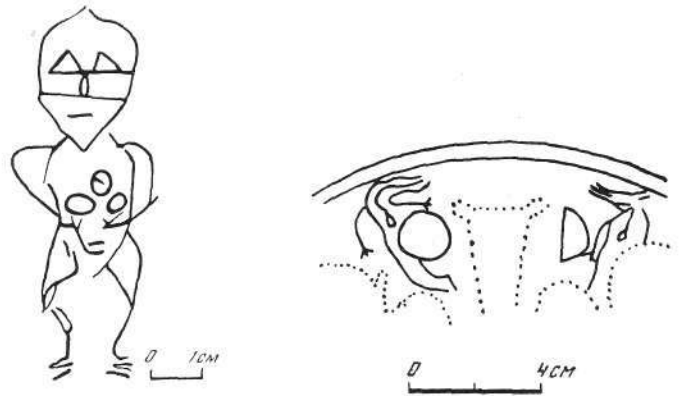

Рис. 33

Антропоморфная фигура на блюде из Верхнего Прикамья (?)

Рис. 34

Рисунки на блюде из Березова

ной связью. Блестящие диски серебряных блюд олицетворяли небесное светило, другими словами самого Мир сусне хума. Следует указать на полиморфность образа Мир сусне хума, в котором сочетались космогонические (олицетворение солнца) и тотемические (изображался в виде гуся) черты и свойства патриархального духа-хозяина (покровителя охотников и властителя дичи). Знаки солнца и луны на блюдах с Верхнего Прикамья, очевидно, посвящались существу (или существам), близкому по значению Мир сусне хуму, и связаны с обрядами промысловой магии.

Разновременные группы рисунков на одном и том же сосуде по содержанию не отличались друг от друга (рис. 20; 21). Причиной многократного использования сосудов была их относительная малочисленность. На бортиках 36 серебряных блюд имеются отверстия для подвешивания при совершении различных обрядов — признак культового использования сосудов.

Если считать установленным, что блюда с врезанными рисунками служили атрибутами шаманского культа, то авторами этих рисунков были, очевидно, сами шаманы. Судя по этнографическим материалам, предметы шаманского ритуала были неприкосновенны для остальных людей.

У некоторых блюд отсутствуют кольцевые поддоны, но нет оснований для утверждения о намеренном их стесывании в древности. Ввиду слабости припоя поддон мог отпасть от блюда при случайном сильном ударе. Четкие незашлифо-

ванным в почве, этнографическими примерами применения серебряной посуды в культовых целях у народов Западной Сибири⁸².

Разведки Г. А. Шокшуева в 1957 г. и наши в 1969 г. позволяют по-новому оценить Бартымский комплекс. Во-первых, Г. А. Шокшуев установил связь одной хорезмийской чаши с культурным слоем древнего селища⁸³, а обследованием 1969 г. это было доказано и для двух других хорезмийских чаш⁸⁴. Во-вторых, селище оказалось не ломоватовским, как полагал О. Н. Бадер, а сылвенской культуры, сменившей ломоватовскую около IX в. В-третьих, Бартымский комплекс сложился не до VII—VIII вв., а не раньше конца VIII в. или, возможно, в IX в., что следует из топографической связи трех хорезмийских чаш VIII в. с Бартымским I селищем сылвенской культуры, вблизи которого найдены еще четыре серебряных сосуда. Датировка подтверждается открытием на противоположном берегу р. Бартым другого обширного селища сылвенской культуры, а также отсутствием в этой местности более ранних поселений.

Поскольку утварь культового назначения ограничена блюдами с врезанными шаманскими рисунками и пробитыми по бортику отверстиями, то привлечение западносибирских этнографических параллелей к другим сосудам будет неправо-

⁷⁷ Н. А. Абрамов, 1857, стр. 340; О. Финш, А. Брэм, 1882, стр. 436—437; Н. Л. Гондатти, 1888, стр. 12—13; К. Ф. Карjalainen, 1922, стр. 67.

⁷⁸ О. Финш, А. Брэм, 1882, стр. 487; К. Ф. Карjalainen, 1922, стр. 185, 189.

⁷⁹ К. Ф. Карjalainen, 1922, стр. 191; А. Kannisto, 1958, стр. 110.

⁸⁰ В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин, 1966, рис. 1, б; 2, б.
⁸¹ Г. Новицкий, 1884, стр. 50—51; В. Ф. Зуев, 1947, стр. 42; Е. Д. Прокофьева, 1952, стр. 99; К. Д. Носилов, 1904, стр. 4; Н. Л. Гондатти, 1888, стр. 7.

⁸² О. Н. Бадер, А. П. Смирнов, 1954, стр. 7, 24.

⁸³ О. Н. Бадер, 1960, стр. 98.

⁸⁴ В. Ю. Лещенко, 19706, стр. 167.

Рис. 35
Блюдо из дер. Керчевая
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

мерным. На всех семи бартымских сосудах нет признаков культового употребления. Поэтому вероятнее, что их использовали как предметы роскоши, в обиходе.

Неожиданным и неповторимым явилось сочетание серебряных сосудов в Бартымском комплексе: трех хорезмийских чаш, византийского блюда, сасанидской чаши, кубка и чаши «бактрийского» круга. Поразительна однородность состава монетного клада, представленного 264 гексограммами Ираклия и Ираклия Константина (между 615—629 гг.). В Прикамье не известно ни одного клада монет I тысячелетия со столь единым по происхождению и хронологии составом. Эта особенность отличает Бартымский клад от Шестаковского монетно-вещевого клада, в котором также имеются гексограммы Ираклия и Ираклия Константина чеканки 615—629 гг. По-ви-

димому, монеты Бартымского клада поступили в Прикамье не раньше конца VIII в.

Необычный состав бартымских находок позволяет предположить, что в район Бартымского I селища осуществили единовременный завоз монет и серебряной утвари, из которой хорезмийские чаши VIII в. самые поздние.

Со святилищем древних коми-пермяков можно связать находки трех серебряных сосудов близ дер. Мартынова в Пермской обл. Назначение всех сосудов культовое; они сосредоточены на небольшом расстоянии друг от друга, что позволяет считать их единым комплексом; на поле, где обнаружены находки, нет культурного слоя. Однако до проведения археологических раскопок высказанное мнение следует рассматривать как предварительное.

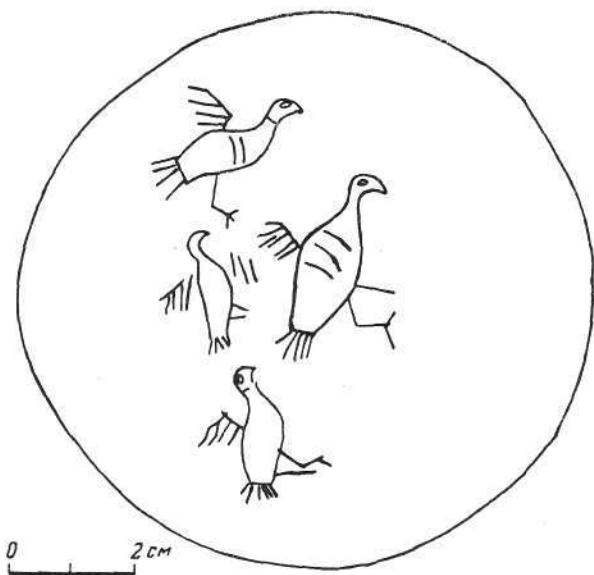

Рис. 36
Блюдце из Ямгортских юрт

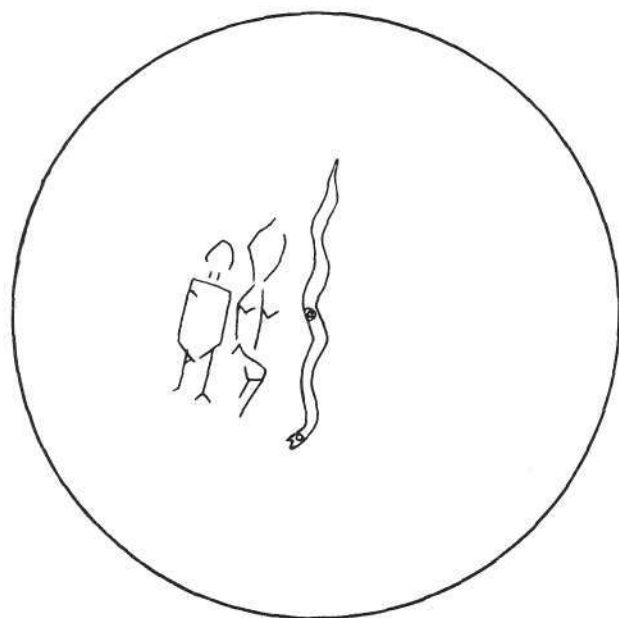

Рис. 37
Блюдо из Пашкиных юрт

Некоторые данные позволяют отнести к святилищу комплекс находок в деревнях Аниковских: пять кладов включают девять серебряных сосудов. Три клада найдены вдоль края террасы левого берега маленькой речки Усть-Шугор — правого притока Вишеры. На той же террасе обнаружено три раннеродаювских селища. Одно из них датируется X в. по вещевому материалу и дирхему Насра ибн-Ахмада (915/6 г.); два других — по типу керамики — IX—XII вв. Два клада найдены на селищах, два других — на расстоянии не более 400 м от них. Точное место одного клада не установлено. На пяти блюдах из аниковских кладов имеются признаки их культового использования. На одном блюде сочетаются пробитые отверстия и шаманские рисунки, на другом имеется петля, три сосуда снабжены отверстиями для подвешивания.

Владельцы кладов

Только в 26 кладах из 71 с точно установленным составом и топографией найдены наряду с серебряными сосудами вещи иного рода. В 16 кладах обнаружены шейные гривны глазовского типа, служившие как мужским⁸⁶, так и женским украшениям.

В Усть-Кишертском кладе комплекс накладок и подвесок поясного набора найден вместе с железными наконечниками стрел, свинцовыми пластинами и бронзовыми слитками различной длины⁸⁶ — сырьем для изготовления украшений. Можно предположить, что клад принадлежал ремесленнику.

Сильное имущественное расслоение, заметное в могильниках позднемоматовского и раннеродаювского времени, позволяет говорить об обогащении членов некоторых патриархальных семей, составлявших верхушку родового общества. Социальный строй племен Урала VIII—X вв. можно охарактеризовать как патриархально-родовой на стадии разложения. В Верхнем Прикамье в раннеродаювское время (IX—XII вв.) образуются сельские общины⁸⁷, основанные на совместном владении пахотными, пастбищными и другими угодьями. Клады серебряной импортной утвари, по-видимому, принадлежали патриархально-родовой верхушке, державшей в своих руках обмен с волжскими булгарами. Клады с сосудами культового назначения можно считать сокровищами шаманов.

Подход ко всей массе импортного серебра как к предметам заведомо культового характера не подтверждается материалом. Группа сосудов культового назначения насчитывает около 40 предметов, представленных в подавляющем большинстве блюдами. Она составляет около 23% всех сосудов из уральских кладов. Всего же на Урале найдено 80 блюд, 40 чаш, 12 кувшинов, 7 небольших кувшинчиков, 3 ковша, 23 кружки и кубка, 6 ведер, 3 светильника.

Разнообразие форм сосудов и их сочетание с разными вещами (в основном украшениями) приводит к выводу, что серебряная утварь использовалась древним населением Урала в качестве предметов роскоши.

Импортное серебро шло на изготовление украшений и различных предметов культового характера. На это обратил внимание еще Ф. А. Теплоухов, которому доставили найденный в Соликамском у. бесформенный кусок серебра весом 25 золотников, а из дер. Безштановой Пермского у. — слиток серебра, силавленный из монет⁸⁸. Лицевые маски-покрытия в ломоватовских и раннеродаювских могильниках и шейные гривны глазовского типа IX—XI вв. были изготовлены из импортного серебра. Об употреблении восточного серебра для производства местных изделий свидетельствуют слитки этого металла в четырех кладах с импортной посудой (Большеаниковском 1909 г., Малошакшерском, Чигиробском, Волгинском) и обломки серебряных сосудов в двух кладах (Томыском, Чигиробском). Из сказанного следует, что количество серебряной утвари, поступившей на Урал в течение шести столетий — с VII по XII в. — было, по-видимому, значительно больше, чем дошло до нас.

Серебряные сосуды неоднократно находили в могильных комплексах Прикамья и Западной Сибири в качестве даров умершим — флакон и чашка с куфическими надписями в Селянинском могильнике сылвенской культуры (табл. 33, 6; 34, 5); чашка с куфической надписью из могильника Барсов городок в Западной Сибири (табл. 36, 8); блюдо, чаша и кружка из могильников VII и VIII вв. в Башкирии (табл. 16, 4)⁸⁹.

⁸⁶ В Кочергинском могильнике гривна глазовского типа найдена на костяке мальчика (боевой топор и железные наконечники стрел). См.: М. В. Галицкий, 1940, табл. V.

⁸⁶ Л. А. Мацулевич, 1940, стр. 145, рис. 4, 5.

⁸⁷ В. А. Оборин, 1961, стр. 58—59.

⁸⁸ Ф. А. Теплоухов, 1895, стр. 275 и примеч. 2.

⁸⁹ Р. Б. Ахмеров, 1970, стр. 162—163, 169.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А. 1857. Описание Березовского края. — Записки РГО, XII. СПб.
- Абу-л-Фазл Бейхаки, 1962. История Масуда (1030—1041). Вступит. статья, перев. и примеч. А. К. Аревдса. Ташкент.
- Авдусин Д. А. 1972. Гнездово и днепровский путь. — Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциковского. М.
- Алексеев Л. В. 1966. Полоцкая земля. М.
- Альбаум Л. И. 1960. Балалык-тепе. Ташкент.
- Альбаум Л. И. 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.
- Амброз А. К. 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, № 2.
- Амброз А. К. 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, № 3.
- Анисимов А. Ф. 1958. Религия эвектов в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.—Л.
- Античные писатели о древней Индии. — ВДИ, 1940, № 2.
- Анучин В. И. 1914. Очерк шаманства у енисейских остяков. — СМАЭ, II, 2.
- Армянская миниатюра. Ереван, 1969.
- Артамонов М. И. 1958. Саркел—Белая Вежа (МИА, № 62).
- Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.
- Археологические известия и заметки, II. М., 1894.
- Арциковский А. В. 1953. Раскопки 1951 г. в Новгороде. — СА, XVIII.
- Азмеров Р. Б. 1955. Могильник близ г. Стерлитамака. — СА, XXII.
- Азмеров Р. Б. 1963. Серебряный кувшин из Башкирии. — СА, № 4.
- Азмеров Р. Б. 1970. Уфимские погребения IV—VII вв. и их место в древней истории Башкирии. — Сб. Древности Башкирии. М.
- Бадер О. Н. 1952. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. — Сб. На Западном Урале. Пермь.
- Бадер О. Н. 1954. Камская археологическая экспедиция. — КСИИМК, 55.
- Бадер О. Н. 1960. Камская археологическая экспедиция в 1957 году. — КСИИМК, 78.
- Бадер О. Н., Смирнов А. П. 1954. «Серебро закавказское» первых веков нашей эры. М.
- Балашова Г. Н. 1972. Глиняный кувшин XII—XIII вв. с эпическими сценами. — Сб. Средняя Азия и Иран. Л.
- Банк А. В. 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М.
- Банк А. В. 1971. Опыт классификации византийских серебряных изделий X—XII вв. — ВВ, 32.
- Бартольд В. В. 1963а. Арабские известия о русах. Соч., т. II, ч. 1. М.
- Бартольд В. В. 1963б. История культурной жизни Туркестана. — Там же.
- Бартольд В. В. 1963в. История Туркестана. — Там же.
- Бартольд В. В. 1963г. Очерк истории Семиречья. — Там же.
- Бартольд В. В. 1963д. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М.
- Бартольд В. В. 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В. 1971а. Историко-географический обзор Ирана. Соч., т. VII. М.
- Бартольд В. В. 1971б. К истории персидского эпоса. — Там же.
- Бартольд В. В. 1971в. Персидская шуубийя и современная наука. — Там же.
- Бартольд В. В. 1971г. Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах и при исламе. — Там же.
- Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М. 1961. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. — КСИА, 86.
- Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. 1914. Эллинистическо-римская культура. СПб.
- Бейлис В. М. 1962. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. — Сб. Ближний и Средний Восток. М.
- Беленицкий А. М. 1948. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании. — СЭ, № 4.
- Беленицкий А. М. 1954а. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пняджикентских храмов). — Сб. Живопись древнего Пянджикента. М.
- Беленицкий А. М. 1954б. Археологические работы в Пянджикенте. — КСИИМК, 55.
- Беленицкий А. М. 1959. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования. — Сб. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.
- Беленицкий А. М. 1960. Новые изображения ритуальных предметов на стеновых росписях древнего Пянджикента. — Труды АН Тадж. ССР, СХХ.
- Беленицкий А. М. 1973. Монументальное искусство Пянджикента. М.
- Беленицкий А. М., Бектович И. Б., Большаков О. Г. 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Беленицкий А., Маршак Б. 1973а. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пянджикента. — СЭ, XXXVI.
- Беленицкий А., Маршак Б. 1973б. Настенные росписи, открытые в Пянджикенте в 1971 году. — СЭ, XXXVII.
- Бектович И. Б. 1964. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.). — МИА, № 124.
- Бернштам А. Н. 1948. Новые эпиграфические находки из Семиречья. — ЭВ, II.
- Бернштам А. Н. 1949. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, XI.
- Бернштам А. Н. 1950. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции (МИА, № 14).
- Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (МИА, № 26).
- Бертельс Е. Э. 1939. Придворная касыда в Иране и ее связь с развитием изобразительного искусства. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л.
- Бертельс Е. Э. 1960. История персидско-таджикской литературы. Избранные труды, т. I. М.
- Бибиков С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (МИА, № 38).
- Бижанов Е. 1967. Археологические памятники юго-восточного Устюрта. Автореф. канд. дисс. Нукус.
- Бируни Абу-р-Райхан, 1957. Избранные произведения, т. I. Ташкент.
- Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед, 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перев. А. М. Беленицкого. Л.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л.
- Богавский В. Л. 1916. Земледельческая религия Афин, т. I. Пг.
- Болдырев А. Н. 1938. Два ширванских поэта Низами и Хакани. — Сб. Памятники эпохи Руставели. Л.
- Большаков О. Г. 1969. Ислам и изобразительное искусство. — ТГЭ, X.

- Борисов А. Я. 1939. Эпиграфические заметки. — ТОВЭ, I.
- Борисов А. Я. 1940. К истолкованию изображений на Биянских оссуариях. — ТОВЭ, II.
- Борисов А. Я. 1948. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. — Известия АН Каз. ССР, серия археологическая, 1.
- Борисов А. Я., Луконин В. Г. 1963. Сасанидские геммы. Л.
- Бортвин Н. Н. 1935. По следам восточных караванов. — Уральский следопыт, № 9, Свердловск.
- Бусятская Н. Н. 1972. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X—XIV вв.). — Вестник МГУ, серия IX, История, 2.
- Быков А. А. 1971. О хазарском чекане VIII—IX вв. — ТГЭ, XII.
- Вайнштейн С. И. 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). — СЭ, № 3.
- Вархотова Д. П. 1964. Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кувы. — СА, № 3.
- Веселовский Н. И. 1910. Гератский бронзовый котелок 559 года гджры (1163 г. по Р. Х.). — МАР, 33.
- Вестберг Ф. 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе. — ЖМНП, н. с., ч. 13, № 2, отд. II.
- Викторова В. Д. 1968. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. — УЗ ПГУ, № 191. (Труды КАЭ, IV).
- Вилинбахов В. В. 1963. Балтийско-Волжский путь. — СА, № 3.
- Вилникова И. Н. 1930. Дождь, вода и растительность на могиле доисламских арабов. — Записки Коллегии востоковедов, V.
- Ворохин Н. Н. 1965. Памятник смоленского искусства XII в. КСИА, 104.
- Ворохина В. Л. 1947. К вопросу об изучении доарабского зодчества в Средней Азии. — Сообщения Института истории и теории архитектуры, 8.
- Ворохина В. Л. 1959. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. — Сб. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.
- Восток, 1924. Литература Ирана X—XV вв. Сборник первый. М.—Л.
- Вошкина А. И. 1953. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) — СА, XVII.
- Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л.
- Гаврилова А. А. 1968. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов. — КСИА, 114.
- Гаркави А. Я. 1870. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.
- Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. — Труды Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, 2.
- Генинг В. Ф. 1964. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. — ВАУ, 6, Свердловск.
- Глушакова Ю. П. 1963. О путешествии игумена Даниила в Палестину. — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М.
- Голубева Л. А. 1964. Огнива с бронзовыми рукоятками. — СА, № 3.
- Голубева Л. А. 1969. Белоозеро и волжские болгары. — Сб. Древности Восточной Европы (МИА, № 169).
- Голубева Л. А. 1973. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.
- Гольдциер И. 1938. Культ святых в исламе. М.
- Гондатти Н. Л. 1888. Следы язычества инородцев Северо-Западной Сибири. М.
- Гордлевский В. А. 1941. Государство сельджукидов Малой Азии. Л.
- Горелик М. В. 1972. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма). — СЭ, № 2.
- Городецкий В. М. 1926. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пашинского уезда. — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, 1. Ташкент.
- Голя Г. 1952. 2000 лет армянского театра, т. 1, 2. М.
- Грач А. Д. 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). — Труды ТКАЭЭ, I.
- Грач А. Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы по материалам исследований 1953—1960 гг. М.
- Григорьев Г. 1937. Тус-Туши. К истории народного узора Востока. — Искусство, № 1.
- Григорьев Г. В. 1946. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. — КСИИМК, XII.
- Грязневич П. 1971. Табаристанские полудрахмы из коллекции Азиатского музея в собрании Эрмитажа. — СГЭ, XXXIII.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, № 48.
- Грязнов М. П. 1959. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. — Сб. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л.
- Грязнов М. П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — Гос. Эрмитаж. Археологический сборник, 3.
- Гудкова А. В. 1963. Некрополь городища Ток-кала. — СЭ, № 6.
- Гудкова А. В. 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Гудкова А. В. 1973. К изучению раннекердерских бус (VII—VIII вв.). — Сб. Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент.
- Гудкова А. В., Лившиц В. А. 1967. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры». — Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, № 1 (27). Нукус.
- Гумилев Л. Н. 1967. Древние тюрки. М.
- Гуревич А. Я. 1966. Походы викингов. М.
- Гуревич Ф. Д. 1963. Стеклопластиковый резной бокал из Новогрудка. — СА, № 2.
- Гуревич Ф. Д. 1968. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — Сб. Славяне и Русь. М.
- Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. 1968. Восточное стекло в древней Руси. Л.
- Давидович Е. А. 1960. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — НЭ, II.
- Дайн Г. 1971. Игрушечная история. — Вокруг света, № 11.
- Данциг Б. М. 1953. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси. — В кн. Очерки по истории русского востоковедения. М.
- Даркевич В. П. 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, вып. Е1-57.
- Даркевич В. П. 1968. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. — Сб. Славяне и Русь. М.
- Даркевич В. П. 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М.
- Даркевич В. П., Маршак Б. И. 1974. О так называемом сирийском блюде из Пермской области. — СА, № 2.
- Даркевич В. П., Черников В. Ф. 1971. Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад). — КСИА, 128.
- Денисов В. П., Лещенко В. Ю. 1969. Работы на севере Пермской области. — АО 1968 г. М.
- Джанполадян Р. М. 1972. О двух армянских тканях из Булгара и Ани. — КСИА, 132.
- Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. 1972. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале. — ЭВ, XXI.
- Дорн Б. А. 1875. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб.
- Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952.
- Дьяконов М. М. 1947а. Бронзовая пластика первых веков Хиджры. — ТОВЭ, IV.
- Дьяконов М. М. 1947б. Об одной ранней арабской надписи. — ЭВ, I.
- Дьяконов М. М. 1951. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. — КСИИМК, 40.
- Дьяконов М. М. 1954. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. — Сб. Живопись древнего Пянджикента. М.
- Дьяконов М. М. 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.—Л.
- Дьяконов И. М., Лившиц В. А. 1960. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М.
- Дьяконова Н. В. 1961. Материалы по культуре и иконографии Центральной Азии домусульманского периода. — ТГЭ, V.
- Дьяконова Н. В. 1969. «Сасанидские» ткани. — ТГЭ, X.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. 1960. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи. — Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. 1967. К вопросу о культуре Наны (Анахиты) в Согде. — СА, № 1.
- Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. 1960. Хотанские древности. Л. Еерпид, 1969. Трагедия, т. 2. М.

- Евтюхова Л. А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, № 24.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. 1940. Чаа-тас у села Копёны. — ТРИМ, XI.
- Евикеева Т. Х. 1969. К вопросу о влиянии ислама на изобразительное искусство средневекового Ирана. — Сообщения Гос. музея искусства народов Востока, II.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону (МИА, № 8).
- Ешевский С. 1860. Пермские древности, находящиеся в Москве, в Лазаревском институте восточных языков. — Пермский сборник, 2. М.
- Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
- Жирмунский В. М. 1960. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.
- Забелина Н. Н., Ремпель Л. И. 1948. Согдийский всадник. Ташкент.
- Залеская В. Н. 1971. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культурных предметов. — Палестинский сборник, 23 (86). Л.
- Залеская В. Н. 1972. Сирийское бронзовое кадило из Ургута. — Сб. Средняя Азия и Иран. Л.
- Залеских М. Р. 1955. Завальские писаницы. — СА, XXIII. Записка о находке близ с. Кудымкорского около дер. Пешнигорта серебряных вещей, 1901. — ЗРАО, н. с., XII, 1-2.
- Заходер Б. Н. 1943. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. — Известия Всеоюзного географического общества, 75, 6.
- Заходер Б. Н. 1955. Из истории волжско-каспийских связей древней Руси. — СВ, № 3.
- Заходер Б. Н. 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв., т. I. М.
- Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М.
- Зеленин Д. К. 1939. Культ онгонов в Сибири. Л.
- Зуев В. Ф. 1947. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М. — Л.
- Зяблин Л. П. 1961. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе.
- Иванов А. А. 1961. О принципах датировки медных и бронзовых изделий Ирана XV—XVIII веков. — ТГЭ, V.
- Иванов А. А. 1967. Иранский медный поднос XIV века. — ЭВ, XVIII.
- Иванов А. 1969. Художественная бронза Ближнего и Среднего Востока (VII—XX вв.). — СГЭ, XXX.
- Иванов А. А. 1970. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время. — КСИА, 122.
- Иванов А. А. 1971. Медные и бронзовые (латунные) изделия Ирана второй половины XIV — первой половины XVIII в. — Автореф. канд. дисс. Л.
- Иванов А. А. 1972. Бронзовый тазик середины XIV в. — Сб. Средняя Азия и Иран. Л.
- Иванов Вячеслав, 1923. Дионис и прадионисийство. Баку.
- Иванов С. В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. — ТИЭ, н. с., 22.
- Иерусалимская А. А. 1967. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, № 2.
- Иерусалимская А. А. 1969. «Челябинская» ткань. — ТГЭ, X.
- Иерусалимская А. А. 1972а. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.
- Иерусалимская А. А. 1972б. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — Сб. Средняя Азия и Иран. Л.
- Иностранцев К. А. 1906. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии. — ЗВОРАО, XVI.
- Иностранцев К. А. 1908. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. — ЗВОРАО, XVIII.
- Иностранцев К. А. 1909. Сасанидские этюды. СПб.
- Иностранцев К. А. 1916. Бронзовый котелок 559 года Хиджры. — ИАК, 60.
- Иностранцев К. А. 1917. К истории домусульманской культуры Средней Азии. — ЗВОРАО, XXIV.
- Кабус-нама. Перев., статья и примечания Е. Э. Бертельса. М., 1953.
- Кагаров Е. Г. 1913. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.
- Канивец В. И. 1962. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале. — Материалы по археологии европейского Северо-Востока, 1. Сыктывкар.
- Караулов Н. А. 1908. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 38. Тифлис.
- Каргер М. К. 1958. Древний Киев, т. I. М. — Л.
- Карпини Джованни дель Пьяно. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
- Кастрен А. М. 1858. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остаках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. — Этнографический сборник, издаваемый РГО, IV. СПб.
- Кашкарлов Д. Н. 1931. Животные Туркестана. Ташкент.
- Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. 1960. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л.
- Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие, вып. 1. — САИ, вып. E1-36.
- Кирпичников А. Н. 1971. Древнерусское оружие, вып. 3. — САИ, вып. E1-36.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кисляков Н. А. 1934. Бурх — горный козел. — СЭ, № 1-2.
- Кляшторный С. Г. 1959. Историко-культурное значение суджидской надписи. — ПВ, № 5.
- Кляшторный С. Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии М.
- Книга Марко Поло. М., 1955.
- Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков.
- Колесникова Л. Г. 1973. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея. — ВВ, 34.
- Комаров К. И. 1974. Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге. — СА, № 3.
- Конрад Н. И. 1966. Запад и Восток. Статьи. М.
- Корзухина Г. Ф. 1954. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л.
- Корзухина Г. Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. — СА, XXII.
- Корзухина Г. Ф. 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торонца. — Скандинавский сборник, VIII. Таллин.
- Костюхин Е. А. 1972. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1905. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. — ИАК, 16.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1906. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. — ИАК, 20.
- Крачковский И. Ю. 1928. Сасанидская чаша в стихах Абу Нуваса. — *Seminarium Kondakovianum*, II. Prague.
- Кропоткин В. В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М.
- Кропоткин В. В. 1968. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. — Сб. Славяне и Русь. М.
- Кропоткин В. В. 1969—1970. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР). — *Acta Archaeologica Carpathica*, XI, 2.
- Кропоткин В. В. 1970. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным. — Сб. Древние славяне и их соседи (МИА, № 176).
- Кропоткин В. В. 1972. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. — Сб. Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Кропоткин В. В. 1973. Караванные пути в Восточной Европе. — Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Крымский А. Е. 1909. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. I. М.
- Кузьмина Е. Е. 1963. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. — СА, № 2.
- Культура и искусство народов Советского Востока. Средняя Азия и Кавказ. Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа. Л., 1963.
- Куник А. 1903. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 2. СПб.
- Кутелов Н. И. 1896. Велюколяжская и царская охота на Руси с X по XVI век, т. I. СПб.
- Кызласов Л. Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — Труды ТКАЭЭ, II. М.
- Кызласов Л. Р. 1969. История Тувы в середине века. М.
- Лазарев В. Н. 1948. История византийской живописи, т. II. М.
- Лазарев В. Н. 1960. Фрески Старой Ладогги. М.
- Латышев В. В. 1899. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужение и сценические древности. СПб.

- Левашева В. П.* 1969. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими. — Сб. Древности Восточной Европы (МИА, № 169).
- Лещенко В. Ю.* 1960. «Китаб ар Рауд ал-Ми'тар» Ибн Абдал-Мун'има ал-Химйари (XV в.) как источник сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе. — ПВ, № 3.
- Лещенко В. Ю.* 1966. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи. — СА, № 2.
- Лещенко В. Ю.* 1970а. Новое византийское блюдо из Верхнего Прикамья. — СГЭ, XXXI.
- Лещенко В. Ю.* 1970б. Работы на реках Чусовой и Сылве. — АО 1969 г. М.
- Лещенко В. Ю.* 1970в. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья. — СА, № 3.
- Лещенко В. Ю.* 1971а. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Канд. дисс. [рукопись в ЛОИА].
- Лещенко В. Ю.* 1971б. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. канд. дисс. Л.
- Лещенко В. Ю., Оборин В. А.* 1966. Новые находки восточного серебра в Прикамье. — СА, № 3.
- Лившиц В. А.* 1970. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — Сб. История, культура, языки народов Востока. М.
- Лившиц В. А., Луконин В. Г.* 1964. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. — ВДИ, № 3.
- Лимонов Ю. А.* 1961. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. — Сб. Международные связи России до XVII века. М.
- Литвинский Б. А.* 1964. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). — Сб. Индия в древности. М.
- Литвинский Б. А.* 1972. О семантике двух изобразительных мотивов памирского «эврийского» стиля. — Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
- Литература Востока в средние века. М., 1970.
- Лихачев Д. С.* 1973. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л.
- Лосев А. Ф.* 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. М.
- Лукиан*, 1915. Сочинения, т. 1. М.
- Лукиан*, 1935. Собрание сочинений, т. 2. М.—Л.
- Луконин В. Г.* 1967. Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ, XVIII.
- Луконин В. Г.* 1969. Культура сасанидского Ирана. М.
- Луконин В. Г., Маршак Б. И.* 1964. Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже. — Тезисы докладов на Юбилейной научной сессии ГЭ (пленарные заседания). Л.
- Лукреций*, 1945. О природе вещей. Ред. латинского текста и перев. Ф. А. Петровского. М.—Л.
- Луягов И. А.* 1968. Сасанидское блюдо из Прикамья. — СА, № 4.
- Лукина С. Б.* 1962. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. — ТЮТАКЭ, XI. Ашхабад.
- Львова Э. А.* 1961. К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы в VIII—X вв. — Исследования по археологии СССР. Л.
- Любомиров П. Г.* 1923. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. — УЗ Саратовского университета, I, 3.
- Ляпунова К. С.* 1940. Изображение Диониса на тканях византийского Египта. — ТОВЭ, III.
- Ляпушкин И. И.* 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) — МИА, № 152.
- Мавроудинов Н.* 1959. Старобългарското изкуство. София.
- Макаренко Н.* 1911. Несколько предметов из собрания графа Г. С. Строганова. — Старые годы, № 10.
- Макарова Т. И.* 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. — Гос. Эрмитаж. Археологический сборник, 4.
- Макарова Т. И.* 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. — САИ, вып. Е1-38.
- Макогелянский А. О.* 1960. Авеста. Баку.
- Мальм В. А.* 1963. Поясные и сбруйные украшения. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Манандян Я. А.* 1954. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.). Ереван.
- Маннай-оол М. Х.* 1963. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. — УЗ ТНИИЯЛИ, X. Кызыл.
- Марков А. К.* 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Маршак Б. И.* 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. — ТГЭ, V.
- Маршак Б. И.* 1971. Согдийское серебро. М.
- Маршак Б. И.* 1972. Бронзовый кувшин из Самарканда. — Сб. Средняя Азия и Иран. Л.
- Маршак Б. И.* 1973. Серебряные сосуды X—XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии. — Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М.
- Маршак Б. И., Крикис Я. К.* 1969. Чилекские чаши. — ТГЭ, X.
- Маршак Б. И., Скалон К. М.* 1972. Перещепинский клад. Л.
- Массон М. Е.* 1951. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — Труды САГУ, XXIII.
- Массон М. Е.* 1956. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-депе. — Известия АН Туркмен. ССР, 5.
- Массон М. Е.* 1971. Львы в составе былой фауны Южного Туркменистана и областей к северу от Амударьи. — Известия АН Туркмен. ССР, серия общественных наук, 2.
- Массон М. Е.* 1972. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана. — Общественные науки в Узбекистане, 7.
- Массон М. Е., Пузаченкова Г. А.* 1950. Гумбез Манаса. М.
- Массон М. Е., Пузаченкова Г. А.* 1959. Парфянские ритоны Нисы. — ТЮТАКЭ, IV.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939.
- Мацулевич Л. А.* 1940. Византийский антик в Прикамье. — МИА, № 1.
- Медведев А. Ф.* 1963. Ближневосточная и золотоордынская керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, № 117.
- Мелиоранский П. М.* 1902. Два серебряных сосуда с египетскими надписями. — ЭВРАО, XIV.
- Мец А.* 1966. Мусульманский Ренессанс. М.
- Мешкерис В. А.* 1962. Терракоты Самаркандского музея. Л.
- Мизикова В.* 1958. Новые поступления с р. Сын (Западная Сибирь). — СГЭ, XIII.
- Минеральные ресурсы зарубежных стран. Вып. 15. Минеральные ресурсы Ирана и Афганистана. М., 1949.
- Минорский В. Ф.* 1963. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.
- Монайт А. Л.* 1961. Рязанская земля. М.
- Музуревич Э. С.* 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига.
- Мухелишвили Л.* 1940. Раскопки в Дманиси. — СА, VI.
- Наршахи Мухаммед*, 1897. История Бухары. Перев. Н. С. Лыкошина. Ташкент.
- Негматов Н. Н.* 1968. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Известия АН Тадж. ССР, отделение общественных наук, 2 (52).
- Негматов Н. Н.* 1973. Раскопки в Северном Таджикистане. — АО 1972 г. М.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М.* 1975. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1974. М.
- Нильсен В. А.* 1966. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент.
- Новицкий Г.* 1884. Краткое описание о народе остяком. 1715. СПб.
- Новосельцев А. П.* 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — Сб. Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Носилов К. Д.* 1904. У вогулов. Черски и наброски. СПб.
- Оборин В. А.* 1953. Рождественское городище и могильник. — УЗ ПГУ, IX, 3.
- Оборин В. А.* 1956а. Памятники родановской культуры у села Таборы. — КСИИМК, 65.
- Оборин В. А.* 1956б. Некоторые проблемы изучения родановской культуры. — УЗ ПГУ, XI, 3.
- Оборин В. А.* 1956в. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье. — Сб. Из истории нашего края. Пермь.
- Оборин В. А.* 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья. — ВАУ, 1. Свердловск.

- Оборин В. А. 1962. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. — ВАУ, 2. Свердловск.
- Оборин В. А. 1964. Камская археологическая экспедиция. — АЭБ, 2. Уфа.
- Оборин В. А. 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа. — Сб. Древности Восточной Европы (МИА, № 169).
- Окладников А. П. 1948. Древнешаманские изображения из Восточной Сибири. — СА, X.
- Олешик А. Н. 1982. Археологические труды, т. II. СПб.
- Омар Хайям, 1972. Рубайат. Перев. Г. Пясецкого. М.
- Орбели И. А. 1938а. Дорожный ковчик XII—XIII вв. — Сб. Памятники эпохи Руставели. Л.
- Орбели И. А. 1938б. Киликийская серебряная чаша конца XII в. — Сб. Памятники эпохи Руставели. Л.
- Орбели И. А., Тревер К. В. 1935. Сасанидский металл. Л. Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Минск, 1972.
- Пашуто В. Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
- Петрушевский И. П. 1966. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л.
- Пигулевская Н. 1951. Византия на путях в Индию (из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.). М.—Л.
- Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. М.
- Покровский Н. В. 1892. Евангелие в памятниках пиктографии преимущественно византийских и русских. — Труды VIII АС в Москве, I. СПб.
- Полубояринова М. Д. 1963. Стеклянная посуда древнего Тулова. — СА, № 4.
- Попов А. И. 1973. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л.
- Потин В. М. 1968. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л.
- Потин В. М. 1970. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.). — Сб. Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л.
- Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
- Поэзия народов СССР IV—XVIII веков. М., 1972.
- Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (род и братрия). — ТИЭ, н. с. 18.
- Прокофьева Е. Д. 1971. Шаманские костюмы народов Сибири. — СМАЭ, XXVII.
- Прокошев Н. А. 1946. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев. — КСИМК, XII.
- Пугаченкова Г. А. 1950. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. — ТИИА, II. Ташкент.
- Пугаченкова Г. А. 1957. Материалы по восточной глиптике. — Труды САГУ. CXI. Археология Средней Азии, IV.
- Пугаченкова Г. А. 1967. Искусство Туркменистана. М.
- Пугаченкова Г. А. 1971. Скульптура Халчаяна. М.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. 1960. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. 1965. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века. М.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971.
- Пшеничнюк А. Х. 1974. Раскопки курганов в верховьях р. Сакмары. — АО 1973 г. М.
- Пыпин А. Н. 1896. Древнерусское паломничество, т. I. СПб.
- Рапович А. Б. 1950. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л.
- Рапопорт Ю. А. 1962а. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г. — СА, № 2.
- Рапопорт Ю. А. 1962б. Хорезмийские асоданы. — СЭ, № 4.
- Рапопорт Ю. А. 1971. Из истории религии древнего Хорезма (оссуари). М.
- Распопова В. И. 1960. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — Труды КАЗЭ, IV. М.
- Распопова В. И. 1965. Наборный пояс Согда VII—VIII вв. — СА, № 4.
- Распопова В. И. 1970. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА, 122.
- Распопова В. И. 1971. Металлообрабатывающее ремесло ранне-средневекового Согда. Автореф. канд. дисс. Л.
- Распопова В. И. 1973. Археологические данные о согдийской торговле. — КСИА, 138.
- Ремпель Л. И. 1957. Некрополь древнего Тараза. — КСИМК, 69.
- Ремпель Л. И. 1969. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема. Ташкент.
- Ремпель Л. И. 1974. Ред.: Б. П. Маршак. Согдийское серебро. — СА, № 2.
- Ригведа. Избранные гимны. М., 1972.
- Рифтин Б. Л. 1960. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.—VIII в. н. э.). — ПВ, № 5.
- Розенберг Ф. А. 1930. Незаданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито. — Записки Коллегии востоковедов, V.
- Ромаскевич А. А. 1939. Изваяния и изображения львов в Иране. — Иранское искусство и археология. III Международная конференция в Ленинграде. М.—Л.
- Ростовцев М. И. 1927. Бог-всадник на юге России, в России, в Индо-Скитии и в Китае. — Seminarium Kondakovianum, I. Prague.
- Руденко С. И. 1961. Искусство Алтая и Передней Азии. М.
- Рунчи А. П. 1971. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. — СА, № 2.
- Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбина Е. А. 1971. Из истории южного импорта в Новгород. — СА, № 1.
- Саади Муширфадин, 1957. Гулистан. М.
- Савельев П. С. 1847. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб.
- Садек Хедаят, 1958. Нейрангистан. Перев. с персидского, предисловие и комментарии Н. А. Кислякова. — Переднеазиатский этнографический сборник, I. М.
- Садокоев Р. Л. 1970. Музыкальная культура древнего Хорезма. М.
- Седов В. В. 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) (МИА, № 92).
- Седов В. В. 1973. Ранние курганы вятичей. — КСИА, 135.
- Семенов А. А. 1956. Ред.: Живопись древнего Пянджикента. — Труды АН Тадж. ССР, XLII.
- Сенигова Т. Н. 1968. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). — Сб. Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Спасет-намэ. Перев. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949.
- Сивов В. И. 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, 28.
- Силченко Ю. Б. 1965. Тамги народов Сибири XVII века. М.
- Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
- Слуцкий С. С. 1889. Семиреченские несторанические надписи. — Древности восточные. Труды Восточной комиссии МАО, I, 1.
- Смирнов А. П. 1946. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея. — ВДИ, № 1.
- Смирнов А. П. 1947. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области. — КСИМК, 14.
- Смирнов А. П. 1951. Волжские булгары. М.
- Смирнов А. П. 1957а. Новая находка восточного серебра в Приуралье. — ТГИМ, XXV.
- Смирнов А. П. 1957б. Железный век Башкирии. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири (МИА, № 58).
- Смирнов А. П. 1958. Армянская колония города Болгара. — МИА, № 61.
- Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. СПб.
- Смирнов Я. И. 1910. О новом издании Императорской археологической комиссии «Восточное серебро». — ЗБОРАО, XIX, IV.
- Смирнова О. И. 1970. Очерки из истории Согда. М.
- Сміленко А. Т. 1965. Глодські скарби. Київ.
- Снесарев Г. П. 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.
- Соколова З. П. 1972. Культ животных в религиях. М.
- Спицын А. А. 1884. Свод летописных известий о Вятском крае. — Календарь Вятской губернии на 1884 год. Вятка.
- Спицын А. А. 1895. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде Вятской губ. — ЗРАО, н. с. VII, 3-4.
- Спицын А. А. 1902. Древности камской чуди из коллекции Теплоуховых. — МАР, 26.
- Спицын А. А. 1905. Белогостицкий клад 1836 г. — ЗОРСА, VII, 1.
- Спицын А. А. 1906. Шаманские изображения. — ЗОРСА, VIII, 1.
- Спицын А. А. 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. — ИАК, 53.
- Ставский Б. Я. 1950. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владетеля. — МИА, № 15.

- Ставиский В. Я.* 1960а. О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (в свете данных советской археологии). — ПВ, № 5.
- Ставиский В. Я.* 1960б. О датировке и происхождении эрмитажной серебряной чаши с изображением венчания царя. — СГЭ, XVII.
- Стасов В. В.* 1905. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа. — ЖМНП, ч. CCCLVII, январь.
- Строганов С. Г.* 1841. О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губ. в 1836 и 1837 гг. — Русский исторический сборник, IV, 2-3.
- Талицкая И. А.* 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА, № 27.
- Талицкая И. А.* 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. — МИА, № 35.
- Талицкий М. В.* 1940. Кочергинский могильник. — МИА, № 1.
- Талицкий М. В.* 1951. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. — МИА, № 22.
- Татищев В. Н.* 1963. История Российской, т. II. М.—Л.
- Татищев В. Н.* 1964. История Российской, т. III. М.—Л.
- Тебенъев М.* 1896. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис.
- Теплоухов Ф. А.* 1895. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. — Пермский край, III. Пермь.
- Теплоухов С. А.* 1929. Опыт классификации древних металлических культур Мипусинского края. — Материалы по этнографии, IV, 2. Л.
- Тереножкин А. И.* 1939. К истории искусства Хорезма. — Искусство, № 2.
- Тереножкин А. И.* 1948. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). — ТИИА, I. Ташкент.
- Тереножкин А. И.* 1950. Согд и Чач. — КСИМК, 33.
- Тизенгаузен В. Г.* 1869. Вятский клад куфических монет. — Древности восточные. Труды Восточной комиссии МАО, II, 1.
- Толстов С. П.* 1938. Монеты шахов древнего Хорезма и древне-хорезмийский алфавит. — ВДИ, № 4.
- Толстов С. П.* 1948а. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П.* 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.
- Толстов С. П.* 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — ТХЭ, II. М.
- Толстов С. П.* 1961. Датированные документы из дворца Тонрак-калы и проблема «эры Шаха» и «эры Канишки». — ПВ, № 1.
- Толстов С. П.* 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С. П., Лившиц В. А.* 1964. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. — СЭ, № 2.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.* 1890. Русские древности в памятниках искусства. III. СПб.
- Томе Т.* 1964. Серебряная чаша с надписью от Преслав. — Известия на Археологический институт, XXVII. София.
- Томе Т.* 1966. За один паралел на чашата на Сивин жупан от Преслав. — Археология, I.
- Тревер К. В.* 1934. Сасанидский Иран в «Шах-наме». — Сб. Фердовси. Л.
- Тревер К. В.* 1937а. Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица. Л.
- Тревер К. В.* 1937б. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.—Л.
- Тревер К. В.* 1939. Художественное значение сасанидских монет. — ТОВЭ, I.
- Тревер К. В.* 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л.
- Тревер К. В.* 1947. Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии. — ТОВЭ, IV.
- Тревер К. В.* 1958. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). — ТГЭ, II.
- Тревер К. В.* 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э.—VII в. н. э.). М.—Л.
- Тревер К. В.* 1960. Новое «сасанидское» блюдо Эрмитажа (из истории культуры народов Средней Азии). — Сб. Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л.
- Тревер К. В.* 1961. Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса. — ТГЭ, V.
- Тревер К. В.* 1969. К вопросу о храмах богини Анахиты в сасанидском Иране. — ТГЭ, X.
- Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* 1950. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент.
- Тренчени-Вальдапфель Имре,* 1959. Мифология. М.
- Уваров А. С.* 1910. Лицевые сосуды. Сборник мелких трудов, т. II. М.
- Успенская А. В., Фелнер М. В.* 1956. Поселения древней Руси. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. ТГИМ, XXXII.
- Фасмер Р. Р.* 1931. Завалипинский клад куфических монет VIII—IX вв. — ИГАИМК, VII, 2.
- Фасмер Р. Р.* 1933. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Известия АН СССР, отделение общественных наук, 6-7.
- Фелнер М. В.* 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — ТГИМ, XXXIII.
- Фелнер М. В.* 1961. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. — Сб. Международные связи России до XVII века. М.
- Фелнер М. В.* 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Фелнер М. В.* 1971. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси. — Сб. История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Фелнер М. В.* 1973. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией. — Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Финш О., Брам А.* 1882. Путешествие в Западную Сибирь. М.
- Фирдоуси,* 1960. Шахнаме, т. 2. М.
- Фирдоуси,* 1969. Шахнаме, т. 4. М.
- Флиттнер Н. Д.* 1939а. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. — ТОВЭ, I.
- Флиттнер Н. Д.* 1939б. Земледельческие культы древней Месопотамии в свете последних раскопок. — ТОВЭ, I.
- Фрай Р.* 1972. Наследие Ирана. М.
- Фрэзер Д.* 1928. Золотая ветвь. Вып. III. Умирающие и воскресающие боги растительности. Л.
- Ханенко Б. Н. и В. И.* 1902. Древности Приднепровья, V. Киев.
- Ханенко Б. Н. и В. И.* 1907. Древности Приднепровья, VI. Киев.
- Хвольсон Д. А.* 1869. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Даста. СПб.
- Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* 1899. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. — МАР, 22.
- Хемкиг Рихард,* 1961. Неведомые земли, т. II. М.
- Хорошкевич А. Л.* 1963. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках. М.
- Цалкин В. И.* 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси (МИА, № 51).
- Цеталин М. Н.* 1964. Средневековый путешественник Вениамин Тудельский. — Страны и народы Востока, III. М.
- Чарнолуцкий В. В.* 1962. «Ящер» пермского звериного стиля. — Сибирский этнографический сборник, IV. М.
- Черепкин А. И.* 1892. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань.
- Чернецов В. Н.* 1947. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. — ТИЭ, в. с., 1.
- Чернецов В. Н.* 1953. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, № 35.
- Чернецов В. Н.* 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, № 58.
- Шантепи де ля Сосей,* 1913. Иллюстрированная история религий, т. II. СПб.
- Шаскольский И. П.* 1970. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — Сб. Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л.
- Шелковников В. А.* 1954. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья. — СА, XXI.
- Шер Я. А.* 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л.
- Шишкин В. А.* 1947. Архитектурная декорация дворца в Варахше. — ТОВЭ, IV.
- Шишкин В. А.* 1963. Варахша. М.
- Шишкин В. А.* 1966. Новые памятники искусства Согда. — Искусство, № 1.
- Шмидт А. В.* 1927. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — СМАЭ, VI.
- Шмидт А. В.* 1933. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. — ПИДО, № 9-10.

- Шапова Ю. Л. 1962. Два сирийских сосуда из Новгорода. — Историко-археологический сборник. М.
- Шапова Ю. Л. 1963а. Стекланные изделия древнего Новгорода. — МИА, № 117.
- Шапова Ю. Л. 1963б. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани. — Сб. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Шапова Ю. Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Шапова Ю. Л. 1974. Стекланные изделия из Старой Рязани. — Археология Рязанской земли. М.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. 1970. Некрополь древнего Мидаккана. Ташкент.
- Якобсон А. Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) (МИА, № 17).
- Якобсон А. Л. 1964. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л.
- Якубовский А. Ю. 1928. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. — ВВ, XXV.
- Якубовский А. Ю. 1932. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. — Материалы по истории народов СССР, 3, ч. I. Л.
- Якубовский А. Ю. 1934. Махмуд Газневи. — Сб. Фердовси. Л.
- Якубовский А. Ю. 1947. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв. — ТОВЭ, IV.
- Якубовский А. Ю. 1951. Древний Пянджикент. — Сб. По следам древних культур. М.
- Якубовский А. Ю. 1954. Хозяйственная жизнь туркмен и караванная торговля Средней Азии с Поволжьем и древней Русью в IX—XI вв. — Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад.
- Янин В. Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
- Янин В. Л. 1973. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, № 3.
- Янина С. А. 1956. Неревский клад куфических монет X века. — МИА, № 55.
- Янина С. А. 1962. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. — МИА, № 111.
- Ястребов В. Н. 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. — МАР, 10.
- Ackerman Ph. 1938a. Some problems of early iconography. — SPA, I.
- Ackerman Ph. 1938b. Sasanian seals. — SPA, I.
- Ackerman Ph. 1938c. Textiles through the sasanian period. — SPA, I.
- Arbman H. 1948. Une route commerciale pendant les X et XI siècles. — SA, I. Poznań.
- Arne T. J. 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Arne T. J. 1925. Les rapports de la Suède avec la Russie et l'Orient au temps des Vikings. — Le Monde Slave, N 5, Paris.
- Arne T. J. 1932. Ein bemerkenswerter Fund in Östergötland. — Acta archaeologica, III, 2. København.
- Arne T. J. 1935. Barsoff Gorodok. Stockholm.
- L'art byzantin — art européen, 1964. Neuvième exposition sous l'égide du Conseil de l'Europe. Athènes.
- Aspelin J. R. 1877. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, 2. Helsinki.
- Die Ausstellung von Meisterwerken Muhammedanischer Kunst in München 1910. II. Herausgegeben von F. Sarre und F. R. Martin. München, 1912.
- Azarpay G. 1969. Nine inscribed Choresmian bowls. — AA, XXXI, 2-3. Ascona.
- Baer E. 1965. Sphinxes and harpies in medieval islamic art. An iconographical study. Jerusalem.
- Bahrami M. 1952. A gold medal in the Freer gallery of art. — Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. N. Y.
- Baltrušaitis J. 1955. Le Moyen Age fantastique. Paris.
- Barrett D. 1949. Islamic metalwork in the British museum. London.
- Bauer N. Lingots d'argent à inscriptions chinoises [отд. оттиск].
- Belenitsky A. M. 1968. Central Asia. — Archaeologia Mundi series. N. Y.
- Benda K. 1963. Stříbrný terč se socolnicem ze Starého Mesta u Uherského Hradiště. — Památky archeologické, LIV, 1.
- Benda K. 1965. Současný stav studia zlatých nádob ze Sannicola Mare (Nagyszentmiklós). — Slovenská archeológia, XIII, 2.
- Benda K. 1966. Mittelalterlicher Schmuck. Praha.
- Berchem M. van. 1909. Inscriptions mobilières arabes en Russie. — Journal Asiatique, 10-e série, XIV, 3.
- Berchem M. van., Strzygowski J. 1910. Amida. Heidelberg—Paris.
- Brutskus J. 1943. Trade with eastern Europe, 800—1200. — The economic history review, XIII, 1-2. London.
- Burchard Brentjes. Die Söhne Ismaels. Geschichte und Kultur der Araber. Leipzig.
- Bureš J. 1964. Islamská ornamentika ze Scalice. — Sbornik filozofickej fakulty Univerzity Komenského. «Musaica», XV (IV) Bratislava.
- Coche de la Ferté E. 1958. L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre. Paris.
- Cruikshank Dodd E. 1961. Byzantine silver stamps. Washington.
- Czapkiewicz M., Kmietowicz F. 1960. Skarb monet arabskich z okolic Drohiczyzna nad Bugiem. Kraków.
- Czapkiewicz A., Lewicki T., Nosek S., Opozda-Czapkiewicz M. 1957. Skarb dirhemów arabskich z Czechowa. Warszawa—Wrocław.
- Dalton O. M. 1964. The treasure of the Oxus, with other examples of early oriental metalwork. London.
- Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris.
- David-Weill J. 1948. Cinq aiguères de bronze archaïques: unité de l'art musulman. — Semetica, I. Paris.
- Day F. E. 1952. The Tiraz Silk of Marwan. — Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. N. Y.
- Dekówna M. 1971. Stan badań nad górnictwem srebra i tzw. kryzysem srebra w Azji Środkowej. — Archeologia Polski, XVI, 1-2.
- Delvoye Ch. 1967. L'art byzantin. Paris.
- Dienes I. 1972. The Hungarians cross the Carpathians. Budapest.
- Diez E. 1915. Die Kunst der islamischer Völker. München.
- Dimand M. S. 1937. Studies in islamic ornament. Some aspects of Omayyad and early Abbasid ornament. — AIsl, IV.
- Dimand M. S. 1941. A review of sasanian and islamic metalwork in «A Survey of Persian Art». — AIsl, VIII.
- Dimand M. S. 1947. A handbook of muhammadan art. N. Y.
- Early christian and byzantine art, an exhibition held at the Baltimore museum of Art. Baltimore, 1947.
- Erdélyi István, 1961. Ujabb adatok a tarsolylemezek stílusának elterjedéséhez Kelet-Európában. — Archaeologiai Értesítő, 88, 1. Budapest.
- Erdmann K. 1936. Die sasanidischen Jagdschalen. — Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, 57. Berlin.
- Erdmann K. 1937. Sasanidische Kunst. Berlin.
- Erdmann K. 1938. Eine unbekannte sasanidische Jagdschale. — Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, LIX, 4.
- Erdmann K. 1951. Die Entwicklung der sasanidischen Krone. — AIsl, XV—XVI.
- Erdmann K. 1954. Arabische Schriftzeichen als Ornamente in der abendländischen Kunst des Mittelalters. Wiesbaden.
- Erdmann K. 1969. Die Kunst Irans zur Zeit der Sasaniden. Mainz.
- Ettinghausen R. 1940. «Six thousand years of Persian Art», the exhibition of iranian art. New York, 1940. — AIsl, VII, 1.
- Ettinghausen R. 1942. Painting in the Fatimid period: a reconstruction. — AIsl, IX.
- Ettinghausen R. 1955. Interaction and intergration in Islamic art. — Unity and variety in Muslim civilization. Chicago.
- Ettinghausen R. 1957. The «Wade Cup» in the Cleveland museum of art. Its origin and decorations. — Ars Orientalis, II.
- Ettinghausen R. 1967—1968. A persian treasure. — Arts in Virginia. The Virginia museum, VIII, 1-2.
- Fajans S. 1957. Recent russian literature on newly found middle eastern vessels. — Ars Orientalis, II.
- Falke O. 1936. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin.
- Farmer H. G. 1966. Musikgeschichte in Bildern. III, 2. Islam. Leipzig.
- Ghirshman R. 1953. Notes iraniennes. V. Scènes de banquet sur l'argenterie sasanide. — AA, XVI, 1-2.
- Ghirshman R. 1957. Argenterie d'un seigneur sasanide. — Ars Orientalis, II.
- Ghirshman R. 1958. Anneaux destinés à tendre la corde de l'arc. — Syria, XXXV, 1-2.
- Ghirshman R. 1959. Notes iraniennes. IX. Une coupe sasanide à scène de chasse, de la collection M. Foroughi. — AA, XXII, 1-2.
- Ghirshman R. 1962. Iran. Parthen und Sasaniden. München.
- Ghirshman R. 1963. Notes iraniennes. XIII. Trois épées sasanides. — AA, XXVI, 3-4.
- Godard A. 1962. L'art de l'Iran. Paris.
- Grabar A. 1958. Ampoules de Terre Sainte. Paris.

- Grohmann A. 1959. Die Bronzeschale M. 388—1911 im Victoria and Albert Museum. — Aus der Welt der islamischen Kunst. Berlin.
- Grünwedel A. 1912. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Berlin.
- Grünwedel A. 1920a. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin—Leipzig.
- Grünwedel A. 1920b. Alt Kutscha. Berlin.
- Gruppe O. F. 1906. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, 2. München.
- Guest G. D., Ettinghausen R. 1961. The iconography of a Kashan luster plate. — *Ars Orientalis*, IV.
- Gyllensvärd B. 1957. T'ang gold and silver. Stockholm.
- Gyllensvärd B. 1963. Östasiatiska museet. Stockholm.
- Hackin J. 1938. Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan. — *Révue des Arts Asiatiques*, XII, 1. Paris.
- Hamilton R. W. 1947. Plaster balustrades from Khirbat al Mafjar. — *The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine*, XIII, 1-2. London.
- Hampel J. 1905. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III. Braunschweig.
- Harari R. 1939. The art of metalwork. Metalwork after the early islamic period. — *SPA*, III.
- Haskins J. F. 1952. Northern origins of «sasanian» metalwork. — *AA*, XV, 3-4.
- Heikel A. 1894. Antiquités de la Sibirie Occidentale. — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 6. Helsingfors.
- Henning W. B. 1965. The Choresmian documents. — *AM*, XI, 2.
- Herzfeld E. 1920. Am Tor von Asien. Berlin.
- Herzfeld E. 1923. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Die Ausgrabungen von Samarra, I. Berlin.
- Herzfeld E. 1927. Die Malereien von Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra, III. Berlin.
- Herzfeld E. 1932. Die Inschriften der Silbergefäße. — *AMI*, IV.
- Ingholt H. 1957. Candharan art in Pakistan. N. Y.
- James E. O. 1959. The cult of the Mother-Goddess. London.
- Jerphanion G. 1939. Un nouvel encensoir syrien et la série des objets similaires. — *Mélanges syriens offerts à Monsieur René Dussaud*, I. Paris.
- Kannisto A. 1958. Materialen zur Mythologie der Wogulen. Helsinki.
- Karjalainen K. F. 1922. Die Religion der Jugra-Völker. 2. Helsinki.
- Karpp H. 1966. Die frühchristlichen und mittelalterlichen Mosaiken in Santa Maria Maggiore zu Rom. Baden-Baden.
- Kiersnowski R. 1960. Pieniądz krzyżowy w Polsce wczesno-średniowiecznej. Warszawa.
- Klanica Z. 1970. Velkomoravský gombík. — *Archeologické rozhledy*, XXII.
- Kmietowicz F. 1968. Drogi napływu srebra arabskiego na południowe wybrzeża Bałtyku i przynależność etniczna jego nosicieli. — *Wiadomości numizmatyczne*, XII, 2 (44).
- Kubiak W. 1958. Skarb monet kufickich z Antopola na Polesiu a szlak wodny prypecko-byżański. — *Vznik a počátky slovanu*, II. Praha.
- Kühnel E. 1956. Die Kunst Persiens unter den Buyiden. — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 106, 1. Wiesbaden.
- Kurz O. 1954. Bégram et l'Occident gréco-romain. — *MDAFA*, XI. Paris.
- Lamm C. 1944. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of lustre-painting. Stockholm.
- László G. 1970. Steppesvolken en hun Kunst. Budapest.
- Le Coq A. von, 1925. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin.
- Lenzen V. F. 1960. The triumph of Dionysos on textiles of late antique Egypt. Los Angeles.
- Leroy J. 1964. Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris.
- Lewicki T. 1938. Węgry i muzułmanie węgierscy w świetle relacji podróżnika arabskiego z XII w. Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati'ego. — *Rocznik Orientalistyczny*, XIII. Lwów.
- Lewicki T. 1949—1950. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich. — *SA*, II, 2. Poznań.
- Lewicki T. 1952. Ze studiów nad źródłami arabskimi. — *SA*, III. Poznań.
- Lewicki T. 1956. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, I. Wrocław—Kraków.
- Lewicki T. 1958. Źródła arabskie i hebrajskie do dziejów słowian w okresie wczesnego średniowiecza. — *Studia źródłoznawcze*, III. Poznań.
- Lewicki T. 1961. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. — *SA*, VIII. Poznań.
- Lewicki T. 1969. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, 2. Wrocław — Warszawa — Kraków.
- Lukonin V. G. 1967. Persia, II. — *Archaeologia Mundi*. Geneva.
- Marçais G. 1962. L'art musulman. Paris.
- Matzulewitsch L. 1929. Byzantinische Antike. Berlin—Leipzig.
- Mavrodinov N. 1943. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós. — *Archaeologia Hungarica*, XXIX. Budapest.
- Mesnil du Buisson R. 1970. Le mythe oriental des deux Geants du jour et de la nuit. — *Iranica Antiqua*, VI—VIII. Leiden.
- Migeon G. 1907. Manuel d'art musulman, II. Arts plastiques et industriels. Paris.
- Migeon G. 1927. Manuel d'art musulman, I. Paris.
- Miles G. C. 1964. Byzantium and the Arabs: relations in Crete and the Aegean Area. — *Dumbarton Oaks Papers*, 18. Washington.
- Orbeli J. 1938. Sasanian and early islamic metalwork. — *SPA*, I.
- Oxenstierna E. 1959. Så levde vikingarna. Stockholm.
- Pathanov S. 1897. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I. SPb.
- Peck E. H. 1969. The representation of costumes in the reliefs of Taq-i-Bustan. — *AA*, XXXI, 2-3.
- Picard Ch. 1955. La lampe alexandrine de P'ong Tuk (Siam). — *AA*, XVIII, 2.
- Pope A. 1945. Masterpieces of Persian art. N. Y.
- Porada E. 1970. Of Deer, Bells and Pomegranates. — *Iranica Antiqua*, VI—VIII. Leiden.
- Posta B. 1905. Archaeologische Studien auf Russischen Boden. I. Budapest—Leipzig.
- Reuther O. 1938. Sasanian architecture. — *SPA*, I.
- Rice D. S. 1952. Studies in islamic metalwork. — *BSOAS*, XIV, 3.
- Rice D. S. 1954. The labors of the months in islamic art. — *Ars Orientalis*, I.
- Rice D. S. 1955. Studies in islamic metalwork. — *BSOAS*, XVII, 2.
- Rice D. S. 1958. Studies in islamic metalwork. — *BSOAS*, XXI, 2.
- Ringbom L. J. 1957. Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita. — *Acta Academiae Aboensis Humaniora*, XXIII, 2. Abo.
- Roes A. 1938. L'animal au signe solaire. — *Revue archéologique*, 6-e série, XII.
- Rostkoff M. 1933. Some new aspects of iranian art. — *Seminarium Kondakovianum*, VI. Praha.
- Rydbeck M. 1965. Efterdyningar till Europarädställningarna i Aten. — *Fornvännen*, 60. Stockholm.
- Sarre F. 1923. Die Kunst des alten Persien. Berlin.
- Sarre F. 1934. Die Bronzekanne des Kalifen Marwan II im Arabischen Museum in Kairo. — *AIsl*, I, 1.
- Sarre F., Herzfeld E. 1910. Iranische Felsreliefs. Berlin.
- Sauvaget J. 1940. Remarques sur les monuments Omejjades. II. Argenteries «Sasanides». — *Mélanges asiatiques (Journal asiatique)*, 232, 1. Paris.
- Sauvaget J. 1951. Une représentation de la citadelle Seljoukide de Merv. — *AIsl*, XV—XVI.
- Schlumberger D. 1939. Les fouilles de Qasr el-Heir el-Gharbi (1936—1938). — *Syria*, XX, 3-4. Paris.
- Schlumberger D. 1952. Le palais Ghaznévide de Lashkari Bazar. — *Syria*, XXIX, 3-4. Paris.
- Skubiszewski P. 1965. Czara wrocławska. Poznań.
- Sokolowski M. 1888. Trzy zabytki dalekiego wschodu na naszych ziemiach. — *Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce*, III. SPA, IV, 1938.
- SPA, V, 1938.
- SPA, VI, 1938.
- SPA, IX, 1939.
- Stattler E. 1966. Kontakty handlowe ludności wczesnopolskiej z krajami arabskimi we wczesnym średniowieczu (IX—XI w.). — *SA*, XIII.
- Stchoukine I. 1936. La peinture iranienne sous les derniers Abbāsides et les il-Khāns. Bruges.
- Stein A. 1907. Ancient Khotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan, 2. Oxford.
- Stenberger M. 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, II. Lund.
- Stenberger M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, I. Stockholm.

- Strelkov A.* 1938. Iran und Preislamic Art of West Turkistan. — SPA, I.
- Strzygowski J.* 1899. Der Bilderkreis des griechischen Physiologus des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch. — Byzantinisches Archiv, 2. Leipzig.
- Strzygowski J.* 1917. Altai-Iran und Völkerwanderung. Leipzig.
- Svoboda B.* 1953. Poklad byzantského kovoterce v Zemianském Vrbovku. — Památky archeologické, XLIV, 1.
- Svoboda B.* 1972. Neuerworbene römische Metallgefäße aus Stráže bei Piešťany. Bratislava.
- Sztuka polska*, 1971, 1. Warszawa.
- Talbot Rice D.* 1970. Eastern and western elements in the decoration of the Troyes casket. — Старинар, XX, 1969.
- Talbot Rice T.* 1961 The Seljuks in Asia Minor. London.
- Taq-i-Bustan.* The Institute of oriental culture the University of Tokyo, 1. 1969; 2. 1972. Tokyo.
- Treuer C.* 1934. Terracottas from Afrasiab. Moscow-Leningrad.
- Villette J.* 1957. La Résurrection du Christ dans l'art chrétien du II-e au VII-e siècle. Paris.
- Volbach W. F.* 1954. Frühchristliche and byzantinische Kleinkunst. Mainz.
- Walker J.* 1941. A Catalogue of the Arab-Sasanian Coins. London.
- Weitzmann K.* 1943. Three «Bactrian» silver vessels with illustrations from Euripides. — Art bulletin, 25, 4.
- Wikander S.* 1946. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund.
- Wilkinson Ch.* 1970. Christian remains from Nishapur. — Forschungen zur Kunst Asiens im Memoriam Kurt Erdmann. Istanbul.
- Williams C. A. S.* 1960. Encyclopedia of chinese symbolism and art motives. N. Y.
- Zak J.* 1969. Wczesnofeudalna Skandynawia. Wrocław—Warszawa—Kraków.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
АС	— Археологический съезд	САИ	— Свод археологических источников
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии	СВ	— Советское востоковедение
ВАУ	— Вопросы археологии Урала	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ВВ	— Византийский временник	СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
ВДИ	— Вестник древней истории	СЭ	— Советская этнография
ГИМ	— Государственный исторический музей	ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ГЭ	— Государственный Эрмитаж	ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ЖМНИП	— Журнал Министерства народного просвещения	ТИИА	— Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества	ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии	ТКАЭЭ	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ИАК	— Известия Археологической комиссии	ТХЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры	ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменстанской археологической комплексной экспедиции
КАЭ	— Камская археологическая экспедиция	УЗ ПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция	УЗ ТНИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	ЭВ	— Эпиграфика Востока
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР	АА	— Artibus Asiae
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР	АIsl	— Ars Islamica
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России	АМ	— Asia Major
МАО	— Московское археологическое общество	АМl	— Archaeologische Mitteilungen aus Iran
МАР	— Материалы по археологии России	Die Ausstellung, II	— Die Ausstellung von Meisterwerken muchammedanischer Kunst in München, 1910, II. München, 1912.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	BSOAS	— Bulletin of the School of oriental and african studies, University of London.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика	MDAFA	— Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии	SA	— Slavia Antiqua
ПВ	— Проблемы востоковедения	SPA	— A Survey of Persian Art. Ed. A. U. Pope. London and N. Y., 1938—1939.
ПВЛ	— Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950.		
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ		
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей		
РГО	— Русское географическое общество		
СА	— Советская археология		

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	
КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ	62
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ВРЕМЯ, ПУТИ И ПРИЧИНЫ ПОСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИМПОРТА	143
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
О НЕКОТОРЫХ ГРУППАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРЕВ- ТИКИ IX—X вв. (К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЯХ В ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ)	167
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО СЕРЕБРА НА УРАЛЕ. В. Ю. Леценко	176
ЛИТЕРАТУРА	189
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	198

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ ДАРКЕВИЧ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ ВОСТОКА

Утверждено к печати
Ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом археологии
АН СССР

Редактор
Н. И. Сергиевская

Художник
Н. А. Седелников

Художественный редактор
В. Н. Тихунов

Технический редактор
Л. И. Куприянова

Корректор
Л. В. Письман

Сдано в набор 15/XII 1975 г.
Подписано к печати 17/IV 1976 г.
Формат 60×90^{1/8}
Бумага для глубокой печати
Усл. печ. л. 25. Уч. изд. л. 30,7
Тираж 1800. Т-06045
Тип. зак. 833

Цена 2 р. 57 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСН, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства
«Наука»
199034 Ленинград, В-34,
9-я линия, 12